

ПРИКЛАДНАЯ ЭТНОЛОГИЯ ЧУКОТКИ:

НАРОДНЫЕ ЗНАНИЯ, МУЗЕИ,
КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

К 125-летию поездки Н. Л. Гондatti
на Чукотский полуостров в 1895 году

Николай Львович Гондатти, 1860–1946 (фото около 1882 г.)

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Северо-Восточный комплексный
научно-исследовательский институт им. Н.А. Шило
Дальневосточного отделения Российской академии наук
Музейный Центр «Наследие Чукотки»

North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute n. a. N.A. Shilo,
Far East Branch, Russian Academy of Sciences
“Chukotka Heritage” Museum Center

ПРИКЛАДНАЯ ЭТНОЛОГИЯ ЧУКОТКИ:
НАРОДНЫЕ ЗНАНИЯ, МУЗЕИ, КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

(К 125-летию поездки Н.Л. Гондатти
на Чукотский полуостров в 1895 году)

APPLIED ETHNOLOGY IN CHUKOTKA:
INDIGENOUS KNOWLEDGE,
MUSEUMS, CULTURAL HERITAGE
(Celebrating 125th Anniversary of N.L. Gondatti's
1895 Trip to the Chukchi Peninsula)

Москва, 2020
Moscow, 2020

УДК 39 (571.651)
ББК 63.52 (251.1)
П 75

Под редакцией к. и. н. **О.П. Коломиец**, д. б. н. **И.И. Крупника**

Составитель д. б. н. **И.И. Крупник**

Рецензенты: к. и. н. **М.М. Бронштейн**, к. и. н. **Л.Н. Хаховская**.

Монография утверждена к печати Ученым советом СВКНИИ ДВО РАН,
протокол № 5 (825) от 14.07.2020 г.

Печатается при финансовой поддержке Музейного центра «Наследие Чукотки», Анадырь.

Прикладная этнология Чукотки: народные знания, музеи, культурное наследие (К 125-летию поездки Н.Л. Гондатти на Чукотский полуостров в 1895 году): коллективная монография / Рос. акад. наук, Дальневост. отд-ние, Сев.-Вост. комплекс. НИИ; [отв. ред. О.П. Коломиец, И.И. Крупник]. – М.: Изд-во PressPass, 2020. – 468 с.

ISBN 978-5-6044362-7-1

Посвящается памяти пионера этнографического изучения Чукотки, второго начальника Анадырской округа Н.Л. Гондатти. Это первое издание, в котором оценивается научное наследие Гондатти, его вклад в развитие прикладных этнографических знаний и связь «традиции Гондатти» с современными работами на Северо-Востоке России. Впервые дана развернутая оценка научного вклада Гондатти на основании его публикаций, неизвестного архивного наследия и современного состояния науки о Чукотке. Вводятся новые материалы по народным экологическим знаниям, сохранению национальных языков, музейным коллекциям и другим источникам. Оценивается роль Гондатти в становлении «общинного» (локального) подхода в изучении этнографии, природопользования, народных традиций и природных ресурсов края.

Для этнографов, историков, специалистов в области культурного наследия и широкого круга читателей, интересующихся историей и современной жизнью народов Чукотки.

Ключевые слова: прикладная этнология, народные знания, культурное наследие, Н.Л. Гондатти.

Applied ethnology in Chukotka: indigenous knowledge, museums, cultural heritage (Celebrating 125th Anniversary of N.L. Gondatti's Trip to the Chukchi Peninsula in 1895): Edited volume / Russian Academy of Sciences, Far East Branch, North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute / eds. O.P. Kolomiets and I.I. Krupnik. – M.: PressPass. 2020. – 468 p.

The volume is dedicated to the memory of Nikolai L. Gondatti, a pioneer in scholarly studies of Chukotka Indigenous people, also the chief administrator of the Anadyr District in 1894–1897. It offers the first-ever assessment of Gondatti's legacy, his contribution to applied ethnological research in Chukotka, and the connection between “Gondatti's tradition” and contemporary ethnological studies in northeastern Russia. Gondatti's contribution is examined based on his early publications, unpublished documentary records, and modern scholarship. Volume chapters offer new data on indigenous ecological knowledge, status of endangered aboriginal languages, and relevant museum and archival collections. Special attention is given to Gondatti's role as a pioneer of ‘community’ approach to studying ethnohistory, subsistence, cultural traditions, and natural resources of Chukotka.

The book target audience includes cultural anthropologists (ethnographers), historians, culture heritage specialists, and general readers interested in history and today's life of Chukotka Indigenous people.

Keywords: Applied ethnology, Indigenous knowledge, Cultural heritage, Nikolai Gondatti.

© СВКНИИ ДВО РАН, 2020

© Музейный Центр «Наследие Чукотки», 2020

© Изд-во PressPass, 2020

ISBN 978-5-6044362-7-1

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	9
<i>И.И. Крупник</i>	
К истокам «прикладной этнологии» Чукотки (вместо Предисловия)	11
<i>И.И. Крупник, О.П. Коломиец</i>	
Часть 1. НАРОДНЫЕ ЗНАНИЯ	33
Годовой хозяйственный цикл ваежских оленеводов в 1984–1986 гг.: ретроспективный взгляд	35
<i>В.Н. Нувано</i>	
Зверобой Чукотки – наблюдатели природы	58
<i>Н.И. Мыррин</i>	
«Наконец-то я дома»: возвращение в родной Аккани	74
<i>О.Е. Яценко</i>	
Языковая адаптация на примере эскимосов-юпик с. Новое Чаплино, 1998–2018 гг. (выбор языка и языковое переключение)	95
<i>Д.Н. Моргунова-Швальбе</i>	
Родной язык и дети Чукотки	120
<i>В.Г. Леонова</i>	
«Уважаемый товарищ Капитан»: переписка капитана Л.М. Вотрогова с охотниками Чукотки (1975–1982 гг.)	131
<i>Е.С. Богословская</i>	
Использование народных знаний коренных жителей Чукотки полярными гидрографами в интересах региона	151
<i>И.Я. Кобленц</i>	
Часть 2. МУЗЕИ И КОЛЛЕКЦИИ	163
Мир вещей чукотской оленеводческой культуры в повседневной жизни и в музейных коллекциях Чукотки	165
<i>О.П. Коломиец, В.Н. Нувано, Н.И. Вуквукай, Е.А. Церковникова</i>	
История формирования этнографической коллекции Чукотского окружного краеведческого музея (Музейного Центра «Наследие Чукотки»)	187
<i>О.Б. Расторгуева</i>	
Чукотский архив Н.Л. Гондатти 1895–1897 гг. как историко-этнографический источник	204
<i>О.П. Коломиец, О.Б. Расторгуева, И.И. Романова</i>	

Часть 3. НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОБЩИНЫ И КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ	245
Источники по истории села Марково середины – конца XIX в. .... <i>Е.А. Церковникова</i>	247
Первые коренные жители Анадыря (по описи Н.Л.Гондатти 1896 г.) ..... <i>И.И. Крупник</i>	269
Топонимические «легенды»: бухта Провидения, бухта Эмма и бухта Пlover <i>И.А. Загребин</i>	281
Аватмит: история коренных жителей района бухты Провидения ..... <i>И.И. Крупник</i>	299
Кнуд Расмуссен на Чукотке: двухдневное путешествие в составе Пятой экспедиции Туле (1924 г.) ..... <i>С.Ю. Шокарев</i>	327
«Воспоминания о Нунаке»: Дежневский массив в конце XX в. (по полевым записям 1981 г.) ..... <i>М.А. Членов</i>	348
<i>Увъялельыт</i> – социальная организация общины Уэлена в 1920–1930-е гг. .... <i>Н.И. Вуквукай, В.К. Итевтегина (Вэк’эт), И.И. Крупник</i>	370
Часть 4. «ЗОЛОТОЙ ФОНД» ЧУКОТКИ	403
Айнана: История народа в XX в. через судьбу одного человека ..... <i>Д.А. Опарин</i>	405
Вэк’эт (Валентина Итевтегина) ..... <i>Н.И. Вуквукай</i>	421
Памяти друга Чукотки: Майкл Краусс – «дядя Миша» (1934–2019) ..... <i>И.И. Крупник</i>	430
Тексты на языках эскимосов Чукотки в записи Е.С. Рубцовой ..... <i>И.И. Крупник</i>	439
Возвращаясь к «традиции Гондатти» (эпилог) ..... <i>О.П. Коломиец, И.И. Крупник</i>	444
Сведения об авторах	460
Прикладная этнология Чукотки: народные знания, музеи, культурное наследие (к 125-летию поездки Н.Л. Гондатти на Чукотский полуостров в 1895 г.)	464

TABLE OF CONTENTS

Editor’s Foreword	9
<i>I.I. Krupnik</i>	
The Beginning of Applied Ethnology in Chukotka (Introduction) ..... <i>I.I. Krupnik, O.P. Kolomiets</i>	11
Part 1. INDIGENOUS AND LOCAL KNOWLEDGE	33
Annual Economic Cycle of Vaegi Chukchi Reindeer-Herders in 1984–1986 (A Retrospection) ..... <i>V.N. Nuvano</i>	35
Chukotka Sea-Mammal Hunters as Observers of Nature ..... <i>N.I. Mymrin</i>	58
“Home at Last”: Return to Our Native Akkani ..... <i>O.E. Yashchenko</i>	74
Language Adaptation of the Yupik Eskimo People in New Chaplino, 1998–2018: Language Choice and Language Switching ..... <i>D.N. Morgounova-Schwalbe</i>	95
Native Languages and the Children of Chukotka ..... <i>V.G. Leonova</i>	120
“Dear Comrade Captain” – Capt. Leonard Votrogov’s Correspondence with Native Hunters of Chukotka (1975–1982) ..... <i>E.S. Bogoslovskaya</i>	131
Indigenous Knowledge and Its Use by Polar Hydrographers in the Interest of the Region ..... <i>I.Ya. Koblentz</i>	151
Part 2. MUSEUMS AND COLLECTIONS	163
Objects of Reindeer Chukchi Culture in Everyday Life and in Museum Collections in Chukotka ..... <i>O.P. Kolomiets, V.N. Nuvano, N.I. Vukvukai and E.A. Tserkovnikova</i>	165
A History of Ethnographic Collections of the Chukotka Regional Museum (“Chukotka Heritage” Museum Center) ..... <i>O.B. Rastorgueva</i>	187
Nikolai Gondatti’s Chukotka Diaries as Historical and Ethnographic Sources ..... <i>O.P. Kolomiets, O.B. Rastorgueva, I.I. Romanova</i>	204

Part 3. LOCAL COMMUNITIES AND CULTURAL HERITAGE	245
Sources on the History of Markovo Village in the mid – and late 19 th Century	247
<i>E.A. Tserkovnikova</i>	
First Native Residents of Anadyr (according to N.L. Gondatti’s census of 1896)	269
<i>I.I. Krupnik</i>	
Place Name “Legends”: Provideniya Bay, Emma Harbor and Plover Bay	281
<i>I.A. Zagrebin</i>	
Avatmiit: History of the Native Residents of the Provideniya Bay Area	299
<i>I.I. Krupnik</i>	
Knud Rasmussen in Chukotka: A Two-day Journey during the Fifth Thule Expedition (1924)	327
<i>S.Yu. Shokarev</i>	
“Memories of Nunak”: Dezhnev Headland in the late 20 th Century (From the 1981 Fieldnotes)	348
<i>M.A. Chlenov</i>	
<i>Uwellet</i> – Social Organization of the Uelen Chukchi Community in the 1920s and 1930s	370
<i>N.I. Vukvukai, V.K. Itevtgina (Vekèt), I.I. Krupnik</i>	
Part 4. CHUKOTKA “GOLDEN FUND”	403
Ainana: The History of a Nation Through a Biography	405
<i>D.A. Oparin</i>	
Vekèt (Valentina Itevtgina)	421
<i>N.I. Vukvukai</i>	
In Memory of a Friend of Chukotka: Michael Krauss, “Uncle Misha”, 1934–2019	430
<i>I.I. Krupnik</i>	
“Texts in the Yupik Languages of Chukotka, as Recorded by E.S. Rubtsova” (2019)	439
<i>I.I. Krupnik</i>	
Revisiting Gondatti (An Epilog)	444
<i>O.P. Kolomiets, I. Krupnik</i>	
Volume Contributors	460
Applied Ethnology in Chukotka Indigenous Knowledge, Museums, Community Heritage (Celebrating 125 th Anniversary of Nikolai L. Gondatti’s 1895 Trip to Chukchi Peninsula)	467

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Эта книга, включающая научные статьи, эссе и документальные материалы, посвящена памяти пионера этнографического изучения Чукотки, второго начальника Анадырской округи Николая Львовича Гондатти (1860–1946). Ее авторы – этнографы, историки, музейные работники, специалисты по культурному наследию, родным языкам и национальным традициям коренных народов Севера. Всех их объединяют давние связи с Чукоткой и огромная любовь к истории, природе и культуре края. Мы видели свою задачу в том, чтобы вернуть имя Гондатти на Чукотку, наряду с пионерами в изучении народов региона В.Г. Богоразом и А.Е. Дьячковым. Наша работа – первое коллективное научное издание, которое оценивает наследие Гондатти, его вклад в развитие прикладных этнографических знаний и связь с современными исследованиями на Северо-Востоке России.

Наша книга выходит к юбилею, который еще не попал в праздничные календари Чукотки – 125-летию обследования края, предпринятого Н.Л. Гондатти в 1895 г. В ходе своей 8-месячной поездки из с. Марково на Чукотский полуостров он проехал через устье р. Анадырь, бухту Провидения и мыс Чаплина, вплоть до с. Уэлен на арктическом побережье. Поэтому тематика книги в значительной степени повторяет интересы самого Гондатти и основные направления исследований, с которыми связано его научное наследие. Это – народные экологические знания, хозяйственная деятельность и культурные традиции народов Чукотки (Часть 1). Он был неутомимым собирателем музейных этнографических коллекций и прекрасным, вдумчивым документалистом. Поэтому мы включили материалы о музейных ресурсах Чукотки и архивном наследии самого Н.Л. Гондатти (Часть 2). Гондатти был также пионером локального («общинного») подхода в изучении культур и истории коренных жителей края (Часть 3). Мы смогли представить в книге все главные географические пункты на его маршруте 1895 г. («из села Марково... в бухту Провидения»), который привел Гондатти к Берингову проливу и Чукотскому морю.

Заключительная часть книги посвящена «золотому фонду» наследия Чукотки (Часть 4). В ней собраны статьи о хранителях национальной культуры и людях, которые внесли важный вклад в сохранение знаний о языках, фольклоре и истории края. В Эпиллоге прослежена сложная история развития этнографических исследований на Чукотке и возрождение интереса к насле-

дию Гондатти с подъемом современных работ по «прикладной этнологии» на Северо-Востоке.

Работа над книгой была совместным проектом двух научных коллективов Чукотки – Лаборатории истории и экономики (СВКНИИ ДВО РАН) и Музейного Центра «Наследие Чукотки», а также группы российских и зарубежных авторов из Анадыря, Providения, Москвы, Санкт-Петербурга, Вятки, Копенгагена и Вашингтона. Публикация стала возможной благодаря поддержке Музейного Центра «Наследие Чукотки». Мы благодарны директору Музейного Центра О.Б. Расторгуевой, нашим рецензентам – М.М. Бронштейну (Государственный музей Востока, Москва) и Л.Н. Хаховской (СВКНИИ ДВО РАН, Магадан), а также редактору Т.А. Фокас, В.Н. Осетровой и редактору иллюстраций Е.С. Богословской. Большое спасибо всем, кто участвовал в нашей работе!

И.И. Крупник

К ИСТОКАМ «ПРИКЛАДНОЙ ЭТНОЛОГИИ» ЧУКОТКИ (вместо Предисловия)

Крупник И.И., Коломиец О.П.

125 лет назад, весной 1895 г. небольшой отряд во главе с начальником Анадырской округи Николаем Львовичем Гондатти отправился на собачьих упряжках в длительное путешествие на Чукотский полуостров¹. Их путь из с. Марково лежал сначала к устью р. Анадырь, в недавно созданный пост Ново-Мариинский (будущий город Анадырь), который основал предшественник Гондатти Л.Ф. Гриневецкий (1853–1891, см. статью Церковниковой; фото 1, 2, 3). Оттуда упряжки отряда Гондатти двинулись по берегу Берингова моря – сначала на северо-восток к заливу Креста, а потом вдоль южного побережья Чукотского полуострова, к расположенному на мысе Чаплина эскимосскому селению Ун’азик’ (впоследствии известному как Чаплино, или Старое Чаплино).

Затем Н.Л. Гондатти продолжил свою поездку до самого большого селения приморских чукчей, с. Уэлен, на берегу Чукотского моря. Вся поездка, с обратным возвращением в Ново-Мариинский пост, заняла около 8 месяцев. Часть материалов, собранных в ходе поездки, были опубликованы в серии статей, написанных самим Гондатти или другими авторами по его материалам (Миллер, 1897; Богораз, 1901); наиболее полный отчет содержится в статье «Поездка из с. Маркова на р. Анадыре в бухту Providения (Берингов пролив)» (Гондатти, 1898).

Но главным итогом поездки Гондатти, как считают авторы и редакторы этой книги, стало фундаментальное изменение подхода к описанию Чукотки и ее коренных жителей. Линия развития наших знаний идет от первых упоминаний об обитателях Чукотки в «отписках» казаков к все более подробным сведениям в материалах морских экспедиций конца XVIII – первой половины XIX в., отчетах натуралистов, донесениях приезжих мор-

¹Отряд Гондатти, выехавший из Маркова 13 марта (ст. с.) 1895 г., состоял всего из пяти человек – самого Гондатти, сопровождавшего его марковского казака, чукчу-переводчика и двух анадырских чукчей-каюров. По пути из Ново-Мариинского поста к м. Чаплина они периодически нанимали местных проводников (Гондатти, 1898: 3–4).

Фото 1. Первый начальник Анадырской округи, врач Гриневецкий (крайний справа) с чиновниками Дмитриевым, Павловым и казаками, июль 1889 г. (фото А.А. Бунге). Источник: Альбом..., 1889. НВ-18/280

Фото 2. Закладка первого дома на посту Ново-Мариинский, июль 1889 г. (фото А.А. Бунге). Источник: Альбом..., 1889. ЧОКМ-8139/665

Фото 3. «Чукотская юрта и вяление юколы» на м. Александра, июль 1889 г. (фото А.А. Бунге). Источник: Альбом..., 1889. НВ-18/280

ских офицеров и чиновников, полярных путешественников, китобоев и промышленников. Все это можно считать «ранними источниками», прологом к тому, что станет потом наукой о жителях края, их культурах и социальных отношениях и в конце XIX в. будет называться этнографией (этнологией) и смежными дисциплинами, а в XXI в. превратится в новое направление – «прикладная этнология». Статьи и материалы, собранные в монографии, отражают развитие прикладной этнологии на Чукотке за последние десятилетия и тематику современных исследований, в особенности в области народных знаний, традиций, родных языков и культурного наследия региона.

ПОЧЕМУ ИМЕННО ГОНДАТТИ?

Принято считать, что у начала профессиональной этнографии на Чукотке стоял Владимир Германович Богораз (1865–1936), один из основоположников российской североведческой науки. Его жизнь и деятельность хорошо известны, и работы Богораза, в особенности его трехтомный труд «Чукчи», по праву являются классикой² (фото 4). Но Богораз в своих ис-

²О жизни и научном наследии Богораза (со списком основных источников) см. Вахтин, 2005; Михайлова, 2004; Крупник, 2008; Krupnik, 2017; Vakhtin, 2016. Полную библиографию публикаций В.Г. Богораза см. Колонтеева, 1991.

Фото 4. В.Г. Богораз со своими проводниками на Колыме во время Сибиряковской экспедиции, 1895 г. (Американский музей естественной истории, № 22402)

следованиях Чукотки шел по пути, проложенному его предшественниками – как российскими (Г.А. Сарычев, Ф.П. Врангель, А.-Э. Кибер, Г.Л. Майдель, А. Аргентов), так и иностранными (Дж. Кук, У. Долл, братья Краузе, Э. Нельсон). Среди современников Богораза, работавших в те же годы на Чукотке, особое место занимает Николай Львович Гондатти (1860–1946), начальник Анадырской округи, т. е. чиновник на государственной службе, но вместе с тем – образованный ученый-натуралист, этнограф, к тому времени опытный исследователь, в прошлом секретарь Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ).

Н.Л. Гондатти – царского чиновника, белого эмигранта, закончившего жизнь в Китае, редко вспоминали в советскую эпоху. Формально его никогда не «запрещали»; его статьи порой цитировались в научных публикациях, а его деятельность в качестве одного из первых администраторов края кратко освещалась в сводках по истории Чукотки (Вдовин, 1965; Очерки..., 1974; История..., 1989). Но первая популярная биография Гондатти вышла только в 1997 г. (Дубинина, 1997), а научные статьи, посвященные его де-

ятельности, в основном в качестве генерал-губернатора Приамурского края (1911–1917), стали появляться лишь в 2000-е гг.³ Для современного поколения читателей на Чукотке имя Гондатти остается практически неизвестным.

Тем не менее судьбы и пути Богораза и Гондатти часто пересекались. Во время работы Джесуповской экспедиции в 1900–1901 гг. Богораз во многом повторил маршрут поездки Гондатти на Чукотский полуостров весной 1895 г., чей 125-летний юбилей стал стимулом этой книги. Богораз полемизировал с Гондатти в своих сочинениях, обрабатывал собранные Гондатти этнографические коллекции (Богораз, 1901) и критиковал, порой жестко и не всегда справедливо, его данные. Два этих исследователя, столь разные по своей философии и жизненному пути, встретились на Анюйской ярмарке на севере Чукотки весной 1896 г. (Сирина, 2005; Сирина, Шинковой, 2005). Полученные Гондатти сведения о численности коренных жителей Чукотки, их расселении по береговым поселкам и группам оленеводов вошли во всеобщую перепись населения Российской империи 1897 г., для которой Богораз работал переписчиком среди западных чукчей в Колымском крае. Поэтому для того, чтобы понять начало этнографической науки о Чукотке, нам необходимо оценить роль в этом Н.Л. Гондатти и особенно – значение его поездки на Чукотский полуостров в 1895 г.

ЖИЗНЬ И СУДЬБА НИКОЛАЯ ГОНДАТТИ

Н.Л. Гондатти родился 21 ноября 1860 г. в Москве, в семье итальянца-скульптора и русской дворянки из Тулы. Он получил прекрасное образование – окончил с золотой медалью Нижегородский Александровский институт, затем с отличием физико-математический факультет (естественно-историческое отделение) Московского университета.

У Гондатти была насыщенная студенческая жизнь – он интересовался как естественными, так и гуманитарными науками, но особенно любил археологию, антропологию и этнографию. Усмотрев в молодом студенте разносторонние таланты, университетские преподаватели стали привлекать его к участию в исследовательских обществах, научных экспедициях. В 1883 г. 23-летний Гондатти был избран на должность секретаря антропологического отдела ОЛЕАЭ, которую занимал до 1889 г. Параллельно

³Наиболее полный список публикаций о жизни и деятельности Н.Л. Гондатти – см. Гондатти (Википедия, б. г.); Ляпустин, 2013. Трехлетний период пребывания Гондатти на Чукотке в 1894–1897 гг. освещен только в короткой главе в монографии Дубининой (Дубинина, 1997: 13–28), и опубликованной через 10 лет отдельной статье (Дубинина, 2007а), в которой описаны его рукописные материалы (см. подробнее статью Коломиец и др.).

в 1884 г. он стал членом Русского общества акклиматизации животных и растений. В 1885 г. Гондатти был избран действительным членом Комитета шелководства Московского общества сельского хозяйства, а затем членом-корреспондентом Тамбовского медицинского общества. В том же году он участвовал в подготовке экспозиций нового Музея прикладных знаний в Москве (будущий Политехнический музей) и затем отправился на средства ОЛЕАЭ в Пермскую губернию и северо-западную Сибирь для антропологических и этнографических исследований и сбора коллекций для музея, характеризовавших местную промышленность и домашний быт населения (Сунгуров, 2016).

После окончания университета Гондатти продолжил исследовательскую деятельность, много путешествовал по Европе, Азии, Америке, выполняя задания различных научных обществ. Благодаря своей работоспособности, прекрасным человеческим

качествам он стал известен как способный преподаватель и талантливый молодой ученый (Дубинина, 1997: 13).

В 1893 г. генерал-губернатор Приамурского края С.М. Духовский предложил Гондатти на два года стать начальником Анадырской округи, самой удаленной административной единицы Российской империи. Так началась блестящая карьера Гондатти-чиновника и администратора (фото 5). После трех лет пребывания на Чукотке в 1897 г. Гондатти вернулся в Хабаровск, затем в Москву.

После женитьбы на М.М. Стравинской Гондатти решил вернуться на Дальний Восток и несколько лет занимал должность старшего чиновника особых поручений при Приамурском генерал-губернаторе. Весной 1902 г. он был назначен управля-

Фото 5. Н.Л. Гондатти, чиновник царской администрации. Фото примерно 1915 г. Источник: Иркипедия RU. – URL: http://irkipedia.ru/content/gondatti_n_l_ocherk_zhizni (дата обращения 18.05.2020)

ющим канцелярией Иркутского генерал-губернатора. После нескольких лет службы в Иркутске он стал Тобольским губернатором (1906–1908 гг.), затем Томским губернатором (1908–1910 гг.).

Гондатти был убежденным сторонником П.А. Столыпина и поддерживал его идею планомерного переселения крестьян из европейских губерний России в Сибирь и на Дальний Восток, обеспечения людей землей, создания условий для развития товарного хозяйства, дальнейшего освоения территорий и увеличения плотности населения на российских окраинах. Революционные события 1905 г. потрясли Н.Л. Гондатти. Как и П.А. Столыпин, он считал, что реализация реформаторских планов возможна лишь в условиях политической стабильности, поэтому к проявлению оппозиционных настроений относился с опаской. Волнения среди матросов Владивостока в 1906 г. произвели на него сильное впечатление⁴. После этого Н.Л. Гондатти стал противником революционных выступлений, выступал за их предотвращение либо подавление силой (Скипина, 2018: 53).

Личные качества губернаторов часто оказывали влияние на положение дел на вверенных им территориях. Так, относительное спокойствие в Тобольской губернии в 1906–1908 гг. связывали с губернаторством Н.Л. Гондатти, при котором она была одной из наиболее благополучных в Империи. При этом Гондатти стремился избежать массовых репрессий (Гермизеева, 2015: 48). Неудивительно, что газета «Сибирская жизнь» в октябре 1908 г. характеризовала его как умного, образованного и тактичного человека, который за время пребывания на посту тобольского губернатора всегда помогал людям «в пределах, доступных современному администратору». хорошие воспоминания о Гондатти остались также в Томской губернии. В знак его заслуг он был удостоен звания почетного гражданина города Томска.

В 1910 г. Гондатти был назначен начальником межведомственной Амурской экспедиции и главным редактором серии ее Трудов, выходящих в 1911–1913 гг. (всего вышло 18 выпусков – Демьяненко, Дятлова, 2010). Вскоре он получил назначение на пост генерал-губернатора Приамурского края и прослужил в этой должности в Хабаровске до весны 1917 г. Главной своей задачей генерал-губернатор Гондатти, первый гражданский чинов-

⁴9 января 1906 г., в годовщину «кровавого воскресенья» января 1905 г. матросы команды Владивостокского гарнизона взломали оружейный склад, достали ружья и патроны и направились к коменданту крепости с требованием освободить арестованных товарищей. В стычке с ними был ранен генерал А.Н. Селиванов. Только вооруженным солдатам, вместе с прибывшим в город пополнением, удалось прекратить волнения.

ник в череде кадровых военных на этом посту, считал утверждение «русского влияния» в регионе путем увеличения числа переселенцев из Европейской России. Он содействовал завершению строительства Амурской железной дороги, сооружению первого железнодорожного моста через р. Амур (Ремнев, 2004; Дубинина, 2015).

Февральская революция 1917 г. полностью изменила жизнь Гондатти. Комитет общественной безопасности, сформированный новыми властями в Хабаровске, вынес постановление об его аресте. Гондатти арестовали, но вскоре освободили из-за отсутствия состава преступления. 17 мая 1917 г. он написал прошение об отставке, которое было удовлетворено. Он вернулся в Иркутск, где прожил около года, а в октябре 1918 г., потеряв надежду на скорое падение большевиков, эмигрировал с семьей в г. Харбин в северном Китае (Скипина, 2018).

В Харбине Н.Л. Гондатти стал работать в должности начальника земельного отдела Китайской Восточной железной дороги (КВЖД). При его участии был учрежден и успешно функционировал Харбинский политехнический институт. Играя активную роль в помощи эмигрантам и студенческой молодежи, Гондатти категорически отказывался принимать участие в белом движении и политической жизни эмиграции (Дубинина, 2015).

В 1924–1925 гг. правительство СССР подписало договор с китайской администрацией о переходе КВЖД в совместное владение двух государств. Гондатти был сразу уволен из КВЖД. Последующие годы его жизни были наполнены душевными страданиями, заботой о куске хлеба и преследованиями, которые он переносил с достоинством человека высокого духа (Дубинина, 2015: 5).

Н.Л. Гондатти умер 5 апреля 1946 г., через 8 месяцев после вступления Советской Армии в Харбин, и был похоронен на русском Успенском кладбище. Он был обладателем большого количества различных наград, титулов и званий (Сунгуров, 2016), но умер в начале следующей эпохи, в которой ему было еще труднее найти свое место и заслуженное уважение.

ПОЕЗДКА НА ЧУКОТСКИЙ ПОЛУОСТРОВ

Гондатти прибыл на Чукотку в конце лета 1894 г. (Дубинина, 1997: 16) и достаточно быстро перебрался в свою административную штаб-квартиру в с. Марково (фото 6, 7). Как только установился санный путь, он начал выезжать в окрестные оленеводческие стойбища и поселки вдоль долины Анадыря. С тех пор, судя по его дневникам, он находился в постоянном движе-

Фото 6. Сцена из жизни в с. Марково. Фото из коллекции В.Г. Богораза, зима 1900/01 г. (Американский музей естественной истории, № 4104)

Фото 7. Улица в с. Марково (фото из коллекции В.Г. Богораза, зима 1900/01 г.) (Американский музей естественной истории, № 4102)

нии. Поездка на Чукотский полуостров в 1895 г. была первым большим обследованием вверенного ему края. Известно, что зимой 1896 г. он совершил вторую большую поездку, побывав на Анюйской ярмарке в долине р. Малый Анюй (к западу от современного г. Билибино), т. е. проделал путь более 1000 км в обе стороны.

Такие длительные поездки требовали долгой подготовки (см. Гондатти, 1898: 2–4). В поездку на Чукотский полуостров он выехал из Марково 11 марта 1895 г. с небольшим отрядом на четырех собачьих упряжках и уже 17 марта прибыл в Ново-Мариинский пост в устье Анадыря (все даты по старому стилю). Здесь ему пришлось задержаться почти на целый месяц из-за длительной пурги (Гондатти, 1898: 4). На западном берегу залива Креста, в 550 км от Ново-Мариинска, отряд взял нового проводника и начал свой путь вдоль южного побережья Чукотского полуострова, через поселки приморских чукчей и затем азиатских эскимосов.

Гондатти специально подчеркнул в своем отчете (Гондатти, 1898: 8), что он описал по заранее составленной им программе жителей *каждого* населенного пункта по своему маршруту. Его программа включала девять пунктов (разделов): название поселка; его географическое местоположение; расстояние от определенного места; состав населения; удобства жизни (климатические условия, обеспечение топливом и пресной водой и т. п.); прежнее и настоящее состояние морских и охотничьих промыслов; положение оленеводства; голодовки, эпидемии и эпизоотии на памяти местных жителей; торговые связи. Гондатти сумел напечатать только один такой «переписной» отчет 1895 г. по пос. Уэлен, который он развернул в самостоятельную статью на 17 стр., по сути – первый опыт монографического описания аборигенного поселения на Чукотском полуострове (Гондатти, 1898: Приложение I, с. I–XVII). Сохранились ли другие сделанные им описания поселков, остается неизвестным.

5 мая, проехав в общей сложности около 1350 км, отряд Гондатти прибыл в Уныин (Ун’азик’, Чаплино) – самый большой аборигенный поселок на Чукотке на м. Чаплина. Здесь, в главном культурном центре азиатских эскимосов, на перекрестке их связей с американскими китобоями и жителями о. Св. Лаврентия, Гондатти провел 4 дня и решил, не задерживаясь, двинуться далее на север к Уэлену, чтобы описать селения эскимосов и чукчей на азиатской стороне Берингова пролива. Этот последний отрезок своего маршрута длиной еще около 900 км в обе стороны он прошел только с переводчиком и чукчей-каюром, двигаясь по ночам на двух нартах с самыми сильными собаками. Гондатти сумел достичь Уэлена и вернуться в Уныин / Ун’азик’ к вечеру 22 мая, разумно распределив время на обследование каждого поселка на своем маршруте. Единственный пункт, который ему не удалось посетить, был о. Ратманова в Беринговом проливе, поскольку лед в проливе уже тронулся

(Гондатти, 1898: 17), но он собрал сведения о двух поселках на острове в Наукане или Уэлене.

Очевидно, что Гондатти вел очень тщательные записи во время своей поездки, которые он суммировал уже в Уныине / Ун’азик’е в июне 1895 г. (Гондатти, 1897в; Миллер, 1897). По его оценке, с момента отъезда из Маркова он лично посетил 38 «лагерей» (стойбищ) оленных чукчей с общим населением 487 чел. и 42 поселка приморских чукчей и эскимосов с общим населением более 2 тыс. чел. Кроме того, в Уэлене он собрал сведения о 29 поселках приморских чукчей вдоль северного побережья Чукотки и оценил их общую численность в 1152 чел. (Гондатти, 1898: 26). Дневников Гондатти за время поездки 1895 г. нет в коллекции его рукописных материалов, переданной Н.А. Жихаревым в Музейный центр «Наследие Чукотки» (см. статью Коломиец и др.), и их судьба не известна.

После возвращения из Уэлена Гондатти провел в Уныине / Ун’азик’е 2 месяца и направился оттуда 22 июля на русском пароходе «Триумф» назад к устью Анадыря. Проведенное время он посвятил сбору материалов о торговых отношениях местных жителей с американскими китобоями, влиянии китобойного промысла на хозяйство коренных жителей, а также попыткам наладить местное административное управление, привлекая для этого старейшин (Гондатти, 1898). Это был чрезвычайно продуктивный период для знакомства с местным населением, экономикой и ресурсами Чукотского полуострова.

24 июля Гондатти вернулся на пароходе в Ново-Мариинский пост, где собрал дополнительные сведения о весенних и летних промыслах в Марково и по долине Анадыря (Гондатти, 1898: 40–42). Он оставался в Ново-Мариинске еще три с половиной месяца и смог вернуться в Марково только после установления санного пути в ноябре 1895 г. По пути он вновь объезжал стойбища оленных чукчей и места торговых встреч («ярмарок») коренных жителей. Всего он провел в своем первом большом путешествии более 8 месяцев.

ЧТО ЗНАЛ ГОНДАТТИ О ЧУКОТКЕ

Материалы, собранные Гондатти в ходе поездки 1895 г., были обширны и представляли огромную ценность для науки. Известно, что он сделал несколько докладов, в том числе для широкой публики, по итогам своего 3-летнего пребывания на Чукотке (Дубинина, 1997: 29). За свой вклад в развитие знаний о Северо-Востоке он был награжден большой золотой медалью имени академика Бэра Российской Академии наук (в 1898 г.) и зо-

лотой медалью Русского географического общества (в 1899 г.) (Дубинина, 1997: 27). Обширные этнографические коллекции Гондатти составили основу собраний по Чукотке в Музее антропологии и этнографии в Санкт-Петербурге (более 1000 предметов – Богораз, 1901), в музее Гродекова в Хабаровске и впоследствии в Музее антропологии в Мюнхене (Rousselot, 2002). В 1898 г. он послал на свои средства 4 ящика с коллекциями по Чукотке (около 300 предметов) в дар Министерству образования Франции; в настоящее время они хранятся в Musée de l'Homme в Париже (Beffa, Delaby, 1999). Собранные им статистические сведения о численности и расселении жителей Чукотки вошли в Первую всеобщую перепись населения Российской империи 1897 г. (Патканов, 1912), а его лингвистические материалы были использованы В.Ф. Миллером для анализа языков азиатских эскимосов на Чукотском полуострове (Миллер, 1897; см. ниже).

При этом сам Гондатти опубликовал лишь малую часть своих чукотских материалов: две небольшие статьи об оседлых жителях долины р. Анадырь (Гондатти, 1897а,б), краткий общий обзор коренного населения Анадырской округи (1897в) и подробный отчет о поездке на Чукотский полуостров в 1895 г. (Гондатти, 1898). Этих материалов вполне могло хватить для небольшой книги, подобной той, что он издал по результатам своей поездки 1885 г. в Западную Сибирь (Гондатти, 1888).

Нам не известны какие-либо фотографии, снятые Гондатти на Чукотке (взятые им фотографические принадлежности и пластинки, очевидно, пропали в самом начале его пребывания – Дубинина, 1997: 16). По-видимому, погибла и основная часть рукописного наследия Гондатти, за исключением части его чукотских дневников и небольшого количества рукописей, которые теперь хранятся в фондах Музейного центра «Наследие Чукотки» (Дубинина, 2007б; см. статью Коломиец и др.). Эти дневники иллюстрируют широту интересов Гондатти как исследователя Чукотки, но судить об этом мы можем лишь косвенно, реконструируя целое по сохранившимся крупным фрагментам, через 125 лет (!).

Как чиновника-администратора его, в первую очередь, интересовали численность и расселение жителей подведомственной территории, т. е. *этнографическая география, демография и статистика*. Гондатти был первым, кто собрал весьма полные и безусловно надежные сведения на основе личного обследования десятков береговых поселков и оленеводческих стойбищ. Эти данные были включены в первую Всероссийскую перепись населения 1897 г. по Чукотке (Патканов, 1912). Собственно с материалов Гондатти начинается анализ динамики численности жителей Чукотки с конца XIX в. и до наших дней.

Как практический администратор, Гондатти должен был знать *этнический и племенной состав* управляемой им территории и степень сходства / различия проживающего здесь населения. Он справился с этой задачей уже к лету 1895 г., судя по его первой обзорной публикации на эту тему – «Состав населения Анадырской округи» (Гондатти, 1897в; дата ее написания 14 июля 1895 г.). Она дает краткое, но очень емкое описание всех групп коренного населения, их образа жизни, мест проживания, маршрутов передвижения, степени включения в торговую экономику и т. п. При этом Гондатти не только назвал известные ранее коренные народы Чукотки – чукчей, ламутов (эвенов), юкагиров, чуванцев, коряков, смешанных обрусевших жителей долины Анадыря (марковчан), но и добавил новые – азиатских эскимосов и кереков. Он первым описал основные территориальные группы оленных чукчей с их русскими и чукотскими названиями (носовые / *кауралэт*, беломорские / *онмылэт*, анадырские / *каургылэт*, пакульнейские / *пэкульнэылэт*, еропольские / *эйгисхилэт* и туманские / *телькаиэлэт*), а также указал места их сезонных кочевий и характер контактов с другими группами. Все последующие авторы XX в. – от Богораза до Орловского, Вдовина и Леонтьева, лишь дополняли и уточняли эту классификацию.

Лучше всего известен вклад Гондатти в изучение *старожильческого (русского) и смешанного (креольского) населения* долины р. Анадырь. Две его статьи на эту тему (Гондатти, 1897а,б) по сути представляли небольшую монографию. Обширный массив сведений о жителях долины Анадыря имеется также в неопубликованных дневниках Гондатти (см. статью Коломиец и др.). Данные Гондатти существенно расширяют опубликованные несколькими годами ранее материалы А.Е. Дьячкова (1893; см. статью Церковниковой).

Гондатти принадлежит решающая роль в наших знаниях об *азиатских эскимосах*. Хотя существование на Чукотке группы оседлого населения с языком, схожим с языками эскимосов Аляски («кадьякцев»), было известно еще в конце XVIII – начале XIX в., Гондатти первым выявил три основные группы азиатских эскимосов под их чукотскими именами: айвуаны, или уныынцы (т. е. «чаплинцы», *ун'азиг'миит*), пээкит, или нууканцы («наууканцы», *нывук'аг'миит*) и вутээнцы («сиреникцы», *сиг'ыныг'миит*), а также жителей о-вов Диомида (экыргаулэт), которых он отнес к четвертой группе из-за их особого языка (см. Миллер, 1897; Крупник, Членов, 1979; Krupnik, Chlenov, 2013: 20). Он также указал их основные поселки, степень различий между группами и места, где жило смешанное население, гово-

рившее на разных языках. Вся этнография эскимосов Чукотки и изучение их языков по сути начинаются с этой типологии Гондатти; его рукописные материалы об эскимосах до сих пор не введены в научный оборот.

Гондатти придавал огромное значение *экономике* коренного населения Чукотки, что хорошо видно по четырем его опубликованным статьям (Гондатти, 1897а–в, 1898) и сохранившимся дневникам. Он систематически собирал данные о типах хозяйства коренных жителей (оленоводстве, охоте, промыслах), а также сведения о продукции населения, добыче отдельных видов животных, обмене и торговле, имущественных отношениях. Эта часть деятельности Гондатти шла в русле тогдашней сибирской и в целом российской науки с ее особым вниманием к экономическим и имущественным отношениям народов Российской империи, в том числе на северо-востоке Сибири (Ресин, 1888; Олсуфьев, 1896; Иохельсон, 1898).

Гораздо менее известна пионерная роль Гондатти в изучении того, что сейчас называют *народными экологическими знаниями*. Его публикации о Чукотке (особенно Гондатти, 1897а, 1898) передают в деталях сезонный календарь хозяйственной деятельности местных жителей и служат своего рода энциклопедией природы края. Они включают сведения о сроках миграций животных, прилета птиц, замерзания и вскрытия рек, пиках численности промысловых животных, природных катаклизмах и, соответственно, адаптациях местных жителей к таким непредсказуемым ритмам природы. Подобные материалы сложно почерпнуть из личных наблюдений; они безусловно отражают специальную программу сбора данных и систематический опрос местных жителей. Это подтверждается записями в его дневниках (см. статью Коломиец); они полны указаний на беседы со старожилками, охотниками, хозяевами промысловых станов, кочевниками-оленоводами. Для сегодняшних исследователей природы Чукотки сведения Гондатти представляют уникальную «точку отсчета» для понимания современных изменений климата, животного мира и сезонной динамики природы.

Гондатти последовательно придерживался *общинного* (или *локального*) подхода в изучении коренных народов Чукотки. Практический и внимательный наблюдатель, он старался избегать ненужных обобщений – в отношении как людей, так и природы – и, напротив, делал упор на специфические местные условия. Его описания поселков и промысловых станов жителей долины Анадыря поражают своей детальностью. По возможности Гондатти старался столь же подробно характеризовать условия жизни в поселках береговых эскимосов и чукчей, которые он посетил в 1895 г., о чем известно на примере Уэлена и Уныина / Ун'азик'а

(Гондатти, 1898). Такой *общинный* взгляд Гондатти на жизнь аборигенов Чукотки связывает его подход с современными методами работы, в том числе авторов этого сборника.

Некоторые стороны Гондатти-исследователя известны по свидетельствам других авторов. Уже отмечалось, что за свои *музейные коллекции* по Чукотке он был удостоен золотой медали им. К.М. Бэра Российской Академии наук. В представлении его к медали сказано, что его этнографическая и антропологическая коллекция «из более тысячи предметов не имеет себе равных в Европе» (Отчет..., 1900: 213). Как мы теперь знаем, это была лишь часть этнографических сборов Гондатти из почти 2000 предметов, справедливо оцененных как «*систематический подбор памятников жизни и быта народа, составленный с любовью и тщанием образованным этнографом специалистом*» (Там же: 214). Помимо этнографической коллекции, Гондатти передал Зоологическому музею Академии наук 376 «*препаратов млекопитающих, птиц и рыб и 1016 рептилий, ракообразных, моллюсков, паукообразных и насекомых*» (Там же).

О *лингвистической программе* Гондатти нам известно из статьи лингвиста В.Ф. Миллера (1897), которому Гондатти прислал свои лингвистические материалы, собранные в поездке 1895 г. Гондатти использовал стандартный список («словник») примерно из 200 слов (см. Миллер, 1897: 218–220). Такие стандартные списки для документации бесписьменных языков были разработаны еще в конце XVIII в. Для своих целей он добавил около 200 слов для обозначения местных терминов – названий предметов одежды и быта, морских животных, оленей и пушных зверей, поселков и их жителей. При этом он записывал все термины на четырех местных языках – чукотском и трех эскимосских (чаплинском и науканском юпике и сиренинском, или «вутээнском», в его терминологии).

В письме В.Ф. Миллеру Гондатти подробно описал методику своей работы. «*При записывании слов я пользовался не одним человеком, а несколькими, которые друг друга проверяли. Выбирал я людей, говорящих ясно и отчетливо, но тем не менее записывание слов ... требовало немало времени и повторений; я старался быть как можно точнее, переспрашивал по нескольку раз и добился того, что в посылаемой редакции слова были повторяемы совершенно тождественно разными лицами в различное время. У меня единственная цель – иметь возможность получить более точные указания, что это за народности, родственные эскимосам, так как эскимосы Америки изучены хорошо и, вероятно, их языки уже разработаны и имеются словари с грамматиками*» (Миллер, 1897: 136).

На основании материалов Гондатти Миллер подтвердил сходство языков эскимосов Чукотки и Северной Америки, в особенности жителей западной и юго-западной Аляски («группа юпик»), и первым описал различия между эскимосскими «наречиями» на Азиатском континенте. Миллер согласился с тезисом Гондатти, что «уньынский» и «нууканский» языки (т. е., чаплинский и науканский юпик) близки между собой и отличаются от «вутээнского» (сиреникского) и что «вутээнцы не понимают наречия уньынцев, а последние – нууканцев» (Миллер, 1897: 158). Это подтвердили все лингвисты, работавшие на Чукотке в XX в., кроме В.Г. Богораза (1949: 29), а также сами эскимосы-носители языков.

«НЕИЗВЕСТНЫЙ» ГОНДАТТИ

Некоторые стороны Гондатти-исследователя оставались неизвестными до обработки дневников, которые он вел за годы жизни на Чукотке. Например, в опубликованных статьях никак не отражен его интерес к *религии и социальной организации* коренных жителей. Эти темы несомненно оставались в центре его внимания, особенно учитывая его опыт изучения религиозных верований и обрядов манси в Западной Сибири (Гондатти, 1888).

Гондатти тщательно собирал также материалы *по семейным и свадебным обрядам, народным приметам* и другим сторонам повседневной *семейной культуры* (см. статью Коломиец и др.). Огромный интерес представляют его неопубликованные дневниковые материалы по *этногенетическим преданиям* чукчей и азиатских эскимосов, включая народную память о нескольких волнах переселения эскимосов на Чукотку через Берингов пролив и с о. Св. Лаврентия, с их примерной датировкой. Эскимологи, лингвисты и этнологи смогли восстановить эти волны переселений (правда, по другим источникам) только в последние десятилетия XX в. (Членов, 1988; Krupnik, Chlenov, 2013).

В дневниках Гондатти 1896–1897 гг. отмечены его частые беседы с марковским учителем-чуванцем Афанасием Дьячковым, другими чуванцами и марковчанами, приезжими оленными чукчами (см. статьи Коломиец и др., Церковниковой). Такие беседы должны были способствовать формированию корпуса записей фольклора, пусть даже в форме быличек, бытовых рассказов и семейных преданий. К сожалению, записей *фольклорных текстов*, собранных Гондатти за годы пребывания на Чукотке, не сохранилось.

При такой реконструкции образ Гондатти-исследователя предстает более многогранным, чем он выглядит по его публикациям. Получа-

ется, что по кругу своих этнографических интересов царский чиновник и администратор Гондатти был на удивление схож с ссыльным революционером Богоразом. Их обоих интересовали традиционная экономика, демография и расселение, социальное устройство, религия и предания, семейные отношения коренных жителей, а также влияние на их жизнь русской торговли, американских китобоев и заезжих торговцев. Оба собирали этнографические коллекции для музеев и лингвистические материалы⁵.

Объяснить это удивительное сходство можно лишь одним – оба они принадлежали к традиции «практической этнографии» в русском сибиреведении конца XIX в. Эта традиция воплотилась в ряде первоклассных исследований того времени, в том числе в работах Сибиряковской (Якутской) экспедиции Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества, которые велись в те же самые годы (1894–1896), когда Гондатти был на Чукотке⁶. В составе этой экспедиции начинал свой путь в науку ссыльный революционер В.Г. Богораз, отвечавший за изучение русских старожилов, эвенов (ламутов) и чукчей севера Якутии. Разница была в том, что Гондатти удалось издать (воплотить) лишь малую часть собранных им материалов, а Богораз издал практически все и смог развернуть свои этнографические изыскания в монументальное и всестороннее исследование, которое продолжалось практически до конца его жизни (Krupnik, 2017). Наверное, поэтому имя Богораза известно сейчас каждому на Чукотке, а о более ограниченном вкладе его современника Н.Л. Гондатти знают лишь специалисты-этнографы и историки.

Траектории этих очень разных людей сошлись в те годы и даже пересеклись в момент короткой личной встречи на Анюйской ярмарке весной 1896 г. Но затем они снова разошлись на 20 лет, возвысив одного до должности генерал-губернатора Приамурского края и оставив другого в положении либерального журналиста под надзором полиции и ученого-этно-

⁵О широте интересов и научного подхода В.Г. Богораза в ранний период его работы на северо-востоке см. его письмо-отчет в Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества от 20 мая 1896 г. (Сирина, 2010: 145–147).

⁶Якутская (Сибиряковская) экспедиция 1894–1896 гг., названная так по имени ее спонсора, коммерсанта и мецената И.М. Сибирякова (1860–1901), ставила своей главной целью «выяснение условий жизни инородцев Якутской области», а также изучение влияния золотопромышленности на их развитие или «вымирание». Фактически она превратилась в комплексное этнографическое и экономическое обследование коренного и русского старожильческого населения Якутии (см. подробнее: Левченко, 2010; Сирина, 2010; Астахова, б. г.; Строева, б. г.; и др.)

графа без постоянного места работы. Но затем бурные события XX в. радикально поменяли положение генерал-губернатора и бывшего революционера. Очень скоро Гондатти оказался эмигрантом в северном Китае, а Богораз стал членом правительственного Комитета содействия народам северных окраин («Комитет Севера») и создателем нового советского североведения. Но невидимый «диалог» Гондатти и Богораз продолжался, отражая общий путь советской этнографической науки, о чем рассказывается в Эпilogue книги.

СТРУКТУРА СБОРНИКА, БЛАГОДАРНОСТИ

Идея нового издания по современной этнологии Чукотки зародилась в январе 2019 г. С самого начала его редакторы были едины в желании отразить результаты *современных* (или относительно недавних) исследований на территории округа с упором на опыт и знания работающих здесь специалистов.

Замысел связать новую книгу со 125-летием поездки Н.Л. Гондатти на Чукотский полуостров в 1895 г. помог определить ее направление, структуру и состав возможных авторов. Мы хотели вернуть имя Гондатти на Чукотку и надеемся, что сделали первый шаг в этом направлении. Мы считаем, что Гондатти принадлежит важная роль в становлении «прикладной этнологии» края, т. е. изучения культурных и этнических процессов настоящего дня, даже если их корни уходят в прошлое. Отсюда проистекал выбор заглавия книги.

Взяв Гондатти как своего «интеллектуального героя», мы смогли определить круг тем, с которыми в первую очередь связано его научное наследие. Это – народные экологические знания, хозяйственная деятельность и культурные традиции, включая национальные языки народов Чукотки, чему посвящена Часть 1 (статьи В.Н. Нувано, Н.И. Мымрина, О.Е. Яценко, Д.Н. Моргуновой-Швальбе, В.Г. Леоновой, Е.С. Богословской и И.Я. Кобленца). Гондатти был неутомимым собирателем музейных этнографических коллекций и прекрасным, вдумчивым документалистом. Поэтому мы включили статьи о музейных ресурсах Чукотки и архивном наследии самого Гондатти (Часть 2 – статьи О.П. Коломиец и др., О.Б. Расторгуевой, О.П. Коломиец и др.). Гондатти был также пионером локального («общинного») подхода в изучении культуры и истории жителей Чукотки, чему посвящен большой раздел сборника (Часть 3). Он включает статьи Е.А. Церковниковой о Марково, И.И. Крупника о первых коренных жителях Ново-Мариинского поста,

И.А. Загребина и И.И. Крупника о районе бухты Провидения, С.Ю. Шокарева и М.А. Членова о Дежневском массиве, Н.И. Вуквукай с соавторами об истории общины Уэлена.

Мы благодарны нашим коллегам-североведам: Н.Б. Вахтину, Е.А. Пивневой и А.А. Сириной, которые любезно прочли первый вариант этого Предисловия и высказали свои ценные критические замечания. Д-р Лорел Кендалл (Laurell Kendall), куратор Американского музея естественной истории в Нью-Йорке любезно дала согласие на публикацию трех фотографий В.Г. Богораз из коллекции музея. Спасибо всем!

Литература

Альбом фотографических видов к отчету о северном плавании клипера «Разбойник» и устройстве Ново-Мариинского поселения в устье реки Анадырь: Фотоальбом. – М., [1889]. – [22] л. в папке. – URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01005366308#?page=23> (дата обращения 18.05.2020).

Астахова И.С. «Эта безрассудная затея...» История организации Якутской (Сибиряковской) экспедиции 1894–1896 гг. // Сокровища культуры Якутии. – М., 2011. – Ч. 1. – С. 162–168. – URL: <http://ilin-yakutsk.narod.ru/2005-6/28.htm> (дата обращения 16.05.2020).

Астахова И.С. Якутская (Сибиряковская) экспедиция 1894–1896 гг. – URL: <http://www.yakutskhistory.net/наука-в-якутии/якутская-научная-сибиряковская-экспедиция> (дата обращения 16.05.2020).

Богораз В.Г. Очерк материального быта оленных чукчей, составленный на основании коллекций Н.Л. Гондатти, находящихся в Этнографическом музее. Императорской Академии наук // Сборник Музея по антропологии и этнографии при Имп. Акад. наук. – СПб., 1901. – Т. 1. – 66 с.

Богораз В.Г. Материалы по языку азиатских эскимосов / под ред. И.С. Вдовина. – Л.: Учпедгиз, 1949. – 255 с.

Вахтин Н.Б. Тихоокеанская экспедиция Джесупа и ее русские участники // Антропологический форум. – 2005. – № 2. – С. 241–274.

Вдовин И.С. Очерки истории и этнографии чукчей. – М.; Л.: Наука, 1965. – 401 с.

Гермизеева В.В. Губернская администрация Западной Сибири (1895 – февраль 1917). – Омск: Изд-во ОмГТУ, 2015. – 180 с.

Гондатти Н.Л. Следы язычества у инородцев Северо-Западной Сибири // Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ИОЛЕАЭ). – 1888. – Т. 48. – Вып. 2. – М.: Типография Е.Г. Потапова. – 91 с.

Гондатти Н.Л. Оседлое население реки Анадыря // Записки Приамурского отдела ИРГО. – Хабаровск, 1897а. – Т. 3. – Вып. 1. – С. 111–165.

Гондатти Н.Л. Сведения о поселениях по Анадыру // Там же. – Хабаровск, 1897б. – Т. 3. – Вып. 1. – С. 71–110.

Гондатти Н.Л. Состав населения Анадырской округи // Там же. – Хабаровск, 1897в. – Т. 3. – Вып. 1. – С. 166–178.

Гондатти Н.Л. Поездка из с. Маркова на р. Анадыре в бухту Провидения (Берингов пролив) // Там же. – 1898. – Т. 4. – Вып. 1. – С. 1–42, I–XXVII.

Гондатти, Николай Львович (б. а.) // Википедия (б. г.). – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Гондатти,_Николай_Львович (дата обращения 25.03.2020).

Демьяненко А.Н., Дятлова Л.А. Общий замысел Амурской экспедиции 1910 года и краткий обзор ее Трудов // Ойкумена. – 2010. – № 3. – С. 7–28.

Дубинина Н.И. Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти. – Хабаровск: Приамурское геогр. общество, 1997. – 205 с.

Дубинина Н.И. Гондатти // Большая Российская энциклопедия. – М.: РОС-СПЭН, 2007а. – Т. 7. – С. 395.

Дубинина Н.И. «Прости, Анадырь, не поминай меня лихом и хоть иногда вспомни добром» // Словесница искусств. – 2007б. – № 1 (19). – С. 72–79.

Дубинина Н.И. Феномен Харбинского политеха. Малоизвестные страницы жизни Николая Львовича Гондатти // Там же. – 2015. – № 2 (36). – URL: <http://www.slovoart.ru/node/2102> (дата обращения 01.04.2020).

Дьячков А.Е. Анадырский край. Рукопись жителя села Маркова // Записки Общества изучения Амурского края. – Владивосток, 1893. – Т. 2. – 188 с.

Игнатенко В.В. Гондатти, Николай Львович // Энциклопедия Иркутской области (б. г.). – URL: http://irkipedia.ru/content/gondatti_nikolay_lvovich (дата обращения: 26.03.2020).

Иохельсон В.И. Очерк зверопромышленности и торговли мехами в Колымском округе // Труды Якутской (Сибиряковской) экспедиции. – СПб.: Типография М. Меркушева, 1898. – Т. 10. – Ч. 3. – 183 с.

История Чукотки с древнейших времен до наших дней. – М.: Мысль, 1989. – 493 с.

Колонтеева И.В. Владимир Германович Богораз-Тан и Северо-Восток: библиогр. указатель. – Магадан: Магаданская науч. библиотека, 1991. – 73 с.

Крупник И.И. В.Г. Богораз – его наследие и ученики // Тропую Богораза. Научные и литературные материалы. – М.: Ин-т Наследия – ГЕОС, 2008. – С. 23–27.

Крупник И.И., Членов М.А. Динамика этнолингвистической ситуации у азиатских эскимосов (конец XIX в. – 1970-е гг.) // Сов. этнография. – 1979. – № 2. – С. 19–29.

Левченко А. О. Сибиряковская экспедиция ВСОИРГО (1894–1896 гг.) // Иркутский историко-эконом. ежегодник: 2010. – Иркутск: БГУ, 2010. – С. 191–194.

Ляпустин С.Н. О роли Приамурского генерал-губернатора Н.Л. Гондатти в охране природных богатств Дальнего Востока // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. – 2013. – № 1. – С. 113–118.

Миллер В.Ф. Об эскимосских наречиях Анадырского округа (на основании материалов, собранных Н.Л. Гондатти) // Живая старина. – 1897. – Вып. 2. – С. 133–159, 218–229.

Михайлова Е.А. Владимир Германович Богораз: ученый, писатель, общественный деятель // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века. – М.: Наука, 2004. – С. 95–136.

Олсуфьев А.В. Общий очерк Анадырской округи, ее экономического состояния и быта населения // Записки Приамурского отдела Русского географического общества. – СПб., 1896. – Т. 2. – Вып. 1. – 223 с.

Отчет о присуждении почетной юбилейной медали имени акад. К.М. Бэра // Известия Императорской Академии Наук. – 1900. – Т. 13. – № 3. – С. 213–214.

Очерки истории Чукотки. С древнейших времен до наших дней. – Новосибирск: Наука, 1974. – 453 с.

Патканов С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев // Записки Императорского Русского географического общества, Отделение статистики. – СПб., 1912. – Т. 11. – Вып. 1. – С. 433–999.

Ремнев А.В. Россия дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. – Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2004. – 552 с.

Ресин А.А. Очерк инородцев русского побережья Тихого океана // Известия Русского географического общества. – СПб., 1888. – Т. 24. – С. 121–199.

Сирин А.А. Письма В.Г. Богораза из Сибиряковской экспедиции // Этнографическое обозрение. – 2010. – № 2. – С. 138–149.

Сирин А.А. «Скоро будет два года, как мы занимаемся экспедиционными работами...». Неизвестные письма В.И. Иохельсона и В.Г. Богораза из Сибиряковской (Якутской) экспедиции // Илин. – 2005. – № 5. – URL: <http://ilin-yakutsk.narod.ru/2007-5/90.htm> (дата обращения 10.04.2020).

Сирин А.А., Шинковой А.И. Неизвестное наследие Сибиряковской (Якутской) экспедиции (1894–1896): письма В.И. Иохельсона во ВСОИРГО // Расы и Народы. – 2007. – Вып. 33. – С. 331–368.

Скипина И.В. «Тобольский период» в жизни губернатора Н.Л. Гондатти // Общество: философия, история, культура. – 2018. – № 2. – URL: http://dom-hors.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/fik/2018/2/history/skipina.pdf (дата обращения 10.04.2020).

Сунгуров П.А. Губернатор Николай Львович Гондатти: ученый и общественный деятель // Общество: философия, история, культура. – 2016. – № 10. – С. 102–103.

Членов М.А. Экологические факторы этнической истории района Берингова пролива // Экология американских индейцев и эскимосов. Проблемы индеанистики. – М.: Наука, 1988. – С. 64–75.

Beffa Marie-Lise, Delaby Laurence. Festins d'âmes et robes d'esptits. Les objets chamaniques sibériens du Musée de l'Homme // Mémoires du Muséum National d'Histoire Naturelle. – 1999. – 181 (Ethnologie). – P. 20–22, 219–222.

Bogoras Waldemar. The Chukchee. Pt. 1; Material Culture, Pt. 2 // The Jesup North Pacific Expedition 7/ Memoirs of the American Museum of Natural History 11. – New York (new edition 2017 – Fürstenberg). Havel: Kulturstiftung Sibirien, 2017. – 860 p.

Krupnik Igor. Waldemar Bogoras and the Chukchee: A Maestro and a Classical Ethnography // The Chukchee. – Pt. 1–3. – Fürstenberg/Havel: Kulturstiftung Sibirien, 2017. – P. 9–45.

Krupnik Igor, Chlenov Michael. Yupik Transitions. Change and Survival at Bering Strait: 1900–1960. – Fairbanks: University of Alaska Press, 2013. – P. xxxii + 391.

Rousselot Jean-Loup. The Munich Chukchi collection // Anthropology, History, and American Indians: essays in honor of William Curtis Sturtevant / eds. William L. Merrill and Ives Goddard // Smithsonian Contributions to Anthropology. – 2002. – Vol. 44. – P. 295–301.

Vakhtin Nikolai B. Bogoras Project and Yupik Eskimo Linguistics in Russia // Early Inuit Studies: Themes and Transitions, 1850s–1980s / ed. Igor Krupnik. – Washington DC: Smithsonian Institution Scholarly Press, 2016. – P. 193–218.

Часть 1.

НАРОДНЫЕ ЗНАНИЯ

Part 1.

INDIGENOUS AND LOCAL KNOWLEDGE

ГОДОВОЙ ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ЦИКЛ ВАЕЖСКИХ ОЛЕНЕВОДОВ В 1984–1986 гг. : ретроспективный взгляд

Нувано В.Н.

Культура любого общества формируется на основе определенных материальных ценностей. До недавнего времени для оленеводческих народов Севера главными такими ценностями были домашние олени и земля (территория, пастбища), на которой их выпасали. Носители экологических знаний в границах определенной, известной им территории придерживались веками установленных правил пастбы, нарушение которых негативно сказывалось на почвенно-растительном покрове тундры. Кочевники соблюдали принцип равномерного пространственного и сезонного распределения нагрузок на используемые пастбища. С изменением культурных ориентиров современного населения опыт старших поколений коренных жителей Чукотки становится ценным багажом, культурным наследием для их потомков (фото 1, 2).

Фото 1. В.Н. Нувано (слева) и оленевод-наставник Б.Ф. Вуквукай. Чаунская тундра, осень 2010 г. Фото А. Вахрушева

© Нувано В.Н., 2020

Фото 2. В яранге. В. Макарьев, В. Нувано, Б.Ф. Вуквукай, В. Вуквукай. Чаунская тундра, 2010 г. Фото А. Вахрушева

В связи с тем, что современные чукотские оленеводы стали меньше придерживаться традиций, автор делает попытку описать годовой культурно-производственный оленеводческий цикл на примере бригады № 6 бывшего совхоза «Путь к коммунизму» с. Ваеги в период 1980-х – начала 1990-х гг. Описание цикла дается по личным воспоминаниям и полевым записям автора, который в то время работал пастухом в бригаде. Такой «ретроспективный взгляд» важен не только для освещения природных изменений на территории кочевания ваежских оленеводов, но и для документации социальных перемен, так как в те годы в оленеводческих бригадах еще поддерживались многие традиционные материальные и духовные практики.

При подготовке статьи были использованы несколько групп источников: описания традиционной чукотской оленеводческой культуры в том виде, в котором она существовала еще до коллективизации (Орловский, 1928; Богораз, 1930, 1939, 2011; Кузнецова, 1957; Вдовин, 1962); очерки современной культуры оленеводов Чукотки (Баскин, 2004/2005; Вальгиргин, Нувано, 2008; Задорин, 2008; Нувано, 2008); и некоторые учебные пособия по оленеводству (Друри, 1955; Бороздин и др., 1979; Сыроватский, 2000).

Ваежские оленеводы, о которых идет речь в статье, это сборная группа, имеющая довольно сложный состав. Возникла она сравнительно недавно, в первой половине – середине XX в., в период коллективизации нескольких оленеводческих объединений южных чукчей и соседствующих с ними представителей других народов: вилюнейских чукчей *вилюн'эйрэмкын*

(Вдовин, 1962: 155), телькепских (туманских) чукчей *тэлк'эпрэмкын*, онмыланских (внутренних) чукчей *онмылгырамкын* (Северная..., 2004: 1072), *эйгыск'ыльыт* (общее название чукчей, коряков и оленных чуванцев, живущих в районе рр. Еропол и Яблон). Кроме чукчей, оленеводами в ваежской тундре являются потомки коряков *танн'ыт* или *лыгэтанн'ыт*, керяков *кэрэгрэмкын*, ламутов (эвенгов) *к'аарамкын* или, как их еще называли, *к'орэмтэк'аарамкын* (Вдовин, 1962; Нувано, 2008) (рис. 1).

Основные топонимы описываемой территории приведены в статье в соответствии с топографической картой Р-59-А, -Б (1989) и в некоторых случаях дублируются народными чукотскими названиями.

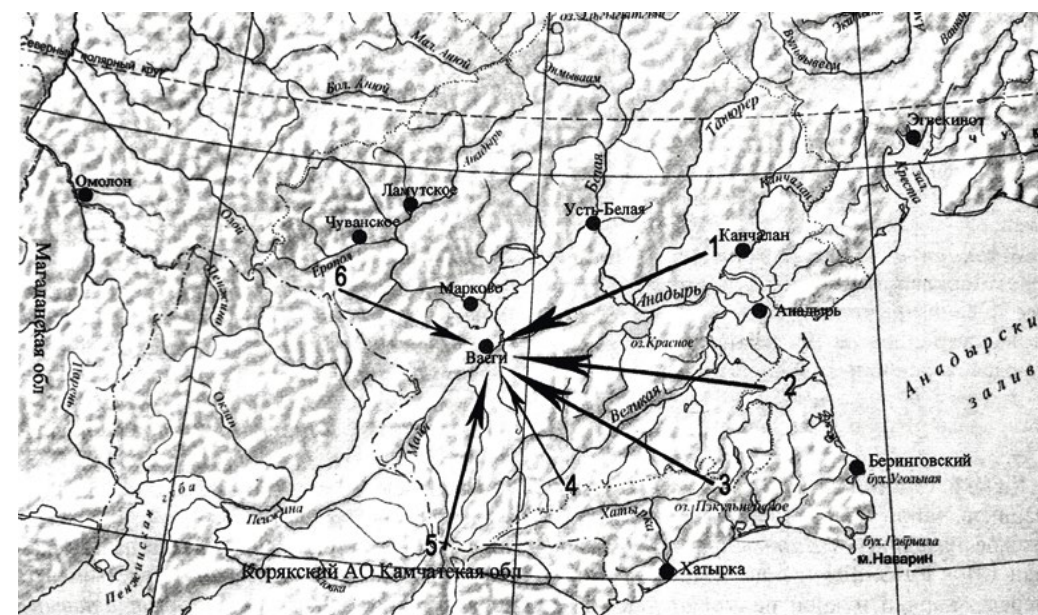

Рис. 1. Источники формирования этнотерриториальной группы «ваежские чукчи»: 1 – *онмылгырамкын*; 2 – *тэлк'эпрэмкын*; 3 – *кэрэгрэмкын*; 4 – *вилюн'эйрэмкын*; 5 – *лыгэтанн'ыт*; 6 – *эйгыск'ыльыт*

ОБРАЗОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

В начале 1930-х гг. на месте слияния рр. Ваеги и Майн существовало небольшое селение Ваеги (Старые Ваеги). На этой территории в 1930-е гг. были объединены в рыболовецко-олeneводческое товарищество «Светлая жизнь» ламутские (эвенские) малооленные хозяйства. В нижнем течении р. Ваеги и выше паслись стада коряковского оленеводческого товарищества. В березовской тундре по рр. Березово, Великая в нескольких товариществах объединялись вилюнейские, телькепские (туманские) чукчи.

В 1940 г. в с. Ваеги в колхоз «Светлая жизнь» были объединены два товарищества – «Светлая жизнь» и корякское оленеводческое товарищество. Одновременно в с. Березово путем слияния товариществ вилюнейских, телькепских (туманских), а позже и онмыланских (внутренних) чукчей-олeneводоов образовался колхоз «Полярная звезда».

В 1951 г. на базе колхозов «Светлая жизнь» и «Полярная звезда» был создан колхоз «Путь к коммунизму». Центральную усадьбу переместили ниже по р. Майн с образованием нового населенного пункта с прежним названием – село Ваеги (Новые Ваеги). В 1959 г. колхоз «Путь к коммунизму» реорганизовали в совхоз с одноименным названием, который просуществовал до 1995 г.

В настоящее время оленеводческое хозяйство зарегистрировано как Муниципальное унитарное сельскохозяйственное предприятие (МУСХП) «Ваежский».

ТЕРРИТОРИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВАЕЖСКИХ ОЛЕНЕВОДОВ

Территория проживания и хозяйственной деятельности ваежских оленеводов расположена в юго-западной части Анадырского района и занимает бассейны рр. Майн, Ваеги, Березовая, Великая. На северо-западе она граничит с землями жителей с. Марково, на северо-востоке – с землями уже не существующего оленеводческого хозяйства, совхоза им. XXII съезда КПСС тавайваамской тундры (с. Тавайваам); на юго-востоке – с землями хатырских чукчей и живших здесь еще недавно керексов; на юго-западе – с территорией Корякского автономного округа (ныне Камчатский край). Протяженность этой территории с севера на юг составляет 220 км, с запада на восток – 192 км.

Растительный покров территории представлен в основном лиственными редколесьями и лесами; пойменными лесами и крупнокустарниковыми зарослями по долинам рек; мелко- и крупнокустарниковыми зарослями и тундрами на водоразделах и в верховьях речных долин; горными тундрами на самых возвышенных участках, а также многочисленными болотами и лугами.

На ваежкой территории произрастают ценные для нужд оленеводов деревья твердых пород: береза *вылгил*, высокоствольная / древовидная рябина *элот*, лиственница *гээв*.

Места кочевков бригады № 6

До настоящего времени оленеводческая бригада № 6 со стадом кочет на самом юге территории ваежских оленеводов по правым притокам р. Майн: рр. Автаваам (*Автаваам* – курсивом дается чукотское название

в современной чукотской орфографии. – В.Н.), Ваеги (*Варээн'ваам*), Канытынуквеем (*Кэн' итынупвээм*), Куйвивеем (*К'уйвивээм*), Нутаваквиваам (*Нутэввээри*), Западный Тыклаваам (*Твэлэвээм*), Восточный Тыклаваам (*Кытэпваам*) – см. топографическую карту Р-59-А, -Б (1989).

Оленеводы используют пастбища по всей протяженности Ваежского хребта (около 180 км с севера на юг), иногда на короткое время переходят на правый берег р. Ваеги и западные склоны Южно-Майнского хребта (обе горные системы относятся к Корякскому нагорью).

В 1970–1980-е гг. летом оленеводы часто переходили этот основной чукотско-корякский водораздел по Ваежскому хребту и гостили в стойбищах камчатских оленеводов. Пока одни кочевали к берегам Берингова моря, другие несколько дней гостили у корякских родственников и забивали им оленей. До настоящего времени у некоторых старых оленеводов хранятся нарты из каменной березы *лоонат*, которую они выменивали или принимали в качестве подарка у слаутненских коряков-олeneводоов (с. Слаутное, Камчатский край).

Сезонный цикл бригады № 6

Описываемая нами оленеводческая бригада № 6 в 1980-е гг. состояла из семи взрослых мужчин-пастухов, трех женщин-чумработниц, трех пенсионеров на разных хозяйственных работах и детей оленеводов (Баскин, 2004/2005: 32) (фото 3). Характеристику ее годового производственного оленеводческого цикла мы начинаем с праздника *Вылгык'аанмат* (в литературе чаще всего описывается как «праздник молодого оленя»), так как он обычно означал окончание одного из главных оленеводческих мероприятий – летовочной (летней) кампании и служил символическим (традиционным) подведением ее итогов.

Чукотский «олeneводческий год» был устроен не по обычным календарным сезонам (зима, весна, лето и осень) и начинался не с 1 января, а с завершения летней оленеводческой кампании. В основном «олeneводческий год» строился на фенологических наблюдениях самих оленеводов, которые заметили сезонную ритмику изменений окружающей природы и приспособили свой календарь к главному стержню собственной культуры – оленеводству (Вальгиргин, Нувано, 2008). Например, физиологические изменения животных в сентябре приводили к завершению летней кампании и проведению праздника *Вылгык'аанмат*, когда забивали быков-производителей. В это время их вес достигал максимума, а у телят весеннего отела шкура приобретала наилучшие качества.

Перед самым отелом оленей в весенние месяцы традиционным и необходимым мероприятием была разбивка стада на плодовую и неплодовую

Фото 3. Оленеводы бригады на отдыхе на р. Канытынуквеем, 1975 г. (из личного архива В.Н. Нувано). Слева направо: Г. Арытагина (1959), Кэккын (пенсионер), И. Амтынаквыргын (1950), Каннын (работающий пенсионер), Н.И. Нувано (1937)

части стада, *пээчваггёнратгыргын* (примерно 20–30 марта). Таким образом, «зимний сезон» оленеводов полностью заканчивался только после проведения праздника *Кильвей* (обычно около 10 мая), когда фактически завершался отел и большинство обитателей стойбища перекочевывали на место летней стоянки. Собственно весенние мероприятия начинались после устройства летнего стойбища и проведения праздников *Ваамк'аанмат* и *Ранн'атгыргын*, когда максимально использовали ближние к стойбищу пастбища, на которых становилось достаточно зеленого корма. При завершении любого оленеводческого мероприятия неизменно проводили традиционные праздники, которые служили своего рода социальной кульминацией, символом успешности каждого сезона.

Август – сентябрь. *Н'эргэргийилгын*

Праздник *Вылгык'аанмат* (6–8 сентября) буквально переводится как «тонкошерстного оленя забой», «*ульгикааньмат*» (Орловский, 1928: 62) или «*вильгы-к'аанматгыргын*» (Кузнецова, 1957: 267).

Все чукотские оленеводы после длительной летней кампании, которая длилась с начала июля до 20-х чисел августа или даже до начала сентября, подгоняли свои стада к летним стойбищам *анольатынвын*, где на лето оставались старики, женщины и дети.

В бригаде № 6 праздник всегда проходил позже, чем в других ваежских оленеводческих бригадах. Соответственно и стадо с летнего маршрута подгоняли позже, мотивируя это тем, что на дальних пастбищах стадо может провести еще некоторое время. Таким образом, короткие осенние маршруты на ближних к стойбищу пастбищах некоторое время были бы не тронуты. Оленеводы подгоняли стадо к стойбищу лишь 5 сентября, перед самым гоном производителей. Перевалив через длинный перевал *Вэлмыльыннылк'ын*, олени устремлялись вниз по р. Канытынуквеем к летнему стойбищу *анольатынвын*, где и проводили праздник *Вылгык'аанмат*. Подгоняемое к летнему стойбищу стадо люди встречали громкими возгласами, выстрелами в воздух, мальчики пускали в сторону стада подожженные стрелы из детских луков, кто-то из мужчин в пляске, потрясая копьем, шел к приближающемуся стаду, женщины кидали горящую дернину, подожженную «чистым» огнем, разведенным с помощью *гыргыр* – «огненного предмета». Оленеводы стойбища полагали, что люди и олени долгое время были далеко от своего жилища и семейных охранителей, поэтому подвержены опасности – для этого они отпугивали «чужих» «вредоносных» духов и проводили обряд очищения.

Во время этого праздника забивают быков-производителей на питание и телят этого года на пошив зимней одежды. Эти жертвенные олени, в понимании чукчей, *такалгыт*, т. е. «парное содружество». Для чукчей-оленеводов все здоровые олени, забиваемые на питание и на другие производственные нужды в самой бригаде, всегда были жертвами какой-либо «высшей» сущности.

Старики оценивали состояние стада по упитанности забитых оленей, по шкурам, особенно от забитых телят, – красивы ли они, прочно ли шерсть лежит на шкуре и не будет ли она лезть после пошива новой одежды. Хвалят *к'аанталын* – того оленевода, который во время летней кампании был старшим пастухом в дневной смене. До коллективизации указания *к'аанталын* беспрекословно слушал даже хозяин большого стада, а в советское – бригадир. «*Оккако Кораویه гинэнрэн'увлин*» (в пер. с чук. «*Как хорошо Кораویه содержал оленей – они упитанны и хорошо выглядят*»), – сдержанно отмечают старшие мужчины стойбища. «*Эчвэра рэтэн'э'йн'эн'ыт тыркыльыт*» (в пер. с чук. «*Если все останется так же хорошо, то и производители хорошо пойдут в гон*»), – продолжают рассуждать старики (ПМА, 2019).

Проведение гона э'йн'эйылгын (случной период)

Сентябрь – «месяц гона быков-производителей» (Вальгиргин, Нувано, 2008: 223); э'йн'эйылгын от эйнэйлгын – «спаривание» (Орловский, 1928: 61). «Бинн'от лыгэк'ааат нээйн'эк'инэт» (в пер. с чук. «В это время настоящие (чукотские домашние) олени “кричат” (гон)»), – говорят олени-воды.

Для оленевода было важно получить как можно больший приплод, а для этого необходимо хорошо провести гон (случку), чтобы быки-производители покрыли всех важенок (самок). Гон у чукотских оленей начинается в 10-х числах сентября, т. е. раньше, чем у домашних оленей других пород. Обычно случайный период у ваежских оленеводов происходит на раннеосеннем маршруте, который чукчи называют *н'аргарк'аальатгыргын*, и продолжается во время позднеосенней кампании *гытгакаальатгыргын*. Принято считать, что производитель 2–3-летнего возраста может покрыть за сезон 15–18 важенок. Но наблюдения показали, что взрослый производитель в течение случайного периода при вольной случке покрывает до 50–60 важенок (Друри, 1955: 47).

Для того, чтобы гон прошел дружно и не растягивался до начала ноября, необходимо вовремя отбраковать больных и слабых быков-производителей, не допускать чрезмерного рассредоточения стада, но и сильное скучивание нежелательно во избежание случаев беспокойства стада. Также на результаты гона сильно влияла работа коллектива (бригады) в летний период, особенно от умения старшего оленевода *к'аантальын* – как он проводил летние маршруты, как пасли стадо днем, хорошо ли поили стадо ночные дежурные *рыюльыт* во время ночной пастьбы, какие наставления старший давал молодым оленеводам.

При хорошем содержании животных наиболее крупные и здоровые телята-самки к 5–6-месячному возрасту достигали половой зрелости, и во время гона у них может происходить течка, поэтому их тоже могли покрывать самцы-производители *тыркыльыт*. У годовалой самки через 7 с половиной месяцев может родиться здоровый теленок. Их оленеводы уважительно называют *ычвакытльа* – «теленки-мама». За счет этих неучтенных важенок приплод в советское время мог достигать 87 и более телят от 100 январских важенок.

Н'аргарк'аальатгыргын – раннеосенняя оленеводческая кампания (9–20 сентября)

Чукотское слово *н'аргарк'аальатгыргын* («ранней осени продвижение оленей») происходит от названия чукотского месяца *nerges-ilygn* «слегка морозный месяц» (примерно с 20 августа по 20 сентября) (Богораз, 2011: 30), *к'аа/к'оран'ы* («олень»), *лыат/рыльатэтык* («увести» / «отнести»),

гыргын/вагыргын («бытие»). Автор считает, что название месяца и оленеводческой кампании произошло от чукотского слова *н'эрык* («очищать рога»), так как в 20-х числах августа у быков-производителей, а в начале сентября у важенок начинают очищаться рога от пантов (шкурка на окостенелости рога).

Вечером после праздника *Вылгык'аанмат* оленеводы перегоняли стадо на левый берег р. Канытынуквеем. Впервые за несколько месяцев ночью возле стада не дежурили *рыюльыт*. Оленеводы с наслаждением отдыхали в ярангах. Но на следующий утро после праздника почти все оленеводы уходили на малый осенний маршрут, который называли *н'аргарк'аальатгыргын* («ранней осени продвижение оленей»). За ночь не охраняемое стадо сильно разбредалось, а сильные передовые олени быстро уходили по р. Восточный Тыклаваам к южным отрогам низких гор урочища Тополиное. Там, на старом горельнике (место пожара) всегда было много грибов, отличающихся высоким содержанием белков, жиров и витаминов (Бороздин, Забродин, 1979: 156). В эти же места стремились олени-грибеды соседней бригады № 9. Поэтому с рассветом некоторые молодые оленеводы спешили к Тополинскому низкогорью, находящемуся в 25 км от стойбища. Остальные начинали собирать оленей с хвоста стада. Как правило, стадо всегда собирали за сутки. Первую стоянку на раннеосеннем маршруте обычно разбивали на южном склоне Тополинского низкогорья. Оттуда наблюдали за стадом на противоположном длинном склоне г. *Панвален*, куда направляли собранное стадо.

Стадо несколько дней паслось на сглаженном длинном склоне (до 10 км) горы, где на нижнем ярусе было достаточно ягеля, на полянах между густых зарослей ольхи еще оставалась сочная зеленая листва и трава, в кедровнике (стланик) еще много любимых оленями грибов, и поэтому стадо оставалось подвижным. Его уже не собирали вместе, и оно паслось полувольно, заворачивали только оторвавшихся оленей. В это время оленеводы не дежурили ночью, но уже в 4–4.30 утра они были на ногах и находили на рассвете начинающих разбредаться оленей, которых удерживали быки-производители ночью. Прохладная погода, остатки зелени, обилие грибов и ягеля, полувольный выпас и относительный покой оленей способствует их наживке.

В это же время старшие оленеводы в стойбище ремонтировали нарты, женщины шили новую зимнюю одежду и ремонтировали старую. Все готовились к длинной зимовке.

В 20-х числах сентября, сделав петлю по северным склонам Вагского хребта, оленеводы со стадом возвращались к основному стойбищу, где пополняли запасы продуктов, а жителей стойбища снабжали свежим мясом, проведя праздник.

Октябрь – ноябрь. *Гытгайъэлгын*

Праздник *Ваамк'аанмат* (21 – 23 сентября)

Перед ледоставом, третий раз со времени вскрытия рек, проводили праздник Ваамкаанмат. Его название происходит от чукотского слова веем («река»), *к'аа/к'оран'ы* («олень»), *нмат/тымык* («убой»). Следовательно, название праздника можно перевести как «жертвенный убой оленя реке, воде»). Оленеводы опасались, что вода перемерзнет до выпадения снега и олени останутся без водопоя, поэтому для «хозяина водной стихии» снова делали ритуальный убой оленей.

Гытгак'аалатгыргын – позднеосенняя оленеводческая кампания (24 сентября – 28 октября)

Чукотское слово *гытгак'аалатгыргын* («поздней осени продвижение оленей») происходит от названия чукотского месяца: у В.Г. Богораза (2011: 30) это время *gytga-elgyn* (с 20 сентября по 20 октября) – «осенний месяц»; октябрь – *гытхаильгин* (Орловский, 1928: 61), *к'аа/к'оран'ы* («олень»), *л'ват/рыльатэтык* («увести»/«отнести»), *гыргын/вагыргын* («бытие»).

После праздника начиналась позднеосенняя оленеводческая кампания. Оленеводы снова уходили на новый маршрут. Некоторое время стадо, охраняемое оленеводами, оставалось на низкогорье у рр. Этъуинвеем и Канытынуквеем; далее его перегоняли через невысокие перевалы в долину р. Ваеги.

Оленеводы всегда ждали, когда выпадет первый снег, который восполнит недостаток воды. А пока для пастбищ выбирали низкогорный сглаженный ландшафт с широкими лощинами кочкарной тундры с незамерзающей водой (обычно это лужицы в траве на заболоченных склонах горной тундры). Ягеля везде достаточно, но олени также к этому времени использовали остатки зеленых растений, побеги осоки, пушицы, злаков. У отдохнувших, слегка отъевшихся быков-производителей, появлялось «второе дыхание», и у запоздавших самок вдруг возникала охота. Гон мог продолжиться до конца октября.

С первым снегом, обычно в середине октября, вьючных лошадей для бригады (см. ниже) уводили на совхозную конюшню, которая была построена на месте слияния рр. Нутавакливаам и Ваеги. Весь груз теперь возили на грузовых нартах, запряженных оленями. Опытные ездоки уже начинали передвигаться на ездовых оленях *гытгакаат* (буквально: «позднеосенние олени»). Из них к зиме формировали упряжку для оленьих гонок или для дальних поездок. К концу октября оленеводы со стадом снова возвращались к ярангам на р. Канытынуквеем, чтобы после короткой передышки, уже со всеми жителями стойбища передвигаться на зимовку.

29 октября – 1 ноября

На летнем стойбище *анольатынвын* весь осенний период продолжалась подготовка к зимовке. Обычно к этому времени летние жилища уже были упакованы, и люди переходили жить в облегченные зимние жилища. С 1950-х гг. в обиход оленеводов вошли меховые палатки с печкой. Когда стадо снова подгоняли к стойбищу, то проводился небольшой забой на питание. Пастухи отдыхали в ярангах и готовились к зимовке: тщательно проверяли имущество, которое будет необходимо зимой, а «летнюю утварь» упаковывали и поднимали на лабазы *милк'ымил** (фото 4), укрывали непромокаемым материалом, увязывали и оставляли до весны следующего года. Это место так и называли – *рамай* (*ра/яран'ы* – «жилище», *май/магны* – «место хранения / склад»).

Готовились к кочеванию на зимние пастбища, а в советское время – на место проведения осенней корализации (кораль – стационарный или переносный загон, где осуществляются разбивка, просчет оленей и другие зооветмероприятия. – В.Н.). Стоянка на месте коральных работ становилась промежуточным стойбищем перед зимовкой.

Ялгытгыргын («кочевание») – кочевание на зимние пастбища (1–3 ноября)

Основной груз уже уложен в грузовые нарты. Остается только с раннего утра разобрать жилища и начать ловить ездовых оленей. Для брига-

Фото 4. Летнее стойбище ваежских оленеводов (из личного архива В.Н. Нувано)

* *Милк'ымил* – сборно-разборное сооружение из горизонтальных жердей, опирающееся на четыре высокие треноги, на котором летом сушили мясо, а на зиму оставляли летнее имущество.

ды № 6 необходимо было поймать около 50 быков. Ловля отвыкших за лето к упряжи оленей иногда затягивалась до полудня. Наконец, *муурил*, или по-русски аргиш (караван из нескольких нарт, на котором северные кочевники перевозят вещи продукты и жилища. – В.Н.) со всем населением стойбища и с зимним скарбом начал движение на зимние пастбища. Первый прогон бригадного санного поезда был не более 5 км, далее расстояние кочевки могли увеличить. До места проведения коральных работ бригада кочевала не более 5 дней.

Проведение осенней корализации (3–20 ноября)

Прибыв на место, где был построен кораль, на террасе у слияния рр. Ваеги и Канытынуквеем, разбивали лагерь (фото 5). Здесь стойбище бригады могло располагаться в течение 20 дней (до и после корализации). Из ближайшей бригады № 9 по первому снегу приезжали оленеводы, чтобы погостить, возможно, увидеть своих отколовшихся оленей, получить свежие новости и помочь во время отбивки.

Место для постройки коралья было выбрано удачно. Выше коралья по р. Ваеги (на расстоянии около 15 км) отбивали часть оленей, которых нужно было обработать в корале на следующий день. Наутро их загоняли и проводили отбивку в товарное и основное стадо. Оценив возможности людей, которые находятся бригаде, чтобы обработать стадо, старший оленевод дает распоряжение: «*Н'ыроча мырранатвын'ын н'элвыл*» (с чук. «*Три раза загоним в кораль (оленей)*»). Три части стада по одинаковой схеме обрабатывали как можно скорее. Выбракованных оленей, которые предназначались для убоя на убойном пункте села, оставляли в отдельной камере коралья, а тех, кто должен остаться в стаде, считали при выпуске наружу из коралья. После того, как выпускали оставляемую часть стада, их перегоняли на левый берег р. Канытынуквеем. Товарное стадо перегоняли на правый берег р. Ваеги и отгоняли как можно дальше, поскольку были случаи, когда некоторые отбитые олени возвращались обратно. Таким образом, между разделенными оленями после обработки, инвентаризации и выбраковки оставались естественные преграды. Товарная часть стада бригады № 6 в отдельные годы достигала 1000 гол. и более. Все девять бригад совхоза «Путь к коммунизму» вместе отбивали на забой в «товарняки» (местный жаргон) от 6 до 8 тыс. оленей (ПМА, 2004).

К 7–10 ноября небольшой аргиш с мобильным жилищем, с погонщиками и хозяйкой уходили за товарным стадом. Расстояние до с. Ваеги (более 100 км) товарное стадо, ведомое оленеводами, могло преодолеть за 15–20 дней. Старались не делать длинных перегонов, промежуточные стоян-

Фото 5. Оленеводы на осенней корализации, 1982 г. Слева направо: Н.И. Нувано (бригадир), А. Етынкеу (пастух), А. Атак (работающий пенсионер) (фото Л.М. Паутова, архив В. Нувано).

ки выбирались с хорошими кормовыми запасами, поэтому оленей сдавали в отделение Марковского ТЗП (торгово-заготовительный пункт) с хорошей упитанностью.

Тем временем оставшееся стадо оленей (около 2360 гол., из них 1300 важенок – Баскин, 2004/2005: 32) некоторое время паслось на низких склонах восточного предгорья Ваегского хребта. Перед оставлением «летнего места» две упряжки уходили на юг – оленеводы должны были убедить, что на летнем маршруте не остались отколы оленей. При их возвращении начинали кочевать на зимние пастбища.

Льяльан'этын – зимняя оленеводческая кампания (20 ноября – 20 марта)

Стадо бригады постепенно продвигалось на север к низкогорью урочища Тополиное. Так как часть пастухов уходила с товарным стадом, а другие уезжали в поселок, то оставшиеся мужчины перегоняли грузы на место зимовки частями.

Место зимней стоянки в течение нескольких лет (1980–1986) находилось недалеко от заброшенного прииска «Тополиный». Здесь опять разбивали стадо на две части. Первая часть стада называлась *яран'алвыл* (*яра –*

«дом», «жилище», *н'элвыл* – «стадо»). Это олени, которые оставались при основном зимнем стойбище. В него отбивали ездовых быков и несколько быков-кастратов для убоя на питание. Здесь же оставались важенки и олени из других половозрастных групп, приученные к моче, представляющие своеобразный «якорь» для стада, поскольку они часто приводили оленей к зимнему стойбищу (Природа..., 2006: 219). Сюда же отбивали молодых, приглянувшихся самцов, которых должны были обучать для упряжи. В таком стаде обычно оставалось не более 200 животных, чтобы до марта для них было достаточно корма около стойбища.

Вторая – двухтысячная часть стада, которую называли *нутэн'элвыл* (*нутэнут* – «земной простор», *н'элвыл* – «стадо»), паслась вдали от основного зимнего стойбища. Этой части стада всегда были необходимы новые пастбища, для этого при нем было небольшое мобильное стойбище из 1–2 жилищ и небольшой аргиш. Обогнув низкие Тополинские горы, пройдя по ягельникам широкой поймы р. Ваеги, стадо поднималось вверх по обоим берегам р. Восточный Тыклаваам и к началу марта подходило к северным склонам Вагского хребта.

Обе части стада и стойбища вновь соединялись в верховьях Западного Тыклаваама в 20-х числах марта, где оленеводы проводили отбивку на плодовое *рэквйт* и неплодовое *пеечвак* поголовье.

Пээчвагъёнратгыргын – проведение весенней корализации (20–30 марта)

Пээчвагъёнратгыргын – от разделение оленьего..., т. е. «отделение прошлогодних телят от стада» (Кузнецова, 1957: 294).

Для успешного проведения отела важно вовремя провести отбивку и снова разделить стадо на две части: маточную (плодовую) и самцовую (неплодовую). На это мероприятие из соседних стойбищ съезжались оленеводы, чтобы помочь при отбивке. Вместе строили кораль (в это время использовали переносной матерчатый загон) и непременно забивали ритуальных животных – тогда будет удача. Оленей загоняли в кораль, а оттуда к проходу – там уже выстроились пастухи с арканами, образуя коридор. Четким движением они заарканивали самцов. Старые наученные самки сразу устремлялись к выходу (Задорин, 2008: 69).

Сразу определяли, кто проведет отел. «*Мен'ин рагрольаты(н)?*» (в пер. с чук. «Кто проведет отел?»), – сначала спрашивают друг у друга старики. «*Эт'оэел Аттак ныгрольаты(н), эвыр'ым Ленконтэ ынк'о нырэквтыль-этынэт*» (в пер. с чук. «Аттак с семьей и помощниками в этом году оста-

нется в пик отела, так как он опытный, потом же его сын Ленька с помощниками до соединения обеих частей может остаться в маточном стаде»).

В каждой бригаде, где заканчивали отбивку, устраивали спортивные состязания. Самое интересное событие – гонки на оленьих упряжках с обязательными призами от организатора.

Отельная кампания (30 марта – 5 июня)

В конце марта стойбища снова разделялись и кочевали каждое своим маршрутом. «С этого дня обе части выпасались отдельно и назывались разными терминами: *рэквйт*..., и *стадо пээчвак*» (Кузнецова, 1957: 299). Эти термины остаются до настоящего времени и означают: *рэквйт* – «оленематка», т. е. плодовая часть стада, и *пээчвак* – «теленки прошлого года» – неплодовая.

Грольатгыргын – 1-я часть отельной кампании (начало и пик отела, 30 марта – 10 мая)

Это – самая ответственная часть отельной кампании. Проводил ее самый опытный оленевод.

Слово *грольатгыргын* происходит от чукотских корней *грокы* / *гырокы* – «период теления», так же называется месяц *гройэлгын* – месяц отела (Вальгиргин, Нувано, 2008: 220); *gro-elgyn* – месяц теления (Богораз, 2011: 30); *гироэльгин* (Орловский, 1928: 68), *л'гат* / *рыльатэтык* («увести» / «отнести»), *гыргын* / *вагыргын* («бытие»).

Плодовая часть сразу после отбивки переваливала на водораздел р. Куйвиеем к рр. Яутовеем (*АвынАвтаваам*), Малый Яутовеем (*К'айАвтаваам*), Автаваам (*Автаваам*), где открывается простор на три стороны речных долин. Неплодовая часть, в которой оленей значительно меньше, до конца апреля могла оставаться по склонам гор и по узким долинам рр. Западный и Восточный Тыклаваам. Лишь на некоторое время стада сближались в долинах речной системы Автаваам.

В первой половине мая, пока оба стойбища находились на близком расстоянии друг от друга (в разгар отела), проводили праздник рогов *Кильвей* (Богораз, 1939: 78; Кузнецова, 1957: 300), когда символически проводили итог отела. До коллективизации рога, которые сбросили отелившиеся важенки, собирали и возили с собой во время кочевки. Чем больше была куча рогов во время праздника *Кильвей*, тем более был заметен итог отела. После праздника опытный оленевод, проводивший первую часть отела, со своим аргишем, женой и детьми присоединялся к основному стойбищу. Они начинали кочевать на летник, где в ноябре прошлого года оставляли

летние жилища и скарб. Через крутой перевал *Эк'эльыннылк'ын* переваливали на водораздел р. Ваеги.

Раквытыль'атгыргын – 2-я часть отельной кампании (до воссоединения частей стада, 10 мая – 5 июня)

Вторая часть отельной кампании проходила после массового отела до воссоединения плодовой и неплодовой частей стада. Слово *раквытыль'атгыргын* происходит от корней слов *рэквыт* – «оленематка», *лъат / рыль'атэтык* («увести» / «отнести»), *гыргын / вагыргын* («бытие»).

До воссоединения обеих частей стада в его плодовой части некоторое время оставались молодые, менее опытные оленеводы (примерно до 5 июня). Их задачей было сохранение приплода и выпас плодовой части стада так, чтобы телята окрепли еще до воссоединения частей стада. Когда вскрывались реки, то плодовую часть выпасали недалеко на сглаженных вершинах гор, где на небольших ручьях слабые телята не могли утонуть. Обычно к середине мая на проталинах осоково-кочкарной тундры появлялась первая зелень – *к'очап* (пушица влагилищная). Первая зелень и обилие ягеля позволяли важенкам быстро набирать вес, их молоко приобретало лучшие качества, а телята становились крепче и уже могли переходить водные преграды без ущерба для здоровья. Это было сигналом к воссоединению частей стада.

Рыр'ачакгыргын – соединение плодовой и неплодовой частей стада (5–8 июня)

В начале июня неплодовую часть стада перегоняли на водораздел р. Автаваам, Куйвиеем, где с апреля находилась плодовая часть. Обе части быстро двигались навстречу друг другу. После слияния объединенное стадо направляли в самые верховья р. Автаваам, где через крутой перевал *Эк'эльыннылк'ын* его перегоняли в сторону летника *рамай*. Быки и телята прошлого года перевалили этот перевал несколькими днями ранее и поэтому обратно шли уверенно, ведя за собой все стадо.

Аноль'атынвын / аноль'атын – летняя стоянка (стойбище, 1 июня – 1 ноября)

Слово *аноль'атынвын / аноль'атын* происходит от чукотских основ *апок* – второе лето (Богораз, 1930: 30), *лъат / рыль'атэтык* («увести» / «отнести»).

Вскоре после 20 мая основной зимний аргиш (санный поезд) нескольких семей прибывал на место, которое по-чукотски называется *рамай*, где в лабазах всю зиму сохранялось тщательно увязанное имущество, оставленное с прошлого ноября. Выражение «*Н'утку н'утынгиик мырран'оль-*

анмык» («Здесь в этом году остановимся на лето») констатирует факт разбивки летнего стойбища.

На этом месте разбивали временный лагерь и ставили зимние жилища. Имущество прошлого года разбирали и сушили, а летнее жилище ремонтировали, к шатру пришивали новые, выделанные зимние шкуры. Этот лагерь еще не мог называться *аноль'атынвын*, так как на новое место не пришли олени и еще не делали обрядов.

Праздник Ваамк'анмат (10 июня)

Реки уже вскрылись. Объединенное стадо подходило на место, которое еще называют *рамай*. У временных жилищ (зимние меховые палатки) готовились к празднику по случаю вскрытия рек («приходу воды»). Первый раз после долгой зимы празднуют праздник *Ваамк'анмат* (объяснение названия праздника см. выше). Подобный праздник описал И.С. Вдовин. «*Остановившись весной на берегу реки, они кололи оленя, угощая ее хозяина кровью и мясом*» (Вдовин, 1977: 132). Первый праздник проводят без особого размаха – лишь благодарили водную стихию. К тому же нужно пополнить запасы свежим мясом. Родители с нетерпением ждали детей-школьников, которые в эти дни прилетали из поселка. Старших подростков ждали как полноценных помощников, которые все лето помогали родителям в выпасе оленей.

Праздник Ранн'атгыргын (11 июня)

На следующий день после праздника *Ваамк'анмат* проводят другой праздник по случаю постройки нового жилища – *Ранн'атгыргын* (см. Кузнецова, 1957: 266). Ваежские оленеводы иногда такой обряд проводили 2 и даже 3 раза, во время весеннего и летнего праздников.

Во всех случаях проводят *раныйырав* (от *ра/яран'ы* – «жилище, *йырав* – «освящение»), т. е. «освящение кровью» (жилище). Ловили из стада *йырын* – жертвенного оленя, кровью которого обмазывали жилище, освящая его, или когда принимали в семью нового члена (невесту или мужчину в качестве мужа), нанося на лицо мазки крови животного. Этого оленя подводили к противоположной от входа стороне жилища (западной), где и совершали жертву. Кровью обмазывали жилище по часовой стрелке. Возможно, это связано с почитанием предков. По мнению чукчей, духи умерших являются для живых помощниками.

После постройки нового жилища и его освящения место на текущий год называли *аноль'атынвын / аноль'атын* (летнее стойбище, см. фото 2). Это была самая продолжительная стоянка на лето и осень (иногда до 5 месяцев), где на все лето оставались женщины, дети, старики. Чтобы в стойбище всегда была свежая рыба или пополнялся запас мяса за счет добы-

чи диких животных, в стойбище оставался мужчина, которого называли *анотвалъын* («летом бытующий»). Он же заготавливал дрова на осенний период для всех яранг в стойбище, готовил снаряжение к зиме и выполнял другие хозяйственные работы. У всех оленеводов Чукотки летние стойбища ставили на сухой террасе или на бугре у рыбных рек и озер (Орловский, 1928: 69; Кузнецова, 1957: 321).

***Кыткытк'аальатгыргын* – весенняя оленеводческая кампания** (13 июня – 3 июля)

Чукотское слово *кыткытк'аальатгыргын* («весеннее продвижение оленей») происходит от названия чукотского месяца *кыткытк* – «первое лето» (Богораз, 2011: 30), *к'аа/к'оран'ы* – «олень», *льат/рыльатэтык* – «увести» / «отнести», *гыргын/вагыргын* – «бытие».

На следующий день после праздника готовились к выходу в новому маршруту. Пополнив запасы продуктами и снаряжением, на весеннее маршруты уходили уже с вьючными лошадьми (бригады № 6 и 9 совхоза «Путь к коммунизму» в 1980-е гг. в летний период вместо гусеничной техники использовали вьючных лошадей, по 4–5 гол.) по тому же маршруту, что и на раннеосенний маршрут прошлого года – по левому берегу р. Каньтынукеем. Во время половодья выбирали пастбища у малых рек: вниз по р. Восточный Тыклаваам, по малым рекам урочища Тополиное. Маршрут был не тяжелый, поэтому приветствовалось, когда со стадом уходили старшие дети с наставником. Некоторые семейные мужчины оставались в стойбище на заготовке дров, для ловли рыбы и других хозяйственных работ. Женщины шили для мужчин летнюю одежду.

Пока гнуса не так много, на свежей зелени и обилии воды олени набирали вес, полностью меняли шерстный покров.

По возвращении на стойбище *анольатынвын* (обычно 3–5 июля) проводили сразу два праздника. Второй раз делали *Ваамк'анмат*. В этот раз жертвенный убой оленя совершали у реки. Обычно праздник проводил и выполнял обряд *ыттолралъын* – «переднедомный» (Богораз, 2011: 142), поэтому члены бригады собирались и трапезничали у одного костра.

На следующий день праздновали *Вагтэлкаанмат*. Его название происходит от чукотского слова *вэгтылык*, обозначающего процесс, когда олени после отдыха и пережевывания пищи встают и снова уходят на кормежку. Следовательно, название праздника можно перевести как «жертвенный убой по случаю вставания оленей».

После этого оленеводы уводили стадо на долгих два месяца на летние пастбища.

***К'аальатгыргын* – летняя оленеводческая кампания** (5 июля – 3 сентября)

Чукотское слово *к'аальатгыргын* – «продвижение оленей» происходит от слов *к'аа/к'оран'ы* – «олень», *льат/рыльатэтык* – «увести» / «отнести», *гыргын/вагыргын* – «бытие».

Летняя кампания (летовка) в бригаде № 6 всегда длилась около 2 месяцев. После 10 июля появлялись подкожный и носоглоточный овод. С их появлением стадо становилось беспокойным и плохо кормилось в жаркие дни. Искали более прохладные и широкие места, поэтому необходимо было быстро перевалить через длинные перевалы *Вэлымьылыннылк'ын*, Луковый и пройти со стадом через оз. Рыбное *Гитэгнигытгын*, которое находится между высокими горами (1000–1200 м). Выходили на широкие долины рр. Кирпаваам, Куйвиеем (фото 6). Затем снова переваливали на водораздел р. Ваеги и оказывались у высоких гор и наледей. Здесь постоянные ветры и поздно тающие снега создавали благоприятные условия летовки из-за меньшего распространения комара, мошки и овода (Друри, 1936: 107).

В самом начале лета ориентировались на телят, которые были еще слабы. Как только замечали, что они устали и наелись, то, несмотря на то что взрослые олени еще не насытились, укладывали стадо на отдых. Только телята начинали хрюкать, искать мать, чтобы попить молока, значит, пора поднимать стадо. В период до 20 июля (в начале летовки) иногда за день стадо укладывали шесть раз. На обильном зеленом корме телята быстро подрастали, им нужно было дольше кормиться. Через месяц количество лежек уменьшали до четырех.

В августе начинали движение в обратном направлении, в сторону летних яранг. Уже использовали другие корма на пастбищах, поэтому оленеводы могли проводить стадо по июльскому маршруту.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Бригады оленеводов ваежской тундры тяготели к местам, где они разбивали свои летние стойбища *анольатынвын*. В течение продолжительного периода вокруг этих мест проходил весь производственный и культурный цикл оленеводов. Для бригады № 6 таким местом была длинная припойменная терраса по правой стороне р. Каньтынукеем, где проводили основные летние праздники и совершались обряды. Для того, чтобы место стоянки всегда было свежим и чтобы не разрушать почвенный слой, место стойбища часто меняли. Расстояние между стоянками 1975–1985 гг. было

Фото 6. Стадо бригады переваливает на р. Кирпаваам. Перевал Луковый, 2010 г.

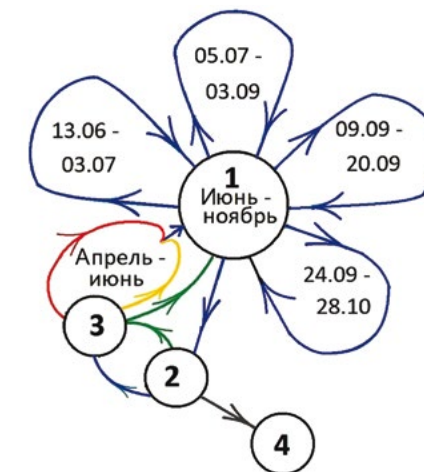
менее 10 км по террасе р. Канытынуквеем. Другие же оленеводческие мероприятия, которые неизменно выполнялись с совершением обрядовых действий (будь то весенняя разбивка стада или праздник *Кильвей*), проходили на зимних маршрутах и могли проводиться в разных местах в зависимости от часто меняющихся условий.

Условная схема годового цикла бригады № 6 показана на рис. 2.

В настоящей работе описан «усредненный» календарь сезонного передвижения бригады в 1980-е гг., но он, естественно, менялся от года к году в зависимости от погодных условий. Наиболее резкие перемены происходили в годы с экстремальными явлениями, например, когда из-за зимних оттепелей на поверхности снега образовывалась твердая корка (наст). Оленеводы называют это явление *кыт'ыл* («твердый снег») и *'эк'эрэн'* («время плохого оленьего корма») (Наши..., 2013: 205).

Впервые на моей памяти «твердый снег» случился в 1985 г. в урочище Тополиное, где тогда зимовали я и старик Койкой с женой. Пришлось спешно покинуть стойбище (даже оставили стоять зимние палатки, только

Рис. 2. Схема культурно-производственного цикла ваежских оленеводов. Синяя стрелка – основное стадо, розовая – плодовая часть стада, красная – выбракованная часть, светло-зеленая – скарб и ездовое стадо, темно-зеленая – неплодовая часть стада. 1 – место летней стоянки *анольатынвын*; 2 – место осенней корализации (разбивки); 3 – место весенней корализации (разбивки); 4 – центральная усадьба, место промышленного убоя

все нарты стойбища поставили стоймя). Небольшой аргиш из 5 нарт вел Койкой, я за ним гнал стадо в верховья Западного Тыклаваама, вверх в горы. На низкогорье и равнине после пурги с юго-востока образовался твердый снег. Спаслись в горах (ПМА, 2004). До 1985 г., когда еще не сформировался наст на поверхности снега, обычно, обогнув Тополинское низкогорье направо, кочевали вверх по р. Ваеги, иногда переходя на западные склоны Южно-Майнского хребта. С климатическими изменениями в 1985 г. повернули налево, на запад, к ближним крутым горам. На выдутых склонах гор оставались кормовые плешины, да и снег в горах почему-то был сухой. С тех пор северные склоны Ваегского хребта и дальше вглубь остаются основным местом зимовки бригады № 6.

Другие изменения последних десятилетий вызваны другими причинами. В связи с ликвидацией стада бригады № 9 расширилась территория кочевания бригады № 6 в западном направлении, где на менее гористой местности с широкими заболоченными склонами нет проблемы нехватки воды осенью. Но из-за этого оленеводы часто задерживались на равнинах зимой, где их застигал «твердый снег». После 1985 г. это стало частым явлением (например, в начале 2000-х гг. бригаде пришлось зимовать на равнине Нутавакливаамкачарни, где их застала «теплая» пурга. До гор было достаточно далеко. Задержка на осенних пастбищах и неготовность к неблагоприятной зимовке привели к падежу слабого поголовья).

Физиологический цикл оленей не изменился: гон, как и время отела, остается в пределах нормальных сроков. В связи с ликвидацией бригады № 9 летом (на летовку) весной (к летнему стойбищу) уже нет необходимости

переваливать через высокие перевалы *Эк'эльыннылк'ын* и *Вэлмыльыннылк'ын*. Поэтому оставались на водоразделе Автаваам, Куйвиеем, лишь на короткое летнее время выходя к р. Ваеги. И летнее стойбище бригады до 2015 г. было на р. Автаваам; теперь летнего стойбища нет.

И последнее важное изменение в жизни бригады. В настоящее время в бригаде не совершаются традиционные обряды, оленеводы не придерживаются описанного здесь праздничного цикла, так как в 2013 г. скончалась хозяйка стойбища Нина Петровна Нувано, а ее сыновья ушли на пенсию, оставив оленеводство. Стойбище *анольатынвын* больше не устанавливают, поскольку в бригаде осталась только одна женщина (родом из с. Марково), которая вместе со всей бригадой, состоящей из 6 мужчин, кочует за стадом. Эта женщина не знает чукотских обрядовых традиций, поэтому они не исполняются, как в 1980-е гг.

Несмотря на социальные изменения, которые коснулись оленеводческой бригады № 6 и оленеводства в целом, бригада живет – в ней остаются и работают люди. Это дает надежду на то, что оленеводческие праздники и другие традиционные мероприятия могут возродиться, быть может, приобретя новые формы.

Литература

- Баскин Л.М.* Костер Николая Нувано // Северные просторы. – № 2004–2005. – С. 32–35.
- Богораз В.Г.* Чукчи: Социальная организация. – М.: Кн. дом «ЛИБРИКОМ», 2011. – 216 с.
- Богораз В.Г.* Чукотский общественный строй по данным фольклора // Сов. Север. – 1930. – № 6. – С. 63–79.
- Богораз В.Г.* Чукчи. – Л.: Главсевморпуть, 1939. – Т. 2. – 211 с.
- Бороздин А.К., Забродин В.А. и др.* Северное оленеводство / под ред. В.А. Забродина. – М.: Колос, 1979. – 283 с.
- Вальгиргин А.И., Нувано В.Н.* Календарные праздники хатырских и ваежских оленеводов // Тропой Богораза. Научные и литературные материалы. – М.: Ин-т Наследия, 2008. – С. 218–223.
- Вдовин И.С.* Ваежские чукчи // Сибирский этнографический сборник. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 153–164. – (Тр. Ин-та этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая; Нов. сер.).
- Вдовин И.С.* Религиозные культы чукчей // Памятники культуры народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.). – Л.: Наука, 1977. – С. 117–171.
- Друри И.В.* Пастбищное хозяйство выпас у чукоч Анадырского района. – Л.: Гл. упр. Северного морского пути, 1936. – С. 105–124. – (Тр. Аркт. ин-та; Т. 57).

Друри И.В. Оленеводство. – М.; Л.: Гос. изд. сельскохоз. лит-ры, 1955. – 254 с.

Задорин В.Н. Как чукотские пастухи управляют оленьим стадом // Тропой Богораза. Научные и литературные материалы. – М.: Ин-т Наследия, 2008. – С. 69–71.

Кузнецова В.Г. Материалы по праздникам и обрядам амгуэмских чукчей // Сибирский этнографический сборник. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. – С. 263–326.

Наши льды, снега и ветры. Народные и научные знания о ледовых ландшафтах и климате Восточной Чукотки. – М.: Ин-т Наследия, 2013. – 360 с.

Нувано В.Н. Этнотерриториальная группа ваежские чукчи // Тропой Богораза. Научные и литературные материалы. – М.: Ин-т Наследия, 2008. – С. 78–84.

Орловский П.Н. Год анадырско-чукотского оленевода // Северная Азия. – 1928. – № 2. – С. 61–70.

Природа и ресурсы Чукотки. – Магадан: СВНЦ ДВО РАН, 2006. – 323 с. – (Тр. Чукот. филиала СВКНИИ ДВО РАН; Вып. 11).

Северная энциклопедия. – М.: Европ. издания, 2004. – 1200 с.

Сыроватский Д.И. Организация и экономика оленеводческого производства. – Якутск: Сахаполиграфиздат, 2000. – 408 с.

ЗВЕРОВОИ ЧУКОТКИ – НАБЛЮДАТЕЛИ ПРИРОДЫ

Мырин Н.И.

Первые научные наблюдения за морскими млекопитающими зверобои Чукотки проводили еще в 1970-е гг. по инициативе капитана китобойного судна «Звездный» Л.М. Вотрогова и затем уже систематически с начала 1990-х гг. под руководством доктора биологических наук Л.С. Богословской (Богословская и др., 1984; Богословская, 2003; Мырин, 2016). Были получены уникальные сведения о китах и других видах млекопитающих. В дальнейшем работы были расширены и охватывали десятки наблюдателей из национальных сел Чукотского полуострова. Эти программы финансировались Управлением «Охотскрыбвод» (г. Магадан), администрацией района Северного Склона, Барроу / Уткеагвик, Аляска, США. Были выполнены ряд индивидуальных проектов по традиционным знаниям коренных жителей (Хантингтон, Мырин, 1996; Мырин, 1999, 2012, 2016).

В данном сообщении собраны некоторые наблюдения зверобоев из национальных поселков Чукотки, которые не вошли в предыдущие публикации или сохранились в отчетах и потому остались недоступными для читателей на Чукотке. Они показывают удивительное внимание охотников к малейшим деталям поведения и внешнего облика животных; их бережное отношение к знаниям, полученным от старших или других охотников; важность народной традиции в современной промысловой культуре. Таким образом, при соответствующей подготовке зверобоев для экологического мониторинга, отборе добросовестных наблюдателей может быть получена уникальная информация о морских животных, которая часто недоступна биологической науке.

Охотник Канихин Анатолий (1963–1996, с. Сиреники, запись 1995 г.).

Беременная самка лахтака. Отметил в апреле в дневнике: «проплыла беременная самка лахтака на восток». У плывущего лахтака над водой видны кончик носа, глаза и верхняя часть головы. На вопрос, откуда сведения о беременности, наблюда-

тель пояснил: если зверь не пуган и плывет спокойно, то при нырянии он изгибается и над водой показывается часть спины. При этом у беременной самки спина поднимается «чуть-чуть» выше над поверхностью воды, чем у обычного тюленя.

Весь секрет в оценке этого «чуть-чуть», что приобретается благодаря жизненному опыту, зоркому глазу, постоянным наблюдениям за морем, а также регулярной добыче животных.

Охотник Ятылин Василий (1943–2004, родом из бывшего селения Сиклюк на о. Ыттыгран в проливе Сенявина. Запись 1995 г.).

Весенняя охота на нерп (акибу) на льду. В мае интенсивно тает снег, лежащий на льду. Образуется много луж. Талая вода стекает по ложбинкам в отверстия нерпичьих лунок. При сильном таянии образуются довольно сильные потоки, а в лунках – мощный круговорот уходящей под лед талой воды. В это время нерпы линяют и во множестве лежат у лунок. Охотники, высмотрев удобное место, пускают по ручью меховую рукавицу. Достигнув лунки, она начинает крутиться, отпугивая от лунки нерп. Проявляя максимальную быстроту, охотники подбегают и бьют нерп палками. Случалась приличная добыча. Сейчас, при обилии оружия, так не охотятся и не умеют.

Охотники Евгений Анкалин и Леонид Кутылин (с. Янракинот, запись 1995 г. Е. Анкалин – 1932–1996, Л. Кутылин – 1939–2014).

Зимовка лахтаков. На припайном льду пролива Сенявина ежегодно зимуют лахтаки: крупные самцы, самки и молодняк. Тюлени поддерживают лунки с осени, с момента образования первого льда. Здесь же их иногда отстреливали охотники (отсюда и сведения). От ползания через лунки у тюленей стирается мех. Лунка лахтака отличается от лунки акибы: она загрязнена илом вследствие питания тюленя со дна донными объектами.

Охотник Игорь Макотрик (1959 г. р., с. Новое Чаплино; отдельные наблюдения – запись 2004 г.).

Белый медведь напал на моржей. Охота для него окончилась трагично. Самка моржа ударила его клыком. Медведь погиб. Охотники нашли труп медведя с обломком моржового клыка в теле. Клык такой тонкий, от самки.

Косатки часто охотятся на моржей и довольно удачно. Они действуют, как волки, стаей. Но бывают и трагические неудачи. На береговой косе нашли труп косатки. При внимательном осмотре обнаружили клык моржа самца в грудной части косатки. Длина клыка оказалась около 70 см.

(Однажды) мы видели, как семь-восемь косаток терзали серого кита. Сначала он пускал фонтаны. Косатки сверху придавливали кита, не давали ему дышать. Падали на него сразу 2–3 косатки сверху. Дыхание перекрывали. Мы наблюдали часа 2–3. Две большие косатки подошли с боков и взяли зубами кита за передние плавники. Две другие косатки взяли за хвост. Самая большая косатка стала рвать спереди за нижнюю челюсть. Обычно косатки вырывают нижнюю челюсть и съедают язык. Больше их ничего не интересует. Серый кит перед косатками совсем незащищен.

НАБЛЮДЕНИЯ ПО ОТДЕЛЬНЫМ ВИДАМ

Белый медведь

Ратвыргин Владислав Сергеевич (1964 г. р.; отец родом из Кивака, мать из Лорино; дед по отцу тоже из Кивака. Сам родился в Янракинноте и все время живет там. Родной язык чукотский. Запись 2004 г.).

Хороший охотник. Должен знать традиции по морю ходить. Должен лед хорошо знать, как замерзает, какая толщина. Должен все знать: погоду, облака, как они идут. Все это предугадать нужно, чтобы не попасть в плохую погоду, что на море, что зимой, когда пурги, не утонуть на море.

Способы добычи белого медведя. Сейчас в основном на снегоходе «Буран»: и в тундре, и на припае. Еще есть другие способы: на собачьих упряжках, на лодках – если встретишь в море.

Когда я первого (своего) медведя добыл, их было сразу три. Это было в середине сентября; тогда пригнало с севера льды, даже айсберги (многолетний плавучий лед. – *Ред.*). Медведи пришли со льдами. Они почти бежали по поселку; это были мать с детенышами. Добыли тогда всех троих (вероятно, это случилось в 1998 г., когда был занос льдов с севера. – *Н.М.*).

Второй медведь, добытый мной. Ехал на «Буране» в оленеводческую бригаду. Был март месяц. Остановился остудить двигатель. Это было к северу от Янракиннота, где-то между реками Марич и Гетлянген. Смотрю: идет медведь в сторону севера. Медведь был большой, самец. Стрелял из карабина «Вепрь» шесть раз по лопаткам. После первых четырех выстрелов медведь все шел и шел. Только после пятого выстрела остановился, потом сделал рывок в мою сторону, пробежал метров пять и лег. Как бы напал. Полежал, голову прятал в снег. В голову не раз-

решается стрелять, особенно спереди в морду. Можно в шею. Стрелял примерно с 50–60 метров, было страшновато.

Основные места добычи. В основном на кромке припая, как замерзнет пролив Сенявина. И в тундре тоже добывали. В сентябре медведи иногда бывают прямо на Янракиннотской косе. У нерпы они едят одну шкуру с салом, а мясо оставляют.

Плавает в море быстро. Над водой только голова. ныряет хорошо и показывает при этом пятки задних ног. Посещает охотничьи домики, особенно когда двери оставляют открытыми. Видел в домиках следы. Если в домиках люди, тогда не подходят, не слышал.

В пургу пережидает во временной норе.

Охота с «наговором». Охотники увидят свежий след и сразу устремляются за ним. (Раньше) наговор был специальный, и этим наговором останавливали медведя, хотя его еще и не видно. А говорили примерно так: «Я тебя превращаю в ребенка, у которого развязались завязки на подгузнике (в такой ситуации ребенок путается и не может двигаться. – *Н.М.*). И медведь тоже так: останавливается. Его догоняли и добывали.

В основном это бегуны хорошие, «спортсмены» бегали и догоняли медведя. Раньше были такие «спортсмены»; сейчас их нет – перевелись, наверное. Сейчас никто так не бежит. Последний хороший бегун был Саша Туккай, мой одноклассник. По любому снегу бегал так, что собака сзади бежала. А обычно собака впереди человека бежит.

У моей жены дедушка тоже был «спортсменом» (бегуном). Однажды они поехали с братом на собачьей упряжке. Увидели след медведя, но не могли догнать. Тогда дед вылез и бегом к лагуне Гетлянген. Лагуна только замерзала, посередине еще оставалась чистая вода. Медведь на чистую воду свалился и поплыл. Дед стрелял много раз из винчестера, не мог убить. Потом подъехала упряжка, он взял винтовку-бердану с нарт и сразу убил. А лед тонкий – как доставать? Продвинули нарту (к самой кромке), потом по нарте поползли и за голову привязали.

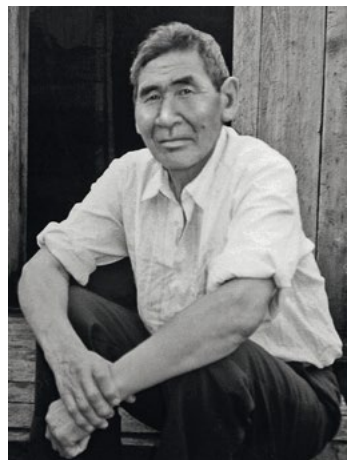
Медведь на воде не утонул, наверное, из-за густой шерсти. Упряжкой собак вытянули на лед, разделали.

Обряды над моими добытыми медведями. Когда добыл медведя в тундре, рядом не было ни одного кустика (чтобы срезать прут. – *Н.М.*), и я рот медведю раскрыл гаечным ключом с «Бурана». Так надо делать. Привязал за нарту и привез домой, в помещение не за-

Зверобой-наблюдатели 1980-х

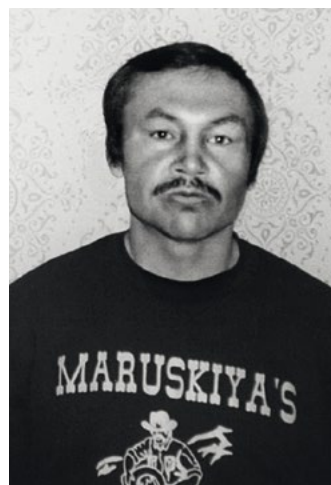
Николай Гальгаугье (1935–1995)
со своей упряжкой у проруби с белухами

Глеб Наказик (1943 г. р.)

Слева направо: Владимир Тагитуткак (1922–1999), Владимир Носукак (1926–2001) и Владимир Насалик (1938–2005)

Альберт Ашкамакин

носил. Довез до порога с улицы. Положил его на живот. Грудинку, сердце, 2 ребра – это все можно на него или под него положить. Костер разжигаю из травы и дрова сверху. Оленьи кишки, сладости, табак и другое кидаешь по чуть-чуть в костер. Этим как бы кормишь медведя, мажешь его по губам. Если самец, то ремень на него кладешь, если самка – то женские украшения (бусы). Потом почти всю ночь играли песни, в бубен били. Все приходят, кто умеет петь,

и 1990-х гг. (фото из архива автора)

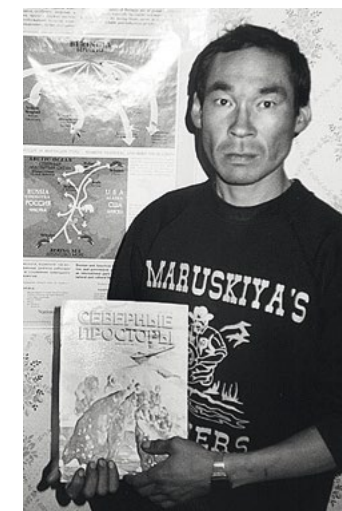
Петр Тыпыхкак (1933–2000)

Владислав Ратвыргин (1964 г. р.)
(фото А. Аппалю)

На привале. Константин Кымычгин (1939–2001, в центре, 1980 г. (фото Н. Перова из коллекции Е. Богословской)

Павел Люнеут (1963 г. р.)

играть. Бубен был мой. На этом празднике были женщины, мужчины, дети. Медведя уже занесли в квартиру. Сидят люди, бьют в бубен, поют, благодарят медведя. Все это было до ночи, до часу примерно. Потом все разошлись. Праздники одинаковые, не зависят, какой по счету медведь добыт.

Запреты. В лоб, спереди не стрелять. Вверх по склону не стрелять, так как медведь может свалиться или броситься сверху. Нельзя спереди стрелять в морду (в «лицо»).

Использование в пищу. Мясо идет в пищу. Зимой его морозят. А в теплое время сразу раздают всем. Из внутренних органов кушают только сердце, больше ничего. Мозги тоже едят и язык. Жир идет в пищу и на лечение. Внутренности выбрасывают воронам, чайкам. Собаки сырые внутренности не едят. Надо варить. При лечении жир только пьют.

Перед варкой глаза вытаскивают. Глаза нельзя варить. Глаза вынимают, когда разделяют. Собственные глаза могут испортиться, если так не сделать. После этого глаза просто выбрасывают с другими внутренностями. Глаза вынимают перед варкой у медведя, зайца, у всех зверей, а у нерпы глаза кушают сырыми.

Мясо медведя засаливают, сушат, как юколу. Сырое едят в виде строганины.

Мясо можно есть всем, нет никаких запретов.

Отношение к костям. Череп (медведя) отварил, мясо с него очистил. Один череп в море утопил. А первый череп в тундру отвез и положил носом на север. И больше к нему не ездил, не кормил. Когти остались на шкуре. Шкуры отмездрили, постирали, просушили. Когда шкуры высохли, женщины их отмяли. Раньше кто первым увидел медведя, тому и шкура принадлежит. А сейчас – тому, кто убил.

Ритуал. Брат делал. На веревочке сердце подвесил (или череп подвешивают) и спрашивает: «Куда ты пойдешь? Как тебе услужить?» Первый повернулся в направлении тундры, а второй – на море. Со шкуры снимают тоненько губы и с заднего прохода. Все это высушивается, складывается в мешочек и дома хранится все время. Это как священные амулеты (обереги).

Гренландский кит

Гальгаугье Николай (1935–1995, с. Сиреники)

Энурминские охотники с севера рассказывали, что один охотник видел, как гренландский кит несколько раз выставлял хвост и терся им о льдину, и был какой-то звук. И вдруг охотник видит – на льдине остался детеныш гренландского кита, у края льдины.

Таким образом, самка гренландского кита родила своего детеныша на льдину. Охотник, схватив веревку, зацепил новорожденного китенка и еле-еле потащил дальше от края льдины. Кит-самка несколько раз выставляла хвост и делала движения, как бы смахивала хвостом детеныша со льдины. Но его уже там

не было. Охотник тащил детеныша дальше и дальше. Кит-самка начала ломать лед хвостом, а потом не смогла это делать – лед был уже толстый. Охотник тащил все дальше и дальше. Кит-самка ходила в воде вдоль края льда и не могла ничего сделать. Потом охотник разделал китенка и отнес мясо домой (из литературных источников известно, что длина новорожденного китенка около 4 м. – Н.М.).

Насалик Владимир (1938–2005, с. Новое Чаплино, запись 1995 г.).

Рождение детеныша. Когда охотились на кораблях, видели, как китиха рожала детеныша. Хвост вверх поднимает, о край льда надавливает, и китенок выскакивает из утробы матери. Крови много при этом. Если охотники видят и могут взять китенка, то стараются его забрать немедленно. Бегут и, обхватив веревкой, тащат китенка в сторону по льду. Он длиной как белуха (примерно 3–4 метра). У новорожденного китенка гренландского кита кожа («мантак») в 2 раза толще, чем у взрослого кита, и мягкая. Очень ценится. Бегом тащат китенка в сторону. Китиха после освобождения от плода сначала уходит на короткое время в сторону, так как сразу после родов, наверное, больно и она должна прийти в себя. Потом возвращается и высовывает голову из воды и смотрит. Потом начинает хвостом лед ломать. Если заметит охотников – то не спрятаться от нее.

Тыпыхкак Петр (1933–2000, с. Сиреники).

Брачное поведение гренландских китов. Как киты обнимают друг друга, видел Гальгаугье Николай. Показываются на поверхности, потом опять в воде скрываются, потом снова показываются на поверхности. Так крутятся не более часа, обычно меньше часа.

Брачное поведение (я тоже) видел у Сиреников. Другие охотники видели у местечка Анитикок и у мыса Лесовского.

Когда киты играют, то хвост поднимают из воды, хлопают. Иногда голову выставляют и туловище почти наполовину и падают в воду на бок или на спину. Как поднимаются так высоко, трудно сказать. Чаще всего играют одиночки. Вдвоем не играют, не видел.

Старики говорили, что детеныши рождаются на севере, там, где льды толстые. Только там рождаются. На воде тоже рожают. Старики говорили, самка кита на толстый лед выдавливает детеныша при родах, потом хвостом смахивает в воду. Старики рассказывали. Собирались на берегу, я еще был пацаном. Они расска-

зывали, а мы любили слушать и запоминали. Сидели, смотрели на море и рассказывали. С севера киты приходят уже с маленькими, с детенышами.

Гренландский кит и косатки. Раньше косаток было мало. Сейчас много стало. Старики рассказывали, что большие самцы косаток, с большим плавником, это как у охотников – «звеньевые». А с маленькими плавниками и поменьше косатки – это такие быстрые и проворные киты. Старики охотники в Сирениках и из Гэмбелла (о. Святого Лаврентия, Аляска) рассказывали, что эти маленькие косатки, вероятно, самки и молодняк, ложатся на дыхало гренландскому киту, не дают ему дышать, топят его. А в это время большие самцы одновременно с двух сторон бьют кита в бок, по груди. Даже ребра ломают киту и убивают так гренландского кита. Косатки у такого кита только ласты откусывают и язык отрывают. Охотники забирали такого кита после косаток и видели результаты охоты – вырванный язык, покусанные плавники и сломанные ребра. Удивлялись силе ударов косаток по ребрам.

Старые китовые кости по побережью. Раньше, когда шли охотиться в район мыса Лесовского или Анитикока (Ан'ытык'ук), моя мама говорила, что надо покормить кости китов (столбы), которые стоят в этих местах. «Это наши предки», – говорила она. Я туда ходил, брал немного пищи с собой, оставлял около этих костей (столбов). Столбы (кости нижней челюсти гренландского кита) на Лесовском и в Анитикоке – это предки моей матери поставили их там.

Ставили самые большие кости нижней челюсти добытого гренландского кита. В Имтуке тоже есть такие высокие «столбы». В Анитикоке тоже стоят челюсти китов. В Сингаке тоже большие столбы. Все они, наверное, как память о добытых китах, а теперь как память о предках наших (см. подробнее Арутюнов и др., 1982).

ОХОТА С КОПЬЕМ НА ЧУКОТКЕ

Тыпыхкак Петр (с. Сиреники).

Было это раньше. Подкравшись к лежащему у поверхности гренландскому киту на двух байдарах, кололи его с двух сторон копиями. Концы копий встречались в сердце кита. Это выяснялось при разделке добытого животного. А вес кита – до 60–80 тонн!

Тагитуткак Владимир (1922–1999, с. Новое Чаплино, вырос на о. Ыттыгран).

Отец рассказывал, как раньше охотились на гренландского кита. Обычно в ноябре, когда стоит уже молодой лед (до 30–40 см толщиной) у острова Ыттыгран в проливе Сенявина. Кит выныривает, ломает лед и «стоит» на месте, делает 12 выдохов-вдохов. Во время дыхательных движений и производимого китом шума охотники старались разобрать куски льда у дыхла или сразу за ним. В паузы между вдохами все затаивались. Потом разом кололи несколькими копиями в район за дыхалом. Так убивали кита. Кит после убоя не тонет.

Ковранто Константин (1942 г. р., с. Янракиннот).

По просьбе автора статьи зверобой с. Янракиннот в октябре 1987 г. организовали добычу моржей копиями. На лежбище острова Аракамчечен было около 900 моржей, в основном взрослых самцов. Из транспортных средств были только два вельбота грузоподъемностью около 1 т каждый. Погода была неустойчивой, ветреной. Высадились на берег и к животным подошли по пляжу. Звери стали медленно сходить в воду. Задние звери временами делали выпады в нашу сторону, угрожая клыками. Ковранто сделал быстрый выпад к уползающему к воде моржу и ткнул копьём в левый бок сзади, под ребра, внутрь грудной клетки. После укола морж уронил голову на пляж и не двигался. Лишь наблюдалась легкая дрожь кожи. Сделав несколько шагов, охотник сделал второй выпад и удар копьём. Второй морж упал без движения. Оставшиеся звери сошли в море. Охотники приступили к разделке животных, что заняло около 20 минут. Осмотр показал, что оба удара копиями попали в сердца моржей. Два взрослых самца весом около 1200–1500 кг каждый были убиты в считанные секунды.

Вуэле Михаил (1940 г. р.).

Охота на белого медведя в районе реки Амгуэма, севернее залива Креста, в 1940–1950-е гг. Все охоты видел сам.

Чаще добывали белых медведей оленеводы тундры. В апреле – июне медведи уходят со льдов Анадырского залива на сушу и по долинам рек устремляются на север, к Чукотскому морю. Здесь шансы встретить медведей намного больше, чем в море. В долинах в это же время располагались со стадами оленеводы, испытывавшие постоянный недостаток в жире для жирников, мясе и шкурах. Оленей они берегли; отсюда постоянный интерес оленеводов к медведям.

Различали (по следам): медведь молодой или старый, упитанный или худой, «левша» или «правша». Старые и упи-

таннные звери при преследовании быстро уставали. Левша или правша – это знание нужно, чтобы правильно подходить к зверю с копьём. «Правша» ловко бьёт правой лапой влево, соответственно, левша – вправо. Один-два оленевода, как правило, молодые, обнаружив след и определив его свежесть, быстро догоняли медведя и, преследуя его, заворачивали в сторону расположения яранг. Упитанные и старые звери быстро уставали и даже падали. Укалывая зверей копиями, их заставляли подниматься и гнали к жилью. Транспорта у оленеводов не было, и тащить добычу за несколько километров было совсем не с руки. Гнали зверя к жилью. Примерно в километре от яранг, чтобы не пугать собак, женщин и детей, медведя закалывали копьём. Далее совершался сложный ритуал «встречи» и «проводов» медведя.

Етынкеу Сергей (1931 г. р., оленевод, с. Нунлигран). Сам догнал и пригнал трех белых медведей к ярангам и забил их. Было это в 1950 и 1951 г.

Когда медведя догоняют и движутся совсем близко к нему, то медведь все время смотрит назад и так постепенно заворачивает назад, бежит в обратную сторону. Это и нужно охотнику. Например, если медведь на бегу поворачивает голову и все время смотрит вправо, оглядываясь на охотника, то забегает все время левой передней лапой вперед и постепенно поворачивает вправо (или забегает влево, если смотрит влево и забегает вперед правой передней лапой). Таким образом подгоняли его ближе к яранге. Точно так же определяли упитанного или худого, молодого и старого.

Приведенные истории добычи копьём крупнейших животных: белых медведей, моржей и гренландских китов – вызывают восхищение искусством и мужеством аборигенных охотников Чукотки. Поражает их уникальное знание биологии, анатомии и повадок диких животных. Эти охоты не были примерами удалства, но были необходимы для успешного выживания в условиях Арктики. Из описанных видов охоты в настоящее время сохранилась только охота с копьём на моржа на лежбищах, которая практикуется в некоторых национальных поселках Чукотки, в основном на северном побережье.

КАК СТАНОВЯТСЯ ОХОТНИКОМ

Тыпыхкак Петр (с. Сиреники).

Кто такой хороший охотник? У него должно быть здоровье хорошее, должен быть активным, удачливым. Раньше, ког-

да зверь мигрирует и хороший ход, я даже спать не мог – хочется на берег, в море. Как будто больной. Кто первый рано утром на берегу будет, когда зверь идет, тому и удача. Звери рано утром ближе к берегу идут. Днем звери дальше в море идут. Кто позднее придет – тот должен охотиться дальше в море.

Поздно вечером тоже звери около берега идут. Когда раньше охотились далеко в море и не было зверей, то говорили, что нужно к берегу ехать. И там часто зверей находили – моржей, лахтаков, мигрирующих вдоль побережья.

Раньше тоже в море далеко ходили, даже без моторов, на парусе или на веслах. Так далеко, что сопки наши наполовину и даже еще меньше видны за горизонтом. А сопки у нас высокие (до 600–800 метров).

Раньше, если была хорошая погода и хорошо шел зверь (моржи), то охотились, работали из последних сил, добывали, сколько могли. Потом погода портилась, и мы отдыхали и отсыпались дома. Нужно вовремя добывать, а то зверь уйдет, погода испортится и останешься без пищи.

Кымыечгин Константин Васильевич (1939–2001, с. Янракинот; написано собственноручно в 1995 г.).

Я начал работать оленеводом 24 марта 1954 года в возрасте 15 лет. И работал до 13 июня 1963 года. После этого ушел из оленеводства по болезни. <...>. В августе 1970 г. я подал заявление о переводе из звероводов в охотники морского зверобойного промысла. (Попросился) в звено опытного морзверобоя Ратвыргина Сергея. Ратвыргин Сергей проработал на вельботе в море 35 лет. Он добывал моржей, лахтаков, серых китов.

Директор совхоза Сеницын В.Н. перевел меня на работу морзверобоем-матросом с 11 августа 1970 г. Я начал работать вторым стрелком, так как на этом вельботе не было второго стрелка. Моим наставником был назначен звеньевой-рулевой Ратвыргин С. Благодаря советам Ратвыргина С. я быстро освоился на новой работе. В навигацию 1971 года я уже был первым стрелком вельбота. При этом прибавилось ответственности. Надо следить за расходом патронов, за исправностью гарпунных древков, гарпунов, весел, пых-пыхов (поплавков). Вовремя пополнять продуктовый запас вельбота, а также питьевой воды.

В 1973 году Ратвыргин С. ушел на пенсию и мне доверил, как своему ученику, возглавить звено вельбота. Но сразу не ушел, а продолжал до июля месяца, пока стоял лед в проливе

Сенявина, рассказывать, как держать вельбот во время шторма; в каком проливе во время ледохода какое течение; где и в какое время держится густой битый лед.

Носукак Владимир (1926 г. р., с. Новое Чаплино, запись 1996 г.).

Морским охотником стал поздно, так как мать оставила нас рано – умерла в 1941 году. Отец нас с братом держал дома, чтобы мы воспитывали младшего брата, которому было тогда 3 года.

Мой отец – Нуталин. Он был тогда инвалидом, получал пенсию и не работал. Но он всегда работал при помощи собак.

Случилось это (с ним) давно, я год не помню, наверное, был очень маленьким. Во время охоты на байдаре зимой резко поднялся ветер и началась пурга. Байдару из Кивака понесло в море. В байдаре было 7 или 8 охотников. Они не могли грести против ветра, не было сил. Старики приняли решение плыть по ветру к торосистому льду. Плохая погода длилась долго, и старики старались попасть на Аляску, так как обратно плыть было невозможно против ветра. Плавание длилось 13 дней. Один охотник в пути погиб. Мой отец и еще один охотник обморозили ноги, так как у них были старые, изношенные и дырявые торбаса. Наконец, к вечеру они пристали к берегу. Они оказались на острове Лаврентия. На берегу была избушка. Потом на нарте местные жители довели их до поселка Савунга. Здесь всем оказали медицинскую помощь.

У моего отца ампутировали часть ступней обеих ног. У одной ноги удалили часть пятки. Так закончилась зимняя охота и многодневное плавание в зимнем море. Лечились они там до весны. Потом, в конце июня, на вельботе привезли всех обратно в Кивак на Чукотку.

Люнеут Павел (1963 г. р., с. Новое Чаплино, запись 1996 г.).

6 января 1985 года я и мой тесть Сивухтыкак Василий поехали на одной собачьей упряжке (8 собак) из села Новое Чаплино на охоту на кромку льда в бухте Ткачен в район мыса Галечного. Избушки на этом мысу тогда не было, только будка для хранения аккумуляторов для маяка. Время было около 15 часов после полудня.

Василий пошел посмотреть и проверить, где начинается тонкий молодой лед. Я остался с собаками. Вдруг собаки увидели вынырнувшую нерпу в молодом льду и тут же внезапно рва-

нули с места. На нарте лежали два карабина 7,62 мм и две малокалиберные винтовки 5,6 мм. Вместо наплечных ремней на винтовках были привязаны веревки.

Я хотел остановить остолом (палка с железным наконечником для торможения нарты. – *Н.М.*) нарты, но остол скользил по гладкому льду и снегу. Быстро заехали на молодой лед. Я, боясь потерять оружие, стал наматывать веревки карабинов на дугу нарты, чтобы оружие не утонуло.

Собаки подскочили к нерпичьей лунке и столпились у нее. Тут же мы все провалились в воду. Лед-то был слишком тонок. Собаки, нарта и я оказались в воде. Оказавшись в ледяной воде, я пытался повернуть собак обратно к кромке толстого льда. Это удалось сделать, но потом среди молодых собак началась паника. Они полезли друг на друга и на меня. Все собаки были в упряжи и только мешали друг другу и топили меня. Мы находились примерно в 30 метрах от кромки толстого льда.

К этому моменту Сивухтыкак Василий подбежал к кромке льда и стал пытаться добросить до меня веревку. Но она оказалась слишком короткой, длиной всего около 3 метров. Так как собаки лезли на меня, я их оставил и поплыл к кромке толстого льда. Пришлось буквально плыть-ползти по молодому льду, который все время проламывался подо мной. У кромки мне помог вылезти на лед Василий.

Я весь был пропитан ледяной водой: торбаса, меховые брюки, кухлянка, шапка. Температура воздуха была примерно минус 8–10 градусов, может, и ниже, с северным ветром. До села Новое Чаплино – 7–8 километров. Собаки и нарта с оружием остались в ледяной каше в 30 метрах от старой кромки льда.

Мы решили идти к маяку. Василий дал мне свою нижнюю кухлянку и камлейку (глухая брезентовая или матерчатая куртка поверх кухлянки. – *Н.М.*). Я переоделся тут же, и мы пошли. У маяка нарубили дров и разожгли костер в будке, где обычно стоят аккумуляторы от маяка. Здесь я снял торбаса и мы отжали от воды чижы – меховые носки.

Сейчас я думаю, что это была ошибка. Вода в нерпичьих торбасах уже нагрелась от тепла моего тела. Отжатые от воды чижы быстро промерзли на морозе и сильно остыли. Когда я их надел, то ноги сразу стали мерзнуть. Мы посидели у костра примерно 1,5 часа и пошли домой, так как от такого костра и в таком неустроенном помещении было мало толку, никакого тепла

не было. Снег был очень глубок. Мороз к вечеру усилился, и с севера тянула холодная поземка.

Шапка, брюки и торбаса были мокрые. Так шли мы 2 часа. меховые брюки стали смерзаться, и я уже не мог идти. Замерзла и голова. От всех потрясений, холода и усталости я уже стал терять сознание и не помню, как нас догнал на собачьей упряжке Геннадий Каяк. Он ехал со стороны моря. Посадил меня на нарту. До села ехали долго. В упряжке было мало собак, тяжел груз для них, глубокий снег еще больше затруднял движение.

На нарте я снова пришел в себя: замерзали ноги, отморожил руки и уши. В село прибыли ночью. С помощью своих спасителей вошел в дом – сам идти уже не мог. Вся одежда смерзлась. Разрезали бечевки и с трудом сняли торбаса. меховые носки смерзлились и пристыли к отмороженным ногам. Отрезали носки от ног ножом. Это сделал Геннадий Каяк. Когда все срезали, принесли с улицы снег в тазу и набрали туда же холодной воды. Я опустил в таз ноги. ступни были твердые и стучали по полу, как деревянные.

Послали за врачом (фельдшером), но он пришел только на следующий день. Не дожидаясь врача, жена Вера начала лечить сама. Достала из холодильника жир белухи и стала натирать им отмороженные руки и уши. Когда ноги стали «отходить» в холодной воде и я стал их чувствовать, в таз стали добавлять теплой воды. Когда ноги приобрели чувствительность, их смазали жиром белухи и хорошо укутали марлей, ватой и шерстяными шарфами. На другой день пришел врач и прописал какую-то мазь от обморожения. Через день уши зажили. Ноги зажили через 2 недели, и я стал ходить по дому.

Ратвыргин Владислав Сергеевич (1964 г. р., с. Янракиннот).

Посвящение охотника. Обычно первую добытую нерпу или любую первую добытую добычу, даже птицу, нужно отдавать другому человеку, на сторону, делиться. Самому нельзя пробовать. Я первый раз акибу добыл. С отцом были на нарте с собаками. Некому на сторону было отдавать. Отец отрезал усы и отдал собаке-передовику. Собака съела. Отцу отдавать нельзя – он родственник и отец. Надо чужому человеку, отец отдал собаке.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Первопроходцы в организации наблюдений за морскими млекопитающими – Л.С. Богословская и другие, увидели и оценили неисчерпаемый

источник сведений о природе моря в знаниях и опыте коренного населения побережья Чукотского полуострова, людей, «живущих лицом к морю». Коренные жители, эскимосы и чукчи, особенно морские охотники, показали глубокие и подробные знания о животных моря, особенно о морских млекопитающих, которые во многом неведомы официальной науке. Здесь и знания о миграциях гренландских китов, особенностях их брачного поведения, и уникальные наблюдения случаев рождения китами детенышей на поверхность льдин и последующего смахивания их в воду, включая наблюдения за какими-то особыми гренландскими китами, которых эскимосы называют *агвысыак*, возможно – это гладкий южный кит.

С помощью систематических наблюдений охотников были установлены ритмы и закономерности весенних и осенних миграций ластоногих: моржей, лахтаков, кольчатых нерп. Закономерности касаются животных Берингова моря, исчисляемых сотнями тысяч! Одних лахтаков в Беринговом море по оценке автора насчитывается 250 тыс., кольчатой нерпы – около миллиона. Биологической науке эти закономерности неизвестны. В процессе работы с наблюдателями открылись уникальные знания коренных жителей о биологии моря, о морских млекопитающих и других животных.

В заключение хочется отдать дань уважения и благодарности всем участникам проектов наблюдений из числа морских зверобоев Чукотки и научным руководителям проектов, особенно тем, кого уже нет с нами.

Литература

Арутюнов С.А., Крупник И.И., Членов М.А. Китовая аллея. – М.: Наука, 1982. – 176 с.

Богословская Л.С. Киты Чукотки: пособие для морских охотников. – Москва – Провиденция – Анадырь: Ин-т Наследия, 2003. – 324 с.

Богословская Л.С., Вотрогов Л.М., Крупник И.И. Гренландский кит в водах Чукотки. История и современное состояние популяции // Морские млекопитающие. – М.: Наука, 1984. – С. 191–212.

Мырнин Н.И. Традиционные экологические знания сибирских эскимосов о гренландском ките. – Киров: ВНИИОЗ, 1999. – С. 191–212.

Мырнин Н.И. Динамика природных ресурсов и аборигенный промысел на юго-востоке Чукотского полуострова: дис. ... канд. биол. наук. – Киров, 2000. – 168 с.

Мырнин Н.И. Гренландские киты в проливе Сенявина // Морские млекопитающие Голарктики. – Суздаль, 24–28 сент. 2012. – С. 475–478.

Мырнин Н.И. Работа с наблюдателями, коренными жителями Чукотки. Некоторые впечатления и наблюдения // Лицом к морю. Памяти Людмилы Богословской / отв. ред. И. Крупник. – М., 2016. – С. 68–86.

Хантингтон Генри П., Мырнин Н.И. Традиционные экологические знания о белухе: отчет / Циркумпольярная конференция инуитов. – Анкоридж, Аляска, США, 1996. – 88 с.

«НАКОНЕЦ-ТО Я ДОМА»: ВОЗВРАЩЕНИЕ В РОДНОЙ АККАНИ

Яценко О.Е.

Аккани – если перевести это название на русский, получится Студеное место. И это правда. Здесь сильные ветра, мороз, зимой чуть ли не каждый день пурга... Все равно, по моему мнению, это самое хорошее, самое лучшее место для жизни ... самое красивое место на Земле ... Здесь Родина, и наши потомки должны вернуться сюда...
Александр Емельянов, 2004

ВВЕДЕНИЕ

Любой заезжий в село Лорино человек слышит слово «Аккани» сразу же после первого знакомства. Так было и со мной в 2011 г., когда я собирала материал для своей магистерской работы по проекту 'Move' «Мув» (Moved by the State). Местные жители тотчас интересовались, входит ли в мои планы посещение Аккани. Через три недели меня отправили туда на лодке Геннадия Инанкеуся вместе с его сыном Васей и матросом Славой Кемлиль. У них была своя община, и они охотились в Аккани «отдельно от колхозников» (ПМА, 2011; фото 1).

Летняя промысловая база лоринских морзверобоев на месте закрытого приблизительно в 1969 г. поселка Аккани находится посередине между центром Чукотского района в селе Лаврентия и селом Лорино. Аккани стоит на мысу, с которого открывается великолепный вид на Берингово море, так что прямо с берега хорошо отслеживать миграцию моржей. Удобная бухта для швартовки лодок, река с пресной водой, восстановленные домики и остатки угля от старого поселка делают это место живым и желанным для работы и отдыха. Аккани – территория береговых чукчей: здесь все чукотское – орудия охоты, традиционная еда и язык общения за чаем и на охоте.

© Яценко О.Е., 2020

Фото 1. Домик «четверки». Вдалеке «Шанхай» с резиденцией Инанкеуся. Аккани, 2013 г. (фото автора)

«Аккани» переводят на русский язык по-разному: «студеное место» (Емельянов, 2004); «выступ», «плохой ветер» (ПМА, 2019); «ыккынин» – «холодное», «ыкы» – «стужа» (Меновщиков, 1972); «семь юрт» (Богословская, 2004).

К 125-му юбилею поездки Н.Л. Гондатти на восточную Чукотку мне захотелось проследить судьбу одного из закрытых береговых поселений Чукотки – Аккани через призму исторических данных, воспоминаний и интервью с жителями села Лорино 2011 и 2019 г., а также моих личных бесед и дневниковых записей. Я также использовала метод включенного наблюдения во время своих неоднократных приездов в Лорино в 2011, 2013, 2015, 2016 и 2017 г. и в Аккани в 2011, 2013 и 2016 г.

Первое упоминание об Аккани под именем 'Akanip' мы находим на карте немецких натуралистов братьев Краузе, которые прошли на маленькой парусной лодке вдоль берегов Чукотского полуострова летом-осенью 1881 г. (Krause, 1993: 40). Текст Краузе не упоминает об их высадке в Аккани (они прошли морем из бухты Лаврентия сразу к входу в Мечигменскую губу, обогнув мыс Кригуйгун); но с моря или со слов своих чукотских спутников они записали, что в поселке было тогда «4 хижины», т. е. яранги. Также с моря наблюдал Аккани и отметил его под тем же именем 'Аканин' начальник Анадырской округи Н.Л. Гондатти в 1895 г., во время своего морского путешествия из села Уныин (Старое Чаплино) в Уэлен (см. Введение). Про Аккани Гондатти (1898) упоминает трижды. Первый

раз, когда описывает некое зарубежное судно, капитан которого обещал ему как начальнику округа больше не покупать оленей, но тем не менее «пошел вдоль нашего берега, захватил в Аккани двух инородцев в качестве переводчиков...» Второй раз при упоминании американца, который купил стадо оленей и предполагал с помощью чукотских пастухов создать свое стадо около Уэлена и заниматься им. Согласно записям, двух пастухов взяли из Аккани и Яндогая (соседнего поселка на северной стороне м. Кригуйгун, который был закрыт в 1957 г. – О.Я.). Третье упоминание относится к пассажирам вельбота, ехавшим из Аккани. Гондатти (очевидно, с моря или со слов своих чукотских информантов) насчитал тогда в Аккани 10 домов с 42 жителями; эти данные вошли в материалы Первой российской переписи населения 1897 г. (Патканов, 1912: 893).

В.Г. Богораз называет Аккани в своем списке береговых поселков Чукотки (Богораз, 2011: 15) – как «Аканен, по-эскимосски Аканик – 7 домов. По реестру (т. е. по списку Гондатти. – О.Я.) 10 домов, 42 человека» (Богораз, 2011: 15). К 1923 г. население поселка выросло до 53 чел. (15 домов – [Материалы..., 1925:xxviii]. В отчете уполномоченного Управления погран-охраны Дальневосточного края А.И. Калтана (по другому чтению – Кампана, см. статью С. Шокарева) описывается Яндогайский кооператив и село Яндогай, где он пробыл с 6 по 9 октября 1930 г. Упоминается, что в Правлении кооператива есть «чукча Рентытегин из Аккани» и что кооператив обслуживает и Аккани в том числе, с созданной там промысловой группой (Калтан, 2008: 290).

На карте «национальных поселков Чукотки», составленной Л.С. Богословской (Богословская, 2004), Аккани числится под номером 104: «Аккани, Акани, Ыъканын, Яккани, «7 юрт»; в 1926–1927 гг. здесь было 16 хозяйств чукчей, 84 чел., в 1934 г. – 162 чукчи, 2 эскимоса, 1 приезжий; в 1946–1950 гг. – 153 чел. Поселок закрыт в 1960-х гг., жители переселились в Лорино (Богословская, 2004: 63). По архивным данным, население Аккани в 1951 г. составляло 156 чел., включая 155 чукчей и 2 приезжих (Krupnik, Chlenov, 2013: 249). Число жителей в Аккани несколько возросло после закрытия соседнего поселка Яндогай в 1957 г., когда сюда переселились отдельные яндогайские семьи. Но и Аккани «продержался» недолго – поселок был официально «закрыт» (ликвидирован) властями Магаданской области в 1969 г. и его жители были переселены в с. Лорино. Следует отметить, что в Государственном архиве Чукотского АО не нашлись документы о закрытии Аккани.

МОЕ ЗНАКОМСТВО С АККАНИ

С темой закрытых национальных поселков Чукотки я впервые соприкоснулась в 2008 г., когда познакомилась с ученым из Университета Аляски в Фэрбенксе, антропологом Тобиасом Хольцленером и помогала ему в выборе жителей села Новое Чаплино для интервью: искали людей из закрытых поселков. Он был участником проекта «Мув» (*Moved by the State: Perspectives on Relocation and Resettlement in the Circumpolar North*) (MOVE) – буквально «Перевезенные государством: Переселения и навязанные миграции на циркумполярном Севере»; по-английски *move* (мув) означает *движение/переезд*). Это был многолетний международный проект с параллельными полевыми работами на Аляске, в Канаде, Гренландии, на севере Норвегии и на Чукотке в рамках большой исследовательской программы «Boreas» и вошедший в программу Международного полярного года 2007–2008 (Davis, 2010; Schweitzer, 2010). В 2010 г. я также стала участником этого проекта и под руководством антропологов Питера Швайцера, Светы Ямин-Пастернак и Патрика Плате из Университета Аляски в Фэрбенксе начала собственную исследовательскую работу по сравнению двух береговых сел Чукотки, прошедших через политику укрупнения и переселения – чукотского села Лорино и эскимосского села Сиреники (Yashchenko, 2013). Мои материалы 2010–2011 гг. показали, что переселение чукчей из закрытых селений Яндогай, Аккани, Нунямо, Раупелян в Лорино и чукчей с р. Курупка в эскимосское село Сиреники оказало огромное влияние на современное социальное, культурное и хозяйственное положение и состояние этих современных национальных общин.

Многие этносы в прошлом веке не по собственной воле попали под советскую политику переселения. По политическим мотивам и в качестве рабочей силы на сталинские «стройки века» были переселены с родных мест дальневосточные корейцы и поляки, а в 1941–1944 гг. – чеченцы, ингуши, калмыки, волжские немцы (Krupnik, Chlenov, 2007: 60). На Севере, в том числе и на Чукотке, мелкие поселки и стойбища на удобных людям и издавна осваиваемых мысах и косах были упразднены, а их жители переселены в крупные и незнакомые поселения. Последние были оборудованы всеми необходимыми элементами социальной инфраструктуры – школами, магазинами, медпунктами, котельными и, по мнению властей, представлялись лучшим местом для проживания. Для первых строителей советской власти коренные жители Чукотки – чукчи и эскимосы казались «отсталыми, безграмотными, без школ, без письменности, без больниц, без культуры и в полнейшей бедности» (Krupnik, Chlenov, 2013: 1). По мнению москов-

ских руководителей более позднего периода, таких людей уже не надо было воспитывать – их надо было «срочно спасать».

«Спасать» коренных жителей Чукотки активно начали в 1940-е гг., и переселение тогда коснулось, в первую очередь, эскимосских береговых поселков (первый национальный эскимосский поселок Аван в нынешнем Провиденском районе закрыли в 1942 г., а его последних 40 жителей перевезли в село Урелики (Krupnik, Chlenov, 2007, 2013; Holzlehner, 2012). Гораздо больше было таких «закрятий» на Чукотке в 1950–1960-е гг. (Krupnik, Chlenov, 2013: 248–251, 267–290). На карте старинных национальных поселений Чукотского полуострова (Богословская, 2004: 62) обозначено 158 поселков, из которых к 2000 г. только 12 остались действующими – жители 146 поселков были переселены.

Участники проекта «Мув» («переселения») хотели узнать о том, как местные жители принимали и переживали эти недобровольные переселения, как они обживались на новом месте, как помнили прежние места жительства и как представляли себе будущее. Для этого был предложен специальный термин «place making» (дословно: создание, обживание/оживление места – Schweitzer, 2010: 32). На Чукотке такое активное «place making» (обживание/оживление) идет сейчас в трех поселках Чукотского района: Аккани, Нунямо и Пинакуль.

Экологические факторы возникновения традиционных береговых поселков и маркеры выбора хороших мест: расположение лицом к морю, широкий вид на океан, наличие пресной воды и т. д. – не раз описывались в литературе (Krupnik, 1993: 28). В своих работах о переселениях на Чукотке авторы обычно акцентируют внимание на мотивах администрации, т. е. тех, кто проводил «закрытие» поселков, главным образом, связанных с улучшением жизни «архаичных сообществ Севера» и выполнением государственных пятилетних планов (Holzlehner, 2011: 107; Krupnik, Chlenov 2013: 267–269). В одной из статей, написанных по проекту «Мув» (Holzlehner, 2012), специально освещаются переселения на Чукотском полуострове и особенно история Нунямо – села, которое закрыли в 1977 г. и которое морзверобой из районного центра Лаврентия сделали своей охотничьей базой в начале 1990-х.

Аккани и политика закрытия и переселения поселков упоминались в неопубликованной статье этнографа В.В. Лебедева, которая была напечатана только в 2006 г. в рамках проекта «этнологической экспертизы народов» Севера (Лебедев, 2006).

Первые публикации об обживании оставленных национальных селений Чукотки появились в конце 1990-х гг. В них говорилось, что их восста-

новление началось после распада СССР. По словам жителей Чукотки, из-за скудных поставок продуктов выходцы из Аккани, Нунямо и Пинакуля стали возвращаться в богатые морскими ресурсами родные места. Хольцленер (Holzlehner, 2012) приводит фотографию «Шанхая»¹ в Аккани – на ней виден построенный Геннадием Инанкеуся домик и охотник с биноклем, занятый типичным занятием по отслеживанию миграции моржей (см. похожий снимок, который я сделала в 2013 г.; фото 2).

Фото 2. Лавочка около балка «первачей». Два охотника с биноклями (фото автора, 2011)

В 2001 г. в журнале «Северные просторы» была опубликована статья с пронзительным заголовком, наполненным ликования и радости: «Аккани, они вернулись!» (Вахрушев, 2001: 1). В таком обращении к поселку автор, кинорежиссер Алексей Вахрушев, высказал общее настроение тех, кому знакома печальная история этого места. Согласно Вахрушеву, первыми новопоселенцами в Аккани стали охотник Александр Емельянов и его супруга Нина, затем к ним присоединились Надежда Инанкеуся и ее сын Руслан (Вахрушев, 2001: 1). Лоринцы-акканийцы стали регулярно гостить у Емельяновых, разбивали палатки и затем строились самостоятельно. Аккани начал обрастать балками.

¹Лоринцы называют «Шанхаем» отдельные строения или группы домов вдали от основной зоны проживания; «Шанхай» есть и в Лорино, и в Аккани.

Там же, на страницах журнала, Нина Емельянова (б. а., 2001) вспоминает, что ее муж был родом из села Энурмино, но потом 18 лет работал в акканийском колхозе «Красная звезда» в морзверобойной бригаде. В Аккани он вернулся случайно: Александр встретил в Анадыре тогдашнего директора совхоза «Лоринский» и тот предложил поработать на промбазе «Аккани», помог построить дом. Примечательно, что деревянные домики акканийцев уехали вместе с ними в село Лорино, когда Аккани закрывали в 1969 г.; поэтому первый дом Емельяновых построили из разобранного в Лорино брусчатого дома. Выпуски журнала «Северные просторы» 2001 и 2004 г. были полны фотографий из Аккани, сделанных Алексеем Вахрушевым, – поиск моржей, охота на них и вытаскивание животных на берег, а также семейные сцены. На одной рядом с семьей Алексея Оттой стоит Вячеслав Эллы, «дедушка Эллы». На заднем плане сушится байдара. Следующая фотография (фото 3) сделана мною в 2013 г. в Аккани после охоты на моржей у мыса Энмык. Рядом с семьей Эдуарда Рыпхиргина и его молочного брата Владимира Пины сидит Вячеслав Эллы.

Данная статья как бы продолжает проект «Мув» и показывает, что часть береговых поселков и охотничьих «точек» вновь становятся своеобразными этническими центрами для определенной категории коренных жителей – морзверобоев и их семей. «Движение» (Move) продолжается.

Фото 3. Семья Рыпхиргиных. Рядом Владимир Пины и «дедушка Эллы» (Вячеслав Эллы), 2013 г. (фото автора)

АККАНИ

Мне посчастливилось побывать в Аккани трижды. Первая недельная поездка состоялась в рамках проекта «Мув» в августе 2011 г. (фото 4). Аккани был полон людей. Так как в Лорине четыре морзверобойные бригады, то и домики они строили под себя. У некоторых бригад было по два балка (охотничьих домика), как у «второчей» (второй бригады. – О.Я.), а «четверка» (четвертая бригада) жила в доме Емельянова. «Первачи» (первая бригада. – О.Я.) – самые первые с восточной стороны, имели один балок (фото 5). Как раз у их балка стоит та самая знаменитая лавочка, на которой абсолютно все высматривают основную добычу охотников – тихоокеанских моржей (рис. 1). У «тройки» (третьей бригады) был один домик, а у их бригадира – свой собственный. Супруга бригадира сообщила, что, когда желающих ездить в Аккани стало много и жить в общем балке «тройки» стало тесно, она потребовала, чтобы муж построил для семьи собственный домик. Летом 2019 г. его перестроили и укрупнили; теперь там может жить большая семья и их гости.

ЗАЧЕМ ЕХАТЬ В АККАНИ?

В Лорине все говорят «поехать в Аккани». Мужчины едут туда охотиться, их жены и другие женщины – собирать растения и корешки, дети и племянники – помогать с добычей, и все как один говорят, что там «красиво».

Фото 4. Едем в Аккани из Лорино, 2011 г.

Фото 5. В балке у «тройки», 2011 г. (фото автора)

Рис. 1. Расположение домиков в Аккани в 2011 г. (схема автора, по памяти)

Мои собеседники четко указывали причины возвращения: рядом проходит миграция моржей, есть рыба и разная живность, на базе красиво, спокойно, далеко от села. Возвращение в Аккани началось, как уже отмечалось, в 1991 г., когда бывшему жителю поселка Александру Емельянову предложили стать заведующим промысловой базой «Аккани» (Вахрушев, 2001: 1). Лоринские строители построили ему хороший дом и он прожил там с супругой 8 лет. На смену ему заступил Вячеслав Эллы, родом из Ванкарема, и прожил в Аккани 12 лет. К нему переехала его супруга с детьми и внуками. Старшего внука привезли в Аккани девяти дней от роду, а в 2019 г. один из внуков Эллы появился на первой полосе газеты «Крайний Север», так как он загарпунил единственного и первого гренландского кита в сезоне в составе «тройки» ТСО КМНЧ* «Лорино» (Григорьева, 2019). Эллы строил нарты, содержал упряжку в Аккани (и до сих пор имеет собак в Лорино), учил молодых охотников строить байдары. Кстати, он научился их строить у сирениковских охотников-эскимосов в начале 1990-х, когда на Чукотке практиковались общие съезды охотников-морзверобоев. Он летал туда с Геннадием Инанкеуясем. До сих пор раскалывает шкуру моржа надвое для покрытия байдары.

«А еще охотники вернулись восстановить Аккани», – поведал один из моих собеседников в 2019 г. (ПМА, 2019).

ЖИЗНЬ В АККАНИ ВО ВТОРОМ ДЕСЯТИЛЕТИИ XXI ВЕКА

В Аккани, такое ощущение, не спят. Охота здесь идет 24 часа. Смотровые от каждой бригады не отрываются от биноклей. Как только кто-то видит моржей, раздаётся крик «Моржи!», и все бегут вниз по склону к лодкам, бросив свои дела: еду, шахматы, сон. Бегут даже дети.

После охоты начинается разделка. Первым делом у добычи надрезают зрачки, чтобы животное не видело сам процесс и не боялось придти к людям снова, – так учили старики. После разделки короткий отдых, еда, и снова ожидание. В ожидании моржей могут проходить дни и недели. В это время охотники занимаются хозяйством: чинят балки или играют в шахматы, волейбол, баскетбол и карты; сами готовят, пьют чай и разговаривают, мечтают о строительстве бани около реки, воспитывают и учат юнг – школьников, которые потом придут к ним работать. В Аккани забываешь о сотовой связи, наличии телевизора и времени.

Аккани – это еще и «языковое гнездо»: большинство взрослых охотников 1950–1970 гг. рождения, говорят на чукотском языке не только в лодке, но и в обыденной жизни. В 2011 г., кроме меня, в поселок захала еще один ученый, этнограф Галина Дьячкова из Анадыря; она говорила с мор-

*Территориально-соседская община коренных малочисленных народов Чукотки.

зверобоями только на чукотском языке. Юнги-подростки, которых я встречала в Аккани в 2011 и 2013 г., понимали все команды на родном языке, но (как мой информант 1998 г. р.) свободно говорить не могли. Лингвист Марк Сиколи из Университета Аляски помог мне разработать опросник по оценке уровня владения языком, роли языка в жизни сел и географии общения. Один из вопросов звучал так: «Используете ли вы родной язык, чтобы отделить себя от русской культуры?» Все опрошенные мной лоринцы ответили на него положительно.

ДЕТИ И РОДИНА

В августе 2011 г. в Аккани меня поразило количество детей, которые приехали с охотниками, и существование выделенных поварих для каждой бригады. Последние ставили приготовление еды на поток в период интенсивной добычи морского зверя. Правда, иногда охотники и сами любили готовить – в основном варили моржовое мясо и сердце и ели с хлебом и сладким чаем. На мой вопрос всем о том, чьи дети на базе, отвечали, что это – дети охотников или их родственников. На них возлагают надежды и нагружают работой. Еще их называют юнгами. Обязанности у них типичные: *«Сидишь и наблюдаешь, кашеваришь и убираешь на Аккани, рубишь дрова и носишь воду из реки. Наблюдаешь со стороны. Потом тренируемся на берегу и бросаем гарпун в цель, чтобы руку набить, а в дальнейшем разрешают в ослабленного кита или моржа»* (Яценко, 2016: 203). На вопрос, почему все хотят в Аккани, отвечали просто – там их Родина.

Все информанты 2019 г. утверждали, что детей туда тянет, так как это их Родина, особенно, если «предки оттуда». Моя собеседница 1961 г. р. рассказывала, что их 4-летняя внучка, видя деда собирающимся на охоту, одевается, начинает дергать его за штаны и просится в Аккани. Поэтому ее иногда обманывают и говорят, что «дед поехал на китовую охоту, на которую маленьких девочек не берут». Бабушка соотнесла настойчивое желание внучки попасть на охотничью базу с тем, что ее муж – родом из Аккани и все его предки тоже – «это у них в крови». Она поделилась, что, когда старшей дочери было четыре года, та, впервые высадившись в Аккани и ступив на берег, воскликнула: «Наконец-то я дома!»

Моя собеседница верит, что это душа предка из Аккани вернулась через своего потомка, ее дочь, и рада снова быть на родине. В 2011 г. этой девочке было 13 лет, и она была единственной поварихой такого юного возраста в Аккани: юнгой к охотникам ее не брали, а в Аккани очень хотелось. Ее отец рассказывал, что на крик «Моржи!» она иногда бежала впереди него и успевала прыгнуть в лодку, а он оставался на берегу (ПМА, 2011).

Другой собеседник 1998 г. р. проводил все летние сезоны в Аккани с бабушкой и дедушкой: дед учил его промыслу, брал на охоту и рассказывал о жизни в старом чукотском поселке в избушке на Шанхае, а бабушка брала в походы за ягодами. В Аккани он был и летом 2019 г., уже будучи студентом 3-го курса Чукотского многопрофильного колледжа в Анадыре. Говорит, что тянет туда.

ЖИЗНЬ В АККАНИ – ВОСПОМИНАНИЯ

В Аккани два направления – в море за моржами и китами и в яндогайские сопки за дикоросами: мужчины обычно следуют первым путем, женщины выбирают второй. Вторым путем воспользовались и мы в 2011 г. Подойдя ближе к сопкам, мои попутчики махнули влево от моря и пояснили, что там «старый Аккани». Что такое «старый Аккани», выяснилось в 2019 г.

Информанты поведали, что под сопкой стоял поселок Аккани. Так, мама моего собеседника Николая Эттытегина из Лаврентия, 1947 г. р., жила там в яранге и он приезжал к ней на собачьей упряжке из Нунымо погостить. Житель Лорино Ынкау Николай (родился в старом Аккани в 1947 г.), рассказал, что поселок стал мал для людей и в 1953 или 1954 г. начали строить новый поселок – акканийцы переехали тогда первый раз. Лариса Чыйвыргина (родилась в Яндогае в 1954 г.) предположила, что в старом Аккани стало мало места, так как туда переселили жителей Яндогая. Инженер-планировщик Чукотской земэкспедиции Рожнова [ГАЧАО. Ф. 306. Д. 206. Л. 34] отметила в пояснительной записке, что *«забота о повышении материально-культурного уровня жизни трудящихся является обязанностью всех партийных и советских организаций». Важной мерой заботы выступало строительство новых колхозных поселков. Рожнова пишет, что при объединении рыбартелей «Красная звезда» (Аккани) и «Красный Север» (Яндогай) в 1954 г. «встал вопрос о выборе места для строительства нового укрупненного колхозного поселка»* [ГАЧАО. Ф. 306. Д. 206. Л. 34].

Перенос поселка на новое место, в том числе, поясняли непригодностью местоположения для капитального строительства в существующем: *«...так как площадь представляет из себя песчано-галечный берег небольшого размера с заболоченными [неразборчиво] далеко расположенного от источника водоснабжения. Учитывая отрицательные стороны существующей площадки ... к северо-западу от нее на левом берегу реки выбран новый участок для строительства объединенного поселка Аккани»* [ГАЧАО. Ф. 306. Д. 206. Л. 13]. Далее шло описание нового участка и всех его преимуществ: удобная бухта, ровное место, мерзлота на глубине 0,5 м, река близко.

В выписке из [протокола] заседания правления колхоза «Красная звезда» от 20 июля 1954 г. члены правления Кергинкау, Тайкап, Рультын, Гивев, Тынакванау и Тыкой утвердили выбор места. В материалах Чукотского Государственного архива Чукотского автономного округа (ГАЧАО) нашлось Дело № 206 «По планировке поселка Аккани рыбартели “Красная Звезда” Акканийского сельсовета Чукотского района ЧАО» 1954 г. Там указано, что в поселке было 50 дворов и 221 житель и 102 собаки, а в 1956 г. планировали 55 дворов и 248 жителей.

Постепенно были построены одно- и двухквартирные дома из бруса, сельсовет, ясли, звероферма, клуб, школа, столовая, магазин, правление колхоза, хлебопекарня, амбулатория, баня. Дома впоследствии разобрали и перевезли в Лорино. Вячеслав Эллы (родился в 1949 г. в Ванкареме) пояснил, что дома строили чукчи-акканийцы под присмотром русского плотника. Они же потом эти дома и перевезли в Лорино. В Деле № 206 хранится и чертеж нового поселка, закрытого ориентировочно в 1969 г.

В Аккани в 1960-е гг. был еще жиротопный цех. Житель Лорино Эллы рассказывал, что за жиром приезжали специалисты косметической промышленности и брали пробы акканийского продукта на месте. Если жир был недостаточно прозрачен, то его браковали, а если хороший, то грузили на корабли и увозили на специальные фабрики.

Кроме работы, жители Аккани соревновались. Моя собеседница 1961 г. р. рассказала, что ее мама, родившаяся в Аккани в 1930 г., как-то в Лорино увидела газовую косыночку и вспомнила, что, когда была девушкой, выиграла подобный платочек в соревнованиях по бегу среди девушек в Аккани. Она победила с легкостью, так как подобные состязания проводились там часто, а еще она обулась в удобные легкие торбаса – *кыргызсэпэт* (ПМА, 2019). Они-то и помогли ей выиграть. А еще собеседница поведала, что солдаты из заставы в Лаврентия ходили на свидания к ее маме в Аккани. Расстояние от Лаврентия до Аккани 12 км.

Акканийцы умели провожать в мир иной тех, кто просил об этом. Так, мой информант поделилась тем, что они с подружкой, будучи маленькими девочками (в середине 1960-х гг.), стали свидетелями добровольной смерти. В яранге жила старушка, которая больше не хотела жить. Их выпроводили на улицу и почти сразу же позвали, а старушка уже была накрыта белой простыней.

В акканийском колхозе «Красная звезда» добывали моржей и китов. И тех и других, по словам собеседников, вытаскивали всем селом с помощью веревок – животных обвивали веревками и перекатывали. 19 октября 2019 г. мой информант прислала мне видеозапись, на которой охотники вы-

таскивали веревками очередного серого кита в Аккани также перекатом, как сотню лет назад.

Из Аккани вышли такие известные охотники, как Рыпхыргин, Оттой, Тынелин, Чайвыргин, Кемлиль – отцы и деды современных лоринских бригадиров. В 2011 г. рассказывали, что сразу после переселения акканийцев в Лорино в поселке сохранялось разделение на своих – лоринских и чужих – акканийцев. Некоторые современные лоринцы до сих пор акцентируют свое происхождение из Аккани. Каждое лето на окружной регате «Берингия» появляются женская, мужская и юношеская команды с флагом и футболками «Аккани» – это «четверка». Мать двух братьев Клара Федоровна Гуванрольтат сама родом из Аккани и всячески поддерживает идею места «обживания места», чтобы «дети не забывали» (фото 6).

Фото 6. Владимир Чайвыргин и Виктор Гуванрольтат на регате «Берингия» в Новом Чаплино, 2016 г. (фото автора)

ИМЕНА АККАНИ

Одной из самых «человечных» папок, в которых описывалась прежняя жизнь Аккани, стали архивные папки с протоколами заседаний Акканийского сельсовета с 1947 по 1962 г. Похожие на дневник, они содержали имена некоторых жителей. Особо о людях ничего не было написано – их выдвигали на разные позиции и по разным поводам: производственная комиссия, санитарная комиссия, торговая-финансовая комиссия, школьная комиссия.

Они были секретарями и председателями сельского совета и писали протоколы заседаний на чукотском и русском языках. Я выписала их имена (всего 96 чел. – см. Приложение) и надеюсь, что читатели родом из Аккани, Яндогая, Нунямо и жители Лорино вспомнят своих односельчан, живших и работавших в Аккани до 1962 г. и что-то добавят напротив имени каждого. Часть имен я озвучивала своим друзьям из Лорино, и они тотчас вспоминали этих людей: «Да, я помню его, когда они к нам переехали».

ПЕРЕЕЗД

Официальные данные из Государственного архива Чукотского автономного округа не содержат информации о точной дате закрытия Аккани. В картотеке нет отдельного раздела по «закрытым поселкам». Встречались лишь отрывочные упоминания о закрытии яслей Аккани, «так как большинство семей колхозников переведены в Лорино» в 1970 году, или проведении выборов в Акканийском избирательном округе.

Сами информанты называют 1969 г., но уточняют, что переезд был длительным и занял несколько лет. Людей перевозили со всеми вещами на тракторах и вельботах. О причинах переезда в Лорино говорили спокойно, как о политике укрупнения колхозов и задачах партии. Николай Ынкау именно так сформулировал смену места жительства: «Партия сказала – надо!» (ПМА, 2019).

Никто из опрошенных мною выходцев из Аккани не помнит самого процесса переезда по двум причинам. Одни были слишком малы, чтобы помнить (6 лет в момент закрытия, как одной из моих главных информантов). Другие были отправлены на учебу в Лаврентия или Магадан: вернулись они уже в Лорино. По их словам, работы было очень много, чтобы думать.

Я предполагаю, что переселение началось в 1962 г., когда Акканийский сельсовет присоединили к Лоринскому, и завершилось в 1969 г. В протоколах Лоринского сельсовета нет упоминания о самом переселении: имена Аккани влились в новую жизнь другого укрупненного колхоза, и уже в селе Лорино строили новые дома акканийцам и нунямцам. Возможно, дату переселения можно будет восстановить точнее при дальнейшей работе с архивными документами или по воспоминаниям бывших акканийцев.

Фотографий старого поселка Аккани пока найти не удалось.

ОБЖИВАНИЕ МЕСТ – “PLACE MAKING”

В Чукотском районе, кроме Аккани, возрождаются также покинутые поселки Нунямо и Пинакуль на северной стороне бухты Лаврентия. В по-

следнем находится база ТСО КМНЧ «Дауркин». По словам очевидцев, там есть домики, баня и все необходимое для жизни.

Нунямо – село, закрытое в 1977 г., сейчас переживает второе рождение: «Эдик (Анкаун. – О.Я.) уже четыре домика построил!» (ПМА, 2019; Басов, 2019). В России с 2016 г. идет программа по предоставлению жителям Дальнего Востока так называемого дальневосточного гектара. По задумке программа должно помочь привлечь или вернуть население на Дальний Восток. Гектар выдают безвозмездно – необходимо лишь собрать документы и обосновать выбор места.

Житель районного центра, села Лаврентия Эдуард Анкаун подал семейную заявку на 4 га земли «под жилищное строительство в родном поселке Нунямо» и получил одобрение (Григорьева, 2019). В статье корреспонденту он рассказал, что, кроме маленького балка, возведенного в 1997 г., он построил дом со всеми удобствами, «чтобы и дети мои, и внуки, и их дети могли на законных основаниях жить на родной земле» (Там же). Это самый большой участок на Чукотке, выданный в рамках программы.

Так же продолжает обустриваться и разрастаться Аккани. На мой вопрос о строительстве новых домов в поселке информанты ответили, что в 2019 г. три человека построили свои домики, а один – перестроил дом. По этим рассказам я сделала схему Аккани на 2019 г., где зеленым цветом отмечены новостройки (рис. 2).

Рис. 2. Авторская схема Аккани 2019 г.

Ежегодно летом Аккани принимает минимум 50 охотников и их детей. Мои собеседники верят, что их будет больше. Все сказали, что хотели бы жить в Аккани в летний сезон, и лишь информант 1961 г. р. отметила, что жила бы там постоянно на пенсии.

В моей памяти сохранились воспоминания о первом путешествии в Аккани в августе 2011 г. Ранним утром Аккани не спал, а может, и не ложился. Меня обещали взять на охоту, и я тоже не спала всю ночь в ожидании заветного крика «Моржи!» Примерно в шесть утра «второчи» позвали завтракать. Подумав о хлебе с маслом, чае с вареньем, я вошла в балок. Геннадий Томилов, бригадир «второчей», налил большую миску супа и вручил ее мне: «Это морж, которого ты вчера на берег помогала вытаскивать». В бульоне, кроме мяса, протомились веточки ивы, лук, морковь и картофель. Я попросила добавки.

После завтрака мои друзья Гриша и Рита Рыпхиргины, двоюродные брат и сестра – потомки акканийцев, предложили показать местные достопримечательности: ловлю крабов, берег, «следы великана», морошковые поля и дикий лук. Было очень тепло и солнечно (фото 7).

Гуляли весь день и к вечеру решили, что будем спать в балке Ритино папы. Погода изменилась: начался шторм и пошел дождь. В балке со-

Фото 7. На прогулке с Гришей и Ритой. Со скалы видны домики в Аккани, 2011 г.

бралось с десятков человек – дети охотников. Мы рассказывали страшные истории и сказки под стук дождя. Среди нас был мой одноклассник, который великолепно говорил на родном чукотском языке и рассказывал страшилки на чукотском. Взрослые охотники «тройки» время от времени приходили проводить нас и приносили уголь для печки. Наутро море успокоилось. На сопках выпал снег, и мы поехали в Лорино готовиться ко дню села. Вернувшись в Лорино, испытали странное чувство, что это – чужое место, пусть с водопроводом, чистыми простынями и телевизором. Очень хотелось обратно в Аккани.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На примере одного из национальных поселков Чукотки, когда-то волею властей оставленного коренными жителями, показана попытка его повторного обживания, заселения и использования. Будучи в свое время небольшим селом, в котором перед закрытием жили чуть более 200 чел., Аккани 2019 г. принимает в дни интенсивной летней охоты и собирательства до 50 сезонных жителей. Кроме охотников, туда приезжают их дети – учиться промыслу и жены – собирать дикоросы. В процессе опросов выяснилось, что школьные учителя – коренные лоринцы и друзья охотников, там не были. У них есть свои места для таких же сезонных выездов.

Во время отбора кандидатов на опрос о поселке я поясняла, что хочу написать про Аккани и про то, как там хорошо. Мое «хорошо» сразу же подхватывали. Выходцы из этого поселка или их потомки ратовали за то, что про Аккани «напишут». Один мой знакомый из Лаврентия, в прошлом житель такого же закрытого селения Нунямо, сказал, что надо писать и про Нунямо, чтобы потомки помнили родовые места, помнили свою родину. В данной статье больше собственных наблюдений и примеров, чем личных рассказов жителей Аккани. Я объясняю это тем, что брать интервью было довольно сложно, так как лето 2019 г. прошло в Лорино под девизом «туристы и киношники». Женщины обижались на мужчин за то, что те были заняты извозом гостей в Наукан и к маяку Дежнева, а также на горячие ключи в проливе Сенявина в соседнем Провиденском районе. Как следствие – жены не попали в Аккани. Во время удаленного опроса в октябре охотники были очень заняты днем в Аккани, а вечером после шести часов уже отдыхали. Тем не менее картина позитивного отношения к жизни в Аккани в целом подтвердилась. Такие эпитеты, как «родина», «красиво», «близко кромка и пути миграции», «это в крови», говорят о том, что Аккани остается в сердце и в мыслях тех, кто его осваивает в наши дни.

Это небольшое исследование поселка на побережье Берингова моря, где 125 назад проезжал второй губернатор Чукотки Николай Гондатти, показывает, что место «порой» бывает сильнее внешних обстоятельств. Культурный аспект древней морзверобойной цивилизации – тесная привязанность к месту расселения и обживания – оказался превалирующим над политическими и экономическими теориями развития «малых народов Севера». Акканийцы снова дома.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Я благодарю И.И. Крупника (Центр арктических исследований, Смитсоновский институт, США) за приглашение написать эту статью и помощь с архивными материалами. Мои научные наставники Света Ямин-Пастернак и Питер Швайцер (Университет Аляски, г. Фэрбенкс, Университет Вены, Вена) предоставили возможность вести исследовательскую работу в Аккани в 2011 г., пригласив участвовать в проекте «Мув».

Лоринские друзья и партнеры всегда охотно помогают и делятся знаниями и воспоминаниями. Это – целые семьи: Рыпхиргины, Эллы, Чайвыргины, Томиловы. В 2011 и 2019 г. мне также помогали Геннадий Зеленский из НП (Некоммерческое партнерство) «Чукотская группа поддержки научных исследований» и Николай Эттетегин из Нунямо. Я также благодарна за поддержку О.П. Коломиец (СВКНИИ ДВО РАН) за второе дыхание к исследовательской работе.

Литература

Басов Е. Нунямо, жизнь продолжается. – URL: <https://basov-chukotka.livejournal.com/2019/09/30/> (дата обращения 14.10.2019).

Без автора. Премия семьи Емельяновых // Северные просторы. – № 3–4. – М.: ОАО «РТВ-ПРЕСС», 2001. С. 53–54.

Богораз В. Г. Чукчи. Социальная организация: изд. 2-е. – М.: Кн. дом «Либриком», 2011. – 261 с.

Богословская Л.С. Карта поселков (Чукотки) // Северные просторы. – 2004. – С. 62–67.

Вахрушев А.Ю. Аккани, они вернулись! // Северные просторы. – М.: ОАО «РТВ-ПРЕСС», 2001. – № 3–4. – С. 1.

Григорьева Н. Возвращение в Аккани // Газета «Крайний Север». – URL: <http://www.ks87.ru/21/7610.html> (дата обращения 22.10.2019).

Емельянов А. Без названия // Северные просторы. – М., 2004. – № 1–2. Цитата на вкладыше без номера.

Калтан А.И. Отчет по обследованию Чукотского полуострова 1930/31 г. // Тропюю Богораз. Научные и литературные материалы / ред., сост. Л.С. Богословская, Э.С. Кривошеков, И.И. Крупник. – М.: Институт Наследия – ГЕОС, 2008. – С. 284–329.

Лебедев В.В. Некоторые вопросы современного состояния хозяйства, культуры и быта коренного населения Лоринского сельского совета Чукотского автономного округа 1983 г. // Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1981–1984 годы / ред. З.П. Соколова, Е.А. Пивнева. – М.: ИЭА РАН, 2006. – С. 243–261.

Материалы по статистике Камчатской губернии. Хабаровск, 1925.

Меновицков Г.А. Местные названия на карте Чукотки. – Магадан: Кн. изд-во, 1972. – 206 с.

Патканов С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев // Записки Русского Географического общества. Отделение статистики. – 1912. – СПб. – Т. 3. – Вып. 11. – С. 434–999.

Яценко О.Е. «Смотри и учись»: молодые чукотские и эскимосские морские охотники сёл Лорино и Сиреники 2010-х гг. // Лицом к морю: памяти Л.С. Богословской / ред. И.И. Крупник. – М., 2016. – С. 191–213.

Davis M. 2010. A Sense of Place. – URL: <https://polarfieldservice.wordpress.com/tag/boreas/> (дата обращения 20.10.2019).

Holzlehner T. Engineering Socialism: A History of Village Re-locations in Chukotka, Russia // Engineering Earth: The Impacts of Mega-engineering Projects / ed. S.D. Brunn. – Dordrecht, Netherlands: Springer Science + Business Media, 2011. – P. 1957–1973.

Holzlehner T. “Somehow, something broke inside the people”: demographic shifts and community anomie in Chukotka, Russia // Alaska Journal of Anthropology. – Anchorage: Alaska Anthropological Association, 2012. – Vol. 10, Nos 1&2. – P. 1–16.

Krause A. To the Chukotka Peninsula and to Tlingit Indians 1881/1882: Journals and Letters from Aurel and Arthur Krause // The Rasmuson Library Historical Translation Series. Vol. VIII. – Fairbanks: University of Alaska Press, 1993. – xii + 230 p.

Krupnik I., Chlenov M. “The end of Eskimo land”: Yupik relocation in Chukotka, 1958–1959 // Etudes / Inuit / Studies. – 2007. – Vol. 31 (1–2). – P. 59–81.

Krupnik I., Chlenov M. Yupik Transitions: Change and Survival at Bering Strait, 1900–1960. – Fairbanks: University of Alaska Press, 2013. – 392 p.

Schweitzer P.P. Introduction. Section II: Moved by the state: perspectives on relocation and resettlement in the circumpolar north // Alaska Journal of Anthropology. – Anchorage: Alaska Anthropological Association, 2010. – Vol. 8, No. 2. – P. 31–33.

Yashchenko O. Why are Lorino and Sireniki so different? Exploring communities through festivals, language use and subsistence practices in contemporary Chukotka. – Fairbanks: University of Alaska Fairbanks, 2013. MA Thesis.

Архивные источники

Дело № 206 «По планировке поселка Аккани рыбартели “Красная Звезда” Акканийского сельсовета Чукотского района ЧАО» // ГАЧАО. Анадырь. 1954. Ф. 306.

Имена жителей Аккани, встречающиеся в архивных делах
Акканийского сельсовета, 1947–1962 гг.

1. Айльгин	33. Котевин	63. Тегрылькут
2. Айыльхын	34. Кочетагин	64. Тею
3. Аккай		65. Теюны
4. Аляпаак	35. Лемку	66. Теюринтыне
5. Анкан		67. Тигрелькут
6. Анканро	36. Метелю	68. Тнакванау
7. Анкауге		69. Тутруль
8. Анко	37. Нотан	70. Тыкой
9. Аречайвун (Аречайвын)	38. Нотарахтына	71. Тымкине
	39. Нотырахтына	72. Тымкырультыне
10. Ваамныквваат	40. Нутен	73. Тымнетынакай
11. Вантын	41. Нутенли	74. Тынакванау
12. Вантыно	42. Нутеннеут	75. Тынанальгын
13. Векет	43. Нутенян	76. Тынелин
14. Вельвучейвун	44. Нутырультыне	77. Тыненеут
15. Выквырольгын(а)		78. Тыненны
	45. Оканы	79. Тынерультыне
16. Гальгата	46. Омкат	80. Тынетгеут
17. Геман	47. Омрытагин	81. Тынетутыне
18. Генунтегин		82. Тытын
19. Геулятваль	48. Пунеу	83. Тытыне
20. Гивев	49. Пыкой	
21. Гынон		84. Уакат
	50. Рентывааль	85. Чайвыргин
22. Демидов	51. Ринтетегин	86. Чапан
	52. Ринтуги	87. Чульхе
23. Ильмоч	53. Ринтычеивуне	
24. Инанкеуясь	54. Рольтытгеман	88. Ынкаау
25. Инатвааль	55. Росгитагин	89. Ынкау
26. Инель	56. Рультекеу	90. Ынно
27. Иненеут	57. Рультын	
	58. Рыпхиргин	91. Эвгев
28. Каляуквун		92. Этгы
29. Калячайвыргин	59. Тайкат	93. Эмекунеу
30. Кекек	60. Тане	94. Эмитегин
31. Келен	61. Танко	95. Эттон
32. Кергинкау	62. Тегоны	96. Этынтегтеу

ЯЗЫКОВАЯ АДАПТАЦИЯ НА ПРИМЕРЕ
ЭСКИМОСОВ-ЮПИК с. НОВОЕ ЧАПЛИНО,
1998–2018 гг.
(выбор языка и языковое переключение)

Моргунова-Швальбе Д.Н.

Село Новое Чаплино располагается на берегу бухты Ткачен, в 25 километрах от районного центра, поселка Провидения и большую часть года легко доступно местным автотранспортом. Село было образовано в 1958 г. после закрытия старинного эскимосского селения *Ун'азик'* (Старое Чаплино) на м. Чаплина и переезда сюда его жителей. На сегодня Новое Чаплино, с населением 462 чел., большинство из которых коренные жители (эскимосы и чукчи), является одним из трех традиционно эскимосских сел Чукотского полуострова, наряду с Сирениками и Уэлькалем. Это – одно из немногих мест на Чукотке, где люди по-прежнему помнят эскимосский язык и где можно услышать живую эскимосскую речь.

За последнее столетие тесный контакт с русскоговорящим населением, введение школьного обучения, создание письменности и стандартизация коренных языков, коллективизация, массовая миграция приезжих, русификация и модернизация региона, система школ-интернатов и плановая экономика привели к преобразованию традиционного уклада жизни и утрате престижности языков коренного населения, быстрому освоению русского языка и в итоге – к языковому сдвигу на Чукотке в пользу русского языка (см. подробнее Vakhtin, Krupnik, 1999; Вахтин, 2001; Schwalbe, 2015).

Как уже отмечалось, государственная политика Советского Союза, особенно после 1950-х гг., подчеркивала превосходство русской культуры и роль русского языка как основного катализатора социальной и политической ассимиляции коренного населения (Krupnik, Chlenov, 2013; Schwalbe, 2015: 18). Хорошее знание русского языка рассматривалось как предпосылка политического и социального продвижения и экономического благополучия коренного населения на пути к современности. Изучение русско-

Фото 1. Виды села Новое Чаплино, 2005 г. (фото автора)

го языка также поддерживалось в государственной системе образования. В результате многие местные жители Чукотки стали рассматривать русский язык как символ статуса и средство улучшения качества своей жизни, а освоение русского языка своими детьми – как вклад в их интеллектуальное и социальное развитие, гарантию их успеха в учебе и в будущей карьере (Schwalbe, 2017).

Одновременно в политическом дискурсе и средствах массовой информации традиционная культура коренных жителей Чукотки часто изображалась как «примитивная и отсталая» по сравнению с «технологически более продвинутой русской культурой». Это способствовало созданию негативного стереотипа коренного населения, а также созданию оппозиционных категорий «русский» – «коренной». Так как люди часто оценивались по языковому принципу, неумение «правильно» говорить на русском языке рассматривалось как признак отсталости, вело к негативному отношению к коренному населению со стороны русскоговорящих приезжих, а также к заниженной самооценке самих коренных жителей, чувству неполноценности и стыда. Это содействовало быстрому переходу населения с родных языков на высокостатусный, «великий и могучий» русский язык (Schwalbe, 2015: 18).

Еще в 1980-х гг. лингвист Николай Вахтин, проводивший языковые исследования на Чукотке, подсчитал, что число лиц, свободно говорящих на языке юпик, было не более 200 и все они были старше 55 лет (Вахтин, 2001). Когда я в 2005 г. спросила администратора села Новое Чаплино, эскимоску Людмилу Карпичеву, сколько людей в селе говорят на юпик, она сосчитала по пальцам и сказала, что только несколько стариков свободно говорят на родном языке, а также есть несколько женщин в возрасте от 40 до 50 лет, которые могут хорошо говорить. Приезжий директор чаплинской школы, однако, вынесла свой приговор: «Ну, если вы приехали сюда языком заниматься, то я вам прямо скажу, языка здесь нет и не может быть. Старики, те еще как-то говорили. Язык уходит со стариками». «Местные жители имеют тенденцию преувеличивать, насколько они традиционны и как они говорят на своем языке», – объяснила мне она. «Однако я никогда сама не слышала, чтобы они действительно говорили на языке. Большинство не хочет говорить. Есть несколько женщин, которые еще пытаются что-то делать, но усилия нескольких что? Один в поле не воин», – заключила она.

Во время моих приездов и работы на Чукотке в 2003, 2005 и 2018 г. уровень русификации в селе Новое Чаплино на самом деле был очень высоким. Коренные жители читали русские книги, рассказывали русские анекдоты, слушали российские новости, готовили русскую еду, разгадывали русские кроссворды и смотрели российские государственные каналы по телевидению. Русский язык использовался во всех официальных сферах коммуникации и общественной жизни: администрации всех уровней – от местной до окружной и всероссийской, социальных и медицинских услугах, образовании и в средствах массовой информации. На-

селение села, независимо от возраста, в основном общалось на русском языке. Соответственно, русский был основным языком, который дети с рождения слышали дома.

Во время моей первой поездки на Чукотку в 2003 г. меня интересовало, как потеря языка связана с социально-историческими и политическими факторами. Однако в ходе исследований в 2003 и 2005 г. я заметила, что, несмотря на то что основным языком общения в селе (и в округе в целом) был русский, местное население продолжало использовать свои титульные языки в повседневном общении. Эскимосские слова и выражения регулярно использовались местным населением на бытовом уровне. В селе также можно было услышать шутку или сказку, рассказанную на юпик, задорную песню или тихую колыбельную, спетую на юпик, и иногда (может быть, даже чаще, чем это могло показаться на первый взгляд) слово или два проскальзывали в разговоре даже у самых молодых людей, которые, как правило, утверждали, что говорят исключительно на русском.

Таким образом, несмотря на то что языковой сдвиг на Чукотке был зафиксирован еще в 1980-е гг. (Вахтин, 2001), коренное население села Новое Чаплино и по сей день продолжает использовать свой титульный язык в ряде ситуаций общения. Примесь эскимосского языка в русский разговор и переключение между языками (см. Grosjean 1982) были довольно распространенным явлением и для большинства жителей являются естественной формой общения.

В данной статье описывается языковая ситуация в Новое Чаплино по материалам моих обследований в 2003, 2005 и 2018 г. Основная задача – показать, каким образом коренные жители Чукотки используют имеющийся у них языковой репертуар в повседневной речи, а также насколько изменения в политической и социальной среде за последние 20 лет повлияли на использование чаплинского варианта (диалекта) эскимосского языка юпик.

ЯЗЫК И ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ГРУППЫ

Использование эскимосского языка юпик, как правило, связывается как самими эскимосами, так и приезжим населением с элементами «традиционной культуры»: эскимосскими танцами и песнями под бубен, сказками, традиционными видами деятельности, в особенности охотой на морского зверя. Тем самым юпик по-прежнему используется в так называемой церемониальной речи, определяемой как «не повседневные стили [речи], используемые в пении, чтении, рассказывании мифов и аналогичных опре-

деляемых ритуалом ситуациях» (Gumperz, 1962: 33; см. также Goffman, 1967). На Чукотке это в первую очередь исполнение традиционных эскимосских песен и танцев под бубен при приезде в село иностранцев и туристических групп, и в ряде культурных мероприятий (фестивалях, официальных встречах, международных саммитах и т. д.), а также рассказывание эскимосских сказок, шуток, исполнение колыбельных песен. Особый, относительно новый «языковой ритуал» – выступление коренных жителей на различных официальных собраниях и праздниках, связанных с коренным населением. В таких ситуациях вступительное слово или первые несколько слов произносятся оратором на эскимосском языке и тем самым имеет символическую функцию, т. е. связано с демонстрацией этнокультурной идентичности группы.

Традиционные эскимосские песни и танцы под бубен (*тук'ак'*), которые нередко приводились в пример коренными жителями как «оставшаяся форма эскимосской культуры», также часто используются в подобной функции, для маркирования групповой специфики по этнокультурному признаку. Во время моего первого визита в Новое Чаплино в 2003 г., например, традиционные танцы проводились в местном клубе по воскресеньям. В таких мероприятиях участвовали около 50–60 человек, в основном люди старше 40 лет, а также дети и подростки, которые числились в местной танцевальной группе «Солнышко», под руководством эскимоски Людмилы Михайловны Макотрик (далее – Л.М.). Танцевальная группа занималась через день по полтора часа (мальчики и девочки отдельно). В 2005 г., за полтора месяца моего пребывания в селе, *тук'ак'* проводился только дважды, и участвовали в нем всего 15–20 человек, все старше 30 лет. Вполне возможно, что такое изменение было вызвано не столько фактическим снижением культурной активности в селе, сколько тем фактом, что в 2003 г. я была в составе датской экспедиции из 5 человек и наше присутствие как иностранных ученых-этнографов было более очевидным. Мы также предоставляли жителям небольшой источник дохода: в 2003 г. выступления сопровождалась выставкой-продажей местных изделий. В 2005 г. я приехала одна, была менее заметна в селе, и моя покупательная способность, в сравнении с экспедиционной группой, была ограничена.

В 2005 г., один молодой человек, однако, заметил: «Культуры никакой уже эскимосской в селе не осталось. Есть танцы национальные, но туда особо никто не рвется. Мы раньше танцевали, раньше все танцевали, когда мы в школе учились».

«В тогдашние времена нормально было, регулярно, а сейчас уже все позабывали» (мужчина, 21 год, интервью 2005 г.). По словам Л.М., «Песни вот

Фото 2. Традиционные танцы в клубе в с. Новое Чаплино, сентябрь 2005 г. вверху – Александра Мумихтыкак (слева) и Нина Насалик; внизу – Анатолий Тагитуткак (слева) и Анатолий Ахсахктикак. Все эти люди выросли в семьях, в которых говорили на юпик, и остаются активными носителями языка во взрослом возрасте

по-эскимосски, и то мы неправильно поем. Я вот послушала, как Володя (Насалик) поет и как мы поем, – это ж огромная разница, как небо от земли. Во-первых, он все эскимосские слова точно передает, а мы сейчас “ая-янга...” и не знаем, что там вставить, иногда врем, конечно, но редко, стараемся в последнее время... Сейчас певцов у нас нет, он был главным певцом, а сейчас его не стало ... и как бы мы, чтоб не забыть, в память его, почти одни женщины» (2005 г). «А ведь сильный ансамбль [у нас] был», – в 2003 г. вспоминал сам Владимир Николаевич Насалик (1938–2005). «Вот когда мы в Копенгагене, в Гренландии выступали, пять человек было сильных. А вот что молодых нет – это наше упущение. Мы сами думали об этом, потому что мы уйдем, и просто умрет вот это все».

Местное население, однако, ощущает эмоциональную связь с эскимосским пением. Для Л.М., например, как и для многих коренных жителей ее поколения, это не только язык, но и связь с прошлым поколением, с целым рядом переживаний и эмоций. Я помню, как, сидя на ее кухне в день моего приезда в 2005 г., мы слушали вместе наши записи 2003 г. Л.М. слушала и улыбалась. Она сопровождала пение движениями рук, стараясь не отставать от пения Насалика. «Эскимосский танец – это це-

Фото 3. Сувенирные украшения, сделанные жительницей Нового Чаплино Анастасией Етылиной, на Международном празднике коренных народов. Провиденция, август 2018 г.

лая история. Певцы рассказывают историю под звуки барабанов, а танцоры делают это движениями рук. Каждое движение – это целое предложение», – рассказывала мне она. Вспоминала, как Насалик учил их петь, как он ругал их за то, что неправильно пели. «У него в глазах было написано, когда он что-то говорил, это не тебе, не тебе... Как будто душа поселка с ним ушла», – грустно заметила она, тем самым подчеркивая эмоциональную связь между эскимосским языком и преемственностью поколений.

Эскимосские истории и сказки на Чукотке тоже иногда рассказываются на эскимосском языке – «когда пурга», «когда скучно» или «когда дети попросят». В 2005 г. в селе насчитывалось несколько человек, которые умели рассказывать сказки на юпик. Их часто называли «подлинными» носителями языка. «Подлинным» носителям приписывался особый статус: их часто приглашали на различные собрания как на местном, так и региональном уровне. Они также привлекали внимание российских и зарубежных этнографов и лингвистов, чья основная цель заключалась в том, чтобы записать оставшееся культурное и языковое наследие народа (см. Рубцова, 1954, 2019; Меновщиков, 1988; Пусть говорят..., 2000).

Большинство эскимосских рассказов напрямую связаны со старыми эскимосскими поселениями; разные топонимы имеют связанные с ними

Фото 4. Владимир Насалик (1938–2005), многолетний руководитель Ново-Чаплинского ансамбля (фото Б. Нильсена, Дигитальный Архив Арктического Института в Копенгагене, 2003 г.)

истории, порой песни и танцы, и личные переживания. В досоветские времена это чувство локальности, т. е. ощущение принадлежности к определенному месту, являлось важным фактором идентификации эскимосских групп (Krupnik, Chlenov, 2013) и в некотором смысле все еще поддерживается через эскимосские рассказы. Таким образом, даже когда сказки рассказываются на русском – это часто происходит в неформальной обстановке, например, когда внуки просят – рассказчики продолжают использовать эскимосские названия местностей, главных героев, животных, и предметов, характерных для традиционной культуры (см. Крупник, 2000), отождествляя это с актом «говорения на эскимосском языке». Рассказчик обычно заканчивал историю, по традиции плюя через правое плечо. Если история рассказана на эскимосском, то «плевание» обычно сопровождается переключением обратно на русский язык. Интересно, что, несмотря на то что в селе мало людей, которые в совершенстве владеют эскимосским языком, большинство моих собеседников соглашались с тем, что лучше и смешнее слушать рассказы на юпике: «Кто хорошо понимает, может от души посмеяться».

Умение рассказать сказку на эскимосском языке – также один из способов добиться уважения жителей о. Св. Лаврентия, отношения с которыми, прерванные в десятилетия «холодной войны», были возобновлены в 1990-е гг. До середины 1990-х гг. большая часть жителей острова по-прежнему общалась на практически идентичном с чаплинским диалекте языка юпик. Многие из тех, кто побывал на Аляске в те годы, с восхищением рассказывали, что на острове «ну, прямо все говорят (по-нашему)», и некоторые даже утверждали, что им удалось выучить родной язык заново именно благодаря поездкам на Аляску,

Фото 5. Ёна (асцидия), или морской «огурец», Чукотка, Новое Чаплино, 2003 г.

на о. Св. Лаврентия. Однако, как это часто утверждалось жителями села (да и самими островитянами), на острове люди не умеют рассказывать эскимосские сказки, и они *«очень уважают тех, кто умеет рассказывать эскимосские сказки и кто знает, как говорить на языке»*. «В Америке, в Гэмбелле, мужчина один прямо подсел ко мне и говорит: “Люблю сказки слушать”, – поведала мне одна бабушка. – «Ой, говорю, давай и ты тоже». А он говорит: “Не умею”» (67 лет, интервью 2005 г.)^{*}.

Таким образом, ритуальное или публичное использование языка является не только способом «идентификации» группы как обособленного самостоятельного этноса, когда ее члены хотят обозначить отличие их собственной этнокультурной категории («эскимос») от других («русский», «чукча», «чуваши» и т. п.), но и признаком культурно-исторической (даже генетической) преемственности. Этничность, изначально переживаемая как глубоко родственные связи (Fishman, 1989), ведет к восприятию языка как важнейшего элемента культурно-исторического наследия, позволяя ощущать (и утверждать) связь со своими предками. Поэтому отношение к языку часто бывает глубоко эмоциональным, даже если оно скрывается под внешним отрицанием или безразличием.

ЯЗЫКОВОЕ ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ И СМЕШАННЫЕ ФОРМЫ РЕЧИ

В вышеуказанных ситуациях переход на эскимосский язык связан с определенной ситуацией, а сами языки и ситуации, в которых используется тот или иной язык, четко разграничиваются. Альтернативное использование обоих языков (или кодовое переключение) в одном и том же высказывании или разговоре и смешивание русского и юпик языков в повседневной речи, включая использование отдельных эскимосских слов, фраз и выражений, а также использование определенной «эскимосской» интонации – общепринятое явление. На самом деле коренные жители Чукотки четко разграничивают «принятое» и «целенаправленное» переключение и «языковое смешивание», которое, как правило, не является целенаправленным. Непосредственно в Чаплино наблюдаются две различные формы «смешивания»: «принятая» форма говорения, как, например, примесь слов эскимосского языка в повседневную (русскую) речь, и «непринятое» (неупорядоченное) смешива-

^{*}На о. Св. Лаврентия лишь в последние годы эскимосские рассказы стали доступны в письменном виде благодаря усилиям учителя местной школы Кристофера Кунуки, который транслитерировал рассказы коллекции Меновщикова с кириллической на латинскую графику (Коопоока, 2003).

ние языков в ситуации, когда русские слова примешиваются в эскимосскую речь.

В повседневной речи я наблюдала несколько ситуаций «целенаправленного», «принятого» переключения с русского на юпик. Это, во-первых, использование эскимосских приветствий и «высказываний о погоде» при встрече в целях выражения «уважения», «солидарности» или «установления отношений»; во-вторых, в общении с детьми, особенно когда их утешают, наставляют или ругают; в-третьих, как «экспрессивная речь», т. е. для выражения эмоций и, в-четвертых, как секретный язык группы, «свой» код, используемый непосредственно в случае угрозы или предупреждения.

(1) Эскимосские приветствия и «высказывания о погоде»

В повседневной речи чаплинцы часто используют приветствия типа *«наньтак’син?»* (как дела?), *«сāk’ат?»* (что ты делаешь?), *«натын пизин?»* (куда ты идешь?), *«накын пизин?»* (откуда ты пришел?), *«к’уякамкын ысх’аг’лютын»* (я рад тебя видеть), *«маатын слъя пиних’тук’ сыг’лыг’ук’»* (какая сегодня хорошая погода), *«погода испортится, наверное» (нāфтык’ук’ ынтак’ун)*, *«анукльима итхук»* (задуло с моря). На эскимосском языке, объяснил мне один из моих собеседников, нет слова «привет», как, например, слово «етти» на чукотском языке. Вместо этого на эскимосском говорят: *«Накын пизин? Натын слъя аюк’а маатын? (Откуда пришел? Какая сегодня погода?)»*.

Такого рода переключение, как правило, происходит в случаях, когда говорящий обращается к собеседнику старшего возраста. Выбор языка в этом случае не особенно зависит от уровня владения эскимосским языком. Скорее это связано с местными правилами поведения. Подчеркнутое уважение к старшим – один из важных аспектов поведения в эскимосской традиционной культуре, в прошлом построенной на основе клановой иерархии, где статус обычно приписывался старшим мужчинам клана (Huges, 1960, 1984; Jolles, 2002; Krupnik, Chlenov, 2013). Несмотря на то что на Чукотке наблюдается переход к более равноправной системе отношений между представителями разных поколений, детям с малых лет все еще прививается чувство уважения к людям старшего возраста, к старейшинам села, а также старшим братьям и сестрам. Более того, в 2003 г., несмотря на то что большинство людей старшего возраста могли свободно общаться на русском языке, считалось, что старики «плохо на русском разговаривают» и что с ними, *«хоть они там и по-русски могут говорить, лучше по-эскимосски, на нашем на родном языке, это ближе как бы к нам, более уважительно что ли»* (женщина, 43 года, интервью 2003 г.). Одним из способов

Фото 6. Охота на моржа с базы чаплинских морских зверобоев в Ин'ахнак'е в Сенявинском проливе, сентябрь 2005 г.

проявить уважение является использование эскимосского языка при встрече с людьми пожилого возраста. Таким образом, «хотя времена старушек давно прошли», как заметила одна моя знакомая, *«им всегда нравилось, когда мы так разговаривали, и теперь вот мы так делаем, чтобы помнить, чтобы не забывать»*.

Так как число людей, свободно владеющих эскимосским языком в селе ограничено (всем им сегодня за пятьдесят), «говорение» как правило ограничивается эскимосскими фразами-приветствиями типа *«сак'ат»* (что ты делаешь?), *«накын / натын пизин»* (откуда/куда ты пришел?), *«матын калъюгук»* (сегодня ветер дует) и т. д.) с последующим переходом на русский язык. Интересно, что эти фразы также могут использоваться (наравне с фразами типа *«к'аюльта/к'аюк'льюта»* (давайте выпьем чаю), *«к'уякамкын»* (рад тебя видеть) и т. п.) в обращении с посторонними, для того, например, чтобы продемонстрировать близость и солидарность с теми приезжими, которые долго проживают в селе и с которыми у местных хорошие отношения. Контексты солидарности, как правило, включают в себя ряд ситуаций, в которых участвующий *«демонстрирует свой членский статус и привязанность к какой-либо группе в сообществе»* (Goodfellow, 2005: 166), и на Чукотке часто подразумевает использование титульного языка.

Фото 7. Игорь Макотрик, руководитель морзверобойной бригады. Охота на кита с базы в Ин'ахнак'е в Сенявинском проливе, сентябрь 2005 г.

(2) Разговоры с детьми

Несмотря на то что русский язык является первым языком для всех детей села Новое Чаплино, родители, бабушки и дедушки иногда используют эскимосские слова и выражения для того, чтобы успокоить ребенка, предостеречь, дать инструкции или отругать. Сюда включаются такие слова и фразы, как, например, *«атиг'у насяпра»* (надень шапку), *«ак'уми»* (садись), *«таги»* (иди сюда), *«к'ытыхтын»* (подними голову), *«аўытын»* (отойди), *«к'аюльта»* (давай пить чай), *«пигитун»* (осторожно), *«ныпрыг'и»* (замолчи), *«ан'»* (возьми), *«ин'ах'тын аг'а»* (иди спать), *«таватын»* (хватит) и т. д. *«К'аюн'льасии?»* (чай пить будешь?), *«таг'итах'тиг'у каюмын»* (принеси чай) часто говорила Л.М. своему на тот момент 16-летнему сыну. *«Саша, к'ытых'тын (запрокинь голову)»*, – повторяла она внучке, надевая ей шапку. *«Ныпиик'»* (тише, замолчи), Аня, Сашу разбудишь», – учила она другую внучку. *«Что я знаю, я пытаюсь, конечно, научить своих внучек, так в процессе игры, ну, короче, учу их говорить, понимать»*, – объясняла она.

По словам А.И. Мумихтыкак, переход на юпик часто используется для выражения эмоций, чего-то милого сердцу, чего-то теплого и близкого: «Мы это делаем довольно интуитивно, потому что так поступали наши бабушки и дедушки, и мы к этому привыкли». Молодое поколение родителей, однако, тоже пытается перенять эту манеру разговора, часто используя такие слова, как «ак'уми» (сядь), «якук'льюми» (будь осторожен), «к'угакми!» (внимание!), «иглы» (пошли), «к'аюн'льасии?» (чай пить будешь?), чаще всего в узком семейном кругу или в общении с близкими друзьями. Я помню, как, сидя у Л.М. на кухне вместе с ее старшей дочерью Любой, я наблюдала, как трехлетняя Саша потянулась за чашкой горячего кофе. «Уук! (осторожно!), уугук (обожжешься), не трогай», – предостерегла Сашу Люба тихонечко.

Интересно, что местные учителя тоже пытаются обучать детей, включая отдельные эскимосские слова в известные русские детские стихи и песни. Один из запомнившихся мне примеров – версия хорошо известного детского стишка Агнии Барто:

Матросский насяпырак,
Тапх'аг'рак в руке,
Несу я ан'ьях'пак
По быстрой реке,
И скачут ўамынгу
За мной по пятам
И просят меня:
«Прокати, капитан!»

«Таким образом они учат, и они понимают», – заметила учительница эскимосского языка Е.В. Глаголева в 2003 г.

Анкетирование, которое я проводила в 2003 г. в 5–11-х классах чаплинской школы, показало, что почти все школьники (за исключением нескольких) имели некоторое знание эскимосского языка и, в частности, традиционной лексики. Хотя никто из детей не утверждал, что владеет языком свободно, и только трое сочли свое знание «достаточно хорошим», большинство могли привести несколько письменных примеров эскимосских слов и фраз, которые они регулярно использовали. Примеры эскимосских слов включали такие слова, как *ан'ьяк* (эскимосская кожаная лодка), *ан'тух'пак* (самец моржа), *ман'тāk*, (кожа кита с салом), *нун'их'ta* (шнурок), *нунивак* (*Rhodiola rosea*, популярное съедобное растение, слово может также означать «тундра»), *к'икмик'* (собака), *к'ику* (глина, используемая в прошлом для ламп, где горел жир тюленей), *к'увыхси* (*Polygonum tripterosarpum*, пищевое растение), *тун'ту* (карибу), *уупа* (морской персик) и т. д. (см. Morgounova, 2010: 171, 123).

(3) «Экспрессивная речь»

В Чаплино случаи использования языка юпик в экспрессивной речи включают вставку эскимосских междометий для выражения эмоций, разговор с младенцами, сленг, использование эскимосских слов как ругательств и игру слов.

Одним из распространенных примеров «эмоциональной речи» является использование эскимосских междометий (или восклицаний), включая «ā-а» (да), «уук- / хук» (берегись!), «кā» (ох), «чā» (ой), «тава» (выражение боли), которые часто использовались для выражения чувств и как регистр языка, используемый взрослыми при обращении к младенцам (baby talk, см. Ferguson, 1964). Распространено также использование ласковых нарицательных взрослыми при обращении к младенцам, таких как «пипик» (малыш, старое заимствование из английского языка «baby»), «аг'вык'сик'» (моржонок), прилагательных «пиниг'» (хороший), «сыг'лык'» (плохой), «амакылг'и» (маленький), «ик'атук'ак'» (грязный), «к'инутаалг'и» (ленивый); «кыкā» (больно), «у-ух» (фу, грязно), «ка-ай» (сожаление, ай-ай-ай), «ка-ку» (осторожно), «ынта» (ну-ка/ā ну!), «кā» (тсс, тише) и «сā» (я не знаю). Слово «сā» («ся-а») часто бывает окрашено специальной интонацией и может использоваться «для баловства»: «Вот мы когда балуемся,

Фото 8. Дети села Новое Чаплино исполняют традиционный эскимосский танец. Праздник коренных жителей, с. Новое Чаплино, август 2018 г.

чего-нибудь кто-нибудь спросит, а мы ему “ся-а” [маркировано интонацией] – не знаю [разводя руками, со смехом]». Жители Нового Чаплино любят подчеркнуть, что они – очень веселые люди, с хорошим чувством юмора. Юмор или остроумие, как правило, рассматривается как важный и неотъемлемый аспект самоопределения чаплинских эскимосов, и они часто используют отдельные эскимосские слова или интонацию «в шутку», «для баловства».

В 2005 г., в день моего приезда, А.М. забежала к Л.М. поздороваться. «К̄я, Люда, тагиман’а сярґ’сиг’» (Ой, хорошо, Люда, это я пришла к тебе), – услышала я из прихожей. “Дашенька, вы приехали? Надолго к нам?”, – поздоровалась она со мной на русском. Позже А.М. пояснила: «Мы, эскимосы, очень веселые, знаете, как это, легки на подъем. Я ей говорю, или она мне, и вот мы начинаем... Смех смехом, дело в том, что и говорим мы по-эскимоски, и понимаем, и вспоминаем, как это, и нам от этого так хорошо бывает. А мы еще утрируем немножко, «К̄я. Люда, наты так’син?» (А, хорошо, Люда, как дела?), вот, как бабушки, так говорим, растяжно. Она уже сразу входит в роль мою и «к’уякамкын к’айульта!» (ой, ты зашла, я так рада, давай чай пить!). А потом мы уже тоже разговариваем, вспоминаем [на русском]» (интервью, 2003 г.)

Еще один интересный случай использования языка юпик – «экспрессивная речь» в местной школе между двумя поссорившимися семиклассниками: «Эй ты, юк, че толкаешься?», – прокричал один мальчик другому. «Сам ты к’уйн’ик’, иди отсюда!», – разозленно ответил ему второй мальчик. В этом случае семиклассники воспользовались эскимосскими словами «юк» (человек) и «к’уйн’ик» (олень домашний), вставленными в русскую речь, для обзывания друг друга и выражения негативных эмоций. Вызванные желанием подчеркнуть негативные качества и «злодейский характер» соперника, подобные случаи использования эскимосских слов имеют явный социальный смысл.

Дети и молодежь также прибегает к использованию «эскимосского акцента» (как старики раньше говорили на русском) для передразнивания или «в шутку». Акцент в языке служит особым индикатором этничности и социального статуса. В советское время негативное отношение к отклоняющимся от стандарта видам речи, таким как акцент, ассоциировалось не только с плохим владением русским языком, но и с рядом негативных стереотипов коренного населения (отсюда шли популярные в советское время анекдоты «про чукчей»). «Эскимосский» или «чукотский» акцент в русской речи нес унижительную коннотацию и ассоциировался с негативными стереотипами коренных жителей как «менее современных»,

«живущих в ярангах и чумах», «отсталых», «нечистоплотных» и «необразованных» людей.

В наши дни акцентная речь по-прежнему ассоциируется с пожилыми людьми, более низким социальным статусом, необразованностью, отсталостью, и потому большинство коренных жителей Чукотки стремится говорить на русском грамматически и фонетически «правильно» и без акцента. Напротив, сознательно, акцентная речь часто используется для того, чтобы «создать определенную атмосферу», «разрядить ситуацию», «обозначить несерьезность ситуации», «акцентировать близость» и т. д. Воспроизведение определенного речевого стереотипа, использование эскимосских слов и интонации, подчеркнуто акцентная форма речи сознательно поддерживает стереотипное представление (как негативное, так и позитивное) об эскимосах.

(4) «Секретный язык»

Юпик также используется как «секретный язык», например, когда надо «что-то скрыть от детей», осудить покупку подарка или в случае ссоры родителей, или когда надо утаить информацию от посторонних. Более того, несмотря на то что местные жители часто подчеркивали, что в присутствии «русских» они говорят только на русском, в ситуациях «опасности», т. е. когда им или другим членам «их» группы что-то угрожает, или им надо было кого-то предостеречь, они иногда прибегали к переключению на юпик. Одна учительница рассказала, что хотя она говорит в основном на русском языке, на работе, когда чувствует, что ей или ее коллегам что-то угрожает, она использует юпик, «чтобы никто другой не понял, чтобы предупредить» (26 лет, интервью 2005 г.). В 2005 г. я попала в подобную ситуацию. Я зашла к одной из моих знакомых. Когда она узнала, что я собираюсь навестить одну из ее подруг, которую накануне видели выпившей, моя знакомая, по всей видимости, чтобы убедиться, что мой визит не будет неуместным, набрала ее номер по телефону. Поздоровавшись на русском, она сразу же переключилась на юпик и продолжила свой разговор на юпик, что абсолютно исключило меня из разговора. Через пару минут она снова переключилась на русский со словами: «Ну, тогда она сейчас к тебе зайдет» и повесила трубку.

Более того, целенаправленное переключение на эскимосский язык может использоваться в качестве механизма, поддерживающего границы, и для сознательного урегулирования существующего в обществе неравенства, обозначая этнокультурную обособленность группы, тем самым подчеркивая «собственные» права группы как этнокультурной категории.

Это в особенности касалось маркированного использования эскимосского языка, т. е. использование формы речи, которая не является нормой поведения в данной ситуации или, иными словами, «нарушает принятый этикет выбора языка» (см. Aikhenvald, 2002: 190). В 2003 г. я присутствовала на встрече местных охотников с областной администрацией в районном центре – поселке Провидения (встреча касалась охотничьего снаряжения и ограничений, наложенных на местное население в отношении зон промысловой деятельности). Вся дискуссия проводилась на русском языке, в соответствии с местными «правилами этикета выбора языка». Во время встречи, когда возникли разногласия охотников с руководством, один из охотников переключился на юпик, что было воспринято остальными («приезжими») как нарушение этикета и вызвало открытое возмущение. В этом случае использование титульного языка было открыто нацелено на исключение лиц, не являющихся коренными жителями, из определенной части беседы (см. Gumperz, 1982). Для охотников этот «акт» был конкретным способом вести переговоры в ситуации, где положение сторон было заведомо неравным.

Как видим, «выбор» языка вызван определенным контекстом и либо соответствует принятому этикету и правилам общения, либо, наоборот, бросает вызов существующей норме посредством перехода на титульный язык в ситуациях, где норма – русский язык. Таким образом, использование эскимосского языка зачастую не только служит маркером этнокультурного определения группы, но и используется как «свой» код в ситуациях с «чужими», в то время как само переключение может нести как символический, так и метафорический (диалоговый) смысл или использоваться для передачи эмоций и личных отношений.

ЭСКИМОССКАЯ ЛЕКСИКА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Самое распространенное использование эскимосского языка связано с так называемой традиционной лексикой. Это – слова, относящиеся к традиционным видам деятельности, которые включают названия морских млекопитающих, птиц, лодочного снаряжения, традиционные предметы обихода, географические названия, объекты флоры и фауны, явления природы и т. п. Список таких бытующих слов достаточно велик: *айвык'* (морж), *ан'тух'нак* (самец / молодой морж), *аг'вык'* (кит), *угр'ак'* (черная чайка), *ан'укак'* (кипрей, или иван-чай), *к'аюутак'* (деревянный поднос для разделки мяса) *уунг'ак'* (гарпун), *уунг'апик* (наконечник гарпуна), *к'иипаг'ак'* (парка) и т. д. Как заметила одна моя зна-

комая: «Вот то, что приемлемо для нас, что наше, непосредственно то, что приближено к нашему обиходу: охота, национальные танцы, шитье... лоскуточки, ниточки, иголки, все отдельными словами называется, названия вот местностей, например, вот как они называются на эскимосском, так они и называются. Например, *ныфкуурак'* (сушеное мясо), *ан'тух'ак'* (серый кит), *аг'высиик'* (кит-горбач). Те слова, которых нет в русском языке, вернее, они есть, но лучше (удобнее) сказать по-эскимосски». Слова обычно вставляются в повседневный разговор (на русском) по принципу: «Я надела парку, и жарко в *к'ак'аг'т-уре* (капюшон парки)»; «Вижу там *ан'тух'нак* (молодняк моржей) пошел»; «Ну, заходим, она, значит, *к'аюутак* этот (доску) достает и режет потихонечку мясо», и т. п. Подобное явление было зарегистрировано и Н.Б. Вахтиным в Сирениках еще в 1988 г. (Вахтин, 2004).

Использование слов из эскимосского лексикона обычно объясняется с прагматической точки зрения, «потому что так проще сказать» или же для компенсации лексического пробела в русском языке тех случаях, когда в титульном языке не хватает определенного слова, либо потому, что значение слова в русском языке отличается от его значения по-эскимосски. Помню, как Л.М. рассказывала о том, как ей впервые пришлось попробовать «ууну» (морской персик): «А мне надо ууну кушать, а я не могу ее», – рассказывала она и, как будто прочитав мои мысли, со смехом заметила: «Ну, не скажешь же, *асцидию буду кушать*», тем самым подчеркивая, насколько нелепо это звучало.

Один из старейшин, в прошлом опытный охотник, объяснил мне это следующим образом: «Вот морской зверь, например, морж: *одинокий морж, стая моржей, самка, малыши с рождения, малыши годовалый* – это все названия, и все разные слова. В этом году добыли моржей: *к'асик'ак'* – годовалый морж (моржонок до года); *ан'тух'нак* – средний / взрослый морж-самец; *айвык*, *аг'насялык*, *аюг'аяк* – *молодняк, самка, стая моржей-самцов на льду*» (67 лет, интервью 2003 г.). Интересно, что аналогичное объяснение давали и охотники на о. Св. Лаврентия, указывая на то, что есть определенные части лодок, снаряжения, различные виды льда, которые на юпике обозначаются одним словом, в то время как на английском или русском требуется несколько слов сказать, чтобы выразить то же самое. Поэтому «*проще сказать на юпике, чтобы подчеркнуть некоторые моменты, так легче изъясняются, особенно когда время ограничено*» (ПМА, Гэмбелл, 2007 г.).

В сознании большинства чаплинских эскимосов «эскимосский язык» на сегодняшний день тесно связан с охотой на морского зверя (моржа, кита, нерпу). На вопрос, кто говорит на языке, поселковые жители часто отвеча-

ли, что «охотники, они говорят, они понимают». В море, на охоте, однако, охотники общались в основном жестами, которые использовались для передачи различной информации и команд. Когда я спросила бригадира, Игоря Макотрика (И.М.), почему они не разговаривали на юпике во время охоты, он удивленно посмотрел на меня: «*Что значит, не говорим? А как насчет айвык' (морж), ан'тух'пак (старый морж-самец), к'асик'ак' (детеныш)...*» Другой охотник подтвердил: «*Конечно же, мы говорим – например, имена мест мы только (называем. – Д.М.) на эскимосском*». Слова и термины, связанные с охотой на морского зверя, как правило, действительно используются на эскимосском языке (и не только на охоте, но и в повседневном обиходе в селе в целом), включая названия морских млекопитающих, птиц, лодочного снаряжения, географических названий, природных явлений, направлений и т. д. Но то, что большинство охотников на сегодняшний день отождествляет с эскимосским языком, скорее, есть определенный профессиональный говор (регистр), где серия эскимосских слов, сопровождаемая интонацией и/или жестами (при охоте), используется одновременно и вперемешку с русским языком, что ведет к ощущению того, что собеседники «перешли на эскимосский язык». В аналогичной ситуации, как отмечает Н.Б. Вахтин в своем анализе ситуации в селе Марково (Вахтин, 2004), местному жителю при разговоре со «своими» в привычной обстановке «...достаточно вставить в свою совершенно чистую русскую речь одно-два специфических слова или особым образом интонировать высказывание – и тут же и он, и его собеседники ощущают, что "перешли на марковский"».

По словам старейшины Владимира Насалика, языковое переключение было явлением довольно новым на Чукотке, и люди «сейчас», т. е. в 2000-е гг., стали больше использовать эскимосских фраз и выражений и чаще переключаться на эскимосский язык... «*Раньше нам не разрешали говорить на нашем языке, и нам было стыдно на нем говорить, стыдно за то, кто мы есть. Сегодня те, кто знает, как говорить [на юпик], будут говорить с теми, кто может, со стариками или с эскимосами с Аляски*» (запись 2003 г.). Те, кто не знает минимального набора лексики, зачастую считаются «обрусевшими», пользуются меньшим уважением среди охотников и иногда, как отметил один из охотников, «вообще за охотников не считаются».

В такой «переходной» ситуации примесь эскимосских слов в русской речи, как правило, приветствуется родителями, потому что «лучше так говорят, чем вообще никак». Примесь же русского в юпик, наоборот, часто высмеивается, хотя, даже когда коренное население пытается гово-

рить на юпике «чисто», «без примеси», избежать примеси русского языка практически невозможно. Большая часть экономического, социально-политического, медицинского лексикона, названий современной бытовой техники, транспорта, школьная лексика и т. д. (около 300 слов) была заимствована в язык из русского языка, а ряд эскимосских слов был заменен русскими эквивалентами. Сегодня смешанные предложения типа «*Агля доскамун (иди к доске)*»; «*Таг'иваху хлеба, пильг'узун хлебамын'?*» (дай хлеб, есть у тебя хлеб?); «*Мама, уяваг'тын подметан'агун'а*» (мама, отойди дальше, я здесь подмету). «*Вика звониг'у? – Нака званилах'пун'амын'?*» (Вика звонила? – Нет, не звонила) и т. д. зачастую являются единственным способом «разговаривать по-эскимосски».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Языковая ситуация на Чукотке и восприятие местного населения эскимосского языка, как я неоднократно отмечала (Schwalbe, 2015, 2017), связаны с политическими идеологиями, образовательной политикой и групповой динамикой региона, а языковая практика во многом отражает те радикальные – социальные, политические, демографические, экономические и другие изменения, к которым приходилось адаптироваться коренному населению как в советский, так и в постсоветский периоды. В советское время народное творчество (национальные танцы, ансамбли, фольклор) использовались как способ демонстрации национального разнообразия и равноправия народов страны внешнему миру, что способствовало сохранению традиционного фольклора. Более того, именно эти экспрессивные формы на сегодняшний день отождествляются со сферами «использования родного языка» и с этнокультурной самоидентификацией и обособленностью группы (но см. Krupnik, Vakhtin, 1998 о других формах культурной идентификации). В то же время внезапный упадок системы советских ценностей в постсоветские годы, возобновление отношений с Аляской и восстановление на Чукотке в 1992–1993 гг. китобойного и другого морского зверобойного промысла для нужд местного населения «*вызвали растущий интерес к этническим корням, религии, альтернативным духовным ценностям и новым идентичностям*» (Vakhtin, Krupnik, 1999: 33) и, следовательно, к эскимосскому языку.

За последнее десятилетие глобализация и развитие информационных технологий позволяют малочисленным коренным народам Арктики сле-

дять за международными событиями и общаться с людьми за пределами своих регионов, а упор образовательной системы на глобальный английский язык привел к усилению престижа английского языка среди коренного населения. С одной стороны, это ведет к тому, что юпик теряет свой статус как предпочтительный язык коммуникации между эскимосами, а с другой – возникают новые возможности самоидентификации и использования родного языка в повседневном, межнациональном и даже международном контексте. Популярная в последние годы на международных форумах аборигенных народов риторика «угрозы» и «потери языка» на Чукотке выражена в идее «полу- или двуязычия», где потеря языка сопоставляется с «потерей идентичности». Эта риторика сопутствует развитию программ по сохранению и консервации языка, но в то же время может негативно влиять на ситуацию, навязывая коренному населению чувство вины за то, что «язык потеряли», тем самым воспроизводя идею об эскимосском языке как «ненужном», «бесполезном» и даже «уже мертвом». Многие считают, что «пусть дети лучше говорят на одном (русском) языке правильно».

Использование родного языка, однако, является неотъемлемой частью повседневной социальной практики. Как показывает данная статья, переключение на язык меньшинства (в данном случае – юпик) может сигнализировать солидарность, становится маркером этнической самоидентификации, а переключение кодов или даже отдельные эскимосские слова, вставленные в русскую речь, могут иметь символический статус. Более того, в ситуации чаплинских эскимосов, у которых языковой сдвиг произошел в 1980-е гг., и большинство населения на сегодняшний день не владеет юпиком в совершенстве, «слова» и «разговор словами» (вставление эскимосских слов и словосочетаний в русскую речь) приобрели функцию «говорения на языке». Знание определенных эскимосских слов и выражений и умение переключаться на местный код в ряде ситуаций приравнивается к фактическому «говорению на языке» и может быть использовано в качестве маркера (и заявки на присвоение себе) этнокультурной категории «эскимос», самоидентификации себя как «юпик» и классификации других как исключенных из этой категории. Более того, для современных чаплинцев «слова» имеют определенные объектные качества, а сам «язык», рассматриваемый теперь как набор символически важных слов, стал особым видом собственности. Идентичность, как видим, сама по себе определяется и конструируется через языковое поведение (например, исполь-

зование междометий для определения эскимосов как «веселых, легких на подъем» людей).

В то же время связь языка с коллективным самоопределением эскимосов является одним из важных аспектов сохранения языка юпик на Чукотке, потому что, как заметила одна из моих собеседниц, «без языка, кто мы тогда? Мы не русские, а без языка мы и не эскимосы». Поэтому «потеря языка» зачастую связывается с «потерей самого себя» и того, «кто мы есть», т. е. с потерей групповой идентичности, а сам язык рассматривается как существенный аспект их культурной преемственности, позволяя членам группы ощущать привязанность к определенному коллективу и к «своей» местности, и тем самым воспринимается не только как культурное наследие, но и как историческая (и генетическая) связь между поколениями, между прошлым и будущим. «Язык надо знать для того, чтобы помнить» становится сейчас самостоятельной идеологической силой для коренных жителей, а незнание и непонимание молодым поколением эскимосского языка воспринимается как глубоко эмоциональный вопрос.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Я приношу огромную благодарность жителям села Новое Чаплино за неоднократное гостеприимство и помощь. Особые благодарности Людмиле Макотрик, Игорю Макотрику, Александре Мумихтыкак, Антонине Ятта, Тамаре Кутылиной и Людмиле Айнана за неоднократную помощь и содействие в исследовании. Также мои благодарности Игорю Крупнику и Николаю Вахтину за их ценные комментарии к статье.

Литература

Вахтин Н.Б. Языки народов Севера в XX веке. Очерки языкового сдвига. – СПб.: Европейский Университет в Санкт-Петербурге, 2001. – 338 с.

Вахтин Н.Б. Языковой сдвиг и изменение языка: догонит ли Ахиллес черепаху? // Типологические обоснования в грамматике: К 70-летию профессора В.С. Храковского. – М.: Знак, 2004. – С. 119–130.

Меновицков Г.А. Материалы и исследования по языку и фольклору чаплинских эскимосов. – Л.: Наука, 1988. – 237 с.

Пусть говорят наши старики: рассказы азиатских эскимосов-юпик: Записи 1975–1987 гг. / сост. и запись И.И. Крупника; ред. Л. Айнана. – М.: Институт Наследия, 2000. – 528 с.

Рубцова Е.С. Материалы по языку и фольклору эскимосов: чаплинский диалект. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1954. – Ч. 1. – 556 с.

Рубцова Е.С. Тексты на языках эскимосов Чукотки в записи Е.С. Рубцовой / ред. Н.Б. Вахтин. – СПб.: Арт-Экспресс, 2019. – 868 с.

Aikhenvald Alexandra. Language Contact in Amazonia. – New York: Oxford University Press, 2002. – 868 p.

Ferguson Charles A. Baby Talk in Six Languages // *American Anthropologist*, New Series, 66/6–2: The Ethnography of Communication, 1964. – P. 103–114.

Fishman Joshua A. Language and Ethnicity in Minority Sociolinguistic Perspective. Clevedon, UK: Multilingual Matters, 1989.

Goffman Erving. Interaction Ritual. Essays on Face-to-Face behavior. – Garden City, New York: Anchor Books, 1967 (1963). – 270 p.

Goodfellow Anne Marie. Talking in Context. Language and Identity in Kwakwaka'wakw Society. – Montreal: McGill-Queen's University Press, 2005. – 240 p.

Grosjean François. Life with Two Languages: An Introduction to Bilingualism. – Massachusetts: Harvard University Press, 1982. – 384 p.

Gumperz John J. Types of Linguistic Communities // *Anthropological Linguistics*. – 1962. – Vol. 4/1. – P. 28–40.

Gumperz John J. Discourse strategies. – Cambridge: Cambridge University Press, 1982. – 225 p.

Huges Charles Campbell. An Eskimo Village in the Modern World, with the collaboration of Jane M. Hughes. – Ithaca, New York: Cornell University Press, 1960. – 419 p.

Huges Charles Campbell. Siberian Eskimo // *Handbook of North American Indians* / ed. David Damas. Arctic. – Washington, D.C. : Smithsonian Institution Press, 1984. – Vol. 5. – P. 247–261.

Jolles Carol Zane. Faith, food, and family in a Yupik whaling community, with the assistance of Elinor Mikaghaq Oozeva, elder advisor. – Seattle: Washington University Press, 2002. – 289 p.

Koonooka Christopher (Petuwaq). Ungipaghaghlanga: Let Me Tell You a Story: Quutmiit Yupigita Ungipaghaatangit: Legends of the Siberian Eskimos, Transliterated and translated from the Chukotka Collection of G.A. Menovshchikov. – Fairbanks, Alaska Native Language Center, 2003. – 185 p.

Krupnik Igor, Chlenov Michael. Yupik Transitions: Change and Survival at Bering Strait, 1900–1960. – Fairbanks: University of Alaska Press, 2013. – 392 p.

Krupnik Igor, Vakhtin Nikolai. Indigenous Knowledge in Modern Culture: Siberian Yupik ecological knowledge in transition // *Arctic Anthropology*. – 1998. – Vol. 34, No. 1. – P. 236–252.

Morgounova Daria. Dynamics of Talk – Minorities Resistance to Dominance in the Russian Federation and the United States: PhD dissertation, Faculty of Humanities. – University of Copenhagen, 2010. – 275 p.

Schwalbe Daria M. Language Ideologies at Work: Economies of Yupik Language Maintenance and Loss // *Sibirica*. – Winter 2015. – Vol. 14, No. 3. – P. 1–27.

Schwalbe Daria M. Sustaining linguistic continuity in the Beringia: Examining Language Shift and Comparing Ideas of Sustainability in Two Arctic Communities // *The Canadian Journal of Anthropology*. – 2017. – Vol. 59/ 1. – P. 28–43.

Vakhtin Nikolai B., Krupnik Igor. Power, Politics, and Heritage: Undercurrent Transformations in the Post-Soviet Arctic – the case of Chukotka // *International Arctic Social Science Association*. – Copenhagen: University of Copenhagen, Department of Eskimology, 1999. – Vol. 3. – P. 27–42.

РОДНОЙ ЯЗЫК И ДЕТИ ЧУКОТКИ

Леонова В.Г.

На протяжении многих лет в обществе нашего региона растет беспокойство за судьбу родных языков народов Чукотки. Все меньше остается знатоков языка, представителей старшего поколения; новое поколение северян растет, не зная своих корней. В подавляющем большинстве семей коренных жителей Чукотки родители не говорят на родном языке со своими детьми. Возьмут ли наши потомки с собой в будущее ценности, знания и достижения, созданные их предками? Не хотелось бы, чтобы старшее поколение стало последним уходящим звеном носителей этого богатого наследия.

Современная цивилизация устремлена в будущее и движется к всеобщей технологизации. В условиях информационного общества возникает угроза не только исчезновения языков малочисленных коренных народов. Все большее беспокойство вызывает сокращение обычного устного общения между молодыми людьми, образ которых все чаще предстает в виде уткнувшихся в айфоны детей и подростков.

Эта ситуация заставляет задуматься, какое место займет родной язык – чукотский, эскимосский, эвенский и др. – в системе ценностей нашей молодежи. И займет ли вообще...

Думаю, чтобы решить эту проблему, стоит пересмотреть подходы, прежде всего, нас, взрослых, на способы передачи накопленного многими поколениями предков культурного наследия, в том числе и родных языков.

Большие надежды внушает активность, само присутствие тех представителей коренного населения, которые продолжают сохранять знания о культурных традициях, являются носителями языков и, кроме того, обладают потенциальной энергией, способной зарядить потомков любовью и уважением к своим предкам, создавшим необычную северную цивилизацию. Такие люди в нашем регионе есть.

Идя в ногу со временем, наше общество уже усвоило, что звать молодежь обратно в ярангу, к жирнику и тяжелому ручному труду – невозможно

и неразумно. Детей сегодня привлекает современный краеведческий музей, оборудованный по последнему слову техники. Ведь даже трехлетний малыш осваивает современные гаджеты быстрее, чем манипулирование ложкой. Способ навязывания и понуждения к знаниям неэффективен в образовании; он вызывает стойкое отторжение у обучающихся, нужен совершенно другой метод освоения того, что называется «культурным наследием предков».

Одним из условий, позволяющим вызвать интерес, в профессиональной педагогической терминологии – «сформировать мотивацию» к изучению и овладению родным языком, является разворот в сторону интерактивных, деятельностных, практико-ориентированных методов изучения языков коренных народов Чукотки. Учитывая сложившуюся ситуацию, система образования Чукотского округа, в первую очередь – коллектив специалистов Чукотского института развития образования и повышения квалификации (ЧИРОиПК) подготовил к изданию и выпустил ряд современных детских книжек, вовлекающих в занимательную деятельность, игру с языком и снабжены яркими, актуальными для сегодняшних детей иллюстрациями. Это такие детские учебные издания, как «Давай с тобой поговорим» (Фатеева, Леонова 2005) на трех языках – чукотском, эвенском, эскимосском, включающее диск с аудиоматериалами; «Давай поиграем!» (Гемако, Морева, 2005); «Книга для чтения» (Выквырагтыргыгына, 2006), «Начнем говорить по-чукотски» (Емельянова, 2005), «Эскимосский язык» (Сигунылик, 2003, 2006), Русско-эскимосский словарь в 2 томах (Радунович, 2014) и др.

Эти и другие пособия подготовлены специалистами системы образования Чукотки, такими как Любовь Фатеева, Валентина Морева, Лилия Гемако, Марина Сигунылик, Нина Емельянова, Лариса Выквырагтыргыгына, Наталья Радунович. Некоторых из авторов, к сожалению, уже нет среди нас (М.И. Сигунылик, Л.Г. Гемако, В.С. Моревой), но все они стали примером подвижничества в своей профессии. Не каждый способен проделать столь колоссальную работу, требующую полной самоотдачи, безграничной преданности своему делу – сохранению родного языка.

Создание пособия для преподавания родного языка, соответствующего требованиям современной методики, под силу разве что крупному коллективу или хорошо оснащенной лаборатории. Однако этот стереотип ломает наша современница Наталья Радунович, преподаватель Чукотского многопрофильного колледжа в г. Анадыре, которая самостоятельно разработала несколько учебных пособий по эскимосскому языку для студентов колледжа, в том числе электронных, а также двухтомный русско-эски-

мосский словарь (Радунович, 2014), потратив на их создание несколько лет. Главное, что книги, созданные Радунович, имеют современный дизайн, удобны в использовании, обладают продуманной методической составляющей, включают практические речевые упражнения, в том числе с аудиосопровождением (фото 1). Пособия подходят также для самостоятельных занятий эскимосским языком.

Использование современных технологий в преподавании, создание электронных образовательных ресурсов требуют больших усилий и специальных навыков. Ведь необходимо соединить знания и тексты, которые носят, на первый взгляд, архаичный характер, с инновационными средствами их освоения.

В прежние годы на Чукотке уделялось мало внимания обучению дошкольников родным языкам. Известно, что наиболее благоприятным периодом для освоения любого языка является дошкольный возраст. Решающая роль в этом развитии

принадлежит не столько дошкольным образовательным учреждениям, сколько семье. Известны случаи, когда, несмотря на отсутствие преподавания родного языка в детском саду и школе, благодаря сохранившимся семейным традициям, дедушкам и бабушкам, другим старшим родственникам, говорящим с детьми на родном языке, дети знали разговорный язык – то, что является целью обучения. Современные образовательные организации не могут создать полноценную разговорную среду; в лучшем случае детей знакомят с лексикой и элементами грамматики, что делает изучение языка лишенным жизненности.

Фото 1. Наталья Радунович, преподаватель эскимосского языка в Чукотском многопрофильном колледже, г. Анадырь (2019 г., фото Г. Родионовой)

Эти факторы и стали основанием для концепции конкурсов и олимпиад по родным языкам, проводимых Маргаритой Николаевной Тнескиной (фото 2), заведующей отделом этнопедагогических технологий ЧИРОиПК. Вот уже более 10 лет она является вдохновительницей разнообразных конкурсов по родным языкам и регионоведению для школ, учителей и детей Чукотки. Подход Тнескиной заключается в том, чтобы олимпиады по родному языку проходили вне обычных школьных занятий, т. е. во внеурочной деятельности, а их содержание было направлено на разговорную речь и, самое главное, чтобы они проводились с участием родителей и представителей общественности.

Так родились региональные олимпиады по родным языкам и краеведению: «Евражкины тропки» для дошкольников и «Полярный совенек» – для начальной школы. Обязательное условие конкурсных заданий олимпиады «Евражкины тропки» и «Полярный совенек» – участие родителей, которые приглашаются в школу или детский сад и выполняют задания вместе с детьми (фото 3–5). Задания построены так, чтобы побуждать к разговорной речи; они направлены на развитие способности составлять небольшие письменные тексты (в начальной школе), умение поддерживать диалог на родном языке.

При проведении олимпиад для детей среднего и старшего звена общеобразовательных школ стоит задача выявить учеников, владеющих родным языком на более углубленном уровне, не только знающих разговорный язык, но и обладающих знаниями в области грамматики. Для этого в округе проводится Губернаторская дистанционная олимпиада среди учеников 6–7-х, 8–9-х, 10–11-х классов по родному языку (чукотскому, эвенскому, эскимосскому). В Губернаторской олимпиаде, помимо заданий на чтение

Фото 2. Маргарита Тнескина, заведующая отделом этнопедагогических технологий Чукотского института развития образования и повышения квалификации, г. Анадырь (2018 г., фото С. Наутье)

Фото 3. Олимпиада по родному языку и краеведению «Евражкины тропки», пос. Алькатваам (2019 г., фото Т.Ю. Шутовой)

Фото 4. Олимпиада по родному языку и краеведению «Полярный совенек», пос. Анюйск (2019 г., фото З.С. Якобсоне)

и понимание текста, предусмотрено выполнение лексико-грамматического теста и письменного задания творческого характера (мини-сочинение на родном языке). Важная часть этой олимпиады – конкурс устной речи, где участник должен, прочитав текст на родном языке, ответить на вопросы по его содержанию. В современных условиях конкурс устной речи ста-

Фото 5. Участие родителей – обязательное условие конкурсных олимпиад по родному языку (пос. Нунлигран, 2020 г., фото В.С. Эйненкеу)

ло возможным осуществлять дистанционно, когда беседа на родном языке школьника и эксперта осуществляется по скайпу из г. Анадыря со школами, находящимися в различных, часто удаленных населенных пунктах Чукотки, что до недавнего времени было невозможно.

Такой подход к конкурсным мероприятиям повышает статус родного языка, придает им игровой, состязательный характер, вызывает живой интерес и побуждает к восстановлению языковой среды в семье и национальном поселке.

Кроме олимпиад, по инициативе отдела этнопедагогических технологий Чукотского института развития образования и повышения квалификации проводятся окружные конкурсы по родным языкам среди образовательных организаций округа. Значение этих конкурсов заключается в привлечении общественности тех сел, где находятся школы, к работе по поддержке родных языков северных народов. По условиям конкурса участники создают видеоролики с различными ситуациями общения на родном языке: в магазине, в больнице, в семье и т. д. В результате таких конкурсов у подрастающего поколения формируется положительная мотивация к освоению родного языка, расширению и обогащению словарного запаса у тех детей, которые слабо владеют родным языком, стимулируется создание среды общения на нем, в том числе среди детей и подростков.

Помимо внеурочной работы по изучению родных языков, истории и культуры Чукотки, важно сохранить потенциал обучения, накопленный за многие годы преподавания чукотского, эскимосского, эвенского языков в образовательных организациях округа. Одним из средств, позволяющих поднять на новый уровень преподавание родных языков в школе, является оценка качества преподавания, определение результатов и достижений учащихся путем мониторинговых исследований (для учеников 8-х классов) и итоговой аттестации в форме *основного государственного экзамена* по чукотскому и эскимосскому языкам (для учеников 9-х классов).

Движущей силой в этом направлении выступает коллектив творческой лаборатории Чукотского института развития образования и повышения квалификации. Прежде чем перед девятиклассником на стол ляжет листок бумаги с заданиями, специалисты института – Светлана Наутье (чукотский яз.), Лариса Выквырагтыгыргына (чукотский яз.), Надежда Панарультына (чукотский яз.), Валентина Леонова (эскимосский яз.) ежегодно создают новые тексты на родных языках (фото 6–9).

Учебно-методическая база по преподаванию родных языков народов Чукотки до сих пор очень скудная. Если в распоряжении разработчика заданий итоговой аттестации для выпускников общеобразовательных школ по русскому или английскому языку имеются разнообразные бумажные и электронные носители, а также Интернет, то линейка учебников по эскимосскому языку заканчивается на 2-м классе.

Фото 6. Светлана Наутье, сотрудник ЧИРОиПК (чукотский язык) (2016 г., фото М. Тнескиной)

Фото 7. Надежда Панарультына, сотрудник ЧИРОиПК (чукотский язык) (2016 г., фото М. Тнескиной)

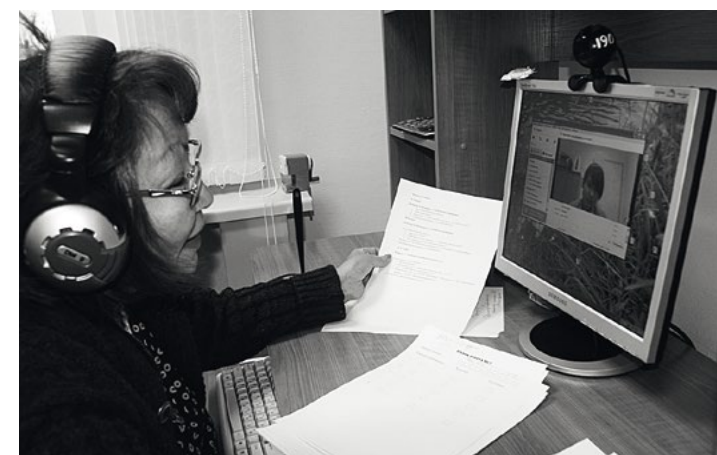

Фото 8. Лариса Выквырагтыгыргына, сотрудник ЧИРОиПК (чукотский язык) (2016 г., фото М. Тнескиной)

Фото 9. Валентина Леонова, сотрудник ЧИРОиПК (эскимосский язык) (2016 г., фото М. Тнескиной)

Фото 10. Дети в пос. Нунлингран на олимпиаде по родному языку (2019 г., фото В.С. Эйненкеу)

Чуть лучше обстоит дело с чукотским языком, на котором изданы учебники до 6-го класса (Букварь, 2017; Чукотский язык, 2017а–г). Из Интернета родной язык не скачаешь и необходимых учебных пособий для школьников в сети нет. Поэтому сотрудники института ежегодно совершают маленькие «открытия», создавая оригинальные комплекты тестовых и творческих заданий по родным языкам народов Чукотки.

Основной государственный экзамен по родному языку для выпускников 9-х классов общеобразовательных школ округа направлен на определение уровня не столько лексико-грамматической, сколько коммуникативной компетенции учащихся. В них содержатся задания по чтению на понимание письменной речи и на оценку понимания звучащей устной речи на родном (чукотском и эскимосском) языке. Аудирование – недавно введенное новшество в государственный экзамен по родным языкам в школах Чукотки, требует хорошего технического оснащения и предполагает определенную процедуру выполнения. Из года в год пополняется аудиобанк на чукотском и эскимосском языках для школьников и учителей Чукотки.

Экзамен по родному языку выбирают обычно высоко мотивированные выпускники, что подтверждается средним баллом ЕГЭ по данному предмету. Успешно сдают экзамен те ученики, которые регулярно

занимаются изучением родного языка в школе и обычно имеют разговорную среду дома, в семье, что немаловажно. Они, как правило, целенаправленно готовятся к экзамену, читают, тренируются в умении понимать тексты на слух, развивают лексико-грамматические навыки.

Число участников олимпиад и конкурсов, а также желающих пройти итоговую аттестацию по родному языку постепенно растет. Радует каждое слово, произнесенное устами маленьких жителей Чукотки или написанное в их сочинениях о родном крае (фото10).

Аналитическая работа специалистов института показывает улучшение результатов владения языковыми навыками, будь то письменные творческие работы или устные ответы. Расширяется методический арсенал педагогов, преподающих родные языки, совершенствуется их профессиональное мастерство. По итогам конкурсных мероприятий участники награждаются грамотами и специальными памятным медалями победителей и лауреатов.

А самый главный итог всей этой огромной работы профессионалов-педагогов, школьных учителей и активистов – счастливые дети и их родители, обретшие настоящую ценность – язык предков.

Литература

Букварь. 1 класс: учеб. пособие на чукотском языке для общеобразоват. организаций / И.С. Вдовин, Т.М. Караваева, Е.В. Лутфулина, Е.С. Уваургина; под ред. И.В. Куликовой. – СПб.: Филиал изд-ва «Просвещение», 2017. – 150 с.

Выквырагтыргыргына Л. Книга для чтения (на чукотском языке): учеб. хрестоматия для начальных классов образовательных учреждений Чукотки. – СПб.: Филиал изд-ва «Просвещение», 2006. – 134 с.

Гемако Л.Г., Морева В.С. Давай поиграем! Занимат. пособие по чукотскому языку для учащихся начальной школы. – СПб.: Дрофа, 2005. – 39 с.

Емельянова Н.Б. Учимся говорить по-чукотски: Мынымгомьк лыгэвэт-гавык: учеб.-метод. пособие для педагогов дошкольных образовательных учреждений Чукотского автономного округа. – СПб.: Крайний Север, 2006. – 83 с.

Радунович Н.П. Русско-эскимосский словарь [Текст] : около 19 000 слов; НКО «Фонд социального развития «Купол». – СПб.: Лема, 2014. – Т. 1. – 438 с.; Т. 2. – 388 с.

Сигунылик М.И. Эскимосский язык: учеб.-практ. пособие для общеобразоват. школ.

Ч. 1. СПб.: Дрофа, 2003. – 126 с.

Ч. 2. СПб.: Дрофа, 2003. – 119 с.

Фатеева Л.С., Леонова В.Г. Давай с тобой поговорим: иллюстр. самоучитель для детей. – СПб.: Дрофа, 2005. – 91 с.

Чукотский язык. 2 класс: учеб. пособие для общеобразоват. организаций / А.Г. Керек, С.М. Медведева; под ред. И.В. Куликовой. – СПб.: Филиал изд-ва «Просвещение», 2017а. – 271 с.

Чукотский язык. 3 класс: учеб. пособие для общеобразоват. организаций / Н.Б. Емельянова, Е.И. Нутекеу; под ред. И.В. Куликовой. – СПб.: Филиал изд-ва «Просвещение», 2017б. – 119 с.

Чукотский язык. 4 класс: учеб. пособие для общеобразоват. организаций / В.В. Леонтьев, А.Г. Керек, Е.В. Лутфуллина; под ред. И.В. Куликовой. – СПб.: Филиал изд-ва «Просвещение», 2017в. – 142 с.

Чукотский язык. 5–6 классы: учеб. пособие для общеобразоват. организаций / Н.Б. Емельянова, А.Д. Емельянов. – СПб.: Филиал изд-ва «Просвещение», 2017. – 270 с.

«УВАЖАЕМЫЙ ТОВАРИЩ КАПИТАН»: ПЕРЕПИСКА КАПИТАНА Л.М. ВОТРОГОВА С ОХОТНИКАМИ ЧУКОТКИ (1975–1982)

Богословская Е.С.

Леонард Максимович Вотрогов, «Капитан», как мы его все уважительно называли, родился 14 января 1929 г. в Приморском крае, в пос. Тетюхе, ныне город Дальнегорск. В 1944–1948 гг. он учился в Морском рыбном техникуме и закончив его, получил специальность «штурман дальнего плавания» и диплом техника-судоводителя. По распределению попал на работу в управление «Сахалинрыбпром».

В декабре 1948 г. перевелся в Управление китобойных флотилий и стал третьим помощником на китобойце «Трудфронт», входившем в китобой-

Фото 1. Капитан Л.М. Вотрогов. 1980-е гг., Чукотка (фото из архива Е. Богословской)

© Богословская Е.С., 2020

ную флотилию «Алеут». Когда китобойное судно «Слава-1» в составе флотилии «Алеут» передали во 2-ю Дальневосточную флотилию, которая работала на Курильских островах, Вотрогов служил на нем уже в должности второго помощника (фото 1).

С 1957 г. Леонард Максимович стал капитаном на китобойном судне «Тайфун». В 1961–1962 гг. командовал учебным китобойным судном «Штурм». Именно на китобойце «Штурм» тогда готовили гарпунеров для всех советских китобойных флотилий. Дальше был китобоец «Резвый», который входил в состав флотилии «Дальний Восток» и работал в северной части Тихого океана, от берегов Японии и Курильских островов до США и Канады.

НАЧАЛО РАБОТЫ «ЗВЕЗДНОГО»

И вот, наконец, в 1969 г., Капитан принял под свое управление китобоец «Звездный», задачей которого была добыча китов для нужд коренных жителей Чукотки (фото 2).

Главный и основополагающий принцип его работы был выбит над входом: *«Звездный» – ваше судно. Запомните, что мореходность китобойца зависит от вас. Будьте добросовестны на вахте и работе!»* Вотрогов требовал от всех членов команды буквального исполнения этого правила. С нарушителями дисциплины, которые, при заходе в порт или в по-

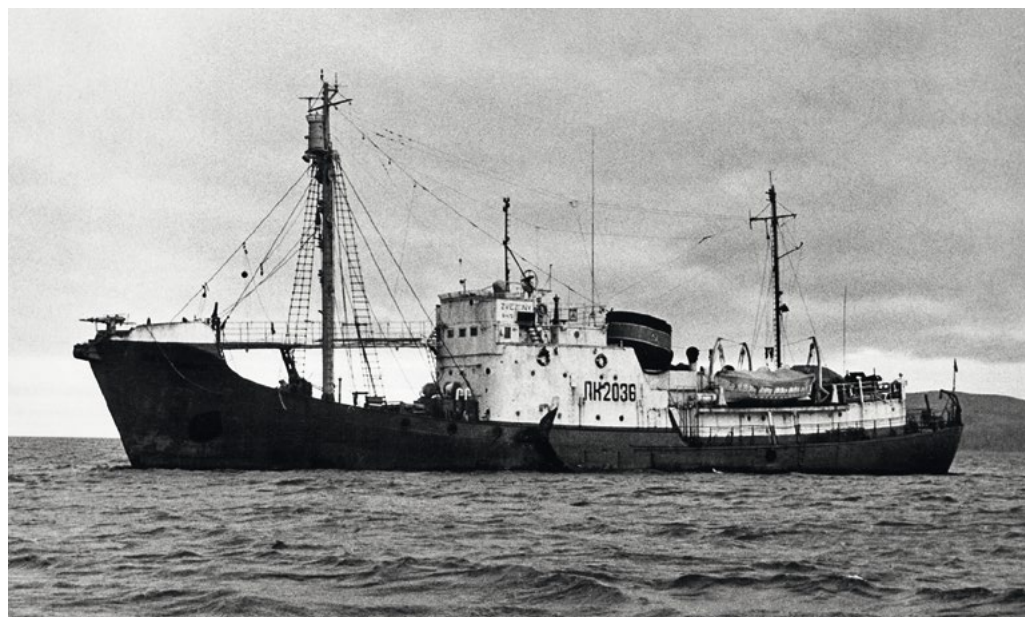

Фото 2. Китобоец «Звездный» (фото из архива Е. Богословской)

селок могли злоупотребить алкоголем или допускали халатность на работе, он был суров. Но, устроив взбучку несознательной части экипажа, он приходил в свою каюту и ставил на проигрыватель любимую пластинку с песенкой: «Капитан, капитан, улыбнитесь!» И улыбался! Чувство юмора спасало его от нервной перегрузки, и он легко переключался на другие, более приятные вещи. Леонард Максимович очень любил Польшу, и весь экипаж под его руководством вступил в Общество советско-польской дружбы. На корабле снимали фильмы о работе китобойца и о жизни Чукотки, силами команды издавали стен- и фотогазеты, вели обмен кинофильмами с поселками. Капитан прекрасно понимал, что удержать 30 человек команды в хорошем трудовом настроении можно, только заполнив их досуг и сплотив команду вокруг общих дел.

Работа китобойца по доставке китов в национальные поселки Чукотки была сложной и во многом непредсказуемой. Руководители совхозов могли, при утвержденной заранее квоте на добычу кита, неожиданно отказать от приемки, руководствуясь погодой или своими соображениями (добыли много моржей, большой улов рыбы, с которой возни на порядок

Фото 3. Капитан Вотрогов на «Звездном» во время стоянки в порту Провиденция (фото из архива Е. Богословской)

меньше, чем с китом, сломался трактор, которым вытягивают кита на берег, и т. д.). А еще были субботы и воскресенья, когда местное население могло купить алкоголь в магазинах. В эти дни ни о какой приемке кита не могло идти речи.

И Капитан должен был в кратчайшие сроки решить вопрос о сдаче уже добытого кита, учитывая большие расстояния между поселками, куда доставлялась добыча (Уэлькаль, Энмелен, Нунлигран, Сиреники, Новое Чаплино, Янракиннот, Лорино, Уэлен, Инчоун – см. Блохин, Литовка 2014: 74), т. е. 450 миль между конечными пунктами, и сравнительно короткое время, в течение которого китовое мясо считалось кондиционным (18 часов).

Ежегодно «Звездный» начинал работу на Чукотке в конце июня, когда на большинстве акваторий еще оставался лед и многие поселки были недоступны с моря. Работа во льдах китобойца, который был переделан из боевого минного тральщика, а вовсе не из ледокола, требовала большого умения, опыта и мужества. За все время работы Капитана на Чукотке в 1969–1982 гг. не было ни одного ЧП, связанного со льдами, что говорит о его высочайшей квалификации морехода.

Фото 4. Л.М. Вотрогов и Екатерина Богословская на капитанском мостике «Звездного» (фото Н.А. Перова, 1978 г.)

Капитан хорошо знал историю северного мореходства. В 1970 г. по его инициативе был установлен на берегу бухты Гилмымыл монумент с мемориальной доской «Памяти китобойной флотилии "Алеут"»; в его установке приняли участие члены экипажа и коренные жители пос. Янракиннот. В августе-сентябре 1974 г. Вотрогов с экипажем «Звездного» установили памятник адмиралу Макарову в пос. Янракиннот, и опять местные жители принимали в этом непосредственное участие.

Позже, когда уже со всеми поселками были установлены самые теплые отношения, «Звездный» везде ждали с нетерпением и радовались, когда на серебристо-стальном фоне моря появлялся его характерный силуэт. Это была радость того, что китобоец привел кита, а значит, можно полакомиться свежим китовым мантаком (кожей с подкожным слоем жира), запастись мясом впрок, узнать новости из соседних поселков, с которыми иногда не было связи по нескольку недель. Типичная для местных поселков нехватка морского снаряжения для охоты и разделки морзверя тоже часто разрешалась с приходом китобойца. Фленшерные (разделочные) ножи, стальной трос, запчасти для моторов – это все безвозмездно дарилось морским охотникам (Богословская, 2003: 20). Капитан хорошо понимал, как отсутствие надежного снаряжения мешает быстрой и безопасной доставке китов в поселки. И вдобавок еще плохая радиосвязь, выработавшие свой ресурс старые шведские моторы «Пента», отсутствие крепких тросов для буксировки китов. Нередки случаи, когда моторы с байдар и вельботов чинились силами механиков китобойца непосредственно на борту судна.

В своих дневниках Капитан с уважением пишет о морзверобоях, которые *«выходили на прием кита даже с отказавшими моторами на веслах, пытались принимать китов в плохую погоду. Надо отдать им должное, они молча и терпеливо работали в условиях, когда другие, возможно, основываясь на законах, правилах, морской практике, не решились бы идти на риск»*.

ПЕРЕПИСКА С ОХОТНИКАМИ

Когда в 1977 г. по решению Международной китобойной комиссии одной из обязанностей Капитана «Звездного» стал общий мониторинг запасов китов, он начал привлекать к этому делу морских охотников из поселков. Находясь в разных точках побережья Чукотки, регулярно выходя в море на охоту, они могли собирать информацию о наличии и миграциях китов практически круглый год. Со многими из них у Вотрогова уже сложились очень теплые, дружеские отношения, а эта общая задача еще больше их сблизила. Во время стоянок на рейде для сдачи кита Капитан

Фото 5. Л.М. Вотрогов беседует с одним из морзверобоев в капитанской каюте (фото С.А. Богословского, 1981 г.)

приглашал в свою каюту «на чай» охотников и старейших жителей поселка (фото 5) и записывал их рассказы о морских животных, просил вести дневники наблюдений, объяснял, что и как нужно заносить в них. По его инициативе в 1978 г. опытный зверобой из пос. Сиреники Андрей Анкалин начал вести дневник наблюдений за гренландскими китами и другими морскими млекопитающими (Богословская, 2003: 23). Потом подключились и другие охотники: Андрей Аксау и Константин Кымыечкин из Янракыннота, Владимир Элюч из Уэлена, Николай Гальгаугье из Сиреников... В итоге Капитан создал собственную сеть наблюдателей за китами, ластоногими, ледовыми условиями, птицами вдоль всего Чукотского полуострова – от залива Креста до Колючинской губы и Ванкарема на арктическом побережье.

Капитан писал охотникам письма с вопросами: что они видели в море, какие киты проходили мимо поселков, какая стоит погода, какие ветры дуют – и они подробно отвечали. Причем часто писали не только о китах и погоде, но и о своих делах, жизни своих семей, своих переживаниях. Обращались с просьбами, приглашали на свадьбы и дни рождения – для них Капитан был другом, надежным и верным, на которого они всегда могли рассчитывать и которого всегда были рады видеть.

Фото 6. Вельботы охотников из с. Лорино у борта «Звездного» (фото из архива Е. Богословской)

Письма охотников, которые приводятся в этой статье, – лишь малая часть большой переписки, которая началась с середины 1970-х гг. и продолжалась до самой смерти Капитана в ноябре 1982 г. Уже тяжело больной, он закончил свой последний охотничий сезон. Его похоронили в пос. Провидения, и на его могиле, высоко над бухтой, был установлен памятник с бронзовой доской от «благодарной Чукотки» (Богословская, 2003: 20).

* * *

Владимир Элюч – Л.М. Вотрогову*

23 мая 1975 г.

Здравствуй, Леонард Максимович!

С приветом Элюч В.

Я получил письмо, за что большое спасибо! Да, в этом году я навряд ли поеду в свой Уэлен, и вот что еще плохо: никто мне не хочет писать последнее время, даже жена, и то забыла, навер-

*Сохраняется орфография, пунктуация и стиль первоисточника.

ное, два года она писала, а вот последний год она перестала писать с февраля месяца. Последнее, что она говорила – там шел грипп. Возможно, ей операцию сделали или, возможно, просто я не знаю, что случилось, если бы она умерла, наверное, извещение, хотя бы, выслали...

...У меня дома [в Уэлене] в этом году первый раз такой большой ветер или ураган, наверно, двухэтажный дом развалило и в этот же день двое погибли: один пьяный замерз, второй только что отслужил, с армии парень, и что его понесло в такую погоду в Инчоун, соседний совхоз? И с собак сорвало.

Вот такие мои были последние новости февральские в этом году.

[...] Ну ладно, на этом кончаю пока. Леонард Максимович, очень большое спасибо еще раз за письмо, когда-нибудь встретимся в моих краях, счастливого пути в моих краях и удачи, и охоты!

С приветом Чукотским Уэленским большим от Элюча В.

Владимир Элюч – Л.М. Вотрогову

11 декабря 1975 г.

Здравствуй! Вотрогов Л.М.!

С приветом к вам Элюч В.

Я задержал немного ответ, большое спасибо за письмо от вас, вам хорошо сезон отработать, потом отдыхать! Да, значит, хороший осень был в моей Родине, зато лето, т. е. весна плохая была, долго стоял лед. Но мои земляки от души наохотились на нерпу и лахтака. Значит, побывали на забое оленей, мясо хороший.

А вот мне хочется все, но у меня пока тянется срок, все-таки год, может быть, еще остается, но уже так надоело это нервоотрепство на каждом шагу, что значит – не на родном месте. ...И вот 5 декабря была по телевизору передача про мой поселок Уэлен. И вот сплю и все представляю все охотничьи места. Показывали поселок, лежбища инчоунских моржей и вельботы ребят видел...

Ну ладно, пока все! В следующий раз много вам напишу, а пока счастливого наилучшего отдыха, дорогой друг!

С приветом,

Элюч В.

Владимир Элюч – Л.М. Вотрогову

14 марта 1976 г.

Здравствуйте, Вотрогов Л.!

Я получил от вас письмо и сразу пишу ответ. Во-первых, с приездом! С новой силой скорой навигации! Конечно, отдых, наверно, хороший был в этом году. По передаче прогноз погоды теплый на моей Родине, охотникам плохо, пушникам: у песцов пух обычно на морозе быстро появляется, 1-й сорт уже в январе, а если было тепло, то, наверно, прогорели мои земляки. Ну да ладно, пока я все равно не участвую в этом уже три года.

А вот в Уэлене, я думаю, скоро не останется хороших охотников, то есть хорошие стареют и умирают, а у современных еще опыта мало. Вот я, например, у отца набирался опыта, но потом я сам уже, конечно, с упрямством и настойчивостью, любовью к этой трудной профессии. Очень много надо смелости иметь, особенно на море, особенно весной, когда лед начинает таять и ничего не заметно: вроде лед крепкий, а раз – и провалился, многие опытные старые охотники погибают, вот тебе и несчастный случай. Со мной с самого детства все бывало, но постепенно привык, а сейчас молодежь все больше на учебу уезжает.

Ну вот и у меня уже последний год уже: весна, лето, а там и осень начнется. [...] Я тут, честно, не смогу все время жить, без Родины, это уже давно всем ясно.

Ну, пока, всего хорошего, скорого плавания! Моей Родине большой привет, уэленцам.

Ну вот и пока, на этом кончаю, большой привет твоим морякам от чукотского парня!

Элюч Владимир.

Владимир Элюч – Л.М. Вотрогову

25 ноября 1977 г.

Здравствуй, Вотрогов Л.М.!

С приветом к вам Элюч В.

Ну что, во-первых, большое спасибо за открытку и письма.

Я пока, вроде, удачно охотиться начал в этом году, только песцов мало пока что, одного капканом поймал. Ну а морзверя много в этом году, моржей и гренландских китов очень много.

Как шугу пригнало, появились с Уэлена по направлению к Наукану, короче (идут), на Юг. Ну, пока, надо работать, пока в совхозе нет нового оружия, но дали старый «Барс» (карабин. – Е.Б.) пока.

Ну что вам пожелать, семейного хорошего отдыха, да новой навигации в 78 году, скоро Новый год!

С приветом Чукотка вам!

Элюч В.

Владимир Элюч – Л.М. Вотрогову

17 января 1979 г.

Здравствуй, Вотрогов Л.М.!

С приветом Чукотка вам и лично от Элюча В.

Здравствуй, извини, что долго не отвечал!

Ну что скажу, в этом году резкое изменение погоды почти с лета. Поэтому серых китов очень мало, и то вот совсем недавно, в декабре и сейчас припай почти с берега, очень тепло. Белухи есть, но только в декабре появились, когда сайка пошла. Моржей много, охота на песцов началась в декабре, я 10 поймал, еще надо 16 хвостов до плана, но трудно при такой погоде работать, не знаю, как дальше пойдет. С вельботами худо, где-то обещают новые, а наши – совсем опасно (стало), особенно в этом году.

В Москве тепло, по радио передают, ну пока, хорошего отдыха на большой земле, и большое спасибо за открытку.

Элюч В.

Владимир Элюч – Л.М. Вотрогову

Февраль 1981 г.

Добрый день, Леонард Максимович!

С приветом от Элюч В.! От жителя поселка Уэлен!

На Чукотке сейчас холодно, но мы работаем! В прошлом году, в начале осени, 24 сентября, как раз, когда два последних корабля стояли и выгружали ГСМ и стройматериалы, день был неважный, поворачивался северный ветер и в этот же день подошла шуга и очень много за день прошло гренландских китов. Многие придерживались просто у самой шуги, большинство шло в сторону юга, то есть Наукана. А наутро суда уже ушли на Дежнев, а у нас уже стоял лед, не видно чистой воды, все по-

крыто сплошным льдом, и поэтому не было видно, что есть на море. Лед все время двигался, пока не забило ближний пролив. В это время холодно, под -20 со снегом. Серых китов шло много до этого в начале сентября, они сразу ушли на юг.

А насчет птиц: чаек шло очень много, до того как закрыло пролив. Много погибло в районе Дежнева на суше и на море и в воде. Мы думали, наверное, от холода, то есть, резкое изменение климата и расстояние большое без посадки, и от голода. Топорки сразу уходят в теплый край, а чайки и осенние молодые чайки остаются на зиму и даже сейчас есть и маленькие беленькие чайки, и кайры, и белые маленькие пятнистые, которые сайкой питаются. В этом году тонкоклювый буревестник благополучно перелетел, вовремя, в конце августа.

Моржей много взяли за прошлый год. В Инчоуне кололи копьями 18 сентября 1980 года сколько нам надо, то есть по плану. Нерпы в этом году много, как развод открывается, я лично 40 голов поймал сетями, подледной ловил, особенно хорошо ловится леской, чем крупней леска – тем лучше.

Праздники прошли очень хорошо, сейчас уже 81 год, то есть сегодня 25 февраля. Работы много: песцов ловим и нерпу. Начинается весна, в этом году, наверное, ранняя, и навигация тоже раньше начнется!

Спасибо за прошлые праздники!

Ну, пока, всего хорошего!

С приветом к вам,

Элюч В.

Андрей Анкалин – Вотрогову Л.М.

Здравствуй, Леонард М.!

Пишу письмо 11 марта 1979 г.

Приехал с тундры к 8-му марта. Отправили нас после Нового года в тундру в оленеводческую бригаду на охоту на песцов. В этом году я убил только 2-х песцов и несколько зайцев. Встретил в тундре волков 3 штуки. Совсем рядом, примерно в 70-ти метрах от себя, но у меня была малокалиберная винтовка, да, к тому же, патроны были подмоченные и осечки, так и не стрельнул ни разу. Я кричал на них, чтобы они ушли, но они не уходили. Тогда я пошел прямо на них, так как они мне путь закрыли. Прошел от самого близкого примерно 30 метров.

А зайцев в тундре очень много, прямо большими стадами встречаются.

Ну а теперь, что я видел и когда:

2 ноября 1978 г. – один кит напротив мыса Столетия, примерно 5 км от берега. Куда он шел – непонятно.

15 ноября – 1 кит с 9 до 11 часов стоял на месте примерно в 3-х км от берега. Потом скрылся неизвестно куда.

21 ноября – киты 2 штук в 3–4 км от берега напротив мыса Агилык в сторону Сиреников. Ветер сильный.

22 ноября – 1 кит напротив Чайна, в сторону Сиреников близко от берега.

23 ноября – напротив домика множество белух в сторону Сиреников, от берега 200–250 м.

24 ноября – белухи в сторону Сиреников на таком же расстоянии.

25 ноября – белухи в сторону Провидения. Кит далеко от берега.

26 ноября – киты далеко от берега в сторону Сиреников, на поверхности долго лежат.

В ноябре больше китов не видел, так как погода была плохая почти все время.

За декабрь чуть позже напишу. Сейчас утро 12 марта, выезжаем на охоту. В марте китов еще не видели и даже белух. Но белухи, наверное, возле Провидения (стоят) потому, что в бухте ловят сайку. На охоте, кроме моржей, не видел больше ничего. Сегодня безоблачно, ветер северо-восточный. Поедем в сторону Провидения на нерп охотиться.

Ну пока все. Жду еще письма!

Напиши, если нужны шкурки зайца или мясо зайца, оставлю до приезда.

С приветом, Анкалин.

12.03. 1979 г.

Андрей Анкалин – Вотрогову Л.М.

Добрый день, Леонард Максимович!

Пишу вам 11 мая.

Вот уже 2 дня не ходим на охоту на морзверя. Режем китовый жир, который не смогли осенью убрать в чаны. Сегодня закончили, возможно, завтра пойдем на охоту.

Я напишу только за май что видел.

8-го числа охота: наше звено состоит из Миенкова Витя, Каваквыргин Вова, Схаугье Валера, Анкалин Володя.

Толик (Канихин) ушел в армию, уехал 10 апреля, попал в танковые войска, где-то в Приморье должен служить, но не писал еще письма. Толю Кукильгина, моего 2-го стрелка, посадили (который приезжал в отпуск), и поэтому команда наша состоит в основном из молодежи.

Итак, 8 мая. Ушли в море в 10 часов утра. Убили мы 2-х моржей, самок. Панаугье бригада взяла одного шишкаря. Остальные вернулись без добычи. Оказалось, что, пока мы были милях 10-ти от берега, возле берега, метрах в 200-х, проходили белухи в сторону Провидения. Говорят, их очень много было. То же птицы, гага-гребенушка, пролетала большими стаями, когда мы уже были на берегу.

Итак, 7 мая. Охота. Мы, то есть наше звено находится в 3–4-х милях от берега, иногда еще ближе. Мы ничего не убили, зато видели белух, идущих в сторону Нунлиграна где-то в 10 часов. Потом в 3 часа, напротив мыса Якун в сторону Нунлиграна (видели) кита одного гренландского, очень долго не нырял, лежал на воде, долго потом уходил. 3 раза видели, [но] фотоаппарата не было, и поэтому мы не подошли ближе, но он был от нас около 400 метров.

Потом мы пошли в Кинлихак (соседнюю бухту. – Е.Б.) караулить белух, но их так до вечера и не появилось. Убили в этот день: Прохоров (звено) – 1 моржа, самку, Панаугье (звено) – 2-х самок.

6 мая. Охота. Мы убили 2-х лахтаков и одну нерпу. Каваугье (звено) – 3 лахтаков, Тыпыхкак (звено) – 1 лахтака, Панаугье – 1 лахтака, Прохоров – 2 лахтаков. Каваугье видел напротив Анитикак [Анытыкук], в сторону Провидения, гренландского кита.

5 мая. Мы убили 2-х лахтаков, 1 моржа самку (первую), одну белуху (первую), Каваугье – 3 лахтаков, Тыпыхкак – 3 лахтаков, Панаугье – 1 лахтака, Прохоров – 1 лахтака, 1 моржа самку, 1 белуху.

4 мая. Охота. Я и Каваугье (ушли) на бухту Провидения, и даже у мыса Лысяя Голова мы убили 1 лахтака и нерпу. Остальные не добыли.

Вообще, в эту весну очень мало зверя.
3-его [мая]. На охоту не ходили.
Остальное по приезду узнаешь. На этом закончу.
Ждем вас.
Андрей Анкалин

Андрей Аксау – Вотрогову Л.М.
21 апреля 1978 г.

Здравствуй, Вотрогов Л.М.
С приветом Андрейка.

Извините, что долго не писал письмо. У нас очень в этом году бедная жизнь была, всю зиму плохая погода была.

Я тоже участвовал плохо, почти 2 месяца был в избушке, только 6 песцов поймал. А потом, в середине января, послали в оленеводческую бригаду, там был до 8 апреля. И начал работать дома. А я надеялся на морских зверей и на двух товарищей, оба Кости [Кымычгин и Ковранто]. И тоже им плохо было: 8 человек, они добыли за всю зиму 5 лахтаков и 27 нерп. Вот и сейчас я тоже с ними.

Я очень мало написал в тетрадь то, что вы меня просили написать. Ну, посмотрим, что дальше будет, постараемся в мае лучше охотиться и наблюдать!

Ну пока все.

А. Андрей

Поздравляю с праздниками Первого мая, хорошего счастья вам и всем ребятам!

Ну, извините, что я плохо написал, считаешь – поймешь.

Константин Кымычгин – Вотрогову Л.М.
5 декабря 1980 г.

Здравствуй, Леонард Максимович!
Привет с Чукотки!

Во-первых, живем хорошо, так же трудимся, правда, я почти месяц не работаю, замучил меня радикулит. Охотники уже ездят на охоту по льду, бухта встала в конце ноября. За 9 дней уже добыли почти 70 нерп, а мой старпом Петрович за 3 дня 5 песцов добыл, а я вот дома нахожусь, но уже стал ходить.

Как жаль мне было, как раз я приехал в Провидения, и мне сказали, что только сегодня ушел «Звездный», а мы приехали вечером.

У нас ранее сайка пошла, уже ловят, и навага, поэтому есть нерпа, но я, думаю, догоню других по добыче песцов.

Идет забой клеточных песцов, уже заканчивают обработку шкурок.

Да, ваш подарок – фонарь – очень хороший!

Максимыч, моя просьба вам: форму морскую, если можно, достать 39 размер 3 рост, а если нет, то пусть, я что-нибудь придумаю.

Вобщем-то, все у меня в семье нормально, ждем сына с армии, на днях должен приехать.

Ну все, передавайте привет всему экипажу. Всем новогодние поздравления с Новым, 1981 годом, годом 26 съезда нашей родной ленинской партии!

До свидания, до встречи в 1981 году в Янракиноте.

Семья Кымычгиных

Константин Кымычгин – Вотрогову Л.М.
11.01.1980 г.

Здравствуй, тов. Вотрогов Л.М.!

Привет вам с далекой Чукотки от Тымнерахтына, а также от моей команды: Пано Андрея, Этувье Толи. Спасибо вам за письмо, живем хорошо, в семье все здоровы, осенью ждем сына с армии, он на Камчатке.

Занимаюсь охотой на песцов и на морзверя. В этом году очень много песцов, и есть нерпы. По сравнению с теми годами сайка-рыба очень рано подошла, в начале декабря. В конце декабря, 29 числа, видели белух на кромке льда, а вот гренландских китов в этом году не видели. Лед к нам подошел 27 октября.

Виринеут уже около 100 песцов поймал, Чайвырахтын – около 70-ти, Тыннентегреу – 60 хвостов.

[...]

Пишите письма!

До скорой встречи на море!

Кымычгин К.В.

Привет передавайте всему вашему экипажу судна, и, если будет возможность, Людмиле Сергеевне! От меня и Веры, Любы и остальных.

Николай Гальгаугье – Вотрогову Л.М.

Конец 1981 года

Во-первых, шлю вам большой привет от меня.

Во-вторых, пишу небольшое письмо.

Здесь, в Янракинноте и вообще на Чукотке, у нас киты гренландские встречаются с марта месяца. То есть сперва появляется молодняк гренландского кита с марта, в конце месяца. В апреле уже начинают приходить большие гренландские киты. То есть апрель, май – масса китов. Потом в конце сентября начинают опять появляться, сентябрь, октябрь и ноябрь бывают гренландские киты.

В это время у них начинается гон. Когда у них начинается гон, самцы свистят под водой. А самки сами приходят к самцам на случки.

У гренландских китов гон происходит, как у лахтаков. У лахтаков так же гон идет. Так же, как гренландские киты, лахтаки тоже свистят под водой. Поэтому, когда гон идет у гренландских китов, можно увидеть иной раз массу китов вместе осенью.

Я вам рассказывал, как рожают гренландские киты. На воде два кита рядом стоят, а самка между ними смыкается, таким образом рожает.

Здесь я наблюдал, как появились гренландские киты в сентябре, октябре, ноябре. 17 ноября, когда еще не замерзла бухта в Янракинноте, появились около острова Аракамчечен. Сначала несколько, потом много. У них фонтаны появились, другие, далеко. У них, у гренландских китов, фонтаны бывают до 12 метров. Сразу заметно, что это гренландские киты.

А серые и остальные киты появляются с июля до октября.

Серые киты не так уж боятся лодки, а гренландские – очень осторожные, они боятся шума. Но к ним можно подойти вплотную на вельботе, на парусах. У нас же раньше убивали так на парусах на вельботе в Сирениках.

Здесь, в Аракамчечене, на лежбище моржи появляются как только лед отойдет от берега, когда на берегу лед растает в конце мая или начале июня.

Мы были в Аракамчечене в октябре месяце. Когда сперва была хорошая погода, моржей было очень много на лежбище. Как только плохая погода, они уходят в море. Например, на зав-

тра будет плохая погода, моржи начинают свистеть и прыгать. Потом уходят. Хоть плохая погода, начинают моржи на берег вылезать – на завтра хорошая погода бывает.

Если получишь это письмо, напиши ответ. Может, не так написал. Лучше напиши, на какие вопросы отвечать вам про морских животных. Я сейчас нахожусь опять на острове Аракамчечен. Буду наблюдать море здесь. Здесь, говорят, зимой бывает, что открывает море иной раз. Недавно, в начале декабря, здесь много было на кромке белух и нерп. Вообще, здесь, в бухте, много нерп. На этом заканчиваю, жду ответа.

С приветом, Гальгаугье Николай.

Петр Тыненутет – Вотрогову Л.М.

11 февраля 1982 г.

Здравствуйте!

От Петра Тыненутет.

В субботу в 2 часа дня.

Извините, что долго ответ не отправлял. Я сейчас, после навигации, работать стал на мех-цехе слесарем, а любимое дело, охотиться, не стал, начальство послало работать на мех-цех, но на весенний промысел обязательно охотиться буду на вельботе, до вашего приезда!

Т. Леонард! Я черновик или просто запись, буду вести дневник на тетрадке.

Сейчас, с января, даже с декабря, море закрыто льдом. Дуют ветры почти с одной стороны, с северо-востока и чисто восточные и южные, а северные и западные очень редко. В районе Аккани и к Лорино иногда появляются разводья, сейчас у нас очень тепло, даже боимся гололеда, это опасно для пастбищ оленей!

Прошедший 1981 год у нас прошел почти отлично, а именно все плановые задания совхозом выполнены, даже перевыполнены по основным видам.

Ну пока хватит, буду вести дневник, раз вы мне доверили.

У нас выпивки почти нет, иногда в субботу дают.

Ну, до свидания!

Желательно пишите (если надо, вышлю что-нибудь почтой).

КОММЕНТАРИЙ (И.И. Крупник)

Написанные простым, порой бесхитростным языком письма охотников Капитану Вотрогову отражают очень важную страницу истории Чукотки, а именно – начало сотрудничества и обмена между двумя «системами знаний»: коренных жителей края и приезжих специалистов (ученых-биологов, охотоведов, китобойных капитанов, как Вотрогов). Первые ежедневно выходили в море и добывали зверя; вторые – собирали сведения о промысловых ресурсах и, хотя бы теоретически, должны были обеспечивать их разумное использование. Первая система знаний была исключительно *устной* и базировалась на передаваемом коллективном опыте многих поколений, а также наблюдениях, навыках и любознательности отдельных охотников. Пример тому – подробное письмо Николая Гальгаугье о миграциях и размножении гренландских китов (см. также статью Н. Мымрина).

Вторая система тоже базировалась на индивидуальных знаниях и наблюдениях, но она была почти исключительно *письменной* и обычно ограничивалась опытом одного человека и временем его пребывания на Севере. Ученые, охотоведы и капитаны писали статьи, научные и производственные отчеты, но они редко выходили за пределы своих конкретных заданий или исследовательских тем. Их «письменная культура» была насыщена фактами и цифрами, но одновременно была более абстрактной и намного менее цельной, чем бесписьменная «народная культура» морских охотников.

Великий вклад, замечательное открытие капитана Вотрогова состояло в том, что он первым попытался найти путь к сотрудничеству этих двух культур, притом не только путем опроса охотников или записи их наблюдений (что отчасти делалось и до него), но и предложив самим охотникам *записывать* свои знания и то, что они наблюдают в море. Будучи прирожденным натуралистом, Вотрогов знал, как правильно поставить вопросы, на что обратить внимание своих партнеров и как заинтересовать их регулярной работой по записи своих наблюдений. Из приводимых писем охотников хорошо видно, с каким удовольствием они отвечали на вопросы Капитана, как ждали от него новых «инструкций» и как гордились своей перепиской с ним.

Вотрогов был далеко не первым, кто переписывался с коренными жителями Севера – вспомним знаменитое письмо эскимоса Таяна с о. Врангеля бывшему «начальнику» острова А.И. Минееву (1936) или переписку американского врача-дантиста Люмена Во (Leuman M. Waugh) с эскимосами о. Св. Лаврентия и других поселков Аляски (Facies..., 2011: 182–183). Но Вот-

рогов пошел гораздо дальше в своем стремлении сделать такую переписку *систематической* и превратить ее в то, что сейчас принято называть по-английски «citizens science» (по-русски это неточно переводят как «гражданская», или «волонтерская наука»), т. е. в форму сбора научной информации добровольцами-наблюдателями. Это был, очевидно, его личный шаг, порыв, основанный на многолетних дружеских отношениях с охотниками и глубоким уважении к народной охотничьей культуре.

Этот шаг капитана Вотрогова не остался незамеченным; он был подхвачен и расширен, когда к его сотрудничеству с местными наблюдателями в 1978–1979 гг. присоединилась профессиональный биолог и замечательный ученый Л.С. Богословская (1937–2015). Результатом этого сотрудничества стали многочисленные публикации со ссылками на наблюдения охотников Чукотки и прямым цитированием записей из дневников охотника из с. Сиреники Андрея Анкалина, в том числе в трудах Международной китобойной комиссии (МКК) (Bogoslovskaya et al., 1982). Именно взаимодействие с охотниками (и собственные наблюдения Вотрогова) натолкнули его и Богословскую на идею о *связанных миграциях* разных видов морских животных – гренландских и серых китов, белух, моржей, тюленей, а также птиц (Богословская, Вотрогов, 1981), а также о важности зимней «открытой воды» для многих видов арктической фауны (Bogoslovskaya, 2003) – о чем имеется множество упоминаний в письмах охотников к Вотрогову.

Воспитанный в среде советского рыболовного флота и государственного китобойного промысла, капитан Вотрогов выглядит неожиданным кандидатом на роль основателя «волонтерской науки» (citizens science) на Чукотке и пионером сотрудничества носителей народных и академических знаний. Но именно в этом видится его место в истории науки о Чукотке и «для Чукотки» почти через 40 лет после его кончины. Путь, открытый Вотроговым, продолжился множеством совместных проектов ученых и народных наблюдателей в 1980-х, 1990-х и 2000-х гг. (Мымрин, 1999, 2016; Богословская, 2003: 22–46; Основы..., 2007; Наши..., 2013; Загребин, 2016; см. также статью Мымрина), а на смену первым корреспондентам Вотрогова пришли десятки натуралистов-наблюдателей из поселков Чукотки, которые с гордостью продолжили их дело. Спасибо, «уважаемый товарищ Капитан»!

Литература

Блохин С.А., Литовка Д.И. Серый кит *Eschrichtius robustus* Дальнего Востока России: история открытия, изучения и добычи // Известия ТИНРО. – 2014. – Т. 179. – С. 65–80.

Богословская Л.С. Киты Чукотки: пособие для морских охотников // Наследие Берингии. – М.; PROVIDENIA; Анадырь: Институт Наследия, 2003. – Вып. 1. – 324 с.

Богословская Л.С., Вотрогов Л.М. Массовые зимовки птиц и китов в полынях Берингова моря // Природа. – 1981. – № 11. – С. 42–43.

Загребин И.А. Как надо сотрудничать странам и людям // Лицом к морю. Памяти Людмилы Богословской / ред. И. Крупник. – М., 2016. – С. 87–106.

Мырнин Н.И. Традиционные экологические знания сибирских эскимосов о гренландском ките. – Киров : ВНИИОЗ, 1999. – 87 с.

Мырнин Н.И. Работа с наблюдателями, коренными жителями Чукотки. Некоторые впечатления и размышления // Лицом к морю. Памяти Людмилы Богословской / ред. И. Крупник. – М., 2016. – С. 68–86.

Наши льды, снега и ветры. Народные и научные знания о ледовых ландшафтах и климате Восточной Чукотки / сост., ред., авт. Л.С. Богословская, И.И. Крупник // Наследие Берингии. – М.: Институт Наследия, 2013. – Вып. 2. – 360 с.

Основы морского зверобойного промысла: науч.-метод. пособие / сост., ред., авт. Л.С. Богословская, И.В. Слугин, И.А. Загребин, И.И. Крупник. – М.: Институт Наследия, 2007. – 480 с.

Письмо эскимоса Таяна А.И. Минееву и В.Ф. Власовой // Сов. Арктика. – 1936. – № 8. – С. 78–79.

Bogoslovskaya L.S. The Bowhead Whale of Chukotka: Integration of Scientific and Traditional Knowledge // Indigenous Ways to the Present. Native Whaling in the Western Arctic / ed. A.P. McCartney. – Edmonton: CCI Press, 2003. – P. 209–254.

Bogoslovskaya L.S., Votrogov L.M., Krupnik I.I. The Bowhead whale of Chukotka: Migrations and aboriginal whaling // Report of Intern. Whal. Commn. – 1982. – 32. – P. 391–399.

Faces We Remember / Neqamikegkaput. Leuman M. Waugh Photography from St. Lawrence Island, Alaska, 1929–1930 // Contributions to Circumpolar Anthropology / eds. I. Krupnik, Oovi Kaneshiro V. – Washington DC: Arctic Studies Center, Smithsonian Institution, 2011. – No. 9.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НАРОДНЫХ ЗНАНИЙ КОРЕННЫХ ЖИТЕЛЕЙ ЧУКОТКИ ПОЛЯРНЫМИ ГИДРОГРАФАМИ В ИНТЕРЕСАХ РЕГИОНА

Кобленц И.Я.

По долгу службы с 1930-х гг. полярные гидрографы работали по всей трассе Северного морского пути протяженностью более 5500 км. Местные условия везде очень разные, поэтому, переезжая из одного региона в другой, приходилось оперативно адаптироваться к новой обстановке. Первым делом поднималась вся картографическая изученность новой территории, и происходило знакомство не только с ее топографией, гидрографией, гидрологией, но и топонимикой. Особое внимание уделялось местным топонимам на языках северных народов. Для гидрографа это – не только новые, непривычные, порой труднопроизносимые названия, но и, в первую очередь, большая информационная база, которая может быть полезна в предстоящей работе. Приведу несколько топонимов, применительно к Чукотскому полуострову (Леонтьев, Новикова, 1989):

р. Амгуэма – «широкая река»;

р. Гвильэнелькуваям – «река с крутыми берегами, трудная для переправы»;

р. Енрываам – «река с высокими обрывистыми берегами»;

хр. Иссетэн – «тяжелый, непроходимый»;

р. Иткваям – «река с тонким льдом»;

оз. Кыяй-Этэргыткин – «озеро с отвесными берегами»;

р. и оз. Экитыки – «незамерзающее»;

бух. Камак – жаргонное «смерть», «гибель».

Зная переводы этих топонимов, гидрограф, выполняющий функции штурмана санно-тракторного поезда – мастера ледовых переправ, не станет выводить тяжелую технику на лед р. Екичегиваям или оз. Экитыки, чтобы не утопить ее. Также он хорошо подумает, прежде чем проложить маршрут вблизи берегов р. Енрываам или оз. Кыяй-Этэргыткин с тем, чтобы при плохой видимости не «рухнуть» с обрыва. Когда ему придется на вездеходах преодолевать хр. Иссетэн, то возьмет дополни-

© Кобленц И.Я., 2020

тельное бревно и цепи «самовытягивания». А если ему предстоит оказаться в бухте Камак, независимо от времени года и оснащения экспедиции, то надо помнить, что здесь нужно быть очень внимательным, иначе пропадешь.

Общаясь со старожилками в береговых поселках, штурман анализирует информацию об опасностях, которые могут встретиться на морском ледовом припае, и принимает ее к сведению. Добавив эти местные знания к знаниям, полученным из курса «Ледоведения», он сможет проводить тяжелые санно-тракторные поезда (СТП) по морскому ледовому припаю.

Перед началом летней навигации гидрографу, занимающемуся вводом в действие средств навигационного оборудования с судов или вертолетов, также полезно поговорить с морскими зверобоями и получить у них информацию о приходе моржей на лежбища, вблизи которых расположены навигационные объекты, чтобы своим внезапным появлением не нанести им вред.

С такой ситуацией мне лично пришлось столкнуться в середине 1980-х гг. при доставке радиоизотопных термоэлектрических генераторов на навигационный знак на о. Аракамчечен, расположенный вблизи лежбища моржей. Доставка выполнялась вертолетом Ми-8. Точной информации о появлении моржей мы не имели, но решили подстраховаться и подлетали к объекту над островом, хотя по направлению ветра нужно было заходить на посадку со стороны моря. Такая предосторожность оказалась полезной, потому что уже на подлете к знаку мы увидели на косе большое стадо моржей. Чтобы не напугать зверей, экипажу вертолета пришлось выполнить посадку, проигнорировав направление ветра. Моржи не были напуганы и остались лежать на косе.

Гидрографические базы Гидрографического предприятия Министерства морского флота СССР (ГП ММФ) всегда оказывали содействие местным совхозам, в частности оленеводческим, помогая им техникой в критических ситуациях. Оказывая помощь оленеводам при перегоне стада из зоны гололеда, гидрограф мог получить сведения о местоположении оленеводческих бригад и маршрутах их передвижения, местных признаках изменения погоды в тундре, о безопасных бродах через речки, о местах произрастания стланика, о выходах природных горячих источников на поверхность и о многом другом.

Все, о чем написано выше, помогало мне не только выполнять мои непосредственные обязанности гидрографа, но и делать полезную работу для предприятий района, которая, в том числе, заключалась в организации ледовых переправ на необслуживаемых зимниках Провиденского района.

В состав Провиденского района Чукотского АО входит поселок городского типа Провидения и пять сел. Дорожная сеть на территории района не развита, имеется только автодорога с гравийным покрытием от пос. Провидения до аэропорта длиной 11,5 км и до села Новое Чаплино длиной 18 км. В остальные четыре села зимой можно попасть либо вертолетом, либо по необслуживаемым зимникам. Часть этих зимников проходит по ледовому припаю. Чтобы попасть в село Янракыннот, нужно пройти по льду пролива Сенявина около 35 км, в село Сиреники – по льду бухты Провидения около 6 км, а в села Энмелен и Нунлингран – по льду бухты Всадник 14 км.

В 1984 г., после 12 лет работы на Диксонской гидробазе на Таймыре, меня перевели на Чукотку на Провиденскую гидробазу. Гидрографическая партия в тот период занималась ледовым промером Мечигменской губы, и, чтобы попасть в район работ, необходимо было пройти по припаю Сенявинского пролива до села Янракыннот, а далее вдоль берега или по тундре. Поэтому с 1984 по 1989 г. мы с провиденскими гидрографами занимались изысканием безопасных ледовых трасс для санно-тракторных поездов гидробазы. На практике получалось, что после того, как трасса пробивалась и закреплялась на местности, к нам обращались районные власти с просьбой периодически в виде «безвозмездной шефской помощи» предприятиям района давать рекомендации по допустимым нагрузкам на лед. После чего заинтересованные организации начинали перевозки по трассе, таким образом «набивался» необслуживаемый зимник.

ЛЕДОВАЯ ПЕРЕПРАВА НА СЕЛО ЯНРАКЫННОТ

Эта самая серьезная по всем параметрам ледовая переправа в районе прокладывалась по ледяному покрову проливов Чечекуйым, Йыэргын, Сенявина. Ее протяженность от спуска в Ткаченской долине до подъема в районе Янракыннота, напрямую через о. Ыттыгран составляет около 38 км (фото 1, рис. 1).

Рекогносцировочное обследование ледовой трассы в эти годы обычно производилось во второй половине января. К этому времени, если зима была мягкая, как, например в 1985 г., то толщина льда колебалась от 40 до 65 см при глубине снежного покрова 30–50 см; в суровые зимы толщина льда была от 55 до 90 см. Причем лед с минимальной толщиной обычно встречался в проливах Чечекуйым и Йыэргын. Это было обусловлено сильными течениями в этих относительно узких проливах. Второй особенностью этих проливов являлась наледь, часто выступавшая на льду, причем глубина ее иногда доходила до 80–100 см, что было «не прохо-

Фото 1. Ледовая трасса через пролив Сенявина на гугловском снимке

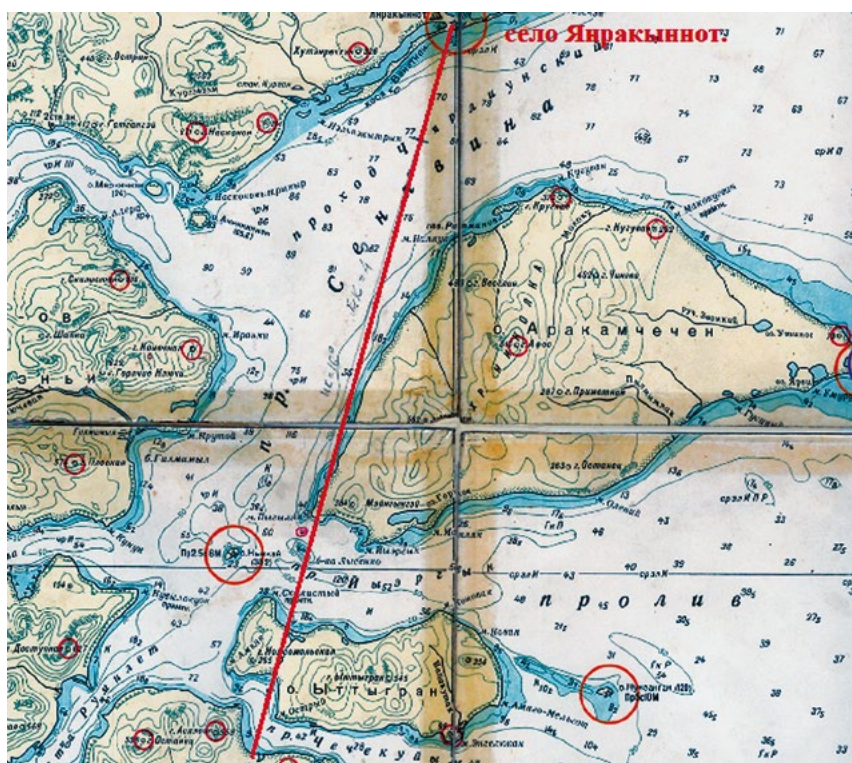

Рис. 1. А так она выглядит на морской навигационной карте М 1:250 000

димом» для многих видов техники. Наиболее опасным с середины января и до второй половины мая считался участок вблизи банки Лысенко (64°40'30" с. ш.; 172°39'30" в. д.). В этом месте неоднократно происходили

провалы техники под лед. Об этом подробно рассказывалось в недавней статье, один из авторов которой был водителем техники на этой ледовой трассе (Калюжина и др., 2016).

В проливе Сенявина во время становления припая образовывались значительные зоны торошения, а в течение всей зимы появлялись живые трещины шириной от 10–20 до 100–150 см (см. Апалю, 2013; Калюжина и др., 2016), которые представляли серьезную опасность для тяжелой техники.

Рекогносцировочное обследование происходило следующим образом. Под руководством инженера-гидрографа направлялись два вездехода ГАЗ-71, полностью укомплектованных на случай любых непредвиденных обстоятельств. В их задачу входило измерение толщины льда по всей трассе с подробностью одно измерение на 1 км, со ступением на опасных участках. Результаты этой работы представлялись в виде акта и схемы, на которой были показаны толщина льда, глубина снежного покрова, торосы и трещины. После прохода по трассе гидробазовских вездеходов, когда появлялась информация о толщине льда и его грузоподъемности, к перевозкам приступали машины Сельхозтехники. Они выполняли доставку грузов в основном на машинах ЗИЛ-157, которые, встречая большие площади наледи, преодолевали ее в «связках», иногда по 5–6 машин. В случае пробуксовки они выдергивали друг друга либо вперед, либо назад, таким образом, продавливая наледь до льда, «набивали» след. Машины между собой сцепляли маниловыми швартовными канатами длиной 8–10 м. Сразу после прохождения такой колонны по их следу не могли идти даже гусеничные вездеходы ГАЗ-71, но через несколько дней, когда эта снежно-водная каша промерзала, зимник становился пригодным для езды.

Следует отметить, что за период от даты рекогносцировки до момента выхода санно-тракторного поезда гидробазы происходило естественное нарастание льда, скорость этого процесса в среднем не превышала 1 см в сутки. Далее процесс намерзания происходил еще медленнее, в определенный период полностью прекращался, а с наступлением весны начиналось уменьшение толщины льда.

Тяжелый СТП Провиденской гидробазы уходил в район работ в конце февраля, когда толщина льда достигала 80–90 см, а возвращался не позднее 10 мая, после чего за толщиной ледяного покрова наблюдения гидробазой не велись, о чем ставились в известность районные власти. Обычно они издавали распоряжение о запрете использования зимников, после чего все выезды происходили на «страх и риск» исполнителя. Не всегда такие поездки заканчивались благополучно. Так, 18 мая 1985 г. из села Янракыннот в порт

Провидения вышел вездеход ГТТ Сельхозтехники, через 3 часа вслед за ним выехал вездеход ГАЗ-71 торгконторы. В проливе Ыыэргын ГТТ «свалился» с набитого следа и пробуксовал, но выбрался из ямы и ушел дальше. Шедший за ним по следу ГАЗ-71, который в 2 раза легче ГТТ, забуксовал в этой же яме, продавил лед и затонул на глубине 25 м. Пассажиры не пострадали и ушли пешком в ближайшее село Новое Чаплино. Комиссия, прибывшая к месту происшествия, обнаружила, что на месте провала вездехода образовалась промоина 200 × 100 м, на подходах к промоине под «набитым» следом практически отсутствовал лед и в самой промоине наблюдалось сильное течение, которое интенсивно разрушало ледяной покров.

Вывод был следующий: недалеко от места провала вездехода находится банка Лысенко, которая создавала беспорядочное вихревое движение воды, и лед в весенний период как бы «слизывался» этими потоками снизу. Ввиду того, что ежедневные наблюдения за толщиной льда никем не велись, определить критический момент не представлялось возможным. Водители видели набитый след зимника, а то, что под ним нет льда, им и в голову не приходило. Следует отметить, что местные жители знают о коварстве этого участка в весенний период, но иногда надеются проскочить его «на авось», что не всегда заканчивается успешно (Калюжина и др., 2016).

Появление «наледи» создавало дополнительные трудности для проезда всех видов техники. Оно обуславливается несколькими факторами: 1) приливо-отливными и сгонно-нагонными явлениями, 2) температурными колебаниями, 3) толщиной снежного покрова, 4) термическими и приливными трещинами, 5) глубинами и рельефом дна. Установить точную закономерность их появления вряд ли удастся, но, зная местные условия, возможно ориентировочно прогнозировать это явление.

На фото 2–4 видно, что даже специальная техника Провиденской гидробазы с большим трудом справляется с наледью глубиной 80–100 см. Первые две фотографии сделаны в проливе Чечекуиым, между материковым берегом и о. Ытыгран; третья фотография с двумя ГТТ – в проливе Ыыэргын на подходах к о. Аракамчечен.

Если наледи доставляли неудобства, увеличивали время прохождения маршрута, а иногда останавливали СТП на несколько дней, то широкие живые трещины представляли серьезную опасность для тяжелой техники. Поэтому они обязательно отмечались вехами, и делалось оповещение отъезжающих водителей через ОВД. Правда, по этой ледовой дороге на тяжелых тракторах Т-100 и Т-130 весом 13–15 т, кроме гидробазы, практически больше никто не ходил. Для совхозных тракторов ДТ-75 на широких гусеницах, весивших 6–7 т, большой опасности эти трещины не представляли.

Фото 2. Пролив Чечекуиым. Трактор Т-100 (полуболотоход) «буксует» в наледи даже с пустыми санями

Фото 3. Пролив Чечекуиым. Чтобы протащить балок через глубокую наледь, приходится в помощь трактору Т-100 подцепить два ГТТ

В начале одной из зим, ориентировочно 1984 или 1985 г., в центре пролива Сенявина жители села Янракыннот обнаружили громадное стадо белух, плененное льдами.

Фото 4. Пролив Йыэргын. Два ГТТ с большим трудом идут по глубокой наледи, периодически помогая друг другу

Две «майны», в которых происходил постоянный «круговорот» животных, имели площади около 500 и 300 м². Белухи постоянно совершали круговое движение снизу вверх с тем, чтобы дышать, из-за этого движения вода не замерзала даже при температуре воздуха -30°C. По инициативе тогдашнего начальника Провиденской гидробазы Ю.М. Бабаева была предпринята попытка вывести стадо белух к чистой воде с помощью ледокола. Операцию проводил ледокол «Москва» Дальневосточного морского пароходства. Он пробил канал прямо к этим майнам, но животные не пошли по ледокольному каналу к чистой воде, а остались в «ледовом плену». После этого соответствующие инстанции дали разрешение на их добычу для нужд местного населения. Операцию по спасению белух снимал режиссер народной киностудии «Гидрограф» В.Г. Цыганов; этот уникальный документальный фильм уже в оцифрованном виде хранится у него и до сих пор никем не востребован.

ЛЕДОВЫЕ ПЕРЕПРАВЫ ЧЕРЕЗ БУХТУ ПРОВИДЕНИЯ И БУХТУ ВСАДНИК

Обследование этих трасс под ледовые переправы Провиденская гидробаза также производила безвозмездно, в качестве оказания шефской помощи жителям национальных сел Сиреники, Нунлингран и Энмелен. Там устраивались две ледовые трассы: через ручей Цветочный на мыс Ендогурова, далее по зимнику в село Сиреники (фото 5), и через ручей Цветочный, минуя бухту Хед, в устье р. Улэв, далее по тундре в села Нунлингран и Энмелен (фото 6).

Учитывая близость села Сиреники к районному центру, уже в середине декабря местные жители старались приезжать в пос. Провидения по необследованному ледовому припаю.

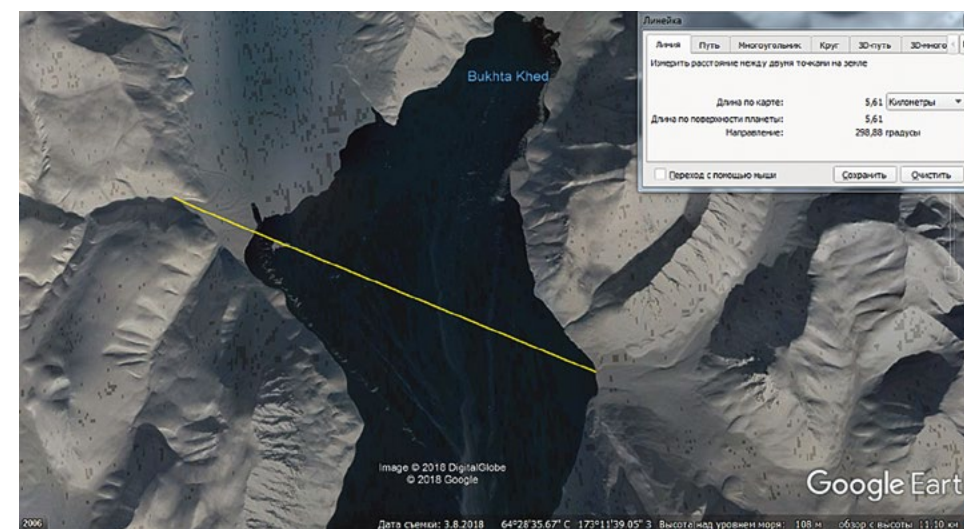

Фото 5. Трасса через бухту Всадник на гугловском снимке

Поэтому, как только появлялись первые следы вездеходов через бухту, нас просили произвести обследование и «обозначить» трассу. Толщина льда обычно в этот период была 35–45 см, она позволяла проезд легких вездеходов ГАЗ-71. В середине января делали очередной замер толщины льда и давали рекомендации. В этих местах обычно не было наледей и живых трещин, поэтому условия были намного благоприятнее, чем в проливе Сенявина. По ледовым переправам ходила в основном техника совхозов и вес самых тяжелых машин не превышал 9–10 т. Когда возникала необходимость в перегоне тяжелой техники СМУ Провиденстроя, весом 25–30 т, то проводилось дополнительное обследование и при необходимости выбирали новую трассу, углубляясь в сторону бухты Хед, где лед был более толстым и сухим, и, соответственно, более прочным. На этих ледовых переправах в период моей работы случаев провала техники не было.

Арктика всегда непредсказуема, поэтому даже к короткому, хорошо знакомому, много раз пройденному маршруту следует относиться очень серьезно. 19 декабря 1987 г. вездеход ГАЗ-71 Провиденской гидробазы был направлен в с. Новое Чаплино. Расстояние до него всего 18 км. Учитывая, что в качестве пассажиров направлялись три женщины, вместо одного водителя были командированы два. На половине пути внезапно началась сильная пурга. Водитель потерял ориентировку, и вездеход сошел с грунтовой дороги, тем не менее продолжал движение и ушел в сторону моря. В итоге он вышел на лед бухты Ткачен и, пройдя 500 м от берега, забуксовал, проломил тонкий лед и затонул на глубине около 10 м. Все люди

вовремя покинули машину и добрались до маленькой избушки на п-ове Матлю, где пережидали пургу. Узнав, что вездеход в назначенное время не пришел в Новое Чаплино, на поиски направили ГТТ. Ему было дано распоряжение: «идти по следу». Оно было в точности выполнено, и вечером в условиях сильнейшей пурги ГТТ провалился в майну от вездехода ГАЗ-71. ГТТ был в хорошем состоянии, на нем работала система откачки, поэтому он держался на плаву около 2 суток, пока не подошла аварийно-спасательная группа гидробазы на двух тракторах. К ГТТ вручную завели буксирный конец длиной около 500 м и затем двумя тракторами, находившимися на берегу, его вытащили из майны на лед, и он своим ходом дошел до берега.

Через 2–3 недели, когда лед приобрел необходимую прочность, затонувший ГАЗ-71 был зацеплен водолазом и поднят на поверхность. Никто из участников этого происшествия не пострадал, благодаря их умению ориентироваться в сложных условиях и поддержке друг друга. Большую помощь оказали жители с. Новое Чаплино, эскимосы В. Северов и А. Боровик, кото-

Рис. 2. Вездеходные маршруты вдоль юго-восточной части Чукотского полуострова (1980-е гг.)

рые на снегоходах доставили топливо для плавающего в майне ГТТ, а до этого вывезли в село женщин и водителей утонувшего вездехода ГАЗ-71.

За шесть лет работы на Провиденской гидробазе, занимаясь обеспечением и контролем лоцмейстерско-гидрографических работ, я в зимний период много ездил на вездеходах. Эти маршруты отмечены красной линией на прилагаемой карте юго-востока Чукотского полуострова (рис. 2). На ней видно, что многие участки приходилось проезжать по тундре и высоким сопкам, выискивая между ними перевалы.

Может возникнуть вопрос: «Почему нельзя было спуститься на ледовый припай и передвигаться на вездеходе, например, из бухты Провидения в Сиреники, Нунлингран, Энмелен вдоль берега?» Ответ простой: в Беринговом проливе и Анадырском заливе, несмотря на сильные морозы, лед находится в постоянном дрейфе и в зависимости от ветров на некоторых участках припая его может не быть вообще или он будет очень ненадежным.

Описанную выше ледовую переправу в проливе Сенявина использовали также для походов в Мечигменскую губу и далее в с. Лорино в Чу-

Фото 6. Группа экспедиционников Провиденской гидробазы, возвращающихся санно-тракторным поездом, после окончания полевого сезона из Мечигменской губы в порт Провидения. Слева направо: Н. Куприенко, С. Востров, В. Стромчинский, Д. Страхов, В. Шакалов, И. Пряничников, С. Базаров, В. Абаев (фото из альбома Сергея Базарова)

котском районе. При этом, дойдя до Янракиннота, вездеходы поднимались на берег и шли между сопок, а потом по тундре, не спускаясь на лед до самой Мечигменской губы. Это было вызвано тем, что и здесь припай был ненадежным, и при отжимных ветрах его могло оторвать от берега. Практически всегда, проходя этим маршрутом, на востоке можно было видеть чистую воду либо дрейфующие льды.

На рис. 2 желтой линией показаны приблизительные границы ледового припая, которые мне приходилось наблюдать в 1980-е гг. Ледовые переправы организовывали работники Провиденской гидробазы (фото б), они же по ним водили свои тяжелые санно-тракторные поезда. Эта часть истории Чукотки сейчас, к сожалению, почти забыта, а изменения климата и ледового режима сделали передвижения техники по льду несравненно более опасными, чем в 1980-е гг.

Литература

Апалю А. Ледовый словарь морских охотников села Янракиннот (чукотский язык) // Наши льды, снега и ветры. Народные и научные знания о ледовых ландшафтах и климате Восточной Чукотки. – Москва ; Вашингтон: Институт Наследия, 2016. – С. 125–137.

Калюжина Н., Боровик А., Апалю А. Многолетние стационарные ледовые трещины у берегов юго-восточной Чукотки (Наблюдения за традиционным использованием ледового пространства // Лицом к морю. Памяти Людмилы Богословской / ред. И. Крупник. – М., 2016. – С. 175–190.

Кобленц И.Я. Ремесло штурмана санно-тракторных поездов – мастера ледовых переправ в Арктике : Изд. 2-е, доп. – СПб.: Скифия-Принт, 2016. – 111 с.

Леонтьев В.В., Новикова К.А. Топонимический словарь Северо-Востока СССР / Науч. ред. Г.А. Меновщиков. – Магадан: Кн. изд-во, 1989. – 456 с.

Наши льды, снега и ветры. Народные и научные знания о ледовых ландшафтах и климате Восточной Чукотки / сост., ред., авт. Л.С. Богословская, И.И. Крупник // Наследие Берингии. – М.: Институт Наследия, 2013. – Вып. 2. – 360 с.

Часть 2.

МУЗЕИ И КОЛЛЕКЦИИ

Part 2.

MUSEUMS AND COLLECTIONS

МИР ВЕЩЕЙ ЧУКОТСКОЙ ОЛЕНЕВОДЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ И В МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЯХ ЧУКОТКИ

Коломиец О.П., Нувано В.Н., Вуквукай Н.И., Церковникова Е.А.

В повседневной жизни коренных жителей Чукотки до сих пор сохраняются многие традиционные элементы культуры. В оленеводческих бригадах и прибрежных селах люди чаще пользуются традиционными предметами, чем коренные жители, проживающие в городской и сельской среде. Так, по-прежнему применяются проверенные веками технологии изготовления одежды, транспорта, предметов охоты и промысла из натуральных материалов. меховая одежда, нарты, арканы, гарпуны, ножи, упряжь и другие вещи незаменимы в оленеводстве и морском промысле. Есть и такие традиционные предметы, которые коренные народы Севера уже не используют в повседневной жизни, но продолжают хранить.

В общем виде традиционный пласт мира вещей, относящихся к оленеводческой и к морзверобойной культурам, можно разделить на несколько групп: утраченные предметы, вышедшие из повседневного и ритуального обихода, в настоящее время мы можем увидеть их только в музеях; вещи, которые уже не имеют утилитарного или сакрального значения, но хранятся как память о предках; предметы, которыми продолжают пользоваться в быту, праздничной и ритуальной жизни.

Классифицировать вещный мир по данным признакам весьма затруднительно, так как ситуация может меняться в зависимости от того, в сельской или городской среде находится вещь, кому она принадлежит (представителю молодого или старшего поколения), занимается ли ее владелец традиционным хозяйством (оленеводством, морским зверобойным промыслом, рыболовством, охотой, декоративно-прикладным искусством). Тем не менее мы попытаемся охарактеризовать состояние традиционного мира вещей коренных жителей Чукотки в разрезе настоящего времени.

МУЗЕИ И КОЛЛЕКЦИИ

Все перечисленные выше группы вещей чукотской культуры имеются в этнографических фондах российских музеев: в Магаданском областном краеведческом музее (353 ед. хранения), Приморском государственном объединенном музее им. В.К. Арсеньева (243 ед. чукотских и эскимосских предметов), Хабаровском краевом краеведческом музее им. Н.И. Гродекова (более 220 ед. хранения, в том числе 73 из коллекции Гондатти), Российском этнографическом музее и Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого в Санкт-Петербурге (более 3000 ед. хранения), музеях Чукотки (6490 ед. хранения). Наиболее полно вещный мир коренного населения Чукотки представлен в Музейном Центре «Наследие Чукотки» (МЦНЧ). В данной работе авторы используют информационные материалы этого музея¹.

История музейного дела на Чукотке начинается с момента решения Бюро краеведения 14 ноября 1931 г. о создании музея в пос. Анадырь (подробнее об истории создания музея см. статью О.Б. Расторгуевой). Первым руководителем музея был А.К. Седько (Широков, 1968: 22). Первоначально сбор коллекций осуществлялся стихийно и зачастую только в области профессиональных интересов руководителей. Условия хранения в помещении музея были неудовлетворительные, и многие предметы утрачивались. В 1940-х гг. XX в. часть предметов коренных народов Чукотки, собранных в конце XIX в. начальником Анадырской округи Л.Ф. Гриневецким, была передана в окружной музей из Приморского краеведческого музея. В 1955 г. директором Чукотского окружного краеведческого музея стал археолог Н.Н. Диков (1925–1996), который значительно пополнил музейные фонды. За годы его работы (1955–1960 гг.) коллекции музея увеличились почти вдвое (Романова, 2006: 165). В 1960–1980-х гг. сотрудники музея целенаправленно занимались сбором этнографической коллекции и частично описали ее (Беляева, 1965; Рагтытваль, 1986).

Музейный Центр «Наследие Чукотки» (МЦНЧ) образован в 2002 г. на основе окружного музея. В МЦНЧ хранится всего 2129 предметов прикладного искусства, быта и этнографии². Значительная часть фондов представлена традиционной одеждой, семейными святынями, хозяйственными

ми принадлежностями, утварью, оружием. Коллекция предметов в наиболее полном объеме характеризует традиционную культуру чукчей и эскимосов. Этнографические материалы по культуре эвенов, юкагиров, чуванцев, кереков, коряков составляют незначительную часть коллекции. Часть вещей из основного фонда представлена в постоянной музейной экспозиции «Человек и Чукотка» (фото 1). Ниже описаны важнейшие предметы, которые находятся в постоянной экспозиции и в фондах окружного музея.

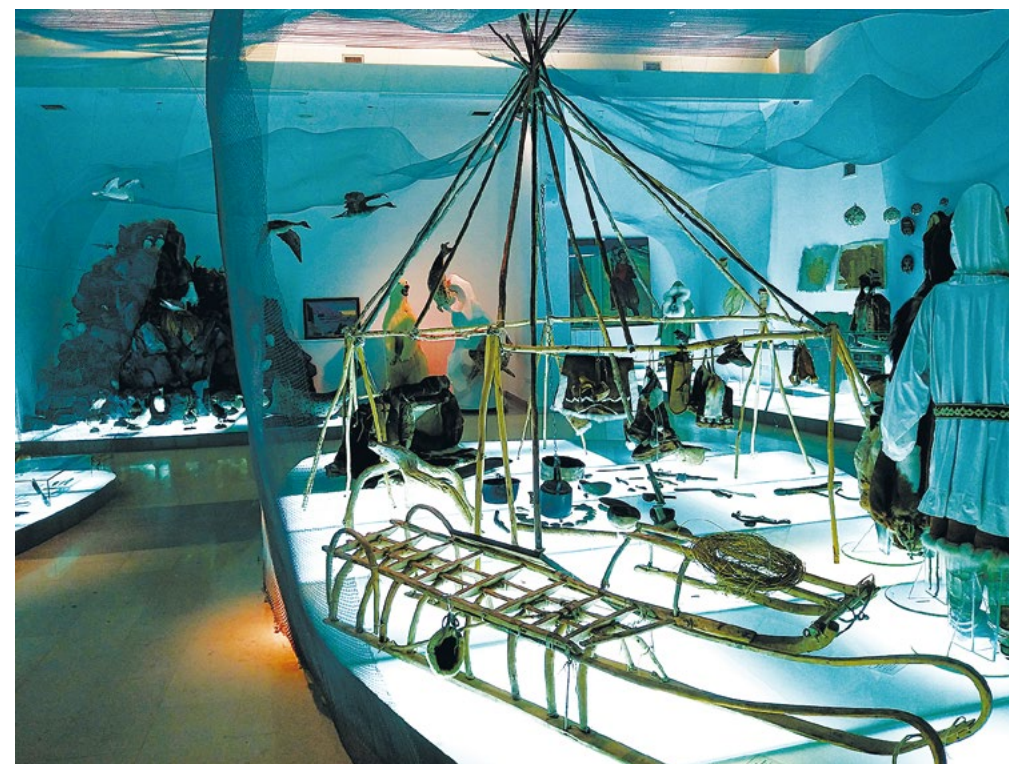

Фото 1. Экспозиция «Человек и Чукотка» в Музейном Центре «Наследие Чукотки», г. Анадырь, 2012 г., фото В.Н. Нувано

ВЕЩИ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

Яранга *яран'ы* – традиционное переносное жилище, используемое до настоящего времени оленеводами Чукотки; имеет округлую форму, состоит из деревянного каркаса с коническим куполом из шестов, покрывается оленьими шкурами. Подробное описание яранги имеется в научной литературе (Историко-этнографический..., 1961: 148; Перевалова, Куканов, 2018). Интересно, что в сознании оленеводов, помимо утилитарного, со-

¹Официальный сайт Музейного Центра «Наследие Чукотки» [https:// http://www.chukotka-museum.ru/collection/](https://http://www.chukotka-museum.ru/collection/) (дата просмотра 02.12.2018 г.). Список подлинных этнографических материалов, содержащихся в фондах Музейного Центра «Наследие Чукотки», 17.01.2019.

²Статистические данные о количестве предметов в фондах музеев Чукотки на 01.01.2018 г. [https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331stat_museum/#{"tab": "build_table", "version": "5b235b240af7ac039cc28d2"}](https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331stat_museum/#{) (дата обращения: 10.01.2019) (см. статью О.Б. Расторгуевой).

храняется и культовое значение яранги. Согласно традиции, яранга почти всегда устанавливается входом на северо-восток, так как утренняя заря – объект религиозного почитания чукчей (Богораз, 1991: 106). Оленеводческие семьи продолжают проводить в ярангах ритуальные практики, в них остаются переданные по наследству предметы старинных культов – семейные охранители. Уменьшенная копия (1:5) каркаса переносной яранги находится в МЦНЧ (поступила на хранение в 1989 г., фото 2).

Фото 2. Интерьер чукотской оленеводческой яранги. Музейная экспозиция (Музейный Центр «Наследие Чукотки»)

Из всех деталей яранги самая важная – несущая (основная) тренога *тэвр*. Эта деталь до сих пор передается из поколения в поколение, от родителей к детям. Усть-Бельский оленевод В. Вуквутка помнит, что *тэвр* главы их рода находится в Шмидтовской тундре (ПМА, 2016). Зимой 2016 г. ваежский оленевод после выхода на пенсию перебрался с семьей в поселок. Из всех деталей яранги он забрал с собой только большую треногу (ПМА, 2016).

Сакральные предметы. Сведения о бытовании повседневных и ритуальных предметов у чукчей в прошлом содержатся в трудах исследователей и путешественников XVIII–XIX вв. – И. Биллингса, Г.А. Сарычева, К. Мерка, И. Кобелева, Г.Л. Майделя, О. Нордквиста, В.Г. Богораз и др. (Этногра-

фические..., 1978: 98–151; Боякова, 2001: 90–99, 105–106; Ширина, 2001: 52–57). В современной жизни многих оленеводческих семей этот набор предметов не утратил своего сакрального значения.

Важное место среди домашних святынь занимали *тайн'ыквыт* (мн. ч.) – буквально «те, обо что разбивается, что ограждает от несчастья» (фото 3). *Тайн'ыквыт* состояли из собранных в единую связку множества небольших фигурок в виде туловища, вырезанных из ивовых сучков. Все эти фигуры называются «люди из связки охранителей» *тайн'ыквыораветл'ят*. Так же обязательными в оленеводческой семье остаются приборы для добывания огня *гыргыртты* (мн. ч.) (фото 4). Раньше каждый мальчик в возрасте 4–5 лет получал из семейного имущества доску для добывания огня и олень тавро (Богораз, 1939: 56, 58). Прибор для добывания огня имел антропоморфную форму длиной 50–60 см, с хорошо выделенной головой, длинным туловищем, вдоль которого имелись 2–3 ряда углублений, в которых трением

Фото 3. Связка семейных сакральных предметов-охранителей *тайн'ыквыт* (МЦНЧ-3494)

Фото 4. Семейная доска для разжигания огня *гыргыртты* (ЧОКМ-1517-2)

добывают огонь. *Гыргырты* (мн. ч.) были главными охранителями семьи и стада и считались «главными пастухами» оленьего стада. В быту их иногда называли *корэн этынвйт* – хозяйева оленей (Раггытваль, 1986: 170).

Сравнивая священные предметы, описанные в трудах исследователей начала XX в. и современных оленеводов, можно сделать вывод, что на всей территории Чукотки связки семейных предметов идентичны, но есть и особенности. Так, в связке главы оленеводческой семьи Б.Ф. Вуквукая (1939 г. р.) есть голова ворона и голова росомахи, православная иконка, обожженная с правого нижнего края, и современная кружка «Экспедиция». У оленевода Ю.С. Ночина (1944–2018) к связке были привязаны лямки из оленьей упряжки его прапрадеда (ПМА, 2010, 2016). У ваежского оленевода среди семейных святынь, не прикрепленных к связке, но хранящихся в специальном общем мешке, имеются «посохи» *кен'унэн'* в виде выстроганных, почерневших от времени и помазанных кровью предметов – маленькое копье длиной 80 см и такого же размера деревянная змея (червь) с прорезями глаз (ПМА, 1999).

Все свои святыни чукчи «кормили» во время обрядов при проведении производственно-хозяйственных праздников, во время значительных семейных событий, а также во время болезней, несчастий и неблагоприятных событий. Священные предметы хранились в специальном мешке, на специальной нарте (фото 5), которая стояла в основном у северного

Фото 5. Семейные «охранители» (от амулетов *тайн'ыквйт* до русских иконок) обычно хранятся на специальной нарте. Чаунская тундра, 2010 г., фото В. Нувано

борта яранги, их выносили наружу лишь по чукотским (олeneводческим) праздникам. Идентичные предметы находятся в постоянной экспозиции музея, расставленные (или развешанные) как элементы интерьера внутри макета яранги. Почерневшая от времени, копоты и помазанной крови гирлянда *тайн'ыквйт* привязана к задним поперечным шестам макета яранги, а прибор для добывания огня *гыргыр* (ед. ч.) лежит у импровизированного очага.

Одним из многочисленных предметов является *энанэнттыткоолгыт* – посуда для разбрасывания кусочков пищи духам. Раньше у каждого члена семьи была своя чаша, миска для обряда «кормления» духов (фото 6). В 2007 г. в Усть-Бельской тундре во время обряда авторы видели два блюда *энанэнттыткоолгыт* в форме лодочек (ПМА, 2007).

Чукотская деревянная посуда представлена 19 предметами, в том числе одной продолговатой чашей в постоянной экспозиции. Такие чаши до настоящего времени используются в оленеводческих стойбищах. Все-го одно деревянное блюдо отмечено сотрудниками музея как ритуальное, так как в отличие от остальных имеет ручку. Причем в научной литературе имеются сведения, что в ритуальных действиях использовали посуду разного размера и формы, в том числе и круглые чаши (Кузнецова, 1957: 275). В фондах МЦНЧ хранятся 3 подобных предмета.

Куклы *элючит* (мн. ч). В.Г. Богораз характеризовал как сакральные и игровые (Богораз, 1939: 70). В августе 2016 г. в Чаунской тундре довелось наблюдать, как после праздника *вылгык'оранмат*, во время игры в бубен,

Фото 6. Семейное блюдо для священных церемоний. Усть-Бельская тундра, 2007 г., фото В. Нувано

старик держал куклу на коленях и твердил, что это его прадед (ПМА, 2016). В фондах МЦНЧ имеются 5 кукол (2 из них сделаны в XIX – начале XX в., приняты на хранение из Владивостокского краеведческого музея в 1931–1940 гг.).

Бубен *ярар* (ед. ч.) (фото 7) чукчи рассматривают не только как музыкальный инструмент, но и как предмет, наделенный сверхъестественной силой. В умелых руках приобретает чудодейственные свойства: с помощью песен и танца человек может излечиться от недуга, обрести силу. В современной традиции бубны чаще используются как музыкальные инструменты, детей обучают петь и танцевать под аккомпанемент *ярара*. В фондах Музея имеются 11 бубнов: 8 с ручками, 3 без ручек – таких, как описывала исследователь А.В. Беляева: «...без прикрепленной к обечайке ручки, обтянутой шкурой молодого олененка без шерсти, с погремушками и двумя ремешками, за которые брался хозяин» (Беляева, 1965: 31).

Фото 7. Чукотский бубен *ярар* с ударной палочкой (ЧОКМ-8531-5)

Копье *пойгын* (фото 8). Копью, как и всякому оружию, чукчи приписывали силы, превышающие силу, мастерство, умение хозяина, и при всяком успешном мероприятии проводили *пойгымн'эгыргын* – «благодарственное служение копью» (Вдовин, 1977: 131). Г.Л. Майдель отмечал, что чукчи, в отличие от ламутов, предпочитают копьё огнестрельному оружию (Майдель, 1894: 68). Довольно подробно копьё и в целом оружие чукчей описаны в книге А.К. Нефедкина (Нефедкин, 2017: 135–142).

Фото 8. Семейное копьё *пойгын* (ЧОКМ 1575)

Во время посещения оленеводческих хозяйств в 1999 и 2016 г. авторам довелось увидеть похожие копьё. Одно из них представляло собой древко, сделанное из березы, длиной около 2 м, диаметром 4–4,5 см, с железным наконечником-клинком 23 см и втулкой 18 см. Особого внимания заслуживает его украшение. На втулке копьё выполнен узор в виде двух змей, смотрящих друг на друга. В настоящее время копьё находится в с. Ваеги (ПМА, 1999). Второе копьё наблюдали в 2016 г. в Чаунской тундре. Оно было значительно короче первого. Сразу после ритуального убоя оленя на празднике *Вылгык'аанмат* хозяин спрятал его в кибитку *кааран* (ПМА, 2016). Раньше бытование старинного оружия среди оленеводов не было редкостью. В качестве примера приведем интервью с информантом из с. Марково: «У меня отец случайно нашел в погребке копьё и мне отдал. Я его в окружной музей сдал. Это железное тонкое, хорошее, не ржавое копьё. Такое есть и в Марковском музее» (ПМА, 2019).

Скорее всего, описанные копьё были изготовлены корякскими кузнецами-кустарями. В одной из книг о жизни народов Северо-Востока России дается описание этого ремесла: «Примером кузнечного промысла могут служить пареньцы, которые, покупая через окружного начальника железо по казенной цене (т. е. по цене во Владивостоке), сами из него делают разных сортов ножи, копьё, гвозди и массу разных украшений, как-то браслеты, серьги, кольца, ожерелья, подвески и проч. Все эти изделия отличаются чистотой и изяществом работы; несмотря на примитивные условия, почти на всех предметах пареньской работы вы находите насечку и украшения» (Слюнин, 1900: 657).

В МЦНЧ имеются 2 копы (поступили на хранение в 1970 и 2011 г.). В постоянной экспозиции находится копые, втулка которого обрамлена растительным орнаментом.

Предметы повседневного быта. До настоящего времени в оленеводческих бригадах используют камни для разбивания костей (каменный молот *рыпэн'ы*, наковальня *элгыквын*) (фото 9). В.Г. Кузнецова, описывая приготовления к празднику у оленеводов Амгуэмской тундры, упоминала каменные приборы и действия с ними: «*Вымытые камень (элгыквын) и каменный молоток (рыпэн'ы) ставили к очагу*» (Кузнецова, 1957: 303). Идентичные приборы можно видеть в коллекции МЦНЧ. В фондах имеются 5 камней, которые поступили на хранение в 1969–2009 гг. В постоянной экспозиции музея в интерьере яранги находятся два камня. До сих пор эти камни имеют сакральное значение. Многие коренные жители в селах располагают их у входа в квартиру или дом; в городских квартирах лежат маленькие камни, отдаленно напоминающие «настоящие», при этом они имеют ту же функцию «охраны» жилища.

Снеговывивалка *тывичгын* (ед. ч., муж. р.) (фото 10) имеет форму изогнутой палки, как правило, из рога оленя, стесанной со стороны изгиба. До сих пор этот предмет не утратил своего утилитарного значения. Малая снеговывивалка (не более 40 см) используется

Фото 9. Каменный молоток для разбивания костей (для извлечения костного мозга) (ЧОКМ-1536)

для стряхивания налипшего снега с торбасов и одежды; большая (до 100 см) – для стряхивания снега с крыши яранги. Кроме хозяйственного значения, *тывичгын* в представлениях чукчей наделена особыми охранительными свойствами. Например, нами записана история о значении снеговывивалки: «*Выбивалка висела у входа, от злых духов и от напастей. Отец, перед тем, как уехать из дому, обмазывал детей чернотой от точильного камня – лоб, подбородок, плечи, запястья, и говорил: “Я тебя не пачкаю, а закрепляю твое*

Фото 10. Снеговывивалка *тывичгын* из оленьего рога (МЦНЧ-8593/20)

здоровье». Когда возвращались домой, папа ставил эчуулгын (ночной горшок. – О.К.) и перед этим ведром в сенях вытряхивал снеговывивалкой все плохое, побивая по одежде ребенка. У каждого члена семьи были свои вытряхивалки, они лежали под матрасами» (Коломиец, 2014: 116). Так же *тывичгын* несет функции «охранителя» хозяина в дальних походах (Богораз, 1991: 109) или в похоронном обряде (Нувано, 2008: 234). Кроме того, часто громко отряхивались с помощью *тывичгын*, заходя в соседнюю ярангу, предупреждая тем самым хозяев о своем визите.

В фондах МЦНЧ хранятся 9 снеговывивалок: 2 деревянные, 1 из рога барана и 6 из рога оленя). Снеговывивалки собраны из разных мест Чукотки, отличаются формой держателей в верхней части изделия. Например, *тывичгын* из рога барана поступил в музей в 2002 г. от дарителя П.В. Сосновского. Этот предмет достался ему от ваежских чукчей и отличается от других музейных экспонатов тщательной отделкой, орнаментированной ручкой.

Снегоступы *велвыегыт*, «вороньи лапки» – приспособления для хождения по снежному покрову (фото 11). Они представляют собой деревянную раму, на которую натянута ременная сетка из кожи. Житель с. Марково рассказывал: «*Подарили мне в Ваегах лыжи – вороньи лапки. И они у меня висели. Я на них походил-походил и перешел на современные лыжи. Ходить пешком перестал, и они мне стали не нужны. И вот у меня один чукча их увидел, говорит: “Отдай мне их!”. Я отдал. Он в них ходит, это ж его родное*» (ПМА, 2019).

В настоящее время «вороньи лапки» редко используют по назначению, но это один из самых распространенных предметов в коллекциях сельских школьных музеев. В МЦНЧ имеются 3 пары снегоступов (1 пара выставлена в постоянной экспозиции). Авторы сделали вывод, что эти средства передвижения по конструктивным особенностям относятся к северному типу. Во время экспедиций в с. Ваеги довелось увидеть снегоступы южного (корякского) типа: больших размеров, передняя и задняя части имели «сет-

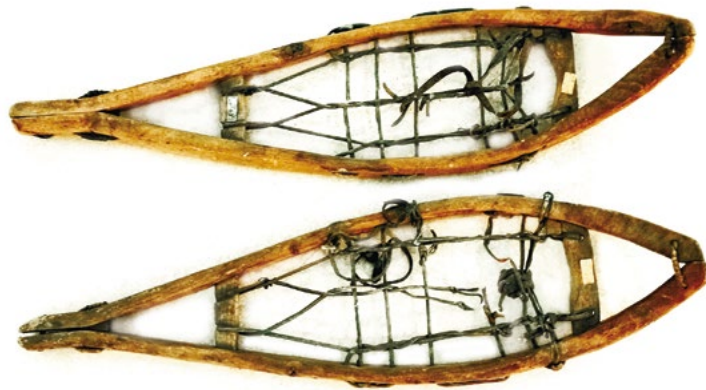

Фото 11. «Вороньи лапки» (снегоступы) (ЧОКМ-1469)

ку» из тонких сыромятных ремней, в срединной части конструкции был навязан цельный ремень из лахтачьей кожи, представляющий собой регулируемое по размеру ноги «крепление», способы вязки ремней ваежских снегоступов отличались от снегоступов, от представленных в музейной коллекции (ПМА, 1999).

Нарта для оленьей упряжки (общее название *орвоор*). Все виды нарт для оленьих упряжек (мужские, женские, детские, кибитки, грузовые, гоночные) конструктивно похожи. Это дугокопильные (с полуовальными стойками) нарты. Исследователи утверждают, что нарт с такими конструктивными особенностями (так называемых чукотско-корякских нарт) нет больше ни у какого другого оленеводческого народа. Нарты различных типов были предельно просты и без особых инструментов чинились в пути (Сергеев, 1955: 88). В.Г. Богораз отмечал легкость и изящность чукотских ездовых нарт (Богораз, 1901: 38).

В настоящее время нарты повсеместно используются чукотскими оленеводами, несмотря на то что снегоходная техника прочно вошла в быт коренного населения. Лучшие мастера проживают в южной части Чукотки (граница Билибинского и Анадырского районов, где есть лес). Нарты дарят в качестве приза победителям гонок на оленьих упряжках на фестивале «Эрак'ор». Принято считать, что хозяйства, в которых по-прежнему есть нарты, оленьи упряжки и старые традиции, наиболее крепкие и стабильные.

В экспозиции МЦНЧ выставлено 5 типов нарт: кибитка на грузовой нарте *кааран*, грузовая нарта *репалк'оолгын*, нарта для езды мужская *гакан'орвоор*, женская *эчэттык*.

Аркан *чаат* (фото 12) – длинная веревка с подвижной петлей на конце для ловли животных. В настоящее время оленеводы Чукотки исполь-

Фото 12. Чукотский оленеводческий аркан *чаат* (ЧОКМ-1452)

зуют 3 вида арканов – плетенные из сыромятной оленьей кожи; сшитые из одного цельного ремня лахтачьей кожи; веревочные – из капроновой веревки (диаметром 0,8 мм), оплетенные со стороны кольца сыромятным ремешком. Чаще всего современные оленеводы используют веревочные арканы.

В 2016 г. в с. Канчалан в рамках Окружного оленеводческого фестиваля «Эрак'ор» проходила ярмарка, на которую морские зверобой из с. Лорино привезли на продажу традиционные арканы из лахтачьей кожи. Несмотря на высокую стоимость (30 тыс. руб.), такая продукция пользовалась спросом, как и другие традиционные изделия мастеров.

В МЦНЧ имеются 6 арканов, 5 из которых сделаны из ремня лахтака, 1 – плетенный из сыромятной кожи (он находится в постоянной экспозиции МЦНЧ).

Оленеводческий поясной ремень *рычит* (фото 13). В частной коллекции ваежского оленевода имеются 3 ремня. Первый – старый составной ремень из 3 кожаных частей, лахтачьей и нерпичьей кожи. На средней части закреплены 14 пуговиц дореволюционного времени. Пряжка старая, самокованая, характерной формы, какие делали пареньские коряки. На небольшом ремешке свисает медная застежка *мумкыл*³, за которую можно закрепить приспособление для развязывания узлов или наперсток. Второй ремень советского периода (1960-е гг.). Его носили до 2008 г. Прежним хозяином был дядя оленевода (1930–1975). Отличительной чертой ремня является нашивка из 27 выпуклых пуговиц, изготовленных, предположительно, из рандолевого чайника 1950-х гг. выпуска. Третий ремень (офи-

³*Мумкыл* – это своего рода пуговица, пристегивается путем накидывания на петлю. Металлическая или сделанная из рога в виде приплюснутой с боков палочки различной длины и толщины, в зависимости от цели употребления и степени нагрузки (длина 3–7 см). На мужских поясных ремнях или женских мешочках *мумкыл* использовали как элемент декора и делали из цветного металла, украшали насечкой.

Фото 13. Современный пояс пастуха-оленевода (с привязанной эмалированной кружкой вместо традиционной роговой или деревянной чашки) (ЧОКМ-8527)

церская португепя) до сих пор носят в походах. На нем закреплены вещи, необходимые для автономного пребывания человека: большой японский нож, напоминающий пареньские ножи корякских мастеров *лыгевал* – «настоящий нож», который предназначен для рубки толстых веток, освеживания туши крупного зверя. Второй – малый нож с клинком длиной 10 см и обухом 2 мм, ручка из рога снежного барана. Ближе к ножам по ремню скользит чехол, в котором размещена блесна с леской для ловли речной рыбы; затем бронзовая трубка-игольница, которая прикрывает граненые иглы, нанизанные на кожаный ремешок; чехол для двух оселков разной зернистости (точильные камни) размером 6 × 4 см (ПМА, 2016).

Поясной ремень *рычит* – предмет гордости оленевода. Бытует шуточная поговорка в адрес молодежи: «У него бедняцкий ремень». Это значит, что обладатель ремня не следит за ним, его не украшает, у владельца плохой нож. Для стариков оленеводов современной альтернативы традиционным ремням нет.

В МЦНЧ имеются 2 чукотских оленеводческих ремня, один из которых ошибочно определен как ламутский (эвенский), так как был передан эвенско-чукотской семьей из с. Ламутское Анадырского района. Визуально этот пояс – типично чукотская вещь. С правой стороны ремня наискось висят большой нож и мешочки для точильного камня и блесны. С левой стороны к поясу подвешен небольшой коровий рог, что не свойственно чукотскому элементу одежды. Исследователи давно подметили заимствования элементов костюма в районах соприкосновения различных культур (Богораз, 1901: 9). И сейчас в с. Омолон Билибинского района можно увидеть

эвенков-оленеводов, которые носят чукотский костюм (в том числе пояс); женщины-чукчанки в повседневном быту и на праздниках носят эвенский распашной костюм (ПМА, 2018).

ОДЕЖДА

Больше всего в настоящее время в оленеводстве востребована традиционная чукотская одежда *эвирьыт* (мн. ч.) (фото 14). Раньше она была широко распространена среди соседних народов благодаря своей практичности и функциональности.

а

б

в

Фото 14. Зимняя меховая одежда оленных чукчей: а – детский костюм. Чаунская тундра, 2010 г., фото А. Вахрушева; б – женский комбинезон. Чаунская тундра, 2010 г., фото А. Вахрушева; в – мужской костюм. Ваежская тундра, 2000 г., фото В. Нувано

В МЦНЧ представлен практически полный комплект одежды аборигенных народов Чукотки. Всего в фондах 234 предмета одежды, из которых 171 принадлежит к чукотской культуре. Это детская, женская, мужская одежда; промысловый костюм; дорожная, праздничная и обрядовая одежда, головные уборы, обувь, которые были собраны в разные годы со всех районов Чукотки (Вуквукай, 2011).

Детская одежда *к'алгекер* (ед. ч.) по покрою напоминает современный европейский детский комбинезон, имеющий прямоугольный разрез от паха до верхнего края ягодиц и отдельный клапан *макы*. Клапан *макы*, наполненный мхом-сфагнумом, играет роль подгузника. Посещая оленеводческие бригады, окружные фестивали «Эрак'ор» в 2015–2018 гг., авторы всегда наблюдали маленьких детей, одетых в комбинезоны – *к'алгекер*.

Женский комбинезон *кэркэр* (фото 14, б) представляет собой цельно сшитое платье, состоящее из широких штанов, соединенных с еще более широким низко вырезанным корсажем (Богораз, 1901: 12). Несмотря на кажущуюся нерациональность костюма, женщины в стойбищах повсеместно продолжают носить *кэркэр*. В фондах МЦНЧ насчитывается 7 женских комбинезонов.

Кухлянка – общее название *иргыт* (мн. ч.). По покрою – это глухая рубаха до колен. Их подразделяют на несколько видов. Первый вид – нижняя / нательная кухлянка *ныгло* с воротом из собачьей шкуры, носится мехом вовнутрь, почти всегда окрашена ольховой корой в оранжево-красный цвет. При выходе на мороз, чтобы не индевели нижняя кухлянка, сверху надевают кухлянку второго вида – нарядную пеструю кухлянку *гыргочан'эргыин*. В 2010, 2012 г. среди чаунских чукчей наблюдали, что они всегда носили нижнюю кухлянку *ныгло* без ворота.

Штаны – общее название *к'онагтэ* (мн. ч.). Нижние / нательные штаны называются *кэмэтти*, их носят мехом вовнутрь, они окрашены ольховой корой в оранжево-красный цвет. Наружные штаны *гыргочан'к'онагтэ* такого же покроя более нарядные. В дальних походах их носят сдвоенным комплектом – мехом вовнутрь и наружу. Другой вид штанов шьют из оленьего камуса (шкурка оленьих ног) – *панрак'онагтэ* «камусные штаны». Их носят только как наружные штаны. Теплоизолирующие свойства оленьего камуса меньше, чем шкуры с туловища оленя, но на ворс камуса меньше налипает снег. Поэтому *панрак'онагтэ* носят или в ближних походах, или во время теплой пурги/метели. В условиях тундры оленеводы продолжают использовать все виды штанов по сей день.

Обувь *плекыт* (общее название). Зимняя обувь всегда носится в комплекте с меховыми мягкими «носками» *памьят* с обязательными «стельками» из высохшей травы *вээгты* октябрьского сбора. По поверьям, если носить обувь без стелек-травы, то *кэлы* – злой дух «нижнего мира» сможет увидеть следы. Старики говорят: «*кывэтыркынитык*» («всегда подстилайте траву»).

Мужская зимняя обувь представлена короткими, до 20 см высотой, торбасами *пынитъегыт*, которые всегда заправляют в штаны. В основном носят в дальних походах и на зимних дежурствах у стада. Кроме того, есть обувь аналогичного кроя, но подшитая мохнатыми «щетками» из шкурок между копыт (олени парнокопытные, и между копытцами у них жесткая шкурка) *чечот*. Такая обувь особенно хороша для носки в морозные дни. Во время работы по хозяйству или у стада, недалеко от жилища носят высокие торбаса (35–40 см) чуть ниже колен *лаут*. Их надевают поверх нижних штанов *кэмэтти*. Чтобы *кэмэтти* не индевели и в подлямочное пространство не забивался снег, поверх надевают матерчатые / суконные штаны чукотского покроя *брезентак'онагтэ* (брезентовые штаны).

Женская обувь особого покроя *н'эвпылекыт*. Эту высокую, до колен обувь заправляют в штанины мехового женского комбинезона. *Н'эвпылекыт* более объемны, чем мужские высокие торбаса *лаут*, так как женские чижинки *н'эвпамьят* сшиты из зимней шкуры. В 1970-х гг. в аэропорту г. Анадырь нам встречались женщины-чукчанки из разных мест в традиционной одежде. Женщины, характеризуя других, называли их *апак'акеплекылъыт* («безыкорноносящие обувь (женщины)»), имея в виду, что у женщин-южанок торбаса менее объемны в икорной части ног. В отличие от верхней чукотской одежды, чукотская обувь в настоящее время встречается довольно часто, даже в городе.

Летнюю обувь шили из «дымленины» *чывэрит*, по-русски ее называли «бродовки». В оленеводческих бригадах такую обувь перестали употреблять по назначению, поскольку все оленеводы перешли на резиновую обувь. Но в июле 2018 г. в с. Ваеги бывший оленевод носил *чывэрит*, подшитые подошвой от современных кроссовок.

СУДЬБА ВЕЩЕЙ

Коренные жители с сожалением говорят о том, как традиционный костюм вытесняется современными видами одежды: «*Как перестали существовать швейные мастерские, ушла и одежда. Люди до сих пор бы ее покупали и носили. Хотя нужно уметь за ней ухаживать. Такая одежда*

не для моды – для выживания, лучше ее нет. У меня уже вся износилась. Пару лет назад подарил свой кукуль⁴ чуванцу одному, потому что знаю, что он ходит пешком и везде его с собой таскает, спит в нем на земле без всякой палатки. Кукуль лет двадцать, не меньше, шили его в Ваегах, мне он достался бэушный. Я носил все чукотское. Единственное, что отказался от меховых штанов, привык к русским. На охоту, в путешествие все чукотское надевал. У меня дядя так до сих пор и ходит, он не надевает вот эти современные костюмы камуфляжные, охотничьи, он надевает камлейку, подпоясывается поясом с ножом, так и ходит. Но сейчас практически все на охоту ходят в современном. Ваежские чукотские шапки раньше часто заказывали, потому что они красивые, как сувениры. Может и до сих пор заказывают. Лет десять назад я ездил в Усть-Бельскую, Красненскую тундру в шаткарах⁵ и всех удивлял, что у меня такие вещи есть. Сверху надевал брезентовые чулки, чтобы меньше влаги попадало» (ПМА, 2019).

Многие представители старшего поколения до сих пор хранят не используемые старинные вещи: «Хозяйственные предметы можно найти еще по сараям. Находили битки⁶, вязанки чукотских куколок и другую мелочь» (ПМА, 2019). Но далеко не все люди готовы отдавать их в музей или куда-либо еще. Авторами записана история о том, как жительница Анадырского района сначала сдала предметы в музей⁷, а затем передумала и хотела вернуть их обратно: «Будучи секретарем сельсовета в середине 1970-х гг., она сдала шаманские предметы в музей. Уже в 90-х гг., живя в Анадыре, в ее семье начали происходить трагические случаи. Погибли 2 сына. Женщина обратилась в музей с просьбой о возвращении предметов деда обратно в семью. Но работники музея отказали в просьбе, так как они были зарегистрированы как собственность госучреждения и имели культурно-историческую ценность» (ПМА, 2019).

Значительная часть вещей с уходом их владельцев заканчивает свой путь вместе с ними. Эти предметы сопровождают своего хозяина в традиционном погребальном обряде.

СОВРЕМЕННЫЕ ЗНАНИЯ

Весьма важными представляются мнения экспертов – участников опроса по определению сохранившихся и утраченных элементов духовной

⁴Кукуль – меховой спальный мешок.

⁵Шаткары – меховая обувь, сшитая из оленьего камуса, с подошвой из оленьих щеток, другое название *щиткари*, по-чукотски *чечот*.

⁶Битки – короба из бересты для сбора ягод.

⁷Данные предметы находятся в МЦНЧ (например, головной убор «шапка шамана», ЧОКМ-1879).

и материальной культуры коренных народов Чукотки⁸. Экспертам было предложено ответить на вопрос: «Какие предметы быта не используются коренными жителями, но они продолжают их хранить?». Участники отметили, что в городской жизни могут использоваться обереги, камни, выбивалки от снега; в качестве сувениров в домах горожан имеются жирники, ритуальные принадлежности. Для старшего поколения коренных жителей эти предметы значимы как часть истории их семьи (Церковникова, 2018).

В январе 2019 г. был проведен опрос среди учащихся Чукотского многопрофильного колледжа. В нем приняли участие студенты из числа коренных малочисленных народов Чукотки (23 чел., возраст – от 18 до 23 лет, из них 2 – эскимоса, 21 – чукчи). Студентам предложили написать, какие предметы, вещи традиционной культуры они знают, по возможности дать определение этого предмета на родном языке. Самые популярные предметы – кочевое жилище *яранга* и аркан *чаат*, их отметили 15 чел. Женский комбинезон *кэркэр* назвали 11 чел., обувь *торбаса* – 12 чел., бубен *ярар* – 11 чел., нарты – 10 чел. К сожалению, ни один студент не смог дать название нарты на чукотском языке. Все студенты ответили, что записанные ими предметы до сих пор используются в тундре и на праздниках. Опрос показал, что молодое поколение коренных жителей Чукотки не обладает достаточными знаниями по истории и культуре своего края.

Музейный Центр «Наследие Чукотки» является крупнейшим региональным музеем, занимается краеведческой, культурно-образовательной деятельностью. При этом у музея достаточно обширные задачи. Современному музею мало просто экспонировать уникальные вещи, наиболее ярко представляющие и отражающие самобытность той или иной культуры. Нужно «оживить» предметы, рассказать о них посетителям, показать через них меняющийся культурный ландшафт, изменение смысла предметов. Например, возьмем один из важнейших атрибутов чукчей-оленеводов – ярангу. В настоящее время макет жилища выставлен в основном экспозиционном зале музейного центра как часть этнографической коллекции. Этот экспонат может быть главным и единственным элементом выставки. Через него можно проследить, как исторически менялась уникальная кочевая культура чукчей. При помощи интерактивных технологий можно показать конструктивные особенности, современные варианты жилищ. Стремясь улучшить быт оленеводов, Правительство Чукотского автономного округа закупило и внедряет в оленеводческих бригадах мобиль-

⁸Исследование было проведено Е.А. Церковниковой в 2010 г. В нем приняли участие 7 экспертов – носителей языков коренных народов Чукотки, знатоков традиционной культуры.

ные жилища «Яранга 2.0», выполненные из современных искусственных материалов. Возможно, в скором времени экспозиция окружного музея пополнится новым видом жилища современного оленевода.

Для молодого поколения коренных жителей Чукотки важно, чтобы специалисты в доступной форме могли рассказать о технологии изготовления, способах бытования традиционных предметов, которыми пользовались их предки; пробудить у молодежи интерес к семейной истории через знакомство с этими предметами.

Кроме того, есть необходимость в создании современной электронной базы данных коллекций музеев Чукотки. Эта база должна быть общедоступной на сайте ([https:// http://www.chukotka-museum.ru](https://http://www.chukotka-museum.ru)), может включать богатый иллюстративный материал, интересные исторические и этнографические сведения о предметах, разных аспектах жизни народов Чукотки.

У МЦНЧ есть опыт совместной работы с художниками и дизайнерами при подготовке каталогов и выставок; его нужно углублять, чтобы новые экспозиции были более технологичными, современными, информативными, раскрывали новые грани духовной и материальной культуры коренных народов Чукотки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты настоящего исследования показывают – современные реалии таковы, что интерес к традиционной культуре возможно и нужно пробуждать разными путями, в том числе и через музеи. Ведь знатоков, владеющих исчерпывающей информацией об окружающих вещах, становится все меньше. При этом чукотская оленеводческая культура живет и развивается. Для городской чукотской молодежи это, пожалуй, единственный вариант знакомства с духовным и материальным миром своего народа. Имеющиеся в музейных коллекциях предметы способны пробудить в людях интерес к культурному наследию, коренным жителям региона помогут прикоснуться к традициям и знаниям предков.

Для этого необходимо создавать новые форматы взаимодействия музеев с их потенциальными посетителями. Важно, чтобы музейные экспонаты «оживали» в умелых руках специалистов, чтобы люди могли получить исчерпывающую информацию о происхождении, нюансах изготовления, бытовании вещей, истории их поступления в музей. Предметы народной культуры должны иметь возможность «путешествовать» среди разных поколений коренных жителей Чукотки – физически, виртуально, а также в живом повседневном и праздничном контексте. Именно тогда они не будут за-

быты, к ним вернется первоначальное назначение, а может быть, они обретут новый смысл.

Литература

Беляева А.В. Этнографическая поездка в Анадырский район // Краеведческие записки. – Магадан: Кн. изд-во, 1965. – Вып. 5. – С. 27–38.

Богораз В.Г. Очерк материального быта оленных чукчей, составленный на основании коллекций Н.Л. Гондатти, находящихся в этнографическом музее Императорской Академии наук: Сборник Музея по антропологии и этнографии при Императорской Академии наук. – СПб., 1901. – Т. 2. – 66 с.

Богораз В.Г. Чукчи: Религия. – Л.: Изд-во Главсевморпути, 1939. – 202 с.

Богораз В.Г. Материальная культура чукчей. – М.: Наука, 1991. – 224 с.

Боякова С.И. Освоение Арктики и народы Северо-Востока Азии (XIX в. 1917 г.). – Новосибирск: Наука, 2001. – 160 с.

Вдовин И.С. Религиозные культы чукчей // Сборник музея антропологии и этнографии Т. 33. Памятники культуры народов Сибири и Севера. – Л.: Наука, 1977. – С. 117–171.

Вуквукай Н.И. Одежда чукчей в собраниях краеведческих музеев Дальнего Востока // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. – № 5. – Ч. 2. – С. 51–61.

Историко-этнографический атлас Сибири. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. – 498 с.

Коломиец О.П. Семейные реликвии коренных народов Чукотки // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2014. – № 1. – С. 115–118.

Кузнецова В.Г. Материалы по праздникам и обрядам амгуэмских оленных чукчей // Сибирский этнографический сборник. – М.; Л., 1957. – 2. – С. 263–326. – (Тр. Ин-та этнографии: нов. сер.; Т. 35).

Майдель Г.Л. Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868–1870 годах. Приложение к LXXIV тому Записок Императорской Академии наук. – СПб., 1894. – № 3. – 600 с.

Нефедкин А.К. Военная культура чукчей (середина XVII – середина XX в.). – СПб.: Лема, 2017. – 456 с.

Нувано В.Н. Обряд погребального сожжения у ваежских чукчей // Тропой Богораза. Научные и литературные материалы. – М.: Институт Наследия, 2008. – С. 230–234.

Первалова Е.В., Куканов Д.А. Мобильное жилище чукчей-оленеводов: традиции и новации // Уральский исторический вестник. – 2018. – № 3. – С. 40–51.

Рагтытваль Р.М. Мейныпильгынская коллекция семейных святынь // Краеведческие записки. – Магадан: Кн. изд-во, 1986. – Вып. 14. – С. 170–190.

Романова И.И. История формирования музейной сети Чукотского округа и роль музеев Чукотки в культурном развитии региона // IV Диковские чтения: Материалы науч.-практ. конф., посвящ. 250-летию со дня выхода в свет российской научной академической монографии С.П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки». – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2006. – С. 164–167.

Сергеев М.А. Некапиталистический путь развития малых народов Севера // Тр. Ин-та этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая: Нов. сер. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – Т. 27. – 569 с.

Слюнин Н.В. Охотско-Камчатский край. Естественно-историческое описание (с картой). – СПб.: Типография А.С. Суворина, 1900. – 695 с.

Церковникова Е.А. Предметы традиционной культуры народов Севера, утраченные в современной жизни (на материалах полевого исследования на Чукотке) / V Богоразовские чтения. – СПб.: Кордис, 2018. – С. 95–100.

Ширина Д.А. Россия: научное исследование Арктики XVIII в. – 1917 г. – Новосибирск: Наука, 2001. – 191 с.

Широков Ю.А. К истории города Анадыря // Записки Чукотского краеведческого музея. – Магадан: Кн. изд-во, 1968. – С. 14–26.

Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции 1785–1795 гг. – Магадан: Кн. изд-во, 1978. – 176 с.

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ ЧУКОТСКОГО ОКРУЖНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ (Музейного Центра «Наследие Чукотки»)

Расторгуева О.Б.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ МУЗЕЯ И ЕГО РУКОВОДИТЕЛИ

В истории Музейного Центра «Наследие Чукотки» основными принято считать две даты: 14 ноября 1931 г., когда в Анадыре на основании рекомендаций Первого Всероссийского музейного съезда было создано Бюро краеведения (Труды..., 1931), и 26 июля 1935 г., когда в приказе заведующего Окроно по Чукотскому национальному округу, в ведении которого находилось бюро краеведения, оно уже названо Анадырским окрмузеем. Этим приказом был назначен первый сотрудник музея, освобожденный от иных занятий, – заведующий музеем и препаратор Андрей Корнеевич Седько. Именно эту дату большинство специалистов считают сейчас приоритетной для определения даты основания музея в Анадыре (см. статью Коломиец и др.).

Андрей Корнеевич Седько (1885–1938) сыграл ведущую роль в сборе и комплектовании первого музейного собрания. Будучи заядлым охотником и рыбаком, он сумел хорошо изучить животный мир Чукотки, а в 1931 г. закончил курсы препараторов в Ленинграде.

Его дочь Ольга Андреевна Трофимова (Седько) в 1960-х г. писала: «Седько Андрей Корнеевич родился в 1885 году в г. Чернигове. В 1911 г. приехал в п. Ново-Мариинск. Основное занятие – охота, рыбалка. Были у него нарта с собаками да большая лодка, ездил он по реке Анадырь и другим рекам Великая, озеро Красное. Очень он интересовался зверями и птицами, делал из них чучела, изучал книги Брема, это было его любимое занятие... С восстановлением советской власти в доме коммерсанта Бесекерского был организован музей, где он один в нем работал, делал чучела зверей и птиц. Еще была сделана юрта» (из письма О.А. Трофимовой сотрудникам Чукот-

© Расторгуева О.Б., 2020

ского окружного краеведческого музея. Коллекция Музейного Центра «Наследие Чукотки», МЦНЧ-9304, Д-5160).

Биологи В.Н. Тархова и В.С. Тархов указывают, что «с 1924 года сборы коллекций были уже целью Седько» (Тархова, Тархов, 1962: 27), т. е. музейная коллекция начала формироваться уже в первой половине 1920-х гг. И в связи с этим совсем иное значение принимает еще одно свидетельство. В газетной заметке говорится о «пурговавшем» в Анадыре почти неделю отряде самолетов, направлявшихся на спасение челюскинцев: «24–25-III пурга продолжилась, участники перелета познакомились с Анадырским музеем...» (Отряд..., 1934).

Значит, музей, как одно из основных учреждений культуры, куда, как и сегодня, в первую очередь приглашают почетных гостей, чтобы познакомить их с Чукоткой, существовал в Анадыре значительно раньше 1935 г., а возможно – и раньше 1931. Скорее всего, уже с 1924 г. музей разместился в одной из комнат в здании Анадырского нарревкома, ставшего позднее Анадырским районным исполнительным комитетом (до 1919 г. здесь размещалось уездное управление, в народной же традиции за зданием закрепилось название «дом Бесекаевского»).

Отсюда к 1935 г. он переехал в отдельный маленький домик (фото 1), построенный из обшивки разбившейся в акватории Анадырского лимана шхуны «Северная звезда» чукотского полицейского управления (Широков, 1968: 22).

Фото 1. Здание окружного музея в г. Анадыре на ул. Советская в 1935–1969 гг. (МЦНЧ-9258/15, Ф-6071)

5 августа того же года состоялась официальная передача экспонатов от Бюро краеведения Анадырскому музею, а 7 ноября 1935 г. открылась первая экспозиция площадью всего 34 м². В 1938 г., после кончины А.К. Седько, музей возглавил аспирант-искусствовед Алексей Александрович Васильев (фото 2). Он положил начало формированию коллекции чукотско-эскимосского косторезного искусства. Произведения национальных косторезов конца 1930-х – начала 1940-х гг. составляют сегодня самую ценную часть музейной коллекции. Второй директор музея проработал в Анадыре совсем недолго, но любовь к Чукотке и ее людям в полной мере отразилась в его художественном наследии, письмах и рукописях.

В 1952 г. директором окружного музея был назначен этнограф-сибиревед Виктор Васильевич Нарышкин, впоследствии научный сотрудник Института этнографии Академии наук СССР. В 1955–1960 гг. музеем руководил археолог, кандидат исторических наук Николай Николаевич Диков (1925–1996), в дальнейшем член-корреспондент Российской Академии наук, долгие годы возглавлявший лабораторию археологии, истории и этнографии Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института ДВО РАН. Н.Н. Диков приобрел к сбору музейных коллекций многих жителей пос. Анадырь и его окрестностей. Из каждой археологической экспедиции он возвращался не только с ископаемыми наход-

Фото 2. Алексей Александрович Васильев, директор Чукотского окружного музея в 1939–1940 гг. (МЦНЧ ВХ-1831/4)

ками, но и с экспонатами по этнографии, геологии, традиционному искусству. Всего за пять лет его работы музейные фондовые коллекции возросли практически вдвое (фото 3).

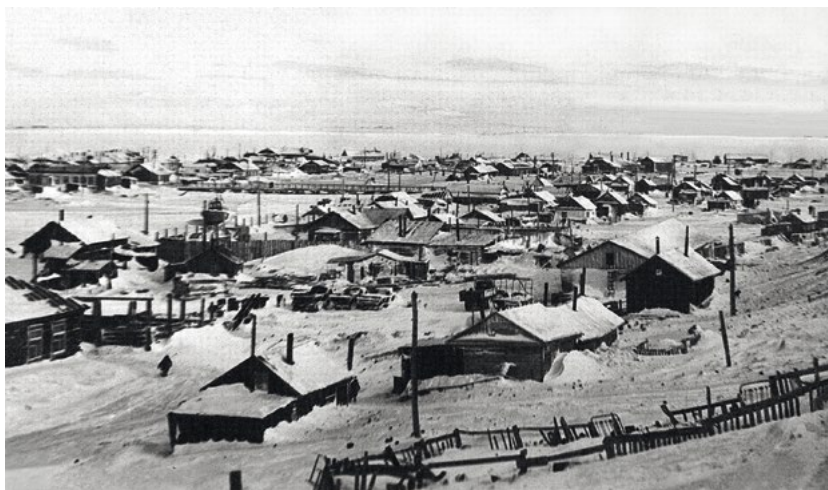

Фото 3. Вид г. Анадыря, 1958 г. (ЧОКМ-2755/193, Ф-1220)

В 1960–1962 гг. музеем руководил Радий Яковлевич Журов, впоследствии преподаватель философии в Москве. Свои достаточно анахроничные взгляды о культурах коренных народов Чукотки он пропагандировал в коротких статьях и заметках в окружной газете «Советская Чукотка» (Журов, 1961, 1962а).

В 1962 г. эстафету руководства окружным музеем подхватил Юрий Александрович Широков, который проработал в этой должности девять лет. В 1971–2002 гг. директором Чукотского окружного краеведческого музея работала выпускница исторического факультета МГУ Наталья Павловна Отке. В 1970–1980 гг. основной задачей музея стало не только комплектование, но и очень активная популяризация фондового собрания, которое в эти годы можно было увидеть на выставочных площадках за пределами округа.

РОСТ СОБРАНИЙ МУЗЕЯ

В общем музейном собрании, составляющем в настоящее время (2020 г.) немногим более 37 тыс. ед. хранения, этнографическая коллекция представлена 851 предметом. В это число не входят изделия декоративно-прикладного искусства (338 ед.) и произведения чукотско-эскимосского косторезного промысла (712 ед.), вынесенные в отдельные фон-

довые подразделения. Еще 3711 ед. насчитывает археологическая коллекция, которая отражает историю древних культур Чукотки. Значительна доля материалов, относящихся к истории коренного населения округа, в фондах музейной коллекции фотографий (9537 ед.) и документов (7370 ед.). Таким образом, около 40% фондов музея посвящены коренным народам Чукотки.

В относительно небольшой, но очень представительной этнографической коллекции нашли полное отражение явления и процессы, характеризующие традиционные культуры, хозяйство и промыслы всех аборигенных народов Чукотки: чукчей (в том числе оленеводов и морских охотников – см. статью Коломиец и др.), эскимосов, эвенов, юкагиров, чуванцев. Единичные предметы атрибутированы как принадлежащие керекам и корякам.

Этнографическая коллекция сформирована следующими предметными комплексами:

предметы хозяйственно-производственного назначения: орудия труда оленеводов и охотников, снаряжение, средства передвижения, элементы упряжи и др. (253 ед. хранения);

одежда (поясная, плечевая; повседневная, праздничная, ритуальная; мужская, женская, детская), обувь (разной целевой, половой и возрастной принадлежности), головные уборы и рукавицы (237 ед. хранения);

утварь, предметы быта: посуда, элементы жилищ, светильники и жирники, огнива, швейные принадлежности и приспособления для выделки шкур, детские игровые предметы и др. (276 ед. хранения);

ритуальные предметы: амулеты и семейные связки амулетов, антропоморфные и зооморфные ритуальные скульптуры, музыкальные инструменты, фрагменты шаманских комплексов и др. (85 ед. хранения).

Не все предметы этнографической коллекции имеют четкую атрибуцию по принципу этнической принадлежности, но включены в ее состав как собранные на территории округа и имеющие специфические черты, которые связывают их с культурами аборигенных народов Чукотки. Среди идентифицированных предметов этническая принадлежность распределяется следующим образом:

чукчи-олeneводы – 354 ед. хранения,
эскимосы – 191 ед. хранения,
чукчи-морзверобой – 134 ед. хранения,
эвены – 70 ед. хранения,
юкагиры – 23 ед. хранения,
коряки – 4 ед. хранения,
керекы – 1 ед. хранения.

Как видим, перечисленные предметные комплексы (группы) достаточно подробно отражают культуру коренных народов Чукотки, формируя также и территориальные мини-коллекции по отдельным общинам (поселкам) округа, в частности: Аькватваам (33 ед. хранения), Ваеги (26), Инчоун (23), Канчалан (46), Лаврентия (46), Ламутское (24), Лорино (27), Мейныпильгино (42), Марково (27), Сиреники (34), Снежное (21), Тавайваам (21), Уэлен (29) и Чаплино (Новое Чаплино – 41). Эти цифры не включают изделия народных художественных промыслов и косторезного искусства, так что реально коллекции по некоторым поселкам (например, Уэлену) намного представительнее.

Немногочисленные поступления в этнографическую коллекцию связаны с поселками, которые были закрыты в середине XX в., такими как Еропол (4), Кивак (1), Наукан (9), Нунымо (4), Пинакуль (1), Сешан (6), Чегитун (1), Яндогай (1). Основные сборы, сделанные в 1960–1970-е гг. в пос. Лаврентия, имеют происхождение из сел Чукотского полуострова, прилежащих к бухте Лаврентия.

Для небольшого окружного музея культурное разнообразие коллекции выглядит достаточно полным. На основе этих предметов мы можем показать, как жили в давнем и совсем недавнем прошлом народы Чукотки. Но есть и свои пробелы. Например, в этнографической коллекции Музейного Центра почти полностью отсутствуют предметы, связанные с районами амгуэмской и чаунской тундры и территориями современных Билибинского и Иультинского районов. Эти районы гораздо лучше представлены в коллекциях районных краеведческих музеев в городах Певек и Билибино и пос. Янракыннот. Так что сотрудникам Музейного Центра есть еще что искать и где пополнять фонды.

МУЗЕЙНЫЕ ОПИСИ

К сожалению, сегодня не представляется возможным установить достоверно даты первых поступлений в этнографическую коллекцию музея. Неоднократное переписывание в 1950–1970-х гг. книг поступлений, отсутствие или утрата актов приема привели к тому, что уже к началу 1990-х гг. не сохранились источники, отражающие судьбу музейных предметов, по которым можно было бы проследить историю их бытования и, главное, историю поступления этих предметов в музейную коллекцию.

Первая запись существующей Книги поступлений (Главной инвентарной книги, далее – КП) датирована 5 января 1970 г. В первую очередь в КП заносились многочисленные и на сегодня исторически ценные партийные (КПСС) и советские документы, личные документы партийных

и советских деятелей, приветственные адреса и поздравительные телеграммы. Вторыми по значимости были предметы таксидермической коллекции. Лишь через три года подошла очередь этнографической коллекции.

В конце 1973 г. в КП впервые появляются записи: «из старых фондов», «Владивостокский госмузей», «Владивосток. Музей. 1931–1940 гг.». Всего в КП занесено 30 предметов, в источнике поступления которых значится Владивостокский музей. По совокупности признаков: аналогичность декора, идентичность материала и техники изготовления и т. п. – к этому комплексу можно отнести еще не менее 37 предметов этнографической коллекции. Таким образом, в промежутке между 1931 и 1940 г. в окружной музей поступили по меньшей мере 70 предметов этнографии, происхождение которых мы можем установить лишь по косвенным данным.

Безусловно достоверен сам источник поступления предметов: Владивостокский государственный областной музей, реорганизованный впоследствии в Приморский краевой краеведческий музей, ныне – Музей истории Дальнего Востока имени В.К. Арсеньева. Он был основан в 1884 г. как Музей Общества изучения Амурского края (ОИАК). Амурским краем называли в то время огромную территорию. Согласно Уставу ОИАК, «Общество имеет целью всестороннее изучение р. Амура, русского побережья Восточного океана и сопредельных местностей и ознакомление с ними посредством собрания коллекций и разных сведений по всем отраслям естествознания, географии, этнографии, археологии и научной разработки собранных материалов...» (Общество..., 2020).

Именно поэтому в Музей ОИАК в 1892 г. попала коллекция первого начальника Анадырской округи Леонида Францевича Гриневецкого из 74 предметов. Коллекция Гриневецкого в большей степени этнографическая: утварь, одежда, амулеты. Материалы эти хорошо описаны, каталогизированы, более того в открытом доступе имеются фотоизображения практически всех предметов коллекции (Этнографические..., 1991). Фотофиксация в данном случае особенно важна, поскольку сравнение описаний и изображений предметов из Владивостока и предметов из Анадыря позволяет говорить об их целостности в качестве единой «коллекции Л.Ф. Гриневецкого».

К сожалению, сами документы о передаче предметов из Владивостока в Анадырь не были обнаружены. Хотя можно предположить, что такой межмузейный обмен был связан с открытием в Анадыре Бюро краеведения именно в 1931 г.

Ответы на некоторые вопросы можно найти в исследованиях историка развития музейного дела Н.И. Рубана. 30 января 1929 г. Ученый совет Владивостокского государственного областного музея утвердил положение

о том, что музей «...не есть собрание редкостей, он является пропагандистской школой для широких масс населения» и что «выставленные экспонаты должны быть связаны в одно логическое целое, подчиненное основной идее материалистического понимания природы, теории эволюции и отражению в экспозиции производственного уклона региона» (Цит. по: Рубан, 2007). Эта формулировка была одобрена в Далькрайоне и стала доминирующей в деятельности музеев всего региона.

Последовавший вскоре Первый Всероссийский музейный съезд, решения которого стали обязательными для всех музеев, призвал преодолеть «реакционное рутинерство, уйти от музеев-кунсткамер, поставить музеи на службу социалистическому строительству, превратить их в инструмент культурной революции» (Рубан, 2020). Уже в 1931 г. началась полная реэкспозиция Владивостокского музея. Вся работа была подчинена задачам открытия новых отделов и учета фондовых материалов в духе требований и решений Первого Всероссийского музейного съезда. Это вело к ликвидации целых отделов: археологии, этнографии, геологии и палеонтологии, ботаники. Кроме того, в связи с ликвидацией Государственного музейного фонда получила развитие практика передачи части коллекций центральных музеев местным музеям, относимым к «третьей категории» (Рубан, 2007, 2020). Очевидно, что во Владивостоке было принято решение отправить на Чукотку чукотские же коллекции, малоизученные, малоописанные и содержавшие повторяющиеся предметы (дубликаты).

ПОСТУПЛЕНИЯ И.П. ЛАВРОВА

С начальным этапом формирования музейной коллекции в административном центре Чукотского автономного (тогда – национального) округа связана работа на Чукотке Игоря Петровича Лаврова (1906–2003). Его деятельность на Чукотке рассмотрена ранее сотрудником Государственного музея истории религии Т.И. Щербаковой, которая описывала коллекции, переданные И.П. Лавровым в Центральный антирелигиозный музей (ЦАМ) в Москве (Щербакова, 2011). После закрытия ЦАМ в 1946 г. они были направлены в ленинградский Музей истории религии АН СССР.

Оказавшись на Чукотке в период активной борьбы с шаманством и религиозными традициями коренных народов, И.П. Лавров стал свидетелем уничтожения предметов традиционной культуры чукчей и эскимосов. Понимая значимость этих материалов, он спасал, что мог, и таким образом собрал коллекцию, в которую вошли вещи, конфискованные у шаманов и спасенные от сожжения, а также подаренные ему жителями приморских поселков и собранные им самим на заброшенных стойбищах и захоронени-

ях. Большую часть коллекции он передал в Центральный антирелигиозный музей. Другая часть коллекции была подарена бывшему Музею игрушки в подмосковном г. Загорске (ныне Сергиев-Посад – см. Щербакова, 2011).

Часть личного собрания И.П. Лаврова осталась в Анадыре, где в то время уже собирались коллекции для Чукотского окружного музея. В его помещении – небольшом и плохо оборудованном деревянном домике, было невозможно обеспечить необходимые условия хранения музейных экспонатов, поэтому немало уникальных предметов было утрачено. Многие вещи сгорели при пожаре в подсобном музейном помещении. Пропали и материалы, документирующие прием коллекций, так что сегодня мы не можем восстановить даже примерный список того, что было сдано И.П. Лавровым в 1940 г. К сожалению, описи не сохранились и в его личном архиве.

Достоверна принадлежность к коллекции И.П. Лаврова музейного предмета «"Самолет"» шамана» (фото 4; ЧОКМ-1110, ПР-50 – здесь и далее указан шифр музейного предмета, состоящий из номера по КП и номера научного инвентаря). Модель аэроплана изготовил шаман Анкаугье из пос. Нутэпынмын; она была конфискована у него в 1934 г. По свидетельству очевидцев, «шаман Анкаугье весьма искусно сделал модель самолета и при камлании вечером устанавливал его наверху яранги. Во время сеанса он призывал американские самолеты и включал пропеллер модели – раздавался сильный шум от вертящегося пропеллера. "Летит самолет, скоро будут бросать бомбы", – кричал шаман. В это время раздавался громкий выстрел из обреза дро-

Фото 4. «"Самолет" шамана». Модель аэроплана изготовлена шаманом Анкаугье из урочища Нутэпынмын и конфискована у него в 1934 г. (ЧОКМ-1110, ПР-50)

Фото 5. Подвеска. Украшение к шаманской одежде. XIX – середина XX в. Кожа, ткань, ручная работа. 10,5 × 68 (ЧОКМ-1875, Э-397)

изделия погнили, среди них кухлянка шамана, приобретенная музеем где-то в конце 30 – начале 40-х гг. из Чукотского района. Кухлянка за негодностью сожжена, а украшение (на спине) к ней сохранено (ЧОКМ-1875, Э-397 – фото 5).

ПОСЛЕДУЮЩИЕ ПОСТУПЛЕНИЯ: 1960–1970-е гг.

Пополнения в 1950-х гг. в коллекции незначительны, поскольку область научных интересов тогдашних руководителей музея больше распространялась на археологию, а целью их был сбор информации для дальнейшего научного и административного «роста». Наиболее интересна в эти годы находка деревянных фигурок китов и птиц в районе бывшего пос. Сешан в ритуальном тайнике из камней и черепов медведей и моржей¹ (фото 6). По мнению автора сбора Р.Я. Журова, эти амулеты играли значительную роль в проведении китового праздника и были представителями душ убитых животных (Журов, 1962).

В начале 1960-х гг., с приходом в музей искусствоведа Ю.А. Широкова, замечательного краеведа с самым широким кругом интересов, измени-

бового ружья, вмонтированного в самолет. Все падали, ожидая смерти. Смерть не наступала. Анкауге торжествовал и говорил, что все здесь присутствующие остались в живых потому, что не пошли за русскими и Советской властью» (Гарусов, 1981: 125).

Можно уверенно утверждать, что частью «лавровской коллекции» являются еще два предмета:

торбаса мужские. «Предмет приобретен в Чукотском районе в 1931–1940 гг.» (ЧОКМ-1485, Э-144; здесь и далее курсивом выделены выдержки из музейной описи предмета);

подвеска. Украшение к шаманской одежде. При переезде из старого музейного здания (ул. Советская, д. 28) в новое здание (ул. Отке, д. 19а) в 1969 г. в сарае старого музея хранилась часть фондов, почти все экспонаты были попорчены (меховые

ласть в лучшую сторону и судьба этнографической коллекции. Им самим собрано и сдано в фонд «Этнография» 35 ед. хранения. Главное же заключалось в том, что поступления этих лет уже не были анонимными. Акты приема тех лет до нас, к сожалению, не дошли, но в КП указаны имена сдатчиков, места бытования предметов и даты их создания. Понятно, что большинство поступлений – полевые сборы или покупки, но они сделаны у конкретных людей, таких как Анна Григорьевна Аканга (две связки семейных амулетов – *тайн'ыквыт'* (фото 7), чукотский колчан, пяточное приспособление и сиденье для выделки шкур)², науканская эскимоска Кысак и ее внуки Ирина и Спартак Теплилек³, жительница с. Ай-он Тынены (малахай – *ы'тт'ык'эли* из собачьего меха и *вэчеквын* – меховой наушник)⁴ Раиса Неан (снеговывивалка – *тивичгын*, макы – подгузник из дымленины)⁵, Егор Кириллович Дельянский (седло эвенское, накидка на седло)⁶ и многие-многие другие жители Чукотки.

Про одного сдатчика, Анну Ивановну Уяганскую (шапочка обрядовая с кистями. XIX – середина XX в. – фото 8) сказано буквально следующее. «А.И. Уяганская родилась 9 мая 1942 г. в с. Еропол Марковского

Фото 6. Ритуальная фигурка кита. Дерево, ручная работа, резьба. 39,1 × 6, 6 × 5,8 (ЧОКМ-1511/3, Э-196)

Фото 7. Связка семейных амулетов. Тайн'ыквыт-амулеты деревянные в виде человеческих фигурок, в связках. Дерево, кожа, камень, ручная работа. 63 × 18 × 18. Амулеты из веток ольхи в виде человеческих фигурок, связанных между собой жилами оленя, разных размеров (ЧОКМ-2870/1)

²ЧОКМ-2870/1, Э-484; ЧОКМ-2879, Э-485; ЧОКМ-2862, Э-493; ЧОКМ-2874, Э-501; ЧОКМ-2872, Э-499.

³ЧОКМ-1522/3, Э-213.

⁴ЧОКМ-2887, Э-516; ЧОКМ-2888, Э-517.

⁵ЧОКМ-1457, Э-116; ЧОКМ-1458, Э-117.

⁶ЧОКМ-1434, Э-94; ЧОКМ-1435, Э-95.

района Магаданской области. Отец был репрессирован. В роду по ма-теринской линии был шаман. Ритуальная шапочка передавалась из поколения в поколение. В 1974 г. Анна Ивановна находилась в командировке в г. Анадыре и сдала ритуальный головной убор, потому что беспокоилась за его сохранность, переживала, что его заберут и сожгут».

С начала 1970-х г. экспонаты стали приобретаться на выставках (например, на Выставке народного творчества в окружном Доме народного творчества 1972 г., Выставке народных промыслов на конференции учи-

Фото 8. Шаманская обрядовая шапочка. Дар А.И. Уяганской (ЧОКМ-1879, Э-401)

телей округа 1973 г. и др.)⁷ Во все последующие годы общей практикой стало приобретение предметов этнографии и декоративно-прикладного искусства на региональных выставках, организуемых до середины 1990-х гг. окружным Домом народного творчества, позднее – самим Музейным Центром «Наследие Чукотки».

Особое место в ряду музейных работников Чукотки занимала Раиса Михайловна Рагтытваль (1939–1988, фото 9). Она 12 лет проработала в Чукотском окружном краеведческом музее. Через ее руки прошли более 800 предметов, среди них 137 ед. хранения, собранных непосредственно ею для пополнения этнографической коллекции. Кроме этого, результатом ее деятельности были еще мемориальные собрания, коллекции чучел и множество других интереснейших коллекций и экспонатов, а также большая работа по составлению научных паспортов и дополнительной атрибуции ранее принятых музейных предметов.

Занимаясь, прежде всего, исследованиями материальной и духовной культуры чукчей Беринговского района – мест, где она родилась и выросла, Р.М. Рагтытваль часто ездила в командировки и собрала уникальные этнографические коллекции о жизни и быте оленеводов и охотников сел Алькатваам, Мэйныпильгино и Туманской тундры. Здесь ее хорошо знали и доверяли ей. Благодаря этому, музей пополнился весьма редкими и очень интересными экспонатами, в числе которых полный комплект защитного во-

Фото 9. Артисты ансамбля «Эргырон» и старший научный сотрудник музея Р.М. Рагтытваль (крайняя справа) на слете оленеводов 1 февраля 1972 г., Анадырь. Фото М.П. Гермашова (ЧОКМ-2755/885, Ф-1912)

оружия (доспехов) чукотского воина XVIII в. состоящий из следующих элементов:

панцирь чукотский из железных пластин. (с.) Мейныпильгино (фото 10). По семейному преданию данный панцирь был завоеван в XVII в. беринговскими чукчами у коряков во время войны за пастбищные угодья. Хранился как святая реликвия и передавался по наследству в семье командира чукотского отряда Кунлелю. Панцирь передан в музей в мае 1973 г. потомком Кунлелю Семеном Рынвартау (ЧОКМ-1625, Э-317);

колчан чукотский. Колчан передан музею Семеном Рынвартау. Хранился в семье как святая реликвия предков (ЧОКМ-1626, Э-318);

железные клинья для шлема. Части от шлема хранились в семье Семена Рынвартау. От времени шлем развалился, клинья поржавели (ЧОКМ-1627, Э-319);

шлем железный. XVII–XIX в., с. Алькатваам (ЧОКМ-1711, Э-389);

колчан со стрелой с железным наконечником. XVIII–XIX (?) в. Беринговский р-н, с. Мейныпильгино. Колчан со стрелой приобретен 24 мая 1977 г. (во время командировки сотрудника музея Р.М. Рагтытваль) у пенсионерки Анны Григорьевны Аканны (Ан'к'ан'ны). Предмет принадлежал чукотской семье ее мужа Юрия Павловича Эвн'ито (Ивнето – ЧОКМ-2862, Э-493);

шлем из железных пластин – пылвынтык'але. XVIII–XIX в. Беринговский р-н, с. Мейныпильгино. Предмет из семьи Ю.П. Эвн'ито, кото-

⁷ЧОКМ-1441, Э-101; ЧОКМ-1325, Э-22; ЧОКМ-1448, Э-107; ЧОКМ-2031, Э-428.

Фото 10. Панцирь чукотский из железных пластин. Предмет боевого снаряжения XVIII в. Железо, кожа, дерево, ручная работа, ковка. 124,5 × 49 (ЧОКМ-1625, Э-317)

рый в середине 1960-х гг. передал предметы (колчан, кольчуга, два шлема) в школьный музейный уголок начальной школы с. Мейныпильгино. Колчан из школьного уголка исчез в 1976 г., остальные предметы оказались в сельском Совете, откуда они и взяты с согласия А.Г. Анканны (фото 12), ЧОКМ-2863, Э-494);

железный шлем с медным ободком (верхняя часть) – пылвынтыкъале. Предмет приобретен во время командировки Р.М. Рагтытваль в мае 1977 г. у жительницы с. Мейныпильгино Анны Григорьевны Анканны. Предмет принадлежал семье ее мужа Юрия Павловича Эвныто (1917–1967), бывшего секретаря Мейныпильгинского с/с (1948–1950 гг.). Семья Ю.П. Эвныто принадлежала к оленным чукчам (отец Какамэ, мать – Ыттъынэ) (ЧОКМ-2864, Э-495);

фрагмент металлического панциря – мыргэвытбул. Предмет приобретен у жительницы с. Мейныпильгино Беринговского района Анны Григорьевны Анканны во время командировки Р.М. Рагтытваль в мае 1977 г. (ЧОКМ-2865, Э-496).

И хотя известный исследователь военного дела чукчей А.К. Нефедкин не считает такие панцири «редкими» музейными экспонатами (Не-

Фото 11. Колчан со стрелой с железным наконечником. XVIII–XIX в. село Мейныпильгино. Кожа оленя, камус, мандарка, вышивка, продержка. 81 × 17 (ЧОКМ-2862, Э-493)

федкин, 2017: 82), можно уверенно говорить, что практически ни один российский дальневосточный музей не располагает столь древними предметами с сохранившейся в семейной устной традиции историей происхождения и бытования.

Справедливым будет отметить, что интересы Р.М. Рагтытваль не ограничивались территорией Беринговского района. Она объездила всю Чукотку, благодаря чему музейная коллекция пополнилась предметами этнографии, привезенными ею из Снежного, Омолона, Сиреников.

СОВРЕМЕННЫЕ ПОПОЛНЕНИЯ

В 1980-е, 1990-е и 2000-е гг. фонд «Этнография» пополнялся не менее интересными предметами и целыми коллекциями. Однако эти пополнения вряд ли можно назвать систематичными. Среди наиболее ценных поступлений:

охранительное украшение для детской кибитки (фото 13). 1920–1930-е гг. Охранительные украшения принадлежали семье оленевода-чукчи Николая Качагыргина (р. Нынчеквээм, бригада № 8, бывший совхоз XXII партсъезда), который приобрел их у эвенов за группу оленей в 1920–1930-х гг. Ринтувыи Валентине Ивановне украшения перешли по наслед-

Фото 13. Эвенское охранительное украшение с бахромой для детской кибитки. Дымленина, мандарка, подшейный волос оленя, мех, нитки (черные), вышивка, продержка. 102,5 × 2 (МЦНЧ-8678/2, Э-722)

Фото 12. Шлем из железных пластин – пылвынтыкъале. XVIII–XIX в. Металл, кожа, ручная работа. 34×27 (ЧОКМ-2863, Э-494)

ству и хранились без использования. Охранительные украшения служили защитой для детей от болезней и злых духов (МЦНЧ-8678/1, Э-721; МЦНЧ-8678/2, Э-722).

Положительную роль сыграли процессы сверки наличия коллекций с учетно-хранительской документацией, в результате которых в коллекцию включались предметы «из старых фондов». Коллекция этнографии пополнилась следующими экспонатами:

лодка. Байдара. XX в. На правой стороне модели байдары помещена полоска бумаги длиной 2 см с надписью «№ 38 этногр.» В ходе сверки предметов этнографии были выявлены предметы, не имеющие номеров. На заседании ЭФЗК (30 апрель 2009 г.) было принято решение о включении этих предметов в фонды ГУ МЦНЧ (МЦНЧ-9166, Э-740);

сосуд. XX в. Сосуд использовался в быту у женщин, занимавшихся обработкой шкур животных. В сосуд помещался натуральный раствор для окрашивания шкуры животного (МЦНЧ-9167, Э-741);

блюдо. XX в. Блюдо использовалось для резки мяса или другой пищи и в качестве подноса (МЦНЧ-9168, Э-742);

табачная сумочка. XX в. (МЦНЧ-9169, Э-743);

модель нарты для собачьей упряжки (МЦНЧ-9170, Э-744; МЦНЧ-9171, Э-745).

Новой практикой стало сотрудничество музея с мастерицами-тундровичками, имеющее целью восполнить недостающие элементы целостной картины чукотской этнографии. Так, специально для музея Галиной Михайловной Нутенеут изготовлены комплекты одежды, традиционные для Канчаланской тундры (комбинезон – кэркэр, верхние штаны из камуса, торбаса, кукуль – спальный мешок из меха)⁸. Татьяна Ивановна Таеургина сделала для музея целую серию предметом чукотской одежды – детский зимний комбинезон, зимние мужские штаны, летние мужские торбаса, мужскую кухлянку и др. Ценность этих предметов подтверждена следующей атрибуцией: «Одежда покроена традиционным способом, сшита из оленьих шкур, выделанных и окрашенных традиционным способом. Одежда оторочена мехом росомахи, собаки, лахтака»⁹.

Этнографическая коллекция Музейного Центра «Наследие Чукотки» не останавливается в своем развитии. Каждая выставка, каждое обращение к старым учетным документам – повод для дополнительного изучения, до-

полнительной атрибуции уже давно живущих в музее предметов. В музей приходят молодые специалисты-хранители, которые полны желания беречь вверенные им сокровища и гордиться ими. Поэтому у всех этих старых вещей впереди долгая и очень интересная жизнь.

Литература

Гарусов И.С. Социалистическое переустройство сельского и промышленного хозяйства Чукотки (1917–1952 гг.). – Магадан, 1981. – 125 с.

Журов Р.Я. Косторезное искусство должно развиваться // Советская Чукотка. – 1961. – 22 сент.

Журов Р.Я. Декоративное или прикладное // Там же. – 1962а. – 15 марта.

Журов Р.Я. Древние скульптурные изображения китов // Записки Чукотского краеведческого музея. – Магадан, 1962б. – Вып. 3. – С. 21–24.

Нефедкин А.К. Военная культура чукчей (середина XVII – середина XX в.). – СПб.: Лема, 2017. – 451 с.

Общество изучения Амурского края (Электрон. ресурс): Википедия. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Общество_изучения_Амурского_края (дата обращения 27.02.2020).

Отряд самолетов т. Каманина в Анадыре // Советская Чукотка. – 1934. – 1 апр.

Рубан Н.И. Музеология. История музейного дела. Музейное дело на Дальнем Востоке России. Основные направления и формы музейной деятельности: учеб. пособие. – Хабаровск, 2007. – 320 с.

Рубан Н.И. Первый Всероссийский музейный съезд, его влияние на развитие дальневосточных музеев (Электрон. ресурс). – URL: http://museumstudy.ru/wp-content/uploads/2015/12/ruban_1_s_ezd.pdf (дата обращения 27.02.2020).

Тархова В.Н., Тархов В.С. Каталог коллекции фауны Чукотского национального округа в Чукотском краеведческом музее // Записки Чукотского краеведческого музея. – Магадан, 1962. – Вып. 3. – С. 27–29.

Труды Первого Всероссийского музейного съезда [Текст] / под ред. И.К. Луппола; Сектор науки НКП РСФСР. – М.; Л.: Наркомпрос РСФСР; Гос. уч.-педагог. изд-во, 1931. – Т. 2. – 164 с.

Широков Ю.А. К истории города Анадыря // Записки Чукотского краеведческого музея. – Магадан, 1968. – Вып. 5. – С. 14–26.

Щербакова Т.И. Последние шаманы Чукотки: Лидерство как долг // Лидерство в архаике: Условия и формы проявления. – СПб., 2011. – С. 171–182.

Этнографические коллекции по народам Крайнего Северо-Востока Азии в музее имени В.К. Арсеньева. – Владивосток: РИА Примурполиграфиздата, 1991. – С. 7–34.

⁸МЦНЧ-9415/1; МЦНЧ-9415/2; МЦНЧ-9415/3; МЦНЧ-9454.

⁹МЦНЧ-8685/1, Э-724; МЦНЧ-8685/2, Э-725; МЦНЧ-8878/1, Э-735; МЦНЧ-8878/2, Э-736.

ЧУКОТСКИЙ АРХИВ Н.Л. ГОНДАТТИ 1895–1897 гг. КАК ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Коломиец О.П., Расторгуева О.Б., Романова И.И.

В фондах Музейного Центра «Наследие Чукотки» имеются интересные исторические материалы – дневниковые записи второго начальника Анадырской округи Николая Львовича Гондатти (1860–1946) и фрагменты его переписки с марковским учителем Афанасием Ермиловичем Дьячковым (1840–1907). Уникальность этих документов состоит, прежде всего, в том, что они написаны живым, неканцелярским языком. Дневники вел человек, который волею судьбы попал на Чукотку в должности чиновника-администратора, но часто писал о бытовых мелочах, повседневных делах, тревогах, переживаниях. В записях нашлось место и наблюдениям натуралиста, и замечаниям этнографа. В настоящей работе мы охарактеризуем эти источники и представим небольшую часть чукотских дневниковых записей Н.Л. Гондатти, которые ждут более серьезного изучения.

История поступления документов

В 1992 г. в Чукотский окружной краеведческий музей поступило предложение от историка Николая Александровича Жихарева о продаже части его личного архива – около 2 тыс. документов. Они включали не только авторские рукописи, но и, что самое ценное, оригиналы уникальных документов, которые были найдены или приобретены Жихаревым в ходе исследовательской работы при подготовке историко-документальных изданий.

Н.А. Жихарев (1912–1994) значительную часть своей жизни проработал комсомольским и партийным (КПСС) функционером. В 1953–1960 гг. он был вторым секретарем Магаданского областного комитета КПСС, т. е. фактически – секретарем «по идеологии». Это и определило его дальнейшие научные интересы в годы жизни в Магадане и после переезда в Москву, где он работал в МГУ заведующим кафедрой гуманитарных наук и деканом подготовительного факультета для иностранных граждан.

Первоначальная тематика работ Н.А. Жихарева – история становления Советской власти на Крайнем Северо-Востоке (Жихарев, 1961, 1969, 1984). Несмотря на крайнюю идеологизированность и прокоммунисти-

ческую тенденциозность – таков был стиль того времени, в основе работ Жихарева лежали кропотливые поиски и тщательное изучение архивных документов, переписка с родственниками и знакомыми людей, о которых он рассказывал. Именно поэтому его книги до сих пор можно считать вполне надежным источником исторической информации.

В архиве Жихарева особое место было отведено бумагам из архива Н.Л. Гондатти, попавшим в Россию довольно запутанным путем. Бумаги эти были приобретены, по слухам, на Харбинском рынке в мешках с макулатурой. Китаист Владимир Сергеевич Стариков, приобретший их и вывезший из Китая в Россию, писал: «Такой находкой я обязан И.Г. Гетманову, большому любителю книг и рукописей. В свое время по счастливой случайности ему удалось приобрести эти архивные материалы у одного из уличных торговцев старой бумагой в Харбине, когда весь обширный архив и библиотека Гондатти были проданы старьевщикам на вес, как макулатура. ... В числе сохраненных И.Г. Гетмановым и переданных мне материалов, помимо работ (А.Е.) Дьячкова, имеются еще и различные рукописные документы XVIII–XIX вв., относящиеся к Анадырскому краю, дневники, записные книжки и т. д. принадлежащие ряду лиц, работавших на Чукотке до начала этого века» (Стариков, 1961: 99).

Владимир Сергеевич Стариков (1919–1987), родом из оренбургской дворянской семьи, оказался в Харбине, в Китае в год своего рождения. После учебы на восточно-экономическом факультете Института ориентальных и коммерческих наук (затем – Институт Св. Владимира, г. Харбин) работал научным сотрудником в музее, затем на биостанциях. В 1945–1946 гг. – библиотекарь партийного кабинета Дома Красной Армии, с 1946 г. – сотрудник Торгпредства СССР в Китае. С 1955 по 1983 г. младший, затем старший научный сотрудник Музея антропологии и этнографии (МАЭ) – Института этнографии АН СССР в Ленинграде, доктор исторических наук.

Н.А. Жихарев считал, что В.С. Стариков был знаком с Н.Л. Гондатти и хорошо знал о его архиве еще до ухода из жизни Гондатти (Жихарев, 1992: 10). Это, на наш взгляд, немного диссонирует с историей о макулатуре на рынке. Тем не менее именно В.С. Старикову, а затем и самому Жихареву принадлежит заслуга возвращения Чукотке научных материалов ее замечательного гражданина – Афанасия Ермиловича Дьячкова (см. статью Е. Церковниковой) путем использования в публикациях его материалов из архива Н.Л. Гондатти. При этом в устных беседах с О.Б. Расторгуевой Н.А. Жихарев рассказывал, что в конце 1960-х – начале 1970-х гг. архив Гондатти стал объектом продажи, т. е. какая-то часть документов была прода-

на «некоему ленинградскому музею», часть – ему, Жихареву, еще одна часть приобретена историком Исаем Филипповичем Беленкиным, что, вероятно подтолкнуло последнего к подготовке небольшой заметки в газете «Правда» (Беленкин, 1971). Собственно, приобретенную у В.С. Старикова часть архива Н.Л. Гондатти Жихарев включил в состав коллекции, переданной Чукотскому окружному краеведческому музею.

Относительно судьбы архива Н.Л. Гондатти в Харбине есть еще одно свидетельство, принадлежащее Вере Ивановне Чернышевой, которая с 1943 г. работала начальником архивного отдела УМВД Хабаровского края (в то время архивная служба находилась в ведении этого ведомства) и в этом качестве для сбора архивных эмигрантских документов посетила Харбин в 1946 г.: «...Проходя по одной из улиц, мы набрали на букинистический магазин. Зашли. Магазин был маленький, принадлежал русскому эмигранту. ...Мы увидели среди выставленных книг отчеты Приамурского генерал-губернатора Н. Гондатти. На мой вопрос о том, откуда такие материалы и как их покупают, хозяин магазина ответил, что эти отчеты принес на комиссию сам Гондатти. А покупают их плохо...» (Чернышева и др., 1983).

Общая характеристика источников

Все имеющиеся в МЦНЧ документы представляют собой рукописные оригиналы записей Н.Л. Гондатти и А.Е. Дьячкова, написанные разборчивым почерком, черными чернилами в тетрадах в широкую линейку в мягких обложках (некоторые без обложки). Также есть записи, сделанные на двойных тетрадных листах. Все документы сохранились в хорошем состоянии. Листы пожелтели от времени, на некоторых из них выступила ржавчина от металлических скоб, скрепляющих тетрадь. Документы датируются 1895–1897 гг.

Сам дневник Н.Л. Гондатти за 1896–1897 гг. состоит из отдельных тетрадей, в которых автор пронумеровал листы в правом верхнем углу. Номера тетрадей и подписи к ним выполнены другим почерком; как считают сотрудники музея, вероятнее всего, Н.А. Жихаревым. В распоряжении МЦНЧ находятся тетради Гондатти под № 26, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34 и тетрадь с переписью населения поста Ново-Мариинский (современный г. Анадырь). Данные тетради начинаются с 287-го листа, заканчиваются 415-м листом. Тетрадь с переписью не пронумерована.

Мы не будем подробно касаться характеристики материалов А.Е. Дьячкова, хотя они представлены в МЦНЧ значительным массивом рукописных документов. Лишь отметим, что в фондах музея имеются несколько писем Дьячкова к Н.Л. Гондатти, датируемых 1896 г., в том числе «Особые вопросы

Афанасия Дьячкова к Николаю Львовичу Гондатти» (ЧОКМ 8140/51), письмо А. Дьячкова к Н.Л. Гондатти от 31 мая 1895 г. (ЧОКМ 8140/51), а также заметки Афанасия Дьячкова: «Семейно обыденная жизнь жителя с. Марково Анадырской округи. Чуванец Афанасий Дьячков», с. Марково 10 июня 1895 г., «Отрывочные рассказы из Марковской жизни» 26 мая 1896 г., «Краткие сведения, как лечат в Анадыре всякого рода болезни. Какие бывают. Приемы» и другие материалы (фото 1).

а

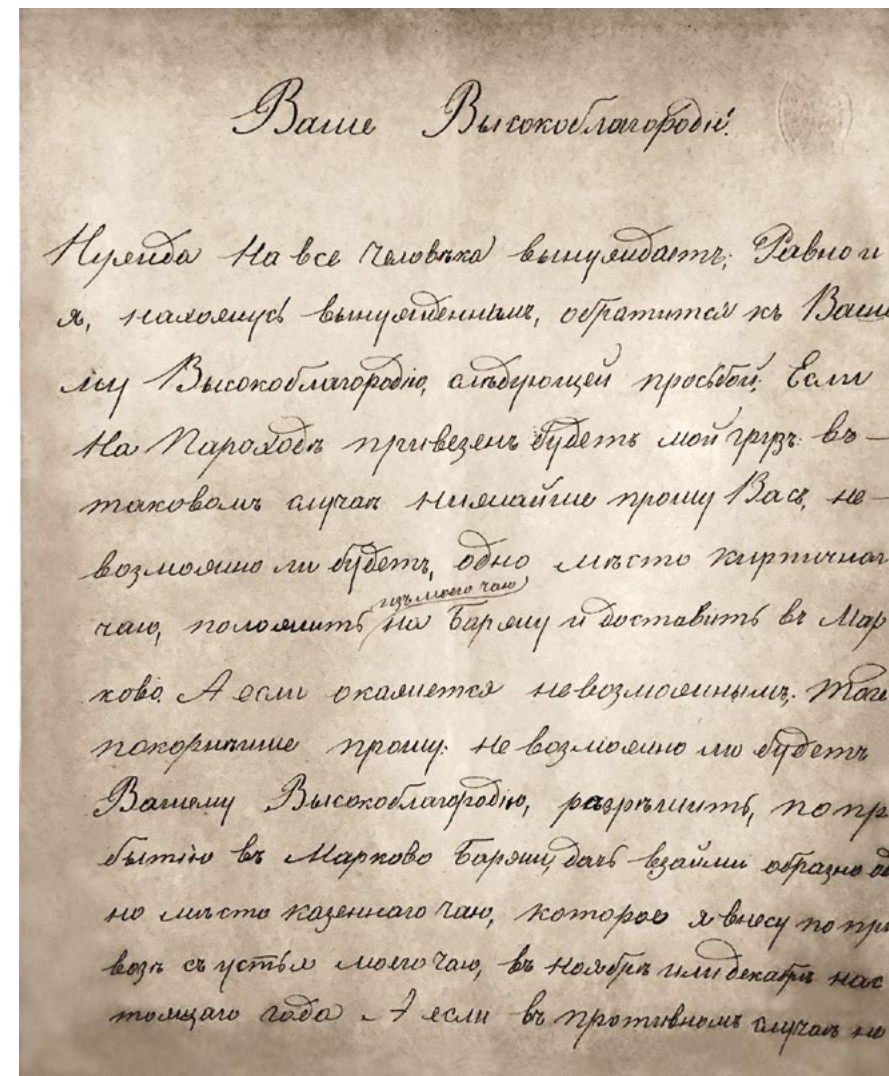
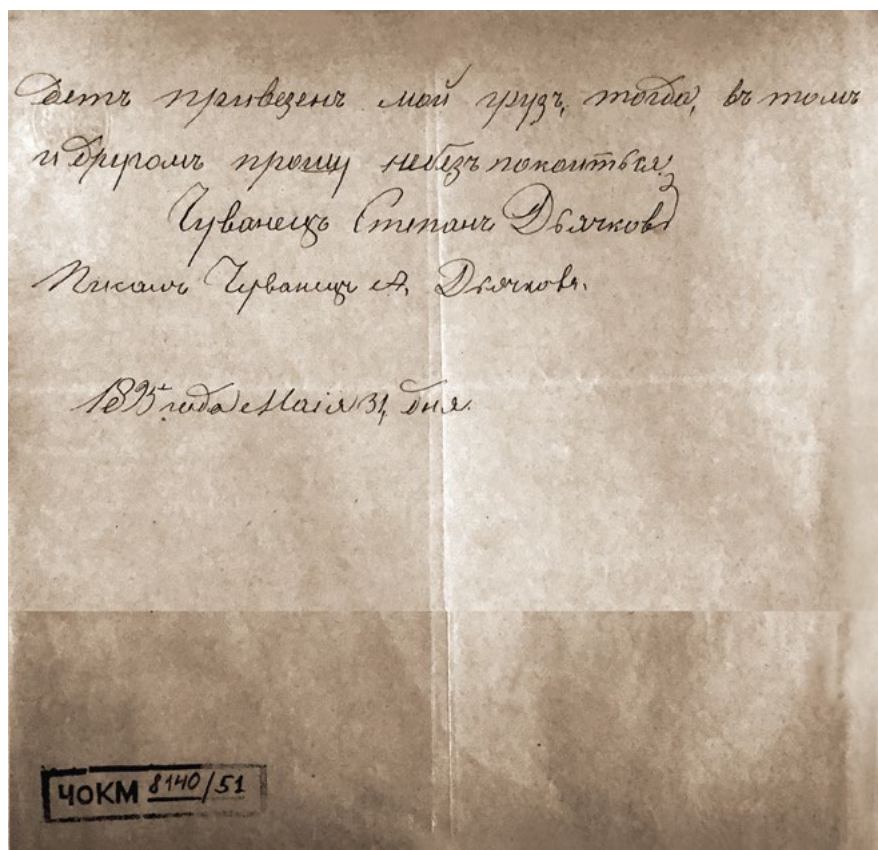

Фото 1. Начало (а) и конец (б) письма Афанасия Дьячкова Н.Л. Гондатти от 31 мая 1895 г. с просьбой доставить личный груз паромом в Марково (ЧОКМ-8140/51)

Дневники Н.Л. Гондатти, 1896–1897 гг.

Дневник состоит из ежедневных авторских записей за период с 7 мая 1896 г. по 18 октября 1897 г. (за исключением периода с 18 июня по 1 сентября 1896 г., так как этой тетради нет). Более ранние дневники в фондах МЦНЧ отсутствуют; не ясно, сохранились ли они вообще.

Записи в дневнике различаются по объему и содержанию: иногда автор делал только отметки о погоде, иногда фиксировал наиболее важные события, в некоторые дни записывал довольно объемные и информативные рассказы собеседников и свои собственные рассуждения на различные темы (фото 2)¹. Ниже приводятся избранные выписки из дневника 1896–1897 гг., сгруппированные по определенным темам.

¹ Гондатти записывал чукотские слова на слух, при отсутствии в то время принятой орфографии для чукотского языка. В связи с этим не всегда понятно, где он обозначал ударение, а где апостроф в слове. Поэтому авторы статьи везде передают эти знаки в тексте как апострофы.

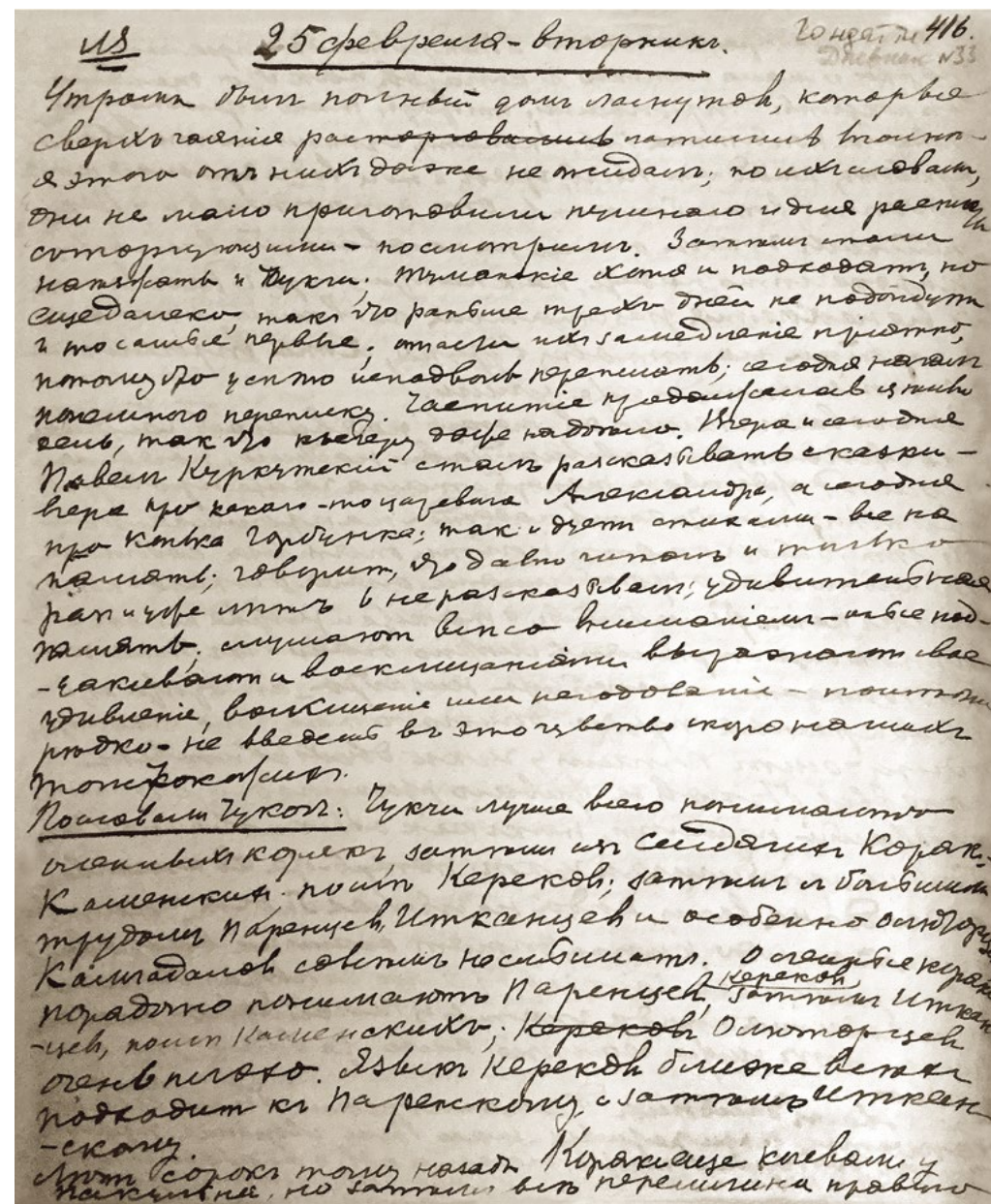

Фото 2. Лист из дневника Н.Л. Гондатти за 25 февраля 1897 г. с описанием приготовлений к ярмарке, рассказов чукчей о взаимоотношениях с коряками, ке-реками, камчадалами (Тетрадь № 33, ЧОКМ-8140/17)

Наблюдения за природой

Первая имеющаяся у нас дневниковая запись сделана Н.Л. Гондатти 7 мая 1896 г., она начинается с описания погоды:

«7 мая – вторник. Прекрасный день – сильно таяло; стали образовываться проталины, а также и те ямы, которыми обладает в изобилии моя столица. Везде положены лажки, а то пройти нельзя. Много пролетает гусей и лебедей...» [Т. 26: Л. 287].

Практически во всех тетрадях есть описания сезонных природных явлений и связанных с ними рутинных дел местных жителей. Например, Н.Л. зафиксировал вскрытие реки ото льда:

«17 мая. Оказывается, что вчера не только вода поднялась, но Марковка прошла. Давно так рано вода не трогалась – завтра собираются все выехать на Майн, причем все толкуют, что когда год хорош, тогда и река рано пройдет, чтобы ей так тронуться в прошлом году. Вода не особенно сильно прибывает – видимо, внизу напора нет. Тепло. Вчера около полуночи по куэлу² ходил медведь – собаки подняли страшный вой, а люди прозевали, и он прошел. Говорят, что этой весной, видимо, медведей будет много...

18 мая. Вода все прибывает и, видимо, идет верховая. В Марково кипит работа по уборке сора и очистки паперти у церкви, Занимаются также и разделкой рыбы. Строятся – вообще народ без дела не сидит.

19 мая. Тепло, но ветрено, вода сравнялась почти с берегами, льду стало нести гораздо меньше. Многие уехали на корбасьях и выехали к летникам рыбу ловить сетками и смотреть, чтобы летники не унесло; сегодня же поехали и на Майн за оленями – Матвей Верещагин, Иван Куркутский, Захар Коркин, Семен Дьячков.

20 мая. День теплый и тихий; такой хорошей и бездождевой весны давно уже не было. Вода прибывает и ... из Маркова все переселились сюда...

21 мая. День хороший, хотя и небольшой ветер; вода сильно прибывала, так что залила канаву – работают над стройками» [Т. 26: Лл. 292–293].

«... 25 сентября. Холодно, но ясно. На Марковке лед таков, что осторожно по нем переходят...» [Т. 29: Л. 362].

«6 октября – воскресенье. С утра и весь день с небольшими перерывами шел снег, так что к вечеру вся земля покрылась по 2–3 вершка снегом; все этому радуются...» [Т. 29: Л. 363 об.].

«22 октября... Сильный холод и не смотря на это пурга; стало светать лишь в 8 ч; а темнеть уже в 4 ½» [Т. 29: Л. 366] (фото 3).

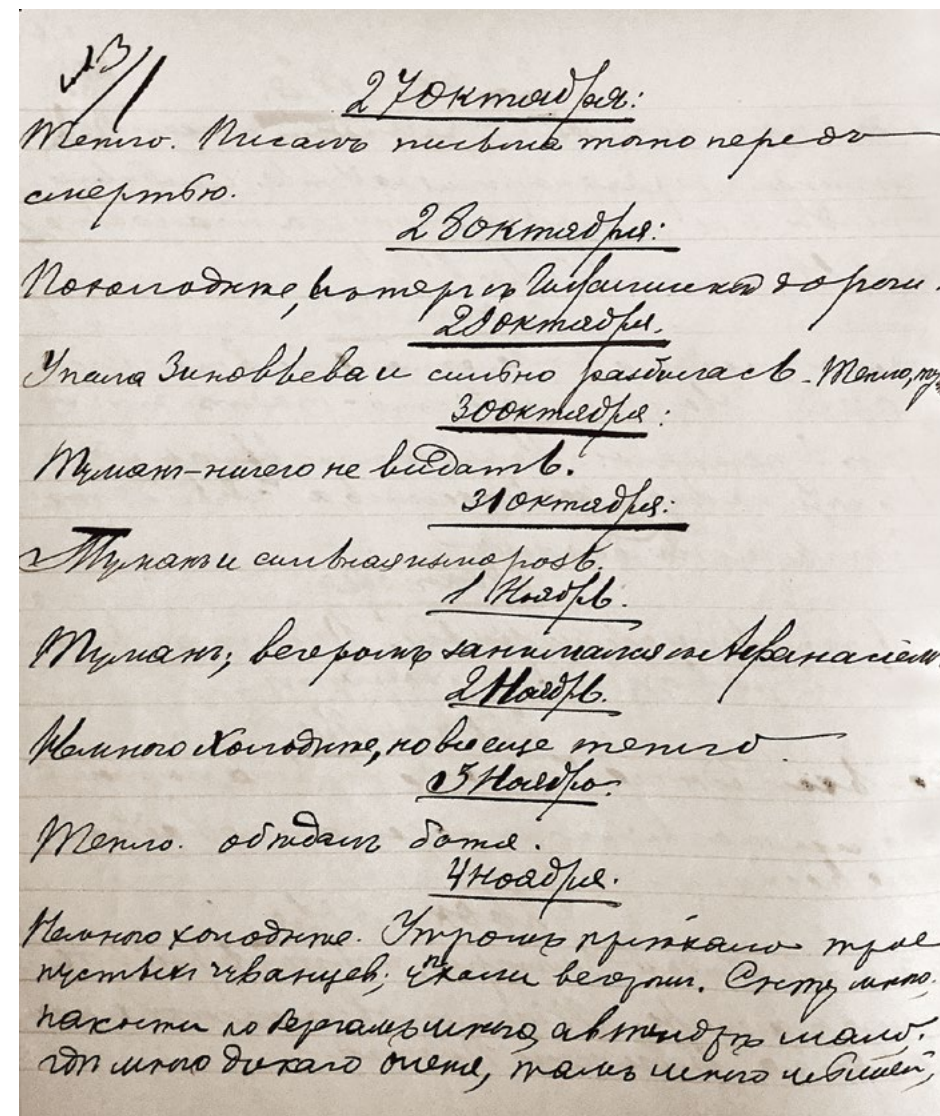

Фото 3. Лист из дневника Н.Л. Гондатти за 27 октября – 4 ноября 1896 г. с краткими записями о погоде, происшествиях и ежедневных делах (Тетрадь № 29, ЧОКМ-8140/13)

²Куэл – протока реки (по-чукотски кууль).

Весенний промысел

В дневнике имеются записи автора о промысловой культуре марковских жителей. Нередко и сам Н.Л. Гондатти становился участником охоты или рыбалки.

« 9 мая... Утро хорошее было, и гуси летали целый день – больше всего с 8 до 11 и с 5 до 8; иные и садились. Стрельба была отчаянная, можно было бы набить и полсотни, а всего убили четыре штуки. День был жаркий, но ветряный и поэтому приходилось сидеть в теплом ... 10 мая: стреляли тоже целый день – гусей пролетало еще больше вчерашнего – настоящий лет начался. День был жаркий и тихий. Решили вернуться назад – довольно, познакомился с характером охоты, теперь надобно еще съездить на Мамалину, да постараться попасть на Майн на весенний водный промысел тоже и тогда буду знать все здешние способы улова.

Сегодня утром старик Березин ездил смотреть места на Ивановскую и нашел уже под водой рыбу, добытую кем-то – налимов и щук, совершенно свежих, часть признает за свою Вещагин, а часть оказалась Андрея Никулина – улов ... благодаря тому, что корму много и не заборяли» [Т. 26: Лл. 288–289 об.].

Заметки во время поездок

Такого рода записей в тетрадах Л.Н. Гондатти достаточно много. Во время путешествий он описывал окрестности, особенности погоды, наиболее интересные эпизоды, общие впечатления от увиденного. Заметки изобилуют местными топонимами (фото 4). В качестве примера приведем описание обратного пути из рабочей поездки Гондатти по р. Анадырь.

«...1 сентября 1896 г. – воскресенье... В 6 ч. прошли мимо речки Конячевской; впадающей справа; вдали ее виднеются Конячевские горы (видные уже с Нижнего Улова); правее их (когда идешь снизу) и выше их виднеются удлиненные холмы, что представляет из себя левый берег Анадыря у впадения в него Майна. Река здесь очень извилиста. В 6 ½ перешли на правый берег и пошли бичевой; в 7 ч. прошли мимо «у Креста», прежде на левом берегу здесь на невысокой едомке³ стоял крест. Теперь его нет. В 7 ½ добрались до устья Майна; здесь все еще живут, хотя заняты и не все поварни (всего 5, а занято 3); покололи порядочно; олень перестал идти шестой день; быка и пыжика и здесь не было;

³Едома – возвышенность, окруженная речными долинами или озерными котловинами.

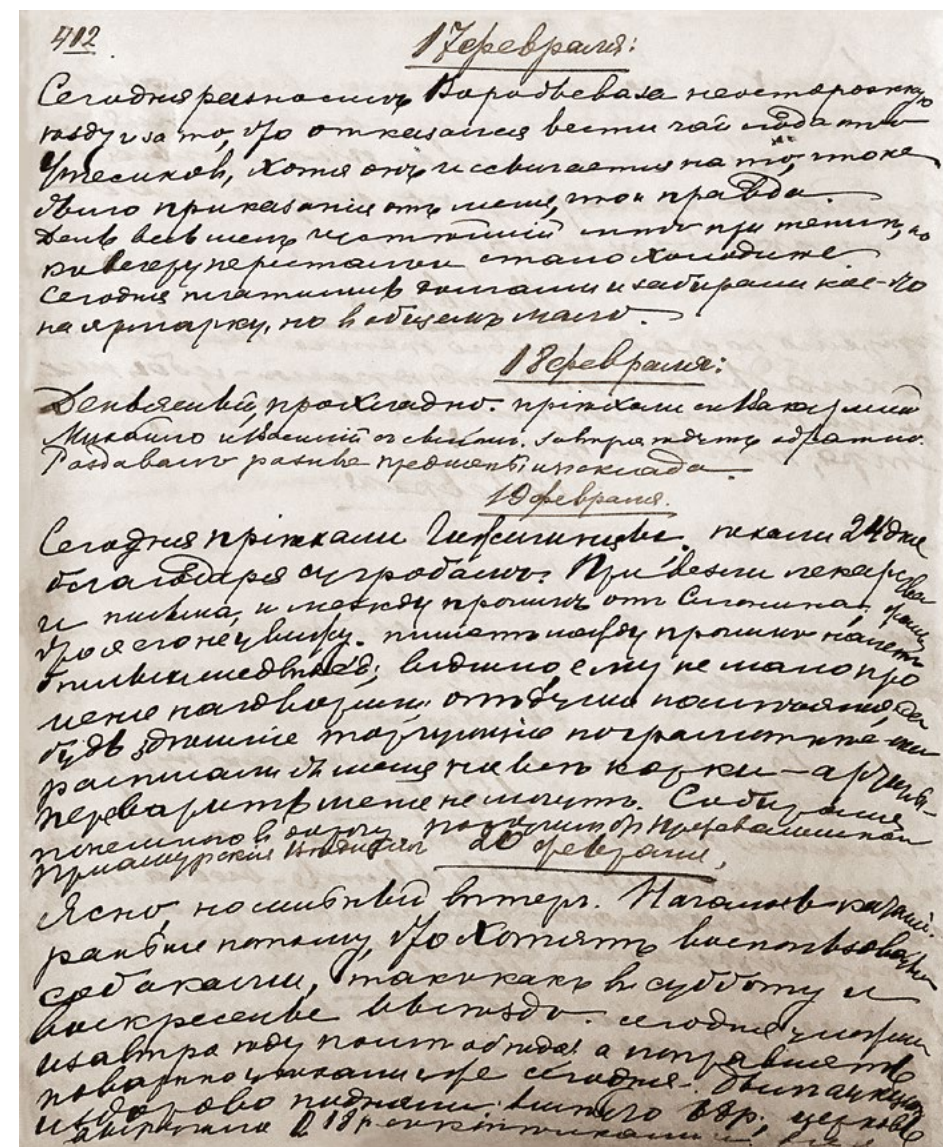

Фото 4. Лист из дневника Н.Л. Гондатти за 17–20 февраля 1897 г. с краткими записями о погоде и ежедневных делах (Тетрадь № 32, ЧОКМ-8140/16)

быки прошли в н/ч⁴; Косыгин пошел по Анадырю, а остальные после него по Майну, так как в нем сильно прибыла вода от дождей. Собираются сторожить пасти; мясо уже все убрали. Рыбы прошло

⁴н/ч – здесь и далее по тексту означает, что авторам не удалось прочитать слово или фразу в первоисточнике.

и идет еще много; комаров было мало, а мошка появилась раньше – в двадцатых июня и местами: в Маркове не была, а на иных летниках масса, так что пропало всего до 20 собак. Гусей было много, а лебедей совсем почти не видали...» [Т. 28: Лл. 346 об. – 347 об.].

Также значительное число географических названий Гондатти фиксировал из рассказов своих собеседников:

«16 декабря – понедельник. Мамонтовых рогов все больше находят по реке *Ку'нтакаль*, составляющей начало *Танюрэр*. *Ку'нтакаль* течет с вершин *Опа'нкэнмэам*; недалеко от этой вершины есть другая – *Аг'ранэма'ткэн*. Эти вершины находятся в горах *Оона'ветэ* = ветреные горы, и *О'мвоам* очень и очень редко; в *Пакарвуамги* по Белой иногда. От *Юру'мкын* что на *Вакарину*, что в Марково один и тот же путь...» [Т. 31: Л. 393 об.].

Поездка на Старую Крепость

«12 сентября. Сегодня ездил на вельботе с Ильей Монаковым, Львовым, Косыгиным и Поляковым осматривать летники и старую крепость; провожатым взял Афанасия Дьячкова. Выехал в 9 часов утра, а вернулся в 7 ч.; начало уже заметно темнеть; несмотря на то что вельбот сидел очень мелко, все-таки местами он царапал, и на быстринах шли на шестах. Благодаря быстринам шли очень медленно; по дороге заезжал во все летники; кое-где иные уже все покончили и даже убрали сухой корм, а другие приезжали только к вечеру, когда и неводят на круглый корм; другие же уплыли к Оселкину, где, как говорят, мало рыбы, что я отчасти и сам видел у Солдатовского-Сазыкинского летника, где рыба кишмя кишит страшно уж избитая – красно-багровыми полосами и пятнами; кое-где на ней, особенно у жабр и на жаб-рах, белые пятна – это от холоду; есть уже немало и мертвой.

По дороге туда заезжал на летники по порядку, старосты настаивали. Афанасия на левом, Иванова на том же, Борисова (старый) на правом, Беляева тоже, Прохора тоже, дальше на левом Утина и напротив него Сазыкина, куда и добрались в 1 ¼; здесь уже откочевали, только приходят на часы – неводить круглую (ходят через остров прямо с зимника – близко); рыбы мало; около – повыше много медведей...

От Сазыкина уплыли назад в 3 часа и в 4 ½ часа доплыли до места, откуда пошли пешком на место Старой Крепости; шли по старой совершенно протоке между низкими кустистыми (есть и порядочный топольник) берегами в течение 20 минут. Пришли

на берег почти сухой протоки, у которой левый берег, где стояла Крепость, обрывистый и его каждый год смывает; только в последние 3–4 года перестало, а правый – большая дресва⁵, оканчивающаяся берегом с топольником и тальником, прежде эта протока была очень узкая и под тем самым берегом, так что Крепость стояла ближе (верхнее устье этой протоки у Солдатовского зимника, а нижнее тут же близко; теперь-то путь занесло, а весной добрался-то хорошо), чем теперь; место крепости теперь по берегу длиной около 60 саженей и глубиной до кустов 25–30 саженей; все поросло густой до 1 ¼ аршин травой; в берегу и теперь в одном месте видны кости жителей; прежде их много смывало; находили и разные вещи, в том числе и каменные; между прочим, и теперь есть в Маркове два точила оттуда.

Одна старуха в Колымском крае, жившая прежде здесь, но потом, после уничтожения крепости, переселенная в Колыму, рассказывала, что прежде чем Крепость покинуть, много разного добра, особенно медной посуды, за невозможностью ее всю вывезти, зарыли на том берегу немного ниже в осиннике, какой существует и теперь...» [Т. 28: Лл. 355 об. – 357 об.].

Ярмарки

В 1860–1880-х гг. центр ярмарочной торговли с чукчами переместился с Анюя в с. Марково, значительно упало и число плательщиков ясака; возросла активность американских китобойных судов. В 90-х гг. XIX в. в целях сдерживания стихийного наплыва иностранных коммерсантов и китобоев, на Чукотке впервые учредили «Экономический капитал» и были созданы казенные склады в Ново-Мариинске, Усть-Белой и Маркове (Исаков, 1994: 19). Н.Л. Гондатти, как представитель российского правительства, немало сделал для упорядочения и контроля торговых отношений на Чукотке: запретил выезжать торговцам для торга поодиночке, назначал время и место торга, близкое к становищам чукчей, лично наблюдал за процессом торговли (Дубинина, 1997: 18). Гондатти писал, что «*носовые чукчи подходят к Маркову, главным образом, около 10–25 декабря, часто же идут прямо к Еропольскому поселку и подходят туда немного позже. Пришедшие к Маркову располагаются от него верстах 5–30, торгуя здесь недели две, иногда даже меньше, и проходят, частью к Еропольскому поселку, а частью, особенно дальние, возвращаются назад*» (Гондатти, 1897а: 174).

В своем дневнике Гондатти делал заметки о приготовлениях и проведении в декабре 1896 г. ярмарки у поселка Вакариной протоки:

⁵Терригенная псефитовая осадочная горная порода, образовавшаяся в результате механического разрушения горных пород, крупнообломочный несвязанный грунт, сформированный твердыми неокатанными частицами диаметром от 2 до 5 мм.

«1 декабря – воскресенье. День сравнительно теплый и тихий, наверное, пурга ждет ярмарки. Гижигинских что-то нет, давно бы пора им приехать.

2 декабря. Немного холоднее. Вечером приехали ламуты с Майна, ходившие за соболиным промыслом к морю – отсюда 10 дней до того места, где они были – хорошо.

4 декабря. Опять мороз; укладывался. Гижигинских, видимо, не дожدهмся.

5 декабря. Морозно, но тихо. Выехал в 2 часа, дорога прекрасная, только благодаря шедшему утром снегу и морозу – он был как песок и полозья не скользили; в Крепость приехали в 5 часов – ночь замечательная: теперь лучше ездить по ночам, чем выезжать рано утром – темно, да и собаки будут гораздо веселее по ночам таким, чем по утрам. ...

7 декабря. Холодно, тихо. Было немало чукок; переписал около полутора человека; осталось теперь немного; кое-кто внес ясак, но пока мало. Чай пили без конца. После обеда Петра отпустил за оленями – ему на свадьбу...» [Т. 29: Л. 369 об. – 371 об.].

«8 декабря... Приехали ламуты и сообщили, что снегу совсем нет – голая земля. Тихо, но холодно. -42°. Устроили ограду; думаю, что завтра в ночь приедут. Расспрашивал ламутов и чукок – устал даже писать, неловко очень...» [Т. 29: Л. 777].

«9 декабря. Потеплее вчерашнего, тихо, только морозно. Днем приехало много чукок на легких от Чикаево и от Пакульненских – есть и пушника, видимо, торг будет веселый; все радуются бегу и только сожалеют, что у многих олени устали. Переписал немало народу...» [Т. 30: Л. 380].

«10 декабря. Тихо, -27°; небо темнеет. С шести часов утра стали наезжать Марковцы – все у них хорошо, только Гижигинцев еще нет. Сегодня приехали на легких ближние Каураляне – славят, что настоящие Каураляне идут сильно пушные – лучше прошлогоднего; подошел Чопляк с Тэнэнли – все идет пока хорошо; переписывал и расспрашивал; все просят ружей за белых медведей, которых привезли немало. Все говорят, что снегу везде мало, но в общем в нижнем течении Анадыря больше, чем здесь, и по правому берегу больше, чем по левому. Все очень смиренны и тихи [Т. 30. Л. 382 об.]... Каураляне стали в первый год являться в Вакарину в прошлом году; в этом пришло их больше и, вероятно, станут ходить во множестве, в особенности если

снега будут глубокие или олени падать будут. ... Все расположились на берегу протоки, развели огни, и картина была довольно веселая; конечно, раньше у Вакариной ничего подобного не было» (фото 5).

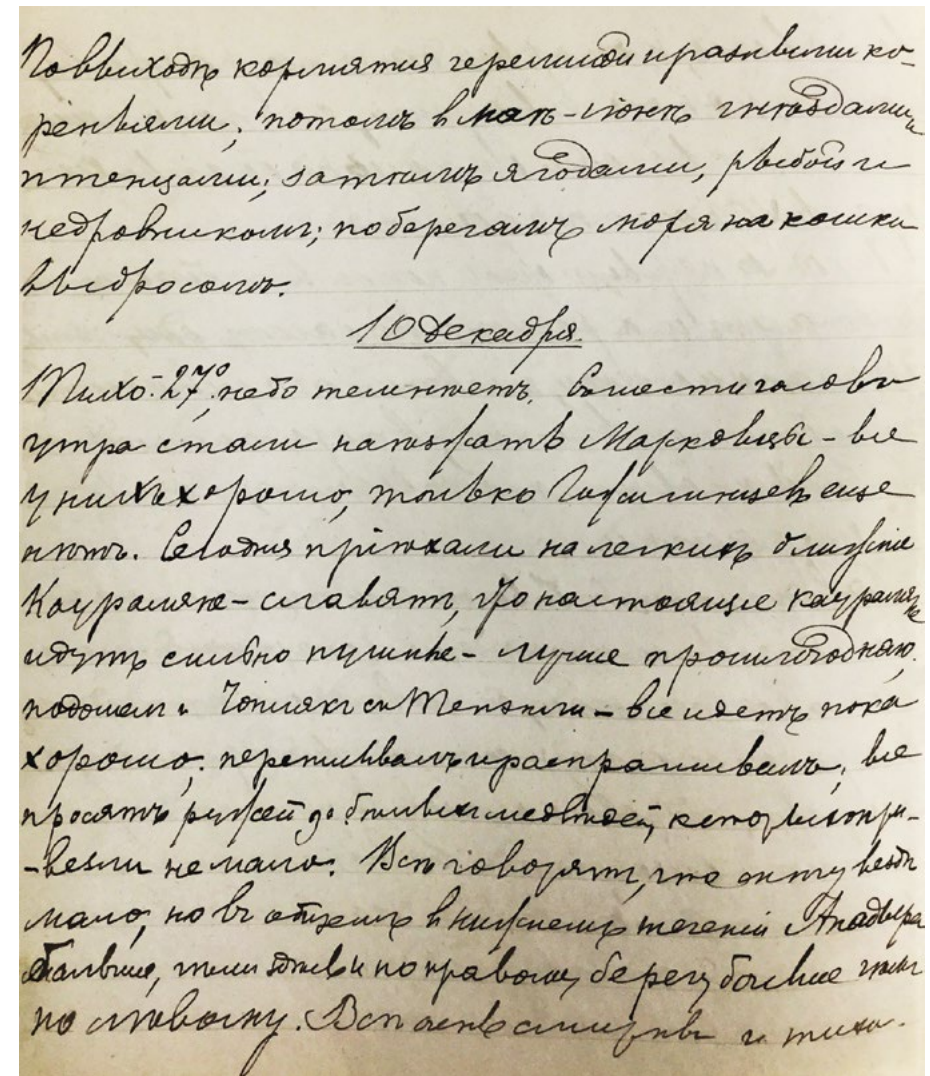

Фото 5. Лист из дневника Н.Л. Гондатти за 10 декабря 1896 г. о подготовке ярмарки у поселка Вакариной протоки (Тетрадь № 30, ЧОКМ-8140/13)

«11 декабря – среда, 1-й день ярмарки – около 450 зверей. Ночью поднялся сильнейший ветер, который к утру немного стих, но потом с часу опять усилился и стал поднимать так много снегу,

что ничего не было видно; понятно, такая погода помешала торгу, но все-таки и сегодня зверей 500–600 в обороте было и тоже все торговали; Брагинские котлы отбивают у других торгующих народ. Собрал кое-что и в ясак. Были, между прочим, такие сделки: Омрироль: 40 красн. лисиц и 40 белых песцов: получил 3 места чаю; 4 росомахи, 4 железных котла, 1 медный котел, 3 медных чайника, 1 фарфоровый чайник, 1 чашку; его жена: 55 белых песцов и 45 красных лисиц за 2 куля табаку, 2 медных котла, 4 железных котла, 4 медных чайника, 5 росомах, 2 пары чашек, корольки и бисер – фунта 2, огниво, кирпич. Один чукча: за хорошую бурю медвежину, 5 черных пыжиков, 14 выпоротков – 2 папуши (связки сухих табачных листьев. – О.К.), 6 кирпичей и головка сахару у Митрофана; другой у Степана за 8 песцов, 6 лисиц и 20 выпоротков – медный котел в 14 ф.; котел железный, 4 кирпича и 2 папушки. Омрироль говорит, что ему надобно бы и больше взять, да Николай Брагин старик и упрямей мужского пола нет – бог с ним. Благодаря ветру – глаза заболели. Много заманников (как зазывалы на рынках. – О.К.) и другие потеряли. Их друзья не выдержали и все продали.

12 декабря. Немного стихло, хотя все-таки метет; тепло. ... Сегодня торгу пушного не было и флаг не подымался.

13 декабря. Тихо, ясно – прекрасный день для бега, но ввиду того, что чукчи запоздали иные – просили бег отложить, и он состоится лишь завтра как для молодых, так и для старых, но только в разные запуски. Народу было немало, но торговались больше барахлом. Около полудня приехали ездившие на Устье и к Утесикам – доехали хорошо, только оттуда захватили сильные ... и ехали долго. В Посту все благополучно, только чукоч мало. ... Вечером было пение и пляска. Благодаря гармонии, купленной Петром Мильковым за 5 кирпичей и колокольчик; в Гижиге их покупают по 10–12 р.; а то по 2 собаки» [Т. 30: Лл. 385 об. – 386 об.].

«14 декабря. День теплый, но шел все время снег, что мешало бегам: прежде были бега молодых, среди которых затесались и старики, взяли приза Раытынкеа'у, Эпу'калэн, Атиыргын и Кукерин; затем бег – взяли два приза дети Ральинто; бег на оленях старых – взял первый приз наш Прокопий; затем борьба: Пана'нто, Эугнэто, Тэувиэкыу. Пушнины было немало, и сделки были таковы: (...) Ночью приехали Гижигинские – ехали так долго потому, что все дожди. Успели сегодня немного потрговать. Была масса чукоч; к сожалению, из-за погоды нельзя было снять фотографии.

15 декабря. День теплый, тихий – утром и днем уехали почти все Марковцы, из которых остались только те, которые ездили к чукчам. Чукчи приезжали целый день – больше гостить, чем торговать, хотя иные привозили все-таки разное барахло. Кое-что расспрашивал; переписывать не приходилось, но все-таки переписал больше восьмисот человек; пожалуй – десятая часть всех чукоч. Завтра поеду после обеда к Омриролю, ночую у него, утром вернусь, переночую здесь и поеду дальше, а то праздники приближаются – времени до них осталось мало и работы, чувствую, будет масса, особенно если Каураляне скоро придут» [Т. 30: Лл. 387–388].

«16 декабря – понедельник ... День тихий, но холодный, –41°. Утром приезжали чукчи, причем один запоздавший даже был с пушницей: поехал он от края ливня сюда сутки и, не найдя торгующих, хотел затем все же не ехать назад, да вернулся назад. Здесь он к их обоим удовольствию рас- торговали» [Т. 31: Л. 93 об.].

В конце февраля проходила еще одна ярмарка: «*Все торгующие и большинство жителей едут к Алчану для торговли с туманскими чукчами, летующими в верхнем течении реки Большой...*» (Гондатти, 1897б: 153). Гондатти описывал в дневнике приготовления к ярмарке и собственно торг:

«25 февраля – вторник. Утром был полный дом ламутов, которые сверх чаяния расплатились вполне – я этого от них даже не ожидал; по их словам, они немало приготовили пушного и для расплаты с торгующими – посмотрим. Затем стали наезжать и чукчи; туманские хотя и подходят, но еще далеко, так что раньше трех дней не подъедут и то самые первые; отчасти их замедление приятно, потому что успею исподволь переписать; сегодня начал понемного переписку. Чаепитие продолжалось целый день, так что к вечеру даже надоело. Вчера и сегодня Павел Куркутский стал рассказывать сказки – про Конька-Горбунка; так и дует стихами – все на память; говорит, что давно читал и только раз и уже лет 6 не рассказывает; удивительная память; слушают все со вниманием – и все поддакивают и восклицаниями выражают свое удивление, восхищение или негодование – *н/ч* редки – не введешь в это чувство скоро наших толстокожих...

Лёлёк говорит, что лет 50 тому назад у чукоч совсем не было ружей, а были только стрелы и копья, затем стали понемногу появляться гижигинские ружья, и были сперва от коряк, потом ламут и, наконец, русских; причем вначале все попадали старые, и они их меняли не дешевле 10–15 красных лисиц. Он же говорил, что этой осенью с него брали чукчи по 15 пыжиков за пупок (за штуку, за шкурку. – О.К.) – это те, которые летовали по ту сторону Вуэлькаль; Кэмлэ же с него взял за пупок, равно как и за лахтака, по ученому быку; это не дорого; марковцы добавили, что еще недавно они платили за пупок по н/ч, а теперь 4–5 кирпичей и то жалко (фото 6).

26 февраля – среда: Ле'рг'ыкай' – Бчанъ (по-ламутски) – левое предплечье. Первый день ярмарки. Тепло, солнечно, тихо. В 8 ч. утра уже съехались ламуты, а затем стали подъезжать и чукчи. В 9 ч. раздался выстрел, и все поехали на места, в 9 ½ второй, и тут начали, причем первое время торговали исключительно ламуты, которые действительно не только со всеми расплатились, но и много накупили, так что пушного от них было гораздо больше, чем на Ерополе, и вообще один сегодняшний день, по моему по первому впечатлению, равен всей Еропольской ярмарке, удивительно, сколько набрали ламуты пушного, и все у чукоч, так как своих, кроме соболей, медведей, нескольких красных, ничего не было. Немало привезли пушного и чукчи беломорские, так что сегодня все туманские остались довольные. Доволен и народ, так как было немало барахла. Хотя, конечно, есть и недовольные. Все мало, ничем не угодишь. Иные беломорские чукчи говорят, что у них отобрали (дружелюбно) пушнину другие чукчи – Кукерин, Чотляк и Омрирет, причем, конечно, дают мало, а теперь им зарно и хочется торговаться, а нечем, так что продают негодные (?) винчестеры 45 калибра и даже н/ч по 10 кирпичей, или 5 кирпичей + 10 папуш, или 5 кирпичей + н/ч и т. д.

День прошел весело. н/ч кое-кого н/ч и бывших у Вакариной; опять натрговали. Аотька желает получить хоть оленя от Лахтылэ, так как его зять Гокакв'ыльвулэнъ убил его родника; Лахтылэ дает кое-что другим родникам и ему самому близкому ничего н/ч в обиды. Туманские, по слухам, подходят. Все к лучшему. Пока по свободе успеют расторговаться ламуты и беломорские. Ламуты и то собираются завтра навстречу им, чтобы что-нибудь перехватить и еще купить порошу со свинцом – Константин старается.

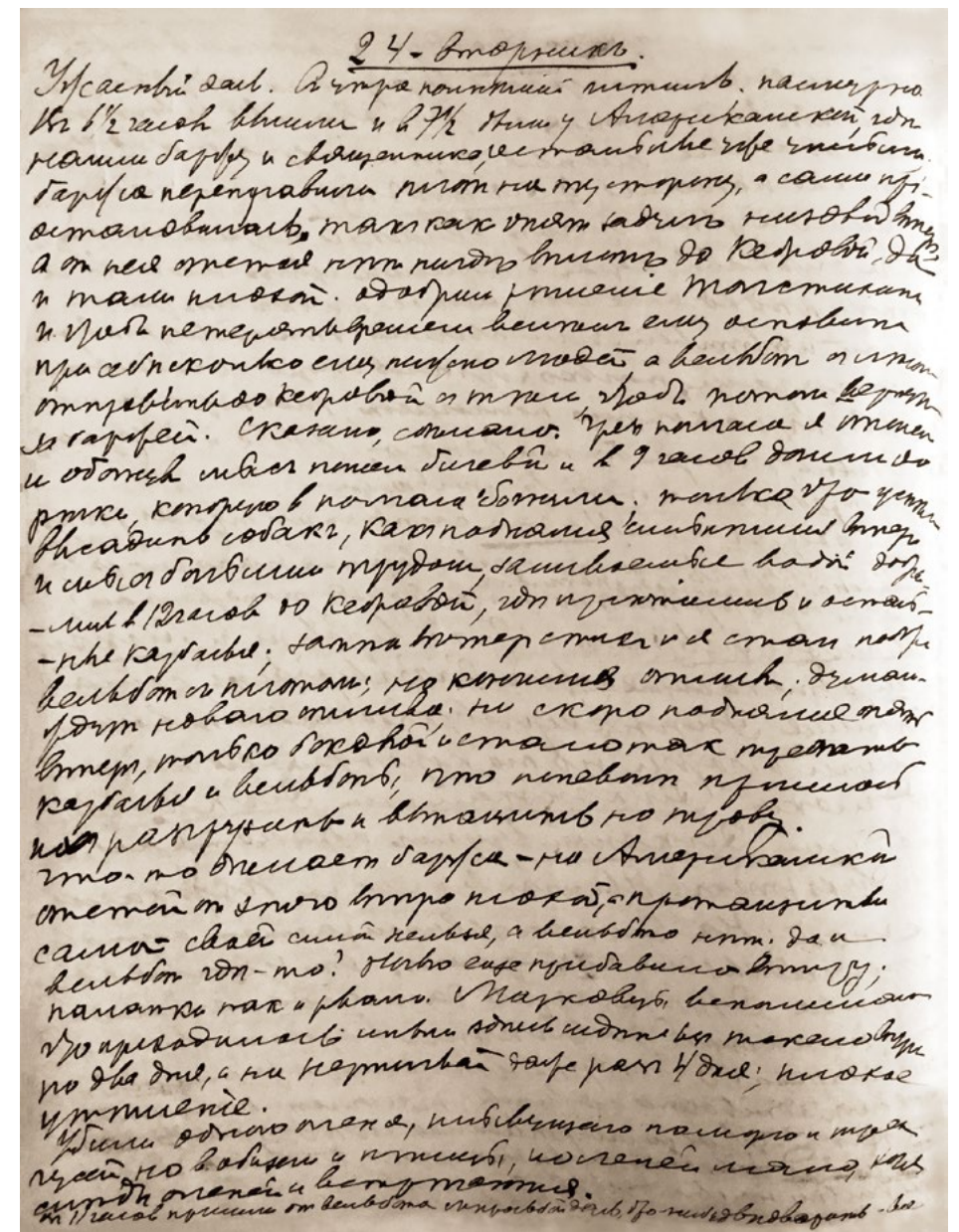

Фото 6. Лист из дневника Н.Л. Гондатти за 24 июня 1897 г. с описанием поездки на вельботах (Тетрадь № 34, ЧОКМ-8140/18)

По вечерам наш бивуак представляет довольно интересный вид – везде огни, смех, шум, говор н/ч, чему, конечно, сильно способствует теплая погода. Иптя чукчи, приехав позже, чем

его сторон), но и на руках с внешней стороны от плеча до локтя; так что при людях не раздевался – было зазорно.

Егор Березин рассказывал, что прежде народ был крепче, так, его отец бывало заколет медведя поколюгой и, чтобы он не утонул (медведь скоро тонет), тут же накинет на него удавку и тянет на берег, хотя тот еще барахтается; а то ночью застрелит и сейчас же за ним – не боится, не то как теперешние. Прежде чукчи сидели по Анадырю вразбивку по юрте – по две – по три вплоть до устья Майна и даже немного выше, но по Майну никогда не жили; эти чукчи были посредниками в торговых сношениях прежде между байдарщиками и Крепостью: обыкновенно байдарщики им все передавали для обмена или богатые брали их с собой: а без них и не смели, а то те обижались и даже убивали. При таком посредничестве они немало наживались; кроме того, хорошо продавали им и шкуры убитых диких оленей. Затем, когда, вследствие американской торговли, чукчи стали ходить на байдарках сюда меньше да и оленя стало меньше, то многие из этих сидящих чукок перешли к оленным; было это всего лет 40 тому назад; байдарщики, в общем, этих чукок сидящих боялись и даже как бы платили им дань за право въезда в реку, битья здесь диких оленей и торговли с Крепостью. Теперь дикого оленя, в общем, год от году идет здесь меньше, а прежде, даже лет 30 тому назад, столько кололи, что река кровью текла, а не водой. В нынешнем году ожидается много пакости; много мышей; будут есть, наверное наживу в пастях» [Т. 28: Лл. 347 об. – 349].

Погребальный обряд

Омрироль рассказал следующее про похороны (у него на днях умерла сестра жены): «Прежде чаще жгли покойников, чем теперь, – чище они были – раны реже встречались, и теперь еще жгут, но реже, и во всяком случае только чистых, иначе очаговый огонь разгневется и в юрте той все заболеют язвами и перемрут».

Во всяком случае способ (в частности, погребения) зависит от заговорщика (теперь только хороших нет), которого приглашают к только что умершему человеку, еще не одетому и лежащему, как обыкновенно, головой к выходу, ногами *н/ч*, и он гадает, поднимая за ремень голову, но обыкновенно гадал, когда уже оденут, но не свяжут еще ремнями, и задавал вопро-

сы, желает ли быть сожженным или брошенным и как: с рогами или без них, и сообразно ответам так и поступают. Умершего обмывают травой и водой, проводя только раз с головы и до пят, причем эту мочалку и чашку с водой после, когда выносят тело, ломают и бросают у дороги к месту погребения, потом кладут головой к жирнику и умершего одевают в пологу во все новое только и в одно верхнее – без нижних штанов или *н/ч* и чулок, причем кокуль и воротник делаются большими, чтобы его лицо закрыто было, чтобы не видно сверху; но в рукавицах; затем кладут две палки посередине тела: от подбородка, а иногда и с головы ~~одну вверх тела по животу, другую по спине~~ (зачеркнуто автором), плотно обвязывают всего, начиная с головы, ремнями, делая сбоку петли, чтобы удобнее тащить; затем закрывают дверь, приподнимают чум слева у двери (от полога) и протаскивают чрез образовавшееся отверстие и кладут на нарту, запряженную двумя оленями, причем все остальные идут пешком, выезжая тоже чрез дыру, возвращаются же все чрез двери, поддерживая тело, чтобы не свалилось; каюр идет тоже пешком; прежде чем двинуться, спрашивают, в какую сторону везти – для этого приподнимают за передки санку – куда легко, туда и везут, но все-таки подальше, чтобы олени туда не ходили, а то олений бог рассердится и олени начнут падать.

Дойдя до места, разгребают снег и кладут на спину, ногами на юг, но предварительно (тело лежит еще на санках) колют оленей, у которых лямки надеты справа; колют каждого сразу с обоих боков, и лишь только олени упадут, как лямки передевают на левую сторону и начинают сильно понукать оленей, чтобы они скорее довели покойного до места, затем снимают шкуру, надрезая ее по спине, тут же ее бросают; отбивают с *н/ч* шерстью рога, тоже бросая тут же, и затем срезают с костей мясо, которым после и обкладывают покойника, когда его вскроют; наконец, снявши покойника, кладут на разгребенное место, разрезают все ремни, расправляют всю одежду по длине и затем вскрывают так, что вырезают всю грудину (но она остается при теле), подрезают под ребрами и рассматривают внутренности, от чего умер, чтобы решить. Внутренности бросаются тут же. Затем обкладывают только мясом, срезанным с оленя, и все бросаются на резавшего и срывают у него на части бросаемую тут же кухлянку, которую он надевает обыкновенно. Рукавицы бросают и те, которые носи-

ли покойники, или самую старую, или из выпоротков; рукавицы (обыкновенные) бросаются тут же (у нарты ремни режутся – ножик со сломанным кончиком, которым резали труп, бросают тут же), и все идут той же дорогой домой, причем заговорщик идет последним и заговаривает путь, иначе умерший придет за живыми; возвращаясь, принимаются за разные дела в той же одежде. Если при гадании было сказано, чтобы хоронить без рогов, то поминок никогда никаких не делается, как будто умершего никогда и не было; если же с рогами, то обыкновенно дня через два-три после похорон (как скажут заговорщику) гонят к месту погребения стадо и тут убивают одного оленя.

Ежегодно около того же времени, когда человек умер (что обыкновенно происходит от способа кочевания: быть в известное время года в более или менее определенном месте), готовят дома мясо, солонку⁶, сало и несут на могилу, (убивают на могиле оленя и кладут с него рога, а мясо все съедают; также кладут рога с диких) (зачеркнуто автором). Голову покойника отмечают два камня – большой и около него поменьше и уходят, а если мясо и прочее остается, то увозят все участвующие себе по домам; когда же кладут и рога диких оленей, но с домашних оленей других, убиваемые на продажу или для обыденного употребления рога туда никогда не кладутся. Режет усопшего всегда один М или Ж – все равно, родня лишь бы жена, жена мужа и т. д. Рукавицы бросает кто резал и кто прикасался к покойнику, когда его несли.

Иногда режут не только грудину и подреберье + мясо съедают, а рога оставляют (единственное от домашних оленей, а то все от диких), и после этого можно уже и по вечерам работать, и огонь давать, и оленей убивать; если же без рогов, то ничего этого делать было нельзя; затем ребрами, но и отрезают голову и разрезают все туловище по всем суставам.

Если жгут, то складывают громадный костер из кедровника и лиственниц и, когда он начнет разгораться, то бросают кладут в него тело с санками на костре, разрезают ремни и одежду, предварительно проткнув живот, иначе лопнет; обыкновенно подрезают сухожилия рук и ног, иначе начинает на костре сильно дрягать (дергаться, извиваться. – О.К.). Прежде чем класть тело на огонь,

оленей, привезших тело, убивают, как при обыкновенном погребении и только суть она мало... складывают тут же, а не обкладывают тело. По выносе из юрты покойника, пока не положат рогов на могилу или (в случае когда не кладут, то как заговорщик) не работают по вечерам и затем, если олени умершего были с другими однолагерниками, то не только не продают оленей умершего, но и остальных, в течение более или менее продолжительного времени; так, Омрироль не будет бить до Туманской ярмарки; т. е. декабрь, январь и половина февраля. Нельзя также и давать что-нибудь из юрты в течение известного времени, как укажут заговорщики. Одежду, оставшуюся после умерших, и вещи раздают родственникам и родственницам; если успели сделать распоряжения, то согласно им. Которых жгут, обыкновенно не вскрывают, только, как сказано, живот протыкают и сухожилия подрезают, но одежду с ремнями разрезают на костре, как обыденно. После мертвого ту постель, на которой он умер, проветривают и покрывало; полог же и юрту не очищают.

С похорон возвращаются все через дверь. Не работают по вечерам, пока не положат рогов или (в случае их некладки) пока не скажут заговорщики, чтобы не пришить тело покойника, если бабы шьют; чтобы не срезать мясо, если мужики будут работать ножом или топором. Приметы при погребении: если тело долго не растаскивает пакость⁷ и птицы, то это плохо – еще кто-нибудь из дому умрет. Если при сжигании трупа все сгорит, а останется только задок санки, то вся юрта вымрет. Если останется зад человека целым, то хорошо – все будет плодиться: люди и олени; если жгут без санок (когда хоронят сидячие не оленные) и все сгорит, а останется череп, то еще умрут из той же юрты; если тело на костре не горит, а только потеет, так и остается, чуть-чуть обуглившись, лишь костер один горит, то скоро умрут из этой юрты еще двое-трое.

Иногда погребают еще так, что не жгут и не вскрывают, а просто ко всем прежде описанным церемониям кладут на землю; разрезают ремни и веревки и обкладывают тело по линиям камнями, причем в голове самый большой (когда обыкновенно хоронят, то уже всегда кладут у головы большой и рядом маленький камень и уже после кладут на них; если кучу рогов растащат потом люди

⁶Соломоть – поджаренная мука, заваренная кипятком.

⁷Пакость – полевые мыши.

или звери, то юрте грозит несчастье), обыкновенно в этом случае не режут, но иногда просто разрезают вдоль от грудины к животу. Если потом в ограде останется только один череп, особенно если он повернут в сторону юрты, то юрте грозит несчастье.

Иногда, когда гадают, то умерший выражает + обыкновенно камень кладут не при похоронах, а при убивании оленя, когда его пригоняют (на другой – третий день), тогда сварят мясо; вынимают язык с кадыком и сердце; кладут в посуде в головах; затем едят мясо, поевши, у головы разводят маленький огонь, слегка обугливают рога *н/ч* костью; кладут рога в изголовье и заваливают камнем и крошат куски языка с сердцем, а остальное желание, чтобы обряд погребения совершили где-нибудь в другом месте – на родине, на летовке, на тельбе и т. д., и тогда все проделывают по-прежнему: убивают оленей, привязывают тело, но потом не пригоняют оленей, не бьют одного и не приносят рогов, хотя заговорщик тоже заговаривает дорогу; придя же на место, где выразил покойник желание погребеть, кладут кругом камни и на месте головы большой и меньший камень и здесь убивают оленя, и впоследствии сюда же толкают рога; а там, где положено было тело, ничего не делают; если в такой пустой ограде свернется головной камень, то это не хорошо... А сами считают: когда чрез год совершают поминки, то тоже кладут куски сердца, языка, соломоть ...» [Т. 29: Лл. 371 об. – 375].

Сильные люди. Шаманы

«Прежде заговорщики (*эу'яньвулэн*; заговор – *эу'н*; знающая баба – заговорщица – *ге'улэнтэу'сы'хат*) и шаманы (*энэ'нэлэн*) были сильные: бывало нужда начнется где-либо, выведут шамана к морю, убьют – он побудет у богов, узнает, в чем дело, вернется, оживет и скажет, что надо делать, чтобы нужда прошла. Прежде *эрккаляуль* (по чукотски – «мягкий мужчина», трансвестит. – *О.К.*) умерших воскрешали, а теперь только с молодыми мужиками любят лежать ...» [Т. 29: Л. 376 об.].

Чукотские боги-1

Два божества: *Ва'ырг'ын* и *Тэнву'ьсву* (первый жил на небе, а второй – в море) все делали по совету между собой; затем решили разделить людей: *Ва'ырг'ын* взял оленных, а *Тэнву'ьсву* сидящих и говорит: «Еще вот я над твоими посмеюсь. Ваыргын после этого и поссорился с *Тэнву'ьсву* и больше с ним дела не имеет;

оленные ему никаких жертв не приносят; даже когда промышляют в море и приносят жертву, хоть оленя и бросают в море кровь и кусочки, то просят о чем-нибудь, не называя кому приносят жертву. *Тэнву'ьсву* (он вроде человека, только нарядный) имеет помощника в лице *Ву'рнаток* – тоже вроде человека, этот прежде таскал у оленных детей и *н/ч*, но затем *тэнву'ьсву* взял у его сына, чтобы он испытал сам, каково лишиться сына, и тот тогда перестал; ему оленные жертвы тоже не приносят (но иные приносят – у всякого своя вера); у них в качестве работника, доставляющего им пищу, касатка *э'нэпчэк*. *Тэнву'ьсву* и *Ву'рнаток* хозяин всех шаманов у остальных; иные шаманы и у оленных принимают их за своих хозяев. *Ву'рнаток* живет где-то на севере: на острове или в воде, неизвестно... [Т. 29: Лл. 376 об. – 377].

Рассказы о жизни чукчей, коряков, эвенов, эскимосов

«Кузьма ламут рассказал: во 2-м Дельянском (роде) был один богатый оленевод – его дядя Михаил; другие же были совсем без оленей – пешком укладывали и больных, и детей на руках носили; в общем, теперь в их роде стало лучше – больше оленей; в 1 Дельянском – много оленных, самый богатый старшина Константин; в первом Долганском хуже стало – там теперь только Иван кривой; много оленей падали от копытки; прежде падежи были гораздо малочисленнее и реже, а теперь все от бога; засуха не вредит – и прежде она бывала; вот у диких оленей болезней совсем нет, редко когда увидишь одного-двух мертвых и только.

(Еще) рассказ: сильно у одного коряка шамана (бывшего) стадо падало, вот он и пошел с мальчиком к стаду. Наступила ночь, он лег близ стада и мальчику сказал молчать, что бы он ни увидал. Вдруг ночью подходит человек с копьём, кого ни ткнет, тот и свалится олень; подходит к тому оленю, который лежит у хозяина; хотел его ткнуть, шаман и ухватил за копьё; хотел его сломать; тот взмолился: «Отпусти, я уйду отсюда и больше тревожить не буду». – «Нет, не пущу! – Я вылечу всех оленей». Вылечил. За это тогда и отдал ему шаман копьё, а тот оставил Гижигинскую сторону и пошел сюда, а отсюда в Колымскую, так и ушел падеж; было это лет 210 (*н/ч*) тому назад» [Т. 29: Л. 378].

«У чукоч, в общем, число оленей такое же, как и прежде, хотя многие табунные теперь обедняли, зато новые появились;

самый богатый чукча Эы'хтэлэ, у которого главный табун не трогаётся и стоит за большой бухтой; затем Выэ'ли' – беломорский, Амъпа'мья, Эльгалляуль, Кукерин, вдова Энчу'рмэк; у Туманских – Ля'хтылэ, Ё'мра; у верховых – Аплэл'э, Рэ'мкэлэн; из Носовых – Ка'ур, Ольва'укур'ын; из бельских – Пэн'ко (но пустая важенка), из низовых – Айгинто.

У ламутов хорошая ездовая собака ... (стоит) 5 ездовых оленей и дороже соболя; за хорошего ездового оленя платят по черному зверю чукчи – сиводушку или бобра, а иногда на охотника и по 10 оленей; у чукок, коряков и ламутов олени плодятся в одно время. Ламуты говорят, что первые телята рождаются всегда с 1 марта и до дня царя Константина, а иные поздно и до Акулина; а быки обходят важенок с последнего Спасу и до Семенова дня; рога начинают падать с Михайлова дня – быки, а у плодовых на светлой неделе, а у важенок после тельбы на 7–8-й день. Самая большая сила у оленя для верховой езды 4- годового, а легкий груз с 3-го года; важенка приносит телят со второй весны и лет 20–27; а бык всего служит лет 5 хорошо, и только самый крепкий лет 10, хотя потом и слабеет; дикие телятся около царя Константина и до Акулины; быки обходят важенок около Михайлова дня и до 20 ноября; при этом как у дикого, так и у домашнего, рога падают тотчас же после порожа. У ламутов в общем олени раньше телятся, чем у чукок и коряков [Т. 30: Лл. 379–379 об.].

Браки

...Утром разговаривал с Кузьмой, который, между прочим, рассказал следующее: браки в одном роду не заключаются – иначе захворают и сами родители, и дети – внутри горла волосы вырастают, как бы на голове; умирают от этого; но если приживет ребенка девка со своим же сородичем, то им вреда нет. Поэтому берут в жены только из других родов и при этом платят выкуп: богатые – 100–150 оленей, а самые бедные и 5, а если нет оленей, то соболя, другую пушнину, ездовую собаку, ружье, причем невеста обыкновенно приводит с собою почти половину тех оленей, которых заплатили за нее; эти олени поступают в собственность мужа и жены, но не их родителей.

За вдову платят половину того, что платили за нее, когда она выходила в первый раз замуж; причем этот выкуп поступает деверьям и вообще в семью мужа, а не родителей; но и она также уводит обратно часть данного за нее новому своему мужу. Вдов можно отдавать и в своем роде (если она происхождения другого рода), и в этом случае уже без выкупа. Если дев-

ка приживет ребенка, то обыкновенно парень на ней женится; если женится отец ребенка, то ребенок идет за матерью; если же за другого, то он остается у деда с бабушкой; девственниц и с детьми берут одинаково хорошо. Прежде своих девок отдавали чукам, которые давали большой выкуп, но священники запретили, и теперь этого нет; отчасти это хорошо, потому что бедным ламутам стало легче отыскивать себе жен; от чукок себе жен никогда не берут, хотя те и давали бы – с исстари так ведется; чуванцам дают часто, потому что они такие же крещеные, как и ламуты; давали и корякам.

Хотя жениха с невестой спрашивают об их согласии, но это не важно, и если родители захотят, то брак состоится даже и помимо желания брачующихся. У иных ламутов (обыкновенно позажиточнее) бывают и работницы-жены, особенно если детей много, хозяйство большое и если жена больна. В общем, ламутам богатым теперь стало труднее – много оленей пало и выбили, а бедным легче – обзавелись ездовыми оленями... ..После родов ламутка уже кочует верхом на олене на третий день; если же надо кочевать на второй день, то идет пешком, причем зимою остерегается простуды. Компас по-чукотски *өвэ'танан*, а по-ламутски – *ню'лтын*.

Начало оленеводства

Чуванскому богатству в оленях положил начало отец Мевета – Афанасий, который был бедняком и кочевал по Белой; он женился на сестре (чукотского. – О.К.) тойона Амраыр'гын, который дал на разживу десятков пять оленей; с этого и пошло; затем сыновей женил на богатых, и олень хорошо плодился. У чукок за первую жену почти все без исключения работают и, кроме того, дают одну-четыре упряжки оленей, и невеста приводит с собою столько же; вторую и следующую жен обыкновенно так берут, только за упряжки... [Т. 30: Лл. 380–382].

Пэнэ'нли рассказал, что в Лөрэн сперва жили мирно, но лет сорок тому назад там жил некто Кончалэн, который, встретив одного чукачу, попросил у него табаку; тот дал; за ним он потом погнался, убил его и для отвлечения подозрений вывалял собак и нарту в снегу в воде, как будто тот утонул; так это дело и прошло; только чрез год племянник Кончалэн сказал родственникам убитого, что его дядя убил их родника, а те и ничего; его тут же и убили; с этих пор и пошли убийства. Раз Вуэлэ'нские поехали в Вутээн за табаком; на обратном пути к ним выехали лоренские, прихватили кое-что, поссорились, Вуэлэнские одного и убили; тогда Лоренские вернулись и сказали Кончалэн, он погнался за ними и многих убил.

Пакости и дикого оленя теперь не меньше прежнего, и так же бывает, как и прежде, годами: товары все стали гораздо дешевле и поэтому жить бедноте стало легче. Весною и летом по правую сторону Анадыря, у большой реки и в горах видели мертвых лисиц, песцов и даже воронов – видимо, тоже дикокали, но это бывало и раньше тоже иногда. ...По словам Тэнэнли: песцов по тундре теперь не меньше, чем прежде; лисиц же меньше; чукчи молодые стараются около пакости больше прежнего, тем более что прежде промышляли только клепцами⁸, а теперь и капканами, и ружьями, да, кроме того, благодаря большому количеству оленей, чем прежде, лишь только увидят след, как идут по нему. Зато больше роскоши – чаю и табаку, но товары стали дешевле и их больше. Теперь кончается месяц *аттэлд'кэ* – макушка, хотя иные говорят, что это *имплю'ля* – левое плечо, а *аттелд'кэ* уже прошел; другие же говорят, что макушка не *аттэлд'ке*, а *имплю'ля* – это самый холодный месяц, и здесь совершается перелом – дни начинают увеличиваться... [Т. 30: Лл. 386–386 об.].

О происхождении оленных и сидячих

Сегодня *Лёлк* рассказывал, что все чукчи оленные произошли от *О'нмэлэт*, родиною которых надо считать место в горах между *Уны'лин* и *Ву'элэн*, особенно горы *Э'ннит* и речка *Они'вууэль* – рыбная речка, впадающая в Ледовитое Море, близ кошки *Пи'льг'илэн*. Вершина ее близ *Эу'нмон'а*, и дом там зовется *Тэ'ркымкин*. Отсюда чукчи оленные и разошлись по разным местам: сперва стали спускаться в сторону Анадыря, как оленные, и вместе с тем к западу и, главным образом, на легких или с малыми аргисами ради Колымской торговли; потом стали переходить, сперва на время, а затем и совсем, по правую сторону Анадыря, по которой прежде исключительно жили коряки. Они еще лет тридцать тому назад кочевали по правому берегу Анадыря вплоть до Кедровой и по местам промышляли рыбу в ней, главное же их место было Палпом.

Здесь чукчи отчасти смешались чрез браки с коряками и приобрели от них грубость; потом отделились чукчи в дол – в Пакарвууам и соседние места; хотя сюда, равно как и на устье, и в Пакульнеях, и в верховье, а также и большинство ушедших

⁸Клепцы – ловушки для зверей давящего типа.

в Колымскую сторону (даже влево от нее) и на Омолон получили начало от сидящих, переходящих по мере зажиточности в оленные, так как промыслы морские стали плохи и голодовки стали их посещать все чаще и чаще; переходу сидящих в оленные много способствовали американцы, которые, покупая у них разные прочие вещи и давая им ружья, патроны, спирт и т. д., давали им возможность выменивать все это у оленных, главным образом, на оленей, поэтому приход сидящих в оленные особенно стал заметен за последние 30–20 лет.

В общем, оленных теперь стало гораздо больше, чем было прежде, и оленей стало больше прежнего, тем больше, что падежей прежде больших не было; если же олени будут падать так, как начали последние года, то, конечно, они быстро сократятся; в общем, можно заметить по отношению оленных, что богатые из них имеют теперь меньше оленей, чем прежде, а бедные больше; уменьшение у первых произошло от разных причин: от болезней, которые в больших табунах действуют энергичнее; от приобретения за живых оленей ружей, пушнины, спирту и прочего (пушнины для получения от торгующих табаку и котлов с разными металлическими изделиями + прежде и чаю с сахаром) и от убиения множества оленей для Марковцев, особенно в голодные годы.

Сидячие чукчи существовали одновременно с оленными, и кто из них появился раньше, кто позже – неизвестно – вероятно, в одно время, хотя когда-то он слышал одну сказку, что прежде все сидели, а затем иные промышленники за диким оленем и приручили раненых и пыжиков от убитых маток и тогда пошли оленные. Сидящих прежде в общем было больше, чем оленных; теперь наоборот. Сидящих теперь в общем немного меньше, чем прежде, что зависит от бывших среди них повальных болезней (по северному побережью) и от перехода в оленные (как по северному, так и по восточному побережью); их было бы еще меньше, если бы они не плодились. Переход из оленных в сидящие бывает очень и очень редко, так как обеднявшие стараются пристроиться к табунному, что сделать нетрудно, так как табунные обыкновенно нуждаются в людях, особенно малосемейные. Кстати, табунные нередко по летам голодают, особенно многооленные и малосемейные: табун в горах, а сами частью остаются на речках для промысла рыбы: если рыбы нет, а за оленями неко-

го послать, вот и голод – приходится кормиться корнями, а если добудут одну-две рыбы, то скармливают их детям.

Айг'вуан (эскимосы) жили постоянно на тех же местах и с ними чукчи, как сидячие, так и оленные; никогда не дрались – не стоило: они были очень бедны и всячески заискивали в чукчах, особенно в оленных; зато оленные с сидящими чукчами (пользуясь их байдарами), а также и нашими Айг'вуанами нередко делали набеги на остров Эйг'оэн (Св. Лаврентия. – О.К.) и на Американский берег, причем мужчин убивали, а женщин уводили в плен, а также и подростков, которых держали у себя в качестве работников или продавали другим, не участвовавшим в набегах; иногда такого пленника женили на ком-нибудь из своих (если он нравился и был старателен, особенно в мало-семейных и табунных чукоч) и от него затем происходил свой род оленных и теперь есть такие оленные, но их немного. Чукчи, как оленные, так и сидячие, охотно брали себе жен не только от чукоч, но и от Айгвуанов наших и заречных коряк, ламутов, только не помнят, чтобы брали от чуванцев, которых вообще было немного и которые были пакостливым народом – воровали оленей, нападали во множестве на одиноких и т. д.

Чуванцы прежде жили в горах около Этэ'лькуэм (почему и такое название); затем они стали подвигаться на юго-запад; причем останавливаясь в разных местах, так в вершине Белой и т. д. С ними чукчи никогда не дрались – они были трусоваты и держались обыкновенно [Т. 30: Лл. 388–391] довольно искусно нейтралитета. Также недрочлив и с ламутами; так проговорит даже «люди дерутся, а ламуты тут же кочуют», надо правду сказать – и хлестко же они кочевали – все верхом да верхом, за ними не угонишься. Драчлив же всегда с коряками, причем набеги обыкновенно делали чукчи, нападали на лагеря, взрослых мужчин убивали, жен и детей брали в плен, угоняли оленей и уносили все добро. На следующий год казаки нападали на чукоч, причем иногда доходили до *Вуэ'лэн* и Колючина (северней), мстили обидчикам и живые иногда возвращались домой меньше половины, чувство мести все-таки бывало удовлетворено.

Дольше всего теперь *он'мэлэт*, и из них есть такие, которые никогда далеко от своих летовок не отходят и все им необходимое, даже летние юрты и санки, получают от тех *он'мэлэт*, а иногда и *каурал'эт*, которые ходят в Анадырь

и за Анадырь. В ноябре Анадырь переходят лишь те *он'мэлэт*, которые летовали по сторону в Уэлькаля на дальние же (настоящие *он'мэлэт* – самые богатые и оленями, и пушниной), если и переходят Анадырь, то только в январе, так поспевают к самой ярмарке Туманской. Туманские, которых больше, чем *каурал'эт* верховых, – их меньше. Ни у туманских, ни у *каурал'ят* своей родины, кроме *он'меленской*, нет.

Оленей у всех чукоч почти одинаково, хотя у настоящих *он'мэлэт* больше всех. В общем, чукоч и коряк были одно и то же число; теперь же чукоч, особенно *он'мэлэт*, больше. В прежнее время ламутов здесь не было. Они жили в Колымской стороне. Верховые чукчи образовались большей частью из *каурал'ят* и отчасти из *он'мэлэт*; Устьвинские – из *он'мэлэт*, Покульнейские – из *он'мэлэт* и *каурал'ят*. Около Северный Колючин и вообще севернее побережья не кочевали. Теперь кочующие вдоль северного побережья, а иногда и сидячие там же зовутся *эйг'и'скилэт*; чукчи все вообще зовутся *лиы'илилэль* (настоящие язычные – *лиы'* – настоящий, *или'иль* – язык) или *лиы'илэрэмкэн*. Табунные же зовутся *ча'чуа* (быть может, от слова *ча'ат* – аркан). Русские зовутся *мэль'гитанэт* от слова *миль'г'имиль* – огонь; русские не любят сидеть без огня, да и ружья (луки) у них были с огнем – *миль'гэр* – ружье. *Миль'г'имиль* зовется также лучок, которым добывается из дерева огонь. Американцы иногда по табаку зовутся еще *пна'укулэт* – табачники (их табак пластинчатый – *пна'укун*).

Настоящие оленные никогда не держат долго оленей на привязи: привяжут, чаю напьются и сейчас же идут или отпускают на волю в табун, а ведущие род от сидячих, особенно сами перешедшие в оленные, держат их на привязи до ночи.

Лёлёк рассказал, что у него есть рубашка-кольчуга, которую он получил лет 15 тому назад от гижигинского начальника в благодарность за то, что он убил много оленей в голодный год. Он старался объяснить приобретение, потому что прежде много чукоч было диких: чуть что – сейчас и нож; теперь стало гораздо смирнее [Т. 31: Лл. 392–393 об.].

В два часа поехали к Омриролю и через 1 ½ часа были у него ...Напившись чаю, принялись за разговоры и между прочим Омрироль сообщил следующее: от чего получили *чаучуат* и *керекет* свое название, он не знает, но первое, вероятно, от сло-

ва «чаат», составляющий необходимую принадлежность оленого. Что же касается до русских – *мильг'итангэт*, то от слова *ми'льг'имиль* – огонь, *ми'льг'ер* – ружье.

Чукчи оленные и сидячие были созданы одновременно, только последние попозже, и, по словам иных, порядок творения был таков: государь с русскими, оленные чукчи затем кымменских, чтобы оленным добавляли от их промысла, чтобы им были подошвы, ремни и жир *айгвуанов*, долженствующих добывать морского зверя вместе с остальными *пеекитъ*: *ну'укалэт*, *вутээут* и *керекит*, и, наконец, сидячие чукчи, чтобы они тоже помогали оленным благодаря морским промыслам. И все же говорят, что сидячие чукчи образованы богом *Э'ныиз* тех оленных в наказание. Которые плохо ходили за оленями, были ленивы, и велел им, осев по берегу моря, добывать для оленных подошвы, ремни и жир. Ламуты же – последними *н/ч* – им не осталось земли и ветры им *н/ч* по всей земле.

Во всяком случае из сидячих раньше всех появились чукчи, потом поколений 15–16 тому назад *Вутэ'экээн*, переселившиеся из-за голодовок, междоусобий, а также и заносимые ветрами с первоначального заселения с острова, лежащего западнее *Эйгоэн* между им и *Има'ли*, затем поколений 12–14 тому назад *Нуу'калэт* из *Има'ли* 10–12 *Уны'вилэт* с *Эйгоен*, но теперешние *уныынцы* образовались из переселенцев с *Эйгоен* и чукоч из *Янрагай*, переселившихся к ним впоследствии и смешавшихся с ними посредством браков один народ, причем *Эйгоенцы* взяли перевес и дали свой язык и многие обычаи. Нечто подобное наблюдается теперь в *Чичине*.

Керекит образовались из *Вутэ'экээнцев*, которые из-за последовавших в течение нескольких лет подряд голодовок и их же драк переселились в теперешние места, причем передвижение шло медленно с годичными и даже более продолжительными остановками, о чем свидетельствуют до сих пор сохранившиеся везде по Большой бухте и в особенности по берегу дома. *Ле'нгя* – против *Мат'ськан* остатки землянок как наружные с боками из китовых ребер, теперь обвалившихся, так и главным образом подземных, где и жили эти переселенцы. Найдя места, богатые моржами и другим морским зверем, а также рыбой, они остановились и вследствие благоприятных условий размножились так, что превзошли свою метрополию, теперь за по-

следние 30 лет они опять уменьшились из-за голодовок. Среди оленных есть также нечистокровные чукчи, не говоря про браки с коряками, *Эйгоенскими*, *Нууканскими*, *Вутэ'экээнскими* и затем ламутскими девками и бабами.

Есть и такой пример: с о. *Ук'ивэн* переселился в *Уныын* богатый местный инородец *Оолд'нын*, сын которого *Тэг'ре'кай* завел оленей, и от него пошел род оленных, известных теперь под названием *Уны'ынире'мкен*, которые и лицом отличаются от настоящих *ча'учуат*, хотя *Оолд'нын* и взял в жены одну бедную чукотку. *Тэг'ре'кай* – это прадед *А'мчек*, приехавшего сегодня на Вакарину ради торга (лагерь 36), так что это все было 4–5 поколений тому назад.

Когда чукчи дрались с коряками, то деятельное участие принимали и сидячие, которые, как только услышали, что вблизи идут коряки и, если превосходят их силами, то сейчас же и нападали, хотя чаще вовсе не справлявшись, кто сильнее, коряки дрались хорошо, но чукчи еще больше – его колют, а он все еще дерется. Обыкновенно коряки с чукчами сходились, шли вместе, даже табаком делились, и затем кто-нибудь говорит: «Ну, теперь пора приниматься за игру (за драку)». Причем и происходит смертный бой; дрались и старые и малые; победитель убивал всех побежденных, не щадя стариков и старух и брал себе только молодых баб, девок и детей; причем дрались иногда и бабы; так известен случай, как бабы убили чумовыми шестами одного коряка, которого потащил олень и который поэтому отстал от своих. Взятые в плен детьми как чукчи, так и коряки, когда подрастали, то обыкновенно убегали к своим, пользуясь преимущественно теми случаями, когда близко проходили их соотечественники, иногда тоже с боем, иногда же, особенно бездетные победители, уносили с собою грудных или малолетних и те уже обыкновенно не возвращались, когда бывали перемирия, то все пленные, даже бабы, возвращались к своим родичам, хотя из последних иные по желанию оставались у нового мужа, но во всяком случае ребенок, прижитый победителем, оставался в его семье даже в случае ухода матери.

Предводителем обыкновенно бывал какой-нибудь самый ловкий, смелый и предприимчивый человек, будь он молодой или старый, все равно. По своим качествам он должен быть похожим на волка; среди которых особенно выдавался один из *Инчоунских Нэмоль*, который, впрочем, потом перестал драться,

опасаясь, как бы бог не рассердился и не наслал бы разных болезней на его семью и его оленей.

Кстати, *тоенов* никогда у чукоч своих не было – кто же так ищут, чтобы другому добровольно подчиниться, а первого сделали русские, именно одного табунного из *Чечан – Леяльг'ылэн*, сын которого был *Омракуг'ын*, так что теперь после него третье поколение тойонов.

В *Ну'укане* был бывший богач *И'макак*, которого также многие слушались, не только свои, но и чукчи, сыновья же его, теперь если живы, разорились и не имеют в настоящее время никакого значения [Т. 31: Лл. 394–399].

По словам чукоч: чукчи лучше всего понимают оленных коряк, затем из сидячих коряк – каменных; потом – кереков, затем с большим трудом – паренцев, итканцев и особенно олюторцев. Камчадалов совсем не слышат. Оленные коряки порядочно понимают паренцев, кереков, затем итканцев, поменьше каменных, олюторцев очень плохо. Язык кереков ближе всех подходит к паренскому, а затем к итканскому.

Лет сорок тому назад коряки еще кочевали у Пакульнея, но затем все перешли на правую сторону Анадыря, так как в Пакульнеях страшно жарко и немало мошки и комаров, так что телята все покрыты струпьями; от жары там ежегодно у оленей бывает копытная боль: колют сухим мохом около копыт, попадает пыль, грязь, а то и вода грязная на водопое – вот и болезнь; от этого теперь и у Пакульнейских чукоч оленей наполовину убавилось. Каждое лето падежи, как, например, у *Ральнито*, а не хочется расстаться со своими местами и перейти на летовку в другие, хотя, впрочем, многие оттуда уже ушли... [Т. 32: Лл. 416–416 об.].

Чукотские боги-2

Два бога творили: небесный *Тэнантом'г'ын*, живущий на четвертом небе, и *Э'ны* (Марковцы его тоже почитают, зовут *Апой*, дедушкой), живущий в земле; он имеет вид человека, как и его жена, только весь мохнатый; одет всегда во все чистое, часто меняет одежду и любит чистоту, поэтому когда в августе пригоняют стадо к юртам, чтобы бить пыжиков, когда жертвует, то надевает все чистые одежды, специально для этого сшитые и после праздника складываемые до следующего года.

Кстати, когда колют оленей (вообще в течение всего года), то надо стоять на ногах и тогда бросать шерсть и кровь вверх – это *Тэнантом'г'ын*, иногда же становятся на колени и бросают на землю – это *Э'ны*. Сперва они творили вместе по общему согласию, но все-таки *Э'ны* пограмотнее *Тэнантом'г'ына*, он сотворил все растения, чай, табак, птиц, медведя, собаку, росомаху, всякую пакость, домашнего оленя, разных червяков, комара, мышку и, кажется, овода (иногда говорят, что его создал *Тэнантом'г'ын*). Медведя он сделал, чтобы люди зря *н/ч* в сендухи⁹; птиц, чтобы по их прилету и отлету люди знали, когда начинается и кончается лето; людей же творили вместе, но все-таки главное участие принимал *Э'ны*, он указывал, как отворить, а *Тэнантом'г'ын* работал. Другие же говорят, что *Тэнантом'г'ын* сделал все, что находится на нашем материке, а на Американском все творил *Тэнантом'г'ын*. *Тэнантом'г'ын* сделал речных и озерных рыб и диких оленей, причем полностью изо льда, прибитого морем к берегу (и это относится к домашним, сделанным *Э'ны*), поэтому-то, когда идет табун оленей и они покрякивают, делается шум, подобный тому, когда лед трется друг от друга во время ледохода.

В общем, *Э'ны* – самый главный; он как бы царь надо всем существующим, особенно людьми. Он создал и морского бога – *Тэну'свуун*¹⁰ и приказал ему сотворить для нужд и главным образом *н/ч* всякого морского зверя и морскую рыбу. Росомаха и собака были сделаны вместе, но собака привязалась к человеку и кормилась от него, а росомаха до сих пор живет своим нюхом. *Э'ны* раз в год, когда растения выходят из земли (даже когда они зацветали), линяет, и поэтому повсюду идет хороший дух. *Э'ны* сделал еще

*Май'ны'гы'рго'лэн*¹¹ – как бы попа и отправил его к *Тэнантом'г'ын* и теперь он живет на втором небе и следит за рожденьями, и от него зависит то или другое имя ребенка.

Смерть зависит исключительно от *Аунэ'тэн*. Ни *Э'ны*, ни *Тэнантом'г'ын*, ни другие боги участия здесь не принимают.

⁹Сендухи – тундра, простор по-марковски.

¹⁰Письвусын – у чукчей хозяин всех диких животных, в том числе и морских.

¹¹Май'ны'гы'рго'лэн – большой, наверху живущий (чук.).

У *Э'ны* была дочь, которая вышла замуж за Солнце, старшего сына *Тэнантом'г'ын*; жена солнца есть месяц; у них тринадцать детей¹²: старшая дочь – *Имплю'ля*¹³, за ней идет старший сын – *Ча'чанлорг'ын*, затем дочь – *Лорг'ыкай*, потом сын – *И'млэрлин*¹⁴ (когда все речки проходят), за ним дочь *Аноэ'льг'ына*¹⁵ (?) и т. д., самая младшая дочь *Аттэлөкэ*¹⁶, и она самая любимая, поэтому-то в этом месяце солнце редко и мало светит: он все сидит и любит дочь. Самый младший сын – *Яра'усен* (когда снег выпадает, когда все пускаются на кочевку); он главный и всем управляет, и табунами, поэтому оленные ему чаще всего и приносят жертвы (это локоть левой руки); *аттэлөкэ* – плечо, а *имплю'ля* – макушка.

Солнце с луной делают *coitus* крадучись и главным образом между концом каждого месяца и началом другого. У солнца есть сестра, на которой хотел жениться *Тэнантом'г'ын*, т. е. отец, но это не состоялось, где теперь эта сестра – неизвестно. *Э'ны* еще зовется *Нота'ськува'ырг'ын*¹⁷, он самый главный и, в общем, добрый, не любит только, когда очаг оскорбляют, отдавая огонь в другую юрту или грея чужую посуду, тогда он насылает болезни. Жертвы ему приносят, или прямо бросая куски сала, *н/ч*, мяса на землю, или разводя в юрте маленький огонь (трением обновляли) и бросая туда. Затем этот огонек собирают, вносят в юрту и кладут в пол, прося, чтобы все было хорошо. Иногда бросают жертвы и прямо в огонь, который вообще необходимо держать как можно чище, а то он опять рассердится и наслет болезни. Жертвуют ему всегда из чистой посуды, которую и сохраняют специально для этого: небольшие блюда, миски, ковши деревянные, костяные, из них людей не поят; вообще он является хозяином очагового огня.

Когда кто-нибудь в дороге сплюнет, тот и обтирается землей, то при этом всегда говорит, что обтирается бородой дедушки. Иначе нехорошо – рот заболит. Кроме солнца, у *Тэнантом'г'ын* есть еще сын грамотный, который научил

и русских, и американцев грамоте. Когда *Тэнантом'г'ын* хотел жениться на своей дочери, то просил ее у солнца, как у старшего брата, но тот отговорил... [Т. 31: Лл. 394–399].

Рассказы о наблюдениях за животными

Дикого барана встречают на Русском Хребте, в Парханаях, Пакульнеях, разных горах между Оселкиным и Ерополом; прежде его было больше; он не ходовой и далеко от своего места не отходит; он жирен осенью и худ весной.

Дикого оленя стоялого по левому берегу Анадыря на Пакульнеях и других местах нет, так что зимою его там не бывает; есть свой постоянный, далеко не отходящий, за Большой Бухтой близь Канчалана у Толстого мыса и в Колючинской (у Ледовитого моря) стороне. Иногда дикий олень не весь переходит весной на левую сторону, а остается частью на правой, особенно около Парнахай, так что является как бы стоялым – целый год там стоит; не переходят обыкновенно важенки, отелившиеся на правом берегу до перехода еще реки, и быки, которые мало переходят реку по льду, а обыкновенно вплавь, причем иные остаются до комара и тогда уже не переходят, а остаются близь оных мест в горах, где сохранился более или менее снег и куда обыкновенно стремятся и те немногие оленеводы из Пакульнейских, или Бельских, которые не успели почему-либо перейти на правый берег: куда бы они ни пришли со своим табуном – всегда найдут близь снегу несколько диких быков и иногда важенку с теленком. Нередко быки, таким образом здесь остановившиеся, все-таки идут потом за реку, иные в то время, когда уже заречный начал свой переход сюда, иные еще позже и возвращаются назад – опять на правый берег, с поздними, когда приходит время *н/ч*, т. е. в октябре и обыкновенно по льду. Иногда с осени и первую часть зимы дикий олень метается около берега Анадыря, переходя то на правую, то на левую сторону: это особенно бывает когда мало снегу и олень везде легко находит себе корм; но во вторую половину зимы – в феврале все больше сосредотачивается по правому берегу реки... [Т. 30: Лл. 384–385].

Дикого оленя больше всего: зимой у *И'рг'унэй* – Острой сопки, а летом, особенно во время комара, около *Г'ачка'ырг'ын* в Пакульнейских горах: обыкновенно, перейдя Анадырь весной и летом, он идет все прямо и доходит часто до моря к Большой

¹²Это чукотский счет месяцев по суставам обеих рук и макушки – 13 месяцев.

¹³Ынпылувлэ – старый, плохо объезженный бык, кастрат (чук.).

¹⁴Имлырг'лин – проталкивание воды (чук.).

¹⁵Анон – лето, летний месяц (чук.).

¹⁶Атгылоке – месяц без света (чук.).

¹⁷Нота'ськува'ырг'ын – подземное /земное существо (чук.).

бухте и к комару бывает опять в Пакульнеях, откуда потом и идет к Анадыру; на зимовку в Пакульнеях остается очень редко.

В Ушканьем хребту дикий олень бывает только летом и вообще настоящего стояния по эту сторону Большой бухты теперь нет. Прежде было немало в горах по берегу материка между *Ра'ткын* и *Ма'тськан* (ближе к последнему) именно в горах *Линлинэй* – теперь там почти нет, а есть в горах, внутри *Этэ'лькуэм* – *Матта'чинай* и за *Этэ'лькуэм* близь горы *Ми'ттэн*. Между *Уныын* и *Вуэлэн* прежде жили дикие олени, равно как и по вершинам они *Вуэлэн* и *Вуэм*, но теперь нет – ушли; вообще теперь дикие олени как-то разбились, разошлись повсюду... [Т. 31: Л. 399 об.].

Медведи-шатуны бывают или от глистов, или раз поднятые зимою из берлоги (старую избегают, считая ее опасной, а новую не могут сделать в мерзлой земле) и если малый приход рыбы (неурожай кедровых орехов в других местах), и они к зиме тощи, – тогда вовсе не ложатся. Они опасны – от голода: лапы все в кровь исцарапаны от снега и льда и голодны; нападают иной раз даже на людей. По выходе кормятся черемшой и разными кореньями; потом в мае-июне гнездами и птенцами; затем ягодами, рыбой и кедровником; по берегам моря на кошки выбросом [Т. 30: Лл. 382–382 об.].

По словам ламутов, теперь появилась *белка* на Алганы, чего давным-давно не было, появилась после Рождества и теперь стали чаще проверять вятвя¹⁸, так что есть надежда на промысел. К лету хотят пойти опять за соболями. Теперь они мало промышляли оленя дикого – полевого, так как более бойкие, а также и ружья плохи – летом еще стрелять можно оленя – он близко подпускает, а теперь же ни за что – сторожен, да и подкрасться трудно. Дошло до того, что ламут один *н/ч* купит у чукчи двух убитых полевых быков за живого прошлогоднего теленка; но бывают и примеры, так как обыкновенно ламуты больше промышляли чукоч, теперь же единственная надежда на весну, когда на лыжах будут гнать оленей и тогда, конечно, догонят оленя на *н/ч* выстрелы, а иные бойкие прямо до низа; хотя и приходится иногда гнать целый день, особенно если снег ниже колена; если же выше, то тогда скоро.

¹⁸Вятвя – капканы (эвенск.).

По словам дальних беломорских было много пакости у прибрежных – там были хорошие промыслы и много добычи – моржей, лахтаков, а особенно нерп.

Когда первые *моржи* приплывают, тогда там много и находили: много всего выбрасывается на берег [Т. 32: Л. 416 об. – 417].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы охарактеризовали лишь малую часть сохранившихся дневников и тетрадей Н.Л. Гондатти 1896–1897 гг. За рамками настоящего исследования остались не менее интересные путевые заметки, описания рутинных административных дел, праздников и досуга, происшествий, взаимоотношений с жителями, личных переживаний, размышлений и отъезда Гондатти с Чукотки. Надеемся, что в ближайшем будущем этот ценный источник будет опубликован в полном объеме и откроет для специалистов и широкого круга читателей неизвестные страницы истории нашего края.

Литература

- Беленкин И.* Чукотские рукописи // Правда. – 1971. – 7 окт.
- Богораз-Тан В.Г.* Чукчи. Социальная организация: авториз. перевод с англ. – Л., 1934. – Ч. 1. – 192 с.
- Гондатти Н.* Сведения о поселениях по Анадыру // Записки Приамурского отдела Императорского Русского Географического Общества. – Хабаровск: Типо-литография при канцелярии Приамурского генерал-губернатора, 1897а. – Т. 3. – Вып. 1. – С. 71–110.
- Гондатти Н.* Состав населения Анадырской округи // Там же. – 1897б. – Т. 3. – Вып. 1. – С. 166–178.
- Дубинина Н.И.* Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти. – Хабаровск, 1997. – 205 с.
- Жихарев Н.А.* Очерки истории Северо-Востока РСФСР (1917–1953). – Магадан: Кн. изд-во, 1961. – 255 с.
- Жихарев Н.А.* Комиссар расстрелянного ревкома. – Магадан: Кн. изд-во, 1969. – 112 с.
- Жихарев Н.А.* Революцией рожденные: сб. очерков. – Магадан: Кн. изд-во, 1984. – 288 с.
- Жихарев Н. А.* Повесть об Афанасии Дьячкове. – Магадан, Кн. изд-во, 1992. – 159 с.
- Исаков А.Н.* Краткие очерки истории русской торговли на Северо-Востоке Сибири и Аляске (XVII–XIX вв.): препринт. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1994. – 50 с.

Стариков В.С. К биографии Афанасия Ермиловича Дьячкова, первого марковского краеведа-самородка // Записки Чукотского краеведческого музея. – Магадан, 1961. – Вып. 2. – С. 98–101.

Чернышева В., Чечулина И., Сутурин А. Хабаровск, 1858–1983: Очерк истории. – Хабаровск: Кн. изд-во, 1983. – 335 с.

Архивные источники

Архив МЦНЧ: Тетрадь (Т) 26 (ЧОКМ-8140/11), Т. 28 (ЧОКМ-8140/12), Т. 29 (ЧОКМ-8140/13), Т. 30 (ЧОКМ-8140/14), Т. 31 (ЧОКМ-8140/15), Т. 32 (ЧОКМ-8140/16), Т. 33 (ЧОКМ-8140/17), Т. 34 (ЧОКМ-8140/18), Тетрадь с переписью поста Ново-Мариинск (ЧОКМ-8140/26), Письмо А. Дьячкова к Н.Л. Гондатти (ЧОКМ-8140/51).

Часть 3.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОБЩИНЫ И КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Part 3.

LOCAL COMMUNITIES AND CULTURAL HERITAGE

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ СЕЛА МАРКОВО СЕРЕДИНЫ – КОНЦА XIX в.

Церковникова Е.А.

История села Марково современного Анадырского муниципального района Чукотского автономного округа начинается с 1840-х гг. Село расположено в среднем течении р. Анадырь на территории Марковской низменности, окруженной со всех сторон горами и хребтами. Поэтому климат здесь отличается от климата других мест на Чукотке более мягкими условиями. Теплое и относительно продолжительное лето создает благоприятные условия для роста лиственного леса, кустарников и другой растительности, особенно по долине р. Анадырь и ее притоков. Вокруг села на протяжении 30 км растут тополево-чозениевые рощи, массивы древовидной ольхи, белой березы на надпойменных террасах. Животный мир очень разнообразен: здесь обитают дикий северный олень, снежный баран, из хищников – волк, лисица, бурый медведь, россомаха; водится пушной зверь – горноста́й, белка, заяц-беляк. На берегах озер и проток гнездятся гагара, серощекая поганка, шилохвость, чирок-свистун.

В настоящей статье рассматриваются основные источники, описывающие жизнь села Марково во второй половине – конце XIX в., представлены музейные и архивные документы¹. После образования села в 1840-х гг. о нем писали проживавшие здесь или бывшие проездом государственные служащие, церковнослужители, путешественники, этнографы, а впоследствии – историки, лингвисты, фольклористы и журналисты (ср. Зензинов, 1914; Вдовин, 1965; Гурвич, 1966; Жихарев, 1992; Бурыйкин, 2000; Вахтин и др., 2004; Хаккарайнен, 2005; Шенталинская, 2015; и др.). Все они в разной степени опирались на первоначальные описания села Маркова второй половины XIX в., которые рассматриваются ниже.

РАННЯЯ ИСТОРИЯ с. МАРКОВО И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ

Задолго до появления на р. Анадырь русских первопроходцев по ее берегам промышляли коренные жители края – юкагиры, чуванцы, чукчи. Юкагиры и чуванцы занимались промыслом рыбы и охотой на мелкого зверя, чукчи освоили сезонную добычу диких оленей на «плавях» (переправах)

©Церковникова Е.А., 2020

¹Рис. 1, 3, 5 предоставлены Государственным архивом Чукотского АО (Ф. 1. Оп. 1. Д-5. Лл. 77 об., 267), рис. 2, 4 – Музейным Центром «Наследие Чукотки», г. Анадырь.

по р. Анадырь (Долгих, 1960). Археологические исследования подтверждают наличие в этих местах ранних стоянок и поселений, которые сформировали древнюю культуру (История..., 1989).

В 1649 г. С.И. Дежнев с командой казаков, после крушения их коча и длительного пешего похода в поисках удобного места для проживания, построили из бревен зимовье. В 1660 г. под руководством приказчика К. Иванова, прибывшего на смену С.И. Дежневу, был построен Анадырский острог, который стал государственным и колониальным форпостом, откуда более 100 лет осуществлялась административная и военно-политическая деятельность служилых людей на Северо-Востоке России (Вдовин, 1965; Гурвич, 1966; История..., 1989). Численность населения острога была нестабильна (Гурвич, 1966). В окрестностях р. Анадырь было мало пушного зверя, поэтому казаки сначала старались добывать моржовую кость (клык) на лежбищах побережья Анадырского лимана. Когда эти лежбища опустели, положение русских на р. Анадырь стало трудным. Жалования им не платили, и многие служилые люди стали покидать Анадырский острог. Те, кто оставались, сами обеспечивали себя продуктами питания, перенимали способы охоты, рыбалки и собирательства у коренных жителей. Взаимообмен и выручка стала основой выживания ранних поселенцев. Образовались смешанные браки, рождались дети.

В XVIII в. положение жителей острога изменилось с установлением торгового пути через Анадырский острог с Колымы на Камчатку. В 1709 г. в остроге жили 70 служащих людей, 45 промысловиков и торговцев и несколько семей местных жителей. Также здесь постоянно находились люди, следовавшие на Камчатку и обратно (Вдовин, 1965: 114). В 1730 г., с началом боевых действий против чукчей, здесь содержался большой военный гарнизон из 300 казаков (Вдовин, 1965: 116). В 1771 г., после утверждения указа Сената от 5 марта 1764 г. о ликвидации Анадырского острога, из него было вывезено имущество и эвакуировано население. Сам острог был уничтожен, хотя некоторые жители пытались сохранить свои дома, чтобы потом вернуться (Вдовин, 1965: 134).

Налаженные за несколько лет торговые связи остались, и потому Сибирская администрация вскоре разрешила строительство мест для торговли по р. Анадырь. В 1788 г. было основано селение Крепость, в котором поселились промысловики (Вдовин, 1965: 139). В 1839 г. в Крепости была построена часовня, а в 1844 г. появился первый причт для нужд местного оседлого населения и обращения окрестных чукчей в христианство (Гондатти, 1897а: 84). В окрестностях селения Крепость и вдоль р. Анадырь местные жители строили охотничьи и промысловые домики для сезонной охоты.

В 1840–1850-х гг. на территории будущего с. Марково стали селиться местные жители: юкагиры, чуванцы, эвены (Гондатти, 1897а: 84). Предполагается, что название села появилось в честь первого поселенца на этом месте, «какого-то Маркова» (Дьячков, 1893/1992: 202). По воспоминаниям марковчанки К.А. Воронцовой, село было названо в память о святом Марке, якобы освятившем место и поставившем там крест (Леонтьев, Новикова, 1989: 249). Чукотское название поселка «Вуйвун ~ вуйвын ~ гуйгун – “деревянная изба”, “крепость”» (Леонтьев, Новикова, 1989: 249). Люди постепенно стали переселяться на это место с верховьев р. Анадырь, из Колымского края и Гижигинской округи. Население состояло из русских и представителей смешанных семей, многие из них были православные.

После того как торговая деятельность в поселении Крепость пошла на спад и перестала приносить доход, многие жители переселились в Гижигу; другие стали постепенно переезжать на место современного села Марково. В мае 1854 г. сюда приехал на собачьих нартах гижигинский урядник, а с ним церковный причт – священник и псаломщик. У часовни собрались жители села и ближайших поселков для богослужения, всего около 200 чел., включая семьи богатых торговцев Слепцовых, Каменских и Борисовых (Жихарев, 1992: 25–26).

С начала 1861 г. в селе начали строить постоянную церковь; в строительстве принимали участие жители Марково и окрестных поселений. 15 мая 1862 г. состоялось освящение церкви Святого Николая. В апреле 1865 г. в село прибыл священник М.Л. Шипицын с семьей. С ними также приехала семья псаломщика Ф. Верещагина. После постройки церкви оставшиеся жители селения Крепость переселились в Марково (Гондатти, 1897а: 84).

ДЖ. КЕННАН В МАРКОВО (1866–1867)

В декабре 1866 г. в Марково побывал американский журналист Г. Кеннан, приехавший с группой рабочих Российско-Американской телеграфной компании для разведки трассы будущей телеграфной линии между Европой и Северной Америкой через Берингов пролив. Кеннан подробно описал жителей села и события, которые он сам наблюдал (Кеннан, 1896). По его сообщению, «четыре маленькие русские и туземные поселения известны под общим названием Анадырска...» (Кеннан, 1896: 255). Надо отметить, что Анадырском в свое время называли селение Крепость, построенное на месте Анадырского острога; следовательно, это название еще бытовало в середине XIX в. Кеннан приводит названия всех четырех пунктов «Анадырска» –

Покоруков, Псалкин, Марково и Крепость, с общим населением до 200 чел. (Кеннан, 1896: 257). Названные Кенанном «Покоруков» и «Псалкин» скорее всего имели название Солдатово и Оселкино (Леонтьев, Новикова, 1989: 249). Марково считалось центром Анадырска. По словам Кеннана, «*в центральном селении, называемом Марково, живет священник и находится маленькая церковь грубой архитектуры, а зимой это печальное местечко. У его маленьких, бревенчатых домиков нет оконных стекол, они заменяются толстыми плитами льда, наколотыми на реке; большая часть этих домов до половины врыты в землю для тепла; все они более или менее засыпаны снегом*» (Кеннан, 1896: 257).

Остальные поселения были практически не видны среди гущи леса. Это было подходящее место для заготовки бревен для телеграфной линии (Кеннан, 1896: 258).

В феврале 1867 г. американцы провели метеорологические измерения в течение месяца. Американский журналист также вел наблюдения за жизнью населения. «*Жители всех четырех селений занимаются летом рыбной ловлей и охотой за дикими оленями, которые огромными стадами ежегодно проходят через реку. Зимой почти все обитатели этого местечка разъезжаются, посещая для торговли кочующих чукчей, отправляясь с товарами на ежегодную большую ярмарку в Колымск и нанимаясь в услужение к русским купцам из Гижигинска*» (Кеннан, 1896: 258).

25 декабря 1866 г., в день Рождества, американские гости посетили местную церковь. Само здание церкви было построено из бревен, стены в здании были завешаны изображениями святых, перед ними горели свечи, обвитые золотыми полосками. Богослужение совершалось на древнеславянском языке. Все прихожане простаивали долгую службу. На американского журналиста служба в церкви произвела большое впечатление, особенно пение (Кеннан, 1896: 260). Примерно в полдень все село стало праздновать Рождество. «*Народ нарядился в свои лучшие одежды, и все поселение предалось ничем не стесненным увеселениям большого праздника. Колокола без умолку звонили на церковной колокольне, сани, запряженные собаками и наполненные девушками, неслись по улицам ...; женщины в пестрых ситцевых платьях, повязанные пунцовыми шелковыми платками, ходили из дома в дом с поздравительными визитами; толпы мужчин играли в мяч на снегу, и все поселение представляло оживленный и веселый вид*» (Кеннан, 1896: 261).

В один из дней празднования Рождества священник устроил вечер в честь американских гостей. На вечер собрались жители из близлежащих поселений, всего около 40 человек. Мужчины пришли в кухлянках, а жен-

щины были одеты в цветастые ситцевые и белые кисейные платья. В зале присутствовали музыканты со скрипками, балалайками, треугольными гитарами с двумя струнами». Гостей угощали мороженой брусникой, строганиной, хлебом с маслом, пирогами с брусникой и чаем. Угощение приносилось в деревянных чашах, содержимое брали ложками и чаши передавались от одного гостя другому. Затем были длительные танцы: «русская» и «казачок». Американские гости также принимали участие в танцах. Празднование, вперемежку с играми, танцами и угощением, продлилось девять часов.

Жители поселений произвели приятное впечатление на американцев (Кеннан, 1896: 267). Гостей расселили по домам, снабдили продуктами, предоставили транспорт для поездок, многие сельчане нанялись на работу. Они выкупили поварни, летом построили из бревен плоты, сплавили до устья р. Канчалан. На высоком берегу устья был построен двухэтажный дом. Место это до сих пор носит название «телеграфное» (Жихарев, 1992: 59). Американцы, не завершив работу по установке телеграфной линии, уехали.

Административное управление с. Марково во второй половине XIX в. шло из с. Гижига на Охотском побережье. В конце 1860-х гг. чиновник Г. Майдель, посетивший крайний северо-восток Сибири, писал: «*Местечко Марково, расположенное на правом берегу Анадыра, принадлежит, правда, к Гижигинскому округу, хотя жители его, переселившиеся туда из Якутской области, и поныне платят свои подати в Среднеколымске; левый же берег реки местными жителями считается безусловно принадлежащим к Среднеколымскому округу*» (Майдель, 1896: 229).

В 1883 г. в Марково по распоряжению епархиального архиерея началась работа по организации церковно-приходской школы. Еще в 1879 г. жители стали просить открыть в селе школу и начать обучать всех детей. В феврале 1883 г. в ответ на письменное прошение сельчан было принято решение о создании школы; на ее содержание, жалование учителю и приобретение учебных пособий выделялось 100 руб. в год из Благовещенского Комитета православного миссионерского общества (Жихарев, 1992: 71). Марковскому священнику М.Л. Шипицыну поручили подыскать учителя на месте. Сельчане сами выкупили дом для размещения школы, заготовили дрова, собрали по 1 руб. с каждой семьи для нужд школы, подготовили мебель, грифельные доски и другие принадлежности. Учителем стал местный крещеный чуванец Афанасий Дьячков, самостоятельно изучивший грамоту и математику (Жихарев, 1992: 71). 5 мая 1883 г. церковно-приходская школа села открылась для детей. В школу приходили обучаться дети местных жителей – юкагиров, чуванцев и русских.

ПЕРВЫЙ «НАЧАЛЬНИК ОКРУГИ» – Л.Ф. ГРИНЕВЕЦКИЙ В МАРКОВО (1889–1891)

С 1884 г. с образованием Приамурского края (Приамурского генерал-губернаторства) правительство Российской империи начало административно-территориальное преобразование северо-восточных земель. Было решено создать Анадырскую округу путем выделения ее территории из состава Гижигинской округи. В феврале 1889 г. первым начальником Анадырской округи Приморского края был назначен Л.Ф. Гриновецкий. В июне 1889 г. им был основан пост Ново-Мариинский на берегу Анадырского лимана (Семенов, 1896: 1043). После обустройства на вновь созданном посту Гриновецкий занялся сбором информации, образцов флоры, изучал местность, общался с населением. В августе он совершил поездку на карбасе вверх по р. Анадырь. В районе Утесиков он встретился с местным священником М. Шипицыным, который высказал мнение, что администрацию новой округи лучше разместить в с. Марково, так как оно связано зимними путями с Гижигой, Колымой и Якутском. Идея перевода управления в с. Марково Гриновецкому понравилась (Жихарев, 1992: 93).

Зима для начальника новой округи прошла в поездках по стойбищам к северу от р. Анадырь и изучении быта чукчей. Путешествуя на нартах с переводчиком, камчадалом П. Трапезниковым, он провел в тундре более двух месяцев. В ноябре 1889 г. чукчи сообщили начальнику округи, что в Марково сгорела церковь. В течение этого времени также случились людские потери из его команды: не стало казака А. Константинова и переводчика П. Трапезникова.

В мае 1890 г. состоялась намеченная встреча Гриновецкого с жителями с. Марково. После встречи с марковчанами Гриновецкий написал рапорт вышестоящему начальству о том, что целесообразно управление округой перевести в с. Марково. *«Проводив судно (из поста Ново-Мариинский. – Е.Ц.), я рассчитываю перенести управление в селение Марково, дело необходимое: это нужно потому, что и население сконцентрировано главным образом именно в верховьях и середине реки Анадыря. Тут кочуют: чукчи, чуванцы, ламуты, тунгусы и олюторцы. Тут главный центр и торговли, и промыслов, отсюда же всего легче можно делать всевозможные поездки во все концы округа»* (Жихарев, 1992: 97). В село Гриновецкий с командой казаков добирались на шести карбасах и прибыли 21 августа 1890 г. Жители села в праздничной одежде собрались на берегу, все хотели увидеть первого начальника округи. К тому времени в с. Марково было 279 жителей в 38 домах и 3 «юртах» (Дьячков, 1893/1992: 202). *«Гриновецкий, его помощник Дмитриев, урядник Павлов и служилые казаки надели свои парадные мун-*

диры и торжественно подплыли к берегу речки Марковки. У бывшей церкви торжественно звенели колокола» (Жихарев, 1992: 98).

Поселили Гриновецкого сначала в доме купца Борисова. Но вскоре он переехал в просторный дом мещанина П. Брагина. Так как начальнику необходимо было работать и принимать людей, помещение разделили на рабочую и жилую зоны, пункт для приема больных. Возле дома был установлен столб, на котором закрепили флаг Российской империи. Отопление и содержание руководства и казаков сельчане взяли на себя, так как им было дано обещание о последующей оплате (Жихарев, 1992: 98). С первых дней пребывания в селе Гриновецкий занялся решением насущных вопросов и дал распоряжения по ремонту школы, выплате жалования учителю А.Е. Дьячкову, наметил поездки по окрестностям. Кроме того, он подарил школе книги. В октябре он устроил праздничный ужин и собрал жителей села. На вечере он сообщил о задачах создания Анадырской округи и о своем личном желании оказывать безвозмездную медицинскую помощь людям (Жихарев, 1992: 103).

В селе начались перемены. По распоряжению начальника округи установили метеорологическую площадку. Гриновецкий показал Дьячкову, как надо записывать показания приборов в журнал, и попросил его заняться этим делом, пока не найдут и не обучат подходящего человека. На собрании жителей староста Кулиновский объявил о том, чтобы сельчане не трогали приборы, и объяснил им, что *«показания приборов важны для науки всей России»* (Жихарев, 1992: 99).

Л.Ф. Гриновецкий вместе с А.Е. Дьячковым вели наблюдения за погодой. Они много беседовали о крае, природе и погодных изменениях, о населении, проживавшем в Марково и его окрестностях. А.Е. Дьячков давал подробные ответы. Вопросов было много, так как Гриновецкий планировал написать отчет об Анадырской округе. Однако после 2-месячной поездки по тундре к кочевым чукчам он обморозил ноги и заболел. Болезнь не проходила, начальник округи уже редко выходил на улицу. Но ему необходимо было описать подведомственную ему территорию. Для помощи в написании очерка он пригласил А.Е. Дьячкова (см. ниже).

В одну из встреч, в конце февраля 1891 г. Гриновецкий попросил А.Е. Дьячкова, чтобы он пригласил к нему своего брата-плотника И.Е. Дьячкова. Он попросил плотника изготовить для него одноместное судно – «каюк». После разлива реки Гриновецкий плавал на каюке, однажды даже перевернулся, но все обошлось благополучно. Но здоровье Гриновецкого после обморожения не восстанавливалось. И уже в апреле в присутствии старосты К. Кулиновского и священника М.Л. Шипицына начальник округи

ги продиктовал А.Е. Дьячкову свое предсмертное завещание. Каждую свободную минуту он проводил в занятиях по сбору этнографических предметов и за изготовлением чучел. «Он ... делал сам и поручал охотникам-умельцам делать чучела разных зверей, рыб; собирал посуду у местного населения, разные рабочие и промысловые принадлежности ... Гриневецкий собрал коллекцию пород деревьев, растущих в Анадырском районе» (Жихарев, 1992: 116). Все собранные им коллекции были упакованы и подписаны.

21 июня 1891 г. все было готово к отплытию начальника на пост Ново-Мариинский. Гриневецкий с большим трудом, стоя попрощался с жителями села, и небольшая флотилия с восемнадцатью членами экипажа отправилась к посту Ново-Мариинский. По пути, недалеко от устья р. Майн Гриневецкому стало хуже, и 26 июня он скончался. На следующий день первый начальник Анадырской округи был похоронен на возвышенном месте, на берегу р. Майн (Жихарев, 1992: 120) (рис. 1). Ему было всего 38 лет.

По прибытии на пост Ново-Мариинский казаки переписали имущество Гриневецкого и подготовили его к отправке на судне во Владивосток. Дневники и бумаги Гриневецкого были доставлены генерал-губернатору Приамурского края, этнографические и зоологические коллекции поступили во Владивостокский музей Общества изучения Амурского края (впоследствии – Отделение Приамурского отдела Географического общества), а небольшая энтомологическая коллекция, согласно его предсмертному распоряжению, переслана была Вице-Председателю И. Р. Г. Общества (Семенов, 1896: 1045).

Л.Ф. Гриневецкий оставил о себе добрую память в с. Марково и некоторые свои личные предметы; к сожалению, они не сохранились. По сей день марковчане и жители округа посещают могилу Л.Ф. Гриневецкого на берегу р. Майн. Научное наследие Л.Ф. Гриневецкого составляют ботанические, зоологические, этнографические коллекции и собрание предметов декоративно-прикладного искусства. Рапорт Гриневецкого содержит подробные сведения о населении Чукотки, в том числе с. Марково (350 чел. – Тарасенко, 2009: 63).

Коллекции, собранные Гриневецким, изучены лишь частично. Его ботаническая коллекция была описана геоботаником, членом-корреспондентом АН СССР В.Б. Сочавой (Природа..., 2006: 133). Коллекция этнографических предметов из 74 ед. хранится в Приморском краеведческом музее им. В.К. Арсеньева во Владивостоке (Этнографические..., 1991: 7). Она включает также 11 небольших скульптур животных: кита, моржа, тюленя, оленя, птиц, вырезанных из клыка моржа. К сожалению, метеорологический журнал с записями и наблюдениями за погодой в с. Марково не опубликован (Рига, 2009: 99).

МЕТРИЧЕСКОЙ КНИГИ НА 1892.					
Счет умерших.		Месяц и день.		Звание, имя, отчество и фамилия умершего.	Возраст умершего.
Мужск.	Женск.	Смерти.	Погребения.		
8	"	29	29	Чукотка "Михаила Савиновича" сына "Михайла Макария" —	1
9	"	29	29	Сибирский "Александр Александрович" сына "Александра Степановича" —	35
10	"	29	29	Анадырский "Окружной Начальник" "Навигатор" "Савинович" "Александр" "Францев" "Гриневецкий" —	36
<p>1892 года Сентября 1го дня Свидетельствована была сия смерть "Александра Степановича" сына "Александра Степановича" поименованного поименованного поименованного.</p> <p>Всего умерших в течение 1892 года было умерших 120/2 души.</p>					

Рис. 1. Страница метрической книги за 1892 г. с указанием данных о смерти Л.Ф. Гриневецкого, запись 10 (ГА ЧАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5. Л. 77, об.)

«АНАДЫРСКИЙ КРАЙ» – РУКОПИСЬ А.Е. ДЬЯЧКОВА
О СЕЛЕ МАРКОВО

Афанасий Ермилович Дьячков (1840–1907) был местным жителем с. Марково, по происхождению чуванец. Он сам выучился грамоте и затем продолжал свое образование, особенно после знакомства с православным миссионером Митрофаном Шипицыным, проживавшим в Марково с 1865 г. В 1868 г. вместе с торговцем Борисовым Дьячков ездил на собачьих упряжках «на Нос» – на побережье Чукотского моря к оседлым чукчам за товарами. В дальнейшем он использовал наблюдения во время этой поездки для написания своего очерка о жителях Анадырского края.

В 1883 г. Шипицын рекомендовал Дьячкова на должность первого учителя Марковской школы. Грамотный и любознательный человек, Дьячков сблизился с новым начальником округа Л.Ф. Гриневецким и, вероятно, сопровождал его в поездках к оленным чукчам как писарь и переводчик. Когда здоровье Гриневецкого сильно ухудшилось зимой 1891 г., он предложил Дьячкову написать рукопись об Анадырском крае, которую, как он сам понимал, был уже не в состоянии закончить. Учитель писал: «В половине февраля 1891 г. господин начальник прислал ко мне на дом чуванского старосту Кулиновского с предложением мне, насколько окажется возможным, собрать и написать сведения об Анадырском крае» (Жихарев, 1992: 105). Гриневецкий дал учителю примерный план будущей рукописи и заверил, что бумаги и чернил у него будет достаточно. А.Е. Дьячков уже 13 лет сам собирал сведения о реках, растениях, истории народов, проживающих на Чукотке, записывал сказки и поверья, смешные и трагические случаи из жизни марковцев. Весь этот материал он готовил для чтения в школе. Но эти сведения были неполные, поэтому требовалось собирать дополнительные данные. Работа над рукописью заняла около пяти месяцев. В середине июня 1891 г., перед своим отъездом на пост Ново-Мариинский Л.Ф. Гриневецкий, прочитав всю рукопись, написал на титульном листе первой тетради «Анадырский край. Рукопись жителя села Марково А. Дьячкова. Он приложил только сопроводительное письмо на имя генерал-губернатора с просьбой содействовать изданию этой работы. В таком виде все было упаковано отдельным свертком и адресовано генерал-губернатору П.Ф. Унтенбергу (Жихарев, 1992: 115).

Во время написания рукописи «Анадырский край» Дьячкову шел 52-й год. К тому времени он семь лет преподавал в школе, в свободное время сочинял рассказы о природе для школьников. Сведения об окрестностях с. Марково он собирал у пожилых односельчан или описывал свой опыт (Дьячков, 1893/1992: 168). Личные наблюдения А.Е. Дьячкова – очень тща-

тельные и являются ценным источником знаний об окружающей природе и истории с. Марково, в том числе об экстремальных природных явлениях, таких как массовая гибель перелетных птиц весной 1866 и 1887 г., необычно раннее наступление весны в 1878 и 1882 г. и др. (Дьячков, 1992: 169).

Дьячков оставил очень подробное описание использования марковчанами различных природных ресурсов – зверя, рыбы, птицы, древесной растительности и кустарников. Например, для строительства своих домов жители Марково использовали лес, который рос в окрестностях села, в основном лиственницу, осину. Дом, построенный из осины, мог прослужить около 20 лет, из лиственницы немного дольше. Древесину этих деревьев также использовали для легких лодок – «веток» и каюков, мебели, бытовых предметов. Для постройки амбаров, летних поварен (небольших домиков для хозяйственных нужд во время рыбного промысла. – Е.Ц.), вешал для сушки рыбы использовали тополь. Кору применяли для покрытия сараев и амбаров. Нарты, посуду, столы, ружейные ложа, топорщица, черенки для ножей делали из березы. Из нее же изготавливали коробки, битки (емкости для сбора ягод. – Е.Ц.) и другие хозяйственные принадлежности.

Кустарники также использовались в хозяйстве. Из ивы делали жерди, езовья (приспособление для ловли рыбы. – Е.Ц.), стойки для вешания юколы; из рябины – бараны и дуги для нарт; ольхой красили олени шкуры; кедр кузнецы использовали для получения угля. По данным Дьячкова, в Ерополе развивалось кузнечное ремесло, распространялось плотницкое и столярное дело (Жихарев, 1992: 24).

В окрестностях с. Марково растут разные ягоды, полезные травы и коренья. В то время местные жители заготавливали и использовали дикоросы для различных блюд и напитков. Травы собирали «марковские знахарки» и использовали их для лечения разных заболеваний (Сокольников, 1911а: 71). Дьячков подробно писал о первых попытках выращивания в селе овощей (Дьячков, 1992: 173).

Жителей в с. Марково, по подсчетам А.Е. Дьячкова, было 279 чел. обоего пола, проживавших в 38 домах; три семьи жили в ярангах. В том же 1893 г. военный чиновник А.В. Олсуфьев писал, что в 40 домах в селе Марково и ближайших к нему поселках проживало «около 500 душ обоего пола» (Олсуфьев, 1894: 2). Марковчане жили в бревенчатых избах, которые строили сами. Дьячков подробно описал строительство и тип марковского дома, его внутреннее убранство (Дьячков, 1992: 205).

Как уже отмечалось, жители села в основном жили за счет рыбного промысла. Почти у каждой семьи были летние постройки – «заимки», выше или ниже по течению р. Анадырь. В начале июня население села переез-

жало в эти летние домики. Село в это время пустело, и лишь изредка «в праздники причт и несколько человек приходят для богослужения» (Дьячков, 1992: 203). В конце июля – начале августа начинается лов и заготовка рыбы для семьи и юколы для собак. Осенью, кто не успел заготовить рыбу, охотятся на зайцев и куропаток или ловят белорыбицу. В голодные годы помогали нуждающимся пропитанием. По подсчетам А.Е. Дьячкова средней семье из 6 чел., у которой в хозяйстве 12 собак, для пропитания на девять месяцев требовалось 4560 шт. рыбы и 64 оленя. Если семья была больше, то, естественно, требовались дополнительные запасы еды. Поэтому марковчане ловили и заготавливали все лето, пока идет рыба вверх по р. Анадырь. Но промысел не всегда удавался, и тогда наступали «гибельные голодовки» (Дьячков, 1992: 205).

Параллельно с домашними заботами и церковными обязанностями А.Е. Дьячков учил детей. Как уже отмечалось, сельское общество и церковь в 1883 г. предложили ему стать учителем в марковской школе. Перед началом первых занятий он обошел дома односельчан и переписал детей в возрасте от 8 до 15 лет. Школу открывали торжественно. Из воспоминания одной ученицы А.Е. Дьячкова известно, что на одном из первых уроков в марковской школе он выдал каждому ученику по тоненькой тетради в синей обложке и карандаш и сказал, «чтобы мы берегли тетради и карандаши. В классе будем пользоваться грифельными досками, а также надо всем классом пойти в лес и сделать из коры березы небольшие тетради, на которых будем писать свинцовыми карандашиками, чтобы экономить бумагу, которой у нас нет» (Жихарев, 1992: 78).

Помимо основных уроков русского языка и математики, А.Е. Дьячков рассказывал детям о родном крае, знакомил их с песнями, которые сам собирал и записывал в «Марковский песенник» (Жихарев, 1992: 88). В Музейном Центре «Наследие Чукотки» сохранились рисунки учеников школы, выполненные в 1896 г. (рис. 2, 3, 4). В музее сохранилось и расписание уроков, где стоят предметы и темы: «История отечества», «А. Суворов», «Н. Некрасов» (Бурыкин, 1993).

Осенью 1906 г. из Владивостока в с. Марково прибыла учительница А.М. Яцевич. Учебный 1906/07 г. начали два преподавателя. Русский язык и чтение вела Яцевич, а старославянский язык и арифметику – А.Е. Дьячков. В следующий учебный год Дьячков не смог начать занятия – он ослеп и в том же году умер. В течение 24 лет А.Е. Дьячков обучил примерно 265 жителей, т. е. 80% населения в Марково были грамотные. В дальнейшем многие ученики А.Е. Дьячкова были в рядах первых активистов Советской власти на Чукотке.

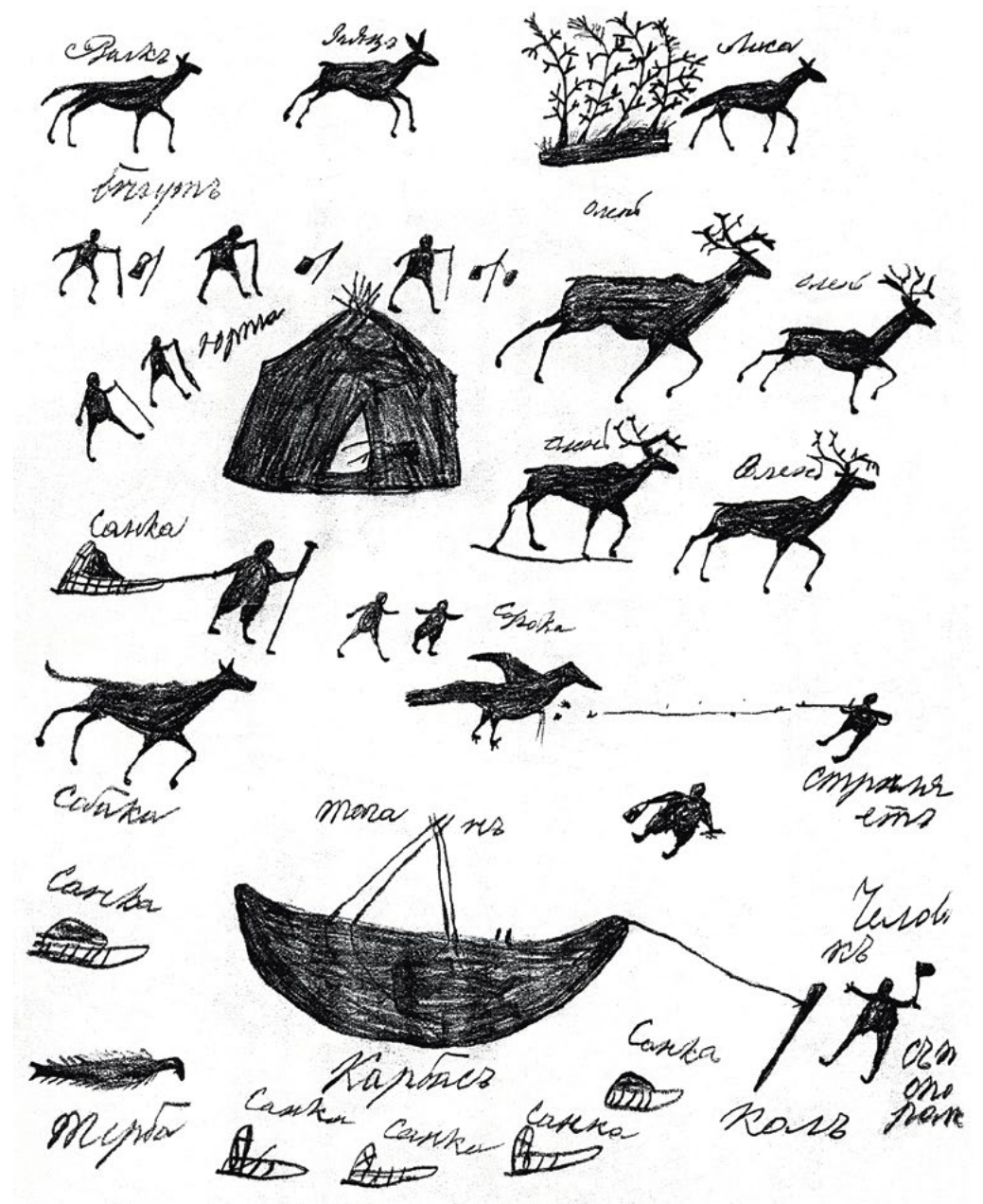

Рис. 2. Рисунок ученика церковно-приходской школы Иосифа Анкудинова, 1896 г., с. Марково (НВ-42, фонд Марковского филиала МЦНЧ)

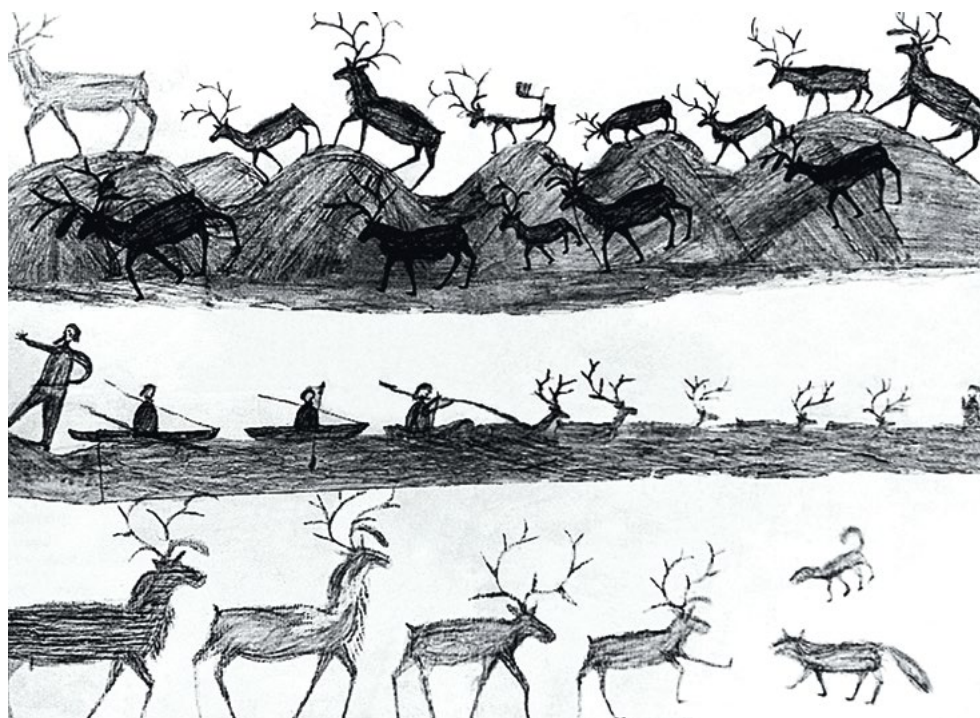

Рис. 3. Работа ученика церковно-приходской школы «Поколка диких оленей на плавях», 1896 г., с. Марково (НВ-49, фонд Марковского филиала МЦНЧ)

Н.Л. ГОНДАТТИ В МАРКОВО (1894–1897)

Николай Львович Гондатти, второй начальник Анадырской округи прибыл на Чукотку в сентябре 1894 г. В ноябре 1884 г. он переехал из Ново-Мариинского поста в с. Марково и поселился в доме П. Брагина, где до него жил Л.Ф. Гриневецкий.

Как и Гриневецкий, Гондатти начал свою деятельность с детального знакомства с подведомственной ему территорией и ее населением. Он подробно описал состояние и жизнь жителей селений Марково, Еропол, Оселкино, Солдатово (Гондатти 1897а,б), произвел опись жителей села, которых он разделил на «постоянных» и «временных» (304 чел. в 1895 г. – см. таблицу).

Среди постоянных жителей он выделил 51 чел., которых назвал «бездомными» (Гондатти, 1897а: 84); возможно, это были работники (работницы) и их дети, не имевшие собственных домов или жившие в «юртах» (ярангах). В то время в селе из строений имелось 94 двора, 36 хозяйств (хозяйственные постройки. – Е.Ц.), церковь, временная часовня, школа, два

Рис. 4. Работа ученика церковно-приходской школы «Обучение оленей санной (чукчи) и верховой (эвены) езде», 1896 г., с. Марково (НВ-48, фонд Марковского филиала МЦНЧ)

общественных амбара для склада запасов сухого корма (Гондатти, 1897а: 83). Дома стояли далеко от друг друга, и окна смотрели на юг. В амбарах работали торговые лавки (Гондатти, 1897а: 89).

Кроме того, в летнее время в разных местах по р. Анадырь и ее притокам многие жители имели места для промысла – «летники», на которые они переезжали во время хода красной и белой рыбы. В этих местах на-

Численность и национально-сословный состав жителей с. Марково по информации Н.Л. Гондатти (1897а: 83)

№ п/п	Постоянных жителей	Кол-во семей	Кол-во жителей		Кол-во брачных пар		Кол-во населения в рабочем возрасте	
			муж.	жен.	в рабочем возрасте	в нерабочем возрасте	муж.	жен.
1	Чуванцев	24	70	79	30		38	41
2	Юкагиров	9	17	19	6		9	11
3	Ламутов из Колымского края	2	1	1			1	1
4	Ламутов из Гижигинского края	2	3	2			2	1
5	Чукчей	3	4	5	1		2	4
6	Гижигинских мещан, крестьян	8	26	33	11	1	14	14
		2	4	4	1		2	3
Временных жителей								
1	Чиновников	1	1				1	
2	Казаков	4	4				4	
3	Духовного звания	2	6	12	3		5	4
4	Петропавловских мещан	1	1	2	1		1	1
5	Льготных гижигинских казаков	1	1	2	1		1	1
6	Финляндских уроженцев	1	2	5	1		1	1
Всего		60	140	164	55	1	81	82

ходились 46 поварен, 24 амбара и 112 вешал для заготовки рыбы (Гондатти, 1897а: 87). У марковчан имелся речной транспорт – 3 больших карбаса на 5 чел. и 24 малых на 3 чел., 7 веток (лодок) и рыболовные принадлежности (Там же). В дальние поездки жители использовали ездовых собак; всего в селе были 403 ездовые собаки. Помимо охоты и рыболовства, три семьи занимались огородничеством, разводили кур, свиней, коров (Гондатти, 1897а: 91).

В первые дни пребывания Гондатти состоялось его знакомство с А.Е. Дьячковым. Через несколько дней в торжественной обстановке перед со-

бравшимися сельчанами Гондатти от имени генерал-губернатора Приморской области вручил А.Е. Дьячкову серебряную медаль «За полезные труды» и зачитал постановление собрания Императорского русского географического общества о присуждении жителю села Марково Анадырской округи г-ну Дьячкову медали за напечатанную им «Записках Общества изучения Амурского края» работу, заключавшую описание Анадырского края (Дьячков, 1893/1992; Жихарев, 1992: 135).

Спустя некоторое время после вручения медали А.Е. Дьячков организовал у себя дома прием в знак благодарности за вручение награды и пригласил Н.Л. Гондатти, священников, старосту К. Кулиновского, старшину Маголина, торгующих людей Борисова, братьев Шуйных и др. (Жихарев, 1992: 138). В новогодние праздники А.Е. Дьячков с учениками ходили поздравлять начальника округи. Гондатти также присутствовал на школьном новогоднем вечере. Он составил таблицу численности учеников марковской школы со дня ее открытия в 1883 г. – всего 115 чел. (65 мальчиков и 50 девочек), включая 77 детей из коренных народов – чуванцев, юкагиров, ламутов (эвенгов) и чукчей (Гондатти, 1897а:91). В 1894/95 учебном году в школу ходили 22 ученика.

Во время своей деятельности на посту начальника округи Гондатти старался выполнить поставленные перед ним задачи: руководил администрацией, переписывал население и имущество жителей, описывал быт, налаживал торговые отношения. Под его руководством в с. Марково были построены общественные хранилища для заготовки и хранения продуктов питания в случае голодовок и дальних поездок.

А.П. Сильницкий, член Приамурского отдела ИРГО, прибыл на Чукотку летом 1896 г. на корабле, доставившем почту, продукты и товары на пост Ново-Мариинский. Он общался с Н.Л. Гондатти в течение 12 дней, пока судно стояло на рейде. Пока Н.Л. Гондатти знакомился с документами, принимал груз и отправлял товар в с. Марково, Сильницкий отметил его выдержанность, неприхотливость, приветливость, даже ласковость, веселость, способность в трудную минуту пошутить (Сильницкий, 1897; Дубинина, 1997: 19). Также его внимание привлекли организаторские способности Н.Л. Гондатти. После поездки в 1895 г. из с. Марково в бухту Провидения (см. Предисловие) Н.Л. Гондатти вернулся в Ново-Мариинский, снарядил баржу с грузом для с. Марково и отправил с ней казаков. Сам он остался на посту Ново-Мариинский. Затем уже зимой, в ноябре отправился в с. Марково, чтобы объездить стойбища и побывать на Анюйской ярмарке.

В марте 1897 г. перед отъездом с Чукотки Н.Л. Гондатти выступил восприемником при крещении новорожденного сына у старосты с. Марково К. Кулиновского (рис. 5).

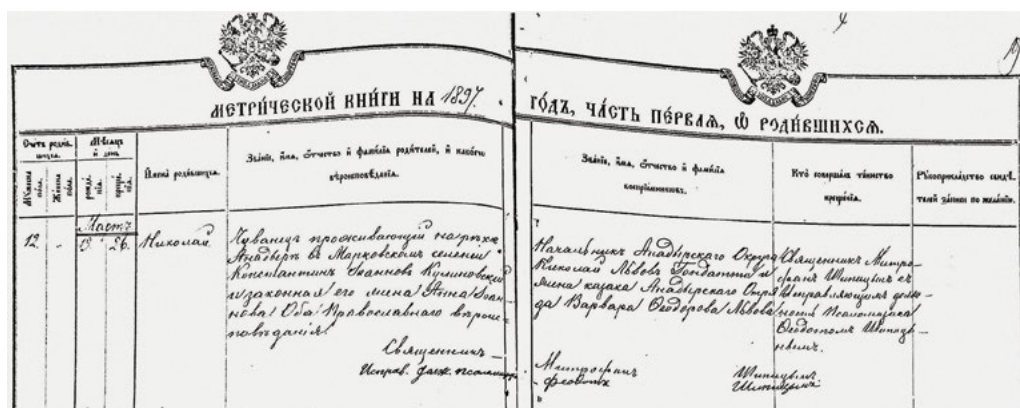

Рис. 5. Страница метрической книги с указанием сведений о восприемнике Н.Л. Гондатти (ГА ЧАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5. Л. 267)

Летом 1897 г. Гондатти вернулся в Хабаровск. За время своего пребывания на Чукотке он собрал большую коллекцию традиционных предметов аборигенной культуры чукчей, чуванцев, марковчан (Rousselot, 2002), минералогические, зоологические и другие экспонаты. Эти коллекции хранятся в музеях страны и зарубежья; многие из них еще не исследованы.

МАРКОВО В XX в.

После отъезда Гондатти с. Марково продолжало выполнять роль резиденции для администрации Анадырской округи. Каждый из последующих начальников округи: Н.П. Сокольников (годы службы в Анадырской округе 1897–1907; см. Сокольников, 1911а,б; Горбачева, 1992), Н.А. Скляр-енко (примерно с лета 1907 г. – см. Жихарев, 1992: 156) писали о селе и его жителях, собирали коллекции предметов традиционной культуры коренных народов Севера. Н.П. Сокольников, например, собрал 2628 предметов быта на Чукотке и Камчатке, которые находятся сейчас в Российском этнографическом музее в Санкт-Петербурге. Зоологические коллекции, собранные во время пребывания на Чукотке, находятся в Зоологическом музее МГУ и в Дарвиновском музее в Москве (Фадеев, 2007). В 1914 г. руководство округи окончательно переехало из с. Марково на пост Ново-Мариинск, чтобы находиться ближе к регулярной паромной связи с «материком» (Рига, 2009: 152).

Марково продолжало оставаться крупным центром южной Чукотки на протяжении всего XX в. В 1930 г. в селе образовалась сельхозартель «Ударник», которая в 1951 г. была преобразована в укрупненный колхоз им. Жданова, за счет включения кочевого оленеводческого товарищества «Турваургин» (Селитренник, 1965: 23). В 1930-х гг. был создан Марковский район с центром в с. Марково; в 1960 г. он вошел в состав Анадырского района. Колхозы реорганизованного Марковского района были объединены в совхоз «Марковский» с отделениями в близлежащих селах. Население с. Марково по переписи 1959 г. составляло 1354 чел. и достигло максимума в 2130 чел. по переписи 1989 г. Но с распадом СССР и переходом к рыночной экономике в 1990-е гг. начался массовый отток населения и число жителей села резко сократилось.

Современное село Марково занимает площадь 621 га; население в 2011 г. составляло более 1000 чел. Селом руководит Администрация² с избранным главой. Муниципальное предприятие совхоз «Марковский» осуществляет работу по оленеводству, животноводству.

В сельском Доме культуры расположен филиал окружного Музейного Центра «Наследие Чукотки». Небольшой музей хранит более 800 предметов. Среди историко-этнографических экспонатов имеются пушечное ядро, сундук XVIII в., национальные украшения эвенского костюма, шапочка «парламентера» (шапочка объявления войны и мира), колчан и стрелы, медная посуда, рисунки ученика церковно-приходской школы и др. Казачий народный хор «Марковские вечерки» бережно хранит в своем репертуаре старинные песни марковчан и русских старообрядцев.

Современная жизнь с. Марково строится вокруг социальных объектов и транспортных организаций. Некоторые жители по-прежнему занимаются растениеводством, удобряя землю отходами рыболовства. В летний и осенний сезоны они также занимаются рыболовством, охотой, птицеводством. Люди в селе – приветливые, внимательные, доброжелательные. Во время сбора ягод и грибов в лесу жители обычно ходят группами и часто окликают друг друга особенными окликами, напоминающими частушки (ПМА, 2017). Марковчане бережно хранят историю села, память о своих предках; некоторые семьи составляют свою родословную. Специалисты-этнографы могут открыть здесь для себя много этнической, фольклорной и другой интересной информации.

²Официальный сайт Администрации Анадырского муниципального района. Сельское поселение Марково. URL: <https://anadyr-mr.ru/region/inform/markovo.php> (дата обр. 21.11.2019 г.); Марково (Чукотский автономный округ) URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Марково_\(Чукотский_автономный_округ\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Марково_(Чукотский_автономный_округ)). (дата обр. 17.10.2019 г.).

ЭПИЛОГ

В середине XIX в. на крайнем северо-востоке страны образовалось первое постоянное русскоязычное поселение – село Марково, которое с 1889 по 1917 г. играло роль центра управления обширной Анадырской округой в составе Приморского края. В селе проживало смешанное население, известное по источникам как «марковцы», или анадырцы. Исследователи выделили «марковцев» в группу русских старожилов с локальными особенностями в культуре, которые сложились под влиянием культуры местного населения (Зензинов, 1914; Гурвич, 1966; Вахтин и др. 2004). Среди марковцев-старожилов сохранился особый фольклор (Шенталинская, 2015) со старославянскими словами и выражениями. Современные лингвисты выделяют речь жителей села в особый «марковский» говор.

Эти и другие подробности жизни и социального устройства марковчан передают нам свидетельства второй половины – конца XIX в., фольклорные и музыкальные записи того времени (экспедиция В.Г. Богораза 1900–1901 гг.), музейные коллекции и немногочисленные исторические фотографии. Исследователи 1860–1890 гг. (Дж. Кеннан, Л.Ф. Гриневецкий, А.Е. Дьячков, Н.Л. Гондатти) заложили основу наших знаний по истории этой уникальной смешанной старожильской группы. Знания сохраняют свою ценность для читателей XXI в.

Литература

- Богораз В.Г. Чукчи. Социальная организация: изд. 2-е. – М.: Кн. дом «ЛИБРИКОМ», 2011. – 216 с.
- Бурыкин А.А. В музее Эдуарда Гунченко // Советская Чукотка, 23 октября 1993 г.
- Бурыкин А.А. К интерпретации некоторых загадочных этнонимов арктического побережья Чукотки // Этнограф. обозрение. – 2000. – № 4. – С. 45–59.
- Вахтин Н.Б., Головкин Е.В., Швайцлер П. Русские старожилы Сибири: Социальные и символические аспекты самосознания. – М.: Нов. изд-во, 2004. – 290 с.
- Вдовин И.С. Очерки истории и этнографии чукчей. – М.; Л.: 1965. – 404 с.
- Гондатти Н.Л. Сведения о поселениях по Анадырю. Оседлое население реки Анадырь // Записки Приамурского отд. ИРГО. – Хабаровск, 1897а. – Т. 3. – Вып. 1. – С. 71–165.
- Гондатти Н.Л. Состав населения Анадырской округи // Там же. – Хабаровск, 1897б. – Т. 3. – Вып. 1. – С. 166–178.
- Горбачева В.В. Н.П. Сокольников – собиратель и исследователь культуры народов Севера-Востока Сибири // Из истории формирования этнографических коллекций в музеях России (XIX–XX вв.). – СПб., 1992. – С. 75–83.
- Гурвич И. С. Этническая история Северо-востока Сибири. – М.: Наука, 1966. – 276 с. – (Тр. Ин-та этнографии; Нов. сер.; Т. 89).

Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 622 с. – (Тр. Ин-та этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая; Нов. сер.; Т. 55).

Дубинина Н.И. Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти. – Хабаровск: Приамур. географ. о-во, 1997. – 208 с.

Дьячков А.Е. Анадырский край. – Магадан: Кн. изд-во, 1992. – 82 с.

Жихарев Н.А. Повесть об Афанасии Дьячкове, жителе села Марково, учителя, историке-краеведе, этнографе (1840–1907 гг.). – Магадан: Кн. изд-во, 1992. – 159 с.

Зензинов В.М. Марковцы и русскоустыинцы: Этнографические параллели и сравнения // Этнограф. обозрение. – 1914. – № 1–2. – С. 61–155.

Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы: пер. с англ. В.Х. Иванова, З.И. Ивановой-Унаровой. – Новосибирск: Наука, 2005. – 675 с.

История Чукотки с древнейших времен до наших дней / ред. Н.Н. Диков. – М.: Мысль, 1989. – 492 с.

Кеннан Г. Кочевая жизнь в Сибири: Приключения среди коряков и других инородцев: пер. с англ. – СПб.: Изд-во книгопродавца И.И. Иванова, 1896. – 384 с.

Леонтьев В.В., Новикова К.А. Топонимический словарь Северо-Востока СССР / науч. ред. Г.А. Меновщиков. – Магадан: Кн. изд-во, 1989. – 456 с.

Майдель Г. Путешествие по Северо-Восточной части Якутской области в 1868–1870 годах барона Гергарда Манделя. – СПб., 1896. – Т. 2. – 599 с.

Олсуфьев А.В. Извлечение из отчета Адъютанта Командующего войсками Приамурского военного округа поручика Олсуфьева // Приамурские Ведомости. Приложение к № 10. – Владивосток, 1894. – 13 с.

Природа и ресурсы Чукотки. – Магадан: СВНЦ ДВО РАН, 2006. – 323 с. – (Тр. Чукотского филиала СВКНИИ ДВО РАН; Вып. 11).

Рига И.Г. Анадырь знакомый и незнакомый. – М.: ИПЦ «Русский раритет», 2009. – Ч. 1. – 432 с.

Северная энциклопедия. – М.: Европейское издание, 2004. – 1200 с.

Селитренник Э.Е. Некоторые вопросы колхозного строительства в Чукотском национальном округе // Сов. этнография. – 1965. – № 1. – С. 13–27.

Семенов П.П. История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества, 1845–1895 гг. – СПб.: б. и., 1896. – Ч. 3. – Отдел 5. – 1378 с.

Сильницкий А.П. Поездка в Камчатку и на р. Анадырь // Записки Приамурского отд. ИРГО. – Хабаровск, 1897. – Т. 2. – Вып. 3. – 79 с.

Сокольников Н.П. Болезни и рождение человека в селе Маркове на Анадыре // Этнограф. обозрение. – 1911а. – Кн. 90–91. – Вып. 3–4. – С. 71–172.

Сокольников И.П. К познанию рыбных промыслов северо-восточной Сибири // Русское судоходство. – 1911б. – № 1. – С. 106–110.

Тарасенко Д.Б. Л.Ф. Гриневецкий о культуре и быте анадырских чукчей в конце XIX века // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – № 96. – С. 62–66.

Фадеев И.В. Коллекторы ГДМ // Труды Государственного Дарвиновского музея. – М.: Изд-во ГДМ, 2007. – Вып. 10. – С. 23–66. – URL: <http://www.rbcu.ru/information/272/14489/> (дата обращения 09.12.2019).

Хаккарайнен М.В. Локальные представления о болезни и лечение (поселок Марково, Чукотка): дис. ... к. и. н. – СПб., 2005. – 206 с.

Шенталинская Т.С. Фонозаписи Сибирского фольклора из американских архивов / Фольклор: Ранние записи; отв. ред. Е.В. Минёнок. – М.: ИМЛИ РАН, 2015. – С. 145–271.

Этнографические коллекции по народам Северо-Востока Азии в Приморском объединенном государственном музее им. В.К. Арсеньева / автор-сост.: В.В. Кобко. – Владивосток: РИО Примурполиграфиздата, 1991. – 62 с.

Rousselot J.-L. The Munich Chukchi Collection // Anthropology, History, and American Indians: Essays in Honor of William Curtis Sturtevant / eds. L. William Merrill and Ives Goddard. Smithsonian Contributions to Anthropology. Smithsonian Institution Press. Washington, D.C., 2002. – No. 44. – P. 295–301.

Архивные источники

Государственный архив Чукотского автономного округа Ф. 1. Оп. 1. Д. 5. Л. 77, об.; Л. 267.

Фонд Марковского филиала МЦНЧ (НВ-42, НВ-48, НВ 49).

ПЕРВЫЕ КОРЕННЫЕ ЖИТЕЛИ АНАДЫРЯ (по описи Н.Л. Гондатти 1896 г.)

Крупник И.И.

Первое поселение на месте современного города Анадыря возникло, как считается, летом 1889 г., когда русские моряки на клипере «Разбойник» и находившийся на борту первый начальник Анадырской округи Л.Ф. Гриневецкий заложили в устье р. Анадырь новый центр российской администрации и назвали его «пост Ново-Мариинский» (Очерки..., 1974: 125; Рига, 1981: 9–13; История Чукотки, 1989: 117–118; История города¹; Вехов, 2014). Уже в первом отчете о создании поста упоминается, что на этом месте находились «жилища чукчей» (Вульф, 1890; Рига, 2009: 56; Першин²). Их обитатели запечатлены на фотографиях, которые сделал летом 1889 г. находившийся на борту клипера научный наблюдатель и фотограф А.А. Бунге (Альбом..., 1889). На них видны стоящие на галечной косе чукотские яранги, вешала для юколы, кожаные лодки-байдары на берегу и приставшие к борту клипера, и три десятка обитателей чукотского поселка – мужчины, женщины и дети (фото 1–3).

В этих первых свидетельствах основания Ново-Мариинского поста нет сведений о численности жителей чукотского поселка, их именах, происхождении и даже самом чукотском названии места, которое моряки называли «косой Св. Александра». Самое раннее описание коренных обитателей поста принадлежит чиновнику А.В. Олсуфьеву (1896: 165–166). Он отметил, что к моменту его создания летом 1889 г. «население этого места состояло из двух семейств сидячих чукоч и не более восьми, разбросанных довольно далеко от поста, палаток оленных чукоч, занимающихся летом рыбной ловлей, а на зиму откочевывающих в горы». В.Г. Богораз, который бывал на посту в своих разъездах по Чукотке в 1900–1901 гг., отметил: «(селение) Вээн (Veey – в оригинале. – И.К.) в Анадырском заливе возле устья

©Крупник И.И., 2020

¹История города. – <https://novomariinsk.ru/город/история-города> (доступ 6 июня 2020).

²Першин А.А. Как основали город Анадырь. – https://geo.1sept.ru/2000/27/по27_2.htm (доступ 6 июня 2020).

Фото 1. Выгрузка строительных материалов на косе у чукотского селения Вуэн' рядом с перевернутой байдарой. На заднем плане видны чукотские яранги и сушила для юколы. Фото А.А. Бунге (Альбом..., 1889. ЧОКМ-8139/665)

Фото 2. Чукчанки и их дети – коренные обитатели селения Вуэн' на фоне яранги (на заднем плане матрос с клипера «Разбойник»). Фото А.А. Бунге (Альбом..., 1889. ЧОКМ-8139/665)

Фото 3. Обитательницы селения Вуэн' демонстрируют чукотское горловое пение (пилгъэйнэ'н). Фото А.А. Бунге (Альбом..., 1889. ЧОКМ-8139/665)

реки Анадырь. Русские впоследствии основали здесь поселение и назвали его Мариинский пост. В прежние времена чукотское селение располагалось ближе к открытому морю, на низкой песчаной косе известной как Земля Гека (Vogoras, 1904: 28).

Иная версия поселения чукчей на месте будущего русского поста изложена в статье второго начальника Анадырской округи Н.Л. Гондатти «Сведения о поселениях по Анадыру»: «...Чукчи стали здесь селиться лет 70 тому назад, превращаясь, по разным причинам, из кочевников-оленных в оседлых рыболовов и зверопромышленников. Иногда население поселка, по-чукотски Каагыргын, то увеличивается на несколько юрт, то уменьшается, в зависимости от состояния оленных стад, промыслов рыбы и зверя в других местах» (Гондатти, 1897: 106–107). То есть по Гондатти получалось, что жители чукотского поселка были частично мелкими оленеводами, частично – морскими охотниками и жили разбросанно вдоль лимана и долины Анадыря.

И.С. Вдовин считал, что чукчи стали селиться вокруг Ново-Мариинского поста уже после его создания (Вдовин, 1965: 214). Следовательно,

местный поселок возник вокруг нового административного центра уже после строительства складов с продовольствием и налаживания торговли. Но и по этой версии неясно, откуда появились на косе в устье Анадыря коренные жители.

ОПИСЬ Н.Л. ГОНДАТТИ

В разных вариантах приведенные цитаты встречаются в большинстве источников по истории города Анадыря и Чукотского автономного округа. На самом деле ответ о происхождении населения поселка у русского поста содержится в сделанной 125 лет назад описи его жителей, проведенной Н.Л. Гондатти летом 1896 г. Она сохранилась в виде рукописной тетради и вместе с дневниками Н.Л. Гондатти находится теперь в фондах Музейного Центра «Наследие Чукотки» (ЧОКМ-8140/26; см. статью Коломиец и др.).

Гондатти застал живущих при Ново-Мариинском посту 14 «хозяйств» (очевидно, жилищ) чукчей с общим населением 74 чел., плюс еще одну семью из 5 чел. В опубликованных итогах первой всеобщей Переписи населения Российской империи 1897 г., где использованы его материалы (см. Предисловие), значатся рядом «Н. Мариинский пост (при Анадырском лимане)» с населением 16 чел., все русские, и чукотский поселок *Вуэнгъ* (*Вуэн'*) с населением 70 чел. (38 м. и 32 ж. – Патканов, 1912: 891). Гондатти не только посчитал жилища и общее число жителей поселка: он переписал их по семьям и поименно, сопроводив свою опись данными о происхождении каждой семьи (фото 4–5). И еще добавил 4 страницы текста с биографией первопоселенца и старейшины поселка – чукчи Ятгыргын'а, по прозвищу Белоголовый, по-видимому, из-за его преклонного возраста (60 лет).

Из описи Гондатти и пояснительного текста следует, что первыми поселенцами в *Вуэн'*е была семья чукчи Воквуттана, пришедшего сюда «неизвестно откуда». Второй была семья обедневшего оленевода, деда Белоголового – Ятгыргын'а, которая в первой половине XIX в. кочевала «около Янгагай» и впоследствии, потеряв оленей, поселилась в приморском пос. Энмелен у м. Беринга, на южном побережье Чукотского полуострова. Став морским охотником в Энмелене и женив своего сына на эскимоске из пос. Имтук, дед Белоголового переехал к устью Анадыря, где и поселился рядом с семьей Воквуттана. Произошло это, видимо, не позднее 1840-х гг. Затем к ним присоединился брат деда Белоголового, тоже из Энмелена; эта небольшая группа полуоленево- / полуморских охотников перемещалась вдоль побережья и кос Анадырского лимана, пока окончательно не осела в *Вуэн'*е за несколько лет до строительства русского по-

№	Имя	Откуда	Население		Годы	Описание
			м.	ж.		
1.	<i>Думбаалвонивен</i>	Чукчи	-	-	28-30.	Забываю описывать, но...
	<i>Даб'и'мвуван</i>	Чукчи	-	-	28-30.	Забываю описывать, но...
	<i>Мэв'и'мвонь</i>	Чукчи	-	-	7.	Забываю описывать, но...
	<i>Нэ'и'в'каммань</i>	Чукчи	-	-	5.	Забываю описывать, но...
2.	<i>Улукунь Ум'и'мвонь</i>	Чукчи	-	-	35.	Забываю описывать, но...
	<i>Ай'и'мвонь</i>	Чукчи	-	-	35.	Забываю описывать, но...
	<i>Мам'и'мвонь</i>	Чукчи	-	-	9.	Забываю описывать, но...
	<i>Ам'и'мвонь</i>	Чукчи	-	-	6.	Забываю описывать, но...
3.	<i>Ном'и'мвонь</i>	Чукчи	-	-	40.	Забываю описывать, но...
	<i>Тук'и'мвонь</i>	Чукчи	-	-	38.	Забываю описывать, но...
	<i>Ан'и'мвонь</i>	Чукчи	-	-	11.	Забываю описывать, но...
	<i>Кум'и'мвонь</i>	Чукчи	-	-	6.	Забываю описывать, но...
	<i>Кум'и'мвонь</i>	Чукчи	-	-	8.	Забываю описывать, но...
	<i>Там'и'мвонь</i>	Чукчи	-	-	5.	Забываю описывать, но...
	<i>Кум'и'мвонь</i>	Чукчи	-	-	60.	Забываю описывать, но...
4.	<i>Вуэн'и'мвонь</i>	Чукчи	-	-	60.	Забываю описывать, но...
	<i>Мам'и'мвонь</i>	Чукчи	-	-	35.	Забываю описывать, но...
	<i>Вок'и'мвонь</i>	Чукчи	-	-	30.	Забываю описывать, но...
	<i>Вуэн'и'мвонь</i>	Чукчи	-	-	9.	Забываю описывать, но...

Фото 4. Первый лист описи жителей селения Вуэн' при Ново-Мариинском посту, июль 1896 г. (ЧОКМ-8140/26)

ста. В графе «место рождения» Ятгыргын'а и его племянника Роутгыргына Гондатти поставил «пост».

Это соответствует версии в статье Гондатти 1897 г. Но, кроме этих двух семей и одной семьи «заречного» оленевода (очевидно, из-за р. Анадырь), остальное население поселка (12 семей, более 60 чел.) со-

первых, жители Чечена (по-чукотски *сесильит*) имели большой опыт общения с европейцами и американцами. В последние десятилетия XIX в. их поселок на входе в бухту Ткачен («Большая Марковская бухта» на русских картах; Marcus Bay или Martin's Bay на американских картах (Воскстоце, Batchelder, 1978: 265) – часто посещали американские китобойные и патрульные суда. Когда после 1885 г. основные районы деятельности китобоев сдвинулись к арктическому побережью Аляски, главными пунктами их подходов к берегам Чукотки стали эскимосский пос. Ун'азик на м. Чаплина и чукотский пос. Уэлен на северном побережье. Жители Чечена и окрестных поселков лишились устойчивого притока товаров и должны были искать новые места.

Другим фактором повышенной мобильности жителей юго-восточной и восточной Чукотки могли стать последствия тяжелого голода (эпидемии?), который поразил эти районы, а также американский о. Св. Лаврентия в 1878–1880 гг. (Крупник, 1981). На Чукотке опустели многие поселки; полностью обезлюдело расположенное рядом с Чеченом эскимосское селение Кивак; его жители частью переселились в Чечен и в Ун'азик, частью ушли на о. Св. Лаврентия. Хотя Чечен оставался крупным поселком во времена Н.Л. Гондатти и В.Г. Богораза, его жители продолжали расселяться по Чукотке в поисках более надежных средств существования (Крупник, 1983: 79). Про семью на посту, глава которой пришел из Угрильика (Вуурэла), в описи Гондатти сказано следующее: «Вуурэл было довольно большое поселение в бухточке Вуурэл, находящееся в той же бухте, что Иан и Эунмон (Аван. – И.К.)... Поселок исчез лет 20–25 лет тому благодаря болезни, от которой большинство умерло, а иные сделались оленными».

Установленная описью Н.Л. Гондатти связь жителей чукотского поселка Вуэн' при Ново-Мариинском посту с обитателями юго-восточного и восточного побережья Чукотского полуострова очень важна для понимания истории коренного населения Чукотки в последние десятилетия XIX в. Во-первых, стоянка на «косе Св. Александра» осваивалась местными жителями задолго до создания здесь русского административного форпоста. Во-вторых, это было не крошечное стойбище из 2–3 семей, а вполне жизнеспособное поселение из нескольких десятков человек. Очевидно, что число жителей здесь заметно увеличивалось в летние месяцы – но не за счет подхода к берегу оленеводов, а благодаря прибытию торговых байдар из лежащих почти за 600–800 км поселков юго-восточной Чукотки (как написал Олсуфьев). Следовательно, создание российского форпоста в устье Анадыря не предшествовало притоку сюда местных жителей, а удачно наложилось на уже существовавшие в конце XIX в. маршруты дальних торговых

связей и поездок обитателей Чукотки, о чем подробно написали Олсуфьев и Гондатти, а позднее И.С. Вдовин (1965).

Переселенцы из Чечена, Энмелена, Мечигмена и с о. Аракамчечен были опытными морскими охотниками. На их родине годовой хозяйственный цикл основывался на добыче крупных морских животных – моржей, лахтаков, гренландских и серых китов. Они умели строить крупные мореходные кожаные байдары для дальних плаваний по Анадырскому заливу, добывали моржа на кромке и нерпу на припайном льду и справляли праздники, типичные для морских охотников (фото 6).

Получается, что этнографические коллекции, собранные среди коренных жителей Ново-Мариинского поста и сделанные там исторические фотографии А.А. Бунге и В.Г. Богораза отражают в большей степени культуру морских зверобоев юго-востока и востока Чукотского полуострова, а не обедневших оленеводов южной Чукотки. Это важно знать для современной интерпретации этнографических предметов, собранных на Ново-Мариинском посту Л.Ф. Гриневецким, Н.Л. Гондатти,

Фото 6. Зимний праздник жителей Ново-Мариинского поста (праздник приморских чукчей с использованием специальной сети с развешанными миниатюрными изображениями птичек и раскрашенных весел – «праздник Кереткуна», по В.Г. Богоразу). Фото из коллекции В.Г. Богораза, зима 1900/01 г. (Американский музей естественной истории, № 1322)

В.Г. Богоразом, Н.И. Сокольниковым и хранящихся сейчас во многих музеях России и других стран.

Наконец, по сообщениям Гондатти и Богораза, население Чечена в конце XIX в. было смешанным и двуязычным, чукотско-эскимосским, а жители «Иана» и «Вуурэла», т. е. Ыгыг'ак'а и Угрилыка, были эскимосами (см. статью Крупника). Поселившиеся в устье Анадыря бывшие жители этих поселков создали надежную промежуточную стоянку для своих старых партнеров – эскимосов из Ун'азик'а, Авана, Сиг'ыныка («Вутэна») и других поселков юго-востока Чукотского полуострова. Значит, на старом пути их торговых поездок вверх по р. Анадырь и на Усть-Бельскую ярмарку появился новый пункт, где они могли провести торговлю, отдохнуть и собрать сведения о состоянии ресурсов и ценах на товары в долине Анадыря. Память об этих связях и «партнерах» могла быть важным фактором наступившего через 20–25 лет переселения жителей Ун'азик'а и других эскимосских поселков к устью Анадыря и заливу Креста, где впоследствии возник эскимосский поселок Уэлькаль (Членов, Крупник, 2012; Крупник, Членов, 2016).

И последнее: интерес жителей Чечена к территориям вдоль северо-восточного побережья Анадырского залива не прекратился с их переселением в *Вуэн'* в конце XIX в. В 1981 г. я записал от И.И. Ашкамакина, старейшины чаплинских эскимосов рассказ об отъезде «старых ткаченских» в залив Креста (Пусть говорят..., 2000: 248–249). По словам Ашкамакина, это были жители Чечена (*сесильыт*), которые ушли туда еще до его рождения, т. е. до 1910 г.; их потомки проживают сейчас в поселке Конергино. Следовательно, по всему маршруту поездки Гондатти 1895 г., «от с. Марково и устья Анадыря до Чукотского п-ова и Берингова пролива», существовала сеть торговых и родственных контактов коренных жителей Чукотки. В нее были вовлечены отдельные семьи и большие группы людей из береговых поселков от Мечигменского залива до устья Анадыря, т. е. на морском пути длиной около 1000 км. Наши знания об этих торговых связях были отрывочными; теперь они подкреплены прямыми генеалогическими материалами.

Вот сколько новой информации удалось почерпнуть из нескольких страниц рукописной описи 125-летней давности. Спасибо Вам, Николай Львович Гондатти!

БЛАГОДАРНОСТЬ

Выражаю искреннюю благодарность О.Е. Яценко, которая обратила мое внимание на этот ценнейший документ из рукописного наследия

Н.Л. Гондатти. Для иллюстраций использованы фотографии из альбома Бунге с сайта <http://dobrafotografija.blogspot.com/2014/03/1889.html> и из коллекции В.Г. Богораза в Американском музее естественной истории в Нью-Йорке (куратор Лаурел Кендалл).

Литература

Альбом фотографических видов к отчету о плавании клипера «Разбойник» и устройстве Ново-Мариинского поселения в устье реки Анадырь, 1889. (составлен по фотографиям А.А. Бунге). – URL: <http://dobrafotografija.blogspot.com/2014/03/1889.html> (оригинал в Российской Государственной библиотеке, г. Москва; копия – в МЦНЧ); то же (– URL: <https://humus.livejournal.com/6204291.html>)

Арутюнов, С.А., Крупник И.И., Членов М.А. Китовая аллея. Древности островов пролива Сенявина. – М.: Наука, 1982. – 175 с.

Вдовин И.С. Очерки истории и этнографии чукчей. – М.; Л.: Наука, 1965. – 403 с.

Вехов Н.В. «Назначен начальником Анадырской округи...» О русском враче-путешественнике, полярном исследователе Леониде Францевиче Гриневецком (1853–1891) // Московский журнал. – Апрель 2014. – № 4 (280). – С. 2–19.

Вульф Н.П. Донесение командира клипера «Разбойник», капитана I ранга Вульфа о плавании к устью реки Анадырь // Морской сборник. – 1890. – Т. 236, № 3. – С. 20–39.

Гондатти Н.Л. Сведения о поселениях по Анадыру // Записки Приамурского отдела Императорского Русского Географического Общества. – 1897. – Т. 3. – Вып. 1. – С. 71–110.

Крупник И.И. Древние поселки и демографическая история азиатских эскимосов Юго-Восточной Чукотки (включая о-в Святого Лаврентия) // Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки / отв. ред. И.С. Гурвич. – М.: Наука, 1981. – С. 97–118.

Крупник И.И. Древние и традиционные поселения эскимосов на юго-востоке Чукотского полуострова // На стыке Чукотки и Аляски / отв. ред. В.П. Алексеев. – М.: Наука, 1983. – С. 65–95.

Крупник И.И., Членов М.А. «Новая Земля»: к истории образования группы уэлькальских эскимосов // Лицом к морю. Памяти Людмилы Богословской / отв. ред. И.И. Крупник. – М., 2016. – С. 396–421.

Олсуфьев А.В. Общий очерк Анадырской округи, ее экономического состояния и быта населения. – СПб.: Типография Академии наук, 1896. – 223 с.

Очерки истории Чукотки с древнейших времен до наших дней / отв. ред. Н.Н. Диков. – Новосибирск: Наука, 1974. – 456 с.

Патканов С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.): в 3-х т. – СПб., 1911–1912 // Записки

Императорского Русского Географического Общества по отделению статистики; Т. 11 / Т. 3 : Иркутская губ., Забайкальская, Амурская, Якутская, Приморская обл. и о. Сахалин. – 1912. – С. 434–999.

Пусть говорят наши старики. Рассказы азиатских эскимосов-юпик. Записи 1975–1987 гг. / сост. и запись И.И. Крупника. – М.: Институт Наследия, – 2000. – 526 с.

Рига И.Г. Анадырь. Историко-краеведческий очерк. – Магадан: Кн. изд-во 1981. – 56 с.

Рига И.Г. Анадырь знакомый и незнакомый. – М.: Русский раритет, 2009. – Ч. 1. – 429 с.

Членов М.А., Крупник И.И. «Новая земля». История последней миграции азиатских эскимосов (1920–1935) // «Вехи на мысах: сборник к 80-летию С.А. Арутюнова» / отв. ред. М.М. Бронштейн, И.И. Крупник – М.: Гос. музей Востока, 2012. – С. 70–83.

Bockstoce J.R., Batchelder C. A Gazetteer of Whalers' Place-Names for the Bering Strait Region and the Western Arctic // Names. – 1978. – Vol. 6 (3). – P. 258–270.

Bogoras W. The Chukchee. Material Culture // Memoirs of the American Museum of Natural History. – Leiden and New York: E.J. Brill and G.E. Stechert, 1904. – Vol. 11. – Pt. 1. – 276 p.

ТОПОНИМИЧЕСКИЕ «ЛЕГЕНДЫ»: БУХТА ПРОВИДЕНИЯ, БУХТА ЭММА И БУХТА ПЛОВЕР

Загребин И.А.

Несмотря на то что первые европейцы достигли территории современного Чукотского автономного округа в середине XVII в. (экспедиция Ф. Алексеева и С. Дежнева прошла проливом между двумя континентами в 1648 г.), Северо-Восток Азии до сих пор остается территорией «пионерного освоения». Значительная удаленность от крупных культурных и научных центров, суровые природные условия, огромные просторы и слабая заселенность (0,07 чел. на 1 км²), а также редкость научной литературы по истории края оставляют простор для формирования большого числа исторических легенд. До сих пор Чукотка у многих ассоциируется с «краем земли», где живут аборигены, бродят олени и белые медведи практически постоянно гостят в поселках. Но для жителей Чукотки их родина – не «конец земли», а начало России и нового дня.

Юго-восток Чукотского полуострова всегда был своеобразным навигационным углом (поворотным мысом), огибая который мореплавателям и путешественникам трудно миновать бухту Провидения. Это – глубоководный фиорд с большим современным поселком, морским портом и аэропортом (фото 1). Со второй половины XIX в. бухту Провидения регулярно посещали русские и американские торговые и военные суда, различные экспедиции, путешественники, чиновники и инспекторы сменявших друг друга местных администраций. Многие из них оставили записи об особенностях природы бухты и ее жителях.

Весной 1895 г. в бухте Провидения побывал Н.Л. Гондатти в ходе своей поездки «из с. Маркова на реке Анадыре, в бухту Провидения, Берингов пролив» (Гондатти, 1898). В бухте он нашел только один поселок эскимосов – Ийен в бухте Пlover, где тогда жили 24 чел. в 4 ярангах (Патканов, 1912). Второй поселок в глубине бухты, известный на более ранних картах как Woogrel или Гугрэлен (современные Урелики, по-эскимосски – Утрильык), был тогда необитаемым. Из бухты Провидения или, точнее, из верховья

©Загребин И.А., 2020

Эта же версия была использована журналистом Юрием Сенкевичем, ведущим популярного «Клуба путешественников» во время его работы на Чукотке летом 1982 г. и прозвучала в одном из выпусков его телевизионной программы. Еще один вариант (текст всего буклета уж совсем фантастический) подготовлен к 330-летию «открытия» бухты Провидения для буклета, посвященного истории бухты:

«Свое романтическое название она получила от моряков английской экспедиции под командованием Томаса Мура. В 1848 году на двух клиперах «Пlover» и «Геральд» экспедиция вела поиск пропавшей экспедиции Дж. Франклина. Но, попав в шторм, «Пlover» получил повреждение и вынужден был укрыться в бухте и зимовать.

Зимовка благодаря помощи коренных жителей эскимосов оказалась исключительно удачной: все моряки были живы и здоровы – случай для северных экспедиций тех времен почти невероятный. Набожные английские моряки решили, что столь удачным исходом зимовки они обязаны низошедшему на них святому Провидению. Так бухта получила название «Святое Провидение», а коса на выходе из бухты – Пloverской. Тогда же появились и первые данные о размерах бухты».

Интересный вариант происхождения названия бухты имеется в книге Г.И. Казыдуба «Семь главкомов: РВСН без ретуши и грима» (2004). Автор побывал в бухте Провидения в 1983 г. по служебным делам. Нелетная погода задержала военных в Провидения, и было решено возвращаться в Анадырь на военном судне. Моряки и рассказали такую историю:

«От них же мы услышали красивую легенду об этой бухте. Русские моряки на утлом паруснике плыли по холодному северному морю в поисках сказочных земель. Вдруг разразился сильный шторм. Легкое суденышко бросало из стороны в сторону. Моряки уже видели свою гибель, стали молиться перед смертью. Сорван руль, сломана мачта, с ветром улетели паруса. Стихия полностью властвовала над беззащитными людьми. Громадные волны гнали неуправляемое судно к берегам. Все ближе и ближе черные сопки, крутые скалистые берега. Гибель неизбежна, моряки стали прощаться. И вот самая крутая волна бросила корабль прямо на скалы. И вдруг, чудо! Как по волшебству, неожиданно стихла буря, исчезли страшные волны. Перед глазами отчаявшихся отважных моряков открылась прекрасная, совершенно тихая бухта, защищенная

со всех сторон высокими сопками. Это и было провидение судьбы, милость богов.

С того времени бухта получила название бухты Провидения» (с. 156).

Можно долго цитировать различные журналистские и откровенно дилетантские писания, которыми наполнены журналы и газеты, а в наши дни – еще и интернетные сайты. Например, такой вариант Виктора Федотова, пенсионера, «Крест Эммы Мур» (тоже из интернета):

«Именно Мор [Мур – по-английски Moore. – И.З.] присвоил бухте наименование «Святое Провидения», в знак благодарности за то, что она спасла его команду от верной гибели и позволила перезимовать там зиму 1848–1849 г. А фьорд, примыкающий к бухте Провидения, он назвал именем своей дочери Эммы. Существует легенда, согласно которой Эмма не вынесла долгой зимовки и скончалась от цинги. Ее похоронили на одной из сопки».

Действительно, капитан экспедиционного судна «Пlover» командер (commander – офицерское звание в английском флоте, ниже «капитана») Томас Мур (Thomas Moore) назвал небольшую бухту по восточному берегу бухты Провидения «Emma's Harbour» («Гавань Эммы»). При этом участники плавания, очевидцы этого события, оставившие письменные воспоминания: лейтенанты Хупер (Hooper, 1853/1975) и Басбридж (Busbridge) – нигде не упомянули, о какой именно «Эмме» шла речь.

Эмма – женское имя, распространенное в английском языке. Наверное, поэтому и возникла легенда о женщине (Эмма) и ее связали с зимовкой капитана Мура в 1848/49 г. Дата появления этой легенды неизвестна – возможно, она возникла в 1930–1950-е гг., когда порт и пос. Провидения быстро росли, появилось значительное русское население. Кто-то предположил, что Emma была дочерью капитана Мура. Есть и такая версия – жена или девушка, с которой познакомился и которую любил капитан «Пloverа» во время зимовки. Она выглядит примерно так:

Английский капитан Томас Мур, отправившись в далекое плавание на поиски пропавшей экспедиции сэра Джона Франклина, взял с собой свою дочь (жену). Приплыв к берегам Чукотки, судно встало на зимовку в бухте, получившей название Святое Провидение. Молодая англичанка не выдержала тягот зимовки и умерла от тоски по родине, плохого питания и нестерпимого климата. Капитан Мур похоронил свою дочь (жену) на берегу бухты, поставил деревянный крест (фото 3) и назвал небольшую бухту в память об умершей.

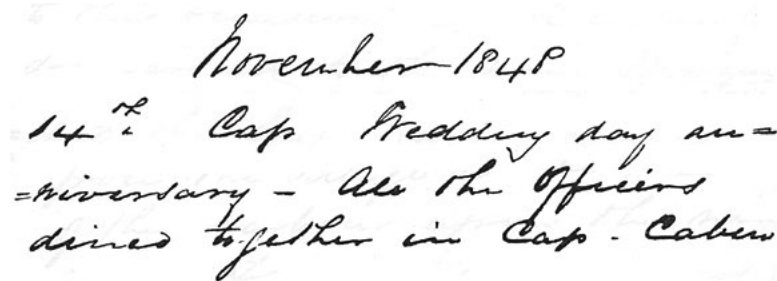
НЕИЗВЕСТНАЯ «ЭММА»

В общем, легенда печальная и сентиментальная, в духе арктических мелодрам. С появлением доступа к книге участника экспедиции лейтенанта Хупера (Hooper, 1853. 1975), неопубликованному дневнику лейтенанта Busbridge в архиве Полярного Института Скотта в Кембридже, Великобритания, другим материалам о жизни и деятельности командера Томаса Мура (Thomas E. Moore) многие неточности и ошибки сняты, развеяны легенды, кроме одной. Кто же была эта Emma?

К сожалению, почти ничего не известно о рождении, семье и детстве Thomas Edward Laws Moore (примерно 1820–1872). Нет даже точной даты и места его рождения. Документированная история начинается с 19 октября 1833 г., когда он поступил на службу в британский флот. Таким образом, мы не знаем имени его матери.

Мур вернулся из Арктики в 1852 г., проведя почти 6 лет в поисках пропавшей экспедиции Джона Франклина. В 1855 г. его, уже в звании капитана, назначили губернатором Фолклендских островов, куда он направился с женой Элизой (Eliza) и первой дочерью. Женится Мур, вероятно, до своего назначения командиром на «Пlover» – лейтенант Басбридж пишет в своем дневнике о праздновании годовщины дня свадьбы (фото 2): «*Ноябрь 1848. 14-е. День бракосочетания капитана – все офицеры обедали в каюте капитана.*»

Другой вариант: неизвестная Эмма – девушка из местных жителей, которая понравилась молодому капитану. Он, однако, маловероятен. «Пlover» подошел к берегам Чукотского полуострова 16 октября 1848 г.; решение о зимовке было принято офицерским собранием корабля 23 октября. Капитан дал название вновь открытой бухте 14 декабря 1848 г. (по дневнику Басбриджа). Все это время капитан и команда были заняты подготовкой корабля к длительной стоянке и зимовке (Hooper,

November 1848
14th Cap Wedding day anniversary - All the Officers dined together in Cap. Cabin

Фото 2. Отрывок из дневниковой записи лейтенанта Басбриджа от 14 ноября 1848 г.

1853/1975). В то время английские моряки и эскимосские жители пос. Угриилык / Урелики (Woorel в английских документах) только присматривались друг к другу. Тем не менее дружеские отношения наладились довольно быстро, и уже 28 декабря капитан Moore посетил Woorel, где, по сообщению Хупера, тогда жило около 70 чел. в 10–11 жилищах (Hooper, 1853/1975: 54).

И наконец, версия об историческом персонаже по имени Emma. Кто был кумиром для молодых офицеров Британского Королевского флота? – Без сомнения, адмирал Горацио Нельсон (Horatio Nelson). С его именем неразрывно связаны не только его победы на море (Абукир, Трафальгар и др.), но и имя его любимой женщины – Эммы Гамильтон (Lady Emma Hamilton; 1765–1815). Возможно, бухта была названа в память об этой красивой женщине, спутнице одного из символов Британской империи.

КРЕСТ НА МЫСЕ ПУЗИНО

Сведений об установке креста на чьей-либо могиле в имеющихся воспоминаниях участников зимовки шлюпа «Пlover» в 1848/49 г. нет. Несомненно, это событие было бы отмечено в книге Хупера (который, кстати, подробно описал и даже зарисовал увиденный им русский крест, установленный командой шлюпа «Благонамеренный» на могиле плотника Степана Клумова (?) в 1821 г.; Hooper, 1853/1975: 151) и в детальном дневнике Басбриджа. Значит, крест поставили не английские моряки.

Местные жители (эскимосы и чукчи) не помнят истории креста на м. Пузино, который по-эскимосски называется Иваг'яг'ак' (Меновщиков, 1972. С. 138). Однако, по воспоминаниям эскимосских старожил (Айнана Л., 1934 г. р.), во время морских переходов из с. Урелики или пос. Провидения на Пlover, проплывая на вельботе или байдаре мимо креста, пожилые люди крошили в воду табак и говорили: «Покури, Николай!» Скорее всего, это было связано с памятью о русском миссионере отце (игумене) Амфилохии, который жил в Уреликах в 1909–1911 гг. (Krupnik, Chlenov, 2013: 328) или о другом русском миссионере по имени Николай (!), который в 1915 г. открыл первую школу на м. Чаплина (Krupnik, Chlenov, 2013: 12).

5 июля 1876 г. клипер «Всадник» под командованием капитан-лейтенанта А.П. Новосильского встал на рейде бухты Пlover. Русские моряки пробыли в бухте Провидения до 19 июля. За это время берега бухты были положены на карту. Заслуга в организации съемки бухты принадлежала лейтенанту Михаилу Люциановичу Онацевичу. Он же оставил небольшие заметки о косе Ийен (бухта Пlover) и окрестностях (Онацевич, 1877). Сведений о кресте в этой публикации нет.

Не пишут о кресте и братья Аурель и Артур Краузе, немецкие ученые-натуралисты из Бремена, которые провели в бухте Эмма в ожидании судна в Сан-Франциско с 12 сентября по 3 октября 1881 г. (Krause, 1881/82 – английский перевод 1993 г.). Их главная стоянка была в бухте Пlover (по-немецки Ploverbai) возле эскимосского селения Рирак (*Ыг'ыг'ак'*, по-чукотски – Ийен), но они побывали также в бухте Эмма, на «озере Мура» (Lake Moore) и обследовали все окрестные места. В своих опубликованных записках братья Краузе также не упоминают о каком-либо кресте.

Не упоминает о нем и геолог Карл Иванович Богданович, который вел разведку золота в окрестностях бухты Провидения в 1900 г. (Богданович, 1901). Ничего не говорит о кресте на м. Пузино судовой врач Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана Леонид Старокадомский, который побывал в бухте Провидения в навигации 1910–1914 гг. во время плаваний ледокольных транспортов «Таймыр» и «Вайгач» (Старокадомский, 1953). Не сообщает о кресте и Н.Л. Гондатти, который должен был его видеть при проезде из Ийена/Рирака по льду бухты Эмма. Вообще бухту Провидения часто посещали во второй половине XIX – начале XX в., но никто из исследователей, ученых и моряков не сообщил о наличии в ней креста. Возможно, его и не было до 1917 г.

22 января 1917 г. в Петропавловском соборе Петропавловска-Камчатского была отслужена панихида по скончавшемуся в возрасте 50 лет в бухте Провидения начальнику Чукотского уезда Владимиру Степановичу Дяденко (Диденко). Вечный покой он нашел в заранее указанном им месте на берегу бухты, в двух верстах от здания уездной управы в пос. Урелики. Вполне вероятно, что это мог быть крест, поставленный на могиле начальника уезда; он расположен примерно на указанном расстоянии от бывшего с. Урелики, где в 1915–1916 гг. размещалась администрация Дяденко (Krupnik, Chlenov, 2013: 12–13). Однако видимых следов могилы нет или они исчезли со временем; может быть, ее раскопали любители старины или военные, которые стояли здесь в 1940–1960-е гг.

К сожалению, фотографий креста сохранилось мало. Наверное, это связано с тем, что территория была занята войсковыми частями и допуск был ограничен. Г.А. Воронин, капитан дальнего плавания, в 1956 г. приходил на грузовом судне в бухту Провидения. Он обследовал окрестности, нашел и крест на м. Пузино (фото 3,а). Владимир Бычков, уроженец пос. Провидения, передал в фонды Провиденского музея фотографию 1963 г., на которой изображена группа военнослужащих, сидящих у креста. Среди них – отец Владимира Бычкова (фото 3,б).

Фото 3. а – Крест на м. Пузино. 1956 г.; б – группа военнослужащих у креста (второй слева В. Бычков), 1963 г.; в – современный вид креста: восстановлена перекладина, исторические части перекладины лежат у подножья. Фото И. Загребина, 12 августа 2014 г.

В начале 1990-х гг. перекладина креста упала, а затем она была использована в качестве растопки для костра. На кресте осталось множество надписей от посетителей; некоторые надписи и даты сохранились, большинство стерто временем и снегом. Кроме того, дерево креста испещрено следами от пуль – ниже по склону располагалась стрельбище пограничников, и пули достигали крест уже на излете. Долгое время территория была закрыта для посещения – стояли военные, пограничная застава, активно использовалась стрельбище, и только во второй половине 1990-х гг. территория стала свободной. Но по-прежнему к кресту ходят очень редко; добираются туда только любители природы и истории. Летом 2014 г. кто-то восстановил перекладину креста (фото 3в). Нужно ли было это делать?

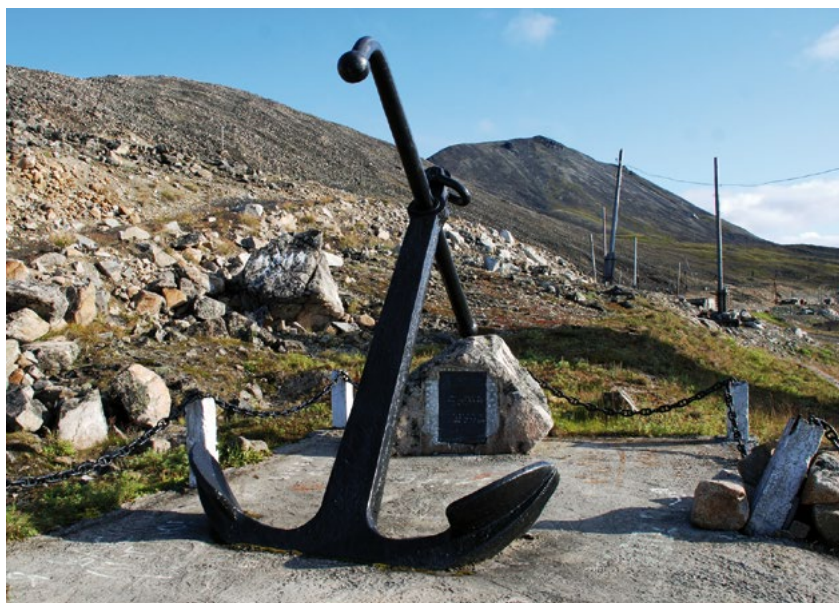

Фото 4. Адмиралтейский якорь памятного знака, установленный в 1978 г. в честь 250-летия Первой Камчатской экспедиции. Мыс Лихачева, пос. Провидения (фото И. Загребина)

БУХТА ПРОВИДЕНИЯ

С самой бухтой Провидения тоже связано немало легенд, распространяемых как в популярных, так и вполне серьезных публикациях. Первая из них гласит о том, что бухта была открыта и нанесена на карту в 1660 г. Курбатом Ивановым во время промысловой экспедиции от устья р. Анадырь к Чукотскому полуострову в поисках новых моржовых лежбищ, на которых можно собрать клыки моржа – основной источник дохода для Чу-

котки в XVII в. Все в том же историческом очерке капитана Беломестнова и журналиста Иванова в газете «Полярник» говорится:

«В последнем многотомном выпуске Большой Советской Энциклопедии факт открытия Провиденского фиорда русскими первопроходцами Чукотки уже не оспаривается и рядом с фамилией Мура стоит фамилия сотника Иванова».

Все это, разумеется, далеко от действительности: Курбат Иванов, приказчик Анадырского острога, составил после своего похода 1660 г. челобитную, в которой дал его подробное описание. Она находится сейчас в Российском Государственном архиве древних актов. К сожалению, Курбат Иванов не был столь наблюдательным, как Семен Дежнев: описание береговой линии дано им очень схематично – «большая губа», «губа», «становье» и т. д. Никаких конкретных сведений в его скаске (челобитной) нет, как нет и какого-либо упоминания о бухте Провидения. Тем не менее ряд историков утверждают, что коч Курбата Иванова заходил в бухту Провидения. М.А. Белов (1956: 166) предполагает, что его отряд достиг бухты Провидения 30 августа 1660 г.; И.П. и В.И. Магидович (1983) приводят иную дату – 10 августа 1660 г. С бухтой Провидения они соотносят следующий отрывок челобитной:

«...до госпожина дни за пять дней в губе нашли чюхочих мужиков четыре юрты мужики с юртов ушли мы в юртах взяли гусяного корму гусей тысячи з две» (госпожин день – 8 сентября по старому стилю, значит, в «губу» коч вошел 3 (13) сентября).

Естественно, трудно судить, в какую «губу» вошел коч Иванова, по данному отрывку, поскольку чертеж плавания (не карта!) не сохранился. Такое впечатление, что авторы сознательно отдавали приоритет открытию бухты русским промышленникам и казакам в угоду политическим веяниям конца 1940 – начала 1950-х гг., когда в СССР шла борьба с «низкопоклонством перед Западом». Воспроизводить сейчас эту «легенду» никакого смысла нет.

Еще одна довольно широко распространенная легенда – бухту Провидения открыл Витус Беринг во время своей Первой Камчатской экспедиции 1728 г. Эта версия попала даже в такое серьезное издание, как Национальный атлас России (2011) в статье о бухте Провидения. Памятный знак в честь плавания Первой Камчатской экспедиции, установленный на м. Лихачева, северном входном мысе в бухту Эмма, как бы подтверждает это. Бытует и легенда о том, что на м. Лихачева установлен именно тот самый якорь, который потеряло экспедиционное судно Витуса Беринга во время плавания 1728 г. (фото 4).

Первая Камчатская экспедиция (частью которой было плавание Беринга к проливу между Азией и Америкой, который впоследствии получил его имя) дала массу научных и исторических сведений о не известных ранее территориях и акваториях в северо-западной части Тихого океана. Обобщающим результатом экспедиции стала «Итоговая карта», которая сразу же вошла во все атласы мира после того, как полностью была использована в Генеральной карте России И.К. Кирилловым в 1734 г. Карта правильно передает основные элементы береговой черты Камчатки и Чукотки. На ней нанесены главные реки, основные и во многих случаях второстепенные мысы и заливы, вдоль береговой черты на суше показано направление хребтов. Представленные на карте, а также в многочисленных последующих изысканиях материалы (ср. Кушнарев, 1976; Сопозко, 1983) позволяют с уверенностью говорить, что экспедиция Витуса Беринга 1728 г., положив на карту все южное побережье Чукотского полуострова и частично о. Св. Лаврентия, вход в бухту Провидения не обнаружила (фото 5, 6).

9 августа 1728 г., когда судно Беринга находилось в этом районе, погода на протяжении всего дня не благоприятствовала наблюдению за берегом из-за сильного дождя и тумана. В 8 часов вечера погода улучшилась и экипаж увидел «землю... на ОНО в 8-и милях» – это была гора и одноименный мыс Лысая Голова (Путешествие..., 1948) – правый входной мыс бухты Провиде-

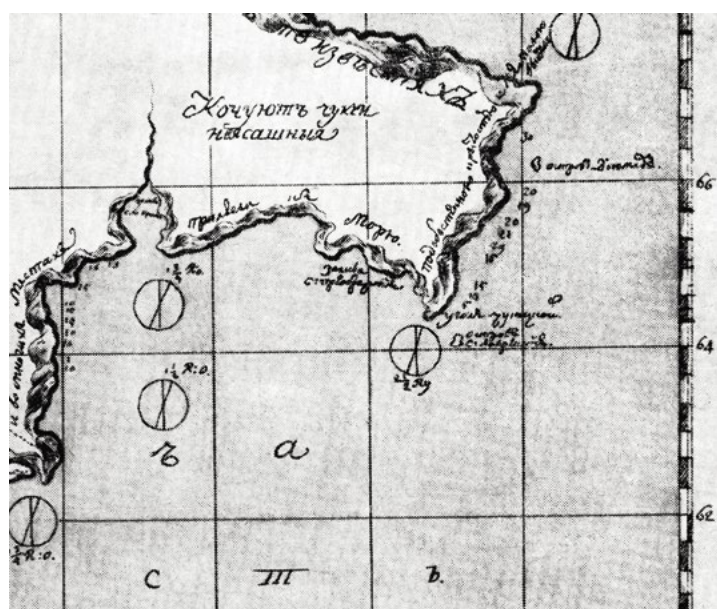

Фото 5. Фрагмент Итоговой карты Первой Камчатской экспедиции (Ефимов и др. 1963)

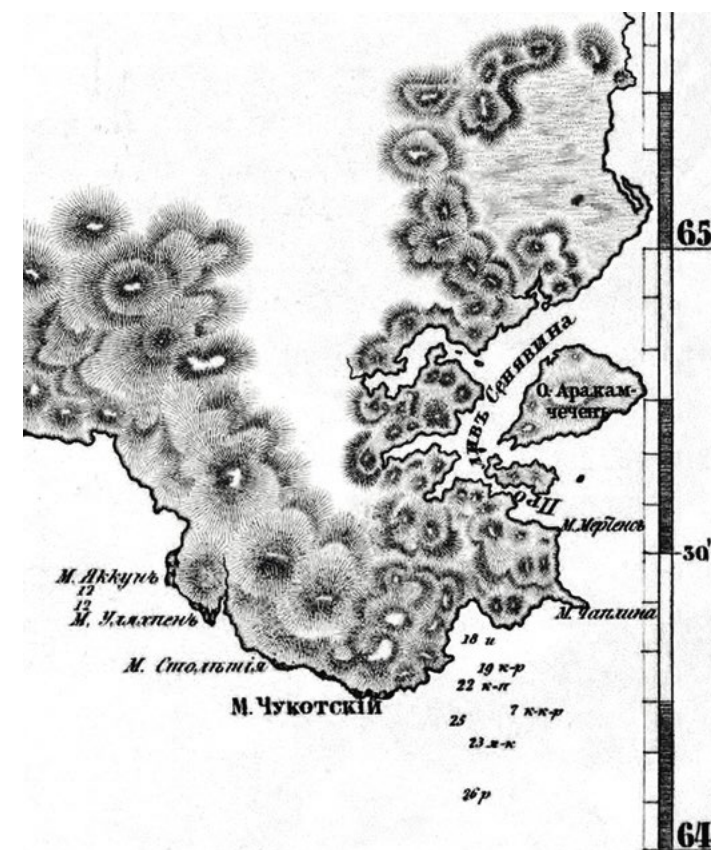

Фото 6. Фрагмент Итоговой карты плавания шлюпа «Сенявин» у юго-восточного побережья Чукотского полуострова, 1828 г. Хорошо видно, что на карте нет бухты Провидения

ния. Самой же бухты моряки не видели, так как проходили ее вход при плохой видимости. Затем, учитывая плохую погоду, Беринг приказал повернуть корабль на юг, на безопасное расстояние от незнакомого побережья.

Не «заметили» вход в бухту Провидения и все последующие экспедиции XVIII – начала XIX в. (плавание Михаила Гвоздева и Ивана Федорова в 1732 г.; третье кругосветное плавание Дж. Кука в 1778–1779 г.; путешествие сотника Ивана Кобелева и Николая Дауркина к Берингову проливу в 1791 г.; плавание корабля «Слава России» под командованием Г.А. Сарычева во время Северо-Восточной Географической экспедиции 1791 г. и др.).

Не обнаружил бухту Провидения и Федор Литке во время плавания на шлюпе «Сенявин» у берегов Чукотки в 1828 г. Экспедиция нанесла на карту пролив Сенявина со всеми бухтами и островами, дала названия многим географическим объектам на юго-востоке Чукотского полуостро-

ва. 10 августа 1828 г., подойдя на близкое расстояние к м. Чукотский, моряки отметили расположенное к востоку селение на низменном мысу – вероятнее всего, эскимосское поселение Кивак. В тот же день, в полдень экспедиция была примерно в том же месте, где 100 лет назад находилось судно 1-й Камчатской экспедиции Витуса Беринга. Ф. Литке отметил этот своеобразный юбилей, назвав один из находящихся рядом мысов – западный входной мыс в бухту Провидения, мысом Столетия. Но никаких упоминаний о самой бухте в материалах плавания Литке нет.

ЗНАЧИТ, ВСЕ-ТАКИ МУР?

И вот наступил 1848 г., когда английское Адмиралтейство поручило парусным гидрографическим судам «Herald» (под командой капитана Г. Келлета) и «Plover» (под командой Т. Мура) предпринять поиск пропавших судов экспедиции Джона Франклина к востоку от Берингова пролива. «Herald» прошел в 1848 г. через Берингов пролив до залива Коцебу, а «Plover» был вынужден зазимовать в бухте на Чукотском полуострове, получившей название «бухта Провидения».

Судно под командой капитана Т. Мура обследовало северную часть Берингова моря у азиатских берегов. 17 октября 1848 г. «Plover» вошел в неизвестную ранее бухту, которая оказалась очень удобной для стоянки, пополнения запасов пресной воды. Экипаж пополнил запас воды, команда приобрела у местных жителей меховую одежду, был сделан небольшой запас свежего оленьего мяса, и судно было готово выйти в море» (Hooper, 1853/1975: 17–18). Но уже 18–19 октября речки, впадавшие в бухту, покрылись льдом, а сильный шторм 19–20 октября задержал судно в бухте. 20 октября капитан Мур собрал всех офицеров на совет. После долгого обсуждения все пришли к мнению о необходимости готовиться к зимовке в этой бухте. 25 октября судно было переведено «дальше в глубь бухты (Эмма. – И.З.), напротив небольшого селения, вождем которого, как мы полагали, был Акауль», и 28 октября оно окончательно встало на якорь для зимовки (Hooper, 1853/1975: 21–22).

В дневнике Джона Басбриджа имеется запись от 14 декабря 1848 г. о наименовании бухты, в которой зазимовало судно:

«Вечером состоялся большой праздник в честь счастливых и провиденческих обстоятельств, которые привели нас к такому прекрасному убежищу для зимовки. Наш капитан сказал подобающую случаю речь. Он сказал, что это случилось только благодаря Провидению, так как это место не было известно из более ранних описей. Таким образом он называет бухту, и мы подняли бокалы по этому поводу с троекратным [приветствием]. Он дал названия «Порт [бухта] Провидения» «Бух-

та Пlover» и «Гавань Эммы. По этому поводу команде выдали по норме спирта, что было встречено с подъемом. Все прокричали приветствие» (фото 7).

December 1848

14 th

Evening had a grand set out in Honor of the Happy and providential circumstance of our falling in with such a splendid refuge for the Winter Our Cap making a suitable speech for the occasion Saying that it was attributable only to Providence for the place is not mentioned on any survey Therefore he should name the Port and we would all drink to it with three times three He would Name it "Port Providence" "Plover Bay" & "Emma's Harbour"

Ships company being supplied with an allowance of Spirits the same was enthusiastically Cheer'd (An extract from the diary of John H. Busbridge kept during the voyage of HMS Plover (Commander Thomas E.L. Moore) in search of Sir John Franklin).

Фото 7. Фрагмент дневника Дж. Басбриджа с записью от 14 декабря 1848 г. (архив Полярного Института Скотта, г. Кембридж, Великобритания)

Хупер в своей книге не передает этих подробностей, а просто сообщает, что бухта, где зазимовал «Plover», была названа Муром «порт Эмма» (Port Emma), Hooper, 1853/1975: 54). На карте, приложенной к его книге, показаны «P. Providence & Emma Hr.» (Порт Провиденс и Гавань Эмма).

Зимовка «Plover» в бухте Эмма была успешной, и в конце июня 1849 г. судно покинуло бухту и опять вышло в открытое море. «Plover» и «Herald» встретились в навигацию 1849 г. и приступили к своим операциям у северных берегов Аляски. Поиски экспедиции, зимовки в Арктике продолжались до 1854 г.

СУДЬБА НАЗВАНИЙ

Названия, данные капитаном Муром, сохранялись на карте Чукотки много десятилетий, но имели разную судьбу. Прежде всего, название самой бухты Провидения – Providence Bay. Несмотря на «религиозное» происхождение (в честь Божьего Провидения), бухта сохранила свое название и в советское время. Наверное, это слово больше ассоциировалось со словом «привидение», а может быть, старое название звучало романтически. И не было приставки «Святое». Во всяком случае, нам неизвестно о каких-либо попытках переименовать бухту. В 1930-е гг. это имя перешло также и к новому советскому поселку Провидения, который был построен рядом с местом зимовки английской экспедиции, а затем и к району, центром ко-

торого он стал (Провиденский район, в настоящее время Провиденский городской округ).

Все топонимы, имевшие в своем названии слово «Святое», потеряли свои «неправильные» части: залив Святого Преображения (современная бухта Преображения), залив Святого Лаврентия (бухта Лаврентия), острова Святого Диомида. А залив Святого Животворящего Креста лишился сразу двух слов и превратился в залив Креста или по-простому Кресты. Только американский остров Святого Лаврентия сохранил свое историческое название (данное еще В. Берингом), наряду со своим эскимосским именем *Sivuaq*.

Бухта Пlover («Port Plover»), названная по имени экспедиционного корабля, в 1876 г. была переименована в бухту (рейд) Славянка при съемке штурманом Карабановичем (клипер «Всадник»). Название Пlover имел поселок работников морзверкокомбината на косе Ийен, тоже названного «Пloverским». В обиходе жителей современного поселка Провидения Пlover – это и бухта, и коса, и остатки старого поселка.

Меньше повезло гавани (бухте) Эммы (*Emma Harbour*). Неясное по происхождению и, возможно, идеологически враждебное, оно получило новое, политически выдержанное название. Решениями Камчатского облисполкома от 14 ноября 1952 г. и Хабаровского крайисполкома от 26 января 1953 г. гавань Эммы (бухта Эмма) была переименована в «бухту Комсомольская». В то же время на географических картах, особенно крупномасштабных, часто обозначались оба названия – «бухта Комсомольская (Эмма)» или «бухта Эмма (Комсомольская)». После крушения СССР название «бухта Комсомольская» практически вышло из употребления и теперь ее снова называют «бухта Эмма».

И последний комментарий: одно из главных правил картографии – использовать при съемках названия географических объектов, которые используют жители этих мест.

Все эти бухты, мысы и поселки издавна имели свои имена в языках коренных жителей региона – эскимосов и чукчей. Бухта Комсомольская по-эскимосски называлась *Tasig'rak'* («большая коса»), бухта Пlover – *Aslyik'* (эск. – еда из кислых трав), и так же эскимосы называли поселок, возникший рядом с Пloverским морзверкокомбинатом. Напротив этого поселка, на большой косе, отчленяющей бухту Пlover, существовал старый эскимосский поселок *Bl'yg'ak'* (Рирак, чук. – Ийен), который посетил Н.Л. Гондatti (Меновщиков, 1972; Крупник, 1983:75–76). Возможно, в то время бухта Пlover тоже называлась по-эскимосски *Bl'yg'ak'*. Эскимосское название м. Пузино – *Ivav'yaq'*, чукотское – *Гутрэлэн'ыткын*. За ним располагался поселок

Урелики – по-эскимосски *Угриилык*, по-чукотски *Гутрэлэн*. Только последнее название сохранилось на современных картах в форме «Урелики». Национальные названия самого большого фиорда бухты Провидения и его многочисленных ответвлений, к сожалению, остались незафиксированными.

Из всех побывавших в бухте Провидения мореплавателей только лейтенант Онацевич во время съемки 1876 г. придерживался правила использовать местные названия (Онацевич, 1877). Однако на последующих морских картах конца XIX в. все местные названия были заменены на фамилии российских командующих Тихоокеанской эскадрой, офицеров флота. Часть из этих названий сохранилась на навигационных картах до настоящего времени, но в некоторых случаях были возвращены национальные названия. Так, бухта Ткачен, которая в конце XIX в. стала «заливом адмирала Бутакова», на современных картах обозначена как Ткачен.

Литература

Арктика – мой дом. История освоения Севера в биографиях знаменитых людей. Полярная энциклопедия школьника. – М.: Северные просторы, 2001. – 283 с.

Белов М.А. История открытия и освоения Северного морского пути. – М.: Морской транспорт, 1956. – Т. 1. – 592 с.

Беломестнов В.А., Иванов В. Бухта Провидения: легенды, гипотезы, были или путешествие во времени по картам и книгам // Газета «Полярник» № 11 (6173) от 28 янв. 1982 г., № 12 (6174) от 30 янв. 1982 г. и № 13 (6175) от 2 февр. 1982 г.

Богданович К.И. Очерки Чукотского полуострова. – СПб.: Типография А.С. Суворина, 1901. – 239 с.

Большая Советская Энциклопедия. – М.: Сов. энциклопедия.

Т. 8. – 1972. – 598 с.

Т. 23. – 1976. – 640 с.

Гондatti Н.Л. Поездка из с. Марково на р. Анадырь в бухту Провидения (Берингов пролив) // ЗПОИРГО. – 1898. – Т. 4, вып. 1. – С. 1–42.

Ефимов А.Е. Из истории великих русских географических открытий. – М.: Географ. лит-ра, 1950. – 317 с.

Казыдуб Г.И. Семь главкомов : РВСН без ретуши и грима. – М., 2004. – 315 с.

Крупник И.И. Древние и традиционные поселения эскимосов на юго-востоке Чукотского полуострова // На стыке Чукотки и Аляски. – М.: Наука, 1983. – С. 65–95.

Кушнарев Е.Г. В поисках пролива. – Л.: Гидрометеиздат, 1976. – 168 с.

Леонтьев В.В., Новикова К.А. Топонимический словарь Северо-Востока СССР / науч. ред. Г.А. Меновщиков. – Магадан: Кн. изд-во, 1989. – 456 с.

Магидович И.П., Магидович В.И. Очерки по истории географических открытий. – М.: Просвещение.

Т. 2. – 1983. – 388 с.

Т. 3. – 1984. – 319 с.

Меновицков Г.А. Местные названия на карте Чукотки: Краткий топонимический словарь. – Магадан: Кн. изд-во, 1972. – 207 с.

Национальный атлас России в четырех томах. Т. 1. Общая характеристика территории. – М.: Роскартография, 2011. – 495 с.

Наши льды, снега и ветры: народные и научные знания о ледовых ландшафтах и климате Восточной Чукотки: монография / [Айнана Л. И. и др.]; сост. и ред. Л. С. Богословская, И. И. Крупник; Российский науч.-исслед. ин-т культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева, “Shared Beringian Heritage Program”, National Park Service [и др.]. – Москва; Вашингтон: Ин-т наследия, 2013. – 359 с.

Онацевич М.Л. Замытки во время плавания около берегов Чукоцкой земли и въ Ледовитомъ океанъ въ 1876 году // Морской Сборник. – 1877. – № 7. – С. 43–68.

Патканов С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, языки и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материалов переписи 1897 г.): в 3-х т. – СПб., 1911–1912. Т. 3: Иркутская губ., Забайкальская, Амурская, Якутская, Приморская обл. и о. Сахалин. – 1912. С. [3] 434–999. – (Записки Императорского Русского географического общества по отделению статистики; вып. 3).

Путешествие вокруг света, совершенное на военном шлюпе Сенявине в 1826, 1827, 1828 и 1829 годах флота капитаном Федором Литке. – СПб.: Типография Х. Гинце, 1835. – 356 с.; – М.: Географгиз, 1948. – 335 с.

Сарычев Г.А. Путешествие по Северо-Восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. – М.: Гос. изд-во географ. лит-ры, 1952. – 325 с.

Сопоцко А.А. История плавания В. Беринга на боте «Св. Гавриил» в Северный Ледовитый океан. – М.: Наука, 1983. – 246 с.

Старокадомский Л.М. Пять плаваний в Северном Ледовитом океане. – М.: Гос. изд-во географ. лит-ры, 1953. – 339 с.

Busbridge John H. Extract from the diary kept during the voyage of HMS Plover (Commander T.E.L. Moore) in search of Sir John Franklin // Manuscript number 692 / Archives of the Scott Polar Research Institute. – Cambridge, United Kingdom, CB2 1 ER. – 30 p.

Hooper W.H. Ten Months Among the Tents of the Tuski, With Incidents of an Arctic Boat Expedition in Search of Sir John Franklin, as far as the Mackenzie River, and Cape Bathurst by Lieut. W.H. Hooper, R.N. With a Map and Illustrations. – London: John Murray, Albemarle Street. – 1853. – 417 p.

Krause Aurel. To the Chukchi Peninsula and to the Tlingit Indians 1881/1882: Journal and Letters by Aurel and Arthur Krause. – Fairbanks: University of Alaska Press, 1993. – 230 p.

Krupnik Igor, Michael Chlenov. Yupik Transitions. Change and Survival at Bering Strait, 1900–1960. – Fairbanks: University of Alaska Press, 2013. – 400 p.

АВАТМИТ: ИСТОРИЯ КОРЕННЫХ ЖИТЕЛЕЙ РАЙОНА БУХТЫ ПРОВИДЕНИЯ

Крупник И.И.

*Посвящается старейшинам аватмит, хранившим
память о прошлом для своих внуков и правнуков.*

Одним из самых значительных этнографических результатов поездки Н.Л. Гондатти по Чукотскому полуострову в 1895 г. был его вывод о том, что, помимо собственно «сидячих чукчей», на побережье Чукотки проживали еще и другие группы (или «народности»), которые, как считал Гондатти, переселились с Американского континента и близлежащих островов (Гондатти, 1898: 30). Он выделил четыре такие «народности»: айгуанат, или айвуанат (около 700 чел., с центром на м. Чаплина); жители пос. Нуу-кан на м. Дежнева (около 300 чел., нуукалит); жители пос. Вутээн и Имтун (около 100 чел., вутээницы) и население о. Ратманова (Б. Диомида). Гондатти назвал их эскимосами (ср. Миллер, 1897).

Нетрудно заметить, что Гондатти первым описал четыре основные этноязыковые подразделения азиатских эскимосов, которые в последующих работах именовались соответственно «чаплинцами», «науканцами», «сирениковцами» и «эскимосами островов Берингова пролива» или, по их эскимосским именам, ун’азиг’миит, нувукаг’миит, сиренинг’миит и имаглиг’миут (Меновицков, 1959, 1964; Рубцова, 1971; Арутюнов, Сергеев, 1973; Леонтьев, 1973; Крупник, Членов, 1979; и др.).

В 1973 г. М.А. Членов, мой коллега и соавтор по работам на Чукотке, высказал мнение, что таких этноязыковых подразделений было больше и что к ним, вероятно, можно добавить также жителей пос. Аван и Урелики (Chlenov, 1973: 13). В соответствии с терминологией тогдашнего сибиреведения (Файнберг, 1964; Долгих, 1970), он предложил называть эти и подобные им исторические территориальные группы «племенами».

В 1975–1979 гг. мне удалось записать рассказы более 20 старейшин в возрасте от 45 до 80 лет, которые родились и выросли в пос. Аван, Урелики и Пlover вокруг бухты Провидения или чьи родители были родом из этих поселков (фото 1; Благодарность).

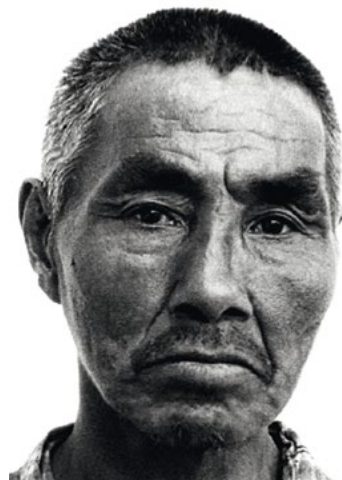
©Крупник И.И., 2020

1

Владимир Акка

2

Николай Анагикак

5

Галина Ататага

6

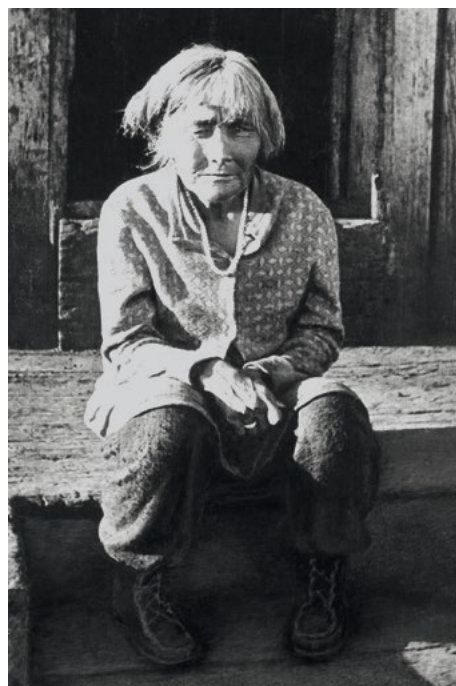
Кивуткак

3

Василий Анкатагин

4

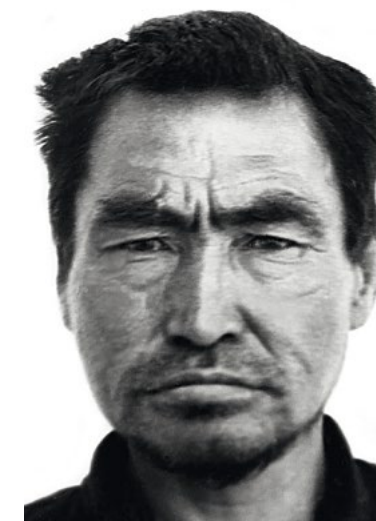
Аренаун

7

Петр Напаун

8

Михаил Юхак

Фото 1. Старейшины аватмит в 1970-е гг.: 1, 2, 5, 8 – из архива экспедиции В.П. и Т.И. Алексеевых (копии в Музее Берингийского наследия в Провиденция);

3, 6 – Л. Абрамян, 1979 г.; 4, 7 – И. Крупник, 1975 г.

Эти люди сохранили огромный пласт коллективной исторической памяти о прежней жизни эскимосов в конце XIX – первой половине XX в. Их рассказы подтвердили, что «аватмит» – как они сами себя называли и как звали их другие эскимосы (эск. *аватмиит*, *Avatmiit*) – действительно в прошлом представляли собой отдельную общину (племя). Большинство рассказов-интервью, записанных среди аватмит в 1975–1990 гг., опубликовано (Пусть говорят..., 2000).

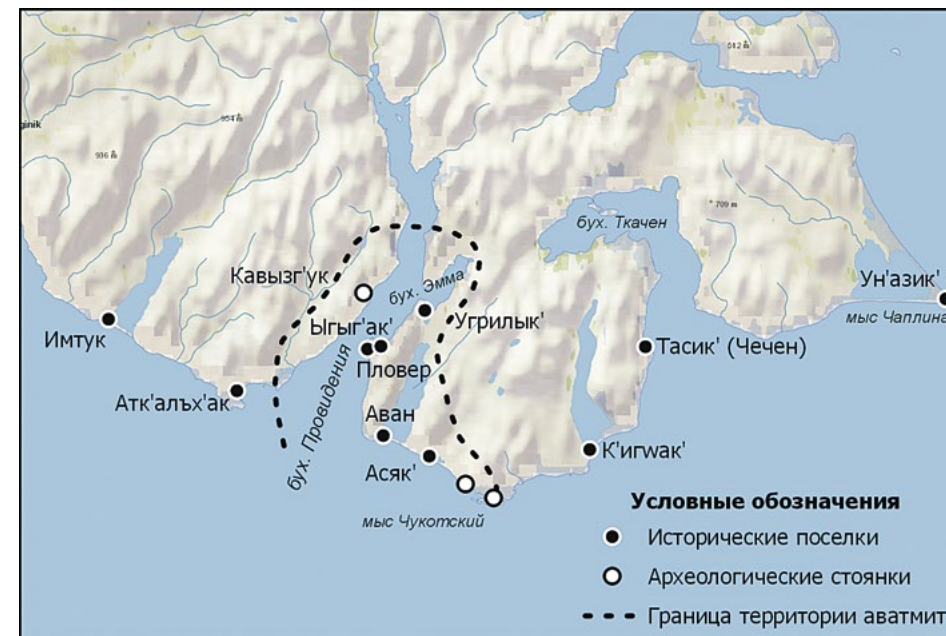
В 1999–2015 гг. я также работал в пос. Гэмбелл на о. Св. Лаврентия со старейшиной Уиллисом Уалянга (Willis Walunga, 1925–2017), чьи родители переселились из Авана на остров незадолго до его рождения. У. Уалянга обладал уникальными генеалогическими знаниями и огромным интересом к истории своих предков-аватмит. Настоящая статья суммирует рассказы старейшин, архивные и литературные материалы, собранные в 1975–2015 гг. Эта самая подробная на сегодня сводка по истории аватмит адресована их современным потомкам и всем, кто интересуется прошлым азиатских эскимосов и других коренных жителей Чукотки.

* * *

Когда Н.Л. Гондатти посетил бухту Провидения весной 1895 г. на своем пути от устья р. Анадырь на м. Чаплина, земля аватмит простиралась от западного края бухты Провидения вплоть до м. Чукотский, самой южной точки Чукотского полуострова, т. е. включала около 30 км морского побережья, а также внутреннюю часть бухты Провидения и бухту Эмма (см. рисунок).

Соседями аватмит на востоке, за м. Чукотский были эскимосы *киуаг'мит*; на западе, у м. Лесовского на выходе из бухты Провидения ранее жила небольшая группа эскимосов *атк'альх'аг'мит*, которые около 1880–1885 гг. переселились еще западнее, в пос. Имтук, на землю эскимосов *имтугмит* и *сиг'иньгмит* (Крупник, Членов, 1979; Krupnik, Chlenov, 2013).

Верховья фиордовых бухт Провидения и Эмма, а также соседней бухты Ткачен и лагуны Кивак осваивали кочевники-оленоводы из группы, которая по-эскимосски называлась *нан'упаг'аг'мит*, а по-чукотски – *сесильыт* («чеченские»). Они говорили по-чукотски, владели небольшими стадами оленей, но сохраняли память о своем давнем родстве с эскимосами. Это сочетание различных эскимосских и чукотских соседей с растущим проникновением русских, американцев и других иноземных влияний в районе бухты Провидения составляло основу социальной жизни аватмит и всех азиатских эскимосов с середины XIX в. (Крупник, Chlenov, 2013).

Карта поселков и племенной территории аватмит в начале XX в. (сост. И.В. Чечушковым)

Гондатти провел первую опись населения в двух существовавших тогда поселках аватмит, которые он назвал их чукотскими именами – Эвунмон (эск. Аван) и Ийен (эск. *Ыгыг'ак'*); он насчитал в них соответственно 101 и 24 чел. Серия последующих описей вплоть до 1939–1940 гг. дает близкие цифры – 120–150 чел., что можно считать примерной численностью племени аватмит в конце XIX – первые десятилетия XX в. (см. Крупник, 1983: 86–87). Это была небольшая община в сравнении с живущими далее на восток «чаплинцами»-*ун'азиг'мит* (около 500 чел.), науканцами на м. Дежнева (350 чел.) или жителями о. Св. Лаврентия, *сивук'аг'мит* (около 200 чел.), не говоря уже об оленеводах-чукчах внутренней тундры.

Название *аватмит/аватмиит**, в соответствии с эскимосской традицией, было производным от имени их центрального пос. Аван (чук. Эунмын / Эвунмын, от основы *эмм* – ‘скала’). Название Awan впервые отмечено на карте немецких натуралистов братьев Краузе в 1881 г. (Краузе, 1993: 40). Вокруг Авана располагалось несколько меньших по размеру поселков, се-

*В латинской орфографии, используемой для языка юпик на о. Св. Лаврентия, долгий звук *и* в суффиксе *-мит* передается удвоенной гласной (*avatmiit*). В принятой кириллической орфографии азиатско-эскимосского языка долгие гласные не выделяются или обозначаются с помощью надстрочных знаков (Рубцова, 1971) или двоеточия.

зонных охотничьих лагерей и стойбищ, которые были связаны с главным поселением.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОСЕЛКИ АВАТМИТ

Всего у аватмит в конце XIX – начале XX в. были известны следующие поселки:

1. **Аван** (по-русски часто называется Авань или Эстихет, от испорченного английского East Head) располагался на открытом морском побережье, у восточного выхода из бухты Провидения. Население Авана в 1895 г. насчитывало 101 чел. Под чукотским названием *Эвунмун / Эвунмон* он обозначен на картах Н. Дауркина 1765 г. и И. Кобелева 1779 г. (Крупник, 1983: 85; Крупник, Chlenov, 2013: 205); он также был обитаем в 1848/49 г. во время зимовки английского судна «Пlover» в бухте Эмма (Ноорет, 1976).

Аван несомненно был старинным селением, о чем свидетельствуют многочисленные развалины землянок с каркасом из китовых костей, расположенные в центре поселка (фото 2, 3). С.И. Руденко, который провел первые раскопки в Аване в 1945 г., нашел здесь предметы относящиеся к пунукской древнеэскимосской культуре около 1000 года н. э. (Руденко, 1947: 42–43). Судя по состоянию развалин старого поселка в 1975 г., это было крупное и процветающее поселение, где в первые десятилетия XX в. жило около 100 чел. (Крупник, 1983). В поселке существовало 4–5 охотничьих бригад,

Фото 2. Василий Анкатагин на фоне развалин большой землянки в Аване (фото И. Крупника, 1975 г.)

Фото 3. Вид пос. Аван в 1975 г. (фото И.И.Крупника) (а) и его современный вид (фото И.А. Загребина) (б)

которые вели активную добычу моржей и китов. В весенние месяцы, когда в Аван приезжали для промысла мужчины из Угрильика, в море выходило 6–7 вельботов и больших байдар (Пусть говорят..., 2000: 206–207).

По воспоминаниям старейшин и составленным генеалогиям, поселок делился на три части, жители которых по-эскимосски назывались соответственно *акх'ульюг'мит* (агкулюгмит – 'чаячьи люди' – Сергеев, 1962: 36), *акулигмит*, или *акулихалх'ит* (акулигмит – 'те, кто живут в середине') и *айвагмит* ('те, кто живут на севере'), или *кивалигмит* / *кивалихалх'ит* (кивалигмит – 'живущие с краю').

Агкулюгмит, жившие у самого берега, были сплоченной родственной группой (кланом) с осознанием своего единства и родственных связей, идентичностью и собственным именем, переходившим по отцовской линии, и особым участком на территории поселка. Шесть-семь семей (около 30 чел.), составлявших эту группу, распались на две ветви (линиджа), одна из которых считалась «хозяином земли» в Аване, а другая – в Ырыраке. Агкулюгмит имели свою охотничью бригаду из родственников; их яранги стояли компактно над обрывом, откуда открывался вид на море, и другие аватмит не могли селиться рядом с ними.

Две другие группы в Аване образовывали свои участки («кварталы») на территории поселка, но состояли из линиджей и отдельных семей, которые не имели между собой родственных связей. Самыми пестрыми по составу были кивалигмит (крайние люди), которых насчитывалось около 50 чел. Именно на их участок, дальний от моря, обычно подсеялись семьи из других поселков; отсюда же люди часто уходили в другие места и за пределы племенной территории (см. ниже). Небольшая группа акулигмит из 4–5 семей (около 20 чел.) жила в середине поселка, но на видимом расстоянии от соседей.

Хотя для современных эскимосов все бывшие жители Авана были членами общины аватмит, «составной» облик поселка в начале XX в. очевиден. В нем был один прочный клан, агкулюгмит, живший вместе с двумя сборными группами из осколков прежних социальных единиц и семей поздних поселенцев. Прежняя социальная структура Авана, о которой мы уже ничего не знаем, была, видимо, нарушена в результате каких-то потрясений, например голода 1880 г., или более ранних событий.

Агкулюгмит считались «хозяевами земли» Авана, но не связывали себя ни с одной из имеющихся в поселке древних землянок. Одну такую крупную землянку, по рассказам, «кормила» семья из группы акулигмит. Старики помнили, что этих людей называли *пуурылегмит* или *пугуг'илыг'мит* (скорее всего, от названия пос. Пуурылык / Пувулик на юго-западе о. Св. Лаврентия). Айвагмит, «северные жители», также не имели связи с древними землянками Авана. Один из них, Ыиайка, ездил справлять поминки по предкам в исчезнувший пос. Асяк к востоку от Авана (см. ниже). Старые

корни, уходившие в другие поселки и даже другие племена, имели большинство семей «срединных» и «северных людей».

Несмотря на свой смешанный состав, Аван был вполне традиционным поселком (фото 4). В первые десятилетия XX в. его жители приняли в свою среду одну семью *сиклюг'мит* из Напакутака, несколько семей и одиночек-мужчин из Кивака и Тасика и целую группу родственных семей бывших кочевников-нангупарагмит. Потомки этих людей через поколение приобрели аванскую идентичность и характерный аванский говор эскимосского языка, которые унесли затем в другие поселки. Всюду они считались *аватмит*, независимо от своего подлинного генеалогического происхождения.

2. **Ырырак** (эск. *Ыгыг'ак'*, он же Рирак, Пlover или Пlover-бэй, почукотски Иан / Ийен) – на косе внутри бухты Пlover, названной по имени зимовавшего в бухте Эмма в 1848/49 г. английского корабля «Пlover» (Ноорет, 1976). Поселок отмечен на русских картах XVIII в. под чукотским названием Иан, но, очевидно, был необитаем в момент зимовки «Пloverа».

Фото 4. Чаепитие в яранге в Аване, 1929 г. (фото А.С. Форштейна. Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера), № И-115-149)

История Ырырака, или Старого Пloverа, как его называли по-русски местные жители, была почти забыта в 1970-е гг. Даже самые старшие информанты не помнили Пlover-бэй конца XIX в., известный по описаниям и фотографиям того времени (Богданович, 1901: 21; Muir, 1917: 32, 211; Hughes, 1984: 251; Krause, 1993: 96; Krupnik, Chlenov, 2013: 27; фото 5). Участники американской Харримановской экспедиции летом 1899 г. сделали здесь недолгую остановку и сняли около двух десятков фотографий поселения и его жителей.

Считается, что до 1890-х гг. Ырырак был заметным поселком, с активной китовой охотой, контактами и торговлей с американскими кораблями. Осенью 1881 г. здесь было 8 жилищ эскимосов (т. е. около 45–50 чел.) и один дом американского торговца (Krause, 1993: 86). Скорее всего, жители Ырырака издавна кооперировались с обитателями Авана; известно, что они поддерживали активные контакты с эскимосами о. Св. Лаврентия. Ырырак, видимо, пришел в упадок после эпидемий и голодовок 1880-х гг. (Bockstoe, 1986: 137–141; Krause, 1993: 95), когда его население сильно сократилось и уцелевшие семьи уже не могли поддерживать жизнеспособную общину.

Фото 5. Эскимосы Ырырака, 1899 г. (фото из коллекции экспедиции Харримана. Национальный музей американских индейцев, Смитсоновский институт)

С прекращением регулярных заходов американских китобойных шхун и русских судов после 1905–1910 гг. жители Ырырака лишились товаров из внешнего мира. Две семьи переехали в Аван и присоединились к своим родственникам-агулюгмит. Остальные двинулись в глубь бухты Эмма, где в начале XX в. обосновались торговая фактория Юлиуса Томсона, а затем дом русской администрации и угольный склад для проходивших судов.

Ырырак функционировал еще около 20 лет как летний охотничий лагерь аватмит, куда они переселялись для ловли тюленей. В 1932 г. на другой стороне бухты Пlover возникло позднее селение эскимосов, также получившее название Пlover (по-эскимосски *Аслъик'* – см. ниже).

3. *Угрилык* (по-русски Урелики, по-чукотски Гугрэлен) – на южном берегу бухты Эмма, в глубине фиорда бухты Провидения. Также отмечен на русских картах XVIII в. и подробно описан под именем *Woorel* в записках английских моряков, зимовавших в бухте Эмма в 1848/49 г. (Hooper, 1853/1976: см. статью И. Загребина). В то время здесь жило около 70 чел.

С появлением у берегов Чукотки американских китобоев в 1860–1870-х гг. население Угрилыка, очевидно, переехало ближе к открытому морю, в Аван или Ырырак. Братья Краузе в сентябре 1881 г. нашли бухту Эмма необитаемой, но обнаружили свежие следы жилищ (Krause, 1993: 97). За месяц до этого американские натуралисты с корабля «*Corwin*» встретили здесь две семьи кочевников-оленевонов, которых они описали как «настоящих чукчей» (Hooper, 1884: 26, 74; Muir, 1917: 206–210). Побережье бухты Эмма явно было тогда промежуточной зоной, где в летние месяцы встречались эскимосы из Авана и Ырырака и кочевники-нангупарагмит. Первые охотились на тюленей и общались с командами кораблей, бросавших якорь в гавани; вторые пасли стада оленей и избегали встреч с европейцами.

Восстановление эскимосского поселка в бухте Эмма около 1910 г. было связано с внешними факторами: строительством русской торговой станции и складов, а затем и конторы администрации Чукотского уезда (Krupnik, Chlenov, 2013: 12; см. статью И. Загребина). Это создало источник дохода и снабжения для тех эскимосов, кто решил поселиться у фактории.

По генеалогиям и воспоминаниям старейшин, в Угрилыке в 1920 г. жило около 60 чел., включая нескольких европейцев (Krupnik, 2000: 72–73). Большинство из обитателей были аватмит из Ырырака и Авана, всего 8–10 семей, включая много стариков, женщин, вдов с детьми. Жили здесь и три семьи бывших кочевников-нангупарагмит, которых переезд в Угрилык вернул в эскимосскую среду. Европейские мужчины: торговец Юлиус

Томсен, русские сторожа складов – Василий Бычков, Иосиф Павлов, Степан Попов, Степан Старцев – были женаты на местных эскимосках.

Все мужчины, жившие в Угрильке, за исключением торговца Томсена, были экономически связаны с Аваном. Туда они уходили весной на сезон моржовой охоты, присоединяясь к аванским промысловым бригадам. За это их семьи получали часть добычи в виде мяса, жира и шкур морских животных. С укреплением Угрилька туда стали перебираться эскимосские семьи из Авана. Одним из таких переселенцев был 50-летний охотник Йарук, ставший около 1920 г. признанным лидером поселка.

4. **Асяк** – небольшое поселение на открытом побережье восточнее Авана, в сторону м. Чукотский. В 1945 г. его развалины обследовал археолог С.И. Руденко (1947). Асяк исчез, вероятно, до середины XIX в. Его жители, скорее всего, переехали на о. Св. Лаврентия, о чем сохранились предания у местных эскимосов (Lore, 1989: 3–7). Отдельные семьи переселились в Аван, поскольку, по воспоминаниям старейшин, они ездили «кормить своих предков» в сторону Асяка (Пусть говорят..., 2000: 315).

5. **Кавызг'ук** – эскимосское название мыса (песчаной косы) у западного берега бухты Провидения (русское название Пилкино). Здесь периодически находят кости морских животных, поделки из клыка, кости и оленьего рога. В конце XIX – начале XX в. коса Кавызг'ук иногда использовалась эскимосами из Авана и Ырырака как сезонная летняя стоянка, но память о поселке и судьбе его обитателей не сохранилась (Крупник, 1983: 75).

6. С.И. Руденко (1947) упоминает еще один древний поселок в пределах исторической территории аватмит на западной стороне м. Чукотский. В 1945 г. он обнаружил там развалины 9 небольших полуземлянок и одного крупного жилища. В устной традиции аватмит название этого поселка не сохранилось; видимо, он исчез не позднее XVIII в., поскольку не осталось памяти о том, куда делись его обитатели.

Суммируя эти данные, можно сказать, что Аван как самый крупный поселок племени, с большим количеством старых землянок, сохранял постоянное население на протяжении всего исторического периода. Ырырак и Угрилык были его спутниками; население здесь часто менялось, и разные источники то упоминают здесь жителей, то нет. Асяк, Кавызг'ук и другие поселения, о которых к 1970-м гг. не сохранилось устной традиции, очевидно, исчезли ранее середины XIX в.

ПЕРЕСЕЛЕНИЯ 1920-х гг.: ИМТУК, АНАДЫРЬ И ОСТРОВ ВРАНГЕЛЯ

Переселения аватмит не закончились с переездом жителей из Ырырака в Аван и Угрилык и перетеканием затем жителей Авана в Угрилык. Вскоре они вышли за пределы земли аватмит. Около 1920 г. семьи братьев

Нагныгуна (Нагнайя) и Саваткулына (Савайя) из группы кивалигмит переехали в пос. Имтук, в 30 км западнее бухты Провидения. В 1930–1933 гг., переселившись вместе с остальными жителями Имтука в Сиреники, они положили начало общине аватмит в этом поселке.

Около 1926 г. 4 родственные семьи (15–20 чел.) из Авана, тоже из группы кивалигмит, переселились к устью р. Анадырь, на косу Русская Кошка (эск. Сюнрайгун). Здесь они расселились отдельными ярангами для зимней охоты на песцов (Пусть говорят..., 2000: 241–243; Членов, Крупник, 2012: 78; Krupnik, Chlenov, 2013: 100). Одна семья вскоре вернулась в Аван, но остальные прожили на Русской Кошке вплоть до эпидемии гриппа 1942 г. Тогда уцелевшие члены группы вернулись в Урелики или передвинулись к городу Анадырю. Их потомки жили там в 1970–1990-е гг.

В том же 1926 г. община Угрилька вошла в историю, благодаря решению советских властей создать эскимосское поселение на о. Врангеля. Первой стоянкой экспедиции на корабле «Ставрополь» под руководством Г.А. Ушакова летом 1926 г. стала бухта Эмма (Минеев, 1946; Ушаков, 2002). Здесь Ушаков начал уговаривать жителей Угрилька поехать с ним на далекий остров, о котором эскимосы никогда не слышали. Решение Йарука, согласившегося отправиться туда со своей семьей и вельботом, обеспечило экспедиции Ушакова нужное число колонистов-эскимосов (6–8 семей, около 40 чел. – Пусть говорят..., 2000: 236–238).

Йарук стал бригадиром образовавшейся на о. Врангеля команды эскимосских охотников. На дочерях Йарука были женаты молодой охотник Таян (*Тайана*, лидер врангелевской общины в 1930-е гг.) и русский работник уреликовской фактории Степан Старцев. На сестре Таяна был женат другой работник фактории – Иосиф Павлов, также поехавший на остров. К ним присоединились: семьи трех братьев-нангупарагмит (Тагью, Этугви и Кмо), семья Кивьяны родом из Кивака и юноша-сирота Ноко, выросший в Угрильке. На пути к о. Врангеля экспедиция сделала еще одну остановку и взяла к северу от м. Чаплина еще три семьи эскимосов-унгазигмит (шамана Ангальхкука, охотника Амьялика с двумя братьями-подростками и Паля, женатого на сестре Амьялика), т. е. всего около 15 чел.

На этой разнородной основе и с добавлением более поздних мигрантов сформировалось эскимосское население о. Врангеля (фото 6), в большинстве состоявшее из аватмит. Их потомки, которые жили на острове до начала 2000-х гг., сейчас рассеяны по поселкам северного побережья Чукотки, в основном в Шмидтовском районе.

Фото 6. Эскимосы – жители о. Врангеля, 1930-е гг. (фото передано автору Т.М. Мастюгиной)

БУХТЫ: НОВЫЕ ЦЕНТРЫ СОВЕТСКОЙ ЖИЗНИ

Центры ранней советской администрации на Чукотском полуострове в 1920-е гг. первоначально располагались в крупных и экономически наиболее активных национальных поселках – Уэлене и Унгазике (эск. Ун'азик', рус. Чаплино). Но вскоре укрепление советской власти привело к смене центров влияния: ими стали бухты, удобные для заходов больших кораблей. Летом 1928 г. в заливе Лаврентия началось строительство Чукотской культбазы, куда впоследствии был перенесен из Уэлена административный центр Чукотского района. Постепенно такой же новый центр стал формироваться в бухте Провидения.

В 1931 г. русский механик Рудановский создал в бухте Пlover, напротив бывшего поселка Ырырак, мастерские по обслуживанию вельботов и моторов для местных колхозов. Новый поселок по-эскимосски назывался *Асл'бик'*, но по-русски его всегда называли Пlover. Первыми работниками мастерских стали приезжие эскимосы из Унгазика. Большинство из них переселились туда со своими семьями; так в центре тер-

ритории аватмит появилась небольшая, но очень активная группа чаплинских эскимосов.

Первоначально поселение вокруг мастерских Рудановского зависело от поселка в Угрильке, который в то время уже назывался по-русски «Урелики». Здесь размещались школа, склады и фактория, а также погранзастава и радиостанция. В 1937 г. на противоположном от Уреликов берегу бухты Эмма началось строительство морского порта Провидения для обслуживания кораблей, идущих по Северному морскому пути через всю Советскую Арктику. Уже в 1938 г. в новом поселке Провидения числилось 214 жителей; это была самая крупная группа приезжих на Чукотском полуострове. Тогда же среди них поселились первые эскимосы.

Новый поселок рос стремительно; и еще через два года вокруг бухты Провидения – в Уреликах, Пloverе и Провидения, жило уже около 1100 чел. Огромная стройка создала новый центр активности. Порт Провидения вскоре превратился в поселок городского типа, по сути, город с населением 2–3 тыс. чел. Ему суждено было стать главным советским форпостом в районе Берингова пролива.

На месте мастерских Рудановского в Пloverе вскоре возникло крупное по местным масштабам предприятие – Пloverская моторно-зверобойная станция (МЗС). В 1940-е гг. в поселке при МЗС жило уже около 150 чел., большинство из которых были эскимосы. Мужчины работали техниками и механиками по ремонту моторов и вельботов (фото 7, 8). Женщины обслуживали учреждения поселка и построенный в 1948 г. небольшой жиротопный заводик.

Фото 7. Вид на косу и пос. Пlover, 1950-е гг. (Музей Берингийского наследия, № 380) (из архива Н.С. Шангиной)

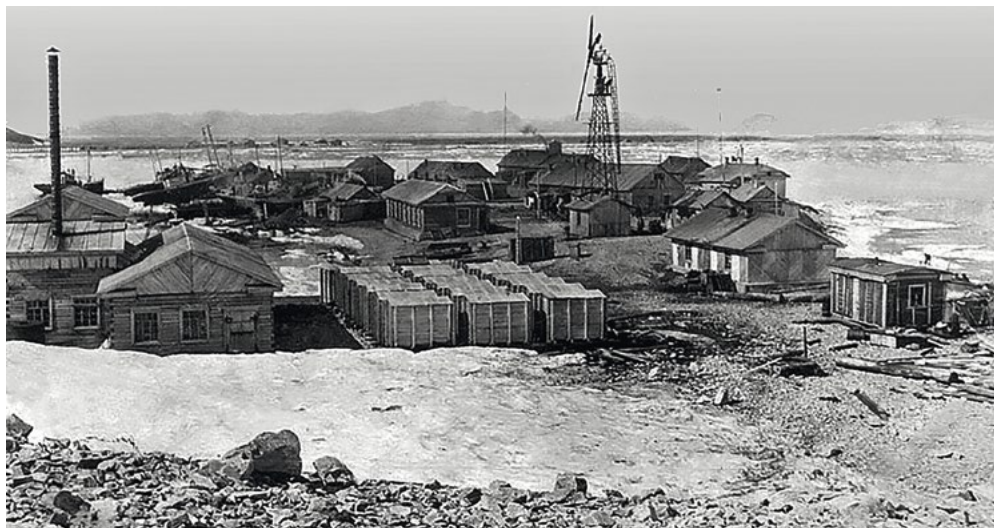

Фото 8. Поселок Пlover, 1952 г. (Музей Берингийского наследия, № 1077)

РАССЕЯНИЕ АВАТМИТ

Одновременно с ростом Угрилька и Провидения в 1930-е гг. происходило постепенное угасание Авана, исторического центра аватмит. Его жители один за другим переезжали в Урелики, где находились школа, сельский совет и управление совместного аванско-уреликовского колхоза. К концу 1930-х гг. население Авана сократилось до 50 чел. и здесь остались только 2 охотничьи бригады. Поселок был официально закрыт в 1941 г., с началом военных действий на Тихом океане, когда в Аване была размещена артиллерийская батарея для охраны бухты Провидения. Последние семьи аватмит были вывезены в Урелики осенью 1941 г., чтобы «не мешать» военным (Пусть говорят..., 2000: 499).

В 1947 г., с началом «холодной войны», наступила очередь Уреликов. В летнюю навигацию в бухте Эмма высадились целая советская армия – с артиллерией, танками, самолетами и техническими службами (Рожков, 2010). С этого времени (и до конца советского периода) Урелики превратились в военный городок, центр военного присутствия у границы с Аляской и сосредоточение армейских гарнизонов, ракетных и танковых частей, разбросанных по окружающей тундре. Его эскимосским жителям ничего не оставалось, как перебраться в Пlover или уехать в другие поселки.

В 1952 г. численность эскимосского населения бухты Провидения достигла своего пика – 279 чел. К этому времени ни в Аване, ни в Уреликах эскимосов уже не было. Новые общины в Пloverе (около 180 чел.) и Про-

видения (около 100 чел.) были смешанными по составу, и аватмит, хозяева бухты Провидения, остались в меньшинстве.

В записанных в 1970–1980-е гг. рассказах эскимосов о жизни в Провидения, Уреликах и Пloverе (Пусть говорят..., 2000: 76–85, 499–502) постоянно подчеркивались два обстоятельства: смешанный характер поселков и отсутствие компактного родственного проживания. Ни в одном из новых поселков не было эскимосского «хозяина земли» и других традиционных общинных институтов. В Пloverе первыми поселились приезжие рабочие-унгазигмит из Чаплино; в Уреликах прежние жители почти все уехали на о. Врангеля; а в Провидения эскимосов вообще прежде не было. Земля была «общей», хотя и входила в состав исторической территории аватмит.

Жизнь в новых поселках подчинялась распоряжениям приезжего начальства и потому была вне контроля эскимосов. В этих условиях аккультурация, особенно у молодежи, шла быстро. В смешанных поселках общение шло, как правило, на русском языке. Из элементов старой культуры оставались лишь обычай давать детям эскимосское имя в честь умершего предка (наряду с личным русским именем, которое записывали в документах) и обряд «кормления предков», который эскимосы сейчас по-русски называют «поминки». Только в Пloverе сохранялась личная охота, поскольку эскимосы-работники мастерских должны были обеспечивать мясом морского зверя свои семьи.

Жизнь в Пloverе изменилась, когда моторно-зверобойная станция получила собственные небольшие суда: «Озерная», «Октябрина», «Чукотка» и др., которые стали обслуживать местные колхозы. В большинстве это были старые моторные шхуны, оставшиеся еще с досоветских времен. Отремонтированные в Пloverских мастерских, шхуны обрели новую жизнь.

«На Пloverе были у нас три колхозные шхуны. “Озерная” – сирениковская, “Октябрина” – чаплинская и “Шмидт” – нунлингранская. Все команды местные были. На “Шмидте” чукчи, а на “Озерной” и “Октябрине” – эскимосы. У нас на “Озерной” капитаном был Кайнуэви из Сиреников. Юхак – помощником, я – мотористом, а Анкалин, Акка и Пухлюк – матросами» (рассказ Дмитрия Старцева, запись 1977 г.; Пусть говорят..., 2000: 80).

В 1940-е гг. эти шхуны поставляли грузы для местных колхозов, а их эскимосские команды занимались морским промыслом, в частности, добычей китов и моржей (фото 9). Появление маленьких судов и обслуживание их местными командами положило начало новой прослойке профессиональных моряков и технических специалистов среди эскимосов. Молодое

Фото 9. Разделка кита в бухте Пlover, фото ок. 1955 г. (Музей Берингийского наследия, № 383; из архива Н.С. Шангиной)

поколение мужчин с гордостью носило звания капитанов, механиков, судовых помощников, радистов. Но превращение эскимосов в моряков и техников на судах и предприятиях Главсевморпути, как и активная метисация и смешанные браки, не вело к переходу их в «русских». Дети, родившиеся в Пloverе (сейчас всем этим людям уже больше 60 лет), свободно говорили по-эскимосски. Бывшие жители Пloverа, с которыми мы встречались в 1970–1980-е гг., сохраняли память о своей принадлежности к старым эскимосским кланам и общинам, но считали новый образ жизни достойным элементом большой советской системы.

ТРАГЕДИЯ ПЛОВЕРА

25 мая 1957 г. снежная лавина сошла с гор на поселок и морзвербойный комбинат в бухте Пlover. В обвале погибли семь русских пограничников и восемь эскимосов, из них пять детей. Эта трагедия послужила поводом для закрытия властями эскимосского поселка и перенесения базы Пloverского морзверкомбината (до 1955 г. он официально именовался Пloverской МЗС) в Провидения. Обвал и последующее переселение разрушили смешанную общину, которая сформировалась в Пloverе, и в итоге привели к появлению современной эскимосской общины пос. Провидения.

По воспоминаниям, закрытие Пloverа было проведено в административном порядке, без какого-либо участия эскимосов. Власти просто закры-

ли в Пloverе базу морзверкомбината и перенесли ее приказом в Провидения. С ликвидацией производства работники комбината, как эскимосы, так и русские, приказами администрации переводились на новые рабочие места в Провидения, где получали жилье. Такими же решениями районных властей были вскоре закрыты поселковая школа, магазин и медицинский пункт. Поселку просто приказали «умереть», и он угас без всякого сопротивления.

По переписи населения зимой 1959 г., в Пloverе еще жили 195 чел., в большинстве эскимосы. Но уже в начале 1960-х гг., когда морзверкомбинат построил себе новое здание в Провидения, в Пloverе остались только две эскимосские семьи, охранявшие заброшенные склады и старую технику. Вскоре и они переселились в другое место.

В Провидения бывшие жители Пloverа оказались меньшинством среди быстро растущего приезжего населения, в основном русского. В начале 1960-х гг. в Провидения и Уреликах жило около 6 тыс. чел. Горстка пloverских эскимосов среди них просто потерялась. Экономика Провидения была ориентирована на современный порт, городские и районные службы, где повсеместно доминировали приезжие. Поэтому жизнь Пloverского комбината в Провидения длилась менее десяти лет. Его только что отстроенная провиденская база была официально закрыта в конце 1960-х гг. Эскимосские сотрудники комбината в очередной раз лишились работы.

Семьи с трудоспособными мужчинами переехали в Сиреники и Новое Чаплино, где их профессиональная квалификация помогла им быстро адаптироваться. Бывшие жители Пloverа стали обслуживать новую технику: электрогенераторы, тракторы, телефонные станции, котельные и жиротопки. Другие пошли в колхозные бригады и стали охотниками, в большинстве мотористами. Женщины из Пloverа нашли работу в совхозных швейных мастерских, больницах, на зверофермах.

В Провидения остались преимущественно пенсионеры, матери-одиночки и смешанные семьи. В результате местное население Провидения вновь сократилось с 300–400 чел. в конце 1960-х гг. до 150–200 чел. в 1970-е гг. Большинство этих людей в прошлом были жителями Пloverа; среди них были несколько семей аватмит. Жесткие правила погранзоны тогда запрещали эскимосам, как и остальным жителям Провидения, иметь личные моторные лодки для плавания по бухте. Соответственно, у провиденских эскимосов не было возможностей для поездок в Пlover, Аван и на бухту Провидения для рыбалки и личной охоты. В результате бухта Провидения и прилегающее к ней открытое морское побережье бывшей «земли аватмит» выпали из эскимосского использования.

Суровые пограничные правила надолго сохраняли Пlover как поселок-«призрак». Еще в середине 1980-х гг. здесь оставались руины брошенных домов, ремонтных мастерских, остовы вытасненных на косу катеров (фото 10). И только в 1990-е гг., с ослаблением пограничного регулирования и нарастающим переездом жителей сел в районный центр Провидения, потомки аватмит получили возможность изредка посещать свою историческую Родину.

Фото 10. Современный вид развалин пос. Пlover (фото И.А. Загребина)

АВАТМИТ ПОСЛЕ 1970–1980-х гг.

В 1970-е гг. наиболее крупные группы генеалогических потомков аватмит проживали в селах Сиреники (12–15 семей, около 70 чел.), Ушаковское на о. Врангеля (6–7 семей, 30–35 чел.), Новое Чаплино (6–7 семей, около 30 чел.) и пос. Провидения (6–7 семей, около 30 чел.). Все они жили в семьях, смешанных с другими эскимосами, где старая племенная принадлежность определялась по отцу, или с приезжими; в последнем случае и в семьях матерей-одиночек эскимосские «корни» определялись по матери. Тем не менее старшее и среднее поколения эскимосов хорошо помнили в те годы традиционную племенную и клановую структуру и легко различали потомков аватмит среди эскимосских и смешанных семей. В Сирениках и отчасти в Новом Чаплино этому способствовало сохранение ежегодного обряда «поминания предков» (или хотя бы память о нем). Этот обряд всегда проводился по большим родственным группам, в том числе группой из потомков аватмит в Сирениках в 1970-е гг. (Пусть говорят..., 2000: 309, 313).

Трудно сказать, насколько сохраняли свою племенную идентичность (память?) потомки аватмит на о. Врангеля или одиночные семьи, разбросанные в других поселках Чукотки и в г. Анадыре. Возможно, они считали себя уже просто «эскимосами».

Расселение и самосознание потомков аватмит в наши дни, через два поколения после записей 1970-х гг., требуют специального исследования. Наиболее крупные группы тех, кто помнит (или может помнить?) о своем происхождении от аватмит, живут теперь в Провидения и Сирениках, т. е. ближе к старой племенной земле. Община врангелевских эскимосов сейчас рассеяна отдельными семьями по поселкам северной Чукотки. Скорее всего, эти люди считают себя «врангелевскими» или просто «эскимосами», как и отдельные потомки аватмит, живущие в Анадыре. Возможно, некоторые старейшины-эскимосы сохраняют память о существовании в прошлом особого «аванского» говора азиатско-эскимосского (чаплинского) языка; Е.С. Рубцова называла его «эстихетским» (1971: 5). Об этом говоре хорошо помнили в 1970-е гг., и на нем говорило еще старшее поколение эскимосов о. Врангеля.

АВАТМИТ НА о. СВ. ЛАВРЕНТИЯ

Заметная группа людей, помнящих о своем происхождении от аватмит, проживает в пос. Гэмбелл на о. Св. Лаврентия (США). Все они – потомки одной разросшейся семьи, дети, внуки и правнуки человека по имени Уалянга (John Walunga, эск. Walanga, ок. 1890 – ок. 1950), который в 1921 или 1922 г. переехал вместе со своими двумя женами (Рультынггой и Укытой) из Авана в Савунгу на о. Лаврентия. В 1970-е гг. старейшины-эскимосы хорошо помнили про отъезд Уалянга на остров (Пусть говорят..., 2000: 254–255). С 1990 г., его сын Уиллис Уалянга (1925–2017) стал собирателем и хранителем наследия аватмит не только на острове, но и на Чукотке (фото 11).

Уалянга под русским именем «Василий, 23 года» упоминался в «исповедной ведомости» по сел. Угрилык за 1910 г. (см. Приложение) вместе со своим отцом Петром Кыпылье (эск. Кыпыльгу) и матерью Анной. Неслучайно, что эскимосское имя Уиллиса Уалянга также было *Кыпыльгу* (Kerpelgu). До отъезда на остров Уалянга жил в Аване в семье Ыпыкака из группы акулигмит («средних»); у него были две жены и сын Таглян (Франк Уалянга, 1918 г. р.), с которыми он уехал на остров: сначала в Савунгу, а затем в Гэмбелл. От этих двух жен у Уалянга было 10 детей, включая Уиллиса и Франка-Тагльяна; их общее потомство насчитывает сейчас около 80–90 чел.

Фото 11. Уиллис Уалянга (Willis Walunga, Kerelgu, 1925–2017, крайний слева), с женой Нэнси Уалянга (Aghnaghaghniq, справа) и другим старейшиной, Конрадом Узива (Akulki, 1925–2016), рассматривают исторические фотографии с о. Св. Лаврентия (фото И.И. Крупника, 2010 г., Гэмбелл)

В социальной системе эскимосов о. Св. Лаврентия, где строго сохраняется клановая принадлежность, все эти люди относятся к особому клану, который называется «аватмит» (*Avatmiit*). Лидером его до своей смерти был Уиллис Уалянга. Братья, дети и теперь внуки Уиллиса имеют свою охотничью бригаду, которая является единственной действующей бригадой из охотников-аватмит, после распада бригады Андрея Анкалина в Сирениках в середине 1990-х гг. и еще раньше, закрытия пос. Аван в 1940 г. Можно надеяться, что память о «старых людях» аватмит и упорство, с которым собирал ее Уиллис Уалянга, перейдут к кому-либо из молодого поколения аватмит, чтобы сохраниться дальше для их потомков.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Эта статья посвящена памяти старейшин аватмит, с которыми мне посчастливилось работать в 1970–1980-е гг.: Владимира Акка (1922–1990), Николая Анагикака (1922–1976), Василия Анкатагина (1924–1979), Аренаун (1900–1985), Галины Ататуга (1930–1995), Николая Гальгаугье (1935–1995), Александры Ионовой (1942–?), Николая Напауна (1933–1990), Петра Напауна (1912–1983), Юрия Пухлюка (1922–?), Дмитрия Старцева (1927–1993), Веры Укыгагаут (1934–1988), Умканаун (1915–1994), Михаила Юхака (1926–

1977) и других. Уиллис Уалянга (1925–2017) был бесценным партнером при анализе старых родословных, архивных списков и фотографий аватмит. Он, а также Л.И. Айнана (1933 г. р.) и С.А. Тагбек (1942) оказали огромную помощь в стандартизации фонетической записи эскимосских имен и географических названий. Работа над историей аватмит была частью нашего многолетнего сотрудничества с М.А. Членовым по сохранению устной традиции и воссозданию прошлого эскимосов Чукотки. И.А. Загребин любезно предоставил фотографии пос. Пlover из коллекции Музея Берингского наследия в пос. Провидения. И.В. Чечушков сделал карту древних поселков и территории аватмит. Огромное спасибо всем!

Литература

- Арутюнов С.А., Сергеев Д.А. Проблемы этнической истории Берингоморья. Эквенский могильник. – М.: Наука, 1973. – 245 с.
- Арутюнов С.А., Крупник И.И., Членов М.А. «Китовая аллея». Древности островов пролива Сенявина. – М.: Наука, 1982. – 176 с.
- Богданович К.И. Очерки Чукотского полуострова. – СПб.: Тип. А. Суворина, 1901. – 238 с.
- Гондатти Н.Л. Поездка из села Маркова на реке Анадыре в бухту Провидения (Берингов пролив) // Записки Приамурского отдела Русского Географического общества. – 1898. – Т. 4, № 1. – С. 1–42.
- Долгих Б.О. Племя у народностей Севера // Общественный строй у народов Северной Сибири. XVII–начало XX в. / ред. И.С. Гурвич и Б.О. Долгих. – М.: Наука, 1970. – С. 332–360.
- Исповедная ведомость 1910. Исповедная ведомость Чукотской миссии на Чукотском полуострове за 1910 год // Library of Congress. Manuscript Division / The Alaskan Russian Church Archives. Records of the Russian Orthodox Greek Catholic Church of North America, Diocese of Alaska, Reel 41. – P. 343–349. Washington DC
- Крупник И.И. Древние и традиционные поселения эскимосов на юго-востоке Чукотского полуострова // На стыке Чукотки и Аляски / ред. В.П. Алексеев. – М.: Наука, 1983. – С. 65–95.
- Крупник И.И., Членов М.А. Динамика этнолингвистической ситуации у азиатских эскимосов (конец XIX в.–1970-е гг.) // Сов. этнография. – 1979. – № 2. – С. 19–30.
- Леонтьев В.В. Хозяйство и культура народов Чукотки (1958–1970 гг.). – Новосибирск: Наука, 1973. – 176 с.
- Меновицков Г.А. Эскимосы. – Магадан: Кн. изд-во, 1959. – 147 с.
- Меновицков Г.А. Язык сиреникских эскимосов. – М.; Л.: Наука, 1964. – 219 с.
- Миллер В.Ф. Об эскимосских наречиях Анадырского округа (На основании материалов, собранных Н.Л. Гондатти) // Живая старина. – 1897. – Т. 7, № 2. – С. 133–159.

- Минеев А.И. Остров Врангеля. – М.; Л.: Изд-во Главсевморпути, 1946. – 432 с.
- Пусть говорят наши старики: Рассказы азиатских эскимосов-юпик. Записи 1975–1990 гг. / сост. И.И. Крупник. – М.: Институт Наследия, 2000. – 527 с.
- Рожков Е. Рокоссовцы на Чукотке или тайна бухты Провидения. – URL: http://www.dvocu.ru/publ/rokovosovcy_na_chukotke_ili_tajna_bukhty_provideniya/6-1-0-189 2010 (дата обращения 08.04.2019).
- Рубцова Е.С. Эскимосско-русский словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1971. – 644 с.
- Руденко С.И. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. – М.; Л.: Изд-во Главсевморпути, 1947. – 135 с.
- Сергеев Д.А. Пережитки отцовского рода у азиатских эскимосов // Сов. этнография. – 1962. – № 6. – С. 35–42.
- Ушаков Г.А. Остров метелей. – Л.: Гидрометеиздат, 2002. – 239 с.
- Файнберг Л.А. Общественный строй эскимосов и алеутов. От материнского рода к соседской общине. – М.: Наука, 1964. – 257 с.
- Членов М., Крупник И. Динамика ареала азиатских эскимосов в XVIII–XIX вв. // Ареальные исследования в языкознании и этнографии (Язык и этнос) / ред. Н.И. Толстой. – Л.: Наука, 1983. – С. 129–139.
- Членов М., Крупник И. «Новая земля». История последней миграции азиатских эскимосов, 1920–1935 гг. // Вехи на мысах: сб. статей к 80-летию С.А. Арутюнова / ред. М. Бронштейн, И. Крупник. – М.: Гос. музей Востока, 2012. – С. 70–83.
- Bockstoe J.R. Whales, Ice and Men: The History of Whaling in the Western Arctic. – Seattle: University of Washington Press, 1986. – 400 p.
- Chlenov M. Distinctive Features of the Social Organization of the Asiatic Eskimos / Paper submitted to the 9th International Congress of Ethnological and Anthropological Sciences. – Moscow: Institute of Ethnography, 1973. – 21 p.
- Hooper C.L. Report of the Cruise of the U.S. revenue Steamer Thomas Corwin in the Arctic ocean, 1881. – Washington DC, Government Printing Office, 1884. – 147 p.
- Hooper W.H. Ten Months among the Tents of the Tuski. – New York: Academic Press, 1976: (1st ed. 1853). – 417 p.
- Hughes C. Siberian Eskimo / Arctic. Handbook of North American Indians / ed. D. Damas. – Washington DC, Smithsonian Institution. – 1984. – Vol. 5. – P. 247–261.
- Krause A. To the Chukchi Peninsula and to the Tlingit Indians 1881/1882: Journals and Letters by Aurel and Arthur Krause / The Rasmuson Library. Historical Translation Series No. 8. – Fairbanks: University of Alaska Press, 1993. – 230 p.
- Krupnik I., Chlenov M. Yupik Transitions. Change and Survival at Bering Strait, 1900–1960. – Fairbanks: University of Alaska Press, 2013. – 400 p.
- Lore of St. Lawrence Island: Echoes of Our Eskimo Elders / Eds. A. Apassingok, V. Walunga, E. Tennant. Vol. 3: Southwest Cape. – Unalakleet: Bering Strait School District, 1989. – 243 p.
- Muir J. The Cruise of the Corwin // Journal of the Arctic Expedition of 1881 in search of De Long and the Jeannette. – Boston: Houghton Mifflin, 1917. – 278 p.

Аван и Угрилык по Исповедной ведомости 1910 г.

В 1992 г. мой коллега М.А. Членов обнаружил в Отделе рукописей Библиотеки Конгресса США в Вашингтоне (фонд Русской православной церкви на Аляске) уникальный документ – «исповедную ведомость» Чукотской миссии, составленную священником (игуменом) Амфилохием за 1910 г. Редкий источник, оставленный игуменом Амфилохием, перечисляет 135 чел., приходивших «к святому причастию» в 1910 г. в 6 поселках Чукотки, из которых 81 чел. составили жители Авана и Угрилыка. Все они записаны как «чукчи», но очевидно, что это были эскимосы-аватмит.

«Исповедная ведомость» 1910 г. – далеко не полная перепись населения двух поселков, особенно Авана (где охвачено 46 чел., т. е. около половины жителей). Но она помогает документировать имена и возраст многих людей, известных по рассказам старейшин и генеалогиям, составленным в 1970-е гг. Ниже приведен список с короткими комментариями (см. также Krupnik, Chlenov, 2013: 328–330).

Угрилык

Русские стражники:

Игнатий Яковлев Надточий, 38 лет

Василий Яковлев Бычков, 32 – впоследствии советский работник, переехал в Уэлен; отец Ивана, Алексея, Маруси, Лины (Акулины) и Фроси Бычковых
жена его Ольга, 20 – эскимоска Калян'а' (Ольга Бычкова), родилась в Аване, известна в 1950-е гг. как «старуха Бычкова»; умерла в Провидения
сын их Иоанн, ½ – Иван Бычков, впоследствии советский активист, умер в Анадыре

Чукчи (эскимосы. – И.К.)

Андрей Аяписок, 42 (по генеалогиям Аяпагью / Аяпыг'юк) – приемный отец Нноко, умер в Угрилыке примерно в 1925 г.
сестра его Ольга Чайуна, 28 (Сяйвын'а)
племянник его Михаил Иноко, 12 – Михаил Нноко (Ного), в 1926 г. уехал на о. Врангеля
Ольга Каваля, 13 (Каваля) – умерла в Сирениках в 1926 г.
Петр Кыпылье, 48 – предположительно отец Уалянги
жена его Анна, 42
дети их: Василий, 23 – предположительно (Джон) Уалянга, уехал на о. Св. Лаврентия в 1922 г.
дочь Елена, 15 (Уйг'альяк)

Александр Купума, 36 (К'упума) – умер в Угрильке после 1915 г.
жена его Мария, 35 (Макугукак) – уехала на о. Врангеля в 1926 г.
дети их: Елена, 15 (Айн'ан'а) – вышла замуж за Тагью, нангупагагми и уехала с ним на о. Врангеля
Варвара, 3 – очевидно Ыхтыкак', уехала на о. Врангеля, жена М. Нноко
Мария Рультына, 12 (Рультын'а)
Игнатий Кавак, 24 (К'авак') – родом из Ырырака, отец Петра Напауна (р. 1912) и Владимира Акки (р. 1922) в Сирениках
жена его Ксения, 20 (Укыйюхак) – из группы агкулюгмит, мать Петра Напауна и Владимира Акки
сестра его Анастасия Аюхлик, 8 (Айюк'лик') – впоследствии жена Нумтагина в Сирениках, мать А.И. Парины
Иаков Амой, 36 (Амуя) – нангупагагми, отец Тагью, Еттуи и Кмо; умер в Уреликах около 1925 г.
жена его Мария, 36 (Г'иман'авын)
дети их: Алексей, 14 – очевидно, Тагью, уехал на о. Врангеля
Павел, 12 – очевидно, Еттуи / Эттугье, уехал на о. Врангеля
Николай, 10 – очевидно, Кмо / Кыму, уехал на о. Врангеля
Ольга Хиуна, 14 (Гивун'а)
Симеон Исембо, 28 (Кисимпу) – приезжий чукча, поселившийся в Угрильке и женившийся на эскимоске; отец Таяна; умер до 1925 г.
жена его Елена, 24 (Инкали / Ин'кали) – мать Таяна, уехала с ним после смерти мужа на о. Врангеля
дети их: Иоанн, 4 (Таян / Тайян, 1906 г. р.) – уехал на о. Врангеля в 1926 г.
Анна, 2
Агафия Мая, 18
Ирина Нагтукина, 50 (Навтукын) – нангупагагми, сестра Амуя; ее муж был береговой чукча
дети ее: Николай, 18 – очевидно, Ан'ля, отец Таг'рака, который уехал на о. Врангеля и умер там зимой 1933/34 г.
Андрей, 17 (Нумылин?) – умер неженатым
Алексей, 16 (Кутхыргин?) – умер неженатым
(дочерью Навтукын была также Ныпан'аун / Нпанаун, впоследствии жена Степана Попова, которая уехала с ним на о. Врангеля, мать М.С. Поповой)

Аван

Антоний Уаин, 19 (Уваун/Ушавын) – из группы кивалигмит, по происхождению к'иуаг'ми; около 1920 г. жил в Уреликах; отец Николая Анагикака и Михаила Малигуткака в Сирениках
Адам Рамнунаун, 30 (Рамнугун, Рамнунгаавын) – из группы акулигмит, умер в Аване около 1930 г.
жена его Елена Рамнунаун, 25 (Мумигун)
дети их: Василий (?), 4

дочь Екатерина, 5 (Кун'ун'ак) – уехала на о. Врангеля, жена Еттуи и потом Кмо
сын Владимир, 1 – очевидно, Айнафак (Айнагваак'), в 1933 г. уехал на о. Врангеля
Стефан Атыка, 40 (Атикак / Атик'ак') – вероятно, родственник Савая и Нагна, отца которых тоже звали Атикак
дочь его София, 8
Владимир Суана, 23 (Сюван'а) – ?
жена его Варвара, 21
Михаил Анкана, 24 (Ан'к'ан'а) – из группы кивалигмит; в 1926 г. уехал с семьей на Русскую Кошку, там умер
жена его Анна, 23 (Ыттына / Ыытынга), мать Камугака и Макуника, чьи потомки живут в Анадыре и Тавайвааме
Иоанн Ататуа, 18 (Ататуга) – из группы агкулюгмит, последний «хозяин земли» в Аване, умер на Пловере, отец Г.И. Ататуга и Е. Таглякак
жена его Александра (Айпын'а) – первая жена, ун'азигми, мать Тыпыхкака и Ю. Пухлюка
Андрей Ераси, 16 (Яраси / Яаг'раси) – из группы кивалигмит, сводный брат Йяйки
Николай Яико, 26 (Йяика / Йайика) – из группы кивалигмит, умер в Аване около 1935 г., отец Агвогнака, Таглальги, Анкалина 2-го и Пыну
жена его Мария, 22 (Сайвын'а) – впоследствии вышла замуж за Тагругье в Сирениках
их сын Николай, 2 (Агвогнак / Аг'вуг'анак') – отец П. Татапия в Сирениках и А. Ныгалгьюка в Нунлигране
Николай Кивьяна, 20 (К'иуя'а) – из группы кивалигмит, брат Ушавына, по происхождению к'иуаг'ми; в 1926 г. уехал с семьей на о. Врангеля; потом вернулся в Урелики
Алексей Цыгускук, 17 (Сыгыск'ук') – из группы кивалигмит, брат Йайики и Анканы, около 1926 г. уехал с братьями на Русскую Кошку около Анадыря, там умер; отец Нанывгака, Сухсукак, Укихтыкак и Иглюткак
Антоний Сальвакуль, 28 (Саваткулин, Савайя) – из группы кивалигмит; около 1915 г. уехал с братом Нагна / Нагныгун в Имтук, потом в Сиреники; отец Каваугье, Нпатагина и Умкаугье в Сирениках
дочь его Анастасия, 7 (?)
Ольга Карга, 15 (Карга) – из группы агкулюгмит, дочь Амкауна/Анкагуна, мать В. Анкатагина
Игнатий Ляутенег, 33 (Лаутен'ииг'ак' / Ан'иваг'ун) – из группы агкулюгмит
жена его София, 26 (Сыкан'а) – из Ун'азик'а (Старого Чаплина)
дочь их Вера, 4 (вероятно, Тынагиргин) – вторая жена Яраси
Роман Тагя, 13 (Тагян / Таглаан) – из группы агкулюгмит, брат Ольги Карги, сын Анкагуна

Давид Ая, 34 (Айя) – возможно, Агьяки, нангупагагми, брат Амуя, впоследствии уехал в Имтук; отец Рахтутье и Пильхутье в Сирениках, Тагранаун в Провидения

дети его: Ольга, 12 (Рультына) – жена Киявры из Сиреников

Мария, 5 (?)

сын Стефан, 2 (Рахтутье?)

Василий Акакин, 50 (Акакын) – береговой чукча из Лорино, был принят в группу агкулюгмит, женившись на одной из их женщин

жена его Анна, 48 (Аминакваак') – из группы агкулюгмит

внучка их Ольга Тенутечинун, 3 (Тинутагнин / Тын'утаг'нын) – впоследствии вышла замуж за Айнафака и уехала на о. Врангеля

Григорий Нагинагун, 35 (Нагная / Нан'ывагун) – из группы кивалигмит; около 1915 г. переехал в Имтук; отец Анкалина, Ктутье и Нананаун

его сын Иоанн, 8 (Анкалин / Ан'к'ал'бын) – отец М. Юхака, Г. Рагтилькуна, П. Схаугье, Н. Гальгаугье, А. Анкалина, Н. Анкалиной в Сирениках

Никита Анкагун, 33 (Ан'к'авын) – из группы агкулюгмит, отец Таглына

жена его Мария (Амыйва), 28

Татьяна Айюгу, 9 (Айюхук') – из группы агкулюгмит, сестра Ататуги

Николай Тегеглинг, 23 (Таг'югыргын) – из группы агкулюгмит; родом из Ырырака

жена его Екатерина, 20 (Мумигун?)

сын их Василий, 1 (?)

Варвара Апа, 19 (Апа) – из группы кивалигмит, сестра Савая и Нагная, впоследствии жена Увауна, мать Н. Анагикака и М. Малигуткака

Ольга Увуна, 18

Ольга Укульта, 14

Григорий Юсканикак, 40 (Юскунигак / Юск'униг'ак') – возможно, отец Юваны, жены Тасигми из Кивака, который женился и переехал в Аван, дед Кйикьяк, Юскунигак и Кивуткак, жены Аглю

КНУД РАСМУССЕН НА ЧУКОТКЕ: ДВУХДНЕВНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В СОСТАВЕ ПЯТОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ТУЛЕ (1924 г.)

Шокарев С.Ю.

ПРИБЫТИЕ В ДЕЖНЁВО

17 сентября 1924 г. знаменитый датский этнограф, писатель и популярный исследователь Кнуд Расмуссен (1879–1933) на шхуне «Teddy Bear» прибыл к берегам Чукотки и высадился в пос. Дежнёво. Расмуссен планировал исследовать здесь азиатских эскимосов и тем самым завершить свою Пятую экспедицию Туле (1921–1924 гг.), которая прошла по маршруту от Гренландии через север Канады и Аляски до Нома и Чукотского полуострова. Однако научная работа Расмуссена на Чукотке не состоялась. Он был задержан в Дежнёве советским пограничником, фамилию которого исследователь передает как Аляев (Allayeff), и доставлен в соседний поселок Уэлен, где находился представитель советской власти. На следующий день Расмуссен был вынужден покинуть советскую территорию, поскольку у него не было разрешительных документов.

Об этом эпизоде из жизни знаменитого ученого в советские годы никогда не упоминалось. В советском сокращенном варианте его книги «Across Arctic America» (переведена как «Великий санный путь». М., 1958) глава XXVII «The Bolshevik Contrast» была выпущена. В предисловии к этой книге автор подводит итоги Пятой экспедиции Туле, обозревая окрестности на высокой скале рядом с Уэленом, и читателю остается только догадываться, как К. Расмуссен туда попал и что там делал.

Наиболее подробно историю посещения Чукотки Расмуссен излагает в книге «Across Arctic America», впервые изданной в 1927 г. (Rasmussen, 1927: 357–380). В сокращенном виде эта информация вошла в отчет Пятой экспедиции Туле, составленный Т. Матиассеном (Mathiassen, 1945: 104–107).

По словам Расмуссена, для посещения территории СССР он должен был иметь разрешение от советских властей. Исследователь напра-

©Шокарев С.Ю., 2020

вил запрос на его получение уже из Нома, но безрезультатно прождал ответа три недели. Навигация в Беринговом проливе заканчивалась, Расмуссен решил поехать без разрешения и зафрахтовал судно «Teddy Bear», принадлежавшее американцу Джозефу Бернаруду. Этот шаг также был рискованным, поскольку советские власти в это время стремились ограничить американскую торговлю на Чукотке и ужесточили требования к иностранным судам. Днем 17 сентября судно «Teddy Bear» пристало к берегу в Дежнёвской бухте у пос. Дежнёво (Rasmussen, 1927: 359, 360).

К. Расмуссен называет это поселение Emmatown (Там же: 360, 365; этот топоним присутствует и на карте в Vol. 3, No. 4 отчета 5-й экспедиции Туле). В советских топонимических справочниках фигурируют другие местные названия пос. Дежнёво – чукотское Кенискун и эскимосское Канискак, что означает по-чукотски «находящийся в изгубе», а по-эскимосски – «вершина бухты» (Меновщиков, 1972: 105; Леонтьев, Новикова, 1989: 181, 188). М.А. Членов приводит иное объяснение названия Канискак – «задняя дуга нарты», и связывает его с чаплинским диалектом эскимосского языка (Членов, 1988: 68). Искаженное чукотское наименование «Кэнгескон» употребляет участник экспедиции Р. Амундсена Х.У. Свердруп, посетивший Дежнёво в 1921 г. (Свердруп, 1930: 232, 259).

Вариант К. Расмуссена встречается и в других описаниях: Enmittan (Krause, 1882: 4), Энмытагин (1896 г. – Колбасенко, 1899: 48), Ильмиттаун (Богданович, 1901: 55), Энмытагын (1904 г. – Богораз, 1934, Ч. 1: 15), Эрмитаынь (Эрмитаун) (Калинников, 1912, карта), Эрмитаынь (Галкин, 1931, карта) и др. В.Г. Богораз переводит это наименование с чукотского языка как «конец скалы», но отмечает, что там живут эскимосы. В топонимическом словаре В.В. Леонтьева и К.А. Новиковой присутствует название Энмытагын, однако, это становище расположено в другом месте (Леонтьев, Новикова, 1989: 434). Очевидно, что речь идет об одинаковых названиях разных мест.

Согласно полевым исследованиям М.А. Членова и И.И. Крупника, Энмытагин – один из эскимосских поселков, расположенных между Дежнёво (Кенискун/Канискак) и Нунаком (Членов, Крупник, 2016: 40). Таким образом, возможно, что К. Расмуссен перепутал названия двух соседних поселений. Впрочем, нельзя также исключить, что Энмытагын – это еще одно наименование поселка Кенискун/Канискак. Этот вопрос требует дальнейшего уточнения.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПОСЕЛКА

Древнее поселение Канискак было исследовано археологически С.В. Гусевым и археозоологически А.Б. Савинецким в 1990-е гг. Был получен материал, позволяющий датировать это поселение по костям живот-

ных от 2630 до 1270 л. н. (Савинецкий, 2000: 98), а по археологическим данным – от V–VI вв. н. э. до XIX в. (Гусев, 1995: 26). По стратиграфии памятник относится к нескольким последовательно сменявшим друг друга периодам развития древнеэскимосской культуры – древнеберингоморскому, бирнирскому, пунукскому, раннему и позднему туле. Столь длительный период существования памятника связан с удобными условиями охоты на морского зверя, в первую очередь на нерпу, лахтака и моржа (Гусев, 1995: 26; Савинецкий, 2000: 99, 100).

В письменных источниках встречаются следующие указания на численность жителей поселения Энмытагын: в 1882 г. – 4 жилища (Krause, 1882: 34, 113), в 1896 г. – 8 жилищ, 15 мужчин, 23 женщины; общая численность – 42 чел. (Колбасенко, 1899: 48), в 1912 г. – 10 яранг (Калинников, 1912: 48), в 1920-е гг. – 16 яранг (Галкин, 1931: карта; фото 1).

Исторический поселок Дежнёво был основан как опорный пункт Северо-Восточного Сибирского общества (СВСО), образованного в 1900 г. Это общество во главе с отставным гвардии полковником

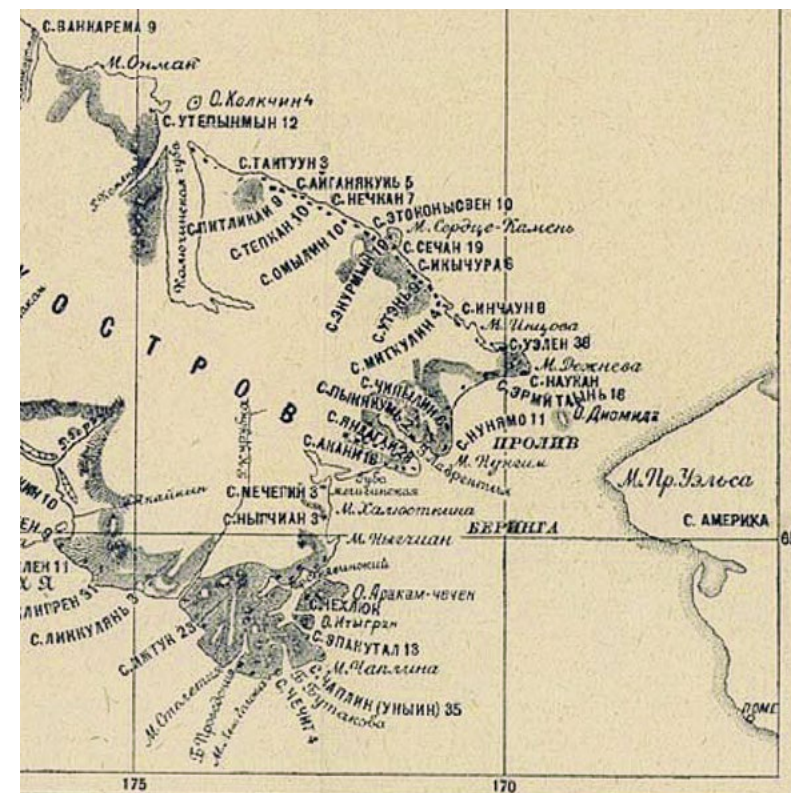

Фото 1. Дежнёво (Эрмитаынь), к югу от м. Дежнева на карте из книги Н. Галкина (1931). В поселке показано 16 жилищ

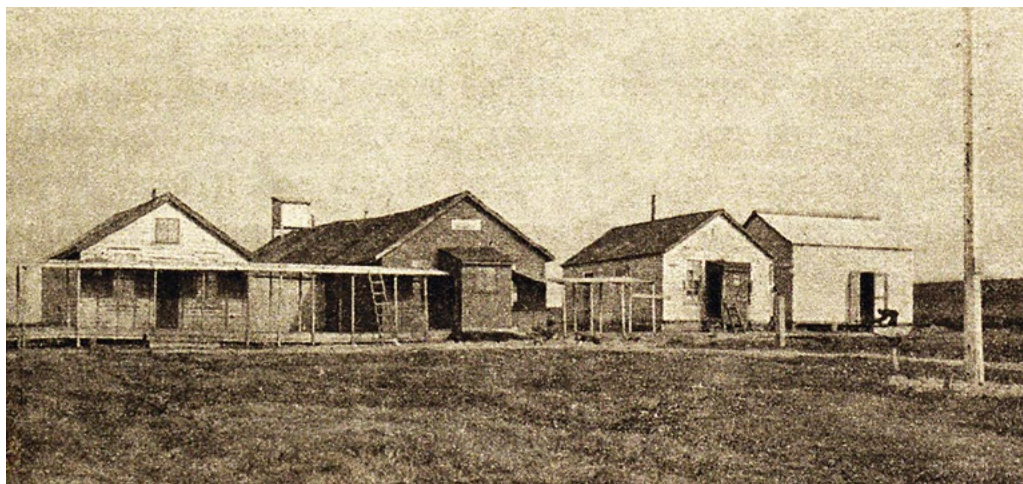

Фото 2. Михайловская станция (фото из книги Н.Ф. Калининкова «Наш крайний Северо-Восток», СПб., 1912)

В.М. Вонлярлярским должно было по мысли российских властей противодействовать активной деятельности американцев, но стало проводником американских интересов (Тульчинский, 1906; Гарусова, 2001: 67, 68; Krupnik, Chlenov, 2013: 10–12). В 1902 г. на побережье Берингова моря обществом были созданы несколько «постов», или «станций», – Св. Михаила у м. Дежнёва, Св. Николая в бухте Св. Лаврентия и Св. Владимира в бухте Провидения (Калининков, 1912: 175). Михайловский пост (станция) вскоре получил по своему расположению наименование Дежнёвского (фото 2).

Инженер К.Н. Тульчинский, командированный на Чукотку для ревизии деятельности СВСО, характеризовал Дежнёвский пост таким образом: «Сообразно деятельности Общества на Чукотском полуострове, я не могу назвать изображенные на фотографии постройки иначе, как “винно-торговыми складами Северо-Восточного Сибирского Общества”» (Тульчинский, 1906: 21). К сожалению, к опубликованному отчету К.Н. Тульчинского фотографии не приложены. Однако внешний вид этих складских помещений можно видеть на более поздних фотографиях (Калининков, 1912: 18; Krupnik, Chlenov, 2013: 11 – фотография А.С. Форштейна 1929 г., в коллекции МАЭ¹ – см. фото 5). Н.Ф. Калининков пишет об этих опорных пунктах СВСО следующее: «Назначение их было двоякое: служить отправными пунктами и складами запасов для горного дела и быть магазинами для торговли с инородцами». Судя по отчету К.Н. Тульчинского,

¹МАЭ – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого.

на постах (станциях) в основном велась торговля. В том числе, несмотря на запрет, широко практиковался обмен спирта на продукцию охотничьего и морского промысла. По сведениям К.Н. Тульчинского, в 1904/05 г. Дежнёвский пост принес Обществу прибыль в 50 тыс. руб. Другой наблюдатель – Н.Ф. Калининков пишет, что деятельность СВСО велась нерационально и в результате дела его стали ухудшаться. В последний год концессии (1910 г.) посты (станции) были закрыты из-за отсутствия товаров; вскоре прекратило свою деятельность и само Общество (Тульчинский, 1906: 19–22, 26–31, 98–101, 115; Калининков, 1912: 175–177). Впрочем, есть сведения, что концессия была прекращена по истечении срока из-за того, что Общество преследовало интересы американцев (Гарусова, 2001: 68).

ЖИТЕЛИ ДЕЖНЁВО В 1910–1920-е гг.

В 1910 г. на Чукотке начала деятельность торговая фирма «Братья Караевы». Ее основателем был осетин Александр Иванович Караев (1886–1961). В отличие от большинства других торговцев, Караевы полностью исключили из товарооборота спиртные напитки (это отмечено в дневнике Р. Амундсена – Амундсен, 1936: 324). Главная контора торгового дома находилась во Владивостоке, а фактории или компаньоны – на м. Северный (Шмидта), в Ванкареме, Энурмино, Уэлене, Дежнёво, Яндогае, Чаплино, Заливе Креста. Центром торговой империи Караевых на Чукотке становится Дежнёво.

Сын А.И. Караева, востоковед Борис Александрович писал в мемуарах: «Дела фирмы шли успешно, увеличивался товарооборот, прибыль и капитал. Фирма становится известной не только на Дальнем Востоке, но и на Аляске. Деятельность “Братьев Караевых” протекала в условиях жесткой конкуренции с американскими торговцами. Караевы ставили своей целью установить безраздельное господство русского торгового капитала, по возможности всегда оказывали посильную поддержку начинающим русским предпринимателям». О своем отце Б.А. Караев пишет: «Александр Караев, возглавлявший фирму, отличался не только деловыми качествами, но и широким кругом интересов. Он хорошо знал чукотский и эскимосский языки, подробно изучил обычаи и нравы местного населения; был дружен с известным натуралистом и исследователем Дальнего Востока В.К. Арсеньевым. В издаваемом в Хабаровске краеведческом журнале “Экономическая жизнь Дальнего Востока” публикуются его статьи (Караев, 1926). Он был неплохим по тому времени фотографом. До сих пор сохранились сделанные им на Камчатке, Чукотке, Аляске, в США и Владивостоке фо-

Фото 3. Дежнёво: сушка шкур белого медведя на фактории Караевых. Крайний слева Александр Караев, справа от него – работники фактории и местные охотники (фото из семейного архива Караевых)

тографии, отражающие жизнь людей в этих краях в 10–20-е годы XX столетия» (Караев Б., 2003: 16, 17). Некоторые фотографии из семейного архива Караевых помещены в книге воспоминаний Б.А. Караева «Восточный ветер», еще больше – в «Живом журнале» (ЖЖ) пользователя odupokiy (Виталий Ястремский), где собраны разнообразные материалы по истории семьи Караевых и пос. Дежнёво (Дороги..., 2019) (фото 3).

О значительном вкладе этой семьи в местную культуру свидетельствует сообщение самого Александра Ивановича о том, что «эскимосы, окружающие бухту Провидения и мыс Чаплина, даже переписываются между собой не только на русском языке, но и на своем родном, на котором письменность введена нами, Караевыми, воспользовавшись тем, что у нас, осетинов, эскимосов и чукчей одни и те же звуки» (Караев, 1926: 153). Это сообщение, безусловно, требует внимательного изучения. В истории метеорологических наблюдений на Чукотке отмечено, что А.И. Караев вел наблюдения в Дежнёво в 1916, 1917 и 1918 г. (Леонтьева, 1937: 90).

Во время Гражданской войны братья Караевы и другие торговцы, возмущенные грабежами белогвардейцев поддержали советскую власть. 23 декабря 1922 г. Федор Иванович Караев, пользовавшийся большим уважением в крае, был назначен уполномоченным Камчатского ревкома

по Анадырскому уезду и Чукотскому полуострову (он вступил в должность 3 января 1923 г.). Ему «под страхом смертной казни» вменялось в обязанности «приступить к организации в Анадырском уезде и на Чукотском полуострове надежной охраны из местного населения, принять решительные меры к охране ценностей и задержанию белобандитов, бежавших с награбленной пушниной из Колымского края, которые намереваются пробраться через Берингов пролив в Америку» (Борьба..., 1967 : 141). Ф.И. Караев организовал отряды «народной охраны» («заградительные») из коммерсантов (среди них было немало выходцев с Кавказа – осетин, дагестанцев, ингушей) и местных охотников. Командиром одного из отрядов был Моисей Харитонович Караев, племянник А.И. Караева. В вооруженной борьбе с белогвардейцами принял участие Марковский отряд Г.З. Кибизова (упоминается как торговый партнер Караевых в дневнике Амундсена – Амундсен, 1936: 320, 322–325, 328 и др.). Соединившись с частями Красной Армии, отряд Кибизова участвовал в разгроме есаула В.И. Бочкарева в Гижиге и Наыхане 10 и 13 апреля 1923 г.

В Чукотском уезде до столкновений с белогвардейцами не дошло, и Ф.И. Караеву пришлось в основном бороться с недобросовестными торговцами и самогонщиками. Он выдавал торговые свидетельства, собирал пушной налог, оказывал помощь голодающим чукчам и вообще всячески стремился установить порядок на Чукотке (Гарусов, 1963: 100; Борьба..., 1967: 165–175; Krupnik, Chlenov, 2013: 15–16). Зимой 1923 г. он произвел подробную опись поселков побережья Чукотки от Уэлена до Анадыря, собрав в ходе длительного санного путешествия точные данные о численности населения, его национальном составе, числе мужчин и женщин, количестве байдар, лодок, упряжных собак и пр. (Материалы..., 1925). Но как только закончилась Гражданская война, Караев, социально чуждый новой власти, был смещен с поста уездного уполномоченного.

Караевы покинули Дежнёво в том же 1923 г., который стал переломным в борьбе за советскую власть в этих краях. После победы большевиков стало очевидно, что коммерсантам не место на Советской Чукотке. Имущество Караевых было национализировано, и А.И. Караев переехал во Владивосток, а в 1925 г. – в Японию, где образовал компанию по торговле с СССР. В 1947 г. он с семьей вернулся в СССР и умер в Свердловске (Караев Б., 2003: 18, 19, 116, 117). А.И. Караев оставил дневники и воспоминания, которые ждут своего исследования и публикации. Ф.И. и М.Х. Караевы встречаются как участники различных советских полярных экспедиций 1920-х гг. в Чукотском и Восточно-Сибирском морях. В 1930 г. Ф. и М. Караевы показаны в числе пассажиров, прибывших в США. Однако

известно, что Моисей Харитонович вернулся в СССР. Есть сведения, что в 1939 г. М.Х. Караев был арестован, затем оправдан и вскоре после этого умер ([Электрон. ресурс]. – URL: <https://odynokiy.livejournal.com/tag/Караевы> (дата обращения 7.10.2019) и другие страницы этого сайта по тегам).

С 1904 г. в Дежнёво жил еще один крупный торговец – австралиец Чарли Карпендель (Clarendon Coulson Carpendale, 1874–1951), партнер знаменитого американского предпринимателя Олафа Свенсона. С 1900 г. он занимался поисками золота на Аляске и попал на Чукотку вместе с партией проспекторов-золотоискателей. Карпендель владел складом в Дежнёво и факторией в Уэлене. Колоритная фигура Чарли Карпенделя отражена в воспоминаниях и литературе. В мемуарах Х.У. Свердрупа и Н.А. Галкина он показан как мудрый знаток северных мест и обычаев, в книгах Т.З. Сёмушкина и раннего Ю. Рытхэу – как хищник-эксплуататор (Свердруп, 1930: 259, 260; Галкин, 1931: 37, 38, 40, 41; Семушкин, 1947; Рытхэу, 1982).

Карпендель был женат на чукчанке Пунг-я (чук. – Пун’ая/ Пан’ая ?) (по другим сведениям его жена была эскимоской по имени Тонаник – Тунан’ик?); в этом браке родились девять детей. Свою жену он звал Джесси, вероятно, в честь матери Джесси Энн Тернер. С ухудшением положения иностранных торговцев в 1926 г. семья Карпенделя на байдарках переправились с Чукотки через Берингов пролив на Аляску. В последние годы Ч. Карпендель прожил в Канаде, где содержал птицеферму; его жена Джесси умерла в 1971 г. (Ярзуткина, 2012: 223–225).

Зимой 1921 г. во время ледового плена норвежской экспедиции на судне «Мод» на Дежнёво бывал ее начальник, знаменитый путешественник Руал Амундсен (Roald Amundsen, 1872–1928). У него завязались дружеские отношения с Карпенделем и его семьей. Амундсен взял на воспитание дочь Чарли, Камиллу (11 лет), и увез ее в Норвегию вместе с другой местной девочкой – эскимоской Каконитой (Нитой Какот) (4 года). Девочки получили большую известность, о них часто писали и помещали их фотографии вместе с «дедушкой» Амундсеном. В Норвегии они ходили в школу, о них заботились Амундсен, его друзья, родные, прислуга. Но после разорения Амундсена в 1924 г. все изменилось. Знаменитый путешественник отправил приемных дочерей обратно на Чукотку. В 1925 г. Камилла соединилась с родителями, а Ниту Карпендели приняли как еще одну дочь (Ytreberg, 2018a,б: 34–36).

О Ч. Карпенделе, его семье и потомках (в том числе «эскимосках» Р. Амундсена) также много собрано и опубликовано автором ЖЖ [odynokiy](https://odynokiy.livejournal.com/tag/Карпендель) ([Электрон. ресурс]. – URL: <https://odynokiy.livejournal.com/tag/Карпендель> (дата обращения 7.10.2019)).

КНУД РАСМУССЕН В ДЕЖНЁВЕ И УЭЛЕНЕ (17–18 сентября 1924 г.)

Карпендель был первым, кто встречал шлюпку Расмуссена на чукотском берегу, однако о нем более ничего не говорится. Расмуссен также не упоминает о связи Карпенделя с Амундсеном. Видимо, их общение было кратковременным. Карпендель познакомил Расмуссена с милиционером Аляевым, который организовал доставку путешественника к местным властям в Уэлен.

По словам Расмуссена, Дежнёво представлял собой небольшой поселок, в котором жили чукчи, несколько бывших торговцев и представитель советской власти. Н.А. Галкин пишет: «*На самом берегу “европейская” часть – пять домишек американского типа; далее на высоком обрыве, чукотский поселок – двенадцать яранг. Европейская часть населения – из пяти человек, если не считать чукотскую семью Чарльза Карпендель. Строения, в которых предстоит зимовать, производят легкомысленное впечатление*» (1924 г.) (Галкин, 1931: 37). Галкину вторит журналист Борис Лапин. Ему в 1928 г. «селение показалось жалким и затерянным» (Лапин, 1929: 72). По данным Приполярной переписи 1926/27 г., в Дежнёво проживали 78 чел.; 36 мужчин и 42 женщины. В соседнем Уэлене – 269 (147/122), в Наукане – 349 (172/177) (Список..., 1929: 225, 227, 228).

Из Дежнёва Расмуссен на собачьей упряжке прибыл в Уэлен. В своей книге он упоминает имена нескольких уэленских жителей, среди которых – представители советской администрации и торговцы. Из них удалось отождествить трех человек. Это – «governor» Nikolaus Losseff, «police-constable» Maxim Penkin и торговец и переводчик Piter Cossigan. В двух первых случаях Расмуссен ошибся в имени, но правильно передал фамилию.

Григорий Николаевич Лосев (1892–?) – уполномоченный Камчатского губревкома в Чукотском уезде с января 1924 г. Ранее участвовал в борьбе за власть Советов, недолгое время работал в ЧК. С 1923 г. на Камчатке, служил в Рабоче-крестьянской инспекции; в том же году назначен на Чукотку с полномочиями от Камчатского губотдела РКИ «*осуществлять контрольный надзор за деятельностью всех без исключения государственных учреждений и предприятий, а равно и общественных организаций*». В должности уполномоченного губревкома Лосев занимался тем же, чем и его предшественник Караев: арестовывал американские суда и товары (в том числе и Свенсона), собирал налоги, выдавал торговые свидетельства, занимался снабжением населения, проводил статистический учет, боролся с самотоноварением, решал текущие вопросы управления. При Лосеве 13 марта 1925 г. в Уэлене состоялся первый Чукотский уездный съезд представителей трудящихся малых народностей. Летом 1925 г. Лосев вернулся в Петропавловск-

Камчатский и в дальнейшем до 1950-х гг. работал в органах снабжения. Лосев говорил по-чукотски и по-корякски, освоил местные обычаи и быт, водил упряжку (Галкин, 1931: 69, 127–128, 132; Во имя..., 2011). Он изображен в романе Т.З. Семушкина «Алитет уходит в горы» под фамилией Лось (Семушкин, 1947). По описанию Расмуссена, «губернатор» Лосев был очень любезен с путешественником, пригласил его к себе, познакомил с семьей, накормил обедом, но не мог дать разрешения на дальнейшее пребывание на Советской Чукотке.

Старший милиционер Чукотского уезда (с 1927 г. – района) Иван Егорович Пенкин отличался большим ростом. Расмуссен называет его «великаном», Борис Лапин – «высоким, рябым детиной». Он также боролся с американской и японской контрабандой (как ее понимали советские власти), расследовал преступления, поддерживал правопорядок во вверенном ему районе, на объезд которого уходил год. Борис Лапин изобразил И.Е. Пенкина в романе «Тихоокеанской дневник» под фамилией Пяткин и сделал его героем чукотских сказаний (очевидно, самим же журналистом и сочиненных) ([ГАЧАО². Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 3. Л. 27]; Лапин, 1929. С. 28–32; Никифоров, 2014).

Пётр Васильевич Косыгин обосновался на Чукотке до революции, был компаньоном Караевых. У него был склад на м. Северный, который в 1929 г. местные власти намеревались объявить бесхозным [ГАЧАО. Ф. Р-155. Оп. 1. Д. 2. Л. 42]. Вероятно, Косыгин участвовал в борьбе с белыми в составе «караевской милиции» (Во имя..., 2011). По происхождению камчадал (так в те годы называли обрусевших аборигенов Камчатки и жителей с. Маркова. – *Ред.*), Косыгин был женат на чукчанке, имел дочь. Жил по-чукотски в яранге. Н.А. Галкин пишет о Косыгине: «*Говорит, что хотел выбраться на материк, но не соглашается теща-чукчанка и не отпускает дочь с внучкой*» (Галкин, 1931: 69). В 1924 г. Косыгин упоминается в делах о пьянстве и самогоноварении в Уэлене; милиция подозревала его причастность к производству спиртного [ГАЧАО. Ф. Р-191. Оп. 1. Д. 2. Лл. 10, 12, 13, 17]. Однако интересы Косыгина были шире, недаром он учился в американском университете (Галкин, 1931: 69). Как и другие видные люди уезда (от Лосева до Карпенделя), он состоял членом Общества друзей воздушного флота и сдал на его нужды пять песцовых шкур (20 ноября 1923 г.) [ГАЧАО. Ф. Р-186. Оп. 1. Д. 1. Л. 35]. С декабря 1928 по август 1930 г. П.В. Косыгин вел метеорологические наблюдения в Уэлене (Леонтьева, 1937: 88).

²ГАЧАО – Государственный архив Чукотского автономного округа.

Последние сведения о Косыгине содержатся в отчете пограничного офицера А.А. Кампана (в историографии он ошибочно именуется Калтаном): «*Личность на Чукотке довольно популярная. Он сам камчадал, был в Америке, учился там, говорят, что он закончил в Сан-Франциско колледж. Хорошо знает английский язык (американский). На Чукотке он давно. Был и промышленником, и торговцем. Имел свои землянки и до сего времени имеет свой катер. Хорошо знает Чукотку. Долго работал в ревкоме, а потом в РИКе. Уже довольно стар. Ожидает ежегодно высылки из пределов Чукотки. Охотно давал разные справки по Чукотке*» (1930/1931 г.). В это время П.В. Косыгин работал продавцом в Дежнёвской фактории Акционерного Камчатского общества (Калтан, 2008: 297).

Рассказ Расмуссена о его однодневном пребывании в Уэлене мало что может добавить к известным описаниям этого поселка 1920-х гг. Представляет определенный интерес его описание встречи с бывшими торговцами в Уэлене, которые оказались в то время без средств к существованию – советская власть запрещала им торговать, но не позволяла покинуть страну. Перед ними стояла проблема выживания, а старые сбережения в царских ассигнациях оказались бесполезными.

После разговора с обанкротившимися торговцами Расмуссен перешел в чукотскую ярангу одного из них – Петра Косыгина, где познакомился с чукотским бытом и услышал рассказ о происхождении чукчей и эскимосов (последние, по преданиям, пришли на Чукотку с Аляски и островов Берингова моря). От старых эскимосов Расмуссен записал около 100 слов науканского диалекта (Rasmussen, 1941: 8, 36–41; Mathiassen, 1945: 107).

Завершая рассказ о посещении Уэлена, Расмуссен критично отзывался о советской власти, утверждая, что она не интересуется ничем, кроме получения от туземцев меха по максимально низкой цене. По словам ученого, до того как на Аляске начало работать Бюро по вопросам образования, положение американских эскимосов было хуже, чем положение сибирских. Теперь все обстоит наоборот. Расмуссен заблуждался: у советской власти были обширные планы на развитие Севера и распространение цивилизации среди туземцев. Однако они вряд ли бы обрадовали ученого. Их воплощение привело к тому, что спустя 100 лет после его визита на Чукотку вместо Наукана и Дежнёва можно увидеть руины и голые берега.

18 сентября Кнуд Расмуссен в сопровождении Ивана Пенкина прибыл из Уэлена в Дежнёво, а затем поднялся на «Teddy Bear», и судно отошло от берега. Из-за льдов ему пришлось некоторое время постоять напротив Наукана (фото 4), о котором Расмуссен отзывался, как о «земле обетованной». Несколько эскимосов из поселка поднялись на корабль, общались

Фото 4. Вид на пос. Наукан осенью 1924 г. (фото из книги *Mathiassen T. Report on the expedition. Report on the Fifth Thule expedition. Vol. I. No 1. Copenhagen, 1945*)

с Расмуссеном и выражали сожаление об его отъезде. Тогда Расмуссен мог пополнить свои знания науканского диалекта.

По иронии судьбы, когда Расмуссен прибыл в Ном, на берегу его ждал человек с телеграммой о том, что разрешение советского правительства на посещение им Чукотки получено. Однако ученому не довелось им воспользоваться.

В качестве утешительного приза в Номе Расмуссен прибрел небольшую археологическую коллекцию предметов с «Восточного мыса», т. е. из окрестностей Наукана. Она описана Т. Матиассеном в одном из томов отчета Пятой экспедиции Туле (*Mathiassen, 1927: 177–178; Mathiassen, 1945: 107*).

Визит Расмуссена на Чукотку нашел отражение в дневнике Н.А. Галкина. Под 18 сентября 1924 г. он пишет: «С американского берега пришла ишхуна “Teddi Bear”. Приехал датский путешественник, этнограф Кнуд Расмуссен. Он с 1921 г. занят изучением гренландских эскимосов и теперь приехал с этой же целью к нам. Возбудив ходатайство перед Москвой, разрешения он не дождался, а поэтому здешняя власть предложила ему поехать в сопровождении милиционера на два-три дня в Наукан, но он отказался

и уехал обратно» (Галкин, 1931: 44). Это противоречит сообщению Расмуссена о том, что ему было предписано покинуть Чукотку на следующий день. Очевидно, что правота за Расмуссеном – ни один ученый не откажется от возможности провести наблюдения, хотя бы в столь короткий срок.

Другое свидетельство содержится в отчете В.Г. Богораза о XXI конгрессе американистов, на котором были представлены результаты Пятой экспедиции Туле. Богораз пишет: «В 1924 г. Расмуссен на американском китобойном судне действительно подъехал к эскимосскому поселку Ноокан на Чукотском мысу. Но в это время наши отношения с американцами весьма обострились из-за дерзкой попытки американских промышленников и торговцев захватить остров Врангеля, лишенный человеческого населения, но обладавший бесспорными природными богатствами. Русский пароход “Декабрист” снял американских браконьеров с острова Врангеля. В результате этого другие китоловы, чувствуя, что за каждым из них есть нарушения правил торговли, стали опасаться подходить к русским берегам. Таким образом, и Расмуссену в конце концов не удалось высадиться на Чукотском мысу» (Богораз, 1926: 125). Со слов Богораза получается, что в неудаче Расмуссена виноват капитан его судна, который побоялся идти к Наукану.

Сам Расмуссен настороженное отношение к нему советских властей также связывал с авантюрой В. Стефанссона и сожалел, что, ничего не ведая, попал в «политическое осиное гнездо». Эвакуация американско-канадских колонистов с Врангеля происходила как раз в те дни, когда Расмуссен пытался попасть в Наукан для исследования эскимосов.

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИЯ ПОСЕЛКА ДЕЖНЁВО

Поселок Дежнёво в советское время также именовался «Дежнёв» и «Дежнёвка». Встречается и термин «село» по отношению к этому поселению. Его положение в удобной бухте, совместное проживание и пребывание здесь русских, американцев и чукчей, влияние эскимосов и контакты с моряками – все это способствовало развитию Дежнёво как своеобразного «маленького Уэлена», открытого различным культурным влияниям.

В 1924 г. фактория Караевых на Дежнёво была передана Охотско-Камчатскому рыбопромышленному обществу (ОКАРО), которое прекратило существование в конце 1926 г. Затем недолгое время фактория находилась в ведении Дальгосторга, а в 1927 г. была передана Акционерному Камчатскому обществу (АКО), существовавшему до 1945 г. В 1926–1927 гг. заведующим факторией был А. Раченко, имевший медицинское образование. Поэтому Уэленский фельдшерский пункт располагался в Дежнёво [ГАЧАО. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 1. Лл. 7, 80; Д. 8. Л. 29]. Позднее, в 1948 г. врачебной помощи в поселке не было [ГАЧАО. Ф. Р-176. Оп. 1. Д. 15. Л. 46].

О другом заведующем факторией – Балашове отрицательно отзывается А.А. Кампан: «Человек очень мрачной внешности, невозможный бюрократ по службе. <Плохие> отзывы о нем дают все, его знающие». Этот автор также сообщает интересные сведения о движении и стоимости товаров на Дежнёвской фактории, объемах заготовок пушнины и другого сырья. Согласно его свидетельству, с 1 сентября 1930 г. по 1 июля 1931 г. на фактории было заготовлено 560 моржей и лахтаков и 2460 нерп (Калтан, 2008: 296, 322, 330–334).

На Дежнёво также находилось угольное хранилище, вероятно, созданное еще до 1917 г. В 1924 г. пароход «Красный Октябрь» под командованием Б.В. Давыдова, возвращаясь с о. Врангеля, в критической ситуации смог получить в Дежнёво необходимый уголь.

В 1920-е гг. в Дежнёво возникает особая дежнёвская школа резьбы по кости. В 1931 г. здесь была создана артель мастеров, входившая в состав Уэленской косторезной мастерской. В это время в ней состояли 10 мастеров, по национальности – чукчи. Позднее дежнёвская традиция влилась в уэленскую школу резьбы по кости. Один из ранних образцов дежнёвской школы – четырехгранный клык, изготовленный мастером Степаном Еттуги и изображающий факторию Дальгосторга и пос. Дежнёво. Вид на поселок с моря; слева, на косе – 8 зданий фактории, справа – 14 яранг. Над тремя домами фактории красные флаги. Рядом с факторией сушится шкура белого медведя, стоят и ходят люди, рядом с ярангами изображены вешала для байдар и мясные ямы. На море, в бухте идет охота на моржа. Подписи: «Чукотский. Полуостров. Мы[с] Дежнев. 1926 г.» и «Фактория Дальгосторга. Степан. Фачеле. Морж. Клику. рапоти» (Калтан, 2008: 336, 337; Тишков, 2008: 28–41). В каталоге чукотских косторезов из 276 мастеров упомянуты 26 резчиков (как чукчей, так и эскимосов), работавших в Дежнёво (Электрон. ресурс. – URL: <http://remeslachukotki.edu87.ru/pride-uelen-bone-carving-workshop/127> (дата обращения 7.10.2019)). В 1929 г. была образована женская пошивочная артель из 18 мастериц-чукчанок (Калтан, 2008: 336, 337).

С 1931 г. в Дежнёво действовала охотничья артель, а в первой половине 1930-х гг. создали колхоз «Новый путь», в котором в разное время была одна-две бригады охотников на морского зверя. Тот же Еттуги, выступая на районном чрезвычайном съезде Советов в Уэлене 27 сентября 1936 г., говорил, что «при организации колхоза было очень трудно, люди не хотели идти». А затем, почти без перехода, пожаловался: «Председатель Дежневского нац-совета тоже варит брашку» [ГАЧАО. Ф. Р-155. Оп. 1. Д. 4. Лл. 183, 211 об.]. Обвиняли в самогоноварении и другого представителя

советской власти в Дежнёво – секретаря сельсовета Энона. Возмущенный, он писал в Чукотский районный совет: «Также вы отражено в телеграмме моей систематической браговорения и населения, а также моей за неведением никакой работы колхозам и организацией, прошу Вашего содействия проверить, и отвечаю телеграмма конкретно: во-первых, население и охотники занимались только промысла и строительства школ, например, недавно июле м-ц я лично добыл 4 нерп и один большой лахтака и один ученик охотник добыл 2 лахтака один большой другой средний в индивидуальном промысле, вот это наше браговорение. У нас почти не было браговорения среди населения кроме Рультаманута и она в настоящее время [...] жаётся, только один раз я сделал браг, это заказ тов. Эйгука и выпили с Эйгуком и [...] . Прошу в дальнейшем сначала хорошо уснуть таких разговор, ли действительно занимались Энон браговорением, а потом вы пордите бумаги» (июль 1949 г.) [ГАЧАО. Ф. Р-176. Оп. 1. Д. 14. Л. 96]. Обвинение, однако, имело какую-то основу, поскольку следом идет записка за подписями председателя и секретаря сельсовета о том, что продажа сахара, согласно указанию районных властей, запрещена и сахар выдается на руки по 500 граммов на жителя (правда, не сказано, на какой срок) [Там же. Л. 98].

В 1932 г. в СССР осуществлялись научные наблюдения по программе Международного Полярного года. В связи с этим с 1 октября 1932 г. начались метеорологические наблюдения в Дежнёво. Для этого на косе построили по «системе инженера Свиньина» три круглых сборно-разборных жилых дома и отдельно такого же типа строение для магнитного павильона. Здесь велись метеорологические, аэрологические и другие виды наблюдений. В августе 1933 г. строения и установки дежнёвской метеостанции были перенесены в Уэлен, однако в Дежнёво продолжались параллельные наблюдения. 25 августа 1935 г. они закончились, так как в новой смене на станции Уэлен не оказалось лишнего метеоролога (Леонтьева, 1937: 12, 89–92).

КОНЕЦ ПОСЕЛКА

В 1930–1940-е гг. Дежнёво мало чем отличалось от других береговых поселений Советской Чукотки. Сохранившиеся в Государственном архиве Чукотского автономного округа протоколы сельского совета за 1947–1951 гг. содержат обсуждение вопросов, традиционных для здешних мест: организация морской охоты, пушной охоты, работа школы, лавки и избы-читальни, санитарное состояние поселка и яранг и т. д. [ГАЧАО. Ф. Р-176. Оп. 1. Д. 14, 15]. Как и везде на береговой Чукотке, у колхозных охотников

были планы по добыче морского зверя и пушнины, реализация которых обсуждалась на заседаниях. Так, в весенне-летний период 1949 г. охотники должны были добыть 70 моржей, 60 лахтаков и 800 нерп, а добыли соответственно 51, 49 и 343. Было заготовлено мяса и копальхена в размере 1 т 739 кг [ГАЧАО. Ф. Р-176. Оп. 1. Д. 14. Лл. 105–105 об.]. Обсуждали и социалистическое соревнование с соседним, уэленским колхозом. В какой степени эти обсуждения влияли на выполнение планов по добыче морского и пушного зверя, сказать сложно.

О том, как жили люди поселка Дежнёво из документов сельсовета понять сложно – они составлены по бюрократическим шаблонам своего времени (см.: Шокарев, 2017). Однако иногда в документах отражается нелегкая жизнь охотников и их семей, зависимость которых от промысла по-прежнему была велика. 14 января 1950 г. секретарь сельсовета Энон писал секретарю райисполкома А. Гнездиловой без всякого вступления: «*Очень плохо живут за отсутствием морзверя, охотники охотились, но ни одного не видели зверей, уже мы второй день не кушали, а в настоящее время не получили оба зарплаты а июнь-июль и ноября 1949 г.*» [ГАЧАО. Ф. Р-176. Оп. 1. Д. 14. Л. 92].

Количество жителей Дежнёво в разные годы было примерно одинаковым: в 1930 г. – 96 чел. (58 взрослых и 38 детей), 15 яранг (Калтан, 2008: 296); на 1.01.1939 г. – 91 чел. (в другом документе – 94) [ГАЧАО. Ф. Р-15. Оп. 1. Д. 7. Лл. 19, 90]; на 31.03.1948 г. – 83 чел., 15 яранг [ГАЧАО. Ф. Р-176. Оп. 1. Д. 14. Л. 24 об.]; на 1.01.1950 г. – 79 чел., 73 чукчи, 6 – русские [ГАЧАО. Ф. Р-15. Оп. 1. Д. 18. Л. 57]. То есть в советское время здесь жило в среднем 80–90 чел. Когда началось укрупнение национальных поселков Чукотки, жителей Дежнёво переселили в Уэлен (Решение общего собрания жителей с одобрением этого слияния датировано 24 августа 1951 г. [ГАЧАО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 22. Лл. 1–2]. Судя по протоколам обсуждений, в отличие от соседнего эскимосского пос. Наукан, идея закрытия и переселения не встретила в Дежнёво особых возражений. Сказались, очевидно, давние родственные и хозяйственные связи Дежнёва с Уэленом (см. статью Вуквукай и др. в настоящем сборнике). На освободившееся место в середине 1950-х гг. планировали переселить жителей соседнего Наукана, но в 1958 г. было принято решение о переводе Наукана в Нунымо (Krupnik, Chlenov, 2013: 273–278).

В Дежнёво осталась пограничная застава, но в 1995 г. она сторела, и до наших дней дошла только одинокая вышка (фото 6). На косе стоит один деревянный дом, на крутом склоне – другой, довольно крепкий. Его поддерживают охотники из Уэлена, которые приезжают сюда охотиться на морского зверя. В отличие от большинства чукотских балков, дом целый, не проте-

Фото 5. Дежневская фактория (фото А.С. Форштейна, 1929. МАЭ, Санкт-Петербург)

Фото 6. Пограничная вышка и тундра вокруг Дежнёва (фото автора)

кает и не продувается, заделаны окна и щели, внутри две рабочие печки, лежат дрова, сравнительно чисто и уютно, на столе клеенчатая скатерть, на полках небольшой запас продуктов (лето 2019 г., фото 7). В последние годы число посетителей этого места в летнее время увеличилось: из Уэлена приезжают охотники и рыбаки на квадроциклах, а вдоль берега проходит туристический пеший маршрут из Лаврентия на мыс Дежнёва (в Наукан) и Уэлен.

Фото 7. Поселок Дежнёво в 2018 г. (фото автора)

Рядом с домом лежат во множестве ржавые бочки, а также кирпичи и прочий мусор. Невдалеке возвышается пограничная вышка. Вокруг голая тундра, на востоке – громада Дежнёвского массива. Трудно представить себе, что здесь когда-то кипела жизнь: сушились огромные шкуры белых медведей, Александр Караев вел наблюдения за погодой, Чарли Карпендель читал своим детям Библию, а Кнуд Расмуссен высаживался на берег, чтобы завершить 5-ю экспедицию Туле и воплотить свою мечту о путешествии через «всю землю эскимосов» от Гренландии до северо-восточной Азии.

Литература

- Амундсен Р. Собр. соч. Т. 3. Северовосточный проход. Экспедиция на «Мод» вдоль северного побережья Азии: 1918–1920. – Л.: Главсевморпуть, 1936. – 451 с.
- Богданович К.И. Очерки Чукотского полуострова. – СПб., 1901. – 238 с.
- Богораз В.Г. XXI конгресс американистов // Этнография. – 1926. – № 1–2.
- Богораз В.Г. Чукчи. – Л., 1934. – Ч. 1. – 192 с.
- Борьба за власть Советов на Чукотке (1919–1923 гг.): сборник документов и материалов. – Магадан: Кн. изд-во, 1967. – 208 с.
- Во имя народа. История Чукотского автономного округа. Органы государственной власти Чукотки. Анадырь, 2011: Дума Чукотского автономного округа

[Электрон. ресурс]. – URL: http://duma-chukotka.ru/attachments/article/45/История_округа_Глава1.pdf (дата обращения 07.10.2019).

Галкин Н.А. В земле полуночного солнца. – Л.: Мол. гвардия, 1931. – 231 с.

Гарусов И.С. Участие коренного населения Северо-Востока в борьбе за власть Советов (1917–1923 гг.) // Вопросы истории советского Дальнего Востока: Материалы третьей Дальневост. науч. конф. по истории, археологии и этнографии. – Владивосток, 1963. – Кн. 1. – С. 97–101.

Гарусова Л.Н. Российско-американские региональные отношения на Дальнем Востоке: история и современность. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2001. – 178 с.

Гусев С.В. Раскопки эскимосского поселения Канискак (Дежнево) на азиатском берегу Берингова пролива (1990–1992 гг.) // Археологические вести. – СПб., 1995. – № 4. – С. 25–32.

Дороги... LiveJournal [Электрон. ресурс]. – URL: <https://odynokiy.livejournal.com> (дата обращения 07.10.2019).

Калинников Н.Ф. Наш крайний Северо-Восток. – СПб.: Тип. Мор. м-ва, 1912. – 246 с.

Калтан А. Отчет об обследовании Чукотского полуострова // Тропую Богораза: научные и литературные материалы / сост. Л.С. Богословская, В.С. Кривошеков, И.И. Крупник. – М., 2008. – С. 284–342.

Караев А.И. Чукотско-Анадырский край (очерки местного жителя) // Экономическая жизнь Дальнего Востока. – Хабаровск, 1926. – № 4. – С. 140–153.

Караев Б.А. Восточный ветер: Воспоминания и размышления. – Екатеринбург, 2003. – 188 с.

Колбасенко И.С. Населенные места Приморской области в 1896 г. – Никольск-Уссурийский: Тип. Ф.В. Мисюры, 1899. – 49 с.

Лапин Б.М. Тихоокеанский дневник. – М.: Федерация, 1929. – 223 с.

Леонтьев В.В., Новикова К.А. Топонимический словарь Северо-Востока СССР. – Магадан: Кн. изд-во, 1989. – 456 с.

Леонтьева Е.А. Основные черты климата острова Врангеля и Чукотского побережья: Материалы по климатологии полярных областей СССР. – Л.: Изд-во Главсевморпути, 1937. – Вып. 5. – 128 с.

Материалы по статистике Камчатской губернии. – Хабаровск, 1925 (приводятся материалы описи Ф.И. Караева поселков Чукотского полуострова). – 33 с.

Меновицков Г.А. Местные названия на карте Чукотки: Краткий топонимический словарь. – Магадан: Кн. изд-во, 1972. – 207 с.

Никифоров В. Чукотская, народная [Электрон. ресурс]. – URL: <https://www.proza.ru/2014/01/31/1096> (дата обращения 07.10.2019).

Расмуссен К. Великий санный путь: пер. с датского А.В. Ганзен. – М.: Географгиз, 1958. – 182 с.

Рытхэу Ю.С. Конец вечной мерзлоты: роман. – М.: Современник, 1982. – 431 с.

Савинецкий А.Б. Вековая динамика населения млекопитающих и птиц побережья и островов Берингова моря в последние тысячелетия: дис. ... д-ра биол. наук. – М., 2000. – 269 с.

Свердруп Г.У. Плавание на судне «Мод» в водах морей Лаптевых и Восточно-Сибирского: Материалы Комиссии по изучению Якутской Автономной Советской Социалистической Республики. – Л., 1930. – 444 с.

Семушкин Т.З. Алитет уходит в горы. – М.: Изд. и 1-я тип. Профиздата, 1947. – 236 с.

Список населенных мест Дальневосточного края: по материалам Всесоюзной переписи населения 17 декабря 1926 года и Приполярной переписи 1926/27 года. – Хабаровск – Благовещенск, 1929. – 229 с.

Тишков В.А. Тундра и море: чукотско-эскимосская резьба по кости / Описание предметов Ю.А. Широкова, В.А. Тишкова; фото М.Б. Лейбова. – М.: Индрик, 2008. – 160 с.

Тульчинский К.Н. Отчет по командировке на Чукотский полуостров для всестороннего ознакомления на месте с деятельностью Северо-Восточного Сибирского общества. – СПб., 1906. – 120 с.

Членов М.А. Экологические факторы этнической истории района Берингова пролива // Экология американских индейцев и эскимосов. Проблемы индеанистики / отв. ред. д. и. н. В.А. Тишков. – М.: Наука, 1988. – С. 63–124.

Членов М.А., Крупник И.И. Наукан: главы к истории // Спасти и сохранить: Материалы науч.-практ. конф. «Культурное наследие Чукотки: проблемы и перспективы сохранения»: Анадырь, 12–14 апр. 2016 г. – М.; Анадырь, 2016. – Вып. 1. – С. 38–74.

Шокарев С.Ю. Человек, природа и советская власть на мысе Дежнева // Человек и природа: история взаимодействия, источники и информационные ресурсы, визуальные образы и исследовательские практики: Материалы XXX Международ. науч. конф. Москва, 25–26 апр. 2017 г. – М., 2017. – С. 237–241.

Ярзуткина А.А. Чукотские семьи американских торговцев: микроистория торговых отношений в начале XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики: в 2-х ч. – Тамбов, 2012. – № 4 (18): – Ч. 2. – С. 223–227 [Электрон. ресурс]. – URL: www.gramota.net/materials/3/2012/4-2/57.html (дата обращения 07.10.2019).

Krause A. Die Expedition der Bremer geographischen Gesellschaft nach der Tschuktschen-Halbinsel und Alaska // Deutsche Geographische Blätter. – 1882. – Band 5.

Krupnik I., Chlenov M. Yupik Transitions. Change and Survival at Bering Strait, 1900–1960. – Fairbanks: University of Alaska Press, 2013.

Mathiassen T. Archaeology of the central eskimos. Report on the Fifth Thule expedition. – Copenhagen, 1927. – Vol. 4.

Mathiassen T. Report on the expedition. Report on the Fifth Thule expedition. – Copenhagen, 1945. – Vol. 1, No. 1. – P. 104–107.

Rasmussen K. Across Arctic America. – New York – London: G. P. Putnam's Sons, 1927. – 388 p.

Rasmussen K. Alaskan eskimo words. Report on the Fifth Thule expedition. – Copenhagen: Nordisk Forlag, 1941. – Vol. 3, No 4. – 83 p.

Ytreberg E. Cape Heartstone: The Story of Nita Kakot Amundsen, Camilla Carpendale and Roald Amundsen (Kapp Hjertestein). – 2018a. – 180 p.

Ytreberg E. From Siberia to Norway and Back: The Journeys of Nita Kakot Amundsen and Camilla Carpendale // Arctic Studies Center Newsletter. – 2018b. – No. 25. – P. 34–36.

**«ВОСПОМИНАНИЯ О НУНАКЕ»:
ДЕЖНЕВСКИЙ МАССИВ В КОНЦЕ XX в.
(по полевым записям 1981 г.)**

Членов М.А.

В моих поездках по Чукотке в целях изучения азиатских эскимосов в 1970-е и 1980-е гг. мне довелось побывать на Дежневском массиве 4 раза. Первый раз – в 1971 г. в составе антрополого-этнографической экспедиции под руководством Т.И. и В.П. Алексеевых; второй раз – в 1981 г., в ходе работы Эскимосского этнографического отряда Института этнографии АН СССР, которым я руководил, и затем в 1986 и 1988 г. в составе экспедиций Рижской и японской киностудий, в которых я выполнял обязанности консультанта. В этих поездках я и мои коллеги обследовали все известные нам старые, исчезнувшие к тому времени эскимосские поселения, существовавшие в период до середины XX в. (Членов, Крупник, 1983, 2016; Krupnik, Chlenov, 2013). Мы пытались не только зафиксировать планы и локализацию самих старых поселений, но, где возможно, реконструировать на посемейном уровне (по памяти старейшин и составленным нами генеалогиям) состав их населения в первые десятилетия XX в.

В конце XX в. Дежневский массив был совершенно другим, чем во времена поездки Н.Л. Гондатти на Чукотский полуостров в 1895 г. Он застал там тогда крупный чукотский поселок Уэлен (38 домов, 231 чел. – см. Введение; Вуквукай и др.), окруженный другими чукотскими селениями и мелкими оленеводческими стойбищами. Рядом с Уэленом существовал еще более крупный на то время и весьма труднодоступный эскимосский поселок Наукан (эск. *Нывук'ак'*; по Гондатти: 50 домов, 299 чел.), располагавшийся чуть южнее географического мыса Дежнева, возможно, и какие-то более мелкие науканские поселки, занимавшиеся морской охотой.

Два из таких старых поселков, в прошлом населенных науканскими эскимосами, не отмечены в описи Гондатти 1895 г. Они известны по более ранним источникам XVIII в., а также легендам и воспоминаниям науканских эскимосов (Крупник, Членов, 1979; Арутюнов и др., 1982; Членов, Крупник, 1983, 2016; Членов, 1988; Krupnik, Chlenov, 2013). Первый из них –

Мамрохпак располагался к северу от Наукана, на южных отрогах самого географического мыса Дежнева. Второй – Нунак находился к югу от Наукана на мысу, который на сегодняшних морских картах еще называется не употребляемым местным населением названием Пээк.

Оба эти поселка сохранялись в памяти потомков жителей Наукана во время нашей работы на Чукотке в 1970–1980-е гг. Они привлекали наше внимание по ряду причин, одной из которых было их своеобразное место в науканской мифологии. Знаменитый миф о «Ките, женщиной рожденном» (Меновщиков, 1987) повествует о вражде между жителями Нунака и Мамрохпака, но ни словом не упоминает о самом Наукане, центре этнической общности науканцев, располагавшемся между этими двумя поселками. Это звучит странно, как если бы в русских летописях XIV–XV вв. сохранялись свидетельства о вражде между Тверью и Рязанью, в котором игнорировалось бы существование между двумя этими городами Москвы.

Добраться до Нунака и Мамрохпака было одной из задач, которую мы неоднократно пытались выполнить. Осуществить ее оказалось весьма нелегко, как это станет ясно из этой статьи, построенной на выдержках из моих полевых дневников сентября 1981 г. Тогда мне и сопровождавшему меня художнику С.А. Богословскому удалось обследовать побережье Дежневского массива и, пусть на очень короткое время, первым поставить ногу на землю Нунака. Произошло это через 86 лет после поездки Н.Л. Гондатти и, очевидно, через 90–100 лет после того, как Нунак покинули его последние эскимосские жители, имена которых были известны науканским старейшинам в 1970-е гг. (Членов, Крупник, 2016: 52–53).

В 1981 г., как и сейчас, Дежневский мыс представлял собой скалистый и крутой горный хребет длиной примерно 20 км и шириной 8 км, отделенный от Азиатского материка равнинным перешейком, протянувшимся от берингоморского берега на юге у заброшенного чукотского стойбища Кен'иск'ун, сегодня известного под названием Дежнево, до существующего и сейчас единственного здесь населенного пункта – села Уэлен, расположенного на побережье Чукотского моря, т. е. Северного Ледовитого океана. Маленькие чукотские поселки и стойбища вокруг массива (Леймин, Туньтлин и Дежнев на южной стороне, Тункан на северной, западнее Уэлена) исчезли на протяжении первой половины XX в. Эскимосские поселки на самом скалистом массиве опустели, по всей видимости, еще во второй половине XIX в. Этот процесс полностью завершился трагическим закрытием Наукана в 1958 г. (Krupnik, Chlenov, 2007; Членов, Крупник, 2016).

Из полевого дневника 1981 г. (10 сентября)

В зависимости от направления ветра суда, идущие в Уэлен, идут либо прямо в сам Уэлен, либо в Дежнево. Мы приехали после интересного и очень утомительного плавания вдоль азиатского берега Берингова пролива, намереваясь закончить свой маршрут в Уэлене. Но в бухте Лаврентия нас остановил лед, молчаливо заполнивший бухту и закрывший нам путь на север на маломерных судах. Все же в Лаврентия нам удалось погрузиться на китобоец «Звездный», который добывал китов в водах Чукотского полуострова и развозил добычу по чукотским и эскимосским поселкам (см. статью Е.С. Богословской).

Дежнев(а)

Итак, мы прибыли 10 сентября 1981 г. в гавань Дежнево на южном конце Дежневского массива и высадились в Дежневе (по-чукотски – Кен'иск'ун, по-эскимосски – Кан'иск'ук, русская адаптация – Кенгискун). Снял нас со «Звездного» инчоунский вельбот с двумя моторами (вообще все вельботы в Чукотском районе имеют два колодца для моторов, в то время как в Providенском районе только по одному), когда уже темнело. [...] Мы вылезли на дико грязный берег, захламленный отходами. У самой кромки стояли две палатки, вдали виднелся домик.

Дежнево, бывший Кенгискун, расположен на южном конце низкой долины, в северной части которой лежит Уэлен. Долина, подобно перешейку, соединяет горный кряж мыса Дежнева и материковые горы, крайний восточный отрог которых выходит к берегу в виде Инчоунской гряды. Долина низкая, заболоченная, широкая, изобилующая речками и озерами. Самый низкий берег ее на юге и есть Кенгискун, расположенный, как и полагается нормальному зверобойному поселку, у восточного основания длинной косы, отделяющей замкнутую лагуну длиной в 2–3 км от моря.

Поселок существовал до начала 1950-х гг., когда началась политика концентрации и централизации сельскохозяйственного производства. Жители его были переселены в Уэлен, их потомки живут там и по сию пору. Остатки современного поселка 1940–1950-х гг. на поверхности не видны. Очевидно, он был у самого моря, где сейчас стоит избушка. Все пространство на несколько сотен метров вокруг избушки разбито тракторами и китовыми останками. Дежнево работает как уэленская га-

вань в случаях, когда Чукотское море забито льдами (именно так было и сейчас). Тогда все грузы, особенно китов, принимают в Дежнево, а потом тракторами гонят в Уэлен или напрямик в Инчоун. Поэтому этот поздний поселок начисто стерт огромной свалкой. Берег вязкий, травяного покрова нет, грязь засасывает, ходить очень трудно. Остатки старого поселка видны хорошо только на холмике над избушкой. На вершине холмика построен пограничный домик и пограничная же вышка.

Старый поселок мало информативен, относится к тому же ареалу бывших поселений, что и населенные пункты от Лорино и далее на север. Детальную съемку его не стал делать, так как он показался мне малоинтересным (рис. 1). На краю холма около 10 сооружений неопределенного назначения, не то землянки, не то мясные ямы. Небольшое количество черепов серых китов, несколько поваленных челюстей гренландского кита. Остатки более поздних ям с деревянными стойками. Стоит Дежнево в вершине большой бухты, один конец которой образован мысом Пээк, а другой теряется на юге.

В этой бухте, кроме самого Дежнево, был еще целый ряд поселков, в той или иной степени мне известных. За Дежневской лагуной на запад тянется небольшой отрог, кончающийся мысом Верблюжьим. Собственно говоря, это не мыс, а небольшая сопочка, напоминающая верблюжьих горбы. Первоначально она была названа «Сфинкс», а потом кто-то переименовал ее в Вер-

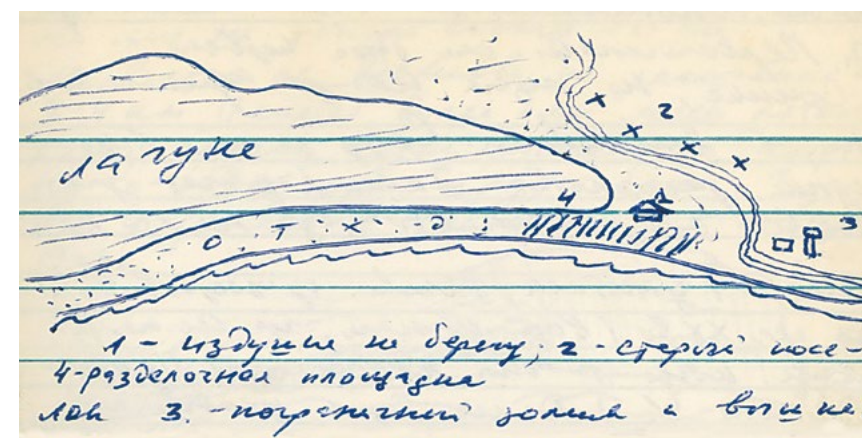

Рис. 1. Расположение и план бывшего пос. Дежнево / Кенгискун (из полевого дневника М. Членова, 1981 г.)

блюжий. Сразу за ней в лагунке расположен знаменитый памятник древнеберингоморской культуры Эквен (чукчам знакомо это название), а за ним остатки поселка Тунытлен, существовавшего до середины XX в. Вспоминаю, что чаплинский «патриарх» 1970-х гг. Иван Ашкамакин когда-то был председателем Тунытленского с/с. Далее берег уходит на юг и виден до какого-то мыса недалеко от Нунямо, возможно, мыс Литке. Верблюжий и Эквен видны очень близко, но мы не успели туда сходить.

На восток от Дежнево тянется на расстояние 3–4 км более или менее ровное плато, слегка поднимающееся к востоку и образующее крутой берег. Затем оно резко повышается, переходя в сопку Пээк (рис. 2).

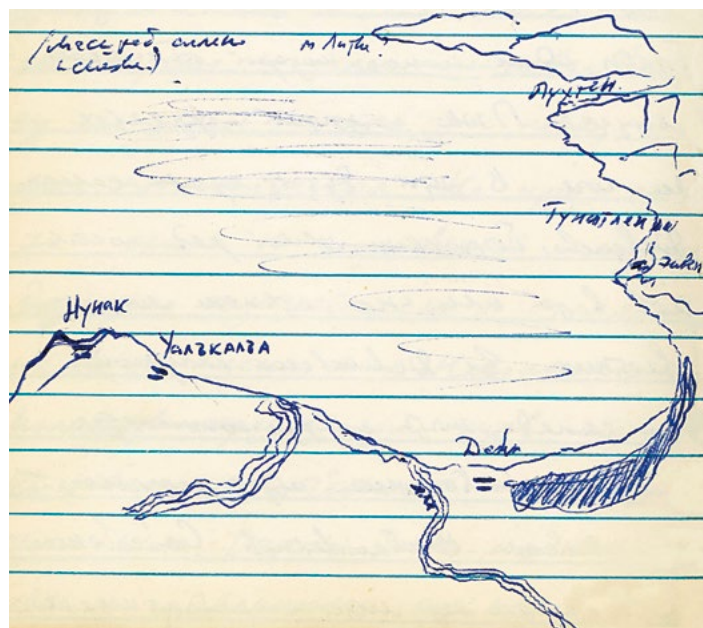

Рис. 2. Вид из пос. Дежнево на юг, в сторону бухты Поутен и м. Литке (из полевого дневника М. Членова, 1981 г.)

На берегу, когда мы высадились с китом, было уже темно. Все сразу бросились на разделку кита и забыли про нас. На ходу мне успели бросить, что директор уэленского совхоза уехал в Инчоун. Однако тут же я узнал, что вездеход из Инчоуна прибыл в Дежнево. Так что на берегу я поймал Илью Александровича Радова, директора совхоза «Герой труда», объединяющего Уэлен и Инчоун. Он был любезен, проявил знания и сказал, что поста-

рается сделать нам то, что надо. Избушка, в которую мы прошли после этого, напоминала более всего хоромы по сравнению с прочими избушками, которые мы видели на необитаемых чукотских берегах. Огромное помещение, по левой стороне нары, в центре большая печь (с незакрывающейся, как это здесь везде, заслонкой). Справа в углу – длинный стол с лавками. Все, как в русской избе, только больше. В добавок ко всему в избе электричество (!).

В избушке жили в тот момент около 30 человек: две, т. е. обе уэленские, морзвербойные бригады – бригадир первой Вакат, бригадир второй – Каляч, и две инчоунские (из четырех, которые там есть), бригадиры Тыркоквын и Пинеугьи. Кроме охотников, там были еще трактористы, несколько отпускников, проводящих время с охотниками, и прочий народ. Когда мы вечером пришли в избушку, там было пусто, тепло, стоял чай на печке (огромный чайник и заварка в большом бидоне) и сидела Женья, директор уэленского детского садика. [...]

Уже совсем поздно пришел Радов, озабоченный, деловой, но притом не лишенный какого-то идеализма и романтики. Сережа [Богословский] долго разговаривал с ним о байдаре. Тот сказал, что да, интересно, надо бы построить, да вот как-то все недосуг, а почему не строят – непонятно. Но вообще было бы неплохо. Раньше Радов работал директором косторезки, вообще, восприимчив к понятию «национальной культуры», «традиции» и пр. Нам обещал помогать во всем, познакомил с Романом Армаиргыным, инженером по пушному промыслу, который выполнил за одну пятилетку три пятилетних плана по отлову песцов. После ухода Радовых, вернее, их отъезда на вездеходе обратно в Уэлен, мы остались в компании охотников, пили с ними чай, трепались о том о сем, больше о байдаре. Пинеугьи сказал, что каркас они построить еще могут, а вот шкуру шить – уже нету старушек, которые могли бы, перемерли все. Что, вообще-то, оно бы, конечно, неплохо, но нужен для этого приказ совхоза, чтобы послали в командировку в Сиреники для обмена опытом, и т. д.

Потом я расспрашивал их о побережье. Эскимосских названий они никто не знают, эскимосов среди уэленских охотников нет. Среди инчоунских и подавно. Нунак известен им под русским названием как «Старый Наукан», или под чукотским

Нунэгнин (произносится как Нунягнин). Названия типа Пээк, Кекурый, Уигвен неизвестны. Никто не знает обозначения наукацев как «пээкит», известное со времен Гондатти. На мой вопрос о «Пээк» или «пээкит» после недоуменного молчания последовал ответ, что это Певек, т. е. город на самом западе Чукотки.

Интересно вообще употребление топонима «Дежнева». Он здесь по аналогии с Лаврентия и Провидения употребляется в родительном падеже. Большинство, включая замполита Уэленской заставы Пергатого, обозначают этим словом Кенгискун, полагая, что это и есть мыс Дежнева. Малая часть, преимущественно моряки, называют словом «Дежнева» бывший поселок Наукан, т. е. место, где стоит памятник Семену Дежневу. И никто не называет так сам мыс, который безжизнен, никому не нужен и потому практически безымянен. Чукотское его название якобы Уйвэн. Вообще у местных жителей (не охотников, конечно) слабое представление о географии региона, поэтому за «Дежнева» выдается все, что угодно.

Уснули мы поздно, в тесноте, но не в обиде, на полу, расстелив свои мешки между печкой и столом. Чукчи здешние деловитые, но какие-то иные, чем провиденские эскимосы, все прекрасно говорят по-русски. Молодежь, похоже, между собой говорят по-русски, но иногда балакают и по-чукотски. Понимают по-чукотски все хорошо [...].

Дежнев (11 сентября)

На следующий день, 11 сентября все бросились спозаранку доразделывать вчерашних китов. Мы спали до 10, потом пошли посмотреть плато между Кенгискуном и склоном Пээка. Сопка была покрыта снегом, а потом и пошел снег. Кроме остатков Кенгискуна, следов деятельности человека не нашли, хотя искали поселок Уалькальык. Плато безжизненное, ровное, берег очень крутой, обрывистый, места для жилищ, для поселения в привычном нам понимании нигде нет. Сразу за плато начинается мыс Пээк, берега которого просто крутые (рис. 3). Обошли все, вплоть до склона сопки, бежали от белого медведя.

В Нунак вообще в приличную погоду можно пройти верхом, но, когда лежит снег, опасно и скользко. Рельефная обусловленность границы чукотско-науканской территории видна очень отчетливо. Науканцы «зацепились» за кряж мыса Дежне-

Рис. 3. Схематический план южного побережья Дежневского массива от Кенгискуна до стойбища Энмитагин (Уалькала) (из полевого дневника М. Членова, 1981 г.)

ва и сидели только там. Там же, где большие сопки переходят в долину, начиналась чукотская земля.

Уэлен (12 сентября)

Побродив, мы вернулись в избушку и, узнав, что нас из-за погоды не повезут на вельботе, махнули в Уэлен на тракторе. Ехали на санях, груженных китовым мясом. Сидели наверху на перекладине над мясом. С нами ехал Ваня Бычков, сын умершего в этом году Алексея Васильевича Быčkoва, старого уэленского кинемеханика, который в свою очередь был сыном знаменитого Василия Быčkoва, бывшего в 1910-е гг. уполномоченным Томсена в бухте Провидения (см. статью И. Крупника). Мальчик метисного вида, лет 22–23, работает в косторезке, нет правой руки [...].

Ваня развлекается в отпуске охотой и рыбалкой, около месяца проторчал в Дежневе, немного помогал охотникам, но больше развлекался. Трактор бесконечно увязал в долине, которая вся вспахана колеями тракторов и вездеходов, тундра там, конечно, погибла. Перешеек весь имеет в длину 18 км, по дороге пересекли три речки – Энмитагывеим (местные все называют ее Дежневкой), вторая, чукотское название которой я не запомнил, перевод «Солоноватая вода», а третья возле самого Уэлена – Уэленка. Две последние речки текут в Уэленскую лагуну. На средней речке у подножья гор расположены горячие ключи, где сейчас оборудовали бальнеологический пункт.

В Наукан ведут два ущелья: одно там, где расположены горячие ключи; второе – сразу за лагуной направо от Дежнева. Путь через горячие ключи более удобен, ниже перевалы. Более южный путь очень крутой и неудобный. В Нунак можно идти только по вершине сопки Пээк и потом спуститься в ущелье.

Поселок Уэлен становится виден почти сразу после Дежнева, как только перевалишь через низкий водораздел. Издали поселок, как цепочка точек-домиков, протянувшихся, как цыплята, идущие один за другим. Вообще он интересный, необычный. Единственная улица узкая, уютная, все похоже на какой-то северорусский городок. Есть ощущение улицы, застроенной с двух сторон, чего я ни в одном чукотском поселке не видел. Даже в Провидения улица широкая, но как будто ненужная, случайно возникшая. А здесь – именно настоящая улица, но одна. Много двухэтажных домов, но большинство обшарпаны [...].

Утром рано выехали с Людой Тулюкак и четырьмя приезжими стройотрядовцами на волокуше опять в Дежнево. Ехали на деревянных ящиках, поставленных на волокушу, по колено в грязи и в воде.

Наукан (13 сентября)

В Дежнево сели на инчоунский вельбот бригадира Федора Тырковкына (1944 г. р.) и поехали в Наукан. Вначале остановились в самом Наукане и пробыли там с 13.30 до 17.30. Внимательно осмотрел развалины поселка. Он хорошо сохранился и мало изменился за 10 лет (с момента предыдущего приезда летом 1971 г.). Для его хорошей съемки надо, как в свое время Тасян Теин (1977), посидеть там недели три, а то и месяц.

Сейчас на территории поселка видны остатки нескольких типов строений. Первый – бывшие жилые яранги с каменной оградой и пологом внутри, в последние годы строились из досок. Высота каменной ограды 1,5 м, длина 5,7 м, ширина 5,2 м. Посередине этого пространства поставлена деревянная камера со сторонами 2,6 на 3,5 м, сбита из досок. Стенка состоит из двух рядов досок, между которыми проложен дерн. Входное отверстие шириной в 1 м, у западной стенки 1,7 м, было перекрыто деревянной дверью с жестяной обивкой (фото 1). Второй тип сооружений – мясные ямы (фото 2) расположены у кромки берега. Имеют форму круглого колодца диаметром 2–2,5 м, глубиной 1,2 м, облицованы на всю глубину валунами.

Фото 1. Развалины брошенных поздних жилищ в Наукане. Видны кладки каменного фундамента и элементы перекрытий (фото С. Богословского, 1981 г.)

Фото 2. Развалины фундаментов мясных ям и домов в Наукане (фото С. Богословского, 1981 г.)

Сверху некоторые прикрыты челюстями гренландских и серых китов, и в центре вбиты осколки челюстей гренландского кита. Незакрытая яма мало похожа на «сиклюки» (мясные ямы) южных эскимосов. Множество ям у берега центральной реки, в отличие от береговых, накрыты балками, на которые положены челюсти серых китов.

Третий тип сооружений – байдарные сушила, для которых в Наукане использовались целые, не обрубленные челюсти гренландского кита, поставленные по четыре, образуя как бы параллельные ряды. Характерная особенность здесь – две четверки, поставленные рядом, так что образуется структура из 8 столбов (фото 3). Таких структур две – по одной на каждой стороне поселка. И обе были сдвоенные. На северной стороне остаются стоять 7 столбов из 8. 1-й столб: диаметр 0,95 м, высота около 5 м; 2-й столб: диаметр 0,8 м, высота 4,5 м; 3-й столб: диаметр 0,88 м, высота примерно 3,5 м (обломан сверху), 4-й столб: диаметр 0,9 м, высота примерно 3,5 м; 5-й столб: диаметр 0,7 м, высота примерно 3,5 м; 6-й столб: диаметр 0,9 м, высота примерно 3,5 м; 7-й столб: диаметр 0,6 м, высота примерно 2,5 м. Восьмой столб повален.

Фото 3. Вкопанные столбы из челюстей гренландского кита в Наукане (фото С. Богословского, 1981 г.)

Одиночные столбы из китовых челюстей: их осталось очень мало, все только на северной стороне. Один – обломок одиночного столба из нижней челюсти гренландского кита диаметром 0,53 м, высота примерно 2 м, привален крупными валунами. Другой диаметром 0,88, высотой также около 2 м, без присыпки валунами, примерно в 10 м от первого на юг вдоль берега. Еще один столб, тоже у кромки берега, но вплотную к стенке яранги, диаметр 0,7 м, высотой около 3 м. Возможно, они служили иной цели, чем аналогичные столбы в более южных районах.

Остатки домов европейского типа сосредоточены в основном на западной стороне, кроме остатков полярной станции.

Все эти сооружения в Наукане можно грубо расположить по горизонталям. «Тылы» поселка, т. е. западная его сторона выше по склону сопки, заняты домами: школа, клуб, магазин и пр. Их довольно много. Далее – основная масса сооружений – яранги. У кромки берега – мясные ямы и байдарные сушила.

Поселок ограничен тремя речками: с севера, посередине и с юга. Северная часть между средней и северной речкой плоская с крутым обрывистым берегом. Южная часть не на плато, а, скорее, на пологом склоне, который в центральной части доходит почти до моря. Очевидно, это и есть *Майуг'вик*, т. е. «подъем», от которого образовано название науканского клана *майуг'йег'миит*. Поэтому пара байдарных сушил (два столба завалились и еще два склонились сильно вниз) стоит так низко, всего на 2–3 м выше пляжа. К северу от северной речки – платообразный выступ, на котором стоит здание полярной станции и прилегающие к ней избушки. Выступ круто, почти отвесно, обрывается к берегу. На нем, видимо, были жилища клана *уныхког'миит*, которые «уснули вечным сном». Сразу над этим выступом – круглая горка, на которой стоит маяк с памятником Дежневу (фото 4).

Мамрохпак

Из Наукана пошли на вельботе на север, пытаюсь пробиться к Мамрохпаку. На север тянется горный кряж, на котором не видно мест, где могли бы поселиться люди. Но для науканцев возможно все. Собственно, мыс Дежнева – круглая с моря сопка, выступающая на восток. С южной ее стороны в отвес-

Фото 4. Охотники из морзвербойных бригад Инчоуна и Уэлена у памятника С. Дежневу в Наукане. Слева направо: Еттылин, Тиркувекет, Теркуквун; «хозяйка Наукана» – эскимоска Люда Тулюкак и двое неизвестных (фото С. Богословского, 1981 г.)

ном ущелье течет речка, у устья которой на довольно большой высоте небольшой платообразный выступ с зеленым пятном. Это, очевидно, остатки поселка Мамрохпак, или Мемрэ'эпен по-чукотски. Дальше к северу от него располагалась крепость Сенлюн (эск. *Сан'люк*), известная из фольклорных текстов.

Пристать к Мамрохпаку не удалось из-за льдов перед скалами. Мы, зайдя на минутку снова в Наукан, поехали дальше на юг в Нунак, расположенный прямо за мысом Пээк (рис. 4).

Нунак

Приехали туда уже поздно, когда начало темнеть. Место совершенно удивительное. Особенно поражает отсутствие пляжной полосы. Берег составлен из навала колоссальных валунов, скатившихся с сопки. Подходить даже в штиль трудно и опасно. Высадка неудобна, валуны поросли водорослями, мокрые и скользкие.

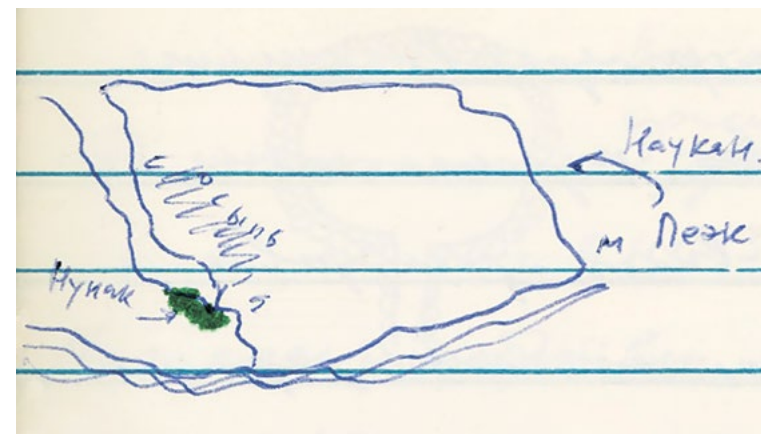

Рис. 4. Расположение пос. Нунак (из полевого дневника М. Членова, 1981 г.)

Берег перед Нунаком сразу круто поднимается вверх, намного круче, чем в Наукане. Подыматься пришлось в некоторых местах, помогая руками. На высоте 10–12 м кончается огромная осыпь, к западу от которой чуть менее пологий склон составлял приют для жителей Нунака (по-чукотски Нунэгнин). Там же, на террасовидных уступах расположены остатки жилищ. От Нунака наверх тянется ущелье, через которое был проход к нему через вершину сопки. «Внизу», т. е. в начале поселка, стоит одиночный столб, небольшой, немного выше – еще один. Они заметны с берега.

Внизу около столбов видны остатки двух землянок (рис. 5). Конструкция их знакомая: поросшая слегка дерном воронка, вход ориентирован к морю, коридор недлинный, прямой. Землянки среднего размера. Выше, одна над другой остатки крупных яранг в довольно большом количестве. Напоминают круглые бастионы. Большинство однотипны: каменные круглые стенки диаметром в 7 м, выход тоже обложен камнями наподобие коридора 3 м длиной. Толщина каменной стенки примерно 1 м, в два ряда уложены валуны. На расстоянии 2,5 м от выхода поперек яранги уложен ряд из камней. Выходы из яранг ориентированы в сторону моря, т. е. на S – SO. Пол яранги образован двумя уровнями: между центральным рядом камней и входом он слегка заглублен по сравнению с задней приподнятой частью. Ближе к нижнему краю поселка, т. е. у обрыва, расположено несколько мясных ям такого же типа, как в Наукане. Обследовать

Фото 5. Вид с моря на ущелье, ведущее к пос. Нунак (фото С. Шокарева, 2019 г.)

поселок и сделать его полную съемку не удалось, так как быстро стемнело и надо было возвращаться.

Как только мы снова оказались в вельботе, охотники тут же начали рассказывать нам историю про «нунэгнинского кита» («кит, женщиной рожденный»), известную по многочисленным публикациям науканского фольклора («нунагмитский кит» – см. Меновщиков, 1987). Одна женщина в Нунэгнине, а она была вторая жена, встречалась с китом. Он приплывал, и из его носа выходил человек. Потом она родила китеныша. Ему построили специальный бассейн, на дно которого положили расколотую моржовую шкуру, раскрывавшуюся, как лист тетради, чтобы держала воду. Мать подходила к этому бассейну и кормила его грудью. Потом он вырос, его спустили в море и сделали ему метку на носу из красного ремешка. Он стал приводить китов в Нунэгнин. А потом мемрэ'епенский богач эрмечин (так они по-чукотски называли силача – «умилика») убил его из зависти. Тогда мать, или отчим, скорее, пошли в Мемрэ'епен и сыновья этого эрмечина убили прямо на нарах. Интересно, что этой самой последней детали в опубликованных вариантах легенды нет.

На следующий день Пинеугъи, бригадир второго инчунского вельбота, пожилой человек с огромными усами, славящийся как знаток старины, добавил: «Они убили эрмесина на нарах, а доски, на которых его убили, привезли в Нунэгнин. Я сам их видел – зеленые такие доски лежат там». В 100–200 м к востоку от Нунака, но еще южнее мыса Пээк, охотники обратили наше внимание на странный искусственный выступ на жуткой круче. Это, как они знают, и есть «бассейн», который сложили для нунэгнинского кита (фото 6).

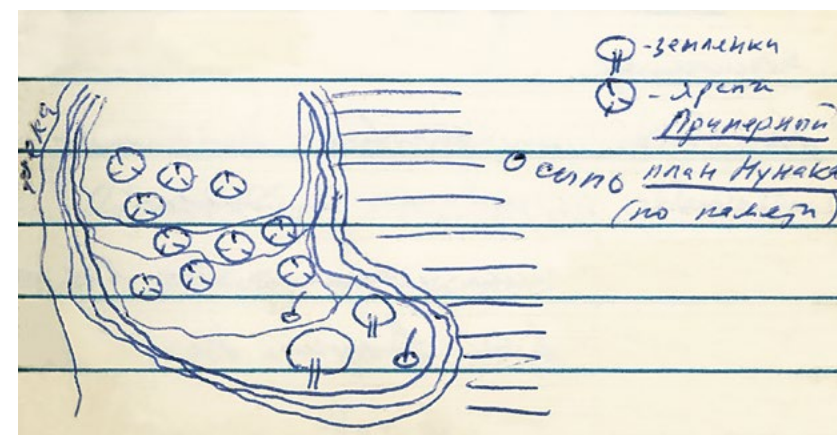

Рис. 5. Остатки фундаментов жилищ и столбов из китовых челюстей в Нунаке (из полевого дневника М. Членова, 1981 г.)

Поселок Уалъкальык, или Ёалъкальа, по-чукотски называемый Энмытагын, по рассказам находился тоже на круче, немного западнее Нунака. Мы его не видели, так как стемнело, но на следующий день (14 сентября) Пинеугъи показал мне его с моря, сказав: «там тоже кости есть». Так что название поселка, впервые отмеченное Гондатти в 1895 г., действительно относится к поселению науканцев, а не к чукотскому Дежневу / Кенгискуну. Интересно, что одна из речек в перешейке между Дежневым и Уэленом по-чукотски называется Энмытагынвеем, т. е. речка Энмытагын.

О костях... По сравнению с заброшенными поселками в южной части Чукотского п-ова, между бухтой Провидения и бухтой Лаврентия, китовых костей, валяющихся на земле или на берегу в Наукане и Нунаке, очень мало. В Наукане стоят упомянутые выше байдарные сушила из челюстей гренланд-

ского кита, там же на земле лежит один череп серого кита. В небольшом количестве встречаются моржовые кости, наверное, использовавшиеся для покрытия мясных ям. Но основной строительный материал на Дежневском массиве – камень, а не кости морских млекопитающих, как в более южных частях побережья Берингова пролива.

Топонимика западного берега Берингова пролива вообще необычайно многослойна. Ее достаточно точно охарактеризовал мне директор уэленского совхоза «Герой труда» Владимир Семенович Ляшенко, с которым я беседовал уже в 1986 г. Человек, далекий от филологических изысканий, он, попав в эти края, начал сам разбираться в местных географических названиях. По его мнению, на Дежневском выступе существует несколько топонимических систем: почти забытая эскимосская, которую помнят 5–10 человек; довольно живая чукотская, бытующая среди чукчей; местная русская туристическая – 1-я речка, 2-я речка, Долина смерти, Наукан, Старый Наукан и пр.; морская русская, где словом «Дежнева» называют много разных пунк-тов: Наукан, пост Дежнево, наконец, весь массив в целом. Любопытно, что никто не знает названия «мыс Пээк», которое есть на всех картах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Бегло осмотренный нами за несколько дней скалистый выступ кряжа Дежнева, как и предыдущие и более поздние исследования в этом районе, позволили сформулировать несколько идей, которые в той или иной форме уже были опубликованы нами в разных публикациях прошлых лет (Членов, 1988, 2017; Krupnik, Chlenov, 2013; Членов, Крупник, 2016).

Первая из них сводится к тому, что именно на Дежневском массиве мы обнаруживаем весьма своеобразную форму адаптации. Мыс Дежнева представляет собой не просто географическую точку крайней оконечности материка Евразии, но довольно крупный скалистый массив около 20 км длиной с севера на юг и около 10 км шириной с запада на восток, омываемый с трех сторон водами Берингова и Чукотского морей. Только с запада этот массив соединяется с материком, но там он отделен от его основной горной части низменным перешейком. Таким образом, физико-географически мыс Дежнева подобен острову и экологические характеристики его гораздо больше похожи на острова Диомида (Имаклик и Ингалик, или Элик), Кинг (Укивак) и др., нежели на азиатское и аляскинское побережье Берингова пролива.

Для всех этих мест характерны горный рельеф, изобилие крутых скал, почти отвесно спускающихся к морю. Привычные для азиатского берега пролива лагуны и галечные косы здесь отсутствуют. Пляжные полосы немногочисленны и узки. На мысе Дежнева единственное место, где есть относительно широкая пляжная полоса, позволяющая хотя бы временно хранить байдары на берегу, находится только в самом Наукане. Но и там поселок был расположен на плато, возвышающемся на 10–12 м над берегом и круто обрывающемся к нему.

Два других науканских поселка – Нунак и Мамрохпак (а также виденный с моря Уалгькальык), располагались в местах, уже совсем недоступных. Пляжной полосы сейчас в Нунаке нет, лодки цепляют за прибрежные валуны. Тропа к поселку сразу же берет круто вверх (фото 5), причем в некоторых местах идти приходится, помогая себе руками. Сам поселок помещался на пологой круче на высоте 10–12 м рядом с мощной каменной осыпью. Судя по виду с моря, Мамрохпак был не более доступен.

Специфика островного типа культурной адаптации в районе Берингова пролива исследована слабо, хотя она и ярко выражена, и проявляется во многих сферах материальной и духовной культуры, социальной организации. Весьма характерно, например, жилище, отличное от материкового типа. На островах Диомида оно строилось из камня, ненамного заглублялось в землю, – перекрытия из китовых костей клались на каменную стену. Балки и перекрытия сооружались из китовых челюстей. Крыша покрывалась моржовой шкурой, и после этого вся конструкция засыпалась землей и дерном. Такие конструкции мы видим и на Дежневском массиве, в самом Наукане и в Нунаке. Жилища этого «островного» типа в Нунаке напоминают круглые каменные бастионы, образованы каменной стеной диаметром около 7 м с каменным коридором длиной 3 м, что явно имитирует подземный выход из землянки. Толщина каменной кладки до 1 м, огромные валуны уложены в два ряда. На расстоянии 2,5 м от входа внутри кольца выложен поперечный ряд из камней, иногда имеющий форму уступа и, возможно, отделявший пол от холодной части жилища. Такого типа строения, как и яранги в самом Наукане, контрастировали с типом землянок и яранг в остальной зоне расселения эскимосов на азиатском и американском берегах пролива. Там в качестве основного строительного материала использовалась кость морских млекопитающих, а не камень (Арутюнов и др., 1982; Chlenov, Krupnik, 1984: 13).

Отметим также, что выделяемый нами островной регион зависел почти исключительно от охоты на морских млекопитающих. Специфика его за-

Фото 6. Возможный прообраз «бассейна нунагмитского кита» в Нунаке (фото С. Шокарева, 2019 г.)

ключалась в отсутствии удобного хинтерланда, где можно было бы ловить рыбу, охотиться на карibu, собирать ягоды и съедобные травы и т. д. Такое положение, с одной стороны, приводило к более высокой специализации, чем у прочих эскимосов, но также и к отсутствию заметных сезонных миграций. С другой – оно обуславливало и большую зависимость островных групп от своих материковых соседей и партнеров и их слабую защищенность от изменений среды, по необходимости вынуждавших к миграциям и экспансии там, где это получалось.

Можно возразить, что все островные группы включали в свой хозяйственный цикл регулярные и даже долгосрочные поездки на материк как в западном, так и в восточном направлении. Однако эти поездки носили не чисто производственный, а обменный, нередко даже агрессивный характер, что оказало важное влияние на островные группы, рано втянутые в систему торговли через пролив. Скорее всего, именно активное развитие торговли в период с середины XVIII до конца XIX в., вызванное открытием Анюйской ярмарки в устье Колымы и появлением англичан в устье р. Маккензи, стимулировало дальнейшую миграционную активность в районе Берингова пролива, в частности, проникновение носителей языка инупиак из Северной Аляски на п-ов Сьюард и о-ва Диомида, до этого, как и Дежневский массив, входившие в ареал языков группы центральный юпик.

Что касается самих науканцев, то они, видимо, последними из трех этнолингвистических групп азиатских эскимосов поселились на азиатской стороне Берингова пролива. Произошло это, очевидно, еще до проникновения инупиакского языка на п-ов Сьюард и острова Берингова пролива. Наши исследования показали, что науканская племенная территория ограничивалась собственно самим горным массивом и кончалась там, где берег становился пологим. Первые две лагуны на западе от мыса Дежнева – Кен'иск'ун с южной стороны и Уэленская с северной – расположены уже за пределами науканской территории, о чем свидетельствует распространение топонимики, этимологизируемой на базе науканского языка. Вся сохранившаяся эскимосская топонимика к юго-западу от Дежневского массива, в том числе и региона от Кен'иск'уна (эск. Кан'иск'ук') до бухты Лаврентия, восходит к «чаплинскому», или «сибирско-юпикскому» языку, возможно, к его уэленскому варианту (Chlenov, 2006).

В последние несколько лет, в связи с возможной номинацией памятников массива мыса Дежнева в число объектов «мирового культурного наследия» ЮНЕСКО началось активное изучение этого уникального ареала, включая съемку и детальное описание существовавших здесь ранних поселений (Днепровский, 2016; Днепровский, Лопатин, 2016; Филатова, 2016; Шокарев, 2016, настоящий сборник; Членов, 2017; Древние памятники, 2019; Ковалихин, 2019; Памятники, 2019). Мне представляется, что результаты моей первой рекогносцировочной поездки 1981 г. и приведенные выше комментарии к известным историческим источникам XVIII–XX вв. будут полезны сегодняшним исследователям и тем, кто будет готовить документацию для предполагаемой международной охранной зоны памятника «Мыс Дежнева».

Литература

- Арутюнов С.А., Крупник И.И., Членов М.А. Китовая аллея. Древности островов пролива Сенявина. – М.: Наука, 1982. – 175 с.
- Днепровский К.А. Наукан: современное состояние уникального памятника истории и культуры Чукотки // Спасти и сохранить : Материалы науч.-практ. конф. «Культурное наследие Чукотки: проблемы и перспективы сохранения» в Анадыре 12–14 апр. 2016 г. – Москва – Анадырь: Гос. музей Востока, 2016. – С. 22–37.
- Днепровский К.А., Лопатин Н.В. Археологические находки на территории Наукана // Там же. – Москва – Анадырь: Гос. музей Востока, 2016. – С. 82–95.
- Древние памятники. Древние памятники морзверобоев Чукотки включили в предварительный список ЮНЕСКО. – URL: <https://prochukotku.ru/20191123/9757.html> (дата обращения 23.11.2019).
- Ковалихин Антон. Эскимосские ценности // Газета «Крайний Север». – 30 ноября 2019 г. – URL: <http://www.ks87.ru/163/10716.html>
- Крупник И.И., Членов М.А. Динамика этнолингвистической ситуации у азиатских эскимосов // Сов. этнография. – 1979. – № 2. – С. 19–29.
- Меновщиков Г.А. Материалы и исследования по языку и фольклору науканских эскимосов. – Л.: Наука, 1987. – 247 с.
- Нунагмитский кит // Эскимосские сказки и мифы. (Eskimo Fairy-tales and Myths) / сост., предисловие и примечания Г.А. Меновщикова; отв. ред. С.А. Арутюнов и М.А. Членов. – М.: Наука, Гл. редакция вост. лит-ры, 1988. – С. 119–121.
- Памятники морских арктических зверобоев Чукотки. – URL: <http://basic.organization.heritage-institute.ru/objects/pamyatniki-morskih-arkticheskikh-zveroboev-chukotki/> (дата обращения 15.07.2020).
- Филатова Н.В. Объекты всемирного наследия: номинирование, сохранение, управление // Спасти и сохранить: Материалы науч.-практ. конф. «Культурное наследие Чукотки: проблемы и перспективы сохранения» в Анадыре 12–14 апр. 2016 г. – Москва – Анадырь: Гос. музей Востока, 2016. – С. 186–193.
- Членов М.А. Экологические факторы в этнической истории района Берингова пролива // Экология американских индейцев и эскимосов / ред. В. Тишков. – М.: Наука, 1988. – С. 55–63.
- Членов М.А. Северо-восточный конец Евразии: перспективы историко-этнографического исследования / I междунар. конф. «Археология Арктики. – Екатеринбург, 2017. – С. 87–90.
- Членов М.А., Крупник И.И. Динамика ареала азиатских эскимосов в XVIII – XIX вв. // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Язык и этнос. – Л.: Наука, ЛО, 1983. – С. 129–138.
- Членов М.А., Крупник И.И. Наукан: главы к истории // Спасти и сохранить: Материалы науч.-практ. конф. «Культурное наследие Чукотки: проблемы и пер-

спективы сохранения» в Анадыре 12–14 апр. 2016 г. – Москва – Анадырь: Гос. музей Востока, 2016. – С. 38–73.

Шокарев С.Ю. История мемориала Семену Дежневу на мысе Дежнева // Там же. – Москва – Анадырь: Гос. музей Востока, 2016. – С. 96–115.

Chlenov M. The “Uelenski Language” and its Position Among Native Languages of the Chukchi Peninsula // Alaska Journal of Anthropology. – Anchorage. – 2006. – Vol. 4, No. 1–2. – P. 74–91.

Chlenov M., Krupnik I. Whalebone Alley. A Site on the Chukchi Peninsula, Siberia (Китовая аллея – археологический памятник на Чукотке) // Expedition. – 1984. – Vol. 26, No. 2. – P. 7–15.

Krupnik I., Chlenov M. The End of “Eskimo Land”: Yupik Relocation in Chukotka, 1958–1959 // Etudes / Inuit / Studies. – 2007. – Vol. 31 (1–2). – P. 5–81.

Krupnik I., Chlenov M. Yupik Transitions. Change and Survival at Bering Strait, 1900–1960. – Fairbanks: University of Alaska Press, 2013. – 391 p.

УВЪЭЛЕЛЫТ – СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЩИНЫ УЭЛЕНА В 1920–1930-е гг.

Вуквукай Н.И., Итевтегина В.К. (Вэк'эт), Крупник И.И.

*Памяти двух уэленцев – Анатолия
Тымневаката (1930–2010) и Влади-
лена Леонтьева (1928–1988)*

Уэлен (чук. *Увъэлен* – «черная земля»; Леонтьев, Новикова, 1989: 391) – старинный поселок береговых чукчей, расположенный на берегу Чукотского моря, у западной оконечности скалистого массива м. Дежнева. Современный поселок стоит на месте исторического поселения XIX в., занимавшего часть низменной галечной косы, которая отделяет от Чукотского моря мелководную Уэленскую лагуну (фото 1).

Фото 1. Вид на пос. Уэлен (фото В. Голбцевой, 2006 г. из книги «Наши..., 2013)

©Вуквукай Н.И., Итевтегина В.К. (Вэк'эт), Крупник И.И., 2020

Археологические данные показывают, что люди жили в районе Уэлена с древности, вероятно, не менее 2 тыс. лет (Руденко, 1947; Арутюнов, Сергеев, 1969; Диков, 1977). При этом ранние обитатели Уэлена, очевидно, селились ближе к основанию современной Уэленской косы, у подножия горы Ръэвн'эй. Такое расположение типично для селений приморских охотников Чукотки; оно позволяло древним уэленцам осваивать популяции морских животных на путях миграций из Берингова пролива в Чукотское море.

В ходе совместной работы в 1996 г. в Анадыре мы попытались обобщить устную традицию и сведения письменных источников об исторической социальной организации пос. Уэлен (откуда родом два автора. – Н.В. и В.И.). В особенности нас интересовали территориальные подразделения – «родственные группы», или «общины», известные в поселке в начале XX в. Работа эта тогда осталась незаконченной; настоящая статья суммирует данные 1990-х гг., а также новые результаты и источники, собранные за минувшие два десятилетия.

В течение XX в. среди старшего поколения уэленцев сохранялись различные предания об истории образования поселка. По одной легенде, самое раннее поселение располагалось на склоне горы Ръэвн'эй, недалеко от наблюдательного места Епынвын. Это место называлось Лин'лин'н'эй и было обитаемо в глубокой древности, еще до образования Уэленской косы (Вэк'эт, запись 2005 г.). По семейным легендам Вэк'эт, предки тапк'аральыт происходили от братьев-оленеводов, которые пришли в район м. Дежнева с юга в поисках лучших пастбищ. Сначала они жили в районе бывшего пос. Дежнев (Кэн'иск'ун). Затем братья разделились: четверо перебрались в Уэлен, а один остался со стадом оленей в тундре. Наконец, по версии, записанной в Уэлене в 1964 г. этнографом и писателем В.В. Леонтьевым (1928–1988), основателем Уэлена был чукча-оленевод по имени Алялейн'ын, который отстоял от уэленцев середины XX в. на шесть поколений. Его сын по имени Аарон остался в памяти, поскольку нашел гренландского кита, выкинутого на косе, и смог разбогатеть, продав его ус американским китобоям-торговцам. С того времени шхуны китобоев начали заходить в Уэлен и тапк'аральыт стали богатеть.

Аарон, по преданиям, был отцом Ооя-Тын'эскина, одного из лидеров общины Уэлена в конце XIX в., с которым встретился Н.Л. Гондатти. Гондатти стал первым русским исследователем и представителем царской администрации, кто посетил Уэлен в мае 1895 г. и оставил подробное описание поселка (см. Предисловие). Он пробыл здесь всего несколько дней, но оценил удобство расположения Уэлена и рекомендовал переместить сюда центр местного управления Чукотского полуострова, благодаря связям его жителей с олен-

ными чукчами, американскими китобоями и обитателями Аляски (Гондатти, 1898: 35). Эта рекомендация Гондатти была выполнена в 1909 г. с образованием Чукотского уезда и размещением его управления в Уэлене (с 1912 г. – История..., 1989: 129). С короткими перерывами Уэлен оставался центром русской и затем советской власти вплоть до 1942 г., когда администрация Чукотского района была переведена в с. Лаврентия (Советы..., 1979).

Первое историческое упоминание Уэлена под именем «Увелень» встречается на карте Николая Дауркина 1765 г. (Атлас..., 1964: 129–131) и затем с тем же именем на карте Ивана Кобелева 1779 г. (Атлас..., 1964: 174). Очевидно, это название существует по крайней мере 250–300 лет. Первое короткое описание Уэлена (под именем *Узелень*) оставили русские моряки из отряда сержанта Гилева экспедиции Биллингса – Сарычева, которые прибыли сюда 21–23 августа 1791 г. и обнаружили поселок из 26 «летних юрт» и 7 «зимних юрт» (т. е. жилищ; Этнографические..., 1978: 155). Рисовальщик Лука Воронин, сопровождавший отряд Гилева, сделал рисунок большой уэленской «зимней» землянки (Этнографические..., 1978: 107) с каркасом из китовых челюстей. Натуралист Карл Мерк, участник экспедиции Биллингса осенью-зимой 1791/92 г. записал слова «уэленского наречия сидячих чукчей» (Этнографические..., 1978: 153–154), которые, как показал современный анализ, принадлежали варианту чаплинского эскимосского языка (Krauss, 2005; Chlenov, 2006). Следовательно, в конце XVIII в. по крайней мере часть уэленцев говорили по-эскимосски. Эскимосское (чаплинское) название Уэлена – *Улык*, интерпретируется как «место, затопляемое водой» (Меновщиков, 1962: 159), или в науканской эскимосской форме *Олык*, (*Ualeq*) «нечто ниже, к выходу» (Краусс, 2004: 351). По версии В.Г. Богораза, эскимосское название происходит от слова *улак* (женский нож – Bogoras, 1904–1909: 30). Очевидно, что разные варианты названия близко совпадают и могли записываться исследователями в зависимости от языка их переводчиков.

Летом 1881 г., за 14 лет до Гондатти, в Уэлене побывала немецкая экспедиция братьев Краузе. Они пробыли здесь четыре дня и оставили подробное описание поселка (который они назвали *Uedle*), а также небольшого селения Тункан на западной оконечности Уэленской косы. Братья Краузе провели первую опись жителей Уэлена и нашли здесь всего 259 чел. в 42 жилищах и еще 10 жилищ (очевидно, около 50–60 чел.) в пос. Тункан (Krause, 1882: 26–27; 1993: 59–75).

Под именем ‘Whalen’ (явная адаптация от английского ‘whale’ – кит) Уэлен фигурировал на картах и в донесениях американских китобоев второй половины XIX в. (Bockstoce, Batchelder, 1978). В те годы его регулярно посещали американские китобои, русские и американские патрульные

суда, научные экспедиции (Толмачев, 1911; Старокадомский, 1946) и даже туристические круизы из Нома. Уже в раннесоветское время в Уэлене побывали американский зоолог Альфред Бэйли (Bailey, 1933), датский путешественник Кнуд Расмуссен (см. статью Шокарева), этнографы-учителя А.С. Форштейн (фото 2) и И.С. Вдовин, журналисты Н. Галкин (Галкин, 1929) и Б. Лапин (Лапин, 1929), уполномоченный А.И. Калтан (2008: 297–299) и др. Они оставили краткие описания Уэлена, некоторые с фотографиями; но никто не вникал в социальную жизнь поселка из-за краткости своего пребывания и незнания языка.

Единственным, кто в те годы рассматривал социальную организацию береговых чукчей, был В.Г. Богораз (Bogoras, 1904–1909; Богораз, 1936). К сожалению, сам он не был в Уэлене или каком-либо другом большом чукотском селении на Чукотском полуострове. Это не помешало ему написать, что «...поселки (береговых чукчей и азиатских эскимосов. – Авт.) представляют собой чисто территориальные объединения и не имеют никакой организации, кроме того, что их жители являются соседями и поддерживают дружеские отношения. Семьи, связанные родством, выступают как единицы при образовании байдарных артелей» (Bogoras, 1904–1909: 544). В другой публикации (Богораз, 1930: 70) он повторил это утверждение: «Приморские поселки, даже самые большие, не имеют никакой внутренней организации и никем не управляются, помимо обычаев и общественного мнения». Это утверждение, как мы покажем, было ошибочным.

Фото 2. Поселок Уэлен. Фото А.С. Форштейна, 1929 (МАЭ, № И-104-8)

УЭЛЕНСКИЕ «ОБЩИНЫ»

О существовании в общине Уэлена трех территориальных подразделений, каждое из которых занимало особый участок в пределах поселка: *тапк'аральыт* (живущие на косе), *гынонральыт* (живущие посередине) и *кэунэльыт* – впервые сообщил И.С. Вдовин (1965: 84) на основе своих ранних посещений Уэлена в 1930-е гг. Вдовин назвал их «родственными патриархальными семьями»; его интерес к ним, очевидно, был связан с сообщениями о существовании у соседей чукчей, азиатских эскимосов («патрилинейных» родов) со своими участками расселения (Меновщиков, 1962; Сергеев, 1962 – см. Крупник, Членов, 1979: 20). Эти сведения были повторены им в других публикациях (Вдовин, 1987: 101–102) и некоторых современных источниках, без ссылок на него (см. Радов, 2008: 72).

В.В. Леонтьев, выросший в Уэлене и близко знавший его жителей, подтвердил в своем полевом отчете существование двух групп – «тапк'аран» и «энмыран» [Леонтьев, 1964] и предположил, что они образовались при разделении поселка примерно в середине XIX в. Позднее он повторил, что «жители поселка Уэлен делились на две части: западных *тапк'аральыт* (место *Тапк'аран* – «жилища на косе») и восточных *энмыральыт* (место *Энмыран* – «жилища у скал»), которые представляли собой две большие патриархальные общины, восходящие по своему происхождению к одному общему предку. Более древние – *энмыральыт* живущие у скал (Леонтьев, Новикова, 1989: 433). Он также назвал третью группу жилищ – *Гынонран*. Последние, согласно Леонтьеву, появились уже в 1920-е гг., на пространстве между участками *тапк'аральыт* и *энмыральыт*. Отсюда произошло их название *гынонральыт*, что означает «живущие в центре, посередине». Представителями этой группы были отделившиеся от первых двух общин семьи и переселенцы из ближайших селений *Кэн'иск'ун*, *Тун'итлен*, *Пуу'тэн*, связанные кровным родством или свойством с уэленцами (Леонтьев, 1973: 29; Леонтьев, Новикова, 1989: 433–434).

Попытка Леонтьева датировать время образования уэленских «общин» явно базировалась на его знании устной традиции уэленцев. Согласно приведенному выше преданию (в записи. – В.И.), пять братьев-оленеводов пришли в Уэлен шесть поколений назад. В памяти людей остались имена двух братьев, чьи потомки и составляют эти две ветви: одни, *тапк'аралит*, женились на чукчанках, другие, *энмыралит*, женились в основном на эскимосках, дочерях хозяев Уэлена. «Шесть поколений назад» (20–25 лет × 6; ныне уже 8–9 поколений) относят эти события к первой половине или середине XIX в., но такая датировка условна, и родственные группы могли существовать в Уэлене и ранее.

Так или иначе, сообщения о разделении жителей Уэлена (*увээле-льыт*) в прошлом на три (или четыре? – Леонтьев, 1973: 81) «патриархальные семьи», или общины, представляют огромный интерес. Ошибочное заключение В.Г. Богораза об отсутствии в поселках береговых чукчей каких-либо социальных институтов, помимо байдарных артелей и «передового дома» (Bogoras, 1904–1909: 628–629; Богораз, 1936), затормозило изучение социальных отношений у приморских чукчей на 50–70 лет, до сообщений Вдовина и Леонтьева о «патриархальных семьях» в Уэлене (Леонтьев, [1964], 1973; Вдовин, 1965). Такое заключение выглядит странным, поскольку разные общинные институты были у всех соседей приморских чукчей в районе Берингова пролива – в виде патрилинейных кланов с участками-«кварталами», как у науканских и южных азиатских эскимосов (Крупник, Членов, 1979; Krupnik, Chlenov, 2013); «патри-кланов», как у эскимосов о. Св. Лаврентия (Hughes, 1958); родственных групп вокруг «мужских домов», как у жителей о-вов Диомида и Кинга (Bogojavlensky, 1969), или исторических «общин», как у эскимосов пос. Кингингин на м. Принца Уэльского (Burch, 2006). Уэленцы в прошлом активно контактировали со всеми этими группами. Они могли заимствовать формы их социальной организации или иметь свою систему, которая осталась незафиксированной.

Воссоздать ее, к сожалению, сейчас намного труднее, чем в годы Леонтьева и Вдовина и тем более времена Богораза и Гондатти. Главная причина тому – уход старейшин, носителей исторической памяти. Эти люди, родившиеся в 1920–1930-е гг, помнили жизнь в поселках накануне советизации или знали о ней от своих родителей. Как и у эскимосов Чукотки, это поколение старейшин сохраняло огромный запас знаний о старом обществе (Пусть говорят..., 2000; Krupnik, Chlenov, 2013); но такие знания часто не были переданы в семьях и потому требуют скорейшей документации. Без такой работы современным жителям Чукотки трудно понять, как была устроена в прошлом жизнь их предков. В нынешний интернетный век пустота заполняется популярными текстами-блогами или мифами, в то время как база исторических народных знаний сокращается.

НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ

В 1996 г., во время записей воспоминаний одного из авторов (В.И.) о ее детстве в Уэлене в 1930-е гг., мы использовали архивный список глав семей пос. Уэлен по данным обследования Чукотского района 1937/38 г. [Материалы..., 1938]. Опираясь на этот список, Вэк'эт нарисовала

план Уэлена на 1938 г., где показала расположение 53 семейных яранг с именами их хозяев (из 60 в списке) и границами трех территориальных групп – *тапк'аральыт* (западные), *гынонральыт* (центральные) и *к'эвн'эльыт* («восточные») (рис. 1). Это была первая попытка распределить исторические семьи Уэлена по группам в поселке, т. е. понять его территориальную организацию.

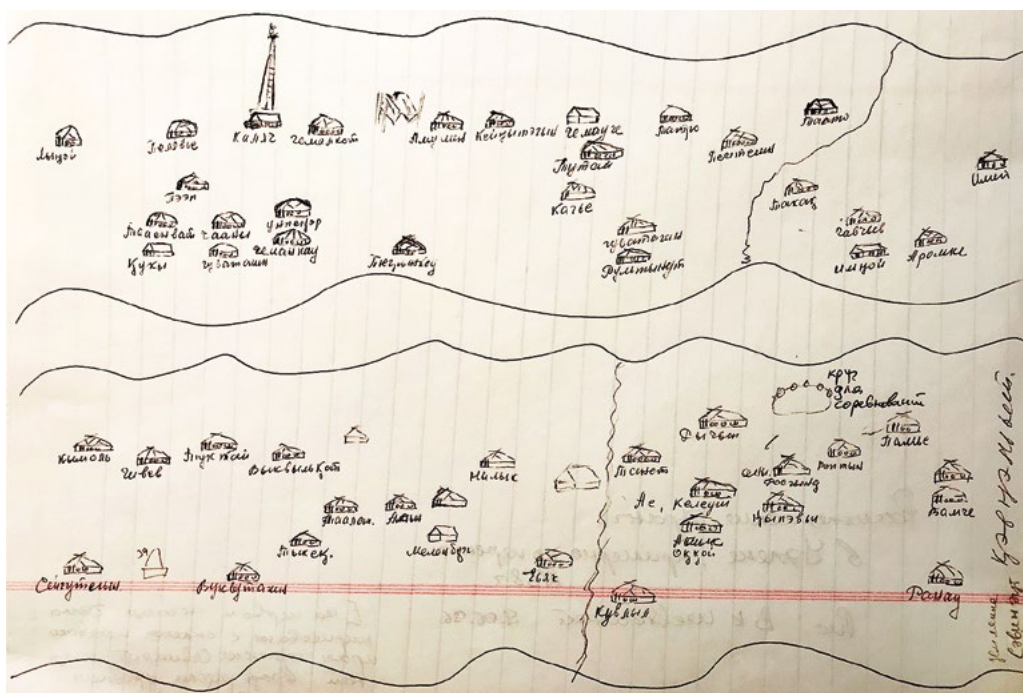

Рис. 1. План расположения семейных жилищ в Уэлене по описи 1938. Рисунок В. Вэк'эт, 1996 г.

С тех пор мы сумели добавить три новых источника. Первый – серия рисунков-планов размещения жилищ в Уэлене примерно в 1930-е гг., составленных в 2005 г. по просьбе Н.В. Анатолием Тымневак'атом, старшим братом Вэк'эт (1930–2010 – рис. 2). Тымневак'ат родился и всю жизнь прожил в Уэлене, прекрасно знал историю своего поселка (фото 3). Он с детства дружил с В.В. Леонтьевым, помогал ему в изучении истории уэленцев в 1960–1970-е гг. (Леонтьев, 1973: 91–93). На своих планах Тымневак'ат показал размещение 80 семейных жилищ (яранг и домиков), а также байдарных сушил и общественных зданий по участкам четырех групп – *тапк'аральыт*, *гынонральыт*, *к'эвн'эльыт* и *энмыральыт*.

Второй новый источник – посемейный список жителей с. Уэлен на 1929 г. [Молл, 1929] и выписки из полевых тетрадей покойной Татьяны Александровны Молл, любезно предоставленные ее дочерью И.П. Фрейтаг. Лингвист и этнограф, ученица Богораза и Штернберга, Молл оказалась в Уэлене в конце 1928 г. и составила полный список жителей поселка по ярангам и семьям, с чукотскими именами, возрастом и родственными отношениями членов семей (фото 4)¹. В списке отмечены 40 семей и 255 коренных жителей Уэлена, исключая приезжих.

Третий новый источник – список жителей пос. Уэлен по семьям в 1938–1939 гг., фактически «домовая книга», сохранившаяся в архиве Уэленского сельского совета. Первоначально скопированная В.В. Леонтьевым, она сохранилась в личном архиве Вэк'эт. В книге перечислено всего 47 семей (285 чел.), но включены только «члены колхоза», т. е. коренные жители Уэлена и недавние переселенцы, но не приезжие русские мужья и сотрудники районной администрации и некоторые смешанные семьи эскимосов, проживавшие в Уэлене (Бычковы, Седых и др.). По воспоминаниям Вэк'эт, в список 1938 г., как и в список Молла 1929 г., были добавлены сведения о принадлежности семей к одной из трех уэленских групп (*тапк'аральыт*, *гынонральыт* и *энмыральыт*), прежнем месте жительства тех, кто родился в других поселках, а также их происхождении («береговые», «оленные», эскимосы – см. Приложение). Таким образом, мы получили «социально-генеалогическую карту» общины *увээльыт* в 1929 и 1938 г.

Совпадение между двумя историческими списками 1929 и 1938 г. очень хорошее, учитывая, что к 1938 г. некоторые старшие мужчины умерли, а их сыновья сами стали главами семей. Список 1929 г. начинается с восточной группы – *энмыральыт* и заканчивается западной группой – *тапк'аральыт*, а в 1938 г. порядок противоположный. Списки показывают «социальную географию» Уэлена условно на 1920-е гг.

При сравнении списков 1929 и 1938 г. с планами Вэк'эт 1996 г. и Тымневак'ата 2005 г. видно, что эти списки составлялись согласно реальному расположению яранг в поселке и что ситуация мало изменилась между 1929 и 1938 г. Между всеми источниками есть и значительное сходство, и некоторые расхождения, в первую очередь, наличие *четырёх* групп на планах Тымневак'ата и у Леонтьева (1973: 81; 1989: 133) против *трех*, по плану Вэк'эт 1996 г. и сообщениям других источников (Вдовин, 1965; Леонтьев, Новикова, 1989: 433–434). К анализу этих

¹ Когда книга уже была сдана в набор, появилась информация, что список жителей Уэлена 1929 г. был составлен мужем Т.А. Волл, этнографом, учеником В.Г. Богораза Павлом Юлиусовичем Моллом (1904–1931). В Уэлене П.Ю. Молл заболел туберкулезом, должен был вернуться в Ленинград, где умер 21 января 1931 г. (личное сообщение И.П. Фрейтаг, дочери П.Ю. и Т.А. Моллов, 14 июля 2020 г.)

различий мы перейдем позже, используя рассказы Вэк'эт 1996 г., новую информацию, записанную от нее в 2019 г. (фото 5), и материалы о социальном устройстве общин азиатских эскимосов, опубликованные после 1996 г.

ГРУППА ТАПК'АРАЛЫТ ПО ИСТОЧНИКАМ И ВОСПОМИНАНИЯМ

Наиболее подробно из всех уэленских групп известна сейчас община тапк'аралыт, благодаря тому, что из нее родом все наши старейшины-эксперты (Вэк'эт, Тымневак'ат, Печетегина), фактически из одной семьи. Это была самая крупная по численности община из 15–20 семей, около 100–120 чел. Как вспоминает Вэк'эт,

«Поселок Уэлен был тогда бо-ольшой, порядочный, коса длинная. Там на косе первая яранга была (самая западная. – Авт.), приезжий чукча жил. А потом большую часть занимала вся наша родня; мы назывались тапк'аралыт. А потом были эти – гынонралыт, это, значит, уже другая, своя родня. Потом дальше еще своя родня вместе. Вот такое распределение поселка по-родственному было у них. Сколько родственников, столько яранг (вместе). Эта родня, там другая родня и так далее (1996).

Фото 3. А. Тымневак'ат и В. Вэк'эт, 2005 г. (фото из архива Н.И. Вуквакай)

Тапк'аралыт занимали самую западную часть Уэленской косы, где первой с краю (по планам Вэк'эт и Тымневак'ата) на расстоянии 200 м от остальных жилищ располагалась полуземлянка Лын'оя. Он был пришелец-одиночка и к этой группе не относился. Основные семьи (яранги или домохозяйства) в составе тапк'аралыт хорошо совпадают во всех источниках. Расхождения имеются лишь по поводу восточной границы их участка, на переходе к гынонралыт («средним»). Вэк'эт в 1996 г. указала, что яранга Такак'а была «последней из наших» (как на плане Тымневак'ата), но на своем плане

37	Косманн	Кэсик	46	Коздип	
✓	Челмеманн	Себингук	27	Кенна	
✓	Лугер		7	гор	
✓	Имвалль		46	теца	
38	Решит	Рыкит		Коздип	
✓	Решит	Рыкит		Кенна	
✓	Куменайт			теца	
39	Ремалкот	Темлюот	50	Коздип	1877
✓	Арелурэ	Арэр	51	Кенна	
✓	Росеминн	Росеминн	23	Кенна	
	Локкэ	Локкэ	16	Кенна	
✓	Вуквикан	Вуквикан	21	гор	
	Вуквикан	Вуквикан	18	гор	
✓	Килекун	Тычохун	41	Кенна	1882
✓	Килекун	Тычохун	43	Кенна	1886
✓	Аммуер	Анос		Кенна	
✓	Килли	Кэмы		Кенна	
40	Таленвайт	Таленвайт	37	Коздип	
✓	Таленвайт	Таленвайт	35	Кенна	
✓	Кубат	Кубат	30	Кенна	
✓	Нэвэн	Нэвэн	13	гор	
✓	Эмелен	Эмелен	15	Кенна	
✓	Кук	Кук	11	Кенна	
✓	Тукун	Тукун	8	Кенна	

Фото 4. Лист из переписи Уэлена П.Ю. Молла, 1929 г. (Копия в архиве Н.И. Вуквакай)

поместила его в группе «средних», рядом с ярангами Имн'оя, Аромке и Чавчыва (Итляй).

Фото 5. Вэк'эт (Валентина Итевтегина) работает над старыми списками Уэлена (фото Н.И. Вуквукай, 2020 г.)

В составе тапк'аральыт было несколько разросшихся больших семей (линиджей), которые считались «исконными тапк'аральыт». Основателем основной ветви был Оой – Тын'эск'ын. Рядом размещались его прямые потомки: Гэмальк'от – Каляч; Тутай – Гемаугье – Ымульын – Кагье – Печетегин – Кэйн'ытэгын; Геманкау – Унпэн'эр – К'уттэгын; Пээп; Пэрго; Таато-Кытылк'от. Тапк'аральыт ставили жилища на центральной, возвышенности части косы. Приезжие, обычно родственники женщин, вышедших замуж в семьи тапк'аральыт, могли поставить яранги ближе к лагуне, где было место. Поэтому у семей Чаучу, Имн'оя, Аромке (родственники жены Кагье) и Тэгрынкэу положение было промежуточным: иногда их относили к тапк'аральыт, а иногда нет. Такая же ситуация была и в эскимосских поселках, где существовали территориальные

«кварталы» (как в Наукане). Ключевым показателем социальных связей было с кем вместе охотились мужчины из этих семей.

Лидерство. (Вэк'эт, 1996): «Наши тапк'аральыт считались все родственники, вместе. Гэмальк'от, брат моего деда, был главой всех наших. В 1917 году приехал священник, крестил всех и назначил его старостой. Он держал порядок, даже провинившихся судил. И его боялись. ...Он запрещал пить, считал пьянство как дурное влияние на другого человека. Могут заразиться, и потом пойдет испорченное поколение. Он так считал, потому что они ведь раньше уходили с китобоями на промысел. И даже иногда не возвращались целый год, где-то жили в другом месте. И там смотрели, как другие люди живут, у них учились. Видно, он это наблюдал и хотел держать свое село в порядке. Поэтому он в колхоз и не вступил, потому что был глава и отвечал за всех наших».

Перемена места жилища. Вэк'эт, 1996:

«Если бы ваш отец поставил свою ярангу на другой край поселка, считались бы вы по-прежнему тапк'аральыт, т. е. тапк'аральыт, живущие среди энмыральыт?»

– Нет, мы были бы уже энмыральыт. Если бы мы переехали туда, то по тому месту бы назывались. Особенно если бы глава семьи там взял меня в жены – я была бы там по главе той семьи.

– К тем из Уэлена, кто живет в Анадыре, эти названия относятся?

– Нет, уже все. Это только в Уэлене действует».

Вельботы и охотничьи бригады. Вэк'эт (1996): «В Уэлене было много вельботов. У наших, тапк'аральыт два или больше. Сейчас не помню. У наших (нашей семьи) хозяин вельбота был Гэмальк'от, брат нашего дедушки Тутая. Еще байдара у них большая была. И вся родня вместе охотилась. Но были еще (стояли) запасные вельботы. У моего деда (Тутая) была своя байдара, потому что он был мастер делать байдары. У этих к'эвн'эльыт («восточных») свои вельботы были, потому что помню, говорили так: «к'эвн'эльыт вельботы пришли». У этих гынонральыт свой вельбот; Сейгутегин у них был бригадир. Если бы я приехала в Уэлен и там стала писать – сразу бы все вспомнила». В 2019 г. удалось уточнить, что при возвращении охотников с моря всегда говорили, чьи вельботы – тапк'аральыт, энмыральыт или к'эвн'эльыт. Про гынонральыт почему-то так не говорили, их было всего 2–3 яранги. Это были не коренные уэленцы, пришлые. Поэтому жили отдельно от всех на ничейной земле, между двумя основными группами тапк'аральыт и энмыральыт.

(Рисуем в 1996 г. план Уэлена с размещением жилищ по группам – см. фото 3). «Вот здесь наши, тапк'аральыт, на самой косе; потом сред-

няя часть – *гынонралыт*, а дальше эти, *энмыралыт*, или их еще называли *к'эвн'эльыт*. Вот отсюда – уже чистейшие *энмыралыт* живут. Они уже отдельно охотятся; у них вельботы свои. Но праздники, особенно праздник кита, все вместе делают. Всех приглашают, не только своих».

Эти сведения подтверждает В.В. Леонтьев (1989: 133): «В Уэлене община Ооя-Тынэскина (тапк'аралыт. – Авт.) имела четыре байдарные артели, община Пакок'а-Мээта (*энмыралыт*) – две. У каждой общины была своя общественная мясная яма – «увэран», вернее, две: в одной хранилось мясо для питания людей, а в другой – на корм собакам. Общинами были семейный огонь – «ээк» и блюдо-поднос – «к'эмэн'ы», за которым происходила общинная трапеза. ...Идеологическим руководителем, т. е. шаманом (? – Авт.), в большинстве случаев был глава общины, под началом которого совершались все семейные и общинные обряды. Ему принадлежало право «расспроса» моржовой головы перед началом промысла и в отправлении других культовых обрядов». Все эти элементы: совместные байдарные артели, общие мясные ямы, руководство ритуалами и сезонными обрядами своей группы – были типичны и для общин азиатских эскимосов; но там они были закреплены за разными социальными группами: кланами, линиджами, «старшими» семьями кланов и «хозяином поселка» (Krupnik, Chlenov, 2013).

КАК ЖИЛИ УВЪЭЛЕЛЫТ В 1920–1930-е гг.

Лидеры двух главных общин: Гемальк'от (тапк'аралыт) и Оккой/Окко-Франк (*энмыралыт*) регулярно привлекались ранней советской администрацией на официальные должности. Гемальк'от в 1926 г. был избран председателем Уэленского «лагеркома» (Вдовин, 1987: 156), затем членом Дальневосточного крайисполкома и заместителем председателя Чукотского районного комитета (РИКа). «Франк», не умевший говорить по-русски, но свободно изъяснявшийся по-английски, был тоже членом Далькрай-исполкома и в 1927 г. был направлен делегатом от Чукотки на Всесоюзный съезд Советов в Москве. Впоследствии он сменил Гемальк'ота на посту зампреда Чукотского РИКа (Ревкомы..., 1973: 161–162; Калтан, 2008: 297–298).

Эта традиция существования двух признанных лидеров общин и опоры на них шла со времен царской администрации. Гондатти был первым, кто в 1895 г. назвал отца Гемальк'ота и Тутая, лидера тапк'аралыт Оой-Тын'эск'ына своим «представителем» в Уэлене. В 1906 г. Оой-Тын'эск'ын был назначен «старостой» с. Уэлен и ближайших окрестных поселков (Вдовин, 1965: 247). Эта должность «старосты» Уэлена затем перешла к его сыну

Гемальк'оту (Вдовин, 1987: 152), о чем вспоминает Вэк'эт. В момент визита в Уэлен братьев Краузе летом 1881 г. там было два признанных лидера – Акенен (Ак'ынэ? Акенен) и Йынкыргын (Jinkérgin), каждый из которых имел по большому деревянному дому и хорошо ухоженной яранге (Krause, 1993: 68). Йынкыргын имел еще одно жилище в стойбище Тунэтшкын (?), на другой стороне Уэленской лагуны.

Очевидно, что старшие мужчины контролировали деятельность своих семей и родственных групп. Франк и Гемальк'от руководили распределением мяса и сала добытых китов, приглашали гостей из других поселков на праздники (по воспоминаниям Т. Печетегиной – Наши..., 2013: 228–229). Они регулярно упоминались как посредники при общении уэленцев с разными визитерами – путешественниками, ревизорами-уполномоченными и журналистами (Лапин, 1929; Калтан, 2008: 298). Так, Франк пригласил А.И. Калтана, уполномоченного погранохраны Дальневосточного края в свою ярангу «поговорить», а затем на национальные танцы в соседнюю ярангу Пелявье, где собралось человек десять, главным образом стариков, и сам Франк; танцевали Атык, сын Франка, и молодой охотник Камыргин (Калтан, 2008: 299). Все названные люди и, видимо, большинство приглашенных стариков относились к общине *энмыралыт*.

Список 1938 г. с указанием места рождения или происхождения жителей Уэлена по воспоминаниям Вэк'эт (см. Приложение) показывает важную особенность уэленской общины – ее смешанный характер. Большинство жен уэленцев и многие мужчины-главы семей происходили из других поселков – расположенных поблизости (Дежнев – Кэн'иск'ун, Тункак' и Инчоун) или более удаленных (Поутен, Чини, Янранай, Аккани на восточном побережье Чукотки; Сешан, Энурмино, Нешкан и далее до Рыркайпия и м. Шмидта на арктическом побережье). В сравнении с крупными поселками эскимосов того времени (Наукан, Чаплино – Ун'азик'), в общине Уэлена было намного больше приезжих членов и, соответственно, меньше браков между коренными уэленцами.

В.В. Леонтьев [1964] утверждал, что члены «больших патриархальных семей», из которых состояло население береговых чукотских поселков, вступали в браки только с жителями определенных поселений. Так, уэленцы, по его словам, брали себе жен из Янраная, Лорино, Нунямо, Поутена, (о-ва) Ратманова и Наукана, но в браки с инчоунцами и дежневцами (жителями сел. Кэн'иск'ун) не вступали. Наши данные это не подтверждают. По преданиям семьи Вэк'эт, предки тапк'аралыт до переселения в Уэ-

лен жили в Кэн'иск'уне, а в Инчоуне поселились потомки одного из братьев тапк'аральбит. Возможно, это влияло на предпочтения в выборе жен, и потому тапк'аральбит часто позволяли селиться рядом выходцам именно из этих сел. По спискам 1929 и 1938 г. мы не нашли закономерностей в направлениях брачных связей уэленцев, кроме несколько большего числа браков с эскимосами среди энмыральбит и активных брачных контактов с жителями Дежнева / Кэн'иск'ун во всех группах. Даже если в уэленских общинах имелись в прошлом какие-то предпочтительные брачные правила, то к 1930-м гг. они были уже нарушены.

УЭЛЕНСКИЕ «ОБЩИНЫ» – ВОЗМОЖНЫЕ ОБЪЯСНЕНИЯ

Воспоминания и письменные источники о жизни увъэлельбит в 1920–1930-е гг. не дают однозначного объяснения природы уэленских «семейных общин». Но они позволяют понять, чем эти общины *не были* в пределах исторической памяти сегодняшних уэленцев. Три (или четыре?) группы с их собственными названиями, очевидно, не могли быть «пережитками» или отражением старых родов. При родовой системе организации зятя, поселившиеся рядом с родственникам жены, даже когда такое случалось, не могли принять новое родовое имя и считаться членами группы их свойственников. В Уэлене 1920–1930-х гг. это было обычным явлением.

Вряд ли пригодна для объяснения уэленских общин модель *клановой* организации их соседей, азиатских эскимосов (Chlenov, 1973; Крупник, Членов, 1979; Krupnik, Chlenov, 2013). Главной особенностью эскимосских кланов была способность их членов к коллективной миграции и включению в похожие социальные единицы, обычно при сохранении своей исторической памяти, имени и генеалогической традиции. Большие эскимосские кланы выступали регуляторами брачных отношений: их члены стремились жениться внутри своей группы (как в Чаплино и Наукане) или с членами определенного клана (как на о. Св. Лаврентия). Эти и другие признаки эскимосских кланов у уэленских «общин» не прослеживаются. Если они были в прошлом, то не сохранились, как у эскимосов в начале XX в., а в памяти старейшин – до конца XX в. (Пусть говорят..., 2000).

Очевидно, не подходит для Уэлена и модель социальной организации эскимосов-инуиат Берингова пролива, построенная на системе «мужских домов» (*кайги, кажги*) с собственными названиями и группами принадлежавших к ним семей. Крупные жилища, которые, очевидно, выпол-

няли функции «мужских домов», были отмечены в Уэлене участниками экспедиции Биллингса – Сарычева в 1791 г. и даже зарисованы (Этнографические..., 1978: 107); в 1964 г. В.В. Леонтьев реконструировал такое жилище с его чукотским названием *к'легран* по воспоминаниям старейшины Пан'араглыны и ее сына Анатолия Тымневак'ата (Леонтьев, 1973: 90–94; 1975: 83–84). На рисунке Луки Воронина 1791 г. уэленский *к'легран* действительно напоминал «мужской дом» для совместных церемоний. В любом случае, у уэленцев к середине XX в. (или ранее?) не осталось в памяти собственных названий таких жилищ; их прежнего размещения на территории поселка или использования как социальных центров для групп семей. Если такие жилища когда-то существовали, то они утратили свои социальные функции не позднее конца XIX в. У эскимосов Аляски подобные «мужские дома» тоже выходили из употребления или разрушались, но память о них среди потомков принадлежавших к ним семей сохранялась до середины XX в., порой до начала XXI в.

Можно связать уэленские «семейные общины» с институтом *кварталов*, существовавших в прошлом в поселках азиатских эскимосов (Krupnik, Chlenov, 2013). Такие чисто территориальные участки («кварталы») с собственными названиями имелись в Имтуке, Киваке, Аване, Сирениках и других эскимосских селениях в начале XX в. (Пусть говорят..., 2000; Krupnik, Chlenov, 2013). Как и в Уэлене, они состояли из смешанных по происхождению семей, и их обитатели часто меняли расположение своих жилищ и, соответственно, свое «квартальное имя» в пределах поселка. Хотя «кварталы» могли выставлять свои охотничьи бригады (они состояли, на самом деле, из мужчин из близкородственных семей), у них отсутствовала устойчивая идентификация и историческая традиция. Эти признаки хорошо применимы к поздней группе *гынонральбит* («средних») в Уэлене, возникшей на основе нескольких коренных семей с включением приезжих из других поселков. Скорее всего, *гынонральбит* действительно были «кварталом», который в условиях традиционной общины мог бы превратиться в устойчивую социальную единицу. Главные общины Уэлена, энмыральбит и тапк'аральбит, очевидно, представляли более прочные (более древние?) структуры, чем «квартальные участки» поселка.

По мнению одного из авторов (И.К.), происхождение энмыральбит и тапк'аральбит лучше объясняет не гипотеза В.В. Леонтьева (и устная традиция), что они образовались при распаде единой предковой общины (Леонтьев, Новикова, 1989: 433) или из потомков «разных братьев», а обратный процесс – слияние двух прежде самостоятельных поселений в одну общину. Известно, что раннее историческое поселение уэленцев

находилось на склоне горы Ръэвн'эй, над основанием косы, т. е. выше по склону от исторического квартала энмыралыт («скальных людей»). Леонтьев предполагал, что оно называлось эскимосским именем Улык, или Олык, и отделялось тогда от остальной Уэленской косы широкой протокой (Леонтьев, 1975: 79–81).

На удалении от него, в средней части косы, по Леонтьеву, располагалось *другое* древнее поселение, которое уэленцы называли Нымытван (от чукотского *нымынвы-н*, «место поселения» – Леонтьев, 1973: 81; Леонтьев, Новикова, 1989: 281). На длинной Уэленской косе (чук. *тэпк'эн*) в прошлом могло размещаться несколько разновременных стоянок; их жители, соответственно, могли называться *тэпк'э-/тапк'аральыт* («живущие на косе»). Значит, на месте Уэлена могли существовать два поселения разного происхождения, которые были тогда разделены протокой (Леонтьев, 1975: 79). Постепенно они слились в одно, но память о них осталась в названиях и социальной жизни исторической общины Уэлена.

Вариант той же схемы (предложенный Н.В.) также предполагает, что Уэлен изначально был эскимосским поселением и его ранние обитатели жили на склоне горы: от основания косы и вверх от старой протоки. Когда в этот район пришли оленеводы, они поселились сначала ближе к западной оконечности косы, около местечка Тунк'эн. Как считал Леонтьев, такой выбор объяснялся отсутствием пресной воды на косе. Когда старая протока замыслась и уэленцы спустились с горы на косу, то оленеводы подтянулись ближе к ним, но поселились своей общиной. Так образовались две главные группы соединенного поселка: энмыралыт и тапк'аральыт.

Подобная гипотеза должна учитывать два исторических процесса. Первый – известный по источникам переход жителей Уэлена / Улык'а с эскимосского языка (называемого сейчас «уэленским» – Этнографические..., 1978; Krauss, 2005; Chlenov, 2006) на чукотский. Это произошло не ранее конца XVIII в., когда Мерк в 1791 г. записал слова эскимосского «уэленского наречия». Геодезический план Уэлена, снятый в 1791 г. сержантом Гилевым (Атлас..., 1964, карта 171), показывает относительно небольшую группу жилищ у самого восточного основания косы (рис. 3) и имеет следующую подпись: «План... бухты, называемой Уелен (Уеленъ), где жителство имеют сидячие чюкчи лето и зиму в юрт (в юртах?) во время лета чюмовье оленных...» То есть, видимо, одна группа людей жила в Уэлене постоянно, а другая приходила сюда на летние месяцы. Возможно, что предание уэленцев о «четырех братьях-олленеводах», которые остались жить в поселке, и отражает такую ситуацию. Легко допустить, что «осед-

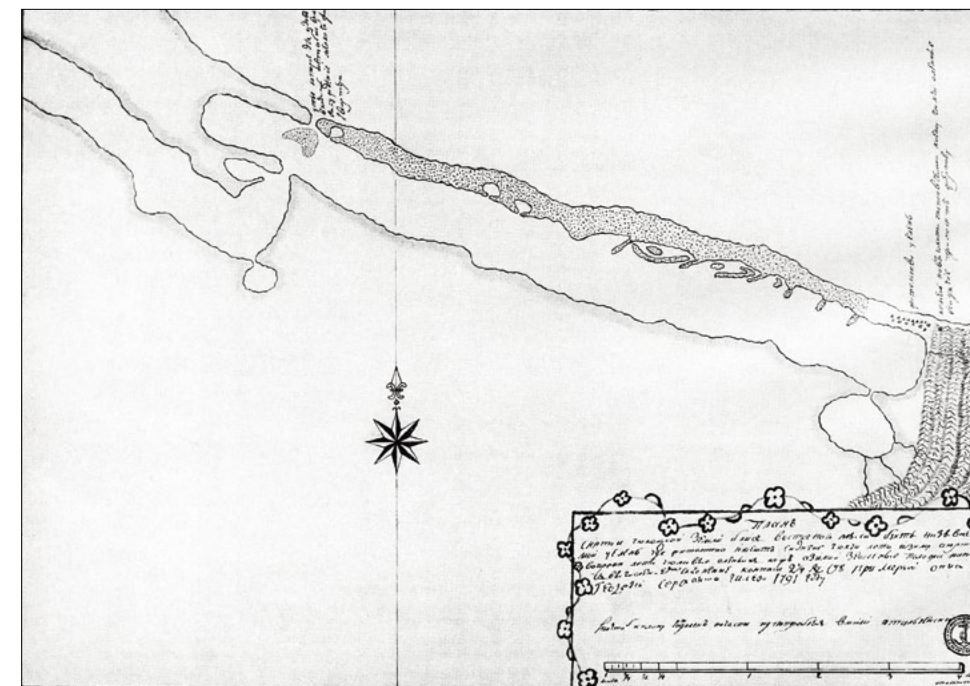

Рис. 3. План Уэлена и его окрестностей, снятый сержантом Гилевым в 1791 г. (Атлас..., 1964: 171)

лые чюкчи» из Уэлена – Улык'а говорили по-эскимосски, а пришедшие оленеводы – по-чукотски. Постепенно чукотский язык стал преобладающим в межгрупповом общении.

Вторым процессом были частые голодовки, уменьшение численности берегового населения и его отток в тундру к кочевникам, особенно со второй половины XIX в. Братья Краузе насчитали летом 1881 г. в Уэлене 259 жителей, еще 10 жилищ (не менее 50–60 чел.) в соседнем поселке Тункан (Тунк'эн) и несколько временных стойбищ оленеводов вокруг Уэленской лагуны, т. е. всего около 330–350 чел. Через 14 лет Н.Л. Гондатти нашел в Уэлене 231 чел. и 17 чел. (2 жилища) в Тункане (Патканов, 1912: 893). Оба источника отметили гибель большого числа людей от голода в предшествующие годы (Krause, 1881/1993: 65; Гондатти, 1898:viii). В 1923 г. в Уэлене было 214 чел., а Тункан был заброшен [Материалы..., 1925: xxix], т. е. за 40 лет общее население сократилось на 130 чел. И лишь после 1926 г. община Уэлена вновь стала расти.

Длительное сосуществование двух близко расположенных поселков – эскимосоязычного Улык'а у подножия сопки и чукотскоязычного на косе, за протокой (Нымытван ?) и их постепенное слияние, даже простран-

ственное сближение после замыва протоки хорошо объясняют трансформацию двух общин в одну, хотя и с сохранением своих традиций. Рисунок Уэлена, сделанный Краузе в 1881 г. (Краузе, 1882/1993: 60), не показывает свободного пространства между жилищами западной (тапк'аральбит) и восточной (энмыралъбит) частей Уэлена; очевидно, две общины уже территориально слились в одну. Возможно, сохранение в поселке двух признанных лидеров: Акынына (Акенен) и Йинкыргына (Jinkergin) в 1881 г. и семей Оой-Тын'эскына-Гемалькота у тапк'аральбит и Окко-Франка у энмыралъбит в начале XX в. было отражением такой «соединенной» структуры уэленской общины.

Образование единой общины из двух в прошлом отдельных поселений (возможно, с двумя разными языками) объясняет минимальное число браков между тапк'аральбит и энмыралъбит по спискам 1929 и 1938 г. и данным Вэк'эт. Не случайно и распространенное в Уэлене мнение, что энмыралъбит «обычно женились на эскимосках», т. е. женщинах из Наукана и с о-вов Диомида. Напротив, в семьях тапк'аральбит в 1938 г. числилось больше супругов из поселков далее на запад, вдоль арктического побережья Чукотки – Сешана, Энурмино, Нешкана и др. (см. Приложение).

Отражением такого прежнего сосуществования двух поселков, разделенных протокой у основания Уэленской косы, могла быть легенда о сиротке «Увэлелин» (Вэк'эт, 1997: 28–57). В ней повествуется о том, что Уэлен раньше имел другое название – Пок'ыткын, что означало «край земли» (Леонтьев, Новикова, 1989: 311). Но однажды у старой горловины Пэтыпэлгын поселился неизвестный приезжий охотник с женой и матерью. Тогда еще протока не была замыта галькой и в непогоду считалась более безопасной для входа на байдарках с моря в лагуну, чем основная широкая горловина у западного конца косы у местечка Тунк'эн. После гибели охотника и смерти его жены их сына воспитала бабушка. Когда сирота вырос и стал удачливым охотником и силачом (чук. – эрмэчын), к его яранге стали подселаться люди из других поселков и основного поселения на Уэленской косе. Между двумя поселениями возникло противостояние, и только после гибели силача-эрмэчына жители объединились в одну общину, возвратились назад на косу и назвали свой поселок «Увэлен» в память о властном и жестоком богатыре.

Пример такого образования единой общины из двух некогда самостоятельных поселков – Kiataanamiut и Agianamiut, разделенных пустым болотистым пространством, известен на м. Принца Уэльского (Кин'игин) на аляскинской стороне Берингова пролива (Ray, 1983: 262; Harritt, 2003: 34–36; Burch, 2006: 116–119). В Кин'игине первоначально были даже *три*

самостоятельных селения-общины, одно из которых (Singaugaagrunmiut) опустело около середины XIX в., когда его жители переселились в другое место. Возможно, тот же механизм объясняет двойное название *гыноралъбит-к'эвын'эльбит*² для жителей «срединного» участка в Уэлене, между тапк'аральбит и энмыралъбит в конце XIX – начале XX в. Запустение «центрального» участка в Уэлене с последующей сменой его названия могли быть результатом природных событий. На одной исторической фотографии Уэлена начала XX в. (Goetze, 1904 – фото 6) видна обширная протока, прорезающая косу у основания и отделившая группу жилищ далее по косе от подножия сопки, – т. е. именно так, как описывается в легенде об Увэлелине. Это произошло, видимо, после сильного наводнения или шторма; часть поселка была затоплена, и ее обитателям пришлось искать новое место жительства. *К'эвн'эльбит* могло быть названием жителей той части Уэлена, которая пострадала от наводнения. Когда вода спала и люди вновь заселили эту часть косы, новые поселенцы образовали свой квартал, который получил название Гынонран (гынонралъбит) и включил семьи из поселков от Кен'иск'уна (Дежнева) до Нешкана, Пуутена и даже Сиреников.

Фото 6. Фотография Уэлена 1904 (г.?) из альбома О. Гоеце (Goetze, 1904 – URL: <https://alaskawanted.com/2sp.html>). Оригинальные фотографии Гоеце хранятся в Музее истории и промышленности (Museum of History and Industry, Sophie Frye Bass Library), в Сиэтле, США

²Другое объяснение названия «кэвнэльбит» может быть от местного топонима Кэвынэн, который встречается у В.В. Леонтьева. Так называли небольшой бугор, где когда-то, по преданию, была жилая землянка. Этот бугор до сих пор виден в Уэлене, недалеко от здания школы (Н.В.).

Не случайно на рисунках Тымневак'ата жилища группы к'эвн'эльыт (кэвунэльыт) показаны *ближе* к основанию косы, т. е. именно там, где была протока в начале XX в. Отсюда, возможно, и происходит путаница в идентификации групп к'эвн'эльыт и гынонральыт и, соответственно, были в Уэлене в прошлом *четыре* группы или *три*. Речь, очевидно идет о разных пластах исторической памяти, от которых сохранились разные названия. Такая ситуация была обычна и в воспоминаниях о поселках начала XX в. у старейшин-эскимосов в конце прошлого века (Пусть говорят..., 2000; Chlenov, Krupnik, 2013).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

За годы постсоветской истории Чукотки возрос интерес ее жителей к своему культурному наследию и традициям предков. Приводимые нами новые материалы и объяснения природы уэленских «семейных общин» не раскрывают окончательно роль этих институтов в общинах приморских чукчей, но эта работа должна быть продолжена. Даже в начале XXI в. мы находим новые источники и с помощью исторических реконструкций можем «проникать в прошлое», т. е. восполнять пробелы в материалах Гондатти, Краузе и Богораза, которые наблюдали эту жизнь собственными глазами.

Но с такой работой надо торопиться. Новые источники не могут восполнить ценнейшую устную информацию, которая сохраняется в памяти старейшин. С уходом людей, родившихся в то время или помнивших его по рассказам родителей, наш исторический «горизонт» неизбежно сужается. Мы рады, что смогли записать и обобщить то, что хранится в памяти уэленцев, соединить эту память с документальными материалами той эпохи и расширить наши знания о жизни коренных жителей Чукотки для следующих поколений.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Авторы благодарны Ирине Павловне Фрейтаг, дочери Т.А. Молл, которая любезно предоставила в их распоряжение неопубликованные полевые материалы своей матери, а также О.П. Коломиец (Анадырь) и М.А. Членову (Москва) за ценные советы и замечания по тексту статьи. Наша работа посвящена памяти двух ушедших уэленцев – Анатолия Тымневак'ата, брата и дяди двух авторов и Владилена (Владика) Леонтьева, с которым всех нас связывали теплые личные отношения.

Литература

- Арутюнов С.А., Крупник И.И., Членов М.А. Китовая аллея. Древности островов пролива Сенявина. М. Наука, 1982. – 206 с.
- Атлас географических открытий в Сибири и в Северо-Западной Америке. XVII–XVIII вв. / под ред. А.В. Ефимова. – М.: Наука, 1964. – 134 с.
- Богораз В.Г. Чукотский общественный строй по данным фольклора // Советский Север. – 1930. – № 6. – С. 63–79.
- Богораз В.Г. Чукчи. Т.1. Социальная организация. М.; Л.: Изд-во Главсевморпути, 1934. – 191 с.
- Вдовин И.С. Очерки истории и этнографии чукчей. – М.; Л.: Наука, 1965. – 402 с.
- Вдовин И.С. История и культура чукчей. Историко-этнографические очерки. – Л.: Наука, 1987. – 303 с.
- Вэж'эт В. Кагъегыргын (рассказы моей матери). – М.: Гном-Пресс, 1997. – 84 с.
- Галкин Н.А. В земле полуночного солнца : [Чукотский полуостров : Дневник наблюдений и впечатлений]. – М.; Л.: Молодая гвардия, 1929. – 219 с.
- Гондатти Н.Л. Поездка из села Маркова на реке Анадыре в бухту Проовидения (Берингов пролив) // Записки Приамурского отдела Русского Географического общества. – 1898. – Т. 4 (1). – С. 1–42.
- Диков Н.Н. Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы: Азия на стыке с Америкой в древности. – М.: Наука, 1977. – 392 с.
- История Чукотки с древнейших времен до наших дней / под рук. и общ. науч. ред. Н.Н. Дикова. – М.: Мысль, 1989. – 492 с.
- Калтан А.И. Отчет по обследованию Чукотского полуострова. 1930/31 г. // Тропюю Богораза. Научные и литературные материалы / ред. Л.С. Богословская, В.С. Кривошеков, И.И. Крупник. – М.: Институт Наследия – ГЕОС, 2008. – С. 284–342. – (Тр. Чукот. филиала Сев.-Вост. комплекс. науч.-исслед. ин-та; Вып. 10).
- Краусс М. Названия мест // Словарь языка науканских эскимосов / сост. Е.В. Головкин, Е.А. Добриева, С. Джейкобсон, М. Краусс. – Fairbanks, Alaska Native Language Center, 2004. – С. 319–369.
- Крупник И.И., Членов М.А. Динамика этнолингвистической ситуации у азиатских эскимосов (конец XIX в.– 1970-е гг.). // Советская этнография. – 1979. – № 2. – С. 19–29.
- Лапин Б.М. Тихоокеанский дневник : путевые очерки. – М.: Федерация, 1929. – 223 с.
- Леонтьев В.В. Этническая история поселка Уэлен // Краевед. записки. – Магадан: Кн. изд-во, 1972. – Ч. 1. – Вып. 9. – С. 83–93.
- Леонтьев В.В. Хозяйство и культура народов Чукотки (1958–1970 гг.). – Новосибирск: Наука, 1973. – 176 с.
- Леонтьев В.В. Этническая история поселка Уэлен // Краевед. записки. – Магадан: Кн. изд-во, 1975. – Ч. 2. – Вып. 10. – С. 77–87.
- Леонтьев В.В. Чукотка в период развития капитализма в России (1861–1917 гг.). Разложение первобытнообщинных отношений у чукчей и эскимосов //

История Чукотки с древнейших времен до наших дней / ред. Н.Н. Диков. – М.: Мысль, 1989. – С.105–136.

Леонтьев В.В., Новикова К.А. Топонимический словарь Северо-Востока СССР. – Магадан: Кн. изд-во, 1989. – 456 с.

Меновицков Г.А. О пережиточных явлениях родовой организации у азиатских эскимосов. Из полевых наблюдений // Советская этнография. – 1962. – № 6. – С. 29–34.

Наши льды, снега и ветры. Народные и академические знания о ледовых ландшафтах и климате Восточной Чукотки / ред., сост. Л.С. Богословская, И.И. Крупник. – М.: Институт Наследия. – 2013. – 360 с.

Пусть говорят наши старики: рассказы азиатских эскимосов-юпик. Записи 1975–1990 гг. / сост. и запись И.И. Крупника. – М.: Институт Наследия, 2000. – 527 с.

Радов И.А. Названия чукотских родов Усть-Бельской тундры // Тропую Богораза. Научные и литературные материалы / ред. Л.С. Богословская, В.С. Кривошеков, И.И. Крупник. – М.: Институт Наследия – ГЕОС, 2008. – С. 72–77.

Ревкомы Северо-Востока СССР (1922–1928 гг.): сборник документов и материалов. – Магадан: Кн. изд-во, 1973. – 240 с.

Руденко С.И. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. – М.; Л.: Изд-во Главсевморпути, 1947. – 136 с.

Сергеев Д.А. Пережитки отцовского рода у азиатских эскимосов // Советская этнография. – 1962. – № 6. – С. 35–42.

Советы Северо-Востока СССР (1928–1940 гг.): сб. документов и материалов. – Магадан: Кн. изд-во, 1979. – Ч. 1. – 287 с.

Старокадомский Л.М. Экспедиция Северного Ледовитого океана (1910–1915 гг.). – М.: Изд-во Главсевморпути, 1946. – 320 с.

Толмачев И.П. По Чукотскому побережью Ледовитого океана: предварительный отчет начальника Экспедиции по исследованию побережья Ледовитого океана от устья Колымы до Берингова пролива, снаряж. в 1909 г. – СПб.: Экономическая, типо-литография, 1911. – 117 с.

Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции, 1785–1795 гг. / сост., ред. З.Н. Титова. – Магадан: Кн. изд-во, 1978. – 174 с.

Bailey A.M. A Cruise of the “Bear” // Natural History. – 1933. – Vol. 3 (5). – P. 497–510.

Bockstoe J.R., Batchelder C. A Gazetteer of Whalers’ Place Names in the Bering Strait Region and Western Arctic // Names. Journal of the American Name Society. – 1978. – Vol. 26 (3). – P. 258–270.

Bogojavlensky S. Imaanmiut Eskimo careers: Skinboats in Bering Strait: Ph. D. dissertation. Harvard University, Department of Social Relations, 1969. – 250 p.

Bogoras W. The Chukchee // Memoirs of the American Museum of Natural History. – 1904–1909. – Vol. 9. – P. 1–3. – New York (Reprint 1975, New York: AMS Press). – P. 1–733.

Burch Ernest S., Jr. Social Life in Northwest Alaska. The Structure of Iñupiaq Eskimo Nations. – Fairbanks: University of Alaska Press, 2006. – 478 p.

Chlenov M. Distinctive Features of the Social Organization of the Asiatic Eskimos / IXth International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences, 1973. – 21 p.

Chlenov M. The “Uelenski Language” and Its Position among Native Languages of the Chukchi Peninsula / Alaska Journal of Anthropology. – 2006. – Vol. 4, No.1–2. – P. 74–91.

Goetze O.D. Souvenir of north western Alaska / Illustrated by O.D. Goetze. – Nome, Alaska, 1904. – 96 p.

Harritt R. Re-Examining Wales’ Role in Bering Strait Prehistory: Some Preliminary Results of Recen Work // Indigenous Ways to the Present: Native Whaling in the Western Arctic / ed. A.P. McCartney. – Edmonton: Canadian Circumpolar Institute, 2003. – P. 25–68.

Hughes C. An Eskimo Deviant from the Eskimo Type of Social Organization // American Anthropologist. – 1958. – Vol. 60, No. 6. – P. 1140–1147.

Krause A. Die Expedition der Bremergeogr. Gesellschaft nach der Tschuktschen-Halbinsel. Sommer 1881 // Deutsche Geographische Blätter. – 1882. – Band V (1). – S. 1–35.

Krause A. To the Chukchi Peninsula and to the Tlingit Indians, 1881/1882: Journals and letters by Aurel and Arthur Krause / The Rasmuson Library. Historical Translation Series, VIII. – Fairbanks: University of Alaska Press, 1993. – 230 p.

Krauss M.E. Eskimo Languages in Asia, 1791 on, and the Wrangel Island – Point Hope Connection / Études / Inuit / Studies. – 2005. – Vol. 21, No. 1–2. – P. 163–186.

Krupnik I., Chlenov M. Yupik Transitions. Change and Survival at Bering Strait, 1900–1960. – Fairbanks: University of Alaska Press. – 2013. – 425 p.

Rasmussen K. Across Arctic America: Narrative of the Fifth Thule Expedition. – New York: Putnam and Sons, 1927 (Fairbanks: University of Alaska Press, 1999). – 415 p.

Ray D.J. Ethnohistory in the Arctic. The Bering Strait Eskimo // Alaska History. – 1983. – No. 23. – Kingston: The Limestone Press. – 274 p.

Архивные источники

Леонтьев В.В. Информация о полевых исследованиях в Чукотском районе. 1964. Рукопись. Архив СВКНИИ, г. Магадан.

Материалы Чукотской земэкспедиции Наркомзема РСФСР о хозяйственно-экономическом обследовании Чукотского района. 1938 // ГАЧАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 7. Анадырь.

Молл П.Ю. Список граждан селения Уэлен Северо-Туземного района. 1929 / Рукопись. Личный архив И.П. Фрейтаг, копия – в архиве Н.И. Вуквукай.

**Состав населения с. Уэлен, 1938–1939 гг.
из Похозяйственной книги № 1, колхоз «Красная заря»
(хранится в архиве Уэленского сельского совета)**

Составлено Н.И. Вуквукай с комментариями В.К. Итевтегиной

Обозначения: т – тапк’аральыт; т/с – тапк’аральыт, живущие посередине косы;
т/м – тапк’аральыт, живущие у моря; т/л – тапк’аральыт, живущие у лагуны;
г – гынонральыт; г/л – гынонральыт, живущие у лагуны; г/м – гынонральыт,
живущие у моря; э – энмыральыт

№ п/п, кв-л	Имя	Отношение к семье	Год рожде- ния	Примечание
1	Ринтылин		1908	Секретарь с/совета (+ 2 брата и сестра)
г	Амтын	Отец	1885	Гынонральыт; брат: Гальмо, К’эк’к’эн, Н’эврэм (жена Гемальк’ота); дети американца
	Тэгрын’э	Мать	1893	Н/г
2	Ненек		1907	Тапк’аральыт, яранга посреди косы
т/с	Умк’эн’эвыт	Жена	1909	+ двое детей
3	Пэлявье / Пэрго		1889	Тапк’аральыт, живут у моря, охотник
т/м	Тын’эк’ут	Жена	1896	Н/г
	Анос	Сын	1914	Учитель
	Кэлы	Сын	1915	Охотник
	Въайыт	Жена Кэлы		
4	Лын’ой		1904	Глаз с бельмом, раньше жили в землянке у полярки
т/с	Йыныртвалль	Жена	1907	+ двое детей
	Телют	Мать	1885	Из Инчоуна
	Рагтын’а	Дочь		
	Номъайн’ау	Зять		
5	Кальбач / Росгылын		1908	Тапк’аральыт, яранга у моря
т/м	Н’аупыт	Жена	1907	Гынонральыт, дочь Чаучу (№ 18), из Сешана, двое детей
	Кэльэс / Конэ-н’ны	Жена		Из с. Лорино / Аккани
6	Пээп / Гэман’авыт		1871	Пээп – прозвище, имя Гэман’авыт, дочь Ооя-Тын’эск’ына; братья: Гэма-тагин / Тутай, Гэманкау / Ымээй, Гэмальк’от / Какак’; живут в середине косы

№ п/п, кв-л	Имя	Отношение к семье	Год рожде- ния	Примечание
т/с	Елков Тимоша	Внук	1914	Летчик
7	Та’аенват / Авай		1900	Из с. Тун’к’эн, живут у лагуны
т/л	Тэювэнтын’э	Жена		Из с. Инчоун
	Ытгылын Коля	Сын	1919	Учитель
	Утгэн’	Невестка		Из с. Наукана, маленький сын
		Невестка		Из с. Чаплино
8	К’ук’ы / Кук		1918	Сын американца, охотник, жили у лагуны
т/л	Гэлмырултын’э	Жена	1918	Из с. Нешкан, маленький сын
	Нуват	Мать	1904	Из с. Тун’к’эн, сестра Та’аенвата (№ 7)
9	Гыватагын		1916	Из с. Инчоун, охотник, жили у лагуны
т/л	Эргын’аут	Жена	1916	Из с. Ылеймин, двое детей
10	Унпэн’эр		1908	Сын Гэманкау (№ 10а), охотник, живут в середине
т/с	Ровтын’а Рита	Жена	1906	Из Энмыральыт, от русского, сестра Олын’а (№ 11), 5 детей
10а	Гэманкау		1875	
т	Н’эврэм / Ыммо	1-я жена	1876	Сестра Амтына (№ 2), мать Унпэн’эра, из Кэн’иск’уна, жила в домике, так как запретили многоженство
	Ыек	2-я жена	1894	Из Дежнёва, мать Отке
	К’уттэгын	Сын	1914	Охотник
	К’итгин	Невестка	1921	Из Янраная
11	Тэгрынкэу		1886	Из Дежнёва, охотник, в прошлом председатель РИКа
т	Тын’эн’эут	Жена	1887	+ двое взрослых детей
	Олын’а / Оля Муллын’э	Жена	1893	Из энмыральыт, от русского, двое детей
12	Сиутэк / Чивтэк’		1894	Из Кэн’иск’уна, охотник
т	Рультынэут	Жена	1898	Сестра Гыватагына (№ 13)
	Ан’к’акымбын	Племянник	1911	Из Энурмино, охотник, сын Тэ-грынкеу (№ 11)
	Тын’эн’эут	Невестка	1920	Жена Ан’к’а
13	Гыватагын		1895	Приезжий, охотник

Продолжение Приложения

№ п/п, кв-л	Имя	Отношение к семье	Год рождения	Примечание
т	Опок'	Жена	1898	Из Нешкана
	Рыпэл	Сын	1912	
	Рэнтыт	Невестка	1912	
14	Кагье		1895	Охотник
т	Пан'ароглына / Вэк'этрультын'э	Жена	1901	Сирота, из Ин'ин', воспитывалась в семье Имээлилына, 6 детей, включая Тымневак'ата (1930) и Вэк'эт (1934)
15	Гэмавье		1890	
т	Тын'ат	1-я жена		Из Энурмино, убежала от непосильного труда; от нее сын
	К'итан'ны	2-я жена		С о. Ратманова, воспитывалась семье Млеткина, убежала; от нее дочь
	Атук	3-я жена	1907	Из Наукана + двое детей
16	Ымульын		1889	
т	Ыттырагтын'а	Жена	1891	Дочь американца, из Кэн'иск'уна, + 3 детей
	Таатро	Сын	1910	Учитель
	Гивын'э	Жена	1911	Из Нунымо
17	Кэйн'увьи		1906	Сын Тутая
т	Энмын'а	Жена		Из Инчоуна; сестра Гыватагына (№ 13)
	Уйвин'ны	Жена		Из Натэнмытагына
	Пэчээтэгын	Брат	1909	Сын Тутая, охотник
	Амак	Невестка		Тапк'аральыт, дочь Гемалькота / Какак'а, двоюродная сестра Пэчээтэгына
18	Чавчыв / Чаучу		1896	Из Сешана; отсюда начинаются гынонральыт
г/л	Алок'	Жена	1887	Гынонральыт + двое детей
	Ыттын'э	Теща	1864	
	Н'аупыт	Воспитанница	1907	Сестры Н'авгон' (№ 19), Н'авлик' (№ 35)
	Лын'ой	Сын	1912	Заведующая сберкассой
19	Имн'ой		1915	Сын Чавчыва (№ 18), счетовод

Продолжение Приложения

№ п/п, кв-л	Имя	Отношение к семье	Год рождения	Примечание
г	Н'автон'	Жена	1917	Сестра Наупыт, одна дочь
20	Таато		1885	Охотник
г/м	К'утгэут / Ыннон'ы	Жена	1898	Тыпк'аральыт, сестра Тутая + 4 детей
	Умк'эвьи		1917	Из Кэн'иск'уна
21	Такак'		1885	Из Четгуна, охотник
г	Акав	Жена	1900	Воспитанница Чаучу, Гынонральыт + 1 дочь
	Етгы	Мать	1882	Из Четгуна
	Тэ'эюттын	Брат	1921	+ 1 племянник
22	Аромкэ / Атав		1900	Из Сешана, охотник
г	Пик'ун'ны / Кэун'эут	Жена	1902	Сирота из Ин'ин', гынонральыт, 6 детей; воспитывалась в семье Имээлилына
	Эмк'ул	Дочь	1920	
23	Кымъол		1903	Сын Алома, брата Галмо; охотник
г/м	Риллыргын	Жена	1915	+ 3 детей
	Кэсик / Косикияк?	Сестра	1925	Из Наукана
	Гивэвн'эут		1888	
24	Гиу / Гивэв		1913	Брат Кымъола (№ 23)
г/м	Туар / Тывъар	Жена		+ 2 детей, + сын Рытхэу в семье Кымъола (№ 23)
25	Нотатвы		1898	Сын Атцол / Паапы; всегда было много народу, но во время эпидемии много умерло
г/л	Ваалн'авыт / Тык'эн'	Жена	1900	+ 7 детей
	Арэнны	Дочь	1915	
	Сэйвытэгын	Зять	1913	Из Поутена, муж Арэн'ны
26	Туккай		1911	Председатель РИКа
г	Илькей	Жена	1912	Из Кен'иск'уна, 4 детей
	Элеут	Деверь	1915	Из Кен'иск'уна
27	Выквытагын		1898	Из Кэн'иск'уна, сын Омрылк'ота
г	Тагрыт / Рульыт-тэгрэт	Жена	1900	Дочь Амтына, Гынонральыт + 4 детей, 1 племянник

Продолжение Приложения

№ п/п, кв-л	Имя	Отношение к семье	Год рождения	Примечание
	Пияк'ай	Мать	1856	
	Пин'ку			
28	Имэй		1886	Охотник
г	Кымлильын	Жена		Из Пуутэна, 2 детей
	Мина / Линлю	Дочь	1913	Муж Меленберг, 2 детей
	Пинтык'	Дед		
	Ненек'	Невестка		
29	Тыкэк'		1905	
г	Наткун'ны	Жена	1905	Эскимоска из Ратманова, 3 детей
	В'айыт	Воспитанница		Отец Ае, мать Ринтыкым'ын'э, муж Кэлы
	Кэкэр		1915	Брат?
30	Выквылк'от		1895	Сын Тутая
г	Ит'ын'э	Жена	1897	+ 7 детей
	Пэнрына		1912	Сестра Пелятагина, в чьей яранге все жили, + 2 племянника
	Палаяу		1920	
	Эммэк	Бабушка	1871	
31	Рэн'вил		1915	Приезжие
г/э	Анок'ай	Брат	1920	
	Пэн'ин'эут	Мать	1876	Приезжие
32	Айэ		1877	Из Сешана
г	Ринтыкым'ын'э	Жена	1895	
	Энмына	Воспитанница	1923	Муж Кэйн'увьи (умер)
	Туар	Дочь	1913	
33	Налык'		1908	Сын Таюна из Нешкана
	Рытыр	Сестра	1905	+ 3 детей
33а	Тальап / Тааляп		1898	Из Кэн'иск'уна, эскимос
г	Выквыр	1-я жена	1911	Тыпкаральыт, дочь Гэмальк'ота, + 1 дочь
	Вэк'этгэут	2-я жена		

Продолжение Приложения

№ п/п, кв-л	Имя	Отношение к семье	Год рождения	Примечание
	Рагтын'а	Бабушка	1882	Жена дяди Ан'к'агыргына, из Утэна
34	Каяй		1885	Из Сиреников
г	Номн'аут	Жена	1904	Из Миткулена, + 1 дочь
35	Гуегытк'увлин / К'увлиль		1907	Сторож фактории
э	Н'авлик'	Жена	1906	+ сын от Пэчэтэгына
36	Егбек'		1908	Председатель сельсовета
г	Рыкват	Жена	1913	Тапк'альыт, дочь Гэманкау; + 2 дочери
	Катан'ны	Воспитанница		Дочь американца
37	Атык		1900	Сын Оккоя; самые главные из энмыральыт
э	Тын'атвааль	Жена	1897	Из Кэн'иск'уна, без детей
	Ваалк'ай	Мать	1878	Жена Оккоя
	Йын'этваал		1921	
38	Кэлэвьи		1907	Сын Тутук', воспитанник Апара, сводный брат Атыка
э	Эйн'р'ун'эв	Жена	1908	Тапк'аральыт, дочь Гэмалк'ота; + 4 детей
	Апар	Отчим	1865	Энмыральыт, брат Оккоя, дядя Атыка (№ 37)
	Тутук'	Мать	1872	Из Наукана
40	Рычып		1903	
э	Рэнтыт		1905	
	Нутэн'эут	Теща		
41	Татыл		1904	К'оймат?
э	Пысын'	Жена	1905	
	Рагынаут	Невестка	1920	
42	Мээт / Пак'ок'		1887	Другое имя Танат?
э	Тынап	Жена	1892	
	Рультын'э / Тотот	Дочь	1913	+ 1 ребенок, племянник – сын сестры Ыпой
43	Ныпэвьи		1901	Брат Пак'ок'а (№ 42)
э	Кым'ын'э	Жена	1900	Из Поутэна + 7 детей

Окончание Приложения

№ п/п, кв-л	Имя	Отношение к семье	Год рожде- ния	Примечание
	Кымъыт	Дочь	1913	Муж Сычев, русский
	Кэккэн	Бабушка	1890	Жена старшего брата Аймэта
44	Памье		1900	Брат Тыкэна
э	К'итан'н'ы	Жена	1900	Эск. с о. Ратманова; + 2 сына, 1 дочь, пасынок
	Рагтывыквын'а	Падчерица	1920	Дочь Гэмавье; муж русский, Ники- тин; + 1 дочь
45	Вамче		1903	Энмыралыт; основатели селения Уэлен
э	Атцын'	Жена	1907	+ 2 детей
	Эттынэут	Сестра	1908	Основатели селения Уэлен; + 1 ре- бенок
	Эттувги	Шурин	1890	
46	Ранау		1920	Из Рыркайпия
э	Кымъыт	Жена		Энмыралыт
	Ояй Нутэрультынэ	Мать	1896	
	Нутэны	Бабушка		Из Уэлена
47	Пэлятагын		1901	С м. Шмидта
э	Пытк'ыванны		1909	+ 1 дочь, 1 племянник

Примечание. Приезжие всегда селились у лагуны.

Часть 4.
«ЗОЛОТОЙ ФОНД» ЧУКОТКИ

Part 4.
CHUKOTKA "GOLDEN FUND"

АЙНАНА: ИСТОРИЯ НАРОДА В XX В. ЧЕРЕЗ СУДЬБУ ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА*

Опарин Д.А.

Развернутое биографическое интервью с Айнаной (Людмилой Ивановной Айнаной) было записано в Москве весной-летом 2012 г. для журнала «Большой Город» (Опарин, 2012) (фото 1).

Айнана (*Айн'ан'а*) родилась в 1934 г. в местечке Укигьярак у мыса Чаплина. Ее отец по имени Атата работал капитаном катера и часто уезжал в Пlover, а дед Апаку еще в начале XX в. промышлял с американскими китобоями. В 1942 г. Айнана пошла в начальную школу в селе Старое Чаплино без какого-либо знания русского языка. Имя Людмила ей дала учительница с третьего раза. В 1946–1947 гг. Айнана училась в интернате поселка Провидения, а в 1954 г. поступила на филологический факультет Ленинградского института им. А.И. Герцена, который закончила в 1959 г. По возвращении из Ленинграда Айнана работала преподавателем русского языка в новочаплинской школе (1960–1963), преподавателем эскимосского языка в Провиденской средней школе (1963–1978). В 1974 г. Айнана опубликовала букварь эскимосского языка, написан-

Фото 1. Айнана (фото А. Лукина, 2012 г.)

©Опарин Д.А., 2020

*Работа выполнена в рамках исследовательского проекта РНФ «Частная история и ритуальная динамика в прибрежной Чукотке», № 19-78-00070.

ный в соавторстве с Верой Агнальквасяк. Впоследствии она написала другие учебные пособия и книги для чтения на эскимосском языке. В 1978–1999 гг. Айнана работала в секторе Севере Института национальных проблем образования. Айнана – одна из основательниц и первый председатель Общества эскимосов «Юпик» (1990). В 1990-е гг. была участником и координатором серии российско-американских проектов по традиционному природопользованию и народным знаниям жителей Чукотки, помогала в учреждении Союза морских охотников Чукотки (1997; ныне – Чукотская ассоциация зверобоев традиционной охоты). С 1990-х гг. неоднократно ездила на Аляску, в том числе на заседания Аляскинской эскимосской китобойной комиссии, конференции эскимосских старейшин, заседания ИСС (Inuit Circumpolar Council – Циркумполярный совет эскимосов – негосударственная организация, представляющая интересы эскимосов Гренландии, Канады, Аляски и Чукотки. – Д.О.), конференции «Дни Берингии».

В жизни Айнаны и жизни ее семьи отразилась судьба азиатских эскимосов в XX в. Родившись в крохотном прибрежном поселении в семье капитана судна и гарпунера, работавшего с американцами, она прошла долгий путь до одного из наиболее уважаемых старейшин Чукотки, прекрасного знатока наследия, традиций и языка своего народа, национального интеллигента, автора учебников и пособий по эскимосскому языку, высококлассных этнографических работ. Шаманизм и анимистические представления, тесное взаимодействие с аляскинскими аборигенами и чукчами, советское среднее и высшее образование в известном всему Северу ленинградском Институте имени Герцена, публикационная активность в сфере сохранения и развития локального знания и национальной культуры, общественная деятельность в 1990-е гг. – все эти грани истории эскимосов Чукотки удивительным образом вместились в богатую биографию Айнаны.

Данная статья представляет сокращенный и переработанный вариант интервью 2012 г. с краткими комментариями. Публикация посвящена 85-летию со дня рождения Л.И. Айнаны.

УКИГЬЯРАК

Я родилась 28 декабря 1934 года в местечке Укигьярак, которое было недалеко от Старого Чаплино. Укигьярак по-русски означает «начало спуска». И там как раз гора находится и ущелье с речкой, которая не имеет начала, и она так и называется – Канилнук – «без начала». Место это очень интересное. Речка выходит прямо к морю. С одной стороны реки у нас стояли вешала (вбитые в землю китовые ребра, на которых сушились байданы. – Д.О.), а с другой стороны стояла наша единственная яранга.

Когда-то давно Укигьярак было довольно большим поселением нашего рода – лякагмит. А потом в начале 1920-х годов никого не осталось, все ушли, кроме нас. Они все переехали в Старое Чаплино, так как там школа появилась, и детей надо было учить. Укигьярак был очень богатым местом – было много морской капусты, даров моря, нерпы, моржей, китов, косаток, лахтаков и даже сивучей. Мы жили в Укигьяраке с мамой, папой, сестрами и братом. Папа летом от нас уезжал, потому что он на Пловере (поселок в бухте Провидения, закрыт в 1959 г. – Д.О.) работал капитаном катера. А зимой у нас много народу было – все охотники-пушники, которые промышляли за песцом, у нас жили.

МОЯ СЕМЬЯ

Дед Апаку – гарпунер на американском китобойном судне

Отца у меня звали Атата, а деда, его отца, звали Апаку. Еще до советской власти американские китобойники нанимали моего деда на работу гарпунером на гренландского кита – все лето они промышляли, а к осени его привозили обратно в Старое Чаплино. Дед свободно говорил по-английски, а по-русски вообще не понимал. Однажды его взяли, и в тот год ранней осенью пролив быстро забился льдами, и деда моего не привезли. Наши думали, что с ним что-то случилось. А капитан этого американского китобойного судна очень уважал деда, и в Номе (город в штате Аляска. – Д.О.) его не оставил, а увез к себе домой в Сан-Франциско. Дед умер в 1944 году, и я его хорошо помню. Он много рассказывал об Америке и о старой жизни, знал разные прибаутки, песни. Конечно, плохо, что его американцы виски научили пить.

Мама, брат и сестры

Маму звали Янна (Ян'а, 1895–1956 гг.). Она была старше отца по возрасту, так как должна была выйти замуж за его старшего брата. У нас раньше выдавали по стовору, заключенному еще в детстве. А старший брат умер. И по закону она перешла к его брату. Это положено так было. Еще принято было, если умирал мужчина в семье, а у него жена и дети оставались, то его младший брат должен был жениться на вдове, чтобы семью поднять.

Мама была воспитана в традиции. Ее отцом был шаман. И он соблюдал все праздники обрядовые. Она у него научилась.

У меня были три сестры и один брат. Брат родился в 1924 году, и его звали Итхуткак, что переводится, как «занесенный в ярангу». В 1913 году родилась моя старшая сестра Агнарысик, названная в честь бабушки. Сестра Ухсима родилась в 1915 году и выросла у бабушки и дедушки. Она была как их дочь (фото 2). Потом Кураса родилась в 1930 году. И я родилась последней в 1934 году. Между Ухсимой и братом Итхуткак пятеро детей умерли – четыре брата и одна сестра. И мама убедилась, что папа уезжает из Старого Чаплино.

Фото 2. Старшая сестра Айнаны Ухсима (1915–1989), ученица Чаплинской школы (фото А. Форштейна, 1928 или 1929 г. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН. № И-115-19)

Она сказала: «Уедем давайте, а то я не могу хоронить детей без конца». Семья переехала в место, где когда-то жили наши предки, где и я родилась, – в Укигьярак. Я теперь понимаю, что, вероятно, в той яранге была какая-то инфекция, из-за которой дети не выживали. Нас всех троих назвала бабушка Пайна. Так как она жила с чукчами, то назвала меня и Курасу не по-эскимосски, а по-чукотски. Кураса означает «олень» (кораны – по-чукотски). Но так как она девочка, переделали на Кураса. А я – крик этого оленя – Айнана. Ухсима названа в честь дяди, который вылез на лед, – Ухтыкак, что переводится, как «вылезший».

ДЕТСКАЯ ЖИЗНЬ

Поминальные обряды и кормление духов

Там, в стороне горячих ключей, есть поминальный камень нашей семьи. Считается, что наш предок украл его у белого медведя. У нас мужчины всегда на море смотрят: вот он сидел и увидел, как медведь выныривает и то серый камень на припай ставит, то розоватый. Предок изловчился, схватил розовый (камень) и на сопку унес. До закрытия Старого Чаплино мы осенью ходили туда на поминки. И даже когда мы переехали в 1942 году в Старое Чаплино, каждую осень продолжали ходить в Укигьярак на поминки.

У нашей семьи были священные животные – горноста́й, который жил в нашей яранге, и ворон, который залетел в ярангу и помер там. Когда мама на поминки ходила, то созывала к огню не только наших предков, но и горноста́я, и ворона. Еще когда моя сестра маленькой была и сильно болела, чтобы она выжила, мама прикладывала к ней шкурку горноста́я – она снимает болезни. Мама кормила и землю предков – речку, море, ущелье, сопку, гору.

У нас охотники кормили свою добычу. Если добывали животное, то гостеприимно его принимали. Извинялись перед ним, кормили его, раз-

Фото 3. Слева направо: Айнана, Алла Панаугье (дочь Айнаны), Ольга Попова (дочь сестры Айнаны Курасы), Кураса (Новое Чаплино, 1970-е гг.) (из личного архива Айнаны)

говаривали с ним, сказки рассказывали. С белого медведя снимали шкуру и голову заносили в ярангу, ставили ее около жирника (каменная площадка, заполненная тюленьим жиром, в которой горел фитиль из сухой травы. – Д.О.), открывали пасть и просовывали туда деревяшку, чтобы пасть была открыта. И всю ночь угощали, радовались, что добыли.

Почти все черепа добытых животных относили в восточную сторону. Так там они и лежали. Отдельно моржи, отдельно медведи, отдельно лисы. А у медведя спрашивали, куда он хочет пойти: на восток или на запад. К черепу привязывали веревочку и потом к этой веревке палку, и кто умеет, тот поднимал, и куда голова скатывалась, туда и несли череп.

ШАМАНЫ

Я видела, как шаманы в нашей яранге проводили камлания. К нам приходили Гальмутье и Умкыргин. Мы делали хорошую еду для них. Сначала они ку-

шали, разговаривали, а потом все-все убрали. И шаман садился перед жирником, который прежде гасили, и пел в темноте. Он собирал своих духов. Гальмугье свистел, как птичка, созывая духов. У всех свои духи были – у кого птица, у кого собака, у кого волк. Они пели в темноте, предсказывали и наказывали, что нужно было сделать, чтобы, например, вылечить человека.

Есть место по дороге в Провидения, где собаки иногда останавливались и дальше не ехали. И тогда нужно было либо укунить собаку за ухо, чтобы кровь пошла, либо самому каюру пописать. Два метода были. Брат Итхуткак как-то ехал и сильно очень испугался, что собаки остановились и оторваться с места не могли. Собаки бежали, но на одном месте бежали – нарта не двигалась. Брат приехал напуганный, и после этого он сильно заболел. Мама испугалась и пригласила к нам сирениковского шамана. Их приглашают, чтобы они попели и в бубен в темноте поиграли. Шаман пришел и попросил чижи. Он сказал, что если чижи сами развернутся, то сын поправится. Они развернулись. Потом он взял кухлянку. Поставил перед собой, а мы должны были держать ее за рукава. Кухлянка должна была сама встать. Мама держала и Кураса. А Кураса же школьница – она не верила. И когда шаман начал петь, кухлянка начала подниматься. Кураса проверяла, усиливала, отпускала, в рукав просунула руку. Никак не могла поверить шаману. Шаман тогда сказал: «Девочка мне мешает». Вместо нее стал держать кухлянку мой двоюродный брат Ахкива.

А вот Ахкива не верил шаману Аглю. Как-то в коридоре Ахкива мотор делал, а Аглю помогал ему. Они были одногодками – оба 1916 года. А я в коридоре играла. Ахкива говорит: «Ты объявил себя шаманом и поэтому всех дурачишь». Это Аглю очень задело. У нас таз был в коридоре, а в тазу – моржовая голова – ее поставили киснуть, чтобы шкуру снять и потом снять все мясо, а голову не выбрасывали, а собирали несколько штук, проводили обряд и все в одно место уносили. И песцовые головы, и моржовые, и лисьи – все уносили. Аглю увидел таз с головой, и вдруг челюсть стала стучать зубами. Уж не знаю, как это он сделал. Ахкива все равно не поверил. Тогда Аглю попросил дать ему дощечку и колокольчик. Он их взял, что-то сказал, и вдруг дощечка вместе с колокольчиком полетели и сделали круг в комнате. Я своими глазами это видела. Вероятно, он обладал какой-то очень сильной энергией. Аглю убедил брата.

БРАК ПО СГОВОРУ

Как только дети рождались, то они были уже обещаны кому-нибудь в жены или мужья. Я в школе дружила с одним мальчиком – Федей Куяпой. Ему обещали уже Марину Сигунылик. И вот мне все говорили: «Айнана, не туда лезешь!» Мои родители тоже сговорились. Мне жених достался из нашего рода такой несимпатичный мальчик, еще к тому же и заикался он сильно.

Его звали Якыта. Я училась в 9-м классе, приехала летом из Провидения на каникулы. И вдруг дядя Якыты пришел к матери и говорит: «Надо, чтобы Айнана перешла к нам. Пора ей привыкать». А мать говорит: «В каком мире ты живешь? Такого теперь нет. Айнана к вам не пойдет». Мне так было неприятно. Конечно, я бы не пошла.

ПЕРЕЕЗД В СТАРОЕ ЧАПЛИНО

В 1942 году мы переехали в Старое Чаплино. Там я впервые увидела русских. Это были учителя, пограничники и фельдшер. Я их сначала боялась. Но они очень хорошо к нам относились, никогда не обижали, никогда не унижали. Многие не умели делать то же самое, что и мы. Например, торбаса (сапоги из шкур. – Д.О.) завязать. И я думала: «Взрослые люди, а совсем не умеют одеваться. Торбаса даже не умеют завязывать». Отец мне всегда говорил, что они приехали нам помогать, учить читать и писать. Отец работал с русскими на Пloverе, он хорошо говорил по-русски. А мама – совсем чуть-чуть.

ШКОЛА В СТАРОМ ЧАПЛИНО

Я пошла в школу с первым класса и по-русски не знала ни слова. А, нет, одно знала – «мотор». И то гордилась своим знанием. Я сейчас до сих пор не пойму, как я выучила русский язык. Первое полугодие я ничего не понимала, а потом начала понимать больше. Когда я в школу пошла, у меня было три имени. Сначала Наташа. Меня так учительница назвала. Потом через несколько дней она посчитала, что имя Наташа мне не подходит. Назвала меня Галей. Потом сестра вспомнила, что у нас старшую сестру по-русски Галей зовут. И тогда меня называли Людмилой. У меня были очень плохие отметки сначала. Кураса говорит маме: «Айнана плохо в школе учится». Мама просила тогда сестру мне помочь. А я говорила: «Да, ладно. Лишь бы я не умерла от этих отметок». Потом я стала уже отличницей. У нас в классе говорил по-русски только Володя Ятта. У них в доме жила ученый Екатерина Рубцова (лингвист, автор эскимосско-русского словаря. – Д.О.), она его и научила. Он у нас в классе был переводчиком и издевался над нами – неправильно переводил, а потом смеялся над нами, подсказывал неправильно.

ИНТЕРНАТ

В интернате было не очень тяжело. Дети быстро приспособивались. Я была там одна эскимоска. Все остальные были чукчи. Но меня спасало знание языка – я же говорила по-чукотски. Преподаватели были замечательные, учили нас очень хорошо. У меня речь была неразвита, у меня не хватало слов. Ботаника мне тяжело давалась. Все эти пылинки, тычинки – я просто ничего не понимала. Но я заучивала тексты из учебника и рассказывала, будто

бы знаю, а на самом деле ничего не понимала, что рассказывала. А еще у коренных такая черта есть – если чего-то не знают, не могут сказать, они просто стоят и молчат, как истуканы.

В Провидения мы в баню ходили. Были, правда, русские, которые говорили: «Вот этих бы чукчей пускать после того, как все пройдут!» Некоторые начинали ругаться: «Они на родине у себя находятся!» Русские ругались между собой, а наше дело – выкупаться и домой бежать. Мы не реагировали, что кто-то нами брезговал. В интернате нам запрещали говорить на родном языке. Мы могли говорить на эскимосском только в своих комнатах, когда никто не слышал.

В интернате я первый раз грибы попробовала. Я сначала боялась, не хотела, но меня сестра Ухсима приучила. Она была замужем за русским. Еще в детстве мы с Курасой и мамой ходили на горячие ключи и там собирали ивовые листочки. Там много грибов росло. Мы с Курасой их пинали и говорили: «Чертово ухо, чертова палка!» (в эскимосском языке слово «гриб» (*сигутмыкытак*) дословно переводится, как «уши дьявола». Эскимосы до прихода русских опасались есть грибы. – Д.О.). Мама моя никогда грибов не ела.

УЧЕБА В ЛЕНИНГРАДЕ

В 1954 году я поехала учиться в Ленинград, в Институт имени Герцена. Я очень хотела стать учителем. Сначала я полетела в Анадырь, с Анадыря я летела до Магадана, потом до Охотска, затем до Хабаровска. Оттуда уже до Иркутска и потом на Москву. Я восемь дней летела до Москвы.

Мне очень трудно выразить словами, какую красоту я увидела в Ленинграде. Ленинградцы были очень вежливыми и готовыми всегда помочь. Милиционер мог рассказывать об истории города просто так, жители могли проводить до самого места, если ты у них спрашивал дорогу. Мы ходили с одной науканской эскимоской, тоже студенткой, в консерваторию на концерты. И она мне говорила: «Когда будут кричать “Браво!”, мы с тобой должны кричать “Пинихтук” («хорошо» на эскимосском. – Д.О.). Она была первой пионеркой в Наукане. В консерватории я впервые услышала органную музыку. Она мне очень понравилась, потом уже в Прибалтике я ходила в костелы на концерты.

На втором курсе меня пригласили в издательство работать – они издавали эскимосскую литературу. И оклад был очень большим – 1000 рублей. Это были очень хорошие деньги. Я была довольно богатой студенткой. Часто я ходила в театр – в Мариинский, драматический театр, где был руководитель Товстоногов. Первой оперой, которую я прослушала была “Иван Сусанин”. Мне было так тяжело, я засыпала, ничего не понимала. А потом мне было уже интересно ходить. Мне очень нравится “Аида”, произведения Бородина. Я ходила с подружкой-чукчанкой – Валентиной Укутлю.

Мне очень нравился Зоологический музей. Потом я ходила в Арктический музей – там были байдары и нарты. Мы любили ходить в зоопарк. Говорили: «Пошли к землякам!» Там же северные олени были, белые медведи, песцы, лисы. Мы их называли земляками. По асфальту было очень тяжело и неудобно первое время ходить. И мы часто с Вале́й Укутлю заглядывали на Марсово поле, снимали обувь и потихонечку по земле ходили босиком. Потом дома, окружавшие нас со всех сторон, давили сильно. Горизонт же виден на Чукотке почти отовсюду. И мы, когда была возможность, уезжали на Финский залив. Там море, чайки – все напоминает Чукотку.

РАБОТА В ШКОЛЕ НА ЧУКОТКЕ

В 1959 году я закончила учиться и уехала на Чукотку. Меня распределили преподавать в школе в Анадырский район между рекой Усть-Белая и Анадырем в маленькое село. Там коренные жители – эвены и чукчи. Директором школы был эвен. Я там год преподавала и много болела. Я все-таки привыкла к морскому климату и не могла жить на континенте. И потом я же – преподаватель эскимосского языка. Я просила, и они меня отправили в Новое Чаплино. Сначала чаплинские дети меня называли Айнаной, тетей Людой, а Толя Салико называл меня Айнан Ивановной. Я ходила на уроки к другим учителям, училась у них преподаванию.

В то время, когда я преподавала в Провидения русский язык и литературу, поселок был очень дружным. Не было такого, что каждый жил сам по себе. Всего с Уреликами (поселение напротив Провидения через бухту, заселенное после войны в основном пограничниками и их семьями. Сейчас полностью заброшено. – Д.О.) население насчитывало 10 000 человек. И даже собирались сделать город имени Дежнева. Но в это время распался Советский Союз, и сейчас в Провидения живут чуть больше 2000 человек (после распада Советского Союза с Чукотки уехало 2/3 населения. – Д.О.). Голод начался, снабжения не было. Приезжие уехали. А на материке земля кормит. Провидения был большим портом. Много судов приходили со стороны Ледовитого океана и с юга, активно строились дома, сделали бетонный завод, делали блочные дома. Связь с материком была хорошая. Коренных в Провидения было не много. У нас было 4 причала. Четвертый назывался «Колхозным», и к нему подъезжали только вельботы, которые приходили из национальных эскимосских и чукотских сел. Они привозили свежую рыбу. Тогда Провидения был ухоженным и чистым городом. Тут были скотоводческие фермы, парники. Теплицы снабжали детский сад овощами. Продавалось свое молоко. Морпорт организовал лагерь для детей на старочаплинских горячих ключах. Там был очень ухоженный бассейн. Сейчас все разбито.

РАБОТА НАД УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРОЙ ПО ЭСКИМОССКОМУ ЯЗЫКУ

Я знала, как составить учебник эскимосского языка. И в 1974 году с эскимоской Верой Анальквасак мы написали букварь. Тогда Министерство образования проводило конкурс учебников, и на нем наш учебник занял первое место. Мне предложили работать в московском Институте национальных проблем образования, заниматься методикой преподавания эскимосского языка. Я согласилась. Я работала у себя в Providenia, но часто ездила в Москву с отчетами, в библиотеку. И так я незаметно проработала 22 года. Мы занимались в основном методикой преподавания эскимосского языка; я писала программы, методички, учебники. Объем работы был большим.

ВОЗОБНОВЛЕНИЕ КОНТАКТОВ С АЛЯСКИНСКИМИ ЭСКИМОСАМИ

Первый прилет эскимосов с Аляски на Чукотку состоялся 14 июня 1988 года (фото 4). Поехали встречать гостей (в аэропорт Урелики. – Д.О.) разные партийные деятели, администрация, а из эскимосов была только я одна. И меня как окружили и как начали спрашивать о моих родственниках. О ком ни спросят – умер, о ком ни спросят – умер. Одна бабушка по имени Ятылин меня по плечу ударила и говорит: «Что с вами случилось? Почему все поумирали?» Они были по сравнению с нами долгожителями. Потом мы приехали в Providenia. И там такой длинный митинг устроили! Выступала моя сестра Ухсима и ее подруга детства Ора (Галагерген из Савунги. – Д.О.), с которой они еще в 20-е годы играли в Америке.

Я очень хорошо знала своих родственников в Савунге и Гэмбелле (эскимосские поселки на о. Св. Лаврентия, Аляска. – Д.О.). Родители мне много о них рассказывали. В советское время люди в Чаплино боялись и скрывали, что у них есть родственники в Америке. А я не скрывала. Чаплинцев напугали просто. В первый приезд американцев на Чукотку ко мне в гости пришли мои родственники. Надо сказать, что молодые эскимосы с Аляски лучше говорили на эскимосском, чем наша эскимосская молодежь. Но они говорят очень медленно с национальной интонацией. А мы говорим быстро с русской интонацией.

Потом мы поехали на Аляску с ответным визитом. Я нисколько не удивилась тому, что увидела на Аляске. Поехали в Анкоридж, пошли в большой магазин и покупали все. Нас постоянно снимали корреспонденты. Я хотела купить себе туфли, и только я их начала мерить, как прибежали корреспонденты. Я решила ничего не покупать и ушла.

ОБЩЕСТВО ЭСКИМОСОВ ЧУКОТКИ «ЮПИК»

В 1990 году мы создали Общество эскимосов Чукотки «Юпик». На учредительное собрание в Providenia приехали эскимосы из Чаплино, Сире-

Фото 4. Жители с. Новое Чаплино встречают первую группу гостей-альяскинских эскимосов, 1988 г. (Музей Берингийского наследия, пос. Providenia, Чукотский автономный округ)

ников, Уэлькаля, Чукотского района. Из ученых были (Игорь) Крупник, (Николай) Вахтин, (Петер) Швайцер. В 1992 году Общество эскимосов Чукотки «Юпик» приняли в состав ИСС.

Понятно, что западные эскимосы живут намного лучше коренных народов Чукотки. Но я хочу сказать, то, что сказал один чукотский охотник: «Они живут намного лучше нас, но у нас лучше». Это потому, что мы дома живем. Мне не нравится жить в Америке. Мне дома лучше. Мы всю жизнь плохо жили, так что нам не привыкать плохо жить. В 1990-е годы нам на Аляске сказали, что если жизнь на Чукотке ухудшится, то они смогут нас всех вывезти на Аляску – всех азиатских эскимосов. Я так удивилась. Надо нас спрашивать, хотим мы или нет. Мы здесь получили высшее образование. Может, молодые и поедут, но я уже не поеду...

Я была в Гренландии. У них давно рыночные отношения, они умеют зарабатывать. Они сохранили язык, потому что их много. Но только в России эскимосы сохранили традиционное вероисповедание. Там эскимосы очень религиозны. Я как-то сказала своим американским родственникам: «Вы меня не агитируйте. Меня воспитывали родители, я не верующая, но я уважаю свою веру. И в церковь я не пойду». Мы тотемные люди, преклоняемся перед круп-

ными животными, хищниками, природой, верим в духов. А в Сирениках многие приняли протестантскую веру, чтобы в Америку ездить. А я и так ездила. Лекции читала. Первую лекцию в Америке я прочитала в университет Чикаго. И тогда на гонорар я смогла купить себе первый телевизор и детям что-то. Я читала по-русски о культуре эскимосов в России. Я люблю говорить по-русски. На нем я могу без труда выразить все свои мысли. А в эскимосском многих слов не хватает. С 1998 года американцы стали меня приглашать как председателя общества эскимосов для совместных проектов. Я много работала и много ездила – была в Канаде, США, Гренландии, Лондоне, Вене.

ДОЛГАЯ ЖИЗНЬ

Эскимосский язык исчезает. И как восстановить? Надо такую работу провести, чтобы у людей была гордость за свой язык, за свою территорию. Начали пить только в 1958 году, когда эскимосов без их воли переселили из Старого Чаплина, оторвали охотников от промысла и им нечем стало заниматься. А раньше все время проводили в море или на берегу смотрели в бинокль. Люди жили морем.

Я очень люблю Старое Чаплино. Но после отъезда оттуда я не была на родине 22 года. А потом приехали этнологи (экспедиция М. Членова в 1976 г. – Д.О.), и тогда я поехала с ними в Старое Чаплино. Мы нашли место, где стояла яранга, в которой мы жили. Все чай пили. Я даже чай пить не могла – все время на улице была. Военные еще там снесли могилы. И я не знала, где были предки похоронены. Членов смеялся: «Айнана была готова все камни чаплинские увезти». А я нашла кусок камня, о который бабушка долбила сушеное мясо. Я взяла этот камень. Он мне очень дорог. Камень до сих пор хранится в семье моей сестры.

Я очень люблю чукотскую природу. Мне нравятся все времена года. Я же там выросла. Мне никогда в голову не приходило куда-то уехать. Я лето люблю, хоть оно очень короткое. Осенью у нас сбор ягод, корней, осенью оленеводы забивали оленей. Я люблю собирать дары моря после шторма. Люблю сидеть у моря. О чем я сейчас думаю? Я думаю, что я прооперирована на глаза и теперь не могу наклоняться. Может, мне надо какую-нибудь сидушку сделать, чтобы собирать растения. Сейчас как раз начался самый сезон сбора...

Комментарии к интервью: ключевые исторические процессы и культурные явления, о которых упоминает Айнана

Аборигенное население Чукотки и американцы

Русское влияние на береговое чукотское и эскимосское население до революции было минимальным. Если отдельные представители корен-

ного населения и владели каким-то языком помимо родного, то это был чаще всего английский. Американское влияние на Чукотском полуострове было куда более заметным. С середины XIX в. американские китобойные шхуны ежегодно в мае останавливались у побережья Чукотки. Так у азиатских эскимосов появились ром, табак, винтовки, металлические изделия, а также швейные машинки, граммофоны, фарфоровая посуда и даже оливковое масло. Часто эскимосы работали гарпунерами на американских судах, как дед Айнаны и многие его соплеменники.

Имянаречение у эскимосов

Комплекс традиционных представлений эскимосов о личном имени, важнейшей составляющей которого является система имянаречения, продолжает сохраняться практически среди всех групп этого народа на обоих континентах, несмотря на длительную историю христианизации, паспортизацию, а также распространение европейских личных имен и введение у эскимосов фамилий. Имянаречение, являющееся частью ритуального пространства, напрямую связано с эскимосскими представлениями о бессмертии души и о взаимодействии мира живых с миром умерших.

Сейчас большая часть азиатских эскимосов и чукчей, помимо официальных «русских» имен греческого, римского, еврейского или славянского происхождения, записанных в паспортах, имеют вторые неофициальные, так называемые национальные имена. Эти имена дают детям бабушки или матери после увиденного сна, в котором умерший родственник сообщает о своем желании вернуться. Ребенок не только получает имя «вернувшегося» родственника, но и приобретает вместе с именем его психологические, физические особенности, пристрастия и манеры. Эта упрощенная схема имянаречения имеет множество вариаций в современной жизни азиатских эскимосов. Часто имя дает не родственник или ребенок может быть назван по имени животного или озера; иногда имя изменяют; бывает также, что ребенок остается без эскимосского имени.

Кормление духов

Кормление духов (неперсонифицированных духов природы) и кормление умерших людей, в том числе и предков, – разнообразная ритуальная практика, широко распространенная среди коренных жителей сел Новое Чаплино и Сиреники, за исключением отдельных христиан. Многообразие поводов, мест и материальных объектов кормления (часто люди кормят предметы, символизирующие умерших и обладающие их силой) представляет определенные трудности для классификации. Поминальная церемония (*ax'kы́сяx'tулъык'*) является наиболее организованным и ритуализи-

рованным видом кормления. Однако в течение года совершается множество других менее упорядоченных действий кормления духов, которые составляют ритуальный контекст поминального обряда (фото 5).

Фото 5. Приготовление к обряду кормления предков. Засушенное оленьё мясо в руках Айнаны – традиционное праздничное блюдо эскимосов. Старое Чаплино, 2011 г. (фото Д. Опарина)

Кормление духов – самая распространенная и адаптивная практика современного ритуального пространства. Акт подношения еды и питья (обычно кусочков еды и капелек напитка) является центральным действием множества сохранившихся и трансформированных обрядов и микро-ритуалов. Этот лейтмотив взаимоотношения с духами, будучи самым распространенным, оказывается также и самым вариативным. Духов могут кормить при разных жизненных обстоятельствах, в различных местах – не только в родном селе, но и при выезде на материк или за границу.

Интернаты в национальных селах прибрежной Чукотки

Появление интернатов и введение обязательного школьного образования в 1930-е гг. стало важнейшим шагом на пути утверждения советской системы в отдаленном и ориентированном на Америку прибрежном регионе Чукотки. Принудительное обучение эскимосских детей имело бо-

лее серьезные социальные и культурные последствия, чем такие инициативы новой власти, как коллективизация и борьба с «религиозными пережитками». По всему советскому Северу это нововведение встретило волну отпора: «Ни одно другое политическое мероприятие не сталкивалось с таким непониманием, негодованием и сопротивлением» (Слезкин, 2008: 271). Но если для кочевых народов появление интернатов означало отрыв детей школьного возраста от родителей на 9 месяцев, то для оседлого охотничьего населения это нововведение оказалось менее драматичным.

Коренные жители Чукотки и эскимосы о. Св. Лаврентия

До 1948 г. американские эскимосы о. Св. Лаврентия и эскимосы, живущие на Чукотке, могли поддерживать связь и посещать друг друга. Остров Св. Лаврентия (*Сивук'ак'*) административно считается частью штата Аляска, хотя находится к Азиатскому материку намного ближе, чем к Американскому: всего 58 км отделяют островной поселок Гэмбелл (Gambell) от Чукотки. После продажи Аляски Америке в 1867 г. население острова состояло примерно из 1500 эскимосов, говоривших на том же языке, что и их соседи на Чукотском полуострове.

В 1878–1979 гг. на острове был страшный голод, и население сократилось до 300–400 чел. (Krupnik, Chlenov, 2013: 33). В связи с этим началась миграция азиатских эскимосов на о. Св. Лаврентия. К 1900 г. около 40% островитян составляли выходцы с Чукотки или их потомки (Krupnik, 1994: 57–58). После революции 1917 г. эскимосы обоих континентов продолжали беспрепятственно ездить друг к другу, а в 1938 г. было принято советско-американское соглашение, регулировавшее визиты (Krauss, 1994: 368).

Институт имени А.И. Герцена (сейчас – университет)

Подготовка учителей, работников культуры и идеологического воспитания из числа коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока началась в Ленинграде в 1925 г. Представителей коммунистической аборигенной интеллигенции готовили в нескольких местах, в том числе в педагогическом институте имени Герцена. В 1920–1930-е гг. при новом институте имени Севера (после войны он вошел в состав института Герцена) в период деятельности Комитета Севера и расцвета просветительской государственной работы среди аборигенного населения была создана Научно-исследовательская ассоциация по созданию письменности на языках народов Севера и составлению учебных книг на родных языках. До сих пор в университет имени Герцена приезжают поступать по квотам абитуриенты из представителей народов Сибири и Севера.

Редакторы и авторы сборника, коллеги и друзья Л.И. Айнаны поздравляют ее с 85-летием и желают ей крепкого здоровья и долгих лет жизни.

Литература

Опарин Д. Людмила Айнана // Большой Город. – 2012. – 3 авг. – URL: http://bg.ru/society/lyudmila_aynana-11500/ (дата обращения 10.12.2019).

Слезкин Ю. Арктические зеркала. Россия и малые народы Севера. – М.: Нов. лит. обозрение, 2008.

Krauss Michael. Crossroads? A Twentieth-Century History of Contacts across the Bering Strait // Anthropology of the North Pacific Rim / Ed. W. Fitzhugh, V. Chaussonnet. – Washington and London: Smithsonian Institution Press, 1994.

Krupnik Igor. Siberians' in Alaska: The Siberian Eskimo Contribution to Alaskan Population Recoveries, 1880–1940 // Inuit Studies. – 1994. – Vol. 18, No. 1–2. – P. 57–58.

Krupnik Igor, Chlenov Mikhail. Yupik Transitions: Change and Survival at Bering Strait, 1900–1960. – Fairbanks: University of Alaska Press, 2013.

ВЭК'ЭТ (Валентина Итевтегина)

Вуквукай Н.И.

Древняя мудрость учит: «Хочешь одолеть любой путь – сделай первый шаг».

По-чукотски «вэк'эт» и означает «шаг вперед».

Вэк'эт, Валентина Кагъевна Итевтегина, принадлежит к числу людей, чей талант проявляется во всем. Она – признанный мастер по изготовлению национальной одежды, великолепный фольклорист и песенник, поэтесса и писательница, носительница языка и культурных традиций своего народа. Она единственная женщина-романистка, пишущая на чукотском языке, языке своих предков. На формирование личности Вэк'эт влияли все этапы ее долгой и насыщенной жизни.

Вэк'эт родилась в 1934 г.¹ в далеком Уэлене в семье знаменитого охотника-зверобоя Кагъе. Семья была многочисленной, но выживали одни мальчики, поэтому при рождении ей решили дать мужское имя «Вэк'эт». Она вспоминает: *«Мне дали мужское имя Вэк'эт, наверное, для того, чтобы я крепче стояла на земле. В переводе мое имя означает “шаг”, “шагающий”».*

Мужское имя обязывало относиться к девочке, как к мужчине. Вэк'эт в общении пользовалась мужским говором (чукотского языка), носила детскую одежду для мальчиков и выполняла ту же работу, что и ее старшие братья. Чистила ружья, капканы, ходила на охоту. В подростковом периоде, когда мальчиков начинают приобщать к морской охоте, у нее остались такие воспоминания: *«С 14 лет мне довелось на байдарках со зверобоями ходить в море на охоту, испытать трудности мужского промысла. Но зато сегодня я могу убедительно рассказывать о жизни предков, о труде охотников»* (ПМА).

В школу Вэк'эт пошла в 9 лет, и вот тут разница во внешнем виде между мальчиками и девочками стала бросаться в глаза. У нее возникли

©Вуквукай Н.И., 2020

¹Чукчи раньше не справляли дни рождения, поэтому не важно было, в какой день ты родился. При советской власти это стало новой традицией, и при уточнении о дне рождения у ее мамы Вэк'эт ответили: «Начало смеркаться, и появились первые комары». Поставили 11 июля 1934 г.

вопросы к маме, почему у нее нет красивых вещей, как у других девочек. На что Пан'араглын'а ответила: «Когда научишься шить, тогда и будешь одевать себя так, как сама захочешь».

Детство Вэк'эт выпало на тяжелое военное и послевоенное время. Было трудно. Вот как она сама вспоминает об этом: «В семье были только две женщины – мама и я. Приходилось все время помогать по хозяйству. Надо было следить за жилищем, готовить, обшивать всю семью и еще выполнять план по сдаче меховых вещей для фронта. Конечно, для фронта шила я. В школу пошла в 9 лет. Учеба давалась с трудом, потому что преподавали только на русском языке. Русский язык знала плохо и усваивала предметы плохо, из-за чего дети надо мной смеялись. Зато знания, получаемые на чукотском языке, усваивались прекрасно. Это уже была мамина школа. В школе я училась до 7-го класса. В нашей семье погибли три старших брата-кормильца. И мне пришлось бросить школу, чтобы зарабатывать. Мама меня поддержала. Говорила: “Тебя научили расписываться, и хватит. Всему остальному я тебя научу – как шить, научу быть настоящей чукотской женщиной”» (ПИМА). С того момента началась школа мастерства Вэк'эт.

Пан'араглын'а воспитывала дочь в большой строгости. Она приучила дочь правильно сидеть по-женски на полу, плести жильные нитки, держать иголку с наперстком и шить. Для непоседливого ребенка это было трудным занятием, но мудрая женщина знала, как увлечь любознательную дочку. Когда Кагье с сыновьями уходили на промысел моржа в море, мать с дочкой занимались домашними делами. И вот тут-то молчаливая и с виду угрюмая Пан'араглын'а, не отрываясь от шитья, тихим ровным голосом начинала рассказывать про жизнь и подвиги предков, а она знала о них больше, чем Кагье и его многочисленные братья².

Из рассказов матери Вэк'эт узнала, что ее прадед по бабушкиной линии был родом из Янрана и отец носит его имя, что родной Уэлен назван по имени сироты Увэлельына (Вэкэт, 1997). Оказалось, что их, прямых предков по мужской линии, в древности называли «людьми, спящими на нерпичьих шкурах», потому что они были так бедны, что не могли приобрести теплые спальные олени шкуры (Вэкэт, 2012). И в то же время в душе девочки росла гордость за своих сильных и мужественных предков.

За увлекательными рассказами Пан'араглын'а показывала, как правильно шить меховую одежду и обувь. И, чтобы у девочки не пропал интерес к домашним делам, прерывала истории на самом интересном месте с обещанием продолжить рассказ завтра. Как вспоминает Вэк'эт:

²Из рассказов моей матери // Магаданский комсомолец. – 1983. – 7 апр. – С. 3.

«Мне тогда было 12–13 лет. После войны чукотские тапочки стоили 5 рублей. На них можно было купить кусочек масла, плитку чая и кусочек сахара, чего так не хватало семье. Поделки сдавали в промкомбинат. Этим зарабатывала, кормила всю семью».

Эта материнская, на самом деле – традиционная педагогика не пропала даром. Сегодня Вэк'эт знают как прекрасного сказителя, и услышанные в детстве истории от матери в 1997 г. увидели свет в сборнике рассказов «Кагъегыргын» (фото 1).

Трудовую деятельность Вэк'эт начала в родном селе Уэлен, заведующей сельским клубом. Будучи председателем женского совета, организовывала работу санитарной «тройки», отстаивала права женщин. Публичная работа, просветительская деятельность становятся основной жизненной позицией молодой женщины и снискали ей доверие сельчан. Вэк'эт избирали депутатом Уэленского сельского совета с 1952 по 1960 г. В первый раз вновь избранному депутату было всего 18 лет.

Переезд в Анадырский район вслед за мужем Иваном Итевтегиным, партийным работником, поменял профессиональную деятельность Валентины. Ее дальнейший выбор профессии был связан с приобретенным в детстве умением работать с традиционными материалами – мехом и кожей. Закончив курсы модистки головных уборов в Магадане, Валентина работала в сфере бытового обслуживания населения. За высокие социалистические показатели Валентина Итевтегина была награждена медалью «За трудовую доблесть» (фото 2). Одновременно она продолжала и общественную деятельность, буду-

Фото 1. Пан'араглын'а (1901–1963) и Вэк'эт, с. Уэлен, 1957 г. (архив В. Итевтегиной)

Фото 2. Вэк'эт, г. Анадырь, 1974 г.
(архив В. Итевтегиной)

чи избранной депутатом районного Совета, затем членом исполкома Анадырского районного Совета народных депутатов.

Работая модисткой в районном комбинате бытового обслуживания населения «Северянка», Валентина Кагъевна участвует в окружных конкурсах и художественных выставках, за что ей было присвоено звание народного мастера Чукотки (1993). В фондах окружного краеведческого музея, центра «Наследие Чукотки» хранятся изделия Валентины Кагъевны; на их основе был подготовлен авторский вариант альбома о технологических приемах работы по меху и коже в декоративно-прикладном творчестве чукчей.

Творческая одаренность Валентины проявлялась не только в прикладном искусстве. Она умеет выразить свое душевное состояние песнями и стихами. Природный дар сказителя и песенника сделал ее дипломантом Всесоюзного смотра любительских фильмов за участие в фильме «Это радость моя» (1985).

Жизнь у моря накладывает отпечаток на судьбу и характер человека, и память, ностальгия могут потом преследовать еще долгие годы. И вскоре появляются стихи «Разговор с морем», «Чайка», «Слушай меня, дочурка», «Приезжайте в Уэлен», «Возвращение» и др. В стихах Валентины Вэк'эт проявляется вся поэтическая душа женщины, рожденной на Чукотке. Первые стихи были напечатаны в газете «Советская Чукотка» в 1981 г.

В 1983 г., Вэк'эт стала участницей III Всероссийского семинара-совещания литераторов из числа коренных народностей Севера, Сибири и Дальнего Востока. Руководитель семинара В.М. Санги отметил, что рассказы Валентины Вэк'эт художественно ценны целомудренным описанием традиционного чукотского быта, бытия. На секции поэзии поэт Роберт Винонен отметил творчество Валентины: *«В ее стихах светится поэтическая душа, осязаемая даже в несовершенных подстрочных переводах».*

Ее стихи, в переводе, публиковались в газетах Магаданской области, в альманахе «На Севере Дальнем» (1983, 1985), коллективных сборниках «Пою тебя, Чукотка» (1983), «Любовь провинциалки» (1991) и др. Стихи на чукотском языке вышли в сборнике стихов и песен «Песни о Чукотке», выпущенном Магаданским книжным издательством (1991).

Способность Валентины рассказывать истории заметил магаданский писатель-этнограф Владилен Леонтьев (1928–1988). Владилен вырос в Уэлене, свободно владел чукотским языком, хорошо знал семью Кагъе. Леонтьев предложил землячке попробовать записывать свои истории на бумагу. Вэк'эт поначалу стеснялась, так как хорошо знала только родной язык. Леонтьев обещал помочь с переводом на русский, и ее первые рассказы стали появляться в 1980-е гг. в окружной газете «Советская Чукотка», в литературно-художественном альманахе «На Севере Дальнем» (1983, 1985).

Писатель В. Христофоров так отозвался о стиле и характере творчества Вэк'эт: *«Редкий литературный дар Валентины Кагъевны сразу выдвинул ее в первые ряды среди пишущих на Крайнем Севере. Проза Вэк'эт невероятно трудна для перевода... Вэк'эт владеет бесценным бытовым разговорным языком и своими произведениями как бы создает целый эпос обыденной жизни своих соплеменников»* (1991).

Уже будучи известным фольклористом и поэтессой, Валентина Кагъевна превратила свое чукотское имя в литературный псевдоним. Сейчас ее узнают по ее чукотскому имени Вэк'эт (фото 3).

С благословения писателя-этнографа Владилена Леонтьева произведения Вэк'эт стали появляться в печати. Магаданское книжное издательство в 1988 г. выпустило ее первую книгу на чукотском языке «Танойгайкотльат» – «Люди, спящие на нерпичьих шкурах». Леонтьевым был подготовлен сборник рассказов Вэк'эт в переводе на русский, который вышел в свет в 1997 г. под названием «Кагъегыргын». Туда вошел отрывок из повести «Танойгайкотльат» в русском переводе. Чукотская легенда, рассказывающая о тяжелой судьбе берегового народа, заинтересовала русского читателя и была перепечатана в сборнике произведений писателей коренных народов Севера, выпущенном издательским домом «Прибой» в 1998 г., и журнале «Северные просторы» № 1 за 2000 г.

Важным вкладом в популяризацию культуры и народных традиций чукчей стало сотрудничество Вэк'эт и французского ученого-лингвиста Шарля Вэнстэна по переводу легенды «Танойгайкотльат» на французский язык. Благодаря их совместному труду европейские читатели узнали о бога-

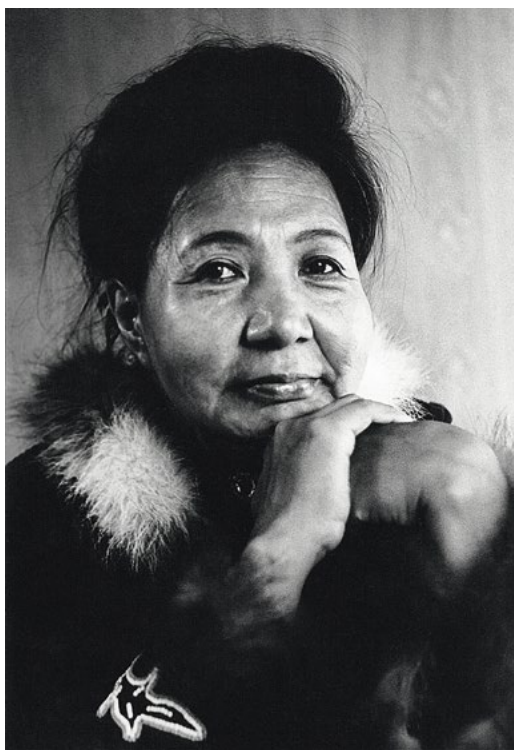

Фото 3. Валентина Итевтегина (Вэк'эт), г. Анадырь, 1985 г. (архив В. Итевтегиной)

цы Киры Ван Дэйсен (Van Deusen, 1999), которая в 1997 г. приезжала на Чукотку и познакомилась с мастерами прикладного искусства и знатоками культуры северных народов России (две сказки, Вэкэт, 2012).

В 2001 г. в Анадыре вышла книга «Тынэнны» на чукотском и русском языках. Повесть носит более этнографический характер, так как содержит большое количество бытовых подробностей: описание национальных праздников, обрядов благодарения, техники выделки мехо-во-го сырья, сбора растений, национальных блюд, занятий девочек и мальчиков, спортивных занятий и тренировок юношей и мужчин. Произведение было написано в духе веления времени. Традиционное общество было заинтересовано в сохранении и развитии традиционных промыслов, восстановлении духовных ценностей народов Чукотки. Двухязычие издания отражает и другую проблему чукотского общества в настоящее время. Образовательные программы на протяжении нескольких поколений основывались на знании русского языка, поэтому последние поколения чукчей были оторваны от знаний традиционной культуры.

той культуре арктических народов России, их самобытности и воле к жизни. В переводе на французский язык легенда преобразилась в роман и зазвучала по-новому (Veget, 1988).

В 1999 г. книга «Танойгай-котльат» была выставлена на конкурс на соискание премии им. Ю.С. Рытхэу. По итогам конкурса Вэк'эт стала обладательницей диплома конкурса в номинации «проза» за своеобразие слога и сохранение лучших традиций чукотского народа в воспитании молодежи (фото 4).

Первый конкурс проводили в 1998 г. Было 6 участников. Тогда первое место занял Гажа. На следующий год (1999 г.) участников было уже больше, поэтому судили по номинациям «поэзия» и «проза».

Литературное творчество Вэк'эт известно за рубежом – в Канаде, США из книги писательницы

Фото 4. Вэк'эт – лауреат премии Рытхэу в номинации «проза». Рядом справа Ю.С. Рытхэу, г. Анадырь, 1999 г. (архив В. Итевтегиной).

В 2012 г. в издательстве «Русский раритет» вышла в свет книга «Танойгайкотльат» на трех языках – чукотском, русском и английском (Вэкэт, 2012). Таким образом роман Вэк'эт объединяет читателей обоих берегов Берингова пролива, которые продолжают осваивать арктические просторы Берингии. Это сказание об одной семье, история которой складывалась на полосе галечной косы побережья Северного Ледовитого океана. Бескрайние морские просторы, необычайно красивый и суровый край стали родиной смелого народа. Для того, чтобы выживать в этих сложных условиях, человеку необходимо было иметь твердый дух и невероятную волю к жизни. Своеобразие культуры морских охотников, необходимость сохранения традиций приморских жителей делает обязательным перевод уникального произведения на другие языки. Повесть сопровождается тематическим словарем терминов на русском и английском языках. В книге «Тегрыкеунеут» (2017) Вэк'эт продолжает жизнеописание своих предков родом из селения Уэлен. В лучших традициях своего народа автор повествует о судьбе предков, жителей морских просторов. В произведении «Тегрыкеунеут» показан быт семьи морских охотников, чей жизненный

уклад напрямую зависит от природных условий и умения эти условия использовать во благо семьи.

Являясь членом Союза писателей Чукотки, Вэк'эт постоянно участвует во встречах с молодежью г. Анадыря, рассказывает об уникальности чукотской культуры, о прошлой жизни коренных народов, трудном пути, который пришлось преодолеть не одному поколению коренных жителей Чукотки, чтобы увидеть настоящее.

Уроки Вэк'эт передаются ее читателям, слушателям, соплеменникам, а ее произведения несут новому поколению духовные ценности народа. *«Всегда было главным быть хорошей женой, хорошей матерью. Надо стараться детям дать все, чтобы они запомнили тебя, берегли твои труды и передали своим детям и внукам. Твои бабушка, мама, отец были вот такими, вот чем они занимались. Им надо научиться жить в новой жизни, найти себя в ней и не потерять связь с историей, предками»* [ПМА].

Мальчиков приучали ко всему с раннего детства. Начинали с самого простого – наблюдать за погодой с утра. Интересуясь как бы невзначай, взрослые спрашивали: «С какой стороны дует ветер?» Ребенок жестами показывал, откуда дует ветер. Подрастал – говорил о погоде уже словесно, в зависимости от того, учили ли его необходимым словам. А ведь дети способны к языку с малолетства, хорошо запоминают и быстро учатся говорить на родном языке. Тем более что наставник объясняет спокойно и доходчивым языком. Самое лучшее в воспитании ребенка – пример родителей, старших родственников...» (из повести Вэкэт «Тынэнны» – 2001).

Об этом же говорит и фрагмент стихотворения Вэк'эт «Разговор с морем» (перевод В.А. Грачевой):

Гымнан анкы кэтыннокэн вэты ы'лгу нинэлгигым. Айычгэйнын нымэйнэткин гаколема ныралекэн. Смотрю я на море осеннее, По сердцу мне оно. С шумом морские волны Катят большие камни...	Айычгэйн'а ан'к'ачормын кагмалета малеркынэн. Ивкэ э'птэ гымнин лин'лин' ныйыркэв к'ыкагмалегын. Волны морские Камни ладонью гладят. Хоть бы и мне так Сердце волною «гладить».
---	--

Произведения Вэк'эт включают в учебные программы общеобразовательной системы во внеурочной деятельности, элективные курсы, факультативы по изучению литературы Чукотки. Также с творчеством Валентины Кагъевны знакомят студентов многопрофильного колледжа в дисциплинах национально-регионального компонента.

Благодаря своей уникальной памяти, творчеству, активной роли в передаче знаний, языка и ценностей своих предков, Вэк'эт является подлинным «культурным наследием» Чукотки. Ее имя вошло в Книгу лучших сынов и дочерей России; в 2019 г. ей присвоено звание «Почетный гражданин Чукотского автономного округа». Путь, которым идет Валентина Кагъевна (Вэк'эт) по жизни, во многом тернист. Все в жизни давалось с большим трудом. Но трудолюбие, которое взрастила в дочери мать, вместе с рассказами о жизни предков, помогали в преодолении жизненных трудностей. Свидетельством этому являются государственные награды, почетные звания и уважение земляков. И своим творчеством она продолжает дело родителей, учит детей и внуков, как надо жить в краю вечной мерзлоты.

Основные публикации Вэк'эт (В.К. Итевтегиной)

Вэкэт В. (Итевтегина, Валентина Кагъевна). Танойгайкотльат = Люди, спящие на нерпичьих шкурах: повесть. – Магадан: Кн. изд-во, 1988. – 100 с. – На чук. яз.

Вэкэт В. (Итевтегина, Валентина Кагъевна). Кагъегыргын. – М.: Гном-Пресс, 1997. – 84 с.

В. Вэкэт (Итевтегина, Валентина Кагъевна). Тынэнны: рассказы. – Анадырь: ИД «Чукотка», 2001. – 317 с.

Вэкэт В. (Итевтегина, Валентина Кагъевна). Танойгайкотльат: повесть (на чукот., рус. и англ. яз.): [для детей старшего возраста]. – М.: ИПЦ «Русский раритет», 2012. – 328 с.

Вэкэт В. (Итевтегина, Валентина Кагъевна). Тегрыкеунеут: повесть (на чукот., рус. и англ. яз.): [для детей старшего возраста]. – СПб.: Лема, 2017. – 470 с.

Veget. Peaux de phoque, traduction de Charles Weinstein. – Paris: Autrement, 1988. – 138 p.

Литература

Van Deusen Kira. Raven and Fox / Wood Chips // Raven and the Rock / Transl. Kira Van Deusen. – University of Washington Press; Canadian Circumpolar Institute (CCI) Press, 1999. – P. 23–32.

ПАМЯТИ ДРУГА ЧУКОТКИ: МАЙКЛ КРАУСС – «ДЯДЯ МИША» (1934–2019)

Крупник И.И.

11 августа 2019 г. в Бостоне, США скончался американский лингвист, специалист по языкам коренных жителей Америки, бывший директор Центра по изучению языков коренного населения Аляски, проф. Майкл Краусс. Он не дожидаясь нескольких дней до своего 85-летия, которое готовились отметить его коллеги в разных странах мира, в том числе его друзья на Чукотке.

Краусс был известен как крупнейший специалист по аборигенным языкам Аляски, Чукотки и в целом Крайнего Севера и неутомимый борец за сохранение языков малочисленных народов. Он родился в 1934 г. в г. Кливленде (США) в семье врача. Получил лингвистическое образование в лучших американских университетах и потом пять лет занимался полевым изучением исчезающих языков Западной Европы – ирландского (гэльского), фарерского, исландского. Этот ранний опыт подготовил его к научной карьере в области, которой тогда еще не было в лингвистике, – изучение и документация исчезающих языков малочисленных народов Севера.

В 1960 г. Краусс получил временную позицию преподавателя французского языка в Университете Аляски в г. Фэрбенксе. Всего за несколько лет он полностью сменил свою научную ориентацию. С 1961 г. он стал вести первые курсы по изучению эскимосского языка центральный юпик и начал исследование атапаскских языков народностей танана, танакросс и хан, проживавших в континентальной части Аляски, вокруг Фэрбенкса. В 1960-е гг. Краусс распространил свои интересы на эскимосские и алеутские языки и затем на исчезающий язык эяк, последние носители которого жили в нескольких поселках на побережье южной Аляски. За почти 50 лет работы Краусс пережил своих эякских информантов-старейшин и фактически сам оказался последним носителем этого языка. Итогом его жизни стали монументальная рукопись «Грамматика языка эяк» (почти 900 стр.), полный эякский словарь (3000 стр.) и эмоциональная книга «В память об эяке. Искусство Анны Нельсон Харри» (1982), в который собраны тексты, записанные им от хранителей эякского культурного наследия.

©Крупник И.И., 2020

Краусс сыграл ведущую роль в принятии сенатом штата Аляска в 1972 г. серии законодательных актов, направленных на поддержку языков коренных народов, развитие их изучения и школьного преподавания. На основе одного из этих актов Краусс в 1972 г. создал и до 2000 г. возглавлял специальный Центр изучения языков коренного населения Аляски, где проводилась работа по документации национальных языков, составлению словарей, подготовке учебных материалов, преподавателей и исследователей этих языков, в том числе из представителей аборигенных общин Аляски. Одним из самых известных результатов работы Краусса стала его настенная «Карта коренных народов и языков Аляски» (1974 – фото 1). Она отразила распространение 20 языков коренных народов Аляски и эскимосских языков на Чукотке, а также число их носителей, включая детей. Эта карта выдержала несколько переизданий и доступна на сайте <https://www.uaf.edu/anla/collections/map/>.

Важнейшим наследием Краусса стал также созданный им архив материалов по языкам коренных жителей Аляски при Университете Аляски

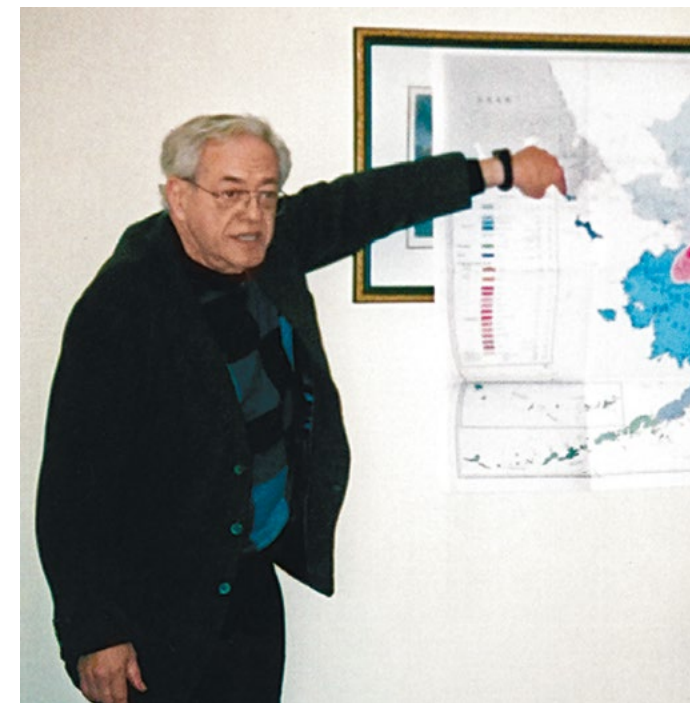

Фото 1. Майкл Краусс демонстрирует древние эскимосские контакты на Чукотке в докладе на конференции “Reversing Language and Knowledge Shift in the North”. Квебек, Канада, октябрь 2004 г. (фото И. Крупника)

в Фэрбенксе (Alaska Native Language Archive – <https://www.uaf.edu/anla>), который теперь носит его имя. Этот архив содержит крупнейшую за пределами России (если не в мире) коллекцию печатных и рукописных материалов по эскимосским и алеутским языкам российского Дальнего Востока. Эти материалы Краусс самоотверженно собирал, начиная с 1970-х гг., в том числе во время своих неоднократных приездов в СССР и благодаря обширным контактам с советскими, впоследствии российскими учеными, преподавателями и активистами из среды коренных народов Чукотки и Камчатки. В 1991 г. он сделал знаменитый научный доклад «Языки мира в кризисе» («The World's Languages in Crisis»; напечатан в 1992 г.), который в прямом смысле перевернул отношение ученых-лингвистов к судьбе исчезающих малочисленных языков.

Краусс прекрасно знал литературу по языкам народов Севера России, свободно читал по-русски и очень активно поддерживал научные и личные контакты между учеными и самими носителями языков на обеих сторонах Берингова пролива. Он впервые приехал в Россию (тогда в СССР) в 1975 г. и затем приезжал неоднократно: в 1978 и 1979 г. как участник совместного проекта Академии наук СССР и американской организации IREX по изучению культурных контактов народов Северной Азии и Северной Америки, в 1985 и 1989–1990 гг. в Москву, Ленинград для работы в библиотеках и архивах. В 1985 г. на московской квартире одного из авторов этого сборника, М.А. Членова, произошла встреча Краусса с двумя специалистами по языкам азиатских эскимосов – методистом и педагогом Л.И. Айнаной из Провиденция (см. статью Д. Опарина) и диктором эскимосской редакции Анадырского радио науканкой А.А. Вербицкой. Краусс рассказывал им о преподавании эскимосских языков на Аляске, о работе своего Центра, делился изданиями на эскимосском языке юпик о. Св. Лаврентия. В 1990 г. он встречался со студентами-северянами из Института им. А.И. Герцена в Ленинграде.

В 1988 г. Краусс впервые побывал на Чукотке в составе знаменитого «рейса дружбы» (Friendship Flight) из Нома в пос. Провиденция. Здесь он встретился с большой группой советских эскимосов, участвовал в их контактах с родственниками с о. Св. Лаврентия. Ответный визит эскимосов Чукотки летом 1990 г. на 7-ю Инуитскую научную конференцию в Фэрбенксе (фото 2) завершился большим приемом в доме Краусса, на котором гости и хозяева по очереди танцевали вместе под звуки чаплинских и лаврентьевских бубнов. Последний раз Краусс был на Чукотке в 2013 г. как участник конференции «Дни Берингии» в Анадыре (фото 3).

Список научных работ Краусса из многих десятков статей, научных и учебных материалов, словарей включает более двух десятков тек-

Фото 2. Майкл Краусс среди участников 7-й Инуитской научной конференции, Фэрбенкс, август 1990 г. Слева направо: Chuna McIntyre (Eek, Alaska), Margaret Lantis (1906–2006), М. Краусс, М.Я. Жорницкая (Москва)

Фото 3. Майкл Краусс (в третьем ряду в центре за женщиной в коричневой камлейке) среди участников конференции «Дни Берингии» в Анадыре (сентябрь 2013 г. – nps.gov/ru-ru/subjects/beringia/events.htm)

стов, специально посвященных языкам азиатских эскимосов, их научному изучению, судьбе языков коренных народов Севера. Из них лишь 4 опубликованы по-русски: «Языки коренного населения Аляски – прошлое, настоящее и будущее» (1981); «Введение», «Библиография» и «Названия мест» в «Словаре языка науканских эскимосов» (2004) (см. Приложение). Он был инициатором многих совместных начинаний в этой области, в том числе создания «Словаря языка науканских эскимосов», изданном в двух вариантах – английско-науканском и русско-науканском под редакцией науканской эскимоски Е.А. Добриевой, российского лингвиста Е.В. Головки, самого Краусса и его американского коллеги Стивена Джейкобсона, а также полного словаря языка эскимосов-юпик о. Св. Лаврентия и юго-восточной Чукотки. Последний был издан в двух томах и содержит обширный слой лексики эскимосов Чукотки (Jacobson et al., 2008).

Краусс был неутомим в поддержке начинаний по совместному изучению и развитию северных аборигенных языков. Его последний крупный международный проект – «Документация языков Аляски и сопредельных территорий» (Documenting Alaskan and Neighboring Languages, 2007–2015), с участием американских, российских, канадских, японских ученых, ставил целью издать полные словари и завершить детальную лингвистическую документацию 13 языков Аляски, включая исчезнувший аттуанский алеутский язык, исчезающий русский «креольский» язык о. Кадьяк и сел. Ненильчек в южной Аляске, а также издание архивной рукописи фольклорных текстов эскимосов Чукотки, записанных в 1940 г. Е.С. Рубцовой. Эта рукопись недавно вышла в свет под редакцией Н.Б. Вахтина.

На протяжении своей почти 60-летней деятельности по изучению и поддержке языков северных народов Краусс неизменно следовал трем главным принципам: во-первых, каждый язык, даже самой малочисленной группы, является уникальной и незаменимой частью общечеловеческого знания и культурного наследия и потому заслуживает систематической поддержки на всех уровнях; во-вторых, для сохранения малочисленных языков огромную роль играет создание письменности и возможность их носителей писать, получать образование и читать литературу на родном языке. Краусс сам разработал письменность на языке эскимосов о. Св. Лаврентия и вел курсы по обучению жителей острова грамотности на родном языке. В-третьих, умение читать (и писать) помогает сохранению языка лишь в том случае, когда на нем имеется доступная и культурно значимая для его носителей литература, а не только учебники, словари, детские книжки или политические буклеты. Краусс внес

огромный личный вклад в практическое воплощение этих принципов, особенно для сохранения языков коренных жителей Аляски и отчасти Чукотки.

Профессор Краусс обладал энциклопедическими научными и общегуманитарными знаниями, огромным профессиональным авторитетом и широкой международной известностью как борец за сохранение языков аборигенных народов. Он был той самой «библиотекой», которая, как часто говорят на Севере, исчезает с уходом старейшины. Его роль как защитника языков коренных народов и живого «моста» между учеными и носителями аборигенных языков Аляски и Чукотки поистине бесценна. Встречаясь с российскими эскимосами, он неизменно называл себя по-русски «Дядя Миша», и таковым его запомнили друзья в Провиденция и в Анадыре. Он всегда был доброжелателен, готов прийти на помощь, щедр в поддержке любых начинаний по сохранению национальных языков и тверд в своих обещаниях. Он был большим другом жителей Чукотки и моим личным другом много лет, с конца 1970-х гг. Когда мы встретились за несколько дней до его ухода, он вспоминал свой приезд в Провиденция в 1988 г. и просил передать привет всем, кто помнит его на Чукотке, особенно Л.И. Айнане. Задача его коллег – сохранить профессиональное и этическое наследие Майкла Краусса, продолжить его деятельность не только на Аляске, но и на Российском Севере.

Список работ М. Краусса по аборигенным языкам Чукотки, изучению и преподаванию языков Российского Севера и Аляски

Полный список работ М. Краусса до 2005 г. напечатан в специальном юбилейном выпуске журнала *Etudes / Inuit / Studies* 2005, 29 (1–2), опубликованном к его 70-летию.

Eskimo and Aleut // *Current Trends in Linguistics*. – 1973. – 10 (2). – P. 796–902. The Hague: Mouton (включает первый подробный очерк изучения эскимосских и алеутских языков и книгопечатания на этих языках на территории СССР с обширным списком источников).

E.S. Rubtsova (Е.С. Рубцова) // *International Journal of American Linguistics*. – 1974. – 40. – P. 44–46.

Language Center (машинописный каталог опубликованных и архивных материалов, опубликованных в 1932–1965 гг. на языках азиатских эскимосов и на Аляске на языке эскимосов о. Св. Лаврентия). – 1974. – 44 с.

Native Peoples and Languages of Alaska (Карта, включает языки азиатских эскимосов на Чукотке). – Fairbanks: Alaska Native Language Center, 1974. – (2-е издание 1982).

St. Lawrence Island Eskimo Phonology and Orthography // *Linguistics*. – 1975. – 152. – P. 39–72 (первый опыт лингвистического описания языка эскимосов о. Св. Лаврентия с использованием материалов и изданий советских эскимологов-лингвистов).

Eskimo-Aleut and Na-Dene // *The Languages of Native America: Historical and Comparative Assessments* / eds. Lyle Campbell and Marianne Mithun. – Austin and London: University of Texas Press, 1979. – P. 803–901.

Alaska Native Languages: Past, Present, and Future // *ANLC Research Papers* 4. – Fairbanks: Alaska Native Language Center, 1980. – 110 p.

Языки коренного населения Аляски: прошлое, настоящее и будущее // *Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки* / ред. В.П. Алексеев. – М.: Наука, 1981. – С. 149–181.

In Honor of Eyak: The Art of Anna Nelson Harry. – Fairbanks: Alaska Native Language Center, 1982. – 165 p.

For G.A. Menovshchikov (К 70-летию Г.А. Меновщикова) // *Etudes/Inuit/Studies*. – 1982. – 6 (1). – P. 127–129.

A History of the Study of Yupik Prosody // *Yupik Eskimo Prosodic Systems: Descriptive and Comparative Studies* / ed. Michael E. Krauss. *ANLC Research Papers* 7. – Fairbanks: Alaska Native Language Center, 1985. – P. 7–24.

Sirenikski and Naukanski // *Ibid.* – Fairbanks: Alaska Native Language Center, 1985. – P. 175–90.

The Position of Naukanski in Yupik: Manuscript. – Fairbanks: Alaska Native Language Center, 1986. – 20 p. (первое описание положения науканского языка в системе эскимосских языков юпик).

Many Tongues – Ancient Tales // *Crossroads of Continents: Cultures of Siberia and Alaska* / eds. William W. Fitzhugh and Aron Crowell. – Washington, DC: Smithsonian Institution, 1988. – P. 144–150.

Alaska-Chukotka Language Connections (доклад, представленный на Circum-Pacific Prehistory Conference). – Seattle, 1989. – 14 p.

The History of Russian-Soviet Eskimo-Aleut Linguistics and Foreign Relations (доклад, представленный на 7-й Инуитской научной конференции). – Fairbanks, 1990.

The World's Languages in Crisis // *Languages*. – 1992. – 68 (1). – P. 4–10.

The earliest recorded Alaskan Eskimo word (kuxta 1732). – Fairbanks, Alaska Native Language Center, 1993. – 14 p. (Рукопись с анализом слов, зафиксированных в отчете экспедиции Федорова-Гвоздева 1732 г. в Беринговом проливе).

Crossroads? A Twentieth-Century History of Contacts across the Bering Strait // *Anthropology of the North Pacific Rim*. / eds. William W. Fitzhugh and Valérie Chaussonnet. – Washington, DC: Smithsonian Institution, 1994. – P. 365–79.

Sirenikski Y – and Proto-Eskimo *Ñ- // *Acta Linguistica Hafniensia*. – 1994. – 27 (2). – P. 323–341.

Inuit, Yupik, and Aleut Peoples and Languages (Map). – Fairbanks: Alaska Native Language Center, 1995.

The Russian Language in Alaska and in Alaska Native Languages // *Atlas of Languages of International Communication*. – 1996. – 2 (1). – P. 1209–1212.

The Indigenous Languages of the North: A Report on Their Present State (Special Report for the UNESCO Commission) // *Northern Minority Languages: Problems of Survival* / eds. Hiroshi Shoji and Juha Janhunen. *Senri Ethnological Studies*. – Osaka: National Museum of Ethnology, 1997. – 44. – P. 1–34.

Bering 1728 and Gvozdev 1732 (Доклад, представленный на конференции Science Under Sail: Russian Explorations in the North Pacific, 1728–1867. – Anchorage: Cook Inlet Historical Society Symposium, 2000. – 10 p.

The Languages of the North Pacific Rim, 1897–1997, and the Jesup Expedition // *Constructing Cultures Then and Now. Celebrating Franz Boas and the Jesup Expedition* / eds. Laurel Kendall and Igor Krupnik, *Contributions to Circumpolar Anthropology* 4. – Washington, DC: Arctic Studies Center, 2003. – P. 211–221.

Словарь языка науканских эскимосов / *Naukan Yupik Eskimo Dictionary (English and Russian parallel versions)* / сост. Е.В. Головки, Е.А. Добриева, С. Джейкобсон и М. Краусс. – Fairbanks, Alaska Native Language Center, 2004. – 369 p.

Введение // *Словарь языка науканских эскимосов* / сост. Е.В. Головки, Е.А. Добриева, С. Джейкобсон и М. Краусс. – Fairbanks: Alaska Native Language Center, 2004. – С. v–xiv.

Библиография // Словарь языка науканских эскимосов / сост. Е.В. Головки, Е.А. Добриева, С. Джейкобсон и М. Краусс. – Fairbanks: Alaska Native Language Center, 2004. – С. xxv–xxx.

Названия мест // Там же. – С. 319–369.

Eskimo Languages in Asia, 1791 on, and the Wrangel Island-Point Hope Connection // Etudes/Inuit/Studies. – 2005. – 29 (1–2). – P. 163–185 (анализ распространения эскимосских языков на Чукотке по материалам рукописи К. Мерка 1791 г. и гипотеза о связях жителей побережья Чукотского моря с инуито-язычными эскимосами Пойнт-Хоупа через о. Врангеля).

The Eskimo Language Work of Aleksandr Forshtein // Alaska Journal of Anthropology. – 2006. – 4 (1–2). – P. 114–133 (анализ первых советских букварей и учебников эскимосского языка, подготовленных в 1930-е гг. А.С. Форштейном, Е.П. Орловой и К.С. Сергеевой).

«ТЕКСТЫ НА ЯЗЫКАХ ЭСКИМОСОВ ЧУКОТКИ В ЗАПИСИ Е.С. РУБЦОВОЙ»¹

Крупник И.И.

У этой недавно изданной книги фольклорных текстов эскимосов Чукотки была очень непростая судьба. Ей потребовалось 79 лет (!), целая и немалая человеческая жизнь, чтобы превратиться из толстой стопки рукописных полевых материалов в красиво изданный том с исторической фотографией А.С. Форштейна 1928 г. на обложке (фото 1). Три человека сыграли решающую роль в ее появлении: Екатерина Семеновна Рубцова (1888–1970), собиратель и переводчик эскимосских текстов; Майкл Краусс (1934–2019), директор Центра по изучению языков коренного населения Аляски (см. наст. сборник) и наш современник, российский лингвист-эскимолог Николай Борисович Вахтин, который подготовил тексты Рубцовой к печати. Всем им – глубокая благодарность от коллег-ученых, от носителей эскимосского языка и от тех, кого волнует судьба языков коренных народов Чукотки.

Екатерина Семеновна Рубцова (фото 2) была первоначально сельской учительницей, родом из деревни Русские Чукалы Симбирской губернии. В 1927 г., спасаясь от голодной жизни в Поволжье, она приехала учительствовать на Камчатку и оказалась в алеутской школе на о. Медный. В 1929 г., после полутора лет на Медном, ее направили учительствовать в только что открывшуюся школу в эскимосском селении Имтук, недалеко от бухты Провидения. Там она проработала три года, включая переезд вместе со своими учениками и всеми жителями Имтука в соседний поселок Сирынык (современные Сиреники). В 1933 г. вернулась «на материк» и поступила учиться в Педагогический институт им. Герцена в Ленинграде. Закончила его в 1938 г. в возрасте 50 лет и после этого стала профессионально заниматься языком азиатских эскимосов, который выучила в свои учительские годы. Несколько раз приезжала на Чукотку; в годы войны преподавала в Анадырском педучилище русский и эскимосский язык. Потом работала в Институте языкознания АН СССР в Ленинграде до выхода на пенсию в 1964 г.

©Крупник И.И., 2020

¹Подготовка к печати и редакция Н.Б. Вахтина. – СПб.: Арт-Экспресс, 2019. – 868 с.

Тексты на языках эскимосов Чукотки

в записи Е. С. Рубцовой

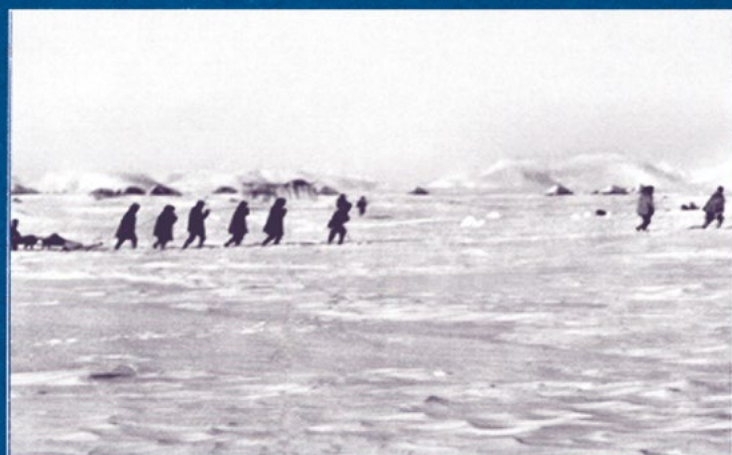

Фото 1. Обложка книги Е.С. Рубцовой

За свою долгую жизнь Е.С. Рубцова издала фактически две книги – «Материалы по языку и фольклору эскимосов: чаплинский диалект. Часть 1» (1954, 556 стр.) и «Эскимосско-русский словарь», включающий более 19 тыс. эскимосских слов, грамматических форм и выражений. Он вышел из печати в 1971 г., уже после смерти его автора, и известен теперь каждому человеку, который когда-либо имел отношение к языку азиатских

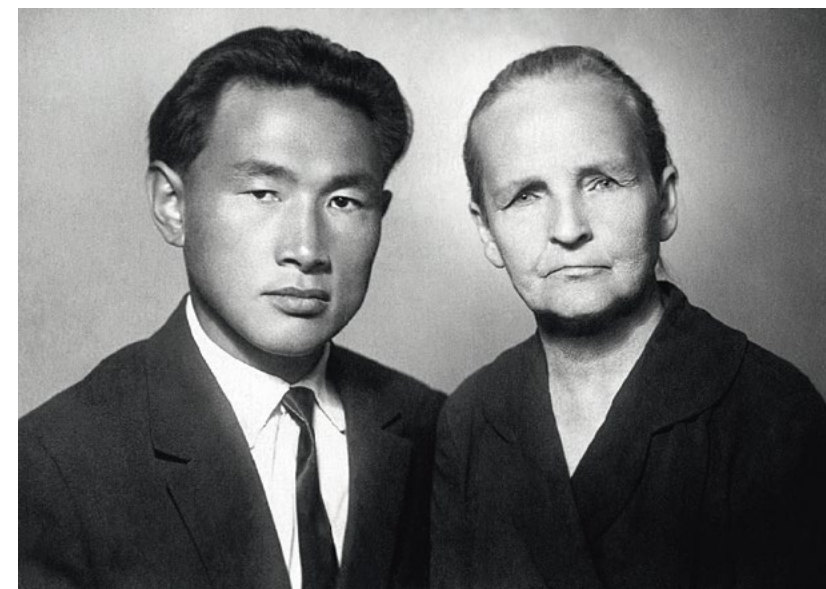

Фото 2. Е.С. Рубцова со студентом-эскимосом Владимиром Ятта в Ленинграде, 1950-е гг. Фото из личного архива²

эскимосов, точнее – его чаплинскому диалекту. Первая книга – «Материалы», содержала 45 текстов на эскимосском языке с построчным русским переводом, которые Рубцова записала зимой 1940 г. в сел. Ун'газик' (Старое Чаплино) от слепого рассказчика Айвухака (Айвых'ак'), которому тогда было около 25 лет. Помимо удивительного богатства эскимосского языка текстов Айвухака, целой серии этнографических приложений к тому с рисунками и терминологией традиционных предметов охоты, одежды и быта эскимосов, книга имела интригующую деталь в самом ее названии – «Часть 1». Это означало, что где-то, в личных материалах Рубцовой или в архиве Института языкознания, имеется еще одна рукопись или необработанные материалы, которые должны были, по замыслу автора, составить «Часть 2» рубцовского собрания эскимосских текстов.

О том, что «второй том» Рубцовой действительно существовал, после ее смерти знали всего несколько человек. Мой соавтор по работам среди азиатских эскимосов в 1970–1980-е гг. М.А. Членов узнал об этой рукописи от соратника Рубцовой, покойного лингвиста-эскимолога Г.А. Меновщикова (1911–1991). В конце 1970-х гг. мы с Членовым приезжали в Ленинград и читали в Институте языкознания машинописные переводы текстов «вто-

²Во время своей лингвистической работы в с. Чаплино на Чукотке Рубцова жила в яранге Утатауна, дяди В.Н. Ятта. Фото с сайта <https://multiurok.ru/files/istoriia-chaplinskoi-shkoly-1916-2016.html>

рого тома» Рубцовой с лежащими в тех же папках эскимосскими оригиналами. Они разительно отличались от опубликованных в 1954 г. текстов Айвухака прежде всего разнообразием рассказчиков и сюжетов. Отрывки из некоторых текстов мы привели в нашей книге «Китовая аллея. Древности островов пролива Сенявина» (1982), но сделать большее для пропаганды и публикации полного собрания текстов Рубцовой было не в наших силах.

Решающая инициатива в этом принадлежала Майклу Крауссу, который, очевидно, узнал о существовании неопубликованных текстов Рубцовой от того же Меновщикова во время своего первого визита в Институт языкознания в 1975 г. Краусс неоднократно приезжал после этого в Ленинград и каждый раз, насколько мне известно, заводил разговор о важности издания текстов Рубцовой. Но найти необходимые для этого ресурсы он смог только в 2007 г., когда Национальный научный фонд США (National Science Foundation) выделил средства на большой проект под руководством Краусса под названием «Международный полярный год: Документация языков Аляски и соседних территорий». Эти «соседние территории» понадобились Крауссу для того, чтобы включить в грант деньги на издание неопубликованных рукописей Рубцовой. Задачу эту взял на себя российский эскимолог Н.Б. Вахтин, специалист по грамматике и лексике языка чаплинских эскимосов, автор многих книг и учебных пособий по преподаванию эскимосского языка. Результаты более чем 10-летней работы Вахтина по подготовке к изданию текстов Рубцовой теперь представлены читателям.

Новый том фольклорных материалов Рубцовой содержит 62 текста: 60 на чаплинском диалекте, притом в его разных вариантах, и 2 – на науканском языке, а также более 130 коротких «песен» и заговоров. Он включает Предисловие Н.Б. Вахтина с биографическим очерком Рубцовой и рассказом о работе над текстами, два «приложения» – образец текста с морфологическим членением и «Сведения о рассказчиках» Рубцовой (подготовленные И. Крупником) и список литературы. В отличие от «первого тома» 1954 г. в новой книге все тексты даны с пофразной разбивкой и подстрочным русским переводом эскимосского оригинала, что очень облегчает чтение и работу с книгой, особенно для тех, кто не может свободно читать на эскимосском языке.

Рискну сказать, что у нового тома текстов Рубцовой будет две очень разные группы читателей. Одна – относительно немногочисленная, будет включать тех, кто может насладиться богатством «старого» эскимосского языка, каким его записала Рубцова от людей, родишихся в конце XIX или самом начале XX в. Теперь такого богатого языка просто нет (о чем

с сожалением пишет в Предисловии сам Вахтин). Но для тех, кто способен оценить образность, грамматику и даже музыку родного языка, это будет эмоциональное чтение, раскрытие целого мира, познание того, как когда-то жили предки – до «колхозов», до «строительства новой жизни», со своей суровой этикой, философией и эскимосскими правилами общественного бытия. Все эти качества делают новую книгу Рубцовой ценнейшим учебным пособием для всех, кто хочет сохранить или расширить свои знания эскимосского языка или попытаться выучить его во взрослом возрасте с некоторыми навыками чтения по-эскимосски и используя подстрочный русский перевод.

Потенциально намного большая аудитория у новой книги состоит из тех, кто будет читать ее по-русски (или преимущественно по-русски) как источник по истории и культуре азиатских эскимосов-юпик. Тексты Рубцовой открывают огромное богатство традиционной социальной жизни, исторической географии и народных знаний – об охоте, животных, правилах поведения, питании и повседневном быте, войне, уважении к старшим, соперничестве и спортивных состязаниях, нормах выживания в суровых условиях Севера. В текстах фигурируют названия давно исчезнувших поселков; прежних мест, где раньше жили азиатские эскимосы; направления их поездок, военных набегов и торговых экспедиций. Читателям открывается поистине «энциклопедия народной жизни», притом в завлекательной и необычной форме, совершенно не похожей на научные исторические и этнографические сочинения.

После всех хвалебных слов – небольшая доза реальности. Книга Рубцовой издана в Санкт-Петербурге издательством «Арт-Экспресс» тиражом всего **70 (семьдесят!)** экземпляров. Большинство их разойдется по центральным библиотекам и ученым-специалистам; на Чукотку попадут считанные экземпляры. Поэтому научные и педагогические силы округа должны приложить все усилия, чтобы сделать новую книгу широко доступной для читателей Чукотки – путем выделения средств на допечатку экземпляров для школ и библиотек округа либо на размещение книги в электронном варианте на сети или специальных сайтах Чукотского института развития образования или Публичной библиотеки им. В.Г. Тан-Богораза. Можно подумать об «облегченном» издании некоторой части текстов, вместе с предисловием и приложениями – например, через Чукотский многопрофильный колледж или Чукотское отделение Циркумполярного совета инуитов (ИСС). Тексты Рубцовой ждали почти 80 лет, чтобы стать доступными для читателей; теперь надо сделать все, чтобы они вернулись к тем, кто способен оценить их роль в сохранении родной культуры.

ВОЗВРАЩАЯСЬ К «ТРАДИЦИИ ГОНДАТТИ» (эпилог)

Коломиец О.П., Крупник И.И.

Переход к профессиональному изучению коренных народов Чукотки пришелся на последнее десятилетие XIX в. Он стал результатом накопления данных, новых публикаций и первых систематических исследований жителей края. Ведущая роль в этом принадлежала Н.Л. Гондатти и В.Г. Богоразу, деятельность которых протекала примерно в одни и те же годы (1894–1897 – см. Предисловие). Богораз смог вернуться на Чукотку еще раз в 1900–1901 гг. в составе Джесуповской экспедиции Американского музея естественной истории (Krupnik, 2017)¹.

Научный подход и полевые методы Гондатти и Богоразы были очень близки. Оба они изучали численность и размещение коренного населения, его обычаи, культуру и языки; собирали этнографические коллекции для музеев; анализировали экономические и социальные отношения местных жителей и влияние на них русской администрации и растущих торговых связей с внешним миром. Оба участвовали в первой Всероссийской переписи населения 1897 г. или предоставили свои статистические данные для ее разработки и публикации (Патканов, 1912).

Между Гондатти и Богоразом в их годы работы на Чукотке были, конечно, «стилистические» расхождения. Гондатти принадлежал к когорте просвещенных сибирских администраторов, которые оставили детальные описания положения дел на Чукотке и российском Дальнем Востоке (А.А. Ресин, Н.В. Слюнин, А.В. Олсуфьев, А.А. Прозоров, П.Ф. Унтербергер и др.). Богораз, ученый-самоучка, был склонен к широким обобщениям и эволюционистским интерпретациям, особенно в области религии и социальной организации северных народов (Арзютов, Кан, 2013: 53–54).

Как уже отмечалось (см. Предисловие), судьбы Гондатти и Богоразы разошлись в последующие десятилетия. Первый стал царским чиновни-

ком высокого ранга, дослужившись до генерал-губернатора Приамурского края. Вторым остался либеральным журналистом и писателем, бывшим ссыльным под надзором полиции. Тем не менее, благодаря своей энергии и помощи американского антрополога Франца Боаса, Богораз смог издать почти все собранные им этнографические, фольклорные и лингвистические материалы, что сделало его международно признанным экспертом по народам северо-востока Азии. Напротив, Гондатти, по занятости или другим причинам, не удалось полностью обработать свои чукотские данные. Его опубликованное наследие ограничилось четырьмя статьями в «Записках» Приамурского отдела РГО (1897–1898), которые с тех пор не переиздавались и известны только узкому кругу специалистов-историков и этнографов. Неудивительно, что имя Богоразы сегодня знают все, а вклад Гондатти оказался почти полностью забыт.

Цель нашего краткого Эпилога – проанализировать судьбу «наследия Гондатти» и показать, в какой мере с ним связано развитие современной этнографической науки о Чукотке.

«ПРИКЛАДНОЕ СЕВЕРОВЕДЕНИЕ» В РАННЮЮ СОВЕТСКУЮ ЭПОХУ

Две революции, произошедшие в России в 1917 г., радикально поменяли положение Гондатти и Богоразы. В марте 1917 г. уже «бывший» генерал-губернатор Гондатти был арестован и вызван в Петроград, но затем выпущен на свободу. В октябре 1918 г. он прибыл с семьей в г. Харбин в северном Китае, где прожил до своей смерти в 1946 г. (см. Предисловие). Его дальнейшее влияние на развитие знаний о Чукотке было минимальным.

Напротив, Богораз в 1918 г. стал штатным сотрудником Музея антропологии и этнографии, а с 1921 г. – также профессором ряда ленинградских вузов², в том числе созданного по его инициативе в 1929 г. Института народов Севера. Он был одним из инициаторов создания Комитета содействия народам северных окраин («Комитет Севера») в 1924 г. при Президиуме ВЦИК и оставался членом его руководства до упразднения Комитета в 1935 г. Его влияние на развитие советского североведения и формирование научной и государственной политики в отношении народов Севера было огромным. До самой смерти в 1936 г. он был директором основанного им Музея истории религии и оставался патриархом этнографической науки о Чукотке.

© Коломиец О.П., Крупник И.И., 2020

¹О полевой работе Гондатти на Чукотке – см. Предисловие; анализ полевых исследований Богоразы на Колыме в 1895–1897 гг. и Чукотке в 1900–1901 гг. см. Арзютов, Кан, 2013; Krupnik, 1996, 2017.

²О судьбе В.Г. Богоразы после революций 1917 г. см. Михайлова, 2004; Кан, 2007; Крупник, 2008; Лярская, 2016; Vakhtin, 2016; Krupnik, 2017.

В 1920-е гг. Богораз был среди тех, кто реально определял, что должна изучать новая советская наука о Севере. В это время бывший революционер-народник сам оказался в положении «просвещенного администратора» или советника администрации. Его подход к управлению северными народами и задачам этнографии неожиданно оказался близок к взглядам Гондатти тридцатилетней давности³. Совпадали и некоторые предлагаемые Богоразом и его соратниками по Комитету Севера меры, такие как создание факторий, налаживание местного самоуправления, организация торговли, присылка нужных населению товаров и сбор статистических материалов.

Богораз был активным сторонником проведения Похозяйственной переписи северных районов СССР (так называемой Приполярной переписи), проходившей в 1926/27 г. в удаленных областях Севера и Дальнего Востока. Проведение переписи 1926/27 г., как и серии региональных обследований в последующие годы, привело к невиданному прежде притоку информации об экономике, демографии и быте жителей Крайнего Севера – от Баренцева моря до Чукотского полуострова⁴. Последовавшая в начале 1930-х гг. коллективизация северных народов потребовала знания их землепользования и отвода пастбищ и промысловых угодий новым «товариществам» и коллективным хозяйствам. Эти задачи были возложены на местные землеустроительные организации и экспедиции Наркомзема (Народного комиссариата земледелия) РСФСР, которые готовили по всему Северу, в том числе по Чукотке, детальные отчеты, карты, списки общин, описания маршрутов кочевания. Скромный эмигрант в Харбине, бывший начальник научно-земельного отдела Китайской Восточной железной дороги Николай Гондатти мог только поражаться масштабом работ в крае, где он провел три года своей жизни.

СТАНОВЛЕНИЕ «АКАДЕМИЧЕСКОГО» СЕВЕРОВЕДЕНИЯ

Период расцвета советского «практического» (прикладного) североведения был недолгим. Комитет Севера был упразднен в 1935 г. После смерти его председателя П.Г. Смидовича его заместитель А.Е. Скачко был репрессирован и умер в лагере. Богораз умер в 1936 г., и за этим последовал

³Взгляды В.Г. Богораза об управлении северными народами изложены в его работах 1920-х гг. – см. Богораз, 1921, 1922, 1923а, б; Богораз-Тан, 1925.

⁴О Похозяйственной переписи 1926/27 г. – см. подробнее Поселенные..., 1928; Похозяйственная..., 1929; Итоги..., 1929; Терлецкий, 1930, 1932; Андерсон, 2005; Уральская..., 2013; и др. Наиболее полная библиография работ по результатам Приполярной переписи из многих сотен названий приводится в книге М.А. Сергеева (1955).

разгром созданной им школы. Вскоре был практически уничтожен Институт народов Севера; многие его сотрудники, в прошлом ученики Богораза, были расстреляны или получили длительные сроки заключения. По словам Н.Б. Вахтина, «...с конца 1930-х годов и до второй половины 1950-х говорить об отечественном североведении не приходится: большая часть ученых сидела в лагерях и тюрьмах, немногие оставшиеся жили в постоянном страхе, ежеминутно опасаясь ареста» (Вахтин, 2020: 30).

Еще раньше произошел разгром другого научно-практического направления – краеведения, которое имело давние традиции и очень прочные корни в Сибири. Его «золотой период» (как и у практического североведения) пришелся на 1920-е гг. С конца 1920-х гг. и особенно в 1930-е гг. начались преследования, массовые аресты и затем физическое уничтожение энтузиастов изучения местной истории, культуры, городской и сельской среды. В 1937–1938 гг. существование краеведения было официально запрещено, а его центральные и региональные общественные организации, включая Центральное бюро краеведения, которым до своей смерти руководил все тот же П.Г. Смидович, были распущены как «крайне засоренные врагами народа»⁵.

В те же годы была разгромлена еще одно направление, которое лежало в основе полевых методов Н.Л. Гондатти, – демографическая и экономическая статистика. С конца 1930-х и до самого конца 1980-х гг. было чрезвычайно трудно собирать на местах и публиковать в научных изданиях какие-либо текущие статистические материалы, кроме общих показателей всесоюзных переписей населения и экономических сведений, выдаваемых ЦСУ (Центральным статистическим управлением СССР). В результате само выживание той области науки, где вклад Гондатти был наиболее значимым, т. е. изучение национальных общин на основе систематических наблюдений и самолично собранных экономико-демографических данных, оказалось под угрозой.

На смену «практическому» североведению в СССР пришла другая форма науки о Севере. Она занималась в основном древними миграциями и проблемами этногенеза, происхождением первобытных форм хозяйства и религии, мифологией и фольклором, а в области современного быта северных народов – «классовым расслоением», «пережитками» и «формами эксплуатации»⁶. Огромный полевой опыт и квалификация первого поколе-

⁵О разгромах советского краеведения – см. Шмидт, 2009; Шмидт, б. г.; Козлов, 2013; О ситуации в Сибири – см. Маджаров, Майдачевский, 2000; Шиловский, 2004; Юмина, б. г.

⁶Процесс перехода от конкретных к обобщающим и сильно идеологизированным исследованиям был характерен для советской этнографии в целом; см. подробнее – Слезкин, 1993; Шнирельман, 1993; Алымов, 2007; Арзютов, Кан, 2013.

ния советских североведов, в большинстве учеников Богораза и Штернберга, обеспечили высокий профессиональный уровень подобных исследований. В это новое «североведение» включалось теперь изучение языков малых народов и издание на них учебной литературы и фольклора. В 1940-е и 1950-е гг. к ним добавилось изучение этнической антропологии (Г.Ф. Дебец, М.Г. Левин) и археологии Севера (А.П. Окладников, В.Н. Чернецов, С.И. Руденко, затем М.Г. Левин, Н.Н. Диков, С.А. Арутюнов и Д.А. Сергеев на Чукотке). Достаточно быстро эти области разошлись в свои дисциплинарные подразделения академической науки – этнографию, археологию, антропологию и лингвистику. Это академическое североведение имело мало общего с местным, т. е. по сути – краеведческим подходом, типичным для работ Н.Л. Гондатти.

Такая общая схема нуждается в двух уточнениях. Во-первых, «практическое» североведение было разгромлено, но не уничтожено. Часть его тематики была подхвачена северным охотоведением, зоологией, а затем исследованиями по охране природы и заповедному делу⁷. Во-вторых, в советской науке 1950–1970-х гг. сохранялось небольшое направление так называемой «этнографии современности», девизом которой был интерес к проблемам сегодняшнего дня (Юхнева, 1980). Изучение «современности» у северных народов зачастую использовало эзопов язык описания или уходило в докладные записки для служебного пользования⁸. Оба эти направления послужили основой, на которой «практическое североведение» стало оживать в 1980-е гг. и затем неожиданно возродилась в постсоветское время.

ПРИКЛАДНАЯ ЭТНОЛОГИЯ

В современной российской науке под терминами «прикладная»/«практическая», или «неотложная», этнология чаще всего понимают исследования, направленные на выявление и анализ ситуаций межэтнической напряженности («этнические конфликты»), изучение роли этнических факторов в жизни общества (Лопуленко, 2012). С 1990 г. издается серия трудов под названием «Исследования по прикладной и неотложной этно-

⁷ Специально для Чукотки см. Орловский, 1928а, б; Друри, 1933, 1936; Анадырский край, 1935; Шнакенбург, 1935; Васильев, 1936; Материалы..., 1938; Шмит, 1939; Кнопфмиллер, 1940; Архинчеев, 1957; Калтан, 2008; и др.

⁸ См. подробнее: Сибирский..., 1962; Преобразования..., 1970; Этнологическая..., 2004–2006; Батянова, 2017; для Чукотки см. Смоляк, 1957; Леонтьев, 1973; Вольфсон, 1979; Михайлова 1980, 1986; Леонтьев, 1980; Богословская и др., 1984; Вахтин, 1984; Вольфсон и др., 1985; и др.

логии», в которой имеется уже более 200 выпусков. Тематика таких выпусков разнообразна и охватывает работы по этнодемографии, этноэкономике, этнополитологии, юридической антропологии, межнациональным и межэтническим отношениям, этноконфликтологии, этноконфессиональным проблемам. Особое внимание уделяется этнополитической ситуации в регионах России, социальным и национальным аспектам политических движений, их влиянию на массовое сознание, а также вопросам, связанным с защитой окружающей среды и промышленным освоением территорий аборигенных народов.

В самом общем виде к прикладной этнологии относятся работы не только полевых этнологов (антропологов), но и историков, культурных и ландшафтных географов, юристов и ученых других специальностей, научные интересы которых связаны с проблемами современной жизни и ее модернизацией под влиянием разных процессов, притом необязательно этнических или конфессиональных конфликтов.

Авторам этой книги ближе трактовка прикладной этнологии как изучение социально-экономического и культурного развития через изменения в относительно *небольших общественных ячейках* – общинах, поселках, региональных группах, особенно в среде малочисленных народов. Такие исследования неизбежно затрагивают прикладные аспекты выживания, сохранения устойчивой экономики, культурной традиции, родных языков, привычного культурного ландшафта и форм природопользования. Это предполагает понимание настоящего через глубокое знание повседневной жизни коллектива (общины, группы), о котором пишет исследователь, т. е. не за счет обобщений, обзора источников или социологических опросов, а в ходе наблюдения, часто изнутри, путем «сопереживания» или знания деятельности, духовного мира и поведения людей. Отсюда неизбежен упор на работу в малых группах и с индивидуальными экспертами-информантами, в том числе старейшинами.

В нашем понимании все эти методы прямо связаны с наследием Н.Л. Гондатти. При таком подходе прикладное направление в российской этнологии неизбежно смыкается с областью разгромленного в 1930-е гг. краеведения, возрожденного в конце 1980-х гг. под именем «географии культуры» и изучения «культурного наследия» (Веденин, 2018; Шмидт, б. г.). Оно предполагает также активный сбор экономических и демографических данных на местном уровне. Еще одна его сторона – тесное сотрудничество ученых и местных жителей по вопросам настоящего дня, т. е. исследования, ориентированные на улучшение жизни и управления и представляющие интерес для местных общин.

ВОЗВРАЩАЯСЬ К ГОНДАТТИ? ПРИКЛАДНАЯ ЭТНОЛОГИЯ ЧУКОТКИ В ПОСТСОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ

Работы по прикладной этнологии активизировались на Чукотке и в целом на севере Дальнего Востока в 1980-е гг., благодаря сложившемуся здесь к тому времени сотрудничеству этнологов, биологов, лингвистов, охотоведов, специалистов по охране природы, экспертов и культурных активистов из числа коренных жителей⁹. Полное развитие такое сотрудничество получило уже в постсоветское время.

Современные исследователи Чукотки чаще всего работают именно в парадигме «прикладной» этнологии, изучая различные сферы жизни коренных народов, опыт их взаимодействия с природой, социально-экономические отношения и культурные традиции. Так, этнограф и демограф А.И. Пика (1951–1995, фото 1), автор концепции «неотрадиционализма»

Фото 1. А.И. Пика на вельботе с охотниками с. Новое Чаплино (1983 г.). Справа – моторист Николай Панাগиргин, на корме бригадир Василий Сивухтыкак (фото из личной коллекции Т.И. Пики)

⁹Леонтьев, 1980; Членов, 1980; Богословская и др., 1984; Вахтин, 1984; Пика, 1987; Региональные..., 1987; Крупник, 1989.

(Неотрадиционализм..., 1994), вел исследования на Чукотке с середины 1980-х гг. и погиб во время полевых сборов вместе со своими партнерами по международному проекту «Социальные изменения на Севере: Аляска и Север Дальнего Востока России». Это был образец науки в «духе Гондатти», включавший сбор обширной демографической и экономической информации, анализ прежней политики в отношении коренного населения, скрупулезное изучение современных условий жизни в поселках и прочные связи с местными экспертами в изучаемых общинах.

Жители Чукотки хорошо знают имена других ученых, которые работали в крае многие годы в тесном сотрудничестве с местными знатоками истории, национальных традиций и экологического опыта предков. Эти люди: этнограф и писатель В.В. Леонтьев (1928–1988, фото 4), медик и эпидемиолог А.П. Вольфсон (1931–1991, фото 2), эколог и специалист по традиционным знаниям Л.С. Богословская (1937–2015, фото 5) – оставили о себе добрую память в национальных поселках Чукотки. О деятельности одного из таких подвижников – капитана Л.М. Вотрогова (1929–1982, фото 3), рассказано в этой книге. Все они в той или иной степени продолжали наследие Гондатти в содружестве со своими местными партнерами, чьи имена стоят рядом с ними в «золотом фонде» науки о Чукотке, – Николаем Гальгаугье, Николаем Нувано, Петром Тыпыхкаком, Ухсимой, Яковом Армаыргыным, Иваном Сейгутегиным, Панараглыной, Тымневакатом, Айнаной, Вэк'эт и другими героями этой книги. Преимущественно в рамках той же «локальной», т. е. местной, традиции строятся исследования по устной истории народов Чукотки, национальным формам природопользования и местным практикам оленеводства и морского промысла, культурному наследию общин, народным наблюдениям за изменениями климата и животного мира Чукотки¹⁰.

Есть, конечно, и другой уровень – обобщающие труды по истории и развитию народов Дальнего Востока, технологиям оленеводства в Арктике; изучению шаманства, мифологии, этногенеза и общих вопросов эволюции северных культур¹¹. Вполне естественно стремление объединить широкий эмпирический материал и теоретические обобщения, т. е. сочетание обеих традиций. Этот подход чаще всего встречается

¹⁰Пивнева, 1994; Богословская, 2003; Основы..., 2007; Наши..., 2013; Наукан..., 2014; Тропою Борораза, 2008.

¹¹Народы..., 2010; Кочевники..., 2015; Головнев и др., 2018. О разделении современной этнологии на «теоретическую» и «практическую» см. подробную дискуссию – Форум..., 2010.

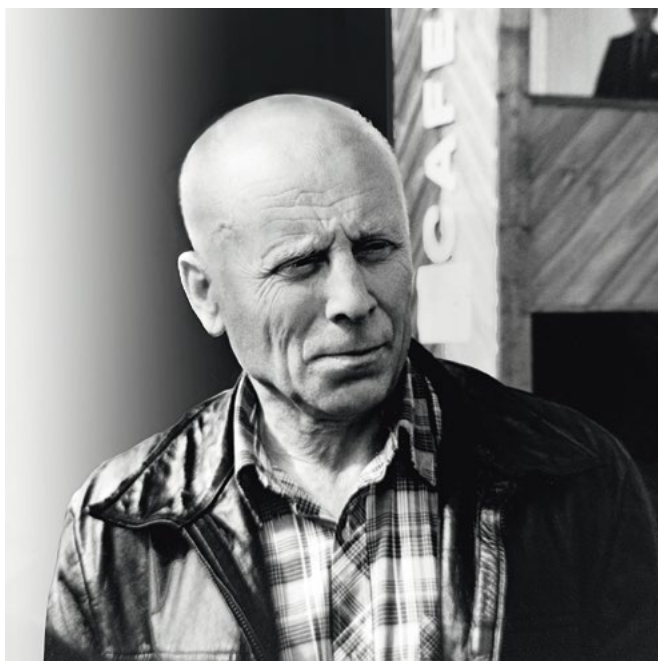

Фото 2. Александр Григорьевич Вольфсон, 1991 г.

Фото 4. Владилен Вячеславович Леонтьев

Фото 3. Леонард Максимович Вотрогов

Фото 5. Людмила Сергеевна Богословская

в публикациях по этнологическому мониторингу, социальной экспертизе, оценке положения коренных народов Арктики в условиях индустриального освоения. Такие работы анализируют влияние техногенных воздействий на среду обитания и традиционный образ жизни коренных северных народов, особенности современного питания северян, судьбу их национальных языков и др.¹²

ПОСЛАНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ

Таким образом, в наши дни обе научные линии в современном североведении: академическая (фундаментальная, или «теоретическая») и краеведческая – вновь стали полноценными направлениями. Они обычно сосуществуют и переплетаются в разных исследовательских темах. Есть понимание, что ученым, работающим на Чукотке, ближе исследования в духе краеведческой традиции, начало которой связано с именем Н.Л. Гондатти.

Именно из таких работ, в которых авторы максимально конкретизируют свои материалы, оценивают их, как правило, на общинном или групповом уровне и выявляют локальные особенности процессов и явлений, составлена эта книга. Для нас важно, что под одной обложкой удалось собрать результаты изучения народных знаний, методов чукотского оленеводства, развития музейного дела в округе, состояния языковой среды, сохранения этнической памяти и культурного наследия. Несмотря на кажущуюся мозаичность тем, все их можно назвать «прикладными». Все они отражают сегодняшнюю или недавнюю этнографическую реальность и взгляд с позиций национальных общин и конкретных людей, описываемых в книге, т. е. то, что один из наших рецензентов образно назвал «понимающей этнографией».

Хочется верить, что, благодаря такому сотрудничеству ученых, любящих Чукотку, и ее жителей, для которых она является «родным домом», направление прикладной этнологии в изучении края будет развиваться. Сегодняшняя книга – пример того, что традиции, заложенные 125 лет назад Н.Л. Гондатти, находят свое продолжение в XXI в.

* * *

Авторы выражают искреннюю благодарность коллегам-североведам – Н.Б. Вахтину, А.А. Сириной и Е.А. Пивневой за ценные замечания и дополнения к Эпilogу. Мы также признательны Е.С. Богословской, И.И. Романовой и Т.И. Пике за предоставленные фотографии.

¹²Новикова, 2014; Тишков и др., 2016; «Ресурсное...», 2019.

Литература

Алымов С.С. На пути к «древней истории народов СССР»: малоизвестные страницы научной биографии С.П. Толстова // Этнографическое обозрение. – 2007. – № 5. – С. 125–144.

Арзютов Д.В., Кан С.А. Концепция поля и полевой работы в ранней советской этнографии // Этнографическое обозрение. – 2013. – № 6. – С. 45–68.

Архинчеев И.С. Материалы для характеристики социальных отношений чукчей в связи с социалистической реконструкцией хозяйства // Тр. Ин-та этнографии: Нов. сер. – Т. 35. – № 2. – Сибирский этнографический сборник. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. – С. 43–98.

Батьянова Е.П. Северная экспедиция Института этнографии и ее роль в развитии советской школы полевого этнографического североведения // Поле как жизнь: К 60-летию Северной экспедиции ИЭА РАН / отв. ред. и сост. Е.А. Пивнева. – М.; СПб.: Нестор-История, 2017. – С. 13–38.

Богораз В.Г. Новые задачи русской этнографии в полярных областях // Тр. Северной науч.-промысл. экспедиции. – Петроград, 1921. – Вып. 9. – С. 1–30.

Богораз В.Г. О первобытных племенах. Наброски к проекту организации управления первобытными туземными племенами // Жизнь национальностей. – 1922. – № 1. – 130 с.

Богораз В.Г. Об изучении и охране окраинных народов // Там же. – 1923а. – Кн. 3 и 4. – С. 168–177.

Богораз В.Г. Предложения к вопросу «Об изучении и охране окраинных народов» // Там же. – 1923б. – Кн. 11–12. – С. 68–69.

Богораз-Тан В.Г. Подготовительные меры к организации малых народностей // Северная Азия. – 1925. – Кн. 3. – С. 40–50.

Богословская Л.С. Киты Чукотки: пособие для морских охотников. – М.; PROVIDENCIA; Анадырь: Институт Наследия, 2003. – 324 с.

Богословская Л.С., Вотрогов Л.М., Крупник И.И. Гренландский кит в водах Чукотки. История и современное состояние популяции // Морские млекопитающие / ред. А.А. Земский и А.В. Яблоков. – М.: Наука, 1984. – С. 191–212.

Васильев В.Н. Оленьи пастбища Анадырского края // Тр. Аркт. ин-та. – 1936. – Вып. 42. – С. 9–14.

Вахтин Н.Б. К социолингвистическому описанию эскимосских поселений Чукотского полуострова // Лингвистические исследования 1984: Историко-типологическое изучение разнотемных языков. – М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1984. – С. 69–73.

Вахтин Н.Б. Коренное население Крайнего Севера Российской Федерации. – СПб.; Париж: Европейский Дом, 1993. – 96 с.

Вахтин Н.Б. К истории изучения Сибири и Севера в социальном аспекте: материалы к учебнику. – СПб.: Арт-Экспресс, 2020. – 142 с.

Веденин Ю.А. География наследия. Территориальные подходы к изучению и сохранению наследия. – М.: Новый хронограф, 2018. – 472 с.

Вольфсон А.Г., Соловчук Л.Л., Леонтьев В.В., Богословская Л.С. Роль промысла серого кита в формировании образа жизни коренных народов Чукотского

автономного округа: Доклад для Междунар. китобойной комиссии: препринт. – Магадан: ИБПС ДВО АН СССР, 1985. – 263 с.

Головнев А.В., Куканов Д.А., Первалова Е.В. Арктика: атлас кочевых технологий. – СПб.: МАЭ РАН, 2018. – 352 с.

Друри И.В. Анадырское оленеводство // Советский Север. – 1933. – № 5. – С. 74–77.

Друри И.В. Пастбищное хозяйство и выпас оленей у чукок Анадырского района // Тр. Аркт. ин-та. – 1936. – Вып. 62. – С. 105–124.

Иркутское краеведение 20-х: взгляд сквозь годы / ред. А.С. Маджаров, Д.Я. Майдачевский: Материалы регион. науч.-практ. конф. – Иркутск: Иркутский гуманитарный научный фонд и др., 2000. – Ч. 1. – 180 с.

Итоги переписи северных окраин Дальне-Восточного края (1926–1927 г.) с приложением карты северных окраин ДВК / РСФСР, ЦСУ, Дальневосточное краевое стат. отд. – Благовещенск: Типо-литогр. Кн. дело, 1929. – LXVIII. – 296. – 54 с.

Калтан А.И. Отчет по обследованию Чукотского полуострова. 1930/31 г. // Тропую Богораза. Научные и литературные материалы / ред. Л.С. Богословская, В.С. Кривошеков, И.И. Крупник. – М.: Ин-т наследия-ГЕОС, 2008. – С. 284–342. – (Тр. Чукот. филиала СВКНИИ; Вып. 10.).

Кан С. «Мой друг в тупике эмпиризма и скепсиса»: Владимир Богораз, Франц Боас и политический контекст советской этнологии в конце 1920-х – начале 1930-х гг. // Антропологический форум. – 2007. – № 7. – С. 197–230.

Козлов В.Ф. «Огосударствленное» краеведение. История и уроки (По страницам журнала «Советское краеведение». 1930–1936) // Вестник РГГУ. – 2013. – № 9 (110). – С. 53–83.

Кочевники Арктики: текстово-визуальные миниатюры / А.В. Головнев, Е.В. Первалова, И.В. Абрамов и др. – Екатеринбург: Типография «Альфа Принт», 2015. – 132 с.

Крупник И.И. Арктическая этноэкология. Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии. – М.: Наука, 1989. – 272 с.

Леонтьев В.В. Хозяйство и культура народов Чукотки (1958–1970 гг.). – Новосибирск: Наука, 1973. – 177 с.

Леонтьев В.В. Социально-демографические процессы и формирование структуры населения в Чукотском районе Чукотского автономного округа // Комплексное экономическое и социальное развитие Магаданской области в ближайшей и долгосрочной перспективе / Науч.-практ. конф.: тез. докл. и сообщений. – Магадан, 1980. – С. 98–101.

Лопуленко Н.А. Исследования по прикладной и неотложной этнологии (1990–2011 гг.): аналитический обзор неперидического издания. – М.: ИЭА РАН, 2012. – 170 с.

Лярская Е.В. «Ткань Пенелопы»: «проект Богораза» во второй половине 1920-х – 1930-х гг. // Антропологический форум. – 2016. – № 29. – С. 142–186.

Михайлова Е.А. Современное хозяйство эскимосов Сибири и проблема кадров // Этнографические аспекты изучения современности / АН СССР. Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – Л.: Наука, ЛО, 1980. – С. 160–164.

Михайлова Е.А. Место традиций в хозяйственной деятельности морских зверобоев севера Дальнего Востока // Культурные традиции народов Сибири / АН СССР. Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая / отв. ред. Ч.М. Таксами. – Л.: Наука, ЛО, 1986. – С. 178–199.

Михайлова Е.А. Владимир Германович Богораз: ученый, писатель, общественный деятель // Выдающиеся отечественные этнографы и антропологи XX века. – М.: Наука, 2004. – С. 95–136.

Народы Северо-Востока Сибири / отв. ред. Е.П. Батьянова, В.А. Тураев; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. – М.: Наука, 2010. – 773 с.

Наукан и науканцы. Рассказы науканских эскимосов / сост. В.Г. Леонова. – Владивосток: ОАО «ИПК «Дальпресс», 2014. – 212 с.

Наши льды, снега и ветры. Народные и научные знания о ледовых ландшафтах и климате Восточной Чукотки / ред., сост. Л.С. Богословская, И.И. Крупник. – М.: Институт Наследия, 2013. – 360 с.

Неотрадиционализм на Российском Севере (этническое возрождение малочисленных народов Севера и государственная региональная политика) / ред., сост. А.И. Пика, Б.Б. Прохоров. – М.: МНЭПУ, 1994. – 225 с.

Новикова Н.И. Охотники и нефтяники: Исследование по юридической антропологии. – М.: Наука, 2014. – 406 с.

Орловский П.Н. Анадырско-чукотское оленеводство // Северная Азия. – 1928а. – № 1. – С. 45–54.

Орловский П.Н. Год анадырско-чукотского оленевода // Там же. – 1928б. – № 2. – С. 61–70.

Основы морского зверобойного промысла: науч.-метод. пособие / науч. ред. Л.С. Богословская, И.В. Слугин, И.А. Загребин, И.И. Крупник. – М.: Анадырь: Институт Наследия, 2007. – 479 с.

Панченко А.Б. Становление прикладной этнологии в Российской империи: опыт междисциплинарного исследования // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 7 (69). – Ч. 2. – С. 138–142.

Патканов С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.) // Записки Императорского Русского географического общества по отделению статистики; Т. 11 / Т. 3: Иркутская губ., Забайкальская, Амурская, Якутская, Приморская обл. и о. Сахалин. – 1912. – С. 434–999.

Пивнева Е.А. Современная чукотская семья: структура и динамика развития (1970–1980-е годы). – М., 1994. – 138 с.

Пика А.И. Региональные проблемы развития и местное население (на примере районов Крайнего Севера) // Рациональное природопользование на Командорских островах / ред. В.Е. Соколов. – М.: Изд-во МГУ, 1987. – С. 41–50.

Поселенные итоги туземной переписи 1926 г. Камчатский округ. – Владивосток, 1928. – 88 с.

Похозяйственная перепись Приполярного севера СССР 1926/27 года. Территориальные и групповые итоги похозяйственной переписи. – М.: Статиздат ЦСУ СССР, 1929. – С. V–X.

Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера / отв. ред. И. С. Гурвич, Б. О. Долгих. – М.: Наука, 1970. – 280 с.

Пусть говорят наши старики. Рассказы азиатских эскимосов-юпик. Записи 1977–1987 гг. / под науч. ред. И.И. Крупника. – М.: Институт Наследия, 2000. – 528 с.

Региональные проблемы социально-демографического развития / ред. Б.Б. Прохоров. – М.: Ин-т социологических исследований, 1987. – 195 с.

«Ресурсное проклятие» в Сибири и на Дальнем Востоке России: антропологические перспективы / Д.А. Функ, В.В. Поддубиков, Е.В. Миськова и др.; отв. ред. Д.А. Функ. – М.: ООО «Типография «Демос», 2019. – 312 с.

Сергеев М.А. Некапиталистический путь развития малых народов Севера // Тр. Ин-та этнографии АН СССР. – 1955. – Т. 7. – 569 с.

Сибирский этнографический сборник: Очерки по истории, хозяйству и быту народов Севера. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – IV. – 291 с.

Слезкин Ю. Советская этнография в нокдауне: 1928–1938 // Этнографическое обозрение. – 1993. – № 2. – С. 113–125.

Смоляк А.В. Материалы к характеристике социалистической культуры и быта коренного населения Чукотского района // Сибирский этнографический сборник. – М.; Л.: Изд-во АН СССР. – 1957. – Вып. 2. – С. 3–37. – (Тр. Ин-та этнографии АН СССР; Вып. 35).

Терлецкий П.Е. Основные черты хозяйства Севера // Советский Север. – 1930. – № 9. – С. 42–85.

Терлецкий П.Е. Население Крайнего Севера (по данным переписи 1926/27 г.). – Л.: Ин-т народов Севера, 1932. – 65 с.

Тишков В.А., Коломиец О.П., Мартынова Е.П., Новикова Н.И., Пивнева Е.А. и др. Российская Арктика: коренные народы и промышленное освоение. – М.; СПб.: Нестор-История, 2016. – 272 с.

Тропой Богораза: Научные и литературные материалы. – М.: Институт Наследия / ред., сост. Л.С. Богословская, В.С. Кривошеков, И.И. Крупник. – М.: ГЕОС, 2008. – 352 с. – (Тр. ЧФ СВКНИИ ДВО РАН; вып. 10).

Туруханская экспедиция Приполярной переписи: этнография и демография малочисленных народов Севера / Д.Д. Андерсон. – Красноярск: Поликор, 2005. – 448 с.

Уральская экспедиция на Обдорском Севере: Приполярная перепись, 1926–1927 гг. / ред.-сост. Е.М. Главацкая, Ю.В. Ключкина-Боровик. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. – 268 с.

Форум: Теоретические и прикладные исследования (А.К. Байбурин, Ю.Е. Березкин и др.) // Антропологический форум. – 2010. – № 13. – С. 7–144.

Членов М.А. Перспективы экономического и социального развития эскимосов Чукотки // Комплексное экономическое и социальное развитие Магаданской

области в ближайшей и долгосрочной перспективе / Науч.-практ. конф.: тез. докл. и сообщений. – Магадан, 1980. – С. 105–107.

Шиловский М.В. Актуальные вопросы истории и современной практики исторического краеведения в Сибири // Земля Тюменская. – 2004. – Вып. 17. – С. 32–42. – URL: <https://kraeved.lib.tomsk.ru/page/443/> (дата обращения 17.05.2020).

Шмидт С.О. Краеведение в общественной жизни России 1920-х годов // Памятники письменности в культуре познания истории России. – М.: Языки славянских культур, 2009. – Т. 2. – С. 128–142.

Шмидт С.О., б. г. Краеведение // Большая Российская энциклопедия. – URL: <https://w.histrf.ru/articles/article/show/kraieviedeniie> (дата обращения 17.05.2020).

Шнакенбург Н.Б. Пути сообщения Чукотского полуострова // Arctica. – Л., 1935. – Кн. 3. – С. 163–197.

Шнирельман В.А. Злоключения одной науки. Этногенетические исследования и сталинская национальная политика // Этнографическое обозрение. – 1993. – № 3. – С. 52–68.

Этнологическая экспертиза. Народы Севера России / под ред. З.П. Соколовой, Е.А. Пивневой. 1956–1958 годы. – М., 2004; 1959–1962 годы. – М., 2005; 1963–1980 годы. – М., 2006.

Юмина А.Н. О краеведении и не только. – Б. г. (Электрон. ресурс). – URL: <http://bsk.nios.ru/content/o-kraevedenii-i-ne-tolko> (дата обращения 17.05.2020).

Юхнева Н.В. Что такое этнография “современности”? // Этнографические аспекты изучения современности. – Л.: Наука, 1980. – С. 7–15.

Krupnik Igor. The Bogoras Enigma: Bounds of Culture and Formats of Anthropologists // Grasping the Changing World: Anthropological Concepts in the Postmodern Era / ed. Válav Hubinger. – London: Routledge, 1996. – P. 35–52.

Krupnik Igor. Waldemar Bogoras and the Chukchee: A Maestro and a Classical Ethnography // The Chukchee. Pt.1–3. – Fürstenberg / Havel: Kulturstiftung Sibirien, 2017. – P. 9–45.

Vakhtin Nikolai B. Bogoras Project and Yupik Eskimo Linguistics in Russia // Early Inuit Studies: Themes and Transitions, 1850s–1980s / ed. Igor Krupnik. – Washington DC: Smithsonian Institution Scholarly Press, 2016. – P. 193–218.

Архивные источники

Анадырский край (рукопись) // Архив МАЭ. Ф. К-II. Оп. 1. Д. 193.

Вольфсон А.Г. Анализ причин смертности коренного и пришлого населения Чукотского автономного округа: отчет. – Магадан: ИБПС ДВО АН СССР, 1979 (для служебного пользования). – Т. 1–2.

Морской зверобойный промысел Чукотки / Рук. канд. дис. М.О. Кнопфмиллер // Архив МАЭ. 1940. Ф. К-II. Оп. 1. Д. 284.

Материалы Чукотской земэкспедиции Наркомзема РСФСР о хозяйственно-экономическом обследовании Чукотского района // ГАЧАО. 1938. Ф. 3. Оп. 1. Д. 7.

Шмит Э.В. Краткий очерк Чукотской земэкспедиции Наркомзема РСФСР о состоянии развития оленеводства и собаководства в Чаунском районе // ГАЧАО. 1939. Ф. 3. Оп. 1. Д. 9.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Богословская Екатерина Сергеевна – художник-иллюстратор, кинолог. В 1970-х гг. участвовала в биологических экспедициях на Чукотке под руководством Л.С. Богословской. В 2000-х гг. совместно с Л.С. Богословской и Н.Л. Калянто проводила мониторинг популяции аборигенных ездовых собак в национальных поселках Чукотки. Один из авторов стандарта породы чукотская ездовая. Первый президент Российской Федерации ездового спорта, организатор гонок на собаках в Московском регионе и на Чукотке («гонка в честь Кнуда Расмуссена»).

Вуквукай Надежда Ивановна – специалист по чукотской национальной одежде, ее технологическим и символическим элементам, материальной культуре, музейным фондам и современным бытовым традициям народов Чукотки. Родилась и выросла в с. Уэлен. Сотрудник Лаборатории истории и экономики СВКНИИ ДВО РАН в г. Анадырь (с 1994 г.). Автор статей, музейных и телевизионных программ по национальной одежде народов Чукотки, участница проекта СИКУ в 2006–2010 гг.

Загребин Игорь Александрович – по образованию учитель географии и английского языка. На Чукотке с 1982 г. после окончания института. Работал учителем, директором средней школы в с. Новое Чаплино. С 1993 г. работает в Музее Берингийского наследия научным сотрудником (пос. Провидения), в настоящее время – главным хранителем. Работал в природно-этническом парке «Берингия». Сфера интересов: историческая география, традиционное природопользование, ботаника, фенология, наблюдения за изменениями климата, ландшафтная и культурно-историческая фотография. Член Русского географического общества.

Итевтегина Валентина Кагъевна (Вэк'эт) – родилась и выросла в Уэлене. Фольклорист и песенник, писательница, носительница языка и культурных традиций своего народа, признанный мастер по изготовлению национальной одежды. Единственная женщина-романистка, пишущая на родном чукотском языке, автор нескольких книг, лауреат премии Рытхэу (1999). В общественной жизни известна под псевдонимом Вэк'эт. Ее произведения носят этнографический характер и содержат множество бытовых подробностей из жизни береговых жителей Чукотки.

Кобленц Илья Яковлевич – инженер-гидрограф, закончил ЛВИМУ им. адмирала С.О. Макарова. В 1972–2013 гг. работал на Севере: на Ямале, п-овах Явай, Гыдан, Тазовский, о. Таймыр; в 1983–1989 гг. – на Чу-

котке. Участник и организатор 69 гидрографических и геодезических экспедиций, в большинстве в районах Крайнего Севера и высоких широтах Арктики. Автор брошюры «Ремесло штурмана санно-тракторных поездов – мастера ледовых переправ в Арктике» (2016). Награжден значком «Почетному полярнику».

Коломиец Оксана Петровна – историк, этнограф, кандидат исторических наук (2004). Закончила Омский государственный университет, приехала на Чукотку в 2003 г. С 2010 г. работает в Лаборатории истории и экономики СВКНИИ ДВО РАН. Автор статей по этнографии коренных народов Чукотки, соавтор работ, посвященных современным этносоциальным процессам в северных регионах, участница проектов по изучению коренного населения российской Арктики.

Крупник Игорь Ильич – этнограф, эколог, специалист по традиционным культурам народов Севера, куратор арктических коллекций Национального музея естественной истории Смитсоновского института (г. Вашингтон, США). Выпускник географического факультета МГУ, доктор биологических наук (1990), кандидат исторических наук (1977). Автор и составитель многих книг, каталогов и сборников по природопользованию и сохранению культурного наследия жителей Севера. Инициатор и координатор (совместно с Л.С. Богословской) проекта СИКУ на Чукотке в 2007–2010 гг.

Леонова Валентина Григорьевна – уроженка с. Нунымо Чукотского автономного округа. Педагог, специалист по национальным языкам народов Чукотки; работает заместителем директора по вопросам методического сопровождения Чукотского института развития образования и повышения квалификации в г. Анадыре. Разработала Примерную программу по эскимосскому языку для начальной школы (2013), составитель книги «Наукан и науканцы» (2014), участвовала как преподаватель эскимосского (науканского) языка в проекте «Учимся говорить по-эскимосски» (2018).

Моргунова-Швальбе Дарья Николаевна – этнограф-языковед, специалист по межкультурным отношениям и языковой политике Севера России и Аляски. Доцент кафедры языкознания и коммуникации Университета Южной Дании. Закончила Университет Копенгагена (2005); защитила диссертацию на факультете межкультурных и региональных исследований Копенгагенского Университета (2010, тема «Динамика общения по обе стороны Берингова пролива»). Исследования на Чукотке проводит с 2003 г. Автор ряда статей о языковых контактах и сохранении эскимосского языка на Чукотке и Аляске.

Мырин Николай Иванович – биолог-охотовед, специалист по морским млекопитающим и традиционным экологическим знаниям народов Чукотки. Закончил Кировский сельскохозяйственный институт, кандидат биологических наук (2000), диссертация «Динамика природных ресурсов и аборигенный промысел на юго-востоке Чукотского полуострова». Работал в Инспекции рыбоохраны на Командорских островах, на Чукотке (с 1982 г.) и в службе по контролю за морскими млекопитающими в пос. Провидения. Участник международных программ по наблюдениям коренных жителей Чукотки и Аляски за морскими млекопитающими.

Нувано Владислав Николаевич – родился и вырос в с. Ваеги, Чукотского автономного округа. С детства занимался оленеводством, работал пастухом в бригаде своего отца, известного оленевода Николая Нувано. Свободно владеет чукотским языком, знаток оленеводческой практики и традиций южных чукчей. Научный сотрудник Лаборатории истории и экономики СВКНИИ ДВО РАН в г. Анадырь. Автор многих статей по традициям и культуре чукчей-оленеводов, использованию народных знаний в современном оленеводстве

Опарин Дмитрий Анатольевич – этнолог, антрополог религии, кандидат исторических наук (МГУ им. М.В. Ломоносова), старший преподаватель кафедры этнологии исторического факультета МГУ, научный сотрудник Института социальной политики НИУ ВШЭ. Кандидатская диссертация (2015) была посвящена современному ритуальному пространству коренных жителей прибрежной Чукотки (сел Новое Чаплино и Сиреники). Продолжает полевую работу на Чукотке. Автор ряда статей о современной культуре эскимосского населения Чукотки и антропологии Севера.

Расторгуева Ольга Борисовна – директор Музейного Центра «Наследие Чукотки» (г. Анадырь). Специалист-музеевед; закончила Хабаровский государственный институт культуры (1984) и Южный университет (2017). Автор-составитель библиографического указателя «Анадырь» (1989). Работала в Чукотском окружном краеведческом музее с 1989 г., с 1991 г. – главный хранитель; с 1994 по 2002 г. – руководитель Центра охраны культурного наследия Чукотского АО; с 2002 г. – директор объединенного Музейного центра. Награждена грамотами Министерства культуры РФ, Губернатора и Думы Чукотского АО.

Романова Ирина Ивановна – кандидат культурологии, историк, выпускница Дальневосточного государственного университета (Владивосток) и аспирантуры НИИ культурного и природного наследия (Москва). На Чукотке с 1973 г., выпускница анадырской средней школы,

после окончания университета преподавала историю в родной школе. С 1991 г. работает в Чукотском окружном музее (с 2002 г. – Музейный Центр «Наследие Чукотки»), в настоящее время заместитель директора по отраслевым вопросам. Автор серии научных публикаций по музейному делу Чукотки.

Церковникова Екатерина Анатольевна – историк, культуролог, научный сотрудник Лаборатории истории и экономики Северо-Восточного комплексного НИИ ДВО РАН в г. Анадырь. Выпускница Российского государственного педагогического института им. А.И. Герцена (2005). Работала научным сотрудником Музейного Центра «Наследие Чукотки» (2005–2007). Обучалась в Российском государственном гуманитарном университете в аспирантуре (2010). Круг научных интересов сформирован на стыке вопросов культурного наследия народов Чукотки и современного музееведения.

Членов Михаил Анатольевич – этнограф, востоковед, гебраист, этноисторик, специалист по системам родства. Закончил Институт восточных языков (1965), кандидат исторических наук (1969). Сотрудник Института этнографии АН СССР (1969–1995); участник и руководитель этнографических экспедиций в Арктике, Сибири, Средней Азии и Закавказье. На Чукотке работал в 1971–1990 гг.; автор (соавтор И. И. Крупника) многих статей по истории, социальной организации и культуре азиатских эскимосов; соавтор книги «Китовая аллея» (1982).

Шокарев Сергей Юрьевич – историк, кандидат исторических наук (2000 г.), доцент кафедры источниковедения Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва), старший научный сотрудник Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева. С 2005 г. участник Чукотской археологической экспедиции Государственного музея Востока под руководством К.А. Днепровского.

Яценко Оксана Евгеньевна – учитель и этнограф; в настоящее время работает в австралийской компании Tigers Realm Coal Ltd. в г. Анадыре, отвечает за связи с населением. Приехала на Чукотку в 2004 г., работала в с. Новое Чаплино учителем английского языка; проводила исследования в селах Сиреники, Янракыннот, Лорино, Лаврентия и Уэлен. Получила магистерскую степень по культурной антропологии в Университете штата Аляска (2013). Главные интересы – культура морских охотников, знаменитые охотники Чукотки XX и XXI в.

ПРИКЛАДНАЯ ЭТНОЛОГИЯ ЧУКОТКИ: НАРОДНЫЕ ЗНАНИЯ, МУЗЕИ, КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

(К 125-летию поездки Н.Л. Гондатти
на Чукотский полуостров в 1895 г.)

Книга посвящена памяти пионера этнографического изучения Чукотки, второго начальника Анадырской округи Н.Л. Гондатти (1860–1946). Это – первое коллективное научное издание, которое оценивает наследие Гондатти, его вклад в развитие прикладных этнографических знаний и связь «традиции Гондатти» с современными работами на Северо-Востоке России. Книга является результатом сотрудничества двух научных коллективов Чукотки – Лаборатории истории и экономики Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института (СВКНИИ ДВО РАН) и Музейного Центра «Наследие Чукотки», а также группы российских и зарубежных авторов из Анадыря, Провидения, Москвы, Санкт-Петербурга, Вятки, Копенгагена и Вашингтона. Ее авторы – этнографы, историки, музейные работники, специалисты по культурному наследию, родным языкам и национальным традициям народов Чукотки. Всех их объединяют давние связи с Чукоткой и огромная любовь к истории, природе и культуре края.

Задача книги – вернуть имя Гондатти на Чукотку, восстановить его место в изучении народов региона наряду с В.Г. Богоразом и А.Е. Дьячковым. Именно Гондатти должен считаться родоначальником «прикладной этнологии» края и исследования культурных, экономических и этнических процессов сегодняшнего дня, даже если их корни уходят в прошлое. В книге впервые дана развернутая оценка научного вклада Гондатти на основании его публикаций, неизвестного архивного наследия, включая его дневники 1896–1897 гг., которые хранятся сейчас в г. Анадыре, и современного состояния науки о Чукотке. Оценивается роль Гондатти в становлении «общинного» (локального) подхода в изучении этнографии, природопользования, народных традиций и природных ресурсов края. Вводятся новые материалы по народным экологическим знаниям, сохранению национальных языков, музейным коллекциям и другим источникам, истории социальных институтов и национальных общин Чукотки.

Книга посвящена 125-летию обследования Чукотки, предпринятого Н.Л. Гондатти в 1895 г., в ходе 8-месячной поездки из с. Марково на Чукотский полуостров, через устье р. Анадырь, бухту Провидения, мыс

Чаплина, вплоть до с. Уэлен на арктическом побережье. Выбор тем книги в значительной степени повторяет интересы самого Гондатти и основные направления исследований, с которыми связано его научное наследие. Это – народные экологические знания, хозяйственная деятельность и культурные традиции народов Чукотки (Часть 1: статьи Нувано о чукотском оленеводстве, Мырина о местных охотниках – наблюдателях природы, Ященко о возрождении закрытого чукотского с. Аккани, Моргуновой-Швальбе о сохранении эскимосского языка в с. Новое Чаплино; Леоновой о поддержке национальных языков, Богословской о наследии капитана Л.М. Вотрогова и Кобленца о соединении научных и народных знаний о ледовой обстановке).

Гондатти был неутомимым собирателем музейных этнографических коллекций и прекрасным, вдумчивым документалистом. Поэтому в книгу включены материалы о музейных ресурсах Чукотки и архивном наследии самого Н.Л. Гондатти (Часть 2: статьи Коломиец и др. о знаковых предметах чукотской оленеводческой культуры; Расторгуевой об этнографических коллекциях Музейного Центра «Наследие Чукотки»; Коломиец и др. о чукотских дневниках Н.Л. Гондатти). Гондатти был также пионером локального («общинного») подхода в изучении культур и истории коренных жителей Чукотки (Часть 3: статьи Церковниковой о с. Марково, Крупника о коренных жителях Ново-Мариинского поста по описи Гондатти 1896 г., Загребина и Крупника о топонимике и коренных жителях района бухты Провидения, Шокарева и Членова об истории чукотских и эскимосских поселений на Дежневском массиве; Вуквукай и др. о социальной организации чукотской общины с. Уэлен). В книге представлены все главные географические пункты на маршруте Гондатти в 1895 г. («из села Марково... в бухту Провидения»), который привел его к Берингову проливу и Чукотскому морю.

Заключительная часть посвящена «золотому фонду» наследия Чукотки (Часть 4). В ней собраны статьи о двух хранительницах национальной культуры – эскимосском педагоге и культурной активистке Людмиле Айнане и чукотской писательнице Валентине Вэк'эт; некролог ведущего эксперта по национальным языкам народов Аляски и Чукотки Майкла Краусса (1934–2019) и рецензия на только что вышедшую книгу лингвиста Е.С. Рубцовой «Тексты на языках эскимосов Чукотки», которая пролежала в рукописи более 70 лет. В Эпilogue прослежена сложная история развития советской школы североведения в переплетении, временами – в противостоянии двух научных «традиций» – Гондатти и Богоразы и возрождение интереса к наследию Гондатти с подъемом современных работ по «прикладной этнологии» на Чукотке и в целом Северо-Востоке.

Книга предназначена для этнографов, историков, специалистов в области культурного наследия и широкого круга читателей, интересующихся культурой, историей и современной жизнью народов Чукотки.

APPLIED ETHNOLOGY IN CHUKOTKA INDIGENOUS KNOWLEDGE, MUSEUMS, CULTURAL HERITAGE

(Celebrating 125th Anniversary of Nikolai L. Gondatti's
1895 Trip to Chukchi Peninsula)

The book celebrates the life and legacy of one of the pioneers of ethnographic research in Chukotka and its early colonial administrator, Nikolai L. Gondatti (1860–1946). It is the first collection of papers dedicated to Gondatti's legacy that collectively evaluate his contribution to applied ethnographic research in the North and his impact on modern studies of Chukotka Indigenous people. The volume is a joint publication of two area research institutions, the History and Economics Lab of the North-Eastern Interdisciplinary Research Institute (NEISRI FEB RAS) and the "Chukotka Heritage" museum center (both located in Anadyr), as well as of a diverse group of 20 contributors, who live in Anadyr, Provideniya, Moscow, St. Petersburg, Viatka, Copenhagen, and Washington, DC. All contributors, anthropologists, historians, linguists, educators, museum, and heritage professionals, including a strong contingent of area's Indigenous researchers, have long-standing connections to Chukotka and are passionate about its history, nature, local cultures, and languages.

The authors view their prime goal in bringing Gondatti's name 'back' to Chukotka and restoring his due standing in the history of socio-cultural scholarship in the region, next to his better-known contemporaries, Waldemar Bogoras and Afanasyi Dyachkov. Gondatti should be justly credited as one of the pioneers who introduced 'applied' research in Chukotka, at the crossroads of local ethnographic, cultural, economic, and demographic studies. He was a meticulous student of Native life that he observed in the area, as well as the one that preceded him that he documented from people's memories and oral history.

The book is produced on the 125th anniversary of Gondatti's eight-month survey of the Chukchi Peninsula he conducted in 1895. During that trip, Gondatti covered almost 3,500 km traveling by dog-sled, small boat, and steamer, and going from the village of Markovo in the continental Anadyr River valley to the Gulf of Anadyr, Provideniya Bay, Cape Chaplin and up to Bering Strait and the Chukchi village of Uelen on the Arctic shore. Its full story and key scholarly outcomes are, for the first time, evaluated in volume's Introduction by I. Krupnik and O. Kolomiets.

By selecting Gondatti as the book's 'hero,' we also covered the main fields that were key to his professional interests and legacy. These were: Indigenous economies, traditional ecological knowledge, demography, and cultural history. These themes are explored in Part 1 made of seven papers: by V. Nuvano on Chukchi reindeer-herding practices; by N. Mymrin on indigenous marine mammal observers; by O. Yashchenko on recent revival of some formerly abandoned Indigenous sites; by D. Morgounova-Schwalbe on code switch-

ing and preservation of Yupik language in the village of New Chaplino; by V. Leonova on recent public programs in support of Chukotka indigenous languages; by E. Bogoslovskaya on the legacy of Chukotka whaling captain, Leonard M. Votrogov (1929–1982); and by I. Koblents on the interaction of Indigenous and hydrographical knowledge on ice conditions in Chukotka.

Besides his administrative and research duties, Gondatti was a dedicated museum collector, as well as a thoughtful and committed documentalist. To honor his contribution, Part 2 of the book is framed as a thematic section on Chukotka museum resources and Gondatti's personal archival records. It includes three papers: by O. Kolomiets et al., on the ethnographic objects formative to Reindeer Chukchi culture; by O. Rastorgueva on ethnographic collections of the "Chukotka Heritage" museum center in Anadyr; and by O. Kolomiets et al., on Gondatti's unpublished diaries from his sojourns in Chukotka in 1896–1897.

We also credit Gondatti as a pioneer of 'local-scale' (community-focused) research in studying aboriginal histories and local cultures in Chukotka. Part 3 of the book is dedicated to such community-focused research. It includes six papers: by E. Tserkovnikova on the history of the village of Markovo; by I. Krupnik on the first Indigenous residents at the site of today's city of Anadyr, as recorded by Gondatti in 1896; by I. Zagrebin on historical place names around Provideniya Bay and by I. Krupnik on the history of its Yupik residents, the *Avatmiit*; by S. Shokarev and M. Chlenov on historical Chukchi and Yupik sites along the Cape Dezhnev headland; and by N. Vukvukai et al., on the social organization of the *Uwelellet*, the people of Uelen. The book thus connects all key sites along Gondatti's 1895 epic journey, "from the village of Markovo ... to the Provideniya Bay," that eventually brought him to the Bering Strait and the shore of the Arctic Ocean.

The concluding portion of the volume (Part 4) is dedicated to Chukotka Heritage "Golden Fund." It includes four short entries featuring two renowned contemporary heritage keepers, Yupik educator and activist Lyudmila Ainana (*Aynganga*) and Chukchi writer Valentina Itevtgina (*Vekët*); an obituary of Dr. Michael Krauss (1934–2019), the leading expert on aboriginal languages of Alaska and Chukotka; and a review of the recently published folklore collection, *Texts in the Chukotka Eskimo languages*, by Russian linguist, Ekaterina Rubtsova (1888–1970) that languished as an unpublished manuscript for over 70 years. The final piece, *Returning to Gondatti? Epilogue*, by O. Kolomiets and I. Krupnik overviews the complicated history of Chukotka indigenous studies after Gondatti, as a shifting interface of various approaches and traditions. It explores the growing interest in 'Gondatti-style' community research within today's field of 'applied ethnology' in Chukotka, as well as across the general Russian Pacific region.

The volume features almost 200 historical and modern photographs, and extensive list of valuable sources in chapter bibliographies. It presents a useful collection of research, museum, and documentary resources to ethnologists, historians, preservation specialists, Native heritage workers, and a broad readership interested in history, cultures, and contemporary life of Chukotka Indigenous people.

Научное издание

Прикладная этнология Чукотки:
народные знания, музеи, культурное наследие
(К 125-летию поездки Н.Л. Гондатти
на Чукотский полуостров в 1895 году)

Перевод *И.И. Крупника*
Редактор, корректор *Т.А. Фокас*

Подписано к печати 15.08.2020 г. Формат 70 × 100/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Minion Pro. Усл. п. л. 38,03. Уч.-изд. л. 37,89. Тираж 300 экз.

Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н. А. Шило ДВО РАН.
685000, Магадан, ул. Портовая, 16.

Отпечатано с оригинала-макета в издательстве PressPass, Москва

ISBN 978-5-6044362-7-1

9 785604 436271 >

Эта книга – сборник научных статей, эссе и документальных материалов – посвящена памяти пионера этнографического изучения Чукотки, второго начальника Анадырской округи Николая Львовича Гондатти (1860–1946). Мы видим свою задачу в том, чтобы вернуть имя Гондатти на Чукотку, оценить его вклад в развитие прикладных этнографических знаний и связь с современными исследованиями на Северо-Востоке России.

ISBN 978-5-6044362-7-1

9 785604 436271 >